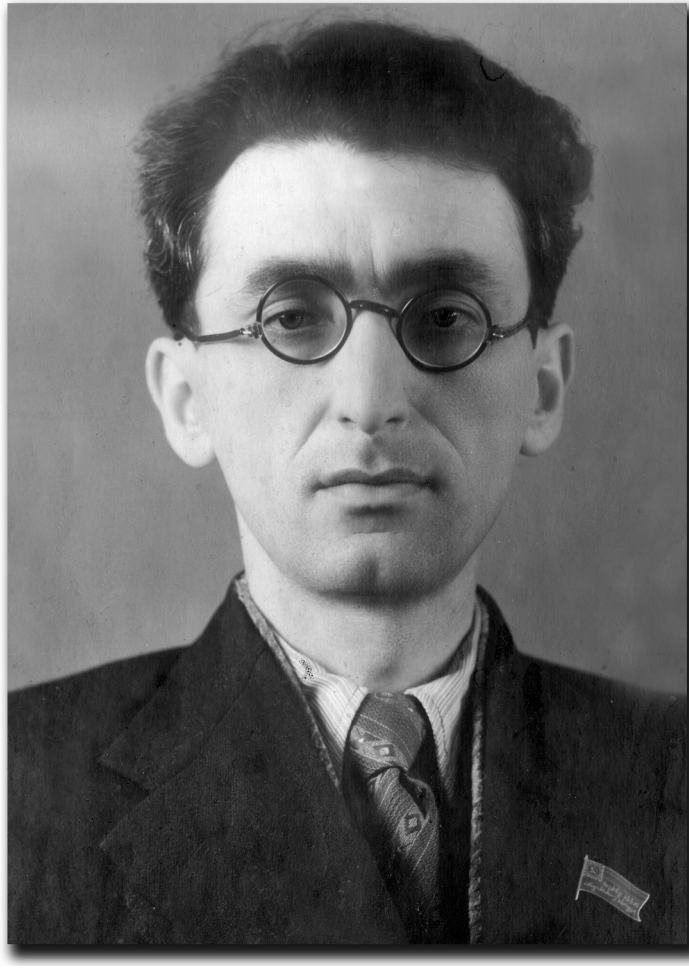

Руслан Капба

ХУХУТ БГАЖБА

Жизнь и творчество

Абгиз
Сухум 2010

ББК 84(5Абх) 6-44

К 20

Руслан Капба.
Хухут Бгажба. Жизнь и творчество.
Перевод с абхазского С. Корсая
Абгиз. Сухум, 2010. – 616 с.

Книга литературоведа Р.Х.Капба посвящена жизни и творчеству видного абхазского ученого-филолога Хухута Соломоновича Бгажба (1914 –2000).

© Руслан Капба, 2010

Памяти моего дедушки Екупа Капба и бабушки моей Алсабед Адзынба – воспитавших пятерых сыновей (Дзыкура, Дзадза, Степана, Хуанея, Шараха) и шесть дочерей (Хаптиту, Хаптину, Матию, Мычич, Цацу, Мышьу) – посвящаю эту книгу.
Автор

НА ХОЛМЕ КАПБОВЫХ (ҚАПААРХӘЫ) ПОД БОЛЬШИМ ОРЕХОВЫМ ДЕРЕВОМ

Детство человека – прекрасный феномен, в котором как бы спрятана некая природная сила, не до конца открытая, невидимая и непонятная, воспринимаемая как удивительная сказка. В этом убеждаешься, когда по прошествии лет, оборачиваясь назад, заглядываешь в прошлое, вспоминаешь те страницы жизни, которые «писал» с первых своих шагов юный, еще не созревший и не окрепший ум, притягивающий и впитывающий все новое, непознанное.

В памяти, конечно, не может остаться все, что человек увидел, услышал и пережил ребенком. С возрастом воспоминания начинают разбегаться, сужаются их границы, убавляя число событий и фактов. Но как бы то ни было, природа ребенка устроена так, что многое из того, что он увидел, услышал и лично пережил (и плохое, и хорошее) до конца дней своих остается в памяти, сопровождает всю жизнь, согревая душу.

Как точно сказано талантливым поэтом Кумфом (Қәымф) Ломиа: «Не выразить, как скучаю я, по местам, где родился и вырос». Поэт ностальгически высказал все то, что в душе у каждого из нас.

Вот и я, оглядываясь назад в далекое прошлое, к тем годам, в которых «глубоко запрятано мое детство», первое, что вспоминаю – это Большое Ореховое дерево, которое росло немного левее от ворот нашего двора, посаженное еще моим дедушкой Екупом (Еқәыц), соседей, а также родственников, собиравшихся часто в летние дни под его тенью.

Сегодня мне странно, почему именно эти картины под Большим Ореховым деревом так ярко отпечатались в моем мозгу и, отчего я не могу их забыть. Да и само Ореховое дерево было вовсе не простым. Словно сейчас вижу, каким великаном

стояло оно – широко раскинув огромные ветви, словно говоря: «Посмотрите, как я могуч!» Наше ореховое дерево имело пять больших веток, из которых одна была уже самостоятельным деревом. Когда я увидел его впервые, был еще совсем ребенком, как рассказывали старшие, его ветки один раз обрубали и из них уже успели вырасти самостоятельные деревца. О них я и говорю, как о больших деревьях – до того, как их обрубили, ветки были гораздо больше. Целый день уходил на то, чтобы сбивать с них плоды. С них мы собирали 20–30 пудов орехов. Наше Большое Ореховое дерево стояло прочно, завладев всем двором и летом, в знойные дни стлало под собой прохладную тень, словно зеленый ковер.

Мы жили на горке, на высоком и красивом месте, то здесь, то там журчали источники. Холмы Ачапара, Абаажваху, Ашвшьра, Ахуажвра, Аджьажв (Ачацара, Абаажә ахәы (Старая Крепость), Ашәшьра, Ахәажәра, Ацьажә), окружавшие это место, утопали в густой растительности, даже птичке неоткуда было взлететь. Во времена моего дедушки Екупа и его братьев Дадына и Хакуцва (Хакәыцә) (позже Дадын, женившись, отделился от большого дома и построил себе жилье в ущелье Арасадзыхьа (Арасазыхь), на берегу реки Куламыр (Қәламыр)) никто без разрешения не смел тронуть лес, принадлежавший им. Были обширные загоны, плодородные земли и место для посевов. Ребенком я застал этот лес: дуб, каштан, бук, ясень, граб и даже тис.

Беда нагрянула вместе с организацией колхозов. Лес, принадлежавший моим предкам, удивительно богатый растительностью, был вырублен, выжжен безжалостным образом – его почистили, сравняли с землей, словно он мешал строительству коммунизма. И сегодня стоит перед моими глазами та страшная картина – с угрожающим треском горел наш лес, а я плакал от страха, что огонь доберется до нашего дома, и мы сгорим. Сложное было тогда время. Заикнуться о том, мол, что же вы делаете, было опасно, можно было попасть под суд. Но вопреки всем обстоятельствам, мои отцы сумели спасти лес вокруг себя поблизости, никому не дали уничтожить, хотя и нашлись те, кто говорил, мол, что же, сыновья Екупа не видят, что старое время кануло в лету. Как сегодня помню слова моего дяди Дзадза (Заз), которые он произнес, когда с треском горела усадьба моего дедушки Ахуажвра: «Эх, вы, конец что ли, настал ваш совсем? (Он имел в виду председателя колхоза, который стоял тут же, где сжигали лес и готовили почву для посадки табака, словно и вовсе не осталось больше свободных

земель) Что же вы делаете? Неужели не можете понять, что, уничтожив всю растительность, вы разрушаете наши предгорные земли, тогда и нависшие над нами горы станут рушиться, Не можете понять, что мы все останемся без посевной земли. Что же с вами случилось? А может, вы это умышленно?» – так резко он говорил.

– Закон нас обязывает, Дзадз, должны вырубать! А, кроме того, времена, когда вам принадлежали эти земли, уже прошли, – с намеком проговорил председатель колхоза.

– Закон не говорит, сожгите лес, уничтожьте все и сидите на пустоши. Но вся беда в том, что до того Закона, о котором ты тут толкуешь, мы сами пешком никак не доберемся, – так жестко оборвал этот разговор мой дядя Дзадз. А я смотрел жалкими глазами на объятые пламенем, рушащиеся высокие деревья. Все боялся, что огонь перекинется на нашу усадьбу – межа между ними была слишком близкой, они лежали рядом.

Все еще стоит перед глазами картина, как вырубали, спиливали сожженные, обуглившиеся стволы деревьев. Женщины и мужчины, зацепив крючками, выкорчевывали корни деревьев. Не было ни трактора, ни бульдозера – и как эти несчастные люди могли своими силами физически одолеть такую работу, трудно передать словами, сколько сил отняла она у них и сколько мучений они перенесли, уничтожая лес. И лес постепенно менял свое лицо, медленно отступала, украшавшая природу густая растительность.

Поразительно, но уничтоженный лес после своей гибели мстил за себя. В склонах, где на место выкорчеванной растительности сажали табак или сеяли кукурузу, в непогоду потоки дождевой воды уносили, портили посевы. Раньше эти потоки могли быть остановлены густым лесом, которого уже не было. Так безрассудно и беспощадно относились к уникальной природе недальновидные руководители села. Они не видели ничего, кроме спущенного сверху плана, да и не хотели видеть. Помимо всего прочего была здесь еще и обида. Во владения, принадлежавшие моему дедушке и его братьям, раньше никто не мог и ногой ступить. Даже ветку срубить – без их ведома. Действительно, они сами вырастили этот великолепный лес, богатые рощи, имели отдельные места для пастбищ, кукурузных полей и т.д.

Все это с приходом Советской власти колхоз отобрал у хозяев, и некому было заботиться о них, все было разорено. Как и всем остальным крестьянам, моим дядьям тоже отмерили, «посадили в один гектар». Живите, мол, хозяйствуйте!

Такие действия полностью соответствовали организованной и утвержденной при Сталине форме колхозного хозяйствования, противостоять которой было крайне трудно, но все же иногда возможно. Но большинство местных жителей даже не задумалось о том, что лес можно сохранить, более того они приняли активное участие в его варварской вырубке, чему способствовали малограмотные руководители колхоза.

Пишу об этом не для того, чтобы защитить своих отцов и принадлежавшие им земли. Я привожу этот факт, чтобы напомнить об огромной экологической опасности, к которой приводит уничтожение, вырубка лесов в селах. Без леса рушится земля, особенно в горных селах. Во время ливневых дождей потоки воды смывают ее, и она становится непригодной для обработки и выпаса скота.

Вспоминая об этом, и сегодня ноет душа моя, словно «шило воткнули в сердце», отдается болью, когда вижу местами оголенные красивые холмы моего села Арасадзыхь, включая и холм Капбовых, который я застал ребенком еще не тронутым, величественным. Он когда-то окутанный густой растительностью, имевший свое неповторимое лицо, уникальный по природному рельефу, выглядит сегодня оголенным и беззащитным.

Беда в том, что этого не могут понять даже те, кто ныне живет на этом месте. Им не приходит в голову, что если не возродить могут высохнуть родники, станут слабыми, неурожайными посевные земли, будут оползни и все это приведет к тому, что ученые называют эрозией.

Кроме природной красоты, холм Капбовых, где испокон веков проживали мои предки, отцы моих отцов, имеет еще и другую особенность – это место исторических памятников. И в наши дни здесь сохранились памятники – основания крепостей и каменных оград, которые свидетельствуют о существовании здесь древних поселений. Своими археологическими исследованиями это подтвердили ученые В. Пачулия (Пачлиа), Л. Соловьев, О. Бгажба, В. Бжания (Бжьаниа), С. Саканиа (Сақаниа) и др.

Сколько прекрасных картин возникает в памяти, когда я думаю о родной моей стороне, где я родился и вырос, когда размышляю о старом и новом в ее истории, о том, что видели мои глаза, что – то унесено временем, но всегда остается в душе моей. Мысли уносят меня дальше, вглубь времен, чтобы затем, как в круговороте, вернуть к сегодняшней непростой жизни, в саму гущу ее кипения, словно говоря мне, сравни, сопоставь, что было и что стало! Тогда снова из нахлынувших воспомина-

ний, наслоений картин и видений возникает Большое Ореховое дерево, стоявшее мощно в конце нашего просторного двора, занимая почти всю его половину. Не могу сказать точно и не знаю, откуда это и почему так произошло, но все, что было под этим деревом, и то, что видели мои собственные глаза, и что услышал я от свидетелей тех или иных событий, воспринимаю так, словно видел это своими глазами и пережил сам. До сих пор эти события щемящей болью отзываются в моей душе.

Вот здесь, в доме Екупа Капба и до установления Советской власти любили бывать – посидеть, отдохнуть и на славу угоститься видные, люди, известные в абжуйской Абхазии, среди которых было немало представителей праздного сословия князей и дворян.

В летние дни наше Большое Ореховое дерево принимало под своей сенью многих уважаемых гостей. Здесь бил ключом великолепный родник и была купальня с желобом. Родник был летом обжигающе холодным, а зимой настолько теплым, что над ним струился пар. Помимо хозяев и гостей, всегда было много родственников и близких, любивших посещать наш родник. Он был вроде лечебницы. Он и сегодня сохранился наш родничок, струится, как и прежде, но теперь перестал выполнять свои функции, да и некому ныне служить…

В этой семье родился и был воспитан видный абхазский революционер, борец за свободу и независимость Абхазии Степан Капба. В этот дом к нему часто приходили его друзья, ровесники. Особенно часто бывали здесь киаразовцы, воевавшие против грузинских меньшевиков в Абхазии, такие, как Зосим Бениа, Нестор Лакоба, Василий Лакоба, Хакыбей Мканба (Ҳақыбеи Мқанба), Баграт Пагава (Пағәаа)и др.

Многое было «известно» нашему Большому Ореховому дереву. Откуда мне знать обо всем этом, говорю о том только, что услышал от других – старших. Но есть, чему и сам был очевидцем и помню хорошо. Вот об этом хочу и рассказать немного здесь. Воспоминания, нахлынувшие на меня сейчас, подобны движущимся кадрам на киноленте.

Вспоминаю о тех временах, когда еще не началась Вторая мировая война. Это было накануне ее. Тогда еще село Арасадзыхь было целым и невредимым, сильным и не знающим потерь. Весело и дружно подрастала молодежь. Благодаря то ли Господу, а может тогдашнему председателю сельского Совета Естату Капба или тому, что суровое око злейшего врага абхазского народа Берия не достигло еще до нашего села, но село Арасадзыхь, казалось, спасенным от проклятых 37–38-х годов. Возможно, он

решил, что люди, разбросанные по холмам в маленьком горном селении, от него никуда не денутся. Жертвой этого страшного «наводнения» стал единственный человек в селе – Абас Лагулаа (Лагәлаа). Тогда Арасадзыхь был полон жизни, когда сельчане собирались вместе по плохому или хорошему поводу, сердце наполнялось радостью оттого, что много красивых, стройных, сильных и ловких ребят выросло! Разве не об этом свидетельствует тот факт, что во время Великой Отечественной войны (1941–1945) из такой крохотной горной деревушки на фронт ушли 180 человек. Из них за нашу общую родину, которая тогда называлась СССР, 107 арасадзыхьских сыновей – великанов сложили свои головы.

Эти убийственно страшные цифры говорят еще и о другом. «Гончие псы» Берия вспомнили тех, кого в 37-38-х годах пропустили и кинулись исправлять свою «ошибку», как только началась большая война. Они «зачистили» абхазское горное село от мужчин. И там остались несмышленные дети, женщины и старики. Как говорят абхазы, те, «кто еще не научился завязать себе пояс», то есть в руках беспомощных людей. На их хрупкие плечи легли тяготы жизни военных лет – ведение хозяйства, государственные долги, пошлины, налоги.

Насколько помню, арасадзыхьцы делали все, не унывая и не жалея сил. Они хорошо понимали, что родина в опасности. Приведу один факт. Это было в то время, когда война уже докатилась до наших Кавказских гор. Иногда и до Арасадзыхьа, словно раскаты грома, доходили выстрелы. Как-то приезжий из райкома человек проводил собрание села во дворе сельсовета, под деревом хурмы. Туда позвали и нас, школьников.

На этом собрании выступили многие, включая и председателя райкома, хотя не помню, о чем говорили. Но до сих пор в ушах звучит речь сына Таскуача (Ҭаскәач) Дочия Дигуа (Дигәа), которую он произнес на этом собрании. Помню и его самого, словно и теперь стоит передо мной – вот он вышел из толпы, совершенно седой, пожилой, высокий мужчина. Дойдя до середины круга, образованного собравшимися людьми, Дигуа остановился, воткнул в землю свой посох и, сняв с головы войлочную шапку, придерживая ее большим пальцем вместе с посохом, начал говорить. Голос его – резкий и уверенный был слышен далеко за воротами сельсовета.

– Дад, народ мой, арасадзыхьцы, да падут на мою голову все ваши беды! Вы прекрасно слышали, о чем нам поведал, приехавший из района к нам гость. Враг, вероломно напавший на нашу большую родину, дошел и до наших гор. Мы в опасности. Но я

до самой глубины души уверен, что этот фашист, как, говорят, его зовут, Гитлер, что ли, не сможет перейти наши священные горы. Этого не позволят они сами – наши гордые, статные горы, всегда защищавшие нас от всего злого и коварного, да будут они и дальше милостивы к нам! Я уверен, они дадут нам силы. Я верю в могучий дух Нартов и Абрыскила! Нам помогут также и наши скалы, возвышающиеся над нашим селом и развалины крепостей, разбросанные по холмам нашего села.

Дад, народ мой, да падут все ваши беды на меня, не хочу томить вас долго словом, вы сами лучше меня видите, что происходит. Мы, оставшиеся здесь, тоже не жалеем себя, помогаем фронту и делаем все, что в наших силах, никогда не отступим перед трудностями. Если понадобится, вот этот пожилой человек, которого вы видите перед собой, несмотря на то, что двое моих сыновей на фронте, и я не имею до сих пор от них весточки, возьму в руки оружие и встану рядом с бойцами, которые сегодня защищают наши горы. Кто же лучше меня может знать язык и характер наших гор, все тропинки в них!

Дад, гость наш и руководитель, да перейдут на меня все твои горести, все наши сыновья – сыны Арасадзыхьа держат оружие, воюют с врагом. Они не опозорят нас. Уже немало из них сложило головы, но все кого ты здесь видишь, кроме детей и немощных стариков, возьмем в руки оружие, если понадобится, и встанем против врага, решившего уничтожить нас, – завершил он свою речь, и, вытащив из земли посох, натянув обратно на голову шапку, сел на свое место.

Его слушали молча и собравшиеся люди, и тот, кто прибыл из района. «Пусть светлой будет твоя старость, дад, и мы то же самое говорим, так же думаем», – раздалось несколько голосов в толпе собравшихся, когда он закончил говорить.

Боже праведный, сколько времени прошло с тех пор, уже много лет, как нет в живых и его самого. Сыновья Дигуа Дочия – Кака и Тандел (Ҭандɛл), о ком он с гордостью говорил тогда, что они не опозорят нас, не вернулись с войны, как и многие сыны села Арасадзыхь. Но это словно было вчера, я помню образ настоящего абхазского мужчины, считавшего славу Абхазии своей жизнью.

Ах, как был до войны Арасадзыхь богат молодежью! На праздниках, всякого рода игрищах да и просто на кукурузных полях во время короткого отдыха любили устраивать состязания по борьбе, в метании камня. Испытывали свою силу – крепкие, здоровые парни села Арасадзыхь!

Под нашим Большим Ореховым деревом часто происходили такие соревнования. Здесь в полдень обычно собирались, чтобы передохнуть, кто работал на колхозных полях или занимался вырубкой леса, расчисткой земли, когда-то принадлежавшей моему дедушке. Помню, как боролись Миша (Мышьа) Кобахия (он погиб потом на войне, обладал, действительно, недюжинной силой) и мой дядя Шварах (Шәарах) и никто из них не мог вырвать победу, получалась ничья, а до того Миша уложил всех, с кем боролся. Сколько интересных бывало состязаний – метали камень, прыгали на спор в высоту, локтями испытывали силу (ставили локти на стол и перетягивали друг друга).

– Хватит уже, уймитесь! Солнце скоро зайдет, надо идти на прополку кукурузы. Лучше попробуйте холодного винца, охладитесь, – предлагал им кувшин вина мой дядя Дзадз, вынося из дома кувшин и стакан, поставленный на тарелке.

– И от этого, Дзадз, не откажемся, но должны же мы все-таки выяснить, кто лучше из нас в метании камня, – жизнерадостно смеялся в ответ Миша Кобахия.

Мы с братом Котиком с интересом наблюдали, как они боролись, метали камень или прыгали в высоту, чтобы узнать победителя. Не знаю почему, но я всегда хотел, чтобы Миша Кобахия обыграл всех и был во всем первым. Здесь собирались Баджга Цалкиа (Баԥьга Ҵалкиа), Мыджьа Маландзиа (Мыцьа Маланзиа), Швакуа (Шәакәа) Маландзиа, Мама Габниа, Каманда Капба, Джоджа (Ҵьоԥьа) Капба, Куагу Хаджимба (Кәагә Ҳаԥьымба), Тедо (Ҭедо) Габниа, Маргьап (Маргьап) Капба, Миша Кобахия, Аджыр (Аԥыр) Маландзиа и многие другие.

Место под нашим деревом эти крепкие и молодые ребята превращали в «спортзал». Но двор изменился сильно, как только началась война. Сильные, здоровые, цветущие – кровь с молоком – ребята были уже далеко, в горниле страшной войны. С тех пор под нашим Ореховым деревом изредка сиживали старики. Да и откуда было взяться хорошему настроению, когда их опора и надежда – сыновья-наследники, на которых они надеялись, что будут ими похороненными, когда отцам придет срок, были на войне. Никто не знал, смогут ли они вернуться. Такое психологическое состояние абхазы называют «живым горем».

Вновь хочу вернуться к нашей довоенной жизни. Мой дедушка Екуп Капба и бабушка Алсабед Адзынба (Азынба) родили и воспитали красивых и достойных пятерых сыновей и шесть дочерей. Я не застал своего отца и его брата Степана, а также их сестру Хаптину (Хаԥҭина). Остальных всех помню хорошо – это они нас воспитали, когда мы еще детьми потеряли

родителей. У моего отца Хуанея (Хәанеи) было четверо детей: два мальчика – Котик и я, и две девочки – Кукул (Кәыкәыл) и Нусиа. Они, Царствие им небесное, ушли уже из жизни.

Все братья жили вместе. У моего дяди Дзыкура (Зыкәыр) – он был в семье старшим – были сын и дочь. Сын его Чичикуа (Ҷыҷыкәа) геройски погиб в Великой Отечественной войне. Дочь Шура (Шоура) жива и сегодня. В Отечественной войне народа Абхазии она потеряла пятерых: двух внуков – Адгура Пхазариа (Адгәыр Ҧхазариа) и Даура Бигвава (Бигәаа), сына Мурмана Бигвава, зятей – Гришу (Грышьа) Ануа и героя Абхазии Анатолия Пхазариа.

В большой и крепкой семье с обширным родом всегда было многолюдно. Особенно летом, как здесь собирались дочери моего дедушки со своими детьми и их друзьями. Словно в доме отдыха, они наполняли наш двор веселым шумом. Я был маленьким, но это оживление радовало чрезвычайно, и всегда хотел, чтобы они не уезжали. Они баловали меня больше других братьев и сестер, так как был младше всех.

Мои дядья гордились сыновьями своей сестры Хаптит (Ҳаҧҭиҭ) – она была замужем за достойным среди абжуйцев человеком Куцыруа Ашуба (Қәцыруа Ашәба) – Сурамом, Давлетом, Багратом, Кучыром (Қәҷыр), Андреем – он учился на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. На 3 курсе заболел и ушел из жизни. Давлет окончил Сухумский педагогический институт и работал учителем истории в своем родном селе Джьгярда (Џьгьарда). Любил абхазскую литературу и даже писал стихи. В 37 году был репресирован. Остальные трое – Сурам, Кучыр, Баграт погибли в Великой Отечественной войне. Только Сурам и Баграт успели жениться.

Муж моей тети Мычич (Мыҷыҷ) Темыр Авидзба (Аѡзба) был сыном известного среди абжуйцев зажиточного крестьянина. Его отца Кадыра после установления Советской власти раскулачили и все, что своим трудом нажили он и его сыновья – скот, кирпичный и черепичный заводы, построенные Темыром своими руками, магазин, табун лошадей, мельницу и многое другое – отобрали и отдали в общую коммуну. Впоследствии двое сыновей Темыра – Алеша и Джон тоже погибли на фронтах Отечественной войны.

Моя другая тетя Цацу была замужем за известным в абжуйской Абхазии и за ее пределами человеком, заслуженным и достойным Уартаном Аршба. Родом он был из Ткуарчала, но в 1937 году с семьей переехал в Сухум. С тех пор жил и работал в столице и воспитали воспитали двух сыновей и трех доче-

рей. Старший сын Лева был военным, ушел в отставку в чине капитана. Младший Рафаэл – дома его звали Хутой (Хәыта) – боксер, прославивший советский спорт и за пределами Абхазии. Он не раз становился чемпионом по боксу в СССР. До конца жизни был директором всесоюзной Эшерской спортивной базы.

Зинаида была учительницей математики, Аня преподавала русский язык и литературу. Тина много лет работала суфлером в Абхазском театре. Царствие им небесное, все они уже покинули наш бренный мир.

Что касается моей тети Хаптины, она вышла замуж за Беслана Когониа (Коҕониа). Они воспитали двух дочерей – Чута (Ҷута) и Гугул (Гәыгәл). Первый муж Чуты Сатбей Хашба (Аҳашба) погиб в Великой Отечественной войне. Их сын Владимир журналист, внесший большой вклад в становление Абхазского радио и телевидения. Сегодня – ответственный секретарь Союза журналистов Абхазии.

От второго мужа Леуарсы Хаджимба у Чуты – дочь Биана.

Гугул вышла замуж за Ясона Чочуа (Ҷочуа) – заслуженного артиста Абхазии, талантливого переводчика произведений классиков мировой литературы на абхазский язык. У них родилось четыре дочери: Дездемона, Офелия, царствие ей небесное, Джульетта, Бэла.

Моя тетя Мышьа (Мышьа) была замужем за Михаилом, сыном известного в абжуйском районе человека Едги (Едгьы) Адлейба. Он был директором Члоуской средней школы, имел высшее образование. В 37 году его, отца четверых детей, невинно осудили и погубили бериевские палачи. Мышье нужно было поднимать на ноги детей. На жену «врага народа» смотрели с недоверием, но она не опустила руки. Ее любовь к мужу, природная мудрость, поддержка родных и близких помогли ей выстоять и достойно воспитать детей. Она дала всем высшее образование. Старший – Анатолий Адлейба работает главным врачом Сухумской портовой поликлиники. Демиан был географом, долгие годы преподавал в Члоуской средней школе. Не так давно ушел из жизни. Его сын Одиссей сложил голову за свободу родины в Отечественной войне народа Абхазии. Младший сын Мышьи Семен Адлейба – известный в Абхазии журналист. Он стоял у истоков Абхазского телевидения, а его передачи по радио звучат часто, они всегда интересны и актуальны. Единственная сестра трех братьев Валя Адлейба – учительница, многие годы работала педагогом-воспитателем в школе-интернате. Она на пенсии.

Если говорить о сестре моего отца Матии, то когда умер ее муж Салуман Бгажба (Бҕажәба), братья вернули ее в отчий дом, он стал родным и для нее.

Все эти люди – внуки Екупа Капба, дети его дочерей – были неразрывно связаны с нашим большим общим домом. Их частые приезды становились для нас радостью, веселым праздником.

С малых лет, как только начал осознавать себя, видел здесь много гостей. Особенно в летние дни, когда они приезжали на отдых. Имена всех уж и не припомню. Но в моей памяти остались друзья Хухута (Хәыхәыт) и Чичикуа – Зураб Анчабадзе (Ачба -Анчабазе), Шалва Инал-ипа (Шьалуа Инал-ица), Маджьга Капба, Леуа Гармелиа, Миха Бгажба, Владимир Ратиа.… Помню их прежде всего потому, что «принимал участие» в их разговорах и посиделках. «Участие» мое заключалось только в одном – во время их бесед я, сидя рядом, слушал внимательно. Откуда мне было понять, о чем они говорят, что читают.Тогда и в школу не ходил, но не отходил от них только потому, что любил и хотел быть все время поблизости.

Как сейчас помню: они держат толстую книгу в твердом, то ли из жести или меди, а может латуни, переплете с выбитыми золотистыми буквами. Читают, передавая друг другу, а затем обсуждают ее. Когда откладывали, я брал ее в руки и, перелистывая страницы, смотрел на картинки. Они были закрыты прозрачной бумагой, чтобы не испортились. Позже я узнал, она называлась «А. С. Пушкин. 1837–1937», была издана в СССР к столетию гибели великого русского поэта.

Я не мог ее читать тогда (а если бы и прочитал, то ничего бы не понял), но любил те рисунки, которые были в книге, и всегда с восхищением их рассматривал. Кроме того, у нас дома были и другие книги – Хухут и Чичикуа каждый раз, приезжая из Сухума, привозили новые, в основном на абхазском языке. Мои дядья любили, когда им читают абхазские книги, в которых были напечатаны сказки, рассказы (сами они, как и я, не умели читать). Слушали их в свободное время долгими зимними вечерами или летом, когда усаживались после обеда отдохнуть в тени. Они любили рассказывать древние сказания о героях или о подвигах великих Нартов.

Моя двоюродная сестра Шура уже имела начальное образование. Помню, как она читала дядьям поэму Иуа Когониа «Абатаа Беслан» (Абаҭаа Беслан). Видимо, делала это не раз, потому что только слушая, я уже знал наизусть большую часть поэмы. Сколько раз, сидя на балконе или же под Ореховым де-

ревом, начинал в полный голос декламировать: «Рожденный в Абхазии Абатаа…» Позже, когда стал учиться в школе, сам читал в кругу семьи поэмы Иуа Когониа, а также «Абхазские сказки», изданные в 1940 году К. С. Шакрыл (Шьакрыл) и Х. С. Бгажба. Хухут привез эту книгу и подарил мне лично. Читала нам Шура...

Моя сестра Кукул еще до войны училась в Сухуме, в Абхазской школе, пока ее не закрыли. (Хухут к тому времени уже закончил учебу в Москве и вернулся в Сухум. Ему выделили квартиру, и мать с братом переехали жить к нему. Кукул тоже жила с ними).

Долгое время Хухута, Чичикуа и Хакыбея, приезжавших к нам только летом, воспринимал как гостей или родственников. Они жили в Сухуме: Хакыбей и Чичикуа учились, а Хухут работал. Но позже понял – они тоже члены нашей семьи. Все это я видел и хорошо чувствовал. И радость в доме, ощущение искренности возрождало в моей юной душе такую человеческую любовь, что тепло этого чувства пронес через всю свою жизнь.

* * *

Эта книга посвящена жизни, творческой работе, государственной и общественной деятельности известного абхазского ученого, академика Хухута Салумановича Бгажба по-родственному неразрывно связанного с большой семьей Екупа Капба.

Сразу оговорюсь, что написать достойную и всесторонне полную монографию о таком большом ученом как Хухут Бгажба – задача не из легких для любого исследователя. Прежде всего, необходимо глубоко изучить наследие ученого, включая и неопубликованные труды.

В сожженном во время грузино-абхазской войны здании Абхазского института пропало много работ ученого. Все уцелевшие труды собраны в его богатом частном архиве, хотя до сих пор еще не классифицированы. Если согласиться со словами французского писателя Андре Моруа о том, что «жизненный путь великого человека и сам по себе представляет огромный интерес», то биография и сама жизнь видного абхазского ученого Хухута Бгажба дает хороший и богатый материал для книги, ему посвященной.

Хухут Бгажба – основоположник абхазской литературной критики, языковед, фольклорист, общественный деятель, составитель учебников, программ и хрестоматий по абхазскому

языку и литературе. В свое время, будучи руководителем Абхазского института, он сделал многое для воспитания молодых кадров этого научного учреждения. Обо всем этом, к сожалению, стали забывать.

В книге, посвященной ему, необходимо учесть все это и подробно раскрыть всестороннюю деятельность ученого. Помимо этого, есть и другое, не менее важное, без которого невозможно создание монографии о Хухуте Бгажба. Это – время, в котором жил и творил ученый. Как и его современники – абхазские писатели и ученые, он занимался творческой, общественной и государственной деятельностью в то время, когда крепко стоял на ногах Советский Союз, победивший фашизм. И жива была еще ленинская национальная политика, на которую, словно божеству, мы все молились, особенно немногочисленные нации. Но в то же время в Абхазии безраздельно господствовали подлые «законы» грузинских националистов, погубивших наших лучших сыновей.

В создании книги о Хухуте Бгажба мне, безусловно, помогло то обстоятельство, что мы с ним воспитывались в одной семье. Хотя и не ровесники, но с малых лет меня сопровождал его опекающий, ласковый взор – в учебе, в становлении моей личности, а затем, к чему скрывать, если чего-то добился, как критик, исследователь, то во многом, только благодаря ему.

Помимо всего прочего, меня, моего брата Котика, сестер Кукул и Нусию, Царствие им небесное, с малых лет воспитала мать Хухута Матия. Она заменила нам родную мать, когда мы остались сиротами. Правда, нас, осиротевших детей, не оставили без внимания и не дали почувствовать свое сиротство и другие братья и сестры отца. Но повторюсь, только мать Хухута, оставаясь в отчем доме, готовила еду, обстирывала всех, встречала многочисленных гостей, привечала родственников. Всегда поражаюсь, сколько сил и терпения проявила эта женщина, как много она успевала, особенно в военные 1941–1945 годы. Когда она переехала в Сухум, мы отянулись за ней. Поэтому знаю о жизни Хухута Бгажба многое из того, что никто не может знать. И хочу об этом рассказать в книге.Надеюсь, она станет путеводителем и подспорьем для дальнейшего исследования творчества Хухута Бгажба.

Убежден, что в будущем должны быть созданы фундаментальные монографии о Г. А. Дзидзария (Зизариа), Ш. Д. Инаипа, С. П. Басариа, Х. С. Бгажба, С. М. Ашхацава (Ашəхəацаа), К. С. Шакрыл, З. В. Анчабадзе, М. М. Трапш (Трацшь), и др. Всей своей деятельностью они на высоком научном уровне

опровергали лжетеории, подобные – Ингороква, пытавшиеся, отнять у нас собственную историю.

Любезный читатель! Окинем с тобой взглядом большую жизненную дорогу, которую прошел Хухут Салуманович Бгажба. Несомненно, мы увидим, насколько она была трудной, сложной, счастливой или не совсем. Узнаем, как он любил свой народ, как много и глубоко думал о его будущем. Да, ученый такого масштаба был необходим Апсны.

«УТРОМ У НЕГО УБИЛИ БРАТА…»[1]

Хухут Салуманович Бгажба родился в селе Гуп (Гәыц) Очамчырского района (тогда этот район называли Кодорским уездом) 15 октября 1914 года. Шла Первая мировая война. Немало было абхазов, добровольно вставших под ружье на защиту интересов Российской империи. Среди них были и гупские ребята. (Тогда на административной карте Гуп и Арасадзыхь были обозначены, как одно село.)

Отец Хухута Салуман Едгиевич Бгажба – один из тех, о ком народ сложил при жизни песню. Известно, что народ просто так, случайно, не сложит ни о ком песен. Для этого человек должен совершить отважный поступок, прославляющий его, поднимающий в целом дух народа и для всех служащий гордостью и примером. Не напрасно ведь сказал народный поэт Абхазии, академик Баграт Шинкуба (Шьынқәба) знаменитые слова: «Счастлив тот, кто благословлен народом и стал достоин песни героической…»

Прежде, чем рассказать о событиях, послуживших причиной рождения песни, хочу привести ее слова:

Утром у него убили брата,
Ровно в полдень отомстил он свято,
Смелый Бгажба Салуман.
Пуля, вылетавшая из дула,
Никогда б за дерево не сдула
Сына верного крестьян!
Лютый враг, могучий в поединке,
Не принудил бы свернуть с тропинки
Сына верного крестьян.
За народ была грозна расплата:
Покарал князей за гибель брата

[1] *В пер. С. И. Липкина, приводится по «Абхазские сказания», Сухум, 1961, с. 128–129.*

Смелый Бгажба Салуман!
Потерял он брата утром рано,
В полдень месть свершилась Салумана,
Сына верного крестьян.
Вот он скачет вдоль речной излуки,
В башлыке, в абхазском архалуке,
Смелый Бгажба Салуман!
Он дворян, князей дрожать заставил,
И крестьянский люд воспел, восславил
Сына верного крестьян.
Утром у него убили брата,
Ровно в полдень отомстил он свято,
Смелый Бгажба Салуман!

Вглядимся пристальнее в корни человека, о ком народ сложил песню, в его род. Узнаем не только о нем одном, но и об истории, жизни тех людей, среди которых он родился и вырос, о его родных и близких. И это, я уверен, скажет о многом.

В Абхазии бгажбовцев немного, изначально они жили в районе Адлера, но махаджирство опустошило их род, оставшиеся ушли на Северный Кавказ.

Там их знают как Бгажноковых. Несомненно, все они происходят из одного и того же рода, они братья, хотя русская транскрипция и звучит чуть иначе, но корень один и тот же, это – абхазская фамилия.

В Абхазии бгажбовцы оказались из-за кровной мести. Сначала братья Шаадат (Шьаадат) и Шааб (Шааб) пришли в имение князя Дзяпш-ипа (Зацшь-ица), господствовавшего в селе Тхина (Тхьына). Это был могущественный князь, его слово было весомым, а сам он очень уважаемым, имел много друзей и родственников. Ему пришлись по душе братья Шаадат и Шааб Бгажба, пришедшие с Северного Кавказа. Да и сами они отличались особенным нравом, статью, красотой, конями, седлами, оружием и всем своим видом и одеждой. Каждый, кто увидел, пожелал бы с ними сродниться.

Благодаря поддержке князя Дзяпш-ипа, братья Шаадат и Шааб выбрали для жительства село Ткуарчал (Ткәарчал). В поселке Акуарчапан (Акәарчацан) на берегу реки Аалдзга. Это равнинное и очень живописное место. И в наши дни там бьет Бгажбовский родничок (Бгажәаа азыхь). Оказавшись на такой плодородной земле, братья обстроились быстро, завели крепкое хозяйство, зажили хорошо, создали семьи, у них родились дети, появились родичи, друзья – словом, стали достойными из достойнейших в Акуарчапане – Ткуарчале. Безусловно, появи-

лись и завистники. Как известно, зависть никогда не приводила ни к чему хорошему.

У Шаадата был конь, подобный крылатому Арашу (Арашь)[1], скакун, каких было мало, с надежной и спокойной спиной. Редко, кто мог устоять перед его красотой и поступью. Когда Шаадат, стройный, статный, одетый с иголочки, во всеоружии появлялся на своем коне, взгляды собравшихся надолго приковывались к нему. Но были те, кто сгорали от зависти. Дескать, только вчера спустился с Северного Кавказа, а теперь пытается опередить нас. И как-то раз, подошли к нему с предложением продать им своего коня. Он был очень удивлен этим:

– Вы, шутите, видно, о чем разговор? Конь, вскормленный мною с руки, в котором я души не чаю, как же могу продать вам, пока я еще живой? Кто же вам сказал такое? Или думаете, я его не достоин? – он укоризненно посмотрел на самодовольных мужчин, подошедших к нему с этим предложением, всем своим видом дав понять, что их слова ему не по душе.

– Тогда запомни, Шаадат, не впрок тебе будет твой прекрасный, светло-серый конь. Считай, что отныне он – не твой! – полушутя ответили они ему и отошли.

Услышанное леденящим холодом легло в душу, он не был глупым и хорошо понимал значение слов, сказанных теми, кому он отказал. И с тех пор был всегда настороже.

Все лето ночью он держал своего коня во дворе стреноженным. Сам устраивался на ночлег на веранде, подвесив у изголовья ружье. Но все же не думал, что они осмелятся, напасть открыто на него, ведь оба брата были не робкого десятка, и отваги им было не занимать. Братья брали всем и об этом знали люди, среди которых они жили. Но подлый человек может уничтожить тебя за твое же добро. Так здесь и случилось. Однажды ночью, когда яркая луна освещала весь двор Шаадата, вооруженный человек, открыв калитку, вошел в него. Хозяин, лежавший на веранде, тоже увидел злоумышленника. Не приближаясь к той веранде, тот сразу же направился к стреноженному скакуну. Шаадат тотчас же окликнул его, направив на него свое ружье:

– Не подходи к нему близко, если хочешь жить!

Но тот, не обращая внимания на окрик, будто воском налиты уши, продолжал так же вкрадчиво приближаться к коню.

– Ты не слышишь меня, что ли? Решил нарваться сегодня на мою пулю? – снова резко окликнул его Шаадат.

---

[1]*Сказочный конь в мифологии абхазов.*

– С сегодняшнего дня можешь считать, что конь – не твой, – ответил тот, заговаривая коня и пытаясь ухватить его за гриву. Задыхаясь от злости, хозяин тем временем стоял, направив на него дуло своего ружья.

– Срок твой настал, что ли, недотепа! – крикнул он вновь, но разрази его Бог, тот будто оглох совсем. Удивительно, но конь, обычно не допускавший к себе близко чужака, сейчас стоял на месте, как вкопанный, словно говоря ему: сделай, что хочешь со мной, поди, разберись, что он с ним сотворил!

А ночной визитер к тому времени подошел и распутал ноги лошади и надел на него веревку и, сжимая одной рукой оружие, другой, дергая конец веревки, направился к воротам.

– Ах, ты, сучье отродье! Мертвым меня уже считаешь, коль открыто на моих глазах пытаешься увести коня из-под меня! Остановись! – гневно воскликнул хозяин лошади. В это мгновение вор выстрелил, но не успел звук его выстрела раствориться в воздухе, как прозвучал ответный выстрел Шаадата. И тут же вор растянулся во дворе прямо у ног лошади, которую он пытался увести.

– Пусть твой грех останется на тебе, но как быть иначе с грабителем! – с этими словами Шаадат наклонился над телом убитого им самим конокрада.

Несмотря на очевидную невиновность, совершивший поневоле убийство, Шаадат некоторое время сидел в тюрьме, но как невиновного, его вскоре освободили. Более того, он и родной брат остались жить в Акуарчапане.

Дед Хухута Бгажба Едги был сыном, прибывшего из Северного Кавказа Шаадата. Вот что рассказывает младший брат Хухута Бгажба Хакыбей, царствие ему небесное:

«Кроме нашего дедушки Едги, у Шаадата были еще сыновья – Кякрякь (Қьарақь), Камашь (Камашь), Мты (Мҭы). У Кякрякьа осталось двое наследников – Есыф и Хакыбей. Камашь был женат, но детей у него не было. У младшего Мты была дочь Мациса (Маџиса), которая стала женой дворянина Георгия Лакрба (Гьаргь Лакрба). Она оставила большое потомство: четырех сыновей – Баджга, Бегуа (Бегәа), Уарлама, Миху и две дочери.

Во время махаджирства Кякрякь оказался в Турции, где и остался, но его сыновья Есыф и Хакыбей впоследствии с большим трудом вернулись на родину еще до установления Советской власти в Абхазии. Братья были видными и уважаемыми людьми, имели крепкое хозяйство. Они построили лесопильный завод в селе Арасадзыхь на берегу реки Куламыр – вблизи от жительства Тарашьа (Ҭарашь) Капба. Этот завод работал

еще долгое время и после установления Советской власти. Действительно, братья славились в селе, их уважали, да и статью вышли – высокие и могучие .

Хорошо помню то время, когда они приходили к моим дядьям капбовцам. Ни разу не ушли, не положив в мой карман денег. В долгие зимние вечера мы сиживали у ярко пылающего камина. Помню, как Есыф сажал меня к себе на колени, гладил по головке, ласково говорил со мной. Оба брата очень жалели, что наш отец не успел поднять нас на ноги.

Дядья мои радовались приходу Есыфа и Хакыбея, очень их уважали, всякий раз в их честь резали четвероногого, чаще всего козленка, приглашали на застолье и соседей.

Тезка мой Хакыбей (это в его честь меня назвали Хакыбеем) брал меня на руки и целовал. А, когда ставил на ноги, не отпускал, не одарив деньгами. Сколько раз я слышал слова матери: «Нан, да перейдут на меня твои беды, сколько раз можно дарить денег, даже если он и ребенок, не стоит», – говорила она скромно, стесняясь, как и подобает настоящей невестке.

– Матия, он находится дома у своих дядей, мы не в претензии, здесь он ни в чем не нуждается, видим, но он все же Бгажба – наш брат. И сколько бы мы ни сделали, не стыдно, напротив, это – наш долг, – отвечали ей братья.

Тогда я не понимал смысл всех этих разговоров, понял позже.

Помню, когда разобрали лесопильный завод Хакыбея и Есыфа и, погрузив на арбы, везли в Очамчыру. Сельчане жалели, что разобрали этот завод, потому что считали его очень полезным для села, но и спасти тоже не могли. Обмолвишься словом, недолго попасть под суд, ведь частное предпринимательство не имело места в строительстве социализма.

Есыф женился на Химур (Хьмур) Авидзба. Она была сестрой основательного, крепкого крестьянина Уасила Авидзба из села Джьгярда. И сам переехал жить в то село, завел свое хозяйство, они воспитали прекрасного сына, которого звали Арзаабей. Он стал учителем и в 1941 году, когда началась война, добровольцем ушел на защиту родины и сложил свою голову за нее. Хочу отметить, что жизнь Арзаабея и его матери Химур нашла свое художественное отражение в прекрасной, берущей за душу, поэме талантливого поэта и прозаика Виталия Амаршан «Вдова».

Матия рассказывала, как Есыф не отходил ни на шаг от моего отца Салумана, когда тот вернулся из сибирской ссылки. Он сопровождал его везде, особенно, когда выезжал из села, чтобы защитить в случае необходимости.

Вспомнился случай, рассказанный мамой и ее братом Дзадзем.

У Есыфа и Хакыбея были родственники в Батуми. И както мою мать тоже повезли туда. Было это в 1923 году. У моих дядей тоже были там родственники – Назифа Капба была замужем за известным человеком в Батуме, абхазом Хуршитом Чирикба (Хәршьыт Чрыкба). Кроме того, брат моей матери Степана Капба имел там друзей, с которыми он часто виделся, да и меня возили туда не раз. Однажды Хакыбей, Есыф, Матия, Назифа и Хуршит вместе отправились в Батумский цирк. Там шло прекрасное представление, и устраивали состязания силачей-борцов на приз. И в этом состязании победу одержал один из известных спортсменов. На него и смотреть-то было боязно: широкоплечий, с выпяченной грудью, огромный, весь налитой. Черные зрачки его глаз устрашающе вращались – по всему был он бесстрашный и бедовый. Троих, с кем он схватился (те тоже были не промах) опрокинул легко, положив на лопатки. Победитель – силач обратился к зрителям:

– Есть ли, кто желает схватиться со мной, если кто осмелится, то выходите, я хочу побороться!

Но из толпы, сидевшей в зале, не раздалось ни звука, все притихли, никто не шевельнулся. В этот момент в тишине раздался голос Есыфа:

– Если позволишь, я буду с тобой бороться! – сказал Есыф Бгажба и, вскочив со своего места, весь подобравшись, быстро поднялся на арену – высокий, стройный, одетый в абхазскую черкеску (аԥсуа маҭәа, отличается от черкесок других кавказских народов размерами, покроем и отделкой – Р. К.). Он снял с себя башлык и ремень, засучил рукава и стремительно направился к горделиво стоявшему силачу.

Матии и Назифе очень не понравилось, что он вызвался на борьбу, но брат Хакыбей не отказал ему, только предупредил, чтобы он не затягивал борьбу, а использовал свои приемы. Есыф был очень сильным, надеялся на себя и потому согласился схватиться с силачом. И Хакыбей его не отговаривал. Сидевшие в зале люди притихли, они были заинтригованы, кто же осмелился тягаться с этим известным борцом.

Пригласивший Есыфа силач отнесся к нему с пренебрежением, только удивился, мол, как он не испугался меня, неужели не видел тех, кого я уложил на лопатки, ведь он им не чета.

– Предупреждаю, – сказал он Есыфу, словно тот уже лежал у его ног на ковре, опрокинутый навзничь, – если нечаянно сломаю тебе что-нибудь или еще что похуже, я не виноват.

– За это не беспокойся, – ответил Есыф, – я за свои слова отвечаю. Да и потом, когда борются двое, почти всегда кто-то должен упасть, а другой победить. А что я должен сломать – руку или ногу, покажет борьба.

Зрители во все глаза смотрели на мужчин, готовых вот-вот схватиться. Борец, конечно же, был подготовлен, это было его профессией, тело его было натренированным. Сколько раз он падал и сколько выходил победителем! Абхазский же мужчина Есыф Бгажба, чей конь редко оказывался не оседланным, ходивший всегда во всеоружии, имел совсем другую профессию, но был крепким в борьбе, имел силу и знал приемы.

Словно два великана, схватились они в борьбе. Есыф легко, как рубец к коже, прилип к своему противнику, тот, обрадовавшись, поднял его и закружил по сцене, а в это время Есыф применил свой прием и силач попался, не сумев избежать подножки, и растянулся во весь рост (а был он очень высоким) на ковре, упав на загорбок. Громкий хруст, сломавшейся левой, хотя и сильно натренированной руки, был слышен в зале. Это случилось в одно мгновение. Силач не мог больше встать, помимо сломанной руки, он сильно ушиб загорбок. Зрители, вскочив со своих мест, кричали «ура!», аплодируя победителю.

– Извини, друг, если больно сделал, – сказал спортсмену Есыф, – но я не виноват, когда двое борются, один непременно должен упасть, более того, как ты сам говорил, может быть и хуже, – он спокойно сошел с арены и направился к своему месту в зале.

– Намдвили апхази раиндиа! (Это настоящий абхазский герой!) – по всему залу раздавались возбужденные голоса. Это радовались те, кому такая борьба оказалась по душе.

– Пусть и сидящие в этом зале тоже знают, что у абхаза мужества не отнять, – сказал Хакыбей, крепко пожимая руку брату, – правда, я не был в восторге от твоего решения с ним схватиться, боялся за тебя, но все же надеялся на твою силу и умение применить приемы, брат мой.

Возвращались домой в прекрасном настроении. Новость о том, что известный силач-борец был в мгновение ока опрокинут на ковер абхазом, долгое время ходила по Батуми. Она особенно нравилась абхазам, живущим в Батуми, подобно Назифе Капба и Хуршиту Чирикба.

Отец Есыфа и Хакыбея Кярякь со своей женой жил в Турции. В 1930 году братья как-то отправились туда, чтобы проведать родителей. По дороге столкнулись с абреками, которые в перестрелке убили Хакыбея и тяжело ранили Есыфа. Абреки тоже были ранены, но успели скрыться. Есыф всю ночь до рас-

света просидел над телом убитого брата. Но что ему оставалось делать? Пересилив себя, он похоронил брата утром и отправился в путь. С огромным трудом добрался до Турции, увидел мать и отца. По слухам, до нас доносившимся, Есыф там женился, обзавелся детьми и умер в глубокой старости»

Бгажбовцы живут там, в селе Ташбурын и в Стамбуле. После Отечественной войны в Абхазии, на родине предков побывал один из потомков Есыфа Бгажба. Он по профессии инженер-строитель, был дома у Хухута и Хакыбея, познакомился с их семьями. А в 2009 году в Абхазии побывали фамильцы из Иордании.

Сыновья Едги Бгажба – Екуп (дед Михаила Темыровича Бгажба), Кяскинджь (Қьасқьынць), Салуман, (младший из братьев), а также дочери – Курина (Кәрина) и Гуазаза (Гәзаза). Если упомянули о них, расскажем и о том, как сложились их судьбы. Кяскинджь умер, не успев создать собственную семью, хотя внешностью и статью завораживал многих, но был обездолен судьбой. Сестра их Курина была замужем за неким Куазмаа (Кәазмаа) из Елыра (их род приравнивался к дворянскому), но у них не было детей и они сами, будто черти смеялись над их судьбой, рано ушли из жизни.

Другая, младшая сестра Гуазаза была красавицей, с длинными до пят косами. Она была женой известного в абжуйском районе человека по имени Алыкьса (Алықьса) Когониа, но и у них не было детей, Так и закончилась жизнь двух достойных людей, не получив продолжения. Возможно, фамилия, как и человек, тоже имеет свою судьбу. Такая мысль приходит в голову и тогда, когда вглядываешься в дорогу жизни, по которой прошел род Бгажба.

У Едги Бгажба жена была дворянкой, по фамилии Ашхацава, звали ее Шимазхан (Шьымазхан), до замужества жила она в селе Гуада (Ғәада). Шимазхан была отважной женщиной. Как я уже говорил выше, она родила и воспитала троих сыновей и двух дочерей. Жили со всей большой семьей в Акуарчапане, на берегу реки Аалдзга (Аалзга). Им принадлежали окрестные равнинные плодородные земли. Повыше их, у самого подножья холма жил князь Шьмаф Ачба. С его княжеским имением был связан весь Ткуарчал – от севера и до юга. Забегая вперед, скажу, что когда между двумя фамилиями – Ачба и Бгажба – возникла кровная месть и Бгажбовцы переселились в другое место, так как не могли эти два рода существовать рядом друг с другом, их земли купил известный среди в Абжуйской Абхазии крестьянин Аршба Швлиман (Шәлиман). Но при Советской

власти земли и у крестьян стали урезать земли, которыми они распоряжались. Тогда Швлиман вновь переселился из Ткуарчала в горный поселок Кумыз (Кәымыз). Там было просторнее и удобнее для разведения скота, да и земли Швлимана находились в более укромном месте, не так кололи глаза, хотя бдительных наблюдателей всегда было много.

Екупа Бгажба хорошо знали не только в абжуйской Абхазии, но и далеко за ее пределами – своими личными качествами, достоинством, отвагой и мужеством, внешностью, статью, тем как он одевался, носил оружие, держался на людях, он в свое время не уступал любому дворянину. К чему скрывать, такое горделивое поведение крестьянина вызывало недовольство среди некоторых дворян и князей.

– Что же это, неужели он думает соперничать с нами, несчастный? – приглушенно, а иногда и открыто возмущались они. Чаще всего такие разговоры стали происходить в имении Шьмафа Ачба. Ведь они и так жили рядом.

Да и сам Екуп, из всех сыновей Едги Бгажба был наиболее дерзким, жестким, не допускал ни одного кривого слова в свой адрес.

Екуп Бгажба был известным в Абхазии мужчиной. Об этом хорошо свидетельствует то, каким образом он женился. В жены взял девушку из села Лыхны Гублиа (Гәыблиа) Нину. Она была действительно мужественной женщиной, никого и ничего не боялась и после того, как убили ее мужа Екупа Бгажба, носила с собой пистолет, и в случае надобности, не хуже мужчины могла его использовать.

Хорошо помню, когда во время той войны в летний период она приезжала к нам в Арасадзыхь. Несмотря на преклонный возраст, в ее взгляде можно было увидеть, что он не только в свое время, но и в настоящем оставалась решительной, умной и отважной.

Голос у Нины был высоким, говорила она четко и ясно. У нее была обаятельная улыбка. Нина любила сидеть под тенью нашего Орехового дерева и смотреть вдаль, рассказывая о событиях, свидетельницей которых была.

Мои дядья радовались приездам Нины, уважали ее очень. Не позволяли себе даже пройти перед нею, когда она сидела.

От Екупа у Нины были сын и дочь. Сын – Темыр Бгажба (отец Михаила Бгажба), а дочь Надиа была замужем за Тамшыгу Атумаа (Тамшьыгә Аҭәмаа). Надиа родила двух сыновей – Джото (Џьота) и Джансуха (Џьансыхә), дочерей – Чочу (Ҷоҷа) и Дашу (Дашьа). Темыр Бгажба и его жена Ольга Да-

витая вырастили сыновей – Мишу, Алешу, Гришу, Ушанга (он погиб в 1941 году в Великой Отечественной войне), дочерей Бабуцу, Нуцу, Марго. Сестры все были замужем, все они уже в мире ином. Бабуца отдала много сил народному образованию Абхазии, была заслуженной учительницей республики, писала также стихи для детей школьного возраста и выпустила одну или две книжки с рисунками.

Михаил Темырович Бгажба, прославленный в Абхазии и далеко за ее пределами человек. Он был участником Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, ранен, отмечен боевыми наградами. Вернулся в чине полковника, окончил Сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева в Москве. Долгое время работал в Москве в Комитете народного контроля. В середине 50-х годов его переводят в Абхазию – сначала третьим секретарем Абхазского обкома партии, затем председателем Совета Министров Абхазской АССР. Позже назначили первым секретарем Абхазского обкома партии. На этой должности он проработал 10 лет. Хотя к тому времени не было в живых ни Сталина, ни Берия, и партия сурово осудила их злодеяния, а в деле исправления ошибок, допущенных в национальной политике во времена их властвования, было сделано немало, все равно грузинские националисты продолжали держать цепкой рукой Абхазию. Михаил Бгажба, несмотря на сопротивление с их стороны, в то время сумел многое сделать для родины. (Сегодня некоторые пренебрегают сделанным им, по их мнению, он мог добиться гораздо большего, особенно в деле отсоединения Абхазии от Грузии, так как был особо приближенным к всемогущественному в то время Н. С. Хрущеву.) Но при нем, при его активном участии переименовали корабль «Ленсовет» в «Абхазию», в Сухуме пошли первые троллейбусы, построили Республиканскую больницу (такой в то время не было и в Тбилиси), установили памятник Нестору Лакоба, назвали именем основоположника абхазской драматургии С. Я. Чанба (Ҷанба) Абхазский государственный драматический театр. В этом опередили грузинские власти, намеревавшиеся дать театру имя Ильи Чавчавадзе.

Благодаря Бгажба, по его согласованию с Н. С. Хрущевым, сняли с крестьян Абхазии пошлину и налоги за мясо, яйца, сыр и другие продукты. Это была немаловажная акция.

С невиданным размахом начали строительство жилых домов в городах. Во всех райкомах партии абхазы были назначены секретарями. И всего этого М. Т. Бгажба удалось добиться в то время, когда здесь господствовали грузины.

Если оставить в стороне государственную и общественную деятельность Михаила Темыровича, разве не был он блестящим ученым? Достаточно назвать фундаментальный труд М. Бгажба «Ресурсы растений Абхазии и их использование». Огромно научное значение других его книг: «Абхазская пчела», «Рыбы», «Поет дрозд», «Леса Абхазии». Научные статьи Михаила Бгажба публиковались в журналах «Вестник сельскохозяйственных наук», «Генетика» (орган АН СССР), в международном сельскохозяйственном журнале «СЕВ» и других. Много научных трудов оставил он в наследство потомкам.

Талант Михаила Темыровича проявился не только в науке, он был прекрасным публицистом, писателем, переводчиком. Вот что об этом пишет известный абхазский писатель Алексей Гогуа (Гогәуа): «Михаил Темырович Бгажба всегда интересовался публицистикой, любил художественное слово. В выходившем в 30-е годы органе абхазских писателей «Литературном журнале» был опубликован его очерк «Поляна Куна» (Кәыниашҵа, Куниашта – Р. К.), много позже в журнале «Алашара» напечатан очерк «Нестор Лакоба».

Из под пера М. Бгажба вышла замечательная сатирическая повесть «Гуарапский писарь» («Гәарцаа рписар»). В ней в художественной форме автор изображает жизнь абхазского народа до установления Советской власти. Он долгое время собирал материал для этой повести. Многие события и люди, о которых рассказывается в ней, автор знал лично, был сам очевидцем или слышал от стариков, которые хорошо помнили эти факты. М. Бгажба ходил по селам, часто разговаривал со стариками, свидетелями тех далеких событий. Прототипом образа абхазского села того времени послужило его родное село Гуп, в котором он родился, а в некоторых местах почти открыто были названы места и люди из этого села. Но все же эта повесть – не документальное произведение, хотя в ней и фигурируют имена реальных людей. Здесь они являются собирательными образами.

Как отмечает Алексей Гогуа, сила смеха, юмора, иронии и сатиры огромна во все времена. Абхазы говорят, «чуму спрятавшего, самого поразило». Кто скрывает свой недостаток, свое зло прикрывает, оправдывает или сглаживает, никогда не сможет двигаться вперед, будь то общество, нация или отдельно взятый человек. И лучшим зельем для раскрытия недостатков является сатира и юмор.

Михаил Бгажба дал возможность говорить на абхазском языке двум всемирно известным произведениям. Он является

переводчиком поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Эти произведения раскрыли несомненный талант М. Бгажба, как переводчика.

И отец Михаила Бгажба был в свое время видным, прославленным человеком, проработавшим много лет на ответственных должностях. Темыр Екупович Бгажба родился в 1889 году в селе Ткуарчал Кодорского участка в семье крестьянина. Он был еще совсем маленьким, шестилетним ребенком, когда от пули дворянина погиб его отец Екуп. После гибели отца в восьмилетнем возрасте он поступил в Сухумскую Горскую школу.[1] Учился отлично. После окончания, некоторое время работал переводчиком в Сухумском суде, затем занялся сельскохозяйственной работой. В 1917–1918 годах активно участвовал в составе вооруженной группы, организованной в Кодорском участке. Позже, в 1921 году, возглавлял один из партизанских отрядов, боровшихся против грузинских меньшевиков.

После установления Советской власти назначен секретарем ревкома в селе Гуп. Работал начальником Сухумской районной милиции. Пока в 1938 году его, как и многих репрессировали безвинно.

Салуман Бгажба – самый младший из сыновей Едги Бгажба. Все три брата – Екуп, Кяскинджь и Салуман были высокими, статными и мужественными людьми, знали, что такое честь и совесть, их уважали и с ними считались во всей абжуйской Абхазии. Едги жил вместе со своими тремя сыновьями одним домом, имел большое хозяйство, скот и земли на берегу реки Аалдзга.

У него всегда бывало много гостей и двери его дома были для всех открыты. К чему скрывать, некоторые, особенно со стороны дворянина Шьмафа Ачба, завидовали тому, что крестьянин жил «на широкую ногу» и сознательно вбивали клин между семьями Шьмафа Ачба и Едги Бгажба. Находились и такие, кто подтрунивал над князем: «Кто же здесь дворянин, ты – Шьмаф Ачба или сын Едги Бгажба Екуп?» Постепенно между семьями возник холод отчуждения, который не смог растопить и тот факт, что в церкви венец с головы будущей жены Екупа

---

[1] *Старейшее учебное заведение Абхазии. В 1863 г. была открыта Сухумская горская школа. С 1922 по 1936 г. – Сухумская абхазская образцовая школа им. Н. А. Лакоба. В 1941–1953 гг. Была закрыта и переименована в 1-ю грузинскую школу. В 1953–1999 гг. – Сухумская 10-я средняя абхазская школа им. Н. А. Лакоба. С 1999 г. – Абхазская горская средняя школа №10 им. Н. А. Лакоба.*

Нины Гублиа снимал Шьмаф Ачба. Абхазы почитали этот обычай, приравнивая его к близкому родству

Кяскинджь был средним братом, по характеру более покладистым и спокойным, больше тяготел к домашнему хозяйству, к крестьянскому труду, скотоводству. Правда, и у него всегда были наготове оседланный конь и оружие. Он часто выезжал в другие села, имел родственников, друзей и слыл среди абжуйцев прекрасным наездником. После убийства брата Екупа размеренный быт семьи и спокойствие нарушились, Кяскинджь так и умер, не создав собственной семьи.

По словам свидетелей, Екуп Бгажба был резким, строгим человеком. Он свысока относился даже к князьям и дворянам. А тогда только у них были привилегии, законы государства защищали, прежде всего, их, если даже они и совершали что-то недозволенное, словом, потакали им во всем. Екуп считал себя свободным горцем, и никому не позволял относиться к себе неподобающе. Поэтому его терпеть не могли многие среди князей и дворян, а также государственных чиновников.

«Дад, будь осторожен, не подкидывайся, не будь жестким, не бросайся, не зная броду. Порой и притворись глухим, что бы ни услышал и не увидел. Иногда лучше обойти, не напрасно, ведь говорят: кто много терпит, тому Бог дает, не забывай об этом», – не раз предупреждал его отец Едги, желая сыну быть более терпеливым и смирным, чтобы он не лез на рожон. Особенно он его напутствовал, когда тот отправлялся куда-то в чужие села по скорбному или радостному поводу.

– Отец, понимаю, о чем ты тревожишься, знаю, что есть люди, которые говорят тебе, что твой сын излишне резок, груб, даже птице не даст пролететь над своей головой, Но я не совсем таков, как обо мне говорят, не набрасываюсь ведь на муху с кулаками! Но знай также, отец мой, что не собираюсь никого сажать себе на голову. Я тоже человек и мужчина, ношу оружие.

– Да, дад, я слышу тебя и понимаю, о чем ты толкуешь. Но все же, в любом случае нелишне быть сдержанным, терпеливым и дальновидным. Не забывай об этом, где бы ни находился, – вслед сыну говорил отец, провожая его, когда тот на гарцующем под ним коне выезжал со двора.

Салуман же во многом не был похож на своих братьев, хотя красотой и статью не был обделен. Когда это было необходимо, взгляд его становился суровым – мужество и решимость ощущались в нем. Но в обычной, повседневной жизни это был мягкий, сердобольный человек – спокойный и остроумный. Умел

жалеть человека, заботиться о ближнем, если кто-то попадал в беду и нуждался, он первый спешил на помощь. Он был скромным человеком и по природе своей терпеть не мог хвастовства. Так, Салуман ни разу никому не рассказал о том событии, благодаря которому народ сложил о нем героическую песню. Если в разговоре кто-то начинал заводить разговор об этом в его присутствии (о том, что он отомстил за своего брата), он тотчас же переводил на другую тему – до того не любил говорить о себе. Он не был тщеславным.

На своих братьев – Кяскинджьа и Екупа – Салуман не был похож еще и тем, что имел образование. И в этом он проявил хорошие способности, успешно окончил Окумскую школу, а затем учился в Хонской семинарии. Хорошо владел языками – русским, мегрельским, грузинским, турецким – включая и свой родной абхазский, он говорил на пяти языках. В детстве его воспитывали Тартиа (Ҭарҭиа)– коренные жители Ткуарчала. Его молочная мать была по фамилии Зухба (Зыхәба), звали ее Тут (Ҭуҭ). На всю жизнь они сохранили это родство, ведь по абхазским обычаям аталычество[1] значило очень много. (У Салумана была молочная сестра Чыгу (Ҷыгә) и молочные братья – Кыз (Қәыз), Кяламат (Қьаламат), Дзыкуа (Зыкәа)). Если бы Салуман не попал в беду, он продолжил бы и дальше свое образование. Но жизнь покачнулась совсем в другую сторону, большая беда помешала ему достигнуть цели и судьба повернулась неожиданным образом. Я хочу остановиться на этом подробнее, используя личные воспоминания очевидцев и архивные документы.

Все шло прекрасно в семействе Едги Бгажба, когда неожиданно для всех грянула беда. Старший сын Екуп уже был женат на красивой девушке из бзыбской Абхазии Нине Гублиа. У них подрастали сын Темыр и дочь Надя… Но зло подстерегает внезапно: старший сын утром вышел из дома и пропал.

Есть различные версии, оставшиеся в памяти у людей и в официальных документах о том, как Астамыр (Асҭамыр) Ачба убил Екупа Бгажба.

Мало, кто из мужчин мог сравниться с Астамыром Ачба красотой и холеностью. Он был ростом более двух метров, великан с осиной талией – стройный, широкоплечий юноша, с длинной и изящней шеей. Его ястребиные глаза лучились теплом, а черкеска сидела, как влитая, всегда безукоризненно, покрытый позолотой нарядный пояс, пистолет – одно загляденье.

---

[1] *Аталычество – обычай, по которому князья и дворяне отдавали своих детей на воспитание в крестьянские семьи.*

Он еще не обзавелся семьей, много ездил по всей Абхазии, часто бывал в Мегрелии, Грузии, везде имел много друзей и знакомых.

За редким исключением в поездках Астамыр всегда сопровождал Екуп. Он тоже не уступал дворянину ни мужеством, ни статью. Они оба были видными абхазскими мужчинами и где бы ни появлялись, взгляды всех надолго приковывались к ним. Да только черт потом пробежал меж ними. Говорят, а если говорят люди, то, значит, есть в этом и доля истины, ведь «собака не облает нору, в которой нет волка». Говорят, что Шьмаф возненавидел своих соседей – Бгажбовцев, особенно тогда, когда возмужали сыновья Едги. Видно, ему казалось, что они способны покушаться на его власть и тем самым принизить его высокородное дворянское происхождение. На его недовольство лили воду, конечно же, завистники, как со стороны дворян, так и со стороны крестьян.

Как-то Астамыр и Екуп поехали вместе в Самурзакан (Самырзакан) в гости к знакомым. В те времена такого рода времяпрепровождение – поездки на несколько дней в гости к родственникам, друзьям и знакомым было в обычае у абхазов. На обратном пути друзья завернули и спешились у дома Аршба Дырвега (Дырвегь). Хозяин принял гостей, как подобает, накормил и напоил их, а уже вечером они отправились домой. Ехали по кукурузному полю на равнине близ реки Аалдзга и остановились, подойдя к воротам. Первым ехал Екуп, а Астамыр следом за ним. Когда Екуп наклонился, чтобы открыть калитку, Астамыр в это мгновение вынул пистолет (несомненно, задумал он это заранее), и, приставив его к затылку Екупа, выстрелил в него дважды. Подобный великану мужчина свалился с седла, не успев вымолвить ни слова, и упал перед воротами, которые только что пытался открыть. Аршба Дырвег, услышав выстрелы (произошло это недалеко от его дома), прибежал тотчас же. И увидел то, что невозможно было представить себе и в страшном кошмаре. Один из друзей несет убитого товарища на луке своего седла. Два неразлучных друга, только что гостивших у него, сидевших за его столом, со смехом и шутками, радуясь жизни, поднимавшие тосты.

– Ах, что же случилось? Что с вами, кто стрелял в вас, кто убил?! – с криком подбежал он к ним. Ему и в голову не могло прийти, что Астамыр мог совершить такое убийство. Поначалу решил, что кто-то стрелял в них из укрытия. Сам не свой, весь красный от напряжения Астамыр, направив пистолет в его сторону, угрожающе прокричал ему:

– Где-нибудь заикнешься словом о том, что здесь увидел, сожгу вместе со всей семьей, знай, уничтожу! Прочь от меня! – крикнул он, окончательно выйдя из себя. Что же оставалось делать Дырвегу, он был бессилен перед оружием. Жизнь дорога, да и угроза сжечь его вместе с семьей была нешуточной. Он прекрасно знал, кто это сказал и что он может. И Дырвег молча ушел к себе.

Астамыр же перевез своего лучшего друга, почти родственника, через реку Аалдзга и сбросил в яму в одном из кукурузных полей, слегка прикрыв тело мусором. А коня убитого привязал к ольхе, росшей рядом.

На следующий день в селе уже знали о том, что из той совместной поездки Екуп не вернулся. Людям было не по себе, все чувствовали, что случилась беда. Начались поиски. Среди искавших односельчан был и Шьмаф Ачба. Отец Екупа Едги через верных людей сообщил Шьмафу, что в исчезновении своего сына подозревает его, а потому, пусть не ходит с теми, кто ищет Екупа, скроется с глаз его отца. К тому времени Астамыр успел покинуть Ткуарчал и находился у своих родичей Ачба в селе Члоу (Ҷлоу), проводил время в компании, ел, пил, шутил и вел себя так, будто ничего не произошло.

В течение недели люди продолжали поиски, не оставили ни кусочка земли от Очамчыры до Ткуарчала (искали вдоль берега реки Аалдзга), но не нашли никого. Уже отчаявшиеся искатели, услышали ржание коня. Подойдя к месту, откуда оно доносилось, увидели коня Екупа, прежде соперничавшего с арашем, в страшном состоянии – живот впал от жажды и голода, сползшее со спины седло висело под животом, а узда была накинута на ветку ольхи. В попытке освободиться конь передними ногами вырыл землю с полметра и стоял в этой яме, облепленный мухами, опустив голову.

Вблизи, кое-как накрытый мусором труп успел разложиться так, что невозможно было подойти близко. Тем более случилось все это в августе, когда, как говорят абхазы, «от жажды сохнет язык и у собаки».

Это была ужасная картина. Все, кто увидел тогда содеянное, воскликнули в один голос, стоя над покойником: «Боже всемогущий! Кто бы ни был, кто совершил такое злодеяние, пошли ему мучительную смерть, не дай уйти от справедливой кары!»

Покойника привезли домой. Страшное горе поселилось в доме Едги Бгажба – его первенец Екуп, на которого отец возлагал большие надежды, успевшего и сам уже создать свою семью, был убит злодейски. Мудрый и всесильный крестьянский

народ проводил в последний путь погибшего односельчанина по всем канонам абхазских традиций.

Крестьян до глубины души возмутила подлость, совершенная сыном Шьмафа Ачба Астамыром – убить своего соседа, друга, с которым он был неразлучен. Хуже всего было, как он поступил с убитым. Крестьян больше всего оскорбил этот бесчеловечный поступок Астамыра.

Шьмаф Ачба и его сыновья (исключая Астамыра), продолжали жить в своем имении, уверенные, что их никто не посмеет тронуть. Ведь они опасались только Екупа, а его уничтожили, Салуман же был слишком молод, к тому времени ему исполнилось чуть больше двадцати лет. Кяскинджь из троих братьев считался наиболее тихим человеком и поэтому не боялись, что он возьмется мстить за брата. Словом, жизнь во дворце князя шла, как и прежде, словно ничего не произошло. Вне дома жил только Астамыр Ачба, вместе со своей охраной переезжая из одного места в другое, по своим родичам в абжуйской, самурзаканской и бзыбской Абхазии. Не напрасно говорится в абхазской пословице, что «власть и небеса пропашет».

* * *

Здесь представлен вариант сохранившийся в народе об истории убийства Екупа Бгажба Астамыром Ачба. А теперь ознакомимся с рассказом жены Екупа Бгажба Нины Гублиа, записанным в 1940 году Хухутом Бгажба в селе Гуп Очамчырского района. Вот что пишет сам Хухут Бгажба:

«Нина Гублиа – село Гуп (Аджьампазра, Аҧьамҧазра). Ей 90 лет. После того, как убили ее мужа Екупа Бгажба, вторично вышла замуж за Чагу Чацба (Чагә Чаҧәба). Чагу был известным в народе мужчиной: мастером слова, большой юморист, приятный в общении с людьми. Лицо у него было открытым, всегда улыбчивым, а взгляд ласковым. Слово его было мудрым, речь изысканна. Он был выразителем удивительного богатства и мудрости устного народного творчества. Слушать Чагу было одно удовольствие, он мог словом поистине пленить собеседника. Своей содержательной и необыкновенно остроумной речью он умел взбадривать, воодушевлять или умиротворять людей, поднять силу духа, настроение. К сожалению, Чагу умер и никто не успел записать на бумагу его удивительные рассказы, но до сих пор жива слава о нем, как о большом рассказчике. Народ, особенно пожилые люди, сохранили в памяти его знаменитые остроты и шутки.

Автор этих строк в детстве много раз слышал рассказы Чагу. Действительно, услышав их один раз, мало, кто мог их не воспринять или забыть.

Когда Нина Гублиа рассказывала о том, что случилось, по абхазскому обычаю она называла своего деверя Салумана другим именем. Поэтому я вставил в ее рассказ имена там, где они были необходимы.

Ниже я привожу рассказ Нины Гублиа:

«На всяческих собраниях Бгажбовцы всегда отличались своим умным, содержательным словом, были ловкими на скачках, хорошо и со вкусом умели одеваться. В народе их уважали, они были мужественными. Это вызывало недовольство и даже обиду среди некоторых Ачбовцев – тех, кто жил по соседству, мол, Бгажбовцы много берут на себя, считают себя лучшими. Особенно это задевало Шьмафа. Мы были с ним в родстве. Я по абхазскому обычаю породнилась с сыном Шьмафа Астамыром. Мы всей семьей с ним очень дружили, но его отец Шьмаф испортил все. Он из зависти, что Бгажбовцы зажили лучше, клеветал и все науськивал сына.

Астамыр и Екуп были на одной свадьбе. По дороге заехали к знакомому крестьянину домой. Сидели за столом, шутили и вдруг Астамыр незаметно вытащил пистолет и дважды выстрелил в Екупа. Тот тоже успел вытащить пистолет, но стрелять уж не смог, упал, сраженный пулей. А Астамыр позвал верного ему человека, положили Екупа на его лошадь, отвезли в кукурузное поле и бросили там. Коня привязали рядом к дереву. Это было в июле, жара стояла сильная.

Когда он не вернулся, мы послали людей его искать. Искали вокруг того места, откуда люди слышали выстрелы, обошли все рвы и ямы. И вдруг кто-то заметил в одной из ям башлык и седёлку Астамыра. На его крик сбежался народ. Свет перевернулся, все говорили: «Кого же он осмелился убить!» и в один голос желали убийце такой же смерти. И Астамыр, который принимал тогда всей семьей участие в поисках, тоже горевал. Через неделю в Подгупской низменности в кукурузном поле нашли уже почти разложившийся труп Екупа. А конь его, привязанный к дереву рядом, по колено вырыл вокруг себя землю, пытаясь освободиться, белые личинки червей наполнили его пасть. Средний брат (Кяскинджь) оплакивал его, а твой отец (Салуман) не плакал, говорил: «Не баба же, чтобы плакать», но больше всех любил его (своего брата). В то время (Салуман) учился в Окуме, дома находился на каникулах».

Взглянем и на другие документы, рассказывающие о возникшей вражде между двумя фамилиями – Ачба и Бгажба. Они во многом перекликаются с народными вариантами. Приведенные ниже документы нашел известный абхазский историк, профессор Станислав Зосимович Лакоба. Он обнаружил материалы о Салумане Бгажба в архивах городов Восточной Сибири, когда в связи с исследованием истории Абхазии XIX–XX вв. искал архивные материалы. Вот что по этому поводу пишет сам С. Лакоба в письме Хухуту, сыну Салумана Бгажба:

«Восточная Сибирь
Чита
26 июня 1987 года
Дорогой Хухут Соломонович!
После долгих бесплодных поисков – первая удача.

К сожалению, время пребывания на каторге и в ссылке Вашего отца Салумана-ахаца (ахаца, зд. герой – Р. К.) точно не обозначено (от 1885 до 1912г.), а потому в столь широких хронологических рамках сложно искать. И, кроме того, в обращении 1913 г. к царю, он сообщает, что провел на каторге Нерчинской 8 лет и в ссылке Еланской волости Верхнеудинского уезда Забайкальской области (но когда?), что в 1904 г. кн. Андроников выдал ему удостоверение – свидетельство его работы на строительстве Кругобайкальской железной дороги. Кстати, по этой самой дороге я приехал в Читу из Улан-Удэ. В Улан-Удэ материалов о Салумане не нашел, хотя смотрел фонд Еланской волости, который содержит очень мало материалов.

В Чите счастье улыбнулось. В одном из приказов по Управлению Нерчинской каторгой говорилось, что в августе 1901 года ссыльнокаторжному «Бгажбаю Соломону» из Абхазии присланы были деньги – 29 р. 83 коп. И все. Оставалось непонятно, в какой из тюрем Нерчинской каторги он находился. В Нерчинскую каторгу входили 7 тюрем: Зерентуйская, Мальцевская, Казанская, Кутомарская, Александровская, Акатуевская, Алпачинская.

И вот – новый документ, датированный сентябрем 1901 г., из которого стало ясно, что Бгажбай Соломон содержался в самой большой из Нерчинских тюрем – в Зерентуйской каторжной (Не помню, есть ли это в его прошении к царю?) Так в сентябре 1901 года в ней содержалось около 900 человек. И еще, прежде чем заключенный каторжанин попадал в ссылку, он проходил своеобразный промежуточный этап – перечислялся в разряд исправляющихся. Затем, если он не подвергался наказаниям, через пару лет, его освобождали на жительство вне тюрьмы и

лишь потом перечисляли в ссыльнопоселенцы в какой-нибудь из деревень. Первый этап теперь известен, в сентябре 1901 года Салумана Бгажба перевели из разряда ссыльнокаторжных в исправляющиеся, т.е. несколько смягчили режим.

Примерно в это же время в Зерентуйской тюрьме сидел некто Цвижбай Алексей, а в Алпачинской – Авицба Духватан и Кесоу Ампар (в одной из тюрем Нерчинской каторги). Все они были там в 1901 году.

Посмотрим, что будет дальше. Время ограничено. Из Читы я лечу в Томск. Большой привет Татьяне Андреевне, Алику, Вове Дарсалиа и Георгию Алексеевичу.

Всего наилучшего. С уважением, С. Лакоба.

P. S. Михаил Тимурович написал о Лакоба, теперь Лакоба должен написать о Салумане Бгажба.

Необходимо собрать еще материалы, издать работу: «Салуман Бгажба и Хаджарат Кяхба – народные герои Абхазии». Она может быть небольшой, но интересной.

Нерчинская каторга – располагалась недалеко от китайской границы.

Ст.»

Найденные в Сибирских архивах документы заинтересовали С. Лакоба. У него родилась идея написать книгу о героях Салумане Бгажба и Хаджарате Кяхба, о которых народ абхазский сложил героические песни. Мы не можем сказать, когда будет реализована эта идея и будет ли вообще, это – личное дело самого ученого. Но для верного восприятия сути конфликта между Ачба и Бгажба большое значение имеют найденные им документы. Ниже публикуемые архивные документы объясняют многое, хотя и они не могут в полной мере ответить на все вопросы, имеющих отношение к вражде двух фамилий, живших рядом на равнинном берегу Аалдзги, к кровной мести и ее последствиях.

Вот документ, в котором говорится об убийстве Екупа Бгажба:

«ф. 186, оп. 1, д.28
пл. 247 иот. -248 Кутаисскому Военному губернатору
27 октября 1894
№8745

Рапорт

1. Убит выстрелом из револьвера, житель села Ткварчели, шнагма Екуп Бгажбая.

2. В районе Кодорского участка.

3. В ночь с 5 на 6 октября.

4. В селении Ткварчели Кодорского участка на дороге около ворот усадьбы кр. Дирвега Аришбая.

5. Убийца житель села Ткварчели товад Астамур Анчабадзе скрылся, но меры к его задержанию приняты.

6. 10 июля сего октября начальник Кодорского участка получил от Ткварчельского старшины рапорт, что в его общине пропал шнагма Екуп Бгажбая и, так как им найдена у ворот усадьбы гр. Дирвега Аршибая на земле кровь и в близи от этого места найдена подушка от седла и башлык, принадлежащие Екупу Бгажбая, зарытыми в землю, то нужно полагать, что Бгажбая убит, ни труп убитого, ни лошадь с арчаком, а также убийца не разысканы. В виду этого поручик Стуков выехал на место происшествия в село Ткварчели, где произвел 11-го октября дознание.

7. Обстоятельство происшествия: по произведенному дознанию оказалось, что 5 октября в среду житель сел. Ткварчели пр. Кит Кирия выдавал в своем доме свою дочь замуж. В числе гостей находились на свадьбе: жители сел Ткварчели тавад Астамур Анчабадзе, пр. Дирвега Аришбая, гр. Гидж Гулордава, житель сел. Гуп амиста Гидж Эшбая и житель сел. Ткварчели шнагма Екуп Бгажбая, когда смеркалось, все они вместе отправились провожать гостей до р. Галидзга, где встретились с жителем сел. Гуп аамиста Тамшугом Эшбая, с которым вернулись вновь в дом пр. Кирия. Здесь Тамшуг Эшбая поджидал, а потом вся компания, перечисленная выше, вместе с Тамшугом Эшбая, выехала из дома пр. Кирия и доехала до ворот усадьбы пр. Дирвега Аришбая, где аамисты Тамшуг и Гидж Эшбаевы и гр. Гидж Гулордава отделились и поехали разыскивать украденного быка у Тамшуга Эшбая, а пр. Дирвег Аришбая отправился к себе домой, около ворот к Аришбая оставались тавад Астамур Анчабадзе и шнагма Екуп Бгажбая. Как только Дирвега Аришбая вернулся домой, то он, брат его Нарик Аришбая, мать Аришбаевых Дзиха и жена Дирвега Аришбая – Хилиан услышали около ворот усадьбы три выстрела, на которые побежали на место, где встретили тавада Астамура Анчабадзе с револьвером в руках, который приказал им не кричать, и ничего не говорить о случившемся, а то он с ними разделается. После этого труп Бгажбая увезли куда-то, но 12 октября труп Бгажбая и его лошадь с арчаком найдены в селе Гуп Кодорского участка…

Начальник Сухумского округа, полковник…»

Кроме этого, вышеприведенного рапорта, отправленного начальником Сухумского округа Кутаисскому военному гу-

бернатору, не было предпринято ничего более для поимки совершившего преступление дворянина. Более того, он свободно разъезжал по всей Абхазии. Именно потому, как известно, что законы государства были тогда на стороне князей и дворян, они, прежде всего, защищали их, а не крестьян, если преступление не было совершено против самого государства. Обычно дворянина не карали за убийство какого-то крестьянина и всегда старались замять дело, выгородить виновного. Иначе нетрудно было поймать и наказать дворянина Астамыра Ачба, предательски убившего крестьянского сына Екупа Бгажба. Не наказали, не посадили, напротив, Астамыр продолжал мозолить глаза кровникам без всякого страха или угрызения совести, будто испытывал их терпение.

Единственное, что сделала тогдашняя местная власть – донесла до сведения Кутаисского военного губернатора, что дворянин Астамыр Ачба убил крестьянина (в официальных документах он был назван – шнагма – ашьнакма (ашьнаkма), прослойка в сословном делении традиционного абхазского общества, выступавшая посредниками между высшими и низшими сословиями – Р. К.). Больше ничего.

* * *

Сыновья Едги Бгажба Кяскинджь и Салуман решили отомстить за своего брата. Они видели, что государственные власти не заинтересованы наказать преступника. Кяскинджь был средним, а Салуман – младшим из братьев, ему исполнилось всего 20 лет князь, совершивший убийство, не опасался, что тот способен что-то предпринять против него. Здесь я хочу привести три варианта. Первый – продолжение рассказа Нины Гублиа, записанного Хухутом Бгажба. Второй услышал от своей матери Матии Хакыбей Бгажба. А третий вариант я слышал сам от старшего брата моего отца – Дзыкура Капба.

Вот продолжение рассказа Нины:

«Астамыр с тремя всадниками ехал по берегу реки Аалдзга в Акуарчапане. Тот (Салуман) шел навстречу, в бурке и с фицаркой[1] за поясом. «Твой враг идет!» – предупредили Астамыра друзья. «На что способен этот несмышленыш?!» – сказал в ответ Астамыр, вдавив ногами в стремя. Пропустил его. Салуман, резко повернувшись, выстрелил и снес ему голову. Лошадь Астамыра понесла, и тело седока свалилось с нее.

Когда сопровождавшие князя люди стали догонять Салумана, он прикрикнул на них: «Вернитесь назад, ослиное отродье,

[1] *Фицарка – зд. пистолет.*

иначе уничтожу всех!» Они, схватившись за головы, кинулись обратно».

Трудно теперь понять, почему друзья Астамыра ничего не предприняли, ведь они были вооружены и не из тех, кто мог струсить и просто отступить. Но не захотели встать против Салумана, возможно, поостереглись, поняли, что опасно действовать против разгоряченного мужчины, который только что совершил убийство. А может, понимали, что справедливость на стороне крестьянского сына и остановила их крестьянская совесть. Хотели они этого или нет, вынуждены были принять его сторону. Можно и так понять. Во-вторых, поведение в этой ситуации троих мужчин подобным образом унизило бы их мужество и честь. Они ехали рядом с дворянином, чтобы защитить его с обеих сторон, в него стрелял кровник, не прячась из укрытия, а открыто, встав напротив, лицом к лицу. Но я думаю, вмешаться в это событие им не позволила их крестьянская совесть.

Далее продолжим рассказ Нины Гублиа:

«Затем он забежал домой и предупредил родных о том, что совершил. Быстро развернулся и пошел к берегу реки, держа пистолет наготове. По дороге ему встретился всадник из бзыбской Абхазии.

– Хай, дад, вижу, что-то случилось, спешишь куда? – спросил он.

– Зачем тебе знать, что со мной, иди своей дорогой, – ответил тот.

– Не пойду, пока не скажешь, что тебя так волнует.

– Я убил человека и должен скрыться.

– За что?

– Он убил моего брата, лучшего из нас.

– Хай, езжай на моем коне, дад, – сказал он ему и поцеловал в плечо, – ты отомстил за брата.

Он подсадил его сзади на своего коня, и они перебрались на другой берег. Когда одолели крутой склон, он отдал ему коня и седло, и подался в лес.

В эту же ночь я оседлала коня твоего отца (Салумана), а конь у него был хороший, приторочив к седлу его одежду, поехала одна в ущелье, больше было некому – все попрятались, испугавшись. Отдала ему одежду и той же ночью вернулась домой, и коня привела. Опасаясь слежки, он через верных людей передал, где спрятался.

Когда произошло убийство, Шьмаф находился на чьих-то поминках. И Астамыр тоже ехал на эти же поминки, где находился его отец.

Мы со свекровью были дома, когда Шьмаф с людьми напал на нас. Кроме сыновей, все сопровождавшие его, были примирителями. Когда он появился, я подошла к нему и прямо в лицо сказала: «Если ты убьешь меня, то будешь «храбрым» мужчиной, но будет только хуже!» Направил на меня пистолет, но примирители остановили его. Тогда он принялся стрелять в воздух, угрожая сжечь наши постройки. «Не видать тебе чести, сожжешь наших мышей, в чем же они провинились?», – сказала я. – Ты, что же, нан, не знаешь, что натворил твой сын, – сказала ему моя свекровь, – вот теперь успокоились мы оба, и ты, и я.

– Куда ты денешься, ты всех нас погубила, Нина Гублиа, но в моих руках твоя жизнь! – пригрозил мне Шьмаф.

– Хорошо, – сказала я. Это случилось осенью, поля уже были убраны. Меня преследовали, но боялись его (Салумана), он прятался в лесу.

Как-то жена Шьмафа шла мимо нашего дома, проведать больного родственника. Много людей сопровождало ее, опасаясь нашего с ней столкновения.

– Ты, бесстыжая хитрюга, что тебе понадобилось в нашем дворе?! – двинулась я к ней. Со мной тоже были люди, чтобы предотвратить стычку. Я выстрелила в нее, и она упала.

– Пусть будет проклята та, кто не сумела убить тебя, – сказал ей тогда Шьмаф, – что ты потеряла в их дворе!

Однажды Астамыр по неведению оказался в доме, где я находилась.

– Хайт, собака, откуда ты взялся! – крикнула я в гневе и направила на него пистолет, но люди тут же схватили меня за руку, пистолет выстрелил, и пуля ушла наверх.

– Зря горемычной Нине помешали застрелить меня, – говорят, сказал он тогда, – лучше бы она меня убила!

Среди абжуйцев Шьмаф Ачба был известным и всесильным дворянином. Имея власть и деньги, он был заносчив, не желал считаться даже с дворянами, но особенно его раздражали сыновья Едги Бгажба, особенно Екуп. В кругу семьи он изводил упреками своих сыновей, обвиняя их в том, что они ослепли и не видят, как Бгажбовцы не дают покоя, сели, чуть ли на голову. Он постоянно дразнил их, будто предчувствовал и торопил свою судьбу.

– Отец, они нам не помеха, да и не смогут при желании нам помешать, – отвечали ему сыновья. Но он не унимался.

– Не дал мне Бог отважных сынов, – отвечал он им. И капля точит камень, говорят. Бесконечные сетования отца, его упре-

ки привели Астамыра к подлой измене, и он предательски убил ничего не подозревавшего, мужественного сына Едги Бгажба.

Шьмаф, хоть и знал о мужестве и отваге своих соседей Бгажбовцев, но не допускал и мысли о том, что оставшиеся в живых братья Екупа осмелятся поднять на него руку. Но они отомстили за кровь брата».

А вот другой вариант, рассказанный Хакыбею Бгажба его матерью Матией:

«Когда происходили эти события, я еще не попала в дом Бгажбовцев. Откуда мне там быть, ведь я еще была ребенком. О том, что произошло, я узнала со слов своего мужа. Правда, он не любил обсуждать это – о кровной мести и вражде между ними и Ачба, но однажды посадил меня рядом и всего лишь один раз рассказал о том, что и как все случилось. Он хотел, чтобы об этом я узнала из его уст. Да и говорил он не горячась, спокойно, будто чувствуя какой-то внутренний холодок, словно все это произошло не с ним, а с кем-то другим человеком.

Мы с братом Кяскинджьем дали клятву, что не остановимся, пока не отомстим за кровь, а если понадобится, сложим и свои головы. Он убил безвинно нашего брата, и после поступил с ним неслыханно подло, бесчеловечно – все, кто увидел тогда его, лежащего – весь облепленный червями в яме, – и рядом коня, в муках вырывшего землю по колено, были поражены, осуждали и в один голос прокляли убийцу. Мы не отступили бы, если даже это был не Астамыр Ачба, а настоящий царевич. Готовы были жизнь отдать, лишь бы отомстить. И отец наш, особо не распространяясь вокруг да около, прямо и открыто сказал, хотя и знал, что и мы можем лишиться жизни: «Дад, человек живет на этой земле ради чести». Слова отца тоже многому нас обязывали. Нет человека, которого не может сразить пуля, но когда свершается возмездие, пуля мимо обидчика не пролетит. Я в этом убедился сам.

Мы знали, что Астамыр бывает всюду в сопровождении своих охранников, почти не скрываясь, ездит по всей Абхазии. Но не просто было столкнуться с ним, да и сам он был сильным мужчиной, всегда насторожен, во всеоружии, на великолепном, быстром коне – что ему не доставало! У Шьмафа, помимо Астамыра, было еще два сына – Алма и Арзакан (Арзаҟан). Хотя они были братьями убийцы нашего брата и сами желали нас убить, к ним мы ничего не имели, дело у нас было только с Астамыром.

Когда случилась эта беда – убили нашего брата – вся семья потеряла смысл жизни. Мы с братом взяли оружие и ушли в лес.

К чему вспоминать все эти горестные моменты, пережитые нами. В тот день справляли годовщину со дня смерти Гыда, отца Иуаны Харчлаа. Иуана был крестьянином, но ни в чем не уступал князям и дворянам, был известным среди абжуйцев человеком, работал старшиной в Ткуарчале. Мы с Кяскинджьем догадывались, что наш кровник может приехать на эту годовщину. Каждый из нас отдельно устроил засаду в местах, где вероятнее всего по пути он мог оказаться. До этого я побывал у Даута (Дауҭ) Ченгелиа, жившего в Аджьманцвара (Аԥьманцәара), так как слышал, у него хорошее оружие – пистолет, который называли «Берлин-Германия». Даут тогда уже был не молод, но все еще строен, аккуратен. Он был человеком чести, хорошо знал в абхазские обычаи, видел в жизни немало, с ним часто советовались. Я сказал ему, зачем пришел и взамен предложил своего коня и седло.

Не говоря ни слова, и не спрашивая, зачем оно мне нужно, он тихо встал и, вынув из комода, протянул мне свое оружие, предварительно почистив его до блеска шомполом.

«Дад, Салуман, как ты мог даже упомянуть о коне и седле, дай Бог тебе удачи в том деле, что ты задумал!» – с упреком сказал он мне.

В полдень, на равнине Аалдзга, появился Астамыр Ачба вместе с Дашыкуа Аргун (Дашьыкәа Аргәын) и Нарыкь Кварчия (Нарыкь Кәарчиа). Я стоял на краю поляны, по которой они ехали, в бурке, держа пистолет с взведенным курком, и ждал их приближения. Нас отделяли друг от друга несколько деревьев. Он увидел, что стою я, думаю, узнал. Они о чем-то поговорили с сопровождающими, я не все понял, о чем они говорили, но явно расслышал сказанные им слова: «Это Салуман стоит на том конце поля». Но друзья ему ответили: «Откуда здесь взяться Салуману, пастух, наверное!» Согласись они с ним, что это Салуман, он мог повернуть обратно. Исчез бы мгновенно, стоило ему подхлестнуть своего удалого коня, который одинаково быстро бегал и по горам, и по равнинам. Но он был смелым человеком. Когда сопровождающие его не поняли, не позволил себе трусливо отступить.

Я видел, как конь, на котором сидел Астамыр, быстро приближался, вытянув длинную шею и оглядываясь по сторонам, словно желал скорее столкнуть меня с врагом моим. В тот момент, когда он оказался на досягаемом для моей пули расстоянии, я, мгновенно скинув, наброшенную на мои плечи бурку, бросил ее наземь и направил свой пистолет на него и со словами: «Боже Всемогущий, если он погубил моего брата без-

винно, если есть справедливость, пусть моя пуля попадет, куда укажу!» – спустил курок. Когда я только распахнул свою бурку, в моменте увидел, как он, наклонившись, рукой потянулся к своему оружию, но в это же время моя пуля уже завершила свое дело – она попала ему прямо в лоб, он повалился, ноги застряли в стремени и конь, испугавшись, понес. Я пронзительно крикнул его друзьям: «Между нами нет крови, я вам не мешаю, уйдите с глаз моих быстро!» И все, больше я их не видел. Они в мгновение ока исчезли с этого широченного поля.

В лошади все же течет человеческая кровь. Когда ноги убитого выпали из стремени, и он свалился с нее, лошадь остановилась неподалеку и, задрав голову, глядела в его сторону. Я тут же подбежал к убитому, наклонившись над ним, закрыл ему глаза, накрыл лицо башлыком и положил руки на грудь. «Твой грех пусть с тобой останется, все это с нами сотворил твой отец», – сказал я и отошел от него.

На берегу Аалдзги мне встретился всадник, который сказал, что он из Бзыби, по фамилии Шакрыл, имени я не запомнил. Он и перевел меня на тот берег на своем коне, помог подняться на склон и попрощался, (я уходил в ущелье, в лес). Он предложил мне свою лошадь и седло, но я отказался, поблагодарил его и ушел. Когда рассказал ему о том, что случилось со мной, и что я совершил, он сказал удовлетворенно: «Дай Бог, тебе здоровья, ты оказался мужчиной, смог отомстить за брата!»

А вот как выглядит вариант, услышанный мной лично от брата моего отца Дзыкура Капба:

«Астамыр сильно переживал и падал духом, когда думал о совершенном им убийстве и о том, как он поступил с телом убитого человека. В тот момент все у него внутри переворачивалось, и он начинал мысленно проклинать свою судьбу за то, что совершил такое. Но сделанного не переиначишь, и что могли стоить его переживания – все было впустую. За четыре дня до его гибели он находился в селе Члоу, в имении одного известного среди абжуйцев дворянина Хабыгу (Хабыгə) Ачба. Два дня и две ночи он там пировал, а его охранники, как всегда, находились рядом с ним. (Те, кто прежде был его стремянным, стали теперь его охранниками.) Чего ему было бояться! Но настроение у него было подавленное, он не веселился, как прежде. Да и как он мог оставаться спокойным, когда братья убитого им человека ушли в лес, поклявшись убить его.

Правда, думал он, Салуман очень молод, еще слишком мал, чтобы осмелиться его убить – он даже мысль об этом не хотел подпустить к себе. Если кого-то и нужно опасаться – это Кя-

скинджьа, да и тот вряд ли решится. Но, поразмыслив, Астамыр неизменно приходил к выводу, что они ничего не смогут против него предпринять и не решатся ему отомстить. А Екуп – совсем другое дело, тот был зверем, никого не боялся. «И если бы не внезапность, с которой я тогда действовал, когда выстрелил в него, никогда не смог бы одолеть его», – думал он.

С подобными мыслями проснулся Астамыр в то утро. На следующий день справляли годовщину смерти отца Иуаны Гыда, но у него не было желания ехать туда, и он отказался. За завтраком почти не притронулся к еде, выпил только чаю. Встав из-за стола, постоял на просторном дворе Хабыгу и, словно увидел впервые, долго всматривался в гору Панаюы (Панаю). Тут нечаянно услышал свое имя в разговоре двух девушек, обслуживавших во дворце застолье. Продолжая смотреть в горы, он стал прислушиваться к тому, что они говорят.

– Слушай, – сказала одна из них подруге, ставя на стол тарелки, принесенные из гостиной, с остатками еды после завтрака, – наш важный гость, видимо, заболел, не съел ни кусочка, а к мясу вообще не притронулся.

– Ну и что же, если не съел, – отвечала другая, накрывая стол для обслуги, – сами съедим, когда сядем за стол, хуже от этого нам не будет.

– Что ты говоришь, пусть заклятый наш враг кушает объедки со стола этого подонка, предательски убившего своего друга! Погляди, куда я их несу, – сказала она и бросила куски мяса с тарелки Астамыра огромным, с пышными хвостами, хозяйским собакам.

– Верно, говоришь, ты оказалась умнее меня. Пусть враг кушает объедки этого мерзавца, терпеть его не могу, – одобрила подругу первая.

Все это слышал и видел Астамыр, неподвижно стоя во дворе. И про себя сразу же решил, что не сможет дальше здесь оставаться, нужно ехать домой.

Хозяин дома Хабыгу Ачба просил своего гостя остаться еще несколько дней, но Астамыр был непреклонен. Через полчаса он со своими друзьями на конях выехали со двора. Хозяин заметил, что настроение гостя внезапно чем-то было испорчено, но причину понять не мог. Спустя три дня после этого во дворе Хабыгу Ачба спешился горевестник и сообщил, что Астамыр Ачба застрелен Салуманом Бгажба.

ТРИ ГОДА В ЛЕСУ

Пока шла речь о том, что после убийства Екупа Бгажба до Кутаисского военного губернатора дошел рапорт, написанный начальником Сухумского округа. Руководством больше ничего не было предпринято, чтобы арестовать и отдать под суд преступника, наоборот, прикрыли это дело, помогли избежать наказания. Но все изменилось и приняло совершенно другой характер, когда крестьянский сын Салуман Бгажба, которому едва исполнился 21 год, мстя за своего брата, застрелил кровника. Не прячась, не из-за угла украдкой, а открыто, встав с ним лицом к лицу. Тогда государственные власти поставили всех на ноги, попытались уничтожить весь его род, сжечь дом. Словом, дело это приняло классовый характер и привело к противостоянию. Крестьяне посчитали себя оскорбленными и заняли сторону Едги Бгажба и его сыновей – иногда тайно, а порой и открыто.

Себялюбивый Шьмаф Ачба, уверенный в своей неприкосновенности, «горел без огня» – его сына, великана и красавца Астамыра, наследника и опору, надежного, как крепость, сразила пуля его кровника Салумана Бгажба. Это стало трагедией для обоих семейств, двух ближайших соседей. И они, ставшие заклятыми врагами, не могли дальше продолжать жить рядом друг с другом. Салуман и Кяскинджь скрылись в лесу, семью Едги перевезли к родственникам, но мать Салумана Шимазхан Ашхацава отказалась покинуть свой дом. Шьмаф Ачба, разгневанный и сходивший с ума от горя, не раз пытался сжечь дома Бгажбовцев, но так и не осмелился, опасаясь братьев Салумана и Кяскинджья, хоронившихся в лесу. Мать Салумана была храброй и мужественной женщиной, она никого не боялась. В ответ на угрозы Шьмафа, передала ему через людей: «Шьмаф, понял ты теперь, наконец, какое пламя в душе может всколыхнуть гибель сына, остановись, если не желаешь собственной гибели!»

Братья Салуман и Кяскинджь скрывались в лесу, но внимательно следили оттуда за своим домом и своей семьей, оберегали от вероломства кровников. Начальник Сухумского округа старался изо всех сил, чтобы поймать убийцу князя, но безрезультатно, главным образом потому, что поступок Салумана – месть за убийство брата – крестьяне считали справедливым возмездием, героическим поступком. Их оскорбили подлые, коварные дела Шьмафа, его недостойное поведение. Они и послужили причиной преступления, совершенного Астамыром.

Приведем еще один документ из Сибирских архивов, найденных профессором С. Лакоба:

«Рапорт

Начальник Гумистинского участка доносит, что им два раза были командированы переводчик и всадники заметили стражи в Цебельду для задержания, скрывающегося там жителя села Ткварчели Кодорского участка Соломона Бгажбая, обвиняемого в убийстве, но произведенные им розыски не увенчались успехом.

О чем данному Вашему превосходительству в последствии предписания от 30 апреля сего года за № 1411.

Начальник Сухумского округа, полковник…

Ф 186 оп 1, д.43

Л.182

26 июля 1895

№6011»

Государевы чиновники, как свидетельствует вышеуказанный рапорт, очень старались найти беглецов – Салумана Бгажба и его брата Кяскинджьа, но безуспешно. По этой причине все преступления, в том числе и ограбления, совершавшиеся в Кодорском участке различными абреками, в своих рапортах, регулярно посылаемых на имя Кутаисского военного губернатора, они приписывали Салуману Бгажба и его брату Кяскинджьу. Этими рапортами они как бы оправдывали безуспешность своих поисков. Несомненно, в этом деле масла в огонь подливал и сам Шьмаф Ачба. Приведем несколько примеров:

«Кутаисскому военному губернатору

10 марта 1897

Рапорт

«Виновные в ограблении временно проживающих в селе Атара крестьян Михаила и Дианоза Кардаевых обнаружены жители села Киндги Саат Киут и житель села Джгерды Соломон Бгажбая, находившиеся в бегах, их коих первый задержан и передан в распоряжение следователем Очамчирского мирового отдела.

Начальник Округа, полковник…»

3 января 1898 года также начальником Сухумского округа был послан рапорт на имя Кутаисского военного губернатора, в котором говорилось об ограблении, якобы совершенном братьями Салуманом и Кяскинджьем Бгажба. Все эти подтасовки фактов были задуманы с определенным умыслом, чтобы в случае ареста братьев, им усилили меру наказания. Но власти и милиция так и не смогли поймать братьев, скрывавшихся в лесу, как они ни старались.

Вот какого характера информация была опубликована в газете «Вести Черноморья», выходившей тогда в Сочи:

«*Первый из беглецов – абхазец из села Ткварчелы, крестьянин Салуман Бгажбая, обвиняемый в убийстве молодого князя Астамыра Анчабадзе. После совершения гнусного убийства в 1895 году Бгажбая скрылся и поиски его не привели ни к какому результату. Оказалось, что беглец до сих пор благополучно скрывается в Абхазии же.*

Теперь Бгажбая сам объявился с повинной к начальнику участка».

Газета «Вести Черноморья»

Очамчира, 1898 год, 28 июня».

В то время, когда государственные стражники, а также Шьмаф Ачба со своими сыновьями и их приспешниками преследовали Салумана и Кяскинджьа, чтобы поймать или убить их, были люди, укрывавшие, прятавшие братьев. Такие, как Едрыс Шармат (Шармат), Аслан Джопуа (Цьопуа) и др. В дома этих людей братья приходили, не опасаясь обмана и предательства.

Правда, был случай, когда для этой цели преследователи использовали близкого Бгажбовцам человека, их родственника, также скрывавшегося в лесу из-за совершенного убийства. Этого человека подговорили убить Салумана, но ничего у него не вышло. Он не сумел этого сделать и поплатился жизнью.

Когда Салуман был в бегах, его два месяца прятал и оберегал Аслан Джопуа. Об этом со слов отца знал Хута Джопуа, который рассказал следующее: «Убийство Астамыра Ачба сильно оскорбило и государственных стражников, и его братьев, так как Шьмаф Ачба не только считался, но и действительно был всесильным человеком. Поэтому укрывать такого преступника было опасным делом, в случае разоблачения (вокруг было много осведомителей, ищеек) могли засудить. Как-то зимой, ночью, шел снег, семья уже легла спать. Вдруг увидел, что у наших ворот стоит всадник, не входит во двор. Насторожившись сразу, кто это может быть, не злоумышленник ли, откуда знать, что задумал глухой ночью, быстро оделся, заткнул за пояс пистолет и вышел из дома.

– Входи, дад, коли пришел с добрым намерением, – сказал я, спускаясь по лестнице. Он тут же спешился, открыл закутанное башлыком лицо и остался стоять неподвижно на месте.

– Я такой-то, пришел в твой дом, надеясь на тебя, – негромко сказал он.

– Хай, дад, может ли быть иначе, ты прославил наше крестьянское имя, дай Бог тебе во всем удачи! Добро пожаловать, не бойся ничего, – сказал я и обнял его. Я, конечно же, хорошо был знаком с Бгажбовцами, жившими в Акуарчапане, но Салуман тогда был юнцом, находился на учебе и потому плохо знал его. Но старших, включая его отца, знал хорошо, они были уважаемыми людьми, знавшими, что такое честь и бесчестье.

С той ночи на протяжении двух месяцев мы прятали Салумана неподалеку от нашего дома. Ночью я носил ему еду, а иногда приводил домой. Коня его держал в нашей конюшне. А после, когда опасно стало ему у нас находиться, он ушел в другое место, и я не стал спрашивать: куда. Внешне он был совсем еще молод, и с трудом верилось, что он осмелился на такой поступок, но был бесстрашным, храбрым мужчиной. Его долго преследовали, искали упорно и стражники, и Шьмаф с сыновьями и их приспешниками, но поймать не смогли, пока сам добровольно не сдался».

Как уже говорилось, Салуман и Кяскинджь вышли из леса и добровольно отдались властям. Кяскинджьа освободили, он только с братом скрывался в лесу, но виноват не был ни в чем. Князя убил Салуман и его должны были судить. Сам он считал свой поступок справедливым актом возмездия и не собирался ничего отрицать.

– Мой брат погиб невинно от руки человека, которого мы все считали другом и родственником. Я отомстил за брата и сердце мое теперь спокойно. Но никто не должен тронуть мою семью – мать, отца, брата и сестру – они ни в чем не виноваты. Да если говорить по совести, в чем моя вина, ведь я убил убийцу своего брата, на моем месте каждый поступил бы также, – только эти слова были сказаны Салуманом, когда он сдался властям.

Когда в очамчырском Мировом суде (дореволюционный суд для разбора мелких гражданских и уголовных дел) вынесли приговор Салуману за совершенное им убийство, как говорят очевидцы, этот мужчина не оправдывался и не добавил ничего к тому, что он уже сказал властям, когда вышел из леса. В 1898 году его судили и приговорили к 8 годам каторжной тюрьмы. Вначале его посадили в Кутаисскую тюрьму. Больше полугода он сидел там, перед ссылкой в Сибирь написал домой письмо брату Кяскинджьу. Тот поехал проведать брата и передать ему еду и теплые вещи. Но, к сожалению, не успел с ним увидеться – Салумана раньше отправили по этапу в Сибирь. Что оставалось делать Кяскинджьу, весь поникший он вернулся обратно, раздав все, что привез брату и его сокамерникам. После этого

случая Кяскинджь прожил недолго, умер от двухстороннего воспаления легких. Еще одно страшное горе пришлось пережить на старости лет Едги и Шимазхан. Двоих их сыновей уже не было в живых, а другой, младший Салуман находился в ссылке на далекой, холодной, чужой земле, которая являлась «страной заключенных». И одному Богу было известно, как сложится его судьба, сможет ли он пережить эту ссылку. С этим горем они прожили до конца своих дней, так и не дождавшись. Не суждено им было посмотреть ему в глаза перед смертью. Так и умерли родители Салумана.

В ГЛУБИНЕ ХОЛОДНОЙ СИБИРИ

Отправляясь в далекую дорогу по этапу с друзьями по несчастью, сосланный на каторгу Салуман Бгажба тосковал по родным, которых оставил дома. Невероятно трудно человеку, лишенному всех человеческих прав, оказаться в незнакомом месте, не имея возможности видеть хотя бы одно родное лицо, слышать слово в утешение. Нетрудно представить себе психологическое состояние человека, у которого таким образом сложилась судьба.

Как и остальные каторжане, которых отправили с ним в одно время, Салуману было тяжело оказаться в разлуке со своими родными, вдали от родины. Это жгло его изнутри. Но сильнее горя было ощущение исполненного долга – то, что он сумел отомстить убийце своего брата, придавало ему новую силу. Салуман тогда был очень молод, но в течение трех лет пережил многое, находился в том состоянии, когда «жизнь и смерть шли рука об руку». Серьезные испытания, выпавшие на его долю, очень скоро превратили Салумана в зрелого мужчину и даже состарили.

Трудно рассказать обо всех тяготах, которые пришлось вынести Салуману по пути из Тифлиса до ворот Нерчинской тюрьмы. Если их описать, получится целый роман, полный трагизма. Путь арестантов начинался в Тифлисе, затем пролегал до Баку, оттуда по побережью Каспийского моря до Астрахани, затем – на восток, в глубь Сибири. Частью поездом, порой на повозках, а местами на кораблях по большим сибирским рекам.

Три фактора спасли Салумана, помогли ему выжить в условиях каторги и живым вернуться домой. Первое, он был очень молод, второе – физически здоровым и сильным, терпеливым, выносливым и смелым. А главное, знал грамоту, умел хорошо читать и писать по-русски. Эти факторы дали возможность Са-

луману пережить холодную Сибирскую каторгу, вернуться в Абхазию, наладить свою жизнь и создать собственную семью.

На сибирской каторге Салуман Бгажба провел 8 лет. Это были годы полные лишений. Во-первых, – непривычная суровая природа, холода, морозы, а в короткие летние дни – мухи и комары, не дававшие покоя. Невыносимой была и тяжелая работа по режиму, тоска по дому и родным людям. Все это создавало гнетущую, давящую атмосферу, которую трудно было переживать. Жизнь арестанта на каторге не стоит и ломаного гроша. Но мужчина должен быть готов ко всему и, если он попал в беду, вынужден приноровиться к условиям, бороться, чтобы выжить, победить эти обстоятельства.

Рожденный и воспитанный в прекрасной Абхазии, среди чудесной природы, отважный мужчина вскоре привык и научился жить среди массы людей, разных по национальности, профессий, знаниям, характерам и человеческим качествам. Среди этого сообщества арестантов были совершенно разные люди. Немало было тех, кому жизнь стала поперек горла и для них убить человека, что курицу зарезать. Склонные по своей натуре к злодеянию, они нуждались в недремлющем оке надзирателей, полиции, конвоя. Но были и такие арестанты, проводившие дни в тяжелой работе с одним единственным желанием выйти из этой труднейшей ситуации живыми и здоровыми вернуться домой к своим семьям.

Нравы, бытовавшие в той жизни, казались поначалу дикими и невероятно тяжелыми для Салумана. Но вскоре он привык и приноровился к ним. Будучи горцем, он никому из этого разношерстного люда не позволял помыкать собой, ни перед кем не склонил голову. Но в то же время был вежлив со всеми, имел уважение к людям.

Салуман Бгажба видел, что всем, собранным на этой земле арестантам предлагалась только работа, при этом их обычно бросают туда, где наиболее тяжело и опасно. Он хорошо понимал, арестант, признанный виновным, становился бесправным человеком. И только тот, кто выдержит до конца срока, сможет вернуться на родину.

Салуман вынес каторгу длиною в 8 лет. Но когда закончился срок, еще долгое время оставался в Сибири, так как не имел права вернуться на родину. Где бы Салуман не находился, он всегда честно работал. За это все его уважали.

Единственное, что Салуману было трудно преодолевать и постоянно угнетало его – душевная тоска и тревога за оставленную в Абхазии семью: мать, отец, брат и сестеры.

Он не знал, что стало с ними, изредка получал письма из Абхазии, но они не могли утишить душевную боль, заглушить тоску. Ни разу до этого не покидавший родную сторону, парень тосковал и по родине, своему народу. Мысленно перед его глазами часто вставали родные горы, веселое журчание чистой, как слеза, реки Аалдзга. Сколько раз вспоминал он ее тихие, глубокие заводи, в которых часто купался. Или вместе с братьями (у каждого из них была своя лошадь) купал коней. Вспоминал о том, как ласково, словно стыдливо всходило солнце из-за горы Лашкиндар (Лашькьындар), щедро рассеивая свои лучи по земле родной Апсны. В далекой Сибири как бесконечно любил, глубоко чувствовал он красоту родной земли! И это чувство придавало силы Салуману, ему казалось, что и сам он находится там.

На всю жизнь Салуман Бгажба запомнил высокообразованных людей, которых он встречал среди арестантов во время отбывания каторжного срока. Этих людей судили по политическим мотивам, но Салумана удивляло то, что и их гнали на работу также, без всякой пощады, словно каких-то отбросов общества. Считал такое к ним отношение несправедливым, но чем же он мог им помочь, когда и сам являлся таким же бесправным работягой.

Салуман часто общался с образованными арестантами, внимал их умным и содержательным речам. Да и сам, неплохо владея русским языком, мог рассказать им немало интересного из истории своего народа, особенно из Нартского эпоса, сказа об Абрыскиле. Образы мужественных и терпеливых героев вдохновляли арестантов, помогали им в их тяжелой жизни и, по-своему, приближали день освобождения. Сколько людей погибло там от несчастных случаев, сколько замерзло в сибирских снегах или поубивало друг друга. Салуман Бгажба сумел вынести такую обездоленную, опасную жизнь арестанта и вернуться домой живым и здоровым.

ОБЕТ

Да, после 8-летнего пребывания на каторге Салуман Бгажба не имел права покинуть Сибирь. Правда, положение его теперь стало намного легче жизни арестанта, он был относительно свободен, не ходил под конвоем. Но чего стоила такая свобода, когда он не имел возможности вернуться на родину. Ему пришлось устраиваться в Сибири, там, где и проходили годы

его каторги. И это было равносильно тюремному заключению. Но начальник тюрьмы, где он отбывал срок, дал ему хорошую рекомендацию, в которой говорилось, что он – законопослушный, исполнительный человек. Надеясь на это свидетельство, Салуман Бгажба решился отправиться в Абхазию. Но до того, он больше года проработал на различных строительствах, заработал немало денег. Салуман, хотя и не имел права вернуться в Абхазию, мог жить в любом месте в России. По этой причине его в пути его никто не задержал и не помешал. Но все равно он не был спокоен, боялся, что могут задержать и вернуть обратно, волнения возрастали по мере приближения к родной стороне. Тогда в пути Салуман поклялся перед Всевышним, что если он без помех, живым и здоровым вернется домой и жить в Абхазии среди своего народа, то ежегодно до конца своих дней будет совершать жертвоприношение – резать овцу, как положено, по абхазскому обычаю, и молиться Богу.

Впоследствии этот обет каждый год исполняла Матия, когда жила в Арасадзыхье и в Сухуме. Правда, она не раскрывала тайны его происхождения, просто говорила, что его надо исполнить. Пусть земля ей будет пухом! Только за год до кончины, когда в последний раз совершала жертвоприношение, рассказала своему сыну Хакыбею историю ежегодно исполняемого обета. Обещание совершать до конца своей жизни этот обет она дала мужу, который перед смертью просил ее продолжить и вместо него исполнения слова, данного им Богу. Всевышний тогда услышал его мольбу, и Салуману посчастливилось жить на родине среди своих людей.

Невозможно словами передать чувства, которые испытал человек, находившийся долгие годы в ссылке, вдали от родины, не имея возможности слышать родную речь, видеть лица родных и близких людей, чудесную природу родной стороны, дышать ее оживляющим воздухом и не быть обогретым ласковыми лучами солнца, когда он ступил на родную землю.

Трудно описать радость, которую испытал тогда Салуман. Но дома его ждало большое горе, затмившее радость встречи с родными: не было уже в живых ни матери его Шамизхан, ни отца Едги, ни брата Кяскинджьа, который был еще молод, полон сил и не успел создать семью. Салуман «оросил их могилы горькими слезами». Больше ничего не мог он сделать для родных, оставивших этот мир, в котором ему еще предстояло жить и бороться. Салуман хорошо понимал, что жить дальше рядом с ачбовцами, как прежде, невозможно. Пришлось ему оставить свой дом, где родился и вырос, землю своих отцов.

Салуман Бгажба не стал скрываться, сообщил властям о том, что он честно отбыл 8-летний срок в ссылке, но вернулся в Абхазию, не имея официального разрешения покинуть Красноярский край. Справедливости ради, надо отметить, что человеку, пережившему столько мучений, власть не стала препятствовать, уважила его и на многое закрыла глаза. Но он не ограничился словами, а написал прошение на имя императора Российской империи Николая II. Сегодня сохранилась копия собственноручно написанного им заявления, в котором он рассказал о себе, истории своего ареста и изложил свою просьбу:

«Копия

Всепресветлейший, державнейший великий государь император, Николай Александрович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Временно прибывшего в селение Гупи,
Кодорского участка, Сухумского округа,
ссыльнопоселенца Соломона Бгажбая,
происходящего из крестьян Сухумского округа.

Всеподданнейшее прошение

По несчастно сложившимся обстоятельствам я убил в 1895 году односельца своего жителя Ткварчельской общины, Кодорского участка, Сухумского округа, Астамыра Анчабадзе. По отбытии назначенного мне по суду наказания – 8 лет каторжных работ в Нерчинской каторжной тюрьме – я зачислен в ссыльнопоселенцы Забайкальской области Верхнеудинского уезда, Еланской волости. Не только в каторжной тюрьме, но и долгое время на поселении пришлось перетерпеть всякия лишения и угрызения совести по поводу содеянного преступления. Наконец тоска по родине и моих родных вынудила меня возвратиться в пределы милой сердцу каждого своей родины. Прибыв в Гупскую общину Сухумского округа, три года назад, я занялся обработкой участка земли, взятого в аренду. Отличаясь вообще кротостью нрава, я в короткое время приобрел любовь и уважение своих односельцев, кои ныне на сходе 28 января 1913 года во внимание к моим безукоризненным нравственным качествам и хорошему поведению выдали мне на руки приговор на предмет исходотайствования мне разрешения на дальнейшее мое проживание на родине.

Поднося у сего удостоверение, выданное мне 30 сентября 1904 года за №775 инженером князем Андрониковым о моем поведении на работах в течение одного года по постройке Кругобайкальской железной дороги и упомянутый приговор Гупского

общества от 28 января 1913 года, придаю к стопам Вашего Императорского Величества и усердно молю о даровании мне права жительства на моей родине в Кодорском участке Сухумского округа и о возвращении мне утраченных по суду крестьянских прав.

Верноподданный Вашего Императорского Величества ссыльнопоселенец Соломон Бгажбая руку приложил.

1913 года 1 февраля. Город Сухум».

Государь исполнил эту просьбу, иначе говоря, Салуман Бгажба получил право жить на родине. Ему вернули отнятые по суду крестьянские права, то есть законное право быть крестьянином. Это имело огромное значение для человека, проведшего более 10 лет жизни в холодной и далекой Сибири.

Кровная месть, жизнь абрека в лесу, арест, тюремное заключение, каторга, а после всего этого, тяжелая работа в Сибирском железнодорожном строительстве, нелегальное возвращение из Красноярского края в Абхазию – все это пережил Салуман Бгажба. И теперь свою дальнейшую жизнь он посвятил мирному строительству, созданию собственной семьи, хотя она и оказалась недолговечной.

После возвращения из Сибири, в 1910 году Салуман выбрал село Кутол (Кәтол) своим местом жительства. Но до этого два года он находился в селе Цхинцкар (ныне – Лашкиндар) в имении дворянина Эмхаа Уазбакь (Емхы Уазбақь). Хотя он был с Эмхаа в близком родстве, оставаться там долго не мог – нужно было обзаводиться собственным домом, хозяйством, создать семью. Это– священный долг каждого мужчины.

Касаясь семьи, хочется отметить, что во время его пребывания в Сибири, после тюремного заключения, когда он, находясь на воле, стал работать, немало чудесных сибирячек, влюбившись в статного, красивого и мужественного горца, и желая разделить с ним свою судьбу, предлагали ему остаться там, обещали благополучную и мирную жизнь. Но в таких случаях, он неизменно им говорил: «Вы прелестны и я желаю Вам счастья всей душой, но мне не жить вне родной земли и своего народа, без родных и близких. Я думаю только о возвращении домой, если судьба не обманет меня».

Салуман неслучайно выбрал для жительства село Кутол – там жил его свояк Беслан Когония. Кроме того, в селе Джьгярда жили Бгажбовцы – Есыф и Хакыбей.

Он построил себе дом в Кутоле, обзавелся неплохим хозяйством и стал жить широко, с удовольствием – двери его дома всегда были открыты для гостей. Сердце Салумана, обледенев-

шее за долгие годы в Сибирских морозах и тюремно каторжном режиме, оттаяло на родине. Он вернулся к мирной и спокойной жизни на земле предков, к привычному для него крестьянскому труду, за который он взялся с воодушевлением и жаждой. Бесконечно горевать и оплакивать близких, покинувших в его отсутствие этот бренный мир было бы недостойно настоящего мужчины – надо было создавать семью и продолжить свой род.

Нужно сказать еще и о том, что Салумана, несмотря на то, что он убил князя, уважали и близко с ним общались высокородные дворяне Маршаны (Маршьан) Бата, Дырмит, Таташь, Хаитбей (Ҳаитбеи). С Емхаа Уазбакьом он был в родстве – жена Уазбакьа Татгу (Татгә) была дочерью Маршан Мсоуста (Мсоуст), которого воспитали Бгажбовцы. Они поддерживали Салумана и не хотели, чтобы он вновь попал в какую-то беду.

ХОЗЯЙСТВО И СЕМЬЯ

Салуману не суждено было увидеться с матерью, отцом и братом, их похоронили на родовом кладбище в его отсутствие. Как только он вернулся из Сибири, не дожидаясь ночной темноты, не скрываясь, средь бела дня пришел на кладбище и, преклонив колено, в полный голос (хотя Ачбовцы жили неподалеку и плач доходил до них) оплакивал родных горькими слезами.

– Пусть земля вам будет пухом, дай нам Бог встретиться на том свете! Пусть все грехи падут на голову того, кто укоротил вашу жизнь, – сказал он и, вскочив на своего коня, нетерпеливо тянувшего узду, поехал своей дорогой.

Прошло три года, как Салуман вернулся из Сибири, стал жить и работать, обзавелся хозяйством, наслаждался общением с родными и близкими людьми. Он уважал себя, но также уважал и своих врагов, не мозолил им глаза. Это не было трусостью, а только признаком мужества и абхазской чести.

Салуман женился на дочери известного среди абжуйцев, достойного крестьянина Капба Екупа – красивой, статной Матии. Тогда ей было чуть больше 20 лет.. В самом начале они временно жили в доме Емхаа Уазбакьа. Вскоре переехали в село Кутол, где Салуман купил дом и землю. Таким образом, Салуман стал зятем достойной, крепкой и благословенной абхазской семьи, которая в то время жила не хуже дворян, на широкую ногу.Ею гордились друзья и завидовали недоброжелатели.

Мой добрый читатель! Здесь нужно сказать несколько слов и о семье, в которую Салуман Бгажба вошел, как зять, ибо так сложилась судьба человека, которому посвящена эта книга, она

оказалась навсегда связанной с семьей его дедушки Екупа Капба. И село Арасадзыхь стало для него «малой родиной».

Отца Екупа Капба звали Куаблыху (Қәаблыхә). У него было три сына и три дочери. Сыновей звали: Дадын, Екуп, Хакуцв (Хакәыцә). У Дадына было пятеро сыновей: Тарас, Нестор, Леуа, Тарашь (Тарашь), Ераста и три дочери: Маташьа, Татей, Нина. У Хакуцва – три дочери: Куук (Кәыкә), Аптышь (Ацтышь), Саниа и сын Иван, который погиб в Великой Отечественной войне, еще юношей, не успев жениться. Жена Екупа Алсабед Адзынба вышла за него замуж в 18 лет. Она была красивой, высокой, стройной и удивительно обаятельной девушкой с мягким и жизнерадостным характером. Екуп и Алсабед воспитали пять сыновей (Дзыкур, Дзадз, Степан, Хуаней, Шварах и шесть дочерей (Хаптит, Хаптина, Матия, Мычич, Цацу, Мышьа).

Это была большая, дружная и гостеприимная семья. Братья Екуп и Дадын со своими 10 сыновьями жили широко, владели землями, крепким хозяйством и многочисленным скотом. Они были публичными людьми, часто выезжали вместе на собрания, народные сходы, свадьбы и похороны на своих резвых конях, с красиво убранными седлами и во всеоружии. Они пользовались везде большим уважением и почетом.

Степан Капба, как свидетельствуют очевидцы, был известен в Абхазии. Он боролся за свободу и независимость Родины. С оружием в руках воевал против грузинских меньшевиков, оккупировавших в начале 20-х годов XX века нашу страну. После установления Советской власти возглавлял отдел ревкома в Кодорском уезде (ныне Очамчырский район). В 1921 году он погиб от руки классового врага Советской власти в возрасте 34 лет.

Словом, когда Салуман Бгажба породнился с семьей Екупа Капба, они жили хорошо. Он гордился новыми родственниками, постоянно чувствуя их поддержку. Это придавало ему силы.

У Салумана и Матии было три сына. Старший Хухут, средний Папа (Паца, умер в пятилетнем возрасте) и младший Хакыбей, который родился спустя три месяца после смерти своего отца.

Салуман Бгажба с семьей жил в Кутоле, односельчане уважали его, да и сам он особо ни в чем не нуждался, вскоре наладил неплохое хозяйство. Он не хотел вспоминать и рассказывать о том, что произошло с ним дома и, что пережил в Сибири. Во-первых, пережитая трагедия тяжелым грузом лежала в его

душе до конца жизни. Во-вторых, не в его характере было заниматься самовосхвалением, рассказывать другим о своих поступках или гордиться ими.

Матия, жена Салумана, рассказывает:

«Когда он вернулся из каторги, народ уже сложил о нем песню. Сам он тоже слышал ее не раз, но что удивительно, никак не реагировал, молчал. Правда, как-то раз обмолвился: «Народ имеет право слагать песни, когда считает, что есть тому основание». Я и сама хотела больше узнать о том, что пережил этот человек, оказавшийся тогда между жизнью и смертью. Если не обо всем, то кое-что. Но он действительно не хотел говорить о своем прошлом и о том, что пришлось пережить. Ему казалось, что эти воспоминания растравливают, бередят душу, вскрывают заново раны, нанесенные судьбой. Не только присущая ему скромность была причиной его молчания. Он хотел забыть об этой трагедии, был нацелен только на мирную жизнь, крестьянский труд и воспитание детей: «В прошлом, пережитом, и так пройдено и прочувствовано больше плохого, чем хорошего, – говорил он часто. – И этого невозможно забыть, вычеркнуть. Оно, словно отпечатано в душе, но нельзя переживать его бесконечно и копаться в нем, надо думать о том, как сделать лучше завтрашнюю жизнь».

Помню только один случай из его жизни в ссылке, который он мне как-то рассказал. Его невозможно забыть.

«Это было перед моим возвращением домой. Я пустился в путь – то пешком, то на повозках, или поездом, где была железная дорога. Трудно передать словами, как все это измотало меня. Как-то иду в степи по дорожке, вытоптанной в снегу. Сердце то и дело замирает от пустынного снежного простора. Вдруг поднялась пурга, не дает ступить и шагу, косой снег и туман забили дорожку, ничего не видать, мороз усилился. Я подумал, что в этом сугробе и настает мой срок. Стало не по себе. Вокруг ни души, а путь мой далек – нужно еще прошагать около 20 км до железнодорожной станции. Но как дойти до нее, откуда найти силы, чтобы одолеть такую бурю!

К счастью, с дорожки все же не сбился, иду изо всех сил, а уже темнеет. К вечеру оказался в поселке – там они так называют обычное русское село. Подхожу к воротам первой же попавшейся мне на глаза низкой бревенчатой избы и громко окликаю хозяина. Он, будто дожидался меня, сразу же откликнулся: «Что Вам здесь надобно?» Я рассказал ему о себе, сказал, что нет сил, идти дальше в пургу, и попросился на ночлег, уверяя при этом, что с рассветом пойду дальше. Он вышел молча из дома, на-

кинув на себя тулуп, открыл ворота и жестом пригласил войти в дом. «Спасибо, Вы спасли меня!» – сказал я радостно, входя в теплую комнату. Его семья уже легла спать. Насколько я мог понять, бревенчатая изба имела три комнаты. Он ввел меня в комнату. Около русской печи стояла лавка, на которую можно было сесть, откинувшись свободнее.

– Садись здесь, согрейся. Можешь и поспать тут, лучше не могу ничего предложить, некуда укладывать, извини нас, – сказал он. – Ты сильно замерз, тепла от печи не хватит тебе. Должен согреться и этим.

Он предложил мне выпить почти наполненный стакан водки, добавив на закуску кусок колбасы.

– Спасибо, – поблагодарил я и выпил залпом. И, действительно, обжигающий напиток сразу же тепло разлилось по моему обледеневшему телу.

Измотанный дорогой и обогретый водкой, я незаметно уснул на лавке. Возможно, и не проснулся бы до утра, если не запах горелого, ударившего в нос и сильный жар в ногах. Проснувшись, вижу, что один из моих валенок (это зимняя обувь из войлока, шьют наподобие сапог, у нас их не носят) уже горит вовсю. Оказывается, когда я их снимал, поставил слишком близко к печи, вот он и загорелся. Огонь -то я потушил, но валенок успел почти сгореть. Это был ужас! Что делать, в чем идти завтра в мороз?! Сижу на лавке, переживаю. Все думаю, гадаю, как быть и не вижу выхода. Сказать хозяину? Где он возьмет еще пару? Ведь здесь по десять лет носят одни и те же валенки. Всматриваюсь в часы, до рассвета остается не больше часа, вся семья спит глубоким сном. Быстро поднялся, взял валенки хозяина и обулся. Имени его я не знаю и мое ему неизвестно – если бы все было по-человечески, познакомились бы на прощании. Его валенки подошли мне, словно шили специально по моей ноге. Вытащил из кармана деньги (5 рублей) и, мысленно попросив перед Богом прощения, положил их на кухонный стол и ушел. Не только всю дорогу, но и сейчас, когда вспоминаю об этом, становится не по себе. Человек спас меня от холода, приютил, а я взял его валенки. Совесть мучит меня и сегодня от совершенного тогда поступка. Правда, заплатил за эти валенки тогда двойную, даже тройную цену. Но сам факт был недостойным. Веришь или нет, это единственный грех, совершенный мною за время пребывания в Сибири».

Еще он рассказывал мне об одном случае, который произошел с ним, когда он скрывался в лесу.

«Я находился наверху в ущелье, в доме близкого мне человека. Никто не знал, где я скрываюсь, но говорят, что и лес имеет уши – даже в роге быка не удается скрыться так, чтобы никто не услышал о тебе. Той ночью так и случилось. Ко мне пришел человек, которого я знал хорошо. Он приходился нам родственником и был вхож в наш дом, бывал на похоронах и свадьбах наших близких. Поэтому я сначала не насторожился, да и хозяин дома, где я скрывался, знал его, и не усмотрел в его приходе ничего подозрительного. Когда все вместе поужинали, я собрался в свою ночную «стоянку»: «Я тоже пойду с тобой, – сказал мне этот родственник, – хочу побыть с тобой день-два, вдоволь наговоримся, если ты не против». Хозяин дома Едрыс Шармат был мудрым, бывалым человеком. Ему не понравилось предложение моего родственника, и это видно было по выражению его лица, но промолчал, только как-то со значением взглянул на меня.

– Раз так, пойдем, заодно и пообщаемся от души, – ответил я и мы пошли к месту моего ночлега. Идем в темноте, если пропущу вперед, он не знает дороги, поэтому сам иду, а он шагает следом впереди. Я заподозрил неладное, несмотря на наше родство, еще тогда, когда он вызвался пойти со мной в мою «стоянку», но согласился, чтобы его испытать. Пришли на место, разожгли огонь. «Постель» моя из сосновых веток уже была застлана. Ночью мы много говорили о моих родных – матери, отце, брате. О том, как Шьмаф Ачба со своими сыновьями и стражниками ищут меня без передышки, изо всех сил пытаясь поймать и о многом другом. Затем он заснул крепким сном, видно крепкое вино моего хозяина и жар от полыхающего костра разморили его. У меня же сна ни в одном глазу. Хочу понять этого мужчину – родственник он мне или засланный предатель.

Убедившись, что он заснул крепко, встаю тихо, беру его ружье, прислоненное в углу моей «стоянки», и, сняв с него затвор, ставлю обратно на место. Затем ложусь на свой топчан и закрываю глаза. Вскоре «захрапел», будто заснул крепко, а сам жду, что он дальше будет делать. Я немного сомневался, но все же не думал, что он окажется предателем. Лежу рядом и сторожу этого верзилу. Уже глубокая ночь, а я все «сплю», как убитый. Вдруг он пошевелился, просыпаясь с трудом, посмотрел в сторону огня и тут же вскочил, словно ужаленный, выхватил свое ружье, стоявшее в углу, и приставил его к моей груди, чтобы выстрелить. Но, увидев, что оно без затвора, мгновенно все понял, помертвел и, не сумев ничего придумать ничего лучшего, весь поникший, вышел из «стоянки» и побрел прочь. В это время я

выскочил за ним и, приставив к нему свое ружье, выстрелил один раз поверх его головы: «На колени, сукин ты сын! Теперь понятно, кто тебя прислал и зачем, но сюда тебя привела твоя смерть! Сучье отродье, что же мы сделали тебе плохого, что ты хотел убить меня?!» – воскликнул я в гневе, не сумев совладать своим голосом. Не успел я закончить свою фразу, как он уже стоял передо мной на коленях с поднятыми руками.

– Если ты, Бгажба Салуман – настоящий мужчина, прошу тебя, не убивай! Это не просто ошибка – я запутался, пожалей меня, прояви вновь свое мужество. Послушай меня, я расскажу все, что случилось! Меня сюда привел и сделал подлым предателем коварный замысел злосчастного Шьмафа Ачба. Он мне обещал, что отдаст мне в жены свою молочную сестру, если я застрелю убийцу его сына Астамыра Ачба. Он знает, что я очень люблю эту девушку. Но она не хотела меня и уже отказала. Салуман, ты тоже мужчина, пойми, любовь свела меня с ума. Безмозглость моя и слабость привели к предательству. Они сказали, что отныне я их родственник. И тайком совершили обряд родства – я поцеловал грудь жены Шьмафа, и все это было сделано, чтобы погубить тебя, Салуман. Я рассказал все, что было. В твоей власти поступить со мной, как тебе заблагорассудится. Только ночь, я и ты свидетели. Этот сильный, рослый человек, посмотрев так близко в лицо смерти, не выдержал и стал рыдать в голос.

– Встань, подлый ты, трус! Ты прав, ты теперь хуже мертвого. Уйди прочь с глаз моих, ты мне отвратителен. Нужно было пристрелить тебя, как собаку, благое было бы дело, но я не могу стрелять в покойника – этого не могу себе позволить, для меня ты умер. Если не сгинешь тотчас же, уложу здесь навечно! – сказал я ему, задыхаясь от злости. Увидев, что я могу выстрелить, он пришел в себя, поднял свое ружье и швырнул его под откос, и сам, пошатываясь, словно призрак, поплелся из ущелья.

– Ружьишко свое не оставляй, вот тебе затвор, вдень в него, встретишь зверя ночью, спасет тебе жизнь, – сказал я вслед ему и швырнул затвор. Он остановился в замешательстве, смотрел на свое ружье, не решаясь его поднять, потом все же наклонился и поднял его: «Спасибо, что не застрелил, хотя я и заслужил этого. Твоя совесть спасла меня», сказал он и, кланяясь, пошел по склону».

Я же, не выдержав, перебила его:

– Как же ты решился отдать затвор предателю, который всего лишь несколько минут назад пытался убить тебя спящего, ведь он мог снова выстрелить в тебя? – спросила его.

– Ты, конечно, в чем-то права, на предателя нельзя положиться, он всегда останется изменником, но этот уже не решился бы убить меня. Он осмелился только тогда, когда был уверен, что я сплю. Предатель, когда разоблачен, превращается в труса, а трус не может и птичку застрелить, не то, что меня. А потом, сколько бы он не притворялся, я видел, что он думал только о том, как спасти свою жизнь и рад был быстрее удрать, больше ни на что не годился.

Правда, я уже не мог вернуться к прежнему своему месту ночлега, и вынужден был уйти оттуда и скрываться в другом месте. Эта история достигла ушей и Едрыса Шармата. Этот предатель, хотя и не погиб тогда от моей пули, жизнь его оборвалась довольно скоро. Он был убит, как собака, но нам незачем об этом говорить, не наше это дело. Он сам себе вырыл могилу.

Только вот эти две истории из всего того, что пережил этот человек, я слышала от него.

В Кутоле Салуман Бгажба неплохо обжился, освоился и чувствовал себя хорошо. Но его племянник Темыр Бгажба (отец Миши Бгажба) уговорил его сняться с насиженного уже места и переселиться в село Джал (Цьал). Дело в том, что Темыр сам жил там, рядом со своим тестем Тома Давитая. Тома приехал из Мегрелии, в свое время женился на абхазской девушке по фамилии Маан, выучил абхазский язык, хотя и говорил на нем с мегрельским акцентом. Его дочь Оля была замужем за Темыром Бгажба. Он уговорил Салумана, разжалобив его тем, что живет среди чужих, да еще мегрельцев, и рядом нет ни одного родственника. Салуман согласился переехать, хотя это не очень понравилось его свояку Беслану Когониа и братьям Есыфу и Хакыбею. Но и они не стали возражать вслух – Темыр был сыном его брата.

И здесь Салуман Бгажба принялся с воодушевлением вновь налаживать свое хозяйство. Отсюда было недалеко и до поселка Акуарчапан. Он мог со своего двора видеть берег реки Аалдзга, где прошло его детство, он скучал по земле, в которой были похоронены его родители, братья. Это место считал своей родиной и, по словам Матии, согласился переехать в Джал не только потому, что об этом его очень просил Темыр. Он хотел быть поближе к могилам отцов, к родовым землям. И братья его жены тоже жили неподалеку. Их было, благодарение господу, много.

Вскоре, благодаря трудолюбию Салумана в Джале жизнь наладилась. Конь его всегда стоял оседланным, оружие было при нем, пистолет «Берлин-Германия», которым отомстил кровнику,

он всегда носил с собой. Построил абхазскую акуаскьа (акәасқьа, традиционный деревянный дом абхазов на каменных столбах – Р. К.) с добротным камином. Соседи-мегрелы очень уважали Салумана, помогали заготовить дрова, посеять кукурузу, убрать урожай, сено – все это они делали с удовольствием, исполняя каждое его пожелание, да и сами не оставались обделенными – кормились со всего этого. Все шло прекрасно, пока не заболел его пятилетний сынишка Папа. Спасти его не удалось.

Абхазы говорят: «Кому не суждено вырасти, не умещается в колыбели». Таким был и этот малыш. После смерти сына отца словно подменили, весь сник. Позже Матия отмечала: «Мужественный и цельный человек, которого ничто в жизни не сломило, не дававший никогда слабину, удивительным образом сразу как-то изменился, постарел. Это горе сломило его, хотя он и старался не показывать, но пересилить его не мог. Это повлияло на всю его жизнь. Не спал, не ел, хотя сохранял спокойствие. Мои братья и сестры бывали у нас часто.

Как-то мы остались одни, и я сказала: «Послушай, я тоже мать и ты должен понять меня. Только не хочу, чтобы ты думал, будто учу тебя уму-разуму, но что же такое с тобой происходит? О тебе, как о герое сложили песню, а ты ведешь себя так, словно то, что произошло с нами, никогда ни с кем не случалось. Да, мы потеряли малыша, больно невыносимо. Но ты видел много горя и немало пережил, должен пересилить себя и преодолеть и это, больше нет никакого выхода. А если продолжать и дальше так, горе нас одолеет, мы сынишку потеряем и в царствии небесном, – жестко отрезала я и посмотрела ему в глаза, ожидая ответа.

Некоторое время он молчал, а затем сказал: «Мужественны слова твои, и мне нравится, что ты сумела выказать силу духа и ничем возразить не могу. Я слышу и понимаю твои слова, но хочу сказать тебе вот о чем: этот малыш был отрадой мне, с ним я забывал все свои горести и пережитые страдания».

Не добавив больше ничего, вздохнул глубоко и медленно поднялся, словно нес на себе тяжелую ношу».

Матия старалась подбодрить мужа, пыталась вывести его из глубочайшего горя, которое, подобно густому туману, растворяло его в себе. Но и у нее самой тоже горела душа, ее измученное сердце тосковало по мальчишке и порой она не находила себе места. До конца своей жизни Матия хранила мягкий, золотистый локон сынишки и завещала похоронить его вместе с ней. Царствие ей небесное, завещание Матии исполнила ее невестка – жена Хакыбея Бгажба Вера Элизбаровна Кубраа (Кәыбраа).

В этой жизни каждому отмерен свой срок. Сын Едги Салуман Бгажба, переживший столько горя в жизни, наделенный мужеством и отвагой человек, неожиданно заболел, спустя 9 месяцев после смерти своего ребенка. Три дня и три ночи он мучился. Это было в конце декабря.А зима в том году выдалась суровой. Так вспоминает эти тяжелые дни Матия: «Моя сестра Мышьа ходила еще в девушках. Когда у нас случилось горе – мы потеряли ребенка, она часто приезжала и оставалась с нами. Так, она была у нас дома, когда Он (это – о муже) заболел. У него начались сильные боли, они мучили его. Поднялась высокая температура – горел весь. Доктора тоже привезли, но лучше ему не стало. За день до его смерти, вечером он позвал меня. Лицо у него горело, и говорить ему было уже трудно, но он заставил себя:

– Хочу что-то сказать тебе одной, посиди здесь, послушай. С человеком все может случиться. Абхазы говорят, «смерть за жизнью ходит по пятам». Мне недавно исполнилось пятьдесят лет, смерти я не боюсь, еще юношей видел ее близко не раз. Можно сказать, мы с ней привыкли друг к другу, но все может быть. Если она нашла меня, и эта болезнь означает, что она пришла ко мне, то слов нет, нам придется примириться и с этим – другого пути нет. Теперь я возвращаю тебе те слова, которые ты мне тогда сказала: «должен преодолеть». Вижу, что они сейчас нужны тебе. Не буду утомлять словами, повторяю, я могу выздороветь, но возможно и то, что болезнь одолеет меня. Удивительного здесь ничего нет, человек должен всего ожидать. Но, важнее всего, уходить в мир иной он должен с надеждой, тогда и будет спокоен за то, что оставляет здесь...

Так медленно и очень тихо говорил он, изредка поглядывая в мою сторону. Хотя его слова были предназначены мне, он смотрел все время на своего маленького сына Хухута.

– Его направь его на учебу. Кто его знает, может, выйдет из него что-то стоящее. Больно, что остался без брата, но что в наших силах? Это моя последняя воля, тебе ее оставляю, знаю, что ноша тяжелая, лучше всего, когда сына воспитывает отец. Ты не сможешь здесь оставаться одна, и братья твои не оставят, это я знаю. Вот и все, что хотел сказать тебе, да и то говорю на всякий случай, но туда, откуда с сотворения мира до сих пор никто не возвращался, идти пока не собираюсь, – так полушутя закончил он свой разговор.

Я стояла перед ним молча, растерянная, бледная, вся сжавшись. Хотя он и пытался приободрить меня, знал, что пришел срок, я тоже чувствовала это.

В тот момент его слова пронзили меня так, словно мы с ребенком уже осиротели, и деться нам некуда. Жуткий страх ледяным холодом сковал все мое тело, но, пытаясь скрыть от больного свое состояние, попробовала улыбнуться и, храбрясь, ответила: – И ты, и я, и наш ребенок находимся у себя дома и никуда не пойдем! – сказала, поглаживая рукой черные, кучерявые волосы Хухута.

– Ты хорошо сказала, и я согласен, никуда не пойдем – мы у себя дома, – ответил он, посмотрев мне в глаза, а затем отвернулся к стене».

Тяжело и страшно для матери, когда семья лишается отца в расцвете сил. Этой горестной судьбы не смогла избежать, и слишком рано ее испытала жена Салумана Бгажба Матия. Спустя день, после разговора с женой, когда он сказал ей о своей последней воле, Салумана Бгажба не стало. Произошло это 26 декабря 1922 года, на рассвете.

Как и положено, родные, близкие, друзья и ближайшие соседи проводили Салумана в последний путь, оплакав горькими слезами. Похоронили его на родовом кладбище в Гупе.

После смерти Салумана, родные выполнили все необходимые обряды, как того требуют абхазские обычаи, справили сорок дней. До этого дня младший брат Шварах приезжал каждый день к Матии, а сестры Цацу и Мышьа оставались с ней. Хухут рос красивым, стройным мальчишкой. Тогда он был еще слишком мал, чтобы осмыслить всю глубину горя, постигшего их семью, но, конечно, чувствовал его своим детским сердцем.

Тяжелым горем стала для Матии смерть ее мужа Салумана Бгажба. К этому добавилось еще и то, что ей вскоре пришлось оставить, налаженное с таким трудом хозяйство, и вернуться обратно в Арасадзыхь. Правда, возвращалась она в отчий дом туда, где родилась, и где прошло ее детство. Тогда еще были живы мать и отец, братья (хотя Степан к тому времени уже погиб) были рядом. Они могли и имели возможность окружить ее вниманием и заботой, не дать ей почувствовать все тяготы вдовства. Но если женщина нашла свое счастье – родила детей, создала семью и собственное хозяйство – в этом ее истинное предназначение – только в доме мужа по настоящему чувствует вкус к жизни. Но Матии это было не суждено…

МАТИЯ КАПБА-БГАЖБА

В книге, посвященной Хухуту Бгажба, необходимо рассказать о жизни его матери Матии Капба, воспитавшей сына, как

говорят у абхазов, «вытащив из яичной скорлупы». Без нее книга моя не будет полной, а главное, не будет полным образ самого ученого. И сама Матия, кроме того, что была матерью Хухута Бгажба, воплощала в себе образ истинной абхазской женщины – мудрой, терпеливой, познавшей и горе, и счастье.

...Когда Матия вернулась в отчий дом, Хухуту шел седьмой год, а Хакыбей родился спустя три месяца после смерти отца. Утешением Матии было то, что рядом надежно стояли сестры, братья и сын ее деверя Темыр. В воспитании детей она могла положиться на них. Вот что сказали братья, когда привезли ее домой:

– Зять наш был братом для нас. Мы верили ему, как себе. Все мы переживаем то, что случилось, болеем душой, но не в силах что-то изменить. Так было угодно Богу, и с этим нужно смириться, другого пути нет. Единственное, что мы сможем, это сделать все возможное, чтобы помочь тебе воспитать детей. У вас с Салуманом, благодаря Господу, два сына, сможем мы их поднять на ноги, станут они людьми – это большое счастье и для нас, и для тебя. Мы не говорим тебе: не горюй, не переживай – понимаем твою беду. Но сейчас главное, это дети, их воспитание, и ты это знаешь лучше нас. А в остальном, ты вернулась в свой дом, здесь живет твоя седовласая мать. Будь спокойна, не стесняй себя ни в чем, да и сама ты не без имущества – есть и скот у тебя, и все, что нужно для хозяйства. И мы рядом с тобой, будем вместе воспитывать детей. – Так искренне говорили братья. Их слова смягчили измученную душу женщины. Это были не просто слова, братья так и поступили – делали для нее, и ее детей все, что было в их силах. И для сыновей Матии родным, отчим домом стал дом семьи дедушки Екупа и бабушки Алсабед.

Без сомнения, в этом доме у Матии не было ни в чем нужды. Однако и здесь жили под тяжестью большого горя – потеряли прекрасного брата своего Степана. Уже не было в живых и дедушки Екупа – гибель сына, смерть внука, а затем зятя ускорили его кончину. И для Матии все эти потери были тяжелым испытанием.

Но Матия была духовно сильной женщиной. Она очень тосковала по дому, в котором жила с Салуманом.

Но внешне редко показывала свою боль. Насколько это было возможно, скрывала все, что с ней связано. И только, когда приезжали сестры, (все были уже замужем), она делилась своей болью. Это было отдушиной. Но, прежде всего, дети и их воспитание заставляли преодолевать горе. Позже ей пришлось

воспитывать четырех осиротевших детей брата Хуанея. Правда, в этом ей помогали двоюродная сестра Шура, пока не вышла замуж, и родные сестры, которые, хотя и жили отдельно, имели семьи и детей. Каждый раз она привозила нам одежду и гостинцы. Но основная тяжесть ложилась на плечи Матии, которая жила вместе с нами в одном доме. Наши дядья тоже не были женаты. Правда, Дзадз позже женился, но вскоре умер.

Дзыкур женился в 1916 году на дочери известного среди абжуйцев человека по имени Джьыргу (Цьыргә) Ашуба, но она умерла очень молодой и дядя больше не женился.

Шварах был холост. Единственной женщиной в доме оставалась Матия. Сколько ей нужно было сил и терпения, чтобы три раза в день готовить и кормить двенадцать душ, убирать за ними, обстирывать и обглаживать! Кроме того, приходилось принимать и обслуживать многочисленных гостей, родственников, друзей братьев. Особенно многолюдно было во время Великой Отечественной войны. Да и внуки Екупа – дети его дочерей приезжали сюда не только каждое лето и каждую зиму, они и в обычное время любили бывать в доме дедушки. Не раз слышал, как они говорили: «Душа наша всегда здесь». Правда, сами дядья были счастливы, когда племянники гостили у нас.

В годы Великой Отечественной войны жизнь была очень тяжелой. В том числе и для жителей Арасадзыхьа. Все, кто мог держать оружие, лучшие сыновья села были на фронте, а остальные, среди которых уже не осталось молодежи, работали до изнеможения на трудовом фронте. Из нашей семьи в армию забрали Чичикуа (Николая) Капба, на которого наши дядья, после Степана Капба, возлагали большие надежды. 26 июля 1941 года он окончил исторический факультет Сухумского педагогического института. Сначала его направили на трехмесячные курсы в Телавское военно-пехотное училище, а затем, как отличившегося выпускника, – педагогом в Бакинское военное училище. Но он не задержался там долго, написав заявление, добровольно ушел на фронт. И не вернулся.

Младший брат моего отца Шварах, когда немцы подошли к нашим горам, шесть месяцев находился в батальоне горцев – опытных проводников, организованном тогда для оказания помощи воинам оружием и боеприпасами. Для его братьев, уже пожилых моих дядей Дзадза и Дзыкура, это было тяжелым испытанием...

Труд Матии, на которой держалась вся наша семья, в эти суровые годы тоже был очень тяжелым. Гостей стало больше, приезжали в наш дом родственники, друзья, особенно в тот

период, когда Сухум стали бомбить. У нас тогда находилась семья Уартана Аршба – жена Цацу и их дети. Сам Уартан, работая в одном из учреждений, помогавших фронту, в-основном находился в Дале и Цабале. Приехала к нам и семья Андрея Максимовича Чочуа: его жена Александра Владимировна, его дочь и жена Хухута Бгажба Татьяна Андреевна с маленьким сыном Олегом (сегодня известным и за пределами Абхазии ученым, историком). Приезжал также Лука Гамисониа (Гамсаниа) с женой Насией (дочь сестры матери Матии), внучка Света (ее отец Гамисония Владимир тогда работал в ОГПУ Абхазии). Все они приходились нам близкими родственниками. Кроме них к нам часто приезжали и останавливались дальние родственники, просто знакомые. В те военные годы трудно было с едой в городах. Бог свидетель, двери нашего дома всегда были открыты для всех, принимали, как могли. Конечно, были и помощницы, но главной оставалась она! Царствие ей небесное, как много она смогла сделать! При этом никто никогда не видел ее недовольной или ворчливой. Всегда улыбалась! Помню, братья сокрушались: «Убилась ты с нами, устала». Слова братьев были ей в удовольствие, грели душу и облегчали труд.

ХУХУТ БГАЖБА И БРАТЬЯ ЕГО МАТЕРИ

Хухут Бгажба родился в селе Гуп, издревле славившемся своими сыновьями. Но себя там он не помнил, так как еще в младенческом возрасте родители увезли его оттуда. Кое-что он запомнил из своей жизни в селе Джал.

Из воспоминаний Матии:

«Когда мы жили в Кутоле, и Он (Салуман – Р. К.) еще был жив, мои братья и сестры часто у нас бывали. Сестра Хаптина, была замужем за Бесланом Когония, который поселил нас на своих землях. Другая, Хаптит была замужем за Куцыруа Ашуба, они жили в соседней Джьгярде. Свояки (Салуман, Куцыруа и Беслан) очень уважали друг к другу. Что касается братьев, хотя до Арасадзыхьа было не так близко, как до Джьгярды, они часто, по очереди навещали нас. Трудно словами выразить, как они беспокоились за своих сестер, любили их. Мой (Салуман – Р. К.) братьев жены «ни с кем не мог бы сравнить», гордился ими, надеялся на них .Они заменили родных, рано ушедших из жизни».

Братья продолжали традицию видеться часто и помогать друг другу .

Хухут рассказывал мне о той большой помощи, которую братья матери оказали в формировании его личности, в становлении ученого и патриота. Говорил об их высокой духовности, обычаях и традициях, которые он усвоил в их доме:

«Я помню, джальский двор у нас был широким, огороженным плоскими кольями. Ворота были сделаны из каштана, широкие одни – для арбы, а другие поменьше – для пеших и всадников. Над воротами были навесы из каштановой дранки. Малые ворота открывались со звуком, и мы с братом Папой, услышав этот характерный звук открываемых ворот, тут же выглядывали во двор, уже заранее ожидая, что кто-то из родни матери пришел в гости к нам. Увидев сестер или братьев матери, с радостью выбегали навстречу. Папа особенно радовался младшему брату матери Шварахy, бежал к нему с возгласом: «Шах пришел!» Тот, спешившись, брал нас на руки и прижимал к груди, каждый раз радуясь, что мы так выросли. Папа, как всегда, просил его: «Шах, посади меня на коня!» – Это нетрудно, – отвечал ему дядя, – раз Бог дал мне увидеть тебя, способного сесть на коня. И. приподняв его, сажал на свою лошадь, держа сам за узду, катал его раз-другой по двору.

– Не дают тебе даже в дом войти и с нами поздороваться, здравствуй, Шварах! – встречал его мой отец Салуман.

– Пусть твои беды перейдут на меня, твою сестру, – радостно обнимала своего брата моя мать.

Помню, как и другие братья матери – Дзадз и Дзыкур приезжали к нам. Обычно они оставались у нас на ночь, не могли наговориться с отцом вдоволь. Но Шварах, никогда не оставался ночевать у нас. После ужина, если даже стояла глубокая ночь, он отправлялся домой.

И сейчас у меня перед глазами, как был одет Шварах, когда приезжал к нам. Помню его красивого гнедого коня, как он въезжал в ворота, спешивался, а затем, уезжая, садился на коня, как умело и красиво держал плеть. Помню, как его конь, гарцуя, выезжал со двора. Много позже, когда я уже мог сам читать поэму Иуа Когониа «Абатаа Беслан», герой поэта во многом напоминал мне моего дядю и внешностью, и статью, и конем, и седлом.

Расскажу один случай, связанный со Степаном (его приезды к нам до этого не помнил, видимо, был слишком мал). Мать, царствие ей небесное, как-то приехала со мной в отчий дом. Тогда Папы уже не было в живых. Это было в полдень, скорее всего, летом. День был солнечный, кто-то сидел во дворе в тени дерева, кто-то стоял на балконе – разговаривали тихо. Насколько я мог тогда понять, это были не хозяева.

– Да умереть мне вместо тебя, приехала? – сказала наша бабушка Алсабед, встречая нас, но не стала целоваться с дочерью, а направилась ко мне.

– Ангел ты мой, былинка моя, кудрявый ты мой, – говорила она, прижимая меня к себе, и слезы выступили у нее на глазах.

Тогда эти слезы мало, что говорили мне, только после, много лет спустя, понял, что они были вызваны смертью моего брата, бабушка жалела дочь, лишившуюся ребенка.

Посреди двора, пока мы не вошли в дом, со мной здоровались и хозяева, и гости, словно я был важным гостем. Вдруг из акуаскьа с лестницы спустился, одетый в черкеску, с кинжалом и пистолетом за поясом, в папахе стройный, красивый мужчина. Не подходя к сестре, он обеими руками поднял меня и поцеловал в обе щеки: «Совсем возмужал, мой Хамжыр (так С. Капба называл Хухута – Р. К.), – сказал он, глядя мне в глаза, – дай тебе Бог, долгой и счастливой жизни, взгляд твой говорит мне о многом». Он поставил меня на землю, но долго не отпускал руку. Так и держа меня за руку, подошел к сестре: «Дай Бог, тебе здоровья!», – сильно соскучившись, мать моя кинулась навстречу брату. Он сел на стул, стоявший в тени под деревом и, посадив меня на колени, стал говорить со мной, как с взрослым.

Я, конечно, не помню, о чем он тогда говорил. Запомнил, как он потом взял меня за руку, и мы поднялись в акуаскьа. Открыв платяной шкаф, сделанный из каштана и орнаментированный «рогами», он вынул оттуда новенький, красивую белую папаху: – Тебе, пока великовата, но скоро сможешь одеть, будешь щеголять в ней, – сказал он и надел папаху мне на голову. Я, обрадовавшись, крепко схватил его обеими руками. По его лицу было заметно, что ему по душе моя искренняя радость подарку.

Больше я ни разу не видел своего дядю Степана. Его убили в августе 1921 года».

Жизнь устроена так, что ребенок чувствует себя спокойно только рядом с матерью. Лучше всего, когда и отец с ними: «слепому ведь» «нужны оба глаза». Но если приходится выбирать, для ребенка важнее мать: для детей выше и сильнее другой духовной силы не существует.

Я говорю о детях Матии. Когда она вернулась в отчий дом, оставив осиротевший дом мужа, Хухуту было уже 7 лет, приближалось время идти в школу.Он уже привык к родне матери и полюбил их.

Матия изо всех сил стремилась дать детям образование, вывести в люди и выполнить обет, данный мужу. Ведь он тогда

имел в виду не только Хухута, но и не родившегося еще младенца (Хакыбея).

Когда Хухуту нужно было идти в первый класс, в Арасадзыхе еще не открыли школу, была она только в Гупе. Ей было много лет, она была открыта в 1875 году еще до одного из этапов махаджирства (1877–1878) .

До установления Советской власти в этой школе работали известные педагоги, к примеру, исследователи абхазского языка, ученые П. Г. Чарая (Ҷараиа), Е. Ачба, К. Маршан, В. Маан и др. Гупская школа имела прекрасные традиции, всегда славилась среди сельских школ Абхазии своими педагогами. Гупцы заботились о том, чтобы их школа всегда работала, чтобы сельские ребятишки могли получить полноценное образование.

В ОЧАМЧЫРСКОЙ ШКОЛЕ

Из Арасадзыхьа, где жил Хухут в доме своего дедушки до Гупской школы было около 5 км. Поэтому дядья и Матия, решили отправить Хухута не в Гупскую школу, а в Очамчырскую. Там жила двоюродная сестра Матии Татей. Это было в 1924 году, спустя 3 года после изгнания грузинских меньшевиков из Абхазии и объявления ее независимой Советской республикой.

В Очамчыре и началась школьная жизнь будущего ученго.

Татей взяла Хухута к себе жить. Она была замужем за зажиточным крестьянином Ибрагимом Хокерба (Ебрагьым Хокерба). У них было пятеро сыновей: Шамиль (Шамил)[1] – поэт, революционер и общественный деятель, в печально известные 1937–1938 годы был незаконно репрессирован, Пашьа (Пашьа), Мата (Маҭа) – имел высшее образование, работал в Турецком посольстве, его тоже убили в 1937 году, Шьула (Шьула), Хусней (Хәыснеи) – все они знали грамоту, но с высшим образование были только Шамиль и Мата.

В этой семье Хухут чувствовал себя, как дома. Татей заботилась о нем даже больше, чем о родных сыновьях.

С детства Хухут проявил себя очень способным к учебе, трудолюбивым и послушным ребенком. Я слышал от Хухута о жизни в доме тети: «Считалось, что Ибрагим Хокерба живет в городе, хотя был он настоящим крестьянином, имел скот, коров. Летом они паслись на поляне, которую тогда назывался «Старая Очамчыра». А зимой за редким исключением скот держали в помещении. У него была пара пахотных волов. Словно сейчас вижу, как они степенно, красиво наклоняя свои головы,

[1] *См: Руслан Капба. Шамиль Хокерба. Сухум, 2004.*

украшенные серовато-серебристыми рогами, шли по пашне. Поле, где выращивали кукурузу, находилось в трех километрах от города, я не раз ходил туда с ним. Мне особенно нравилось, когда Ибрагим возвращался оттуда на поскрипывающей арбе, доверху нагруженной кукурузой. Но он всегда неохотно брал меня с собой, чаще ходил туда с младшими сыновьями: «А ты оставайся здесь, учи уроки, – говорил Ибрагим, поглаживая меня по головке – боялся обидеть отказом. Да и сама Татей, сестра матери тоже всегда отговаривала: «Нан, Хухут мой, солнышко, это не твое дело, побудь лучше со мной, они там и сами управятся, да и кому помочь там есть – соседи мегрелы». Но природа ребенка так устроена, что чем больше его отговаривают не идти куда-то, не делать того-то, тем сильнее ему этого хочется, словно ждет его там что-то необыкновенно приятное. Мне очень нравилось жить в этой большой семье, они вдохновляли меня на учебу. Характер у братьев был прекрасный, мягкий, все они были очень привязаны к родным и близким. За два года, что я провел в их доме, ни разу не слышал, чтобы муж с женой или братья спорили, ругались, были недовольны друг другом. Заметил я еще и другое: они необыкновенно были привязаны к родне матери, очень любили их. И это тоже связывало меня с ними, ведь они, как и я, были Капбовскими племянниками.

Правда, в самом начале, когда я только что приехал к ним из Арасадзыхьа, тосковал по дому сильно, скучал по нашему двору, покрытому травой, словно зеленым ковром, по нашему Ореховому дереву, под которым расстилалась мягкая зеленая трава, по журчащим источникам, саду, родным и близким людям. Все тянуло домой, но также любил ходить в школу, до учебы всегда был жаден.

«Хухут, солнышко, – так трогательно нежно говорила со мной тетя Татей. – Учеба и тоска плохо уживаются вместе, знай это, а потом, ведь до Арасадзыхьа рукой подать, можем и проскочить, когда захочешь», – утешала она, когда видела, что тоска по дому охватывает меня. Я радовался, когда приезжали братья матери. Особенно часто бывал Дзадз. После встречи с ними у меня поднималось настроение, я становился необычайно веселым и жизнерадостным.

«Милая сестра, у тебя своих детей целый народ, а мы своего тебе добавили. Я не хотела беспокоить тебя, да братья твои настояли, говорят, ребенку трудно ходить пешком из Арасадзыхьа в Гуп, а в Арасадзыхье школу еще не открыли», – как сегодня слышу голос своей матери.

«Что ты говоришь, Матия, неужели нас стеснит этот кроткий, как шелк, мальчишка, сын незабвенного Салумана, да и чем он может нас обеспокоить, мы все так рады ему, и дети мои привыкли к нему, они полюбили друг друга», – так отвечала ей тетя.

Хухут успешно перешел во второй класс, показал себя умным, способным к учебе, его хвалили учителя. Хокербовцы, у которых он жил, так же, как и братья матери, очень радовались этому. «Если хвалят учителя, значит, выйдет из мальчишки толк, дай Бог ему здоровья», – говорили они.

Когда Хухут учился в Очамчырской школе, учителями работали известные педагоги, отдавшие много сил для развития письменности абхазского народа, становления национальных школ Фома (Омар) Эшба и Дмитрий Маан. Эти люди внесли огромный вклад в воспитании абхазского молодого поколения. Их педагогическая деятельность стала плодотворной основой особенно для талантливых детей, тянувшихся к образованию, к науке.

Вот что напишет спустя много лет Х. Бгажба: «…Д. Маан обучал абхазскому языку в Очамчырской школе. В то время, в 1924 году я тоже впервые поступил в Очамчырскую школу. В первом классе мы учились вместе с будущим поэтом Леонтием Лабахуа (Лабахәуа). Он жил тогда в доме Д. Маан (видимо, они доводились родственниками). Дмитрий недолго оставался у нас учителем, всего около полугода. Абхазскому языку он учил нас по книге А. Чочуа. До сих пор помню, что мы читали тогда: «Молельный дом, ты мой большой, что с тобой, печален ты?» Помню седовласого, высокого и жизнерадостного учителя. Во время урока он стоял перед нами, опираясь на свой посох. Заданное произведение на абхазском языке он сначала читал нам, а потом мы должны были рассказать или выучить наизусть, если это стихотворение.

Он не раз говорил нам: «Любите абхазский язык, заботьтесь о нем!» На его уроках было интересно, дети сидели тихо, внимательно слушали и увлеченно учили абхазский язык. Если кто-то из учеников разговаривал или начинал шуметь, учителю стоило только пристально посмотреть в его сторону, как тот мгновенно замирал и становился тихим».[1]

Счастьем для Хухута была и учеба у Фомы Эшба, которого по праву считают «дедушкой» абхазской школы И просветителем. В 1925–1926 годах в Очамчырской школе он преподавал абхазский язык и математику. Дети с огромным удовольствием

---

[1] *Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей – просветитель, Сухум. 1999, с. 65–66.*

посещали его уроки, Ф. Эшба обогащал их мир, пробуждал национальное самосознание, прививал любовь к родному языку.

«Мы были тогда еще детьми, всего лишь учениками первого, второго, третьего классов, но в памяти навсегда остались жажда к учебе и любовь к родному языку, вложенные в наши души великими национальными педагогами Фомой Эшба и Дмитрием Маан. Лично я считаю заслугой этих людей те удачи и успехи, которые имел с самого начала своей учебы, это они смогли направить меня по правильному пути», – сколько раз я слышал от Хухута такие слова.

С первого класса Хухут учился на «отлично», был послушным, все схватывал на лету и старался во всем быть лидером.

Вот один случай, услышанный от брата моего отца Швараха: «Это было летом. Хухут тогда учился в Очамчырской школе, закончил второй класс. Как-то мы отдыхали, сидя в тени под Ореховым деревом. Хухут с сыном нашего соседа Ханашва (Ханашə) Цулукиа Баджгой (погиб в Великой Отечественной войне – Р. К.) решили побороться. Никто их не подстрекал, сами решили померяться силами, ровесниками были. В первый раз Хухут упал, а Баджга отказался схватиться еще раз, словно хотел остаться победителем.

– Нет, должны побороться еще раз, не могу тебя с победой отпустить, – настаивал Хухут. И, когда схватились во второй раз, Баджга упал. – Теперь мы квиты, уже хватит, не будем больше бороться, – сказал Хухут, чрезвычайно довольный, что добился-таки ничьей».

Этот, казался бы незначительный эпизод, немало рассказывает нам о характере Хухута, который проявился уже в детские годы.

По воспоминаниям тех, кто знал его в детские годы, он был близок к родной природе, вдохновенно любил и гордился ее красотой. Особенно восхищался Каппбовским холмом, где жила родня матери. Холм был окружен густой растительностью с веселыми журчащими родниками. Летом от прохладного, оживляющего ветерка дышалось легче, просторнее, а зимой горы уберегали от морозов, и было не так холодно, как в низменных и целинных местах.

Оттуда взор простирался до синего моря, в которое смотрелись седые горы. Арасадзыхь славится не только живописными местами, но и сохранившимися руинами древних церквей и крепостных стен. Символично, что эти руины, которыми так интересовался с детства Хухут, спустя много лет исследовал его сын, историк и археолог, доктор исторических наук

Российской академии наук, академик Академии наук Абхазии Олег Бгажба.

В юношеские годы, да и позже не раз, приезжал сюда Хухут с друзьями Ш. Инал-ипа, Г. Дзидзария, М. Трапш, З. Анчабадзе. Когда они приезжали в гости к нам (наши дядья были еще живы), пока им готовили угощенье, мы поднимались в холмы Абаажв и Ачапара – туда, к руинам. И сегодня в моей памяти осталась картина, как М. Трапш бродил по этим холмам, собирая осколки найденного им древнего пифоса. Он говорил, что «здесь нужно произвести археологические раскопки». Но так и не успел их начать:рано оборвалась жизнь. Замыслы его смог претворить в жизнь Олег Бгажба.

Хухут, когда приезжал домой, непременно поднимался на холм. Да, поистине человек навсегда привязан душой к месту, где прошли его детские годы.

Не только девственная красота природы и целебный воздух еще с детства пробудили в Хухуте чувства любви к родному краю. В доме семьи матери соблюдали традиции. В доме Екупа Капба часто и подолгу гостили не только известные в Абхазии ученые, думавшие о судьбе родины и ее народа, но бывали вовсе неграмотные или малограмотные, но мудрые по своей природе, достойные, известные в абжуйской Абхазии люди, носители всего традиционно абхазского, прекрасные сказители и знатоки народного творчества. Хухут часто видел здесь многих, слышал разговоры о политике, о свободе и независимости Абхазии. Большей частью все происходило летом, под тенью нашего Большого Орехового дерева. Пытливый ум мальчишки все быстро схватывал. Он всегда с большим удовольствием прислушивался ко всему. Еще бы, как не слушать без устали остроумные разговоры, шутки и прибаутки, которыми, встречаясь, неизменно обменивались Чац Чагу, Таскуач-ипа Дигуа Дочия, Капба Тачиа и Дзадза!

Сколько веселья, юмора было в них, не вызывавших обиду или какого-то недовольства, только поднимавших у всех настроение.

Лично я не раз слышал от Хухута, что многие древние сказания, сказки, героические рассказы о реальных личностях, а также сказание о Нартах, большей частью он слышал в доме своего дедушки. Много таких сказаний знал его дядя Шварах, который часто рассказывал их маленькому Хухуту. Долг, говорят, платежом красен. Спустя много лет, когда племянник стал ученым и писателем, он сам уже читал (когда учился в Сухуме, Москве и Тбилиси) дяде Швараху книги Дмитрия Гулиа (Гәлиа), Сам-

сона Чанба, Иуа Когониа и других абхазских писателей. Дяде очень нравились образы героев, подобных Абатаа Беслану.

ПАРОХОДОМ В СУХУМ

Способный и смышленый парнишка из высокогорного села прекрасно понял еще в Очамчырской школе, что значат образование и связанные с ним труд и ответственность. Здесь познал онжажду к чтению. В семье Ибрагима и Татей было много книг на русском языке (произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Толстого, Тургенева, Горького...). Встречались книги на абхазском языке (не так много их еще было). Старшие дети Шамиль и Мата Хокерба учились в высших учебных заведениях. Шамиль писал стихи, печатал свои статьи на страницах газет сначала «Апсны» (1919–1920), а затем «Апсны капш». Кроме того, он собирал и записывал абхазское народное устное творчество. Собирал преимущественно летом, когда приезжал на каникулы в родной город Очамчыра. В очерках, написанных Ш. Хокерба в 20–30-е годы, мы видим быт, обычаи, а также экономическое и политическое положение абхазов. Ныне покойная ученый-филолог В. Х. Конджариа (В. Ҳ. Конҷьариа), составитель сборника работ Шамиля Хокерба.[1] писала: «...в очерках Ш. Хокерба вызывает восхищение, с какой ответственностью и трепетом он относится к своему делу».[2]

Шамиль Хокерба был патриотом. Первостепенное место в его жизни и деятельности всегда занимали вопросы, связанные с прошлым, настоящим и будущим Абхазии, ее историей, пережитое народом в годы оккупации Абхазии грузинскими меньшевиками.

Все это с детства впитывал в себя Хухут Бгажба. Шамиль не раз замечал, с какой серьезностью их «маленький гость» относился к учебе, его любовь к чтению и умение осмыслить прочитанное. Хухут был привязан к Шамилю, любил его. Он два года жил у них как родной человек. При встречах с Дзадзом, Дзыкуром или Шварахом Шамиль всегда хвалил Хухута, рассказывал о его успехах в школе. И дядья радовались этому, считая, что из него непременно выйдет толк, если Бог даст удачи. Поэтому мать и дядья решили отправить Хухута на учебу в Сухум, в Горскую абхазскую школу.

А Хухут тем временем с хорошими оценками перешел в третий класс.

---

[1] *См. Шамиль Хокерба. Сочинения, Сухум, 1981.*

[2] *Цит. по Шамиль Хокерба. Сочинения, Сухум, 1981, с. 7.*

Как-то летом на каникулах в Арасадзыхье, когда семья сидела в тени под деревом и отдыхала, мальчик, сидя поодаль на овечьей шкуре, читал книгу и не слушал, о чем говорили дядья.

– Подойди к нам, – сказал Хуаней, обращаясь к Хухуту. – Хотим тебя о чем-то спросить. Он говорил с ним, как со взрослым. Затем продолжил:

– Я был вчера в Очамчыре. Шамиль Хокерба сказал мне, в Горской школе открыли место, где будут обучать детей за казенный счет. Хотим перевести тебя туда, как думаешь?

Хухут тогда еще ни разу не бывал в Сухуме, но много слышал о нем и знал. Услышав о том, что задумали дядья, был на седьмом небе от счастья:

– Поеду сегодня же, если примут, – ответил он им, и лицо его запылало от радости.

Матия, не только относилась к сыну с трепетом, лелеяла его и хотела, чтобы он был всегда рядом, но и мечтала дать ему настоящее образование. Ради этого была готова отпустить его не только в Сухум, но и в далекий Ленинград (она называла его Петербург – Р. К.). Она вновь и вновь вспоминала о последнем желании Салумана, его заветные слова перед смертью, которые придали ей смелость. Она явственно услышала внутренний голос: «Не беспокойся за своего ребенка, отправь его на учебу. Бог даст ему удачи».

Хуаней начал этот разговор, уже зная, что в Горской школе детей принимают за казенный счет. Только не знал, когда нужно явиться туда, не поздно ли они спохватились. Надо было все выяснить. Словом, мать и дядья единогласно решили отправить Хухута в Сухум. И Хуаней на семейном совете дал слово, что на днях узнает, когда нужно прибыть туда с ребенком. Для этого ему необходимо было поехать в столицу...

Он прямиком отправился к министру образования Самсону Чанба, рассказал, что его племянник растет без отца и родственники хотят, чтобы мальчика приняли в Абхазскую школу. Министр согласился принять ребенка, предупредив, что его нужно привести к директору школы К. Ф. Дзидзария за два дня до начала занятий. Также необходимо было представить справку из сельсовета о том, что у ребенка нет отца. Министр заверил Хуанея, что его племянника примут в школу.

– Дай Бог, тебе счастья, спасибо. Ты обрадовал и его мать, и нас, ее братьев, – сказал Хуаней. Очень довольный, что таким чудесным образом устроил дела своего племянника, и тепло поблагодарив С. Чанба, он вышел из министерства.

Через десять дней Хуаней с племянником верхом на лошади приехали к Ибрагиму Хокерба домой. Там и переночевали.

– Забираете нашего мальчишку, а мы так к нему привыкли за два года, – сказала Татей, – но решили подняться выше, пусть Бог осветит ваш путь, мой милый Хуаней!

– Не то, что два года, привыкаешь даже к тому, кто гостил у тебя два дня. А к этому мальчишке мы душой прикипели, такой он славный! Тоскливо нам будет без него. Но я уверен, что он нас не забудет, – сказал хозяин дома Ибрагим, до сих пор сидевший молча.

Татей с Ибрагимом проводили дядю с племянником до Очамчырской пристани и попрощались:

– Счастливого пути, удачи тебе в учебе, – сказала Татей и обняла племянника.

– Дай Бог, тебе счастья, будь достойным сыном отца, – напутствовал Ибрагим, целуя в макушку Хухута.

В эти минуты Хухут был поглощен мыслями о встрече с неведомым ему пароходом. Он еще ни разу не бывал на нем, но от многих слышал рассказы о том, как может испортить ход парохода волнение моря, и как бывает трудно пассажирам во время качки. Он немного трусил, представляя подобную картину. Маленький пароходик был до отказа заполнен людьми, а море было спокойным.

Пароход плавно плыл по морю вместе с ними. Хухут радовался спокойствию моря, красивому пароходу и тому, что едет учиться в Сухум. Он сидел, прижавшись тесно к своему дяде, но был по-взрослому серьезным, всю дорогу думал о чем-то своем, молчал, весь поглощенный в созерцание сверкающего вида величавых гор, ощущая телом приятную прохладу ветерка, долетавшего с их вершин до темно-синего моря.

– Ты как, Хухут? Ведь мы впервые плывем морем, не укачивает? – спросил его Хуаней.

– Нет, мне очень хорошо, я счастлив. Здесь воздух такой легкий и чистый, да и «спина» нашего парохода такая спокойная, везет нас, словно лошадь иноходью. А когда прибудем?

– Время в пути около четырех часов, а может, и раньше приедем, – ответил ему дядя.

А Хухут был очарован изумительным видом родной природы, открывшейся его взору с моря. Он видел близко деревни, мимо которых проплывал на пароходе, его пленила удивительная красота горной цепи, охватывающей Кодорское ущелье (Кәыдры аҧхаа). Смотрел на горы, возвышающиеся над Кела-

сурским ущельем (Кьалашәыр аҧхаа), Далом (Дал) и Цабалом (Цабал). Все это вдохновляло его и поднимало настроение. Но он хотел быстрее добраться до города, о котором издревле говорили: «И в Сухумской крепости золота полно». Правда, он, как и Очамчыра расположен на берегу моря, но Хухут не мог представить их похожими, он интуитивно чувствовал, что у столицы другое лицо, только какое оно, Хухут не мог знать точно. Вот и не терпелось узнать. Хотя Сухума он никогда не видел, но знал, что «частичка утонувшей Диоскурии» – должна быть чудесной. Позже этот город, в котором прошла вся его дальнейшая жизнь (не считая лет учебы и дней отпусков), где он занимался научной, литературной и общественной деятельностью, стал ему родным и близким.

Пароход постепенно приближался к Сухумской пристани. Хухут видел и радовался жемчужному городу, который открылся ему, окутанный зеленью.

Как и все пассажиры, Хуаней с племянником сошли с парохода и вступили в город.

Они шли к Красному мосту, недалеко от которого на берегу реки Басла жили Темыр и Мексуд (Мекьсуд) Авидзба. Жена Темыра Мычич была родной сестрой Хуанея. Братья Авидзба еще до Советской власти купили здесь двухэтажный дом. Приезжали и уезжали, следили за домом, сами же постоянно проживали в другом месте. Но после установления Советской власти у них, зажиточных крестьян, посчитав кулаками, отняли все имущество. Тогда братья приехали в Сухум. Кроме того, их дети поступили учиться в Абхазскую школу. Вот к ним и направились сейчас Хуаней и Хухут. Мычич обрадовалась приезду брата и племянника, тепло встретила их. Она уже знала причину их приезда в город.

На следующий день Хуаней привел Хухута в кабинет директора Сухумской Горской школы К. Ф. Дзидзария. Ему пришелся по душе умный, любознательный мальчишка с пытливым и ясным взглядом. Еще больше понравилось свидетельство об успеваемости, которое вручил ему Хуаней.

– Дорогой Кондрат, учится он неплохо, думаю, справится и впредь. Хочу, чтобы его приняли в школу под твоим началом. Он сирота, да и Самсон Чанба мне обещал, – начал Хуаней.

– Знаю, вот передо мной здесь лежит список детей, зачисленных в школу за счет государства. Ни о чем не беспокойтесь, он не останется без внимания. Судя по сопроводительным документам, способный мальчик, может хорошо учиться, не ленится. Только они еще дети, будут по дому скучать, а потому

хочу, чтобы родные раз в месяц или в два месяца навещали их, пока не привыкнут. А дальше все будет иначе, привыкнут, – сказал Кондрат.

– Не буду много времени отнимать у тебя, дорогой Кондрат, слышал, что ты сказал, да и я пока побуду здесь. Сегодня-завтра не уеду, а перед отъездом непременно зайду, – уверил Хуаней, встал и пожал руку директору. А затем обратился к Хухуту: «Сынок мой, не опозорь меня, теперь все в твоих руках», – погладил по голове мальчика и вышел.

– Может, когда-нибудь и мой маленький мальчик станет таким же толковым человеком, как эти люди, у которых я сейчас был, – думал Хуаней по дороге. – Не только наш мальчик, но и все остальные ученики этой школы, которых я сегодня видел, могут стать настоящими людьми, если поможет государство и протянет руку помощи, будет о них заботиться, Тогда враги Абхазии ничего не добьются. Только образование может спасти народ. К сожалению, мы, абхазы, слишком поздно начали это понимать.

С такими мыслями он вернулся домой, где все его ждали.

– Матия, сестра моя, за ребенка не беспокойся. Слава Богу, я оставил его под присмотром хороших, знающих людей. Они смогут его обучить и воспитать. И не думаю, что он будет особо скучать. Да и Мычич там, рядом, отпустят, сможет и к ней зайти. Пока не привыкнет, будет его навещать, – сказал Хуаней сестре, пребывая в прекраснейшем расположении духа.

– Сестре все твои беды, замучился ты с ним, устал, – сказала Матия, обнимая брата. Услышанное о сыне наполнило ее душу радостью.

Как-то летом Хухут, еще учившийся в Очамчырской школе и находившийся на каникулах в Арасадзыхье, сидел неподалеку от дяди Швараха и, смотря, как тот сбивает грецкие орехи, рисовал картину на этот сюжет. Потом соседи долго не могли говорить ни о чем другом, их поразило то, что ореховое дерево нарисовано таким, каким оно и было на самом деле, а дядя Шварах в своей войлочной шапке, с загнутыми полями, был нарисован очень похожим на себя. Эта картина сохранилась и сегодня. А способности Хухута к рисованию пригодились и позже, когда он изучал черчение. Его чертежам мог позавидовать и квалифицированный инженер.

А теперь, когда он поехал в Сухум и поступил в Горскую школу, Матию поздравили Капба Джоджьа и Гыджь (Гыць), Хаджимба Куагу и многие другие.

ХУХУТ И ГОРСКАЯ ШКОЛА

Не предполагал в этой книге описать историю Сухумской абхазской Горской школы. Об этом замечательную монографию написал, безвременно ушедший из жизни, доктор педагогических наук, профессор Б. Г. Тарба. В ней он подробно исследует путь Абхазской школы до наших дней и ее роль в деле народного образования. Здесь же я коснусь только определенного периода, когда в этой школе учился Хухут Бгажба.

Когда он поступил здесь преподавали хорошие педагоги и учились талантливые ученики, как, впрочем, со времен основания и до наших дней. Имя, славу и уважение в народе могут дать школе или любому другому учебному заведению только качественный контингент педагогов – воспитателей и учеников.

Достаточно вспомнить, что в школе учились и работали великие сыны Абхазии: Фома Эшба, Дмитрий Гулиа, Андрей Чочуа, Кондрат Дзидзария, Дмитрий Маан, Николай Патеипа (Патєипа), Антон Чукбар (Чыкәбар), Симон Басариа, Платон Шакрыл и др. Здоровые побеги того, что они посеяли, дали необычайно богатый урожай.

В Горской школе в то время преподавали опытные и знающие свое дело учителя. Они всегда на высоком уровне вели учебный процесс: П. С. Шакрыл, С. П. Басариа, К. Ф. Дзидзария, Н. Е. Герия (Гериа), К. Ш. Камлия (Камлиа), А. А. Орынянский, В. Н. Зиздо, Грандилевская, В. П. Данкевич, Т. И. Гицба (Гыцба), С. В. Котовщук, А. И. Чукбар, Н. И. Петрова, Е. В. Мальцев, М. Г. Ранефт, П. И. Толчин, А. В. Фадеев и др.

В то время, когда директором в Абхазской школе работал К. Ф. Дзидзария, рядом с дореволюционной абхазской интеллигенцией вырастало новое поколение, получившее образование в Сухумском индустриальном и педагогическом техникумах, Абхазской школе – «университетов и институтов» для абхазов той эпохи. К сожалению, сегодня мы мало знаем об истории первых двух вышеназванных учебных заведений. О них остались скорее беглые упоминания, нежели специальные исследования, без которых невозможно отразить процесс становления и формирования абхазской интеллигенции и науки.

Молодая поросль абхазской интеллигенции – талантливые ребята, горячо преданные интересам своего народа, кровно связанные с исторической судьбой своей Родины, впоследствии ставшие надежной опорой страны, заботившейся о ее процветании. Тяжелая судьба им досталась: многие представителей старой и молодой интеллигенции унесли страшные годы

сталинских репрессий в Абхазии (1937–1941) и Великой Отечественной (1941–1945).

* * *

С первого класса Хухут Бгажба усвоил простую истину – главной задачей для ученика является учеба. (Если, конечно, он желает учиться).

В Горской школе Хухута, как очень способного, сразу же приметили учителя и одноклассники. Очень скоро он оказался вровень с лучшими учениками школы, часто опережая их. Удивительно, но все предметы удавались ему одинаково легко. Литература и история, география и математика, химия и астрономия, черчение и многое другое.

Получить пятерку у такого строгого учителя, как преподаватель русского языка и литературы В. П. Данкевич, дорого стоило, так как он был невероятно скупым на оценки, да и детям, прибывшим в Сухум из сельских школ, на первых порах русский язык и литература давались с трудом. К счастью, способные ученики очень скоро преодолевали эти трудности. Но с Хухутом не было никаких проблем.

Учитель математики М. Т. Ранефт гордился способностями Хухута в математической логике. Истории А. В. Фадеев считал своими лучшими учениками Владимира Зантариа (Зантариа) и Хухута Бгажба. Он отличал их за умение дать правильную оценку фактам и аргументам, а также знание исторических дат, что особенно важно в изучении этого предмета. А.А. Фадеев стал впоследствии известным ученым историком.

Когда он приезжал в Сухум, непременно навещал семьи А. М. Чочуа и Х. С. Бгажба.

Хухут был лучшим учеником и у преподавателя физики В. Н. Зиздо. Соперничать с ним здесь мог только Владимир Зантариа. Опытный педагог радовался успехам своих учеников, гордился, что им легко удается его предмет: «Легко проводить уроки такимм способным учеников, – часто с гордостью говорил В. Н. Зиздо коллегам, – получаешь от них удовольствие». Хухут Бгажба был одним из тех учеников, о которых так отзывался учитель. И преподаватель черчения С. В. Котовщук неоднократно отмечал способности Хухута к черчению. Его чертежи всегда были примером для всех в классе. Более того, в старших классах этот учитель, как и В. П. Данкевич, доверял Хухуту проводить иногда урок .

Хухут навсегда запомнил слова педагога Дмитрия Маан о том, что «нет лучшего учителя, чем книга». У него была прекрасная память, способности к языкам. Удивительно, что вос-

питанный в селе Арасадзыхь, Хухут никакой другой речи, кроме абхазской, не слышал. Скоро, после четвертого класса, он стал довольно хорошо говорить, читать и писать по-русски. Когда на каникулы приезжал домой, то по просьбе односельчан часто писал им различные заявления и прошения на имя районного начальства.

Хорошее знание русского языка было, прежде всего, заслугой учителей, но важнейшую роль здесь играли его отменные способности и трудолюбие.

В годы ученичества Хухут Бгажба читал много художественной литературы вне школьной программы. Оканчивая школу, он уже был хорошо знаком с классическими произведениями русских писателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Крылова, Горького и других. Он также еще с юношеских лет увлеченно читал философские, литературно – критические статьи и книги русских революционеров-демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Антоновича, Григорьева.

Все это, несомненно, расширяло его кругозор и помогло в будущем стать хорошим ученым.

Жизнь учащихся Абхазской школы того времени была насыщенной.

Благодаря П. С. Шакрыл в 1928 году в Абхазской школе был организован литературный кружок. Его членами в основном были начинающие поэты. Они собирались два раза в месяц. Работа в литературном кружке проходила всегда весело, оживленно. Читали стихи, реже – рассказы, а также статьи, посвященные стихам своих соучеников и друзей. Все что писали ребята, лично просматривал П. С. Шакрыл, кое-что редактировал и иногда готовил к публикации.

Х. Бгажба вспоминал в статье «Мой учитель»: «Мне и моему однокласснику Виктору Андарбуа наш учитель давал переводить короткие тексты. Затем он слушал наши переводы, сидя рядом с нами: помогал исправлять. Позже, когда он убедился, что мы неплохо справляемся, неожиданно для нас поручил перевести небольшую русскую книгу под названием «Наше народное хозяйство за пятилетие». – Справитесь, как знать, могут и опубликовать, – подбодрил он нас. И мы тоже с большим воодушевлением принялись за перевод. Мы его частями приносили и читали учителю. Там, где предложения слабо были сделаны, он помогал сам и мы все вместе исправляли. Так мы перевели всю книгу – занимались полгода».[1]

---

[1] *Журн. «Ашколи аҧсҭазаареи» («Школа и жизнь»), №1, 2001, с. 34.*

Книгу, переведенную на абхазский язык Виктором Андарбуа и Хухутом Бгажба, опубликовали в 1930 году под грифом Академии абхазского языка и литературы. Тогда они оба учились в восьмом классе.

К сожалению, литературный дар Виктора Андарбуа не успел раскрыться, он погиб в Великой Отечественной войне совсем еще молодым.

«Мы были не единственными, кого Платон Шакрыл привлек к литературе и привил к ней любовь. Участвовали в литературном кружке под его началом Леуарса Квициниа (Леуарса Кәыцниа), Омар Демердж-ипа (Демерҷь-ипа), Мушни Папаскир, Антон Айба (Аиба) и др. Их произведения появились впервые в печати в поэтическом сборнике «Ецваджьаа» («Ецәаҷьаа»), выходившем в то время и в газете «Апсны капш».[1]

Эта статья Хухута Бгажба несомненно свидетельствует о том, что он и его друзья, о которых он пишет, полюбили писательский труд, и литература стала их профессией, во многом благодаря П. С. Шакрылу. Опытный учитель сумел разжечь пламя из искр их природного таланта, проявившегося еще в детском возрасте. Видимо в этом и есть истинное предназначение педагога.

Хухут Бгажба отмечал, что кроме своей педагогической и воспитательской деятельности Платон Шакрыл оставил заметный след и в абхазской литературе: «Наш учитель был еще и писателем, и талантливым переводчиком. По разным причинам при его жизни собственные произведения П. С. Шакрыл не были изданы. Рассказы его печатались в хрестоматиях, в газете «Апсны капш», в журнале «Алашара», а в 1976 году издали сборник его произведений под названием «Из темноты в свет». Нужно особо отметить его талантливые переводы комедий великого русского писателя Н. В. Гоголя – «Ревизор» и «Женитьба». В 1930 году обе комедии были изданы отдельными книгами. Считаю, что настало время их переиздания».[2]

В 20–30-е годы ученики Абхазской школы, особенно старшеклассники, интересовавшиеся писательским творчеством, активно принимали участие во всех культурных событиях, происходивших в школе. В Академии абхазского языка и литературы и в Союзе писателей Абхазии не могли не заметить, что среди учащихся Сухумского педагогического техникума и Абхазской школы немало любителей абхазской литературы, начинающих пробовать свое перо. Поэтому Д. Гулиа, С. Чанба, К.

---

[1] *«Ашколи аҧсҭазаареи», №1, 2001, с. 35.*

[2] *Там же.*

Дзидзария, П. Шакрыл уделяли особое внимание талантливой молодежи, знакомились с их работами, редактировали, а затем кое-что печатали.[1]

Среди такой молодежи были А. Джонуа, Л. Квициниа, Л. Лабахуа, Ш. Цвижба, Н. Барателиа (Баратɛлиа), В. Андарбуа, Х. Бгажба, О. Демердж-ипа, Ш. Инал-ипа и др. Большинство из них совсем еще молодыми, даже будучи учениками, стали публиковать в печати свои стихи и статьи. Как пишет в автобиографии Хухут Бгажба, он начал печататься с 1930 года, иначе говоря, с 15 лет. Хухут часто писал стихи для школьной стенгазеты «Родник», выходившей по инициативе П. С. Шакрыл.

Хухут учился с большим старанием. Он много читал. Его младший брат Хакыбей Бгажба вспоминает: «Хорошо помню, как Хухут, тогда ученик Сухумской абхазской школы, летом и зимой приезжал домой на каникулы с огромной кипой книг, а затем все дни и ночи напролет читал их, большей частью ночью, при свете керосиновой лампы. Тогда я еще не ходил в школу. Помню, как завидовал ему: «Ах, если бы я мог читать сам все эти книги!», – думал я, сидя рядом с ним и из зависти, мешая ему. Он не одергивал меня, а ведь мог и побить, но я был маленьким, он жалел и любил меня. Очень скоро они с Чичикуа научили меня читать на русском и абхазском языках, еще до школы. Я радовался этому так, словно подарили полцарства. Помню еще дошкольником, сидя в тени под деревом читал по слогам, а вскоре научился их складывать и уже читал не запинаясь. Это помогло мне, когда пошел в школу, опережал своих одноклассников. Конечно, я читал на русском языке сказки, не понимая их содержания. Ждал, когда они мне расскажут, а они же далеко не всегда бывали дома, находились на учебе.

Моим дядьям нравилось, когда Хухут привозил книги, хвалили его, говорили: «Дай Бог, ему счастья, выйдет из него толк» и с надеждой смотрели на него. Он им часто читал книги на абхазском языке, их тогда было издано всего несколько».

От Хухута я не раз слышал воспоминания о его походах в горы: «Три года подряд мать посылала меня отдыхать в горы вместе с Тортиевцами, которые воспитали моего отца. Поначалу дядья возражали: мол, куда ребенку в горы – одного без родных, но затем согласились, так как знали, что Тортиевцы будут беречь меня, как зеницу ока. А я с детства, как помню себя, мечтал побывать в горах, они сверкали издали, возвышаясь над нами. Любил их, прежде всего, за высоту. Очень об-

[1] *См.: Р. Капба. Л. Квициниа. Сухум, 1969; Л. Лабахуа. Сухум, 1977.*

радовался, что наконец-то повезут. Три года я ездил с братьями Нестором, Гаджем (Гаҵь) и Тарханой (Ҭархана) Тортиа.

Природа в горах необыкновенна. Ледяные родники, горные потоки, высокие скалы, откосы, чистый, прозрачный воздух, пьянящий, словно терпкое вино – все очаровывало, поражало воображение и придавало новую, до сих пор неизведанную силу. В горах преображаются даже те, кто чувствует себя там хозяином. Удивляет поведение пастухов и даже отдыхающих, они как бы становятся чище, мягче, словно их характер непостижимым образом связан с законами гор. Словом, это – совсем другой мир.

Все что меня поразило и радовало, я отразил в рассказе «Охотник» (в первом варианте он назывался «Удачной охоты, дад!»), написанном еще в ранней юности и посвященном жизни охотников. Я хотел и планировал расширить это произведение, превратить его в повесть, но не хватило времени, многое отвлекало. Сыновья Кута (Қәыҭ) Тортиа были хорошими пастухами. Он чаще всего поднимались в горы Куниашта, Ахарюа (Аҳарԥа), Адвыюада (Адәыԥада), Хуаджал (Хәаџьал), Алкуапста (Алқәацста).

И сегодня перед глазами эти прекрасные горы, украшающие Абхазию, делающие ее чистой и благотворящей. Кроме того, в 1936 году, когда я учился в Москве и был студентом, летом Хвнап (Ҳәнаԥ) Шамба взял с собой в гору Соуипсара (Соуиԥсара) меня и мужа сестры моей матери, директора Члоуской школы Михаила Едгиевича Адлейба. Хвнап еще до революции имел до тысяч голов скота, был хорошим пастухом и человеком щедрой души. Невозможно забыть, как он принял и заботился о нас.

Вспоминая горы, хочу рассказать об одном событии, которое запомнилось мне на всю жизнь. Когда я еще ребенком поступил в Очамчырскую школу, мой дядя Хуаней подарил мне портфель, сшитый из толстого, но хорошо провяленного сафьяна с двумя отделами. Вот я взял его в горы, положив туда книги и письменные принадлежности. И на вид портфель был очень красивым. Однажды к нам на стоянку пришли пастухи (из соседней стоянки), им приглянулся мой портфель, и пристали ко мне, как черти, чтобы отдал им. Мол, крепкий, из него можно сшить справные чувяки. «Отдай нам его», – сказали эти усатые, крепко сложенные мужчины. Я смутился и согласился отдать свой прекрасный портфель на чувяки. Хозяевам моим это явно не понравилось, но я уже не мог взять свое слово обратно, а те с радостью забрали портфель.

Когда спустился с гор домой, дядя Хуаней спросил, куда подевался мой портфель, не забыл ли я его в горах. Я опустил голову, и некоторое время растерянно молчал, а потом все же решился сказать правду. «Ты пока ребенок, но что за беда стряслась с ними, чтобы просить у тебя портфель на чувяки, не знаешь, как зовут этих недоумков?» – спросил он. Не успел я ответить, как услышал слова моей матери: «В другой раз не дари ему ничего, он этого не заслуживает», – в сердцах сказала она.

– Он был настоящий и в нем удобно носить книги, я купил его, когда работал в органах в Очамчыре, но ничего… Причем тут ребенок, я разозлился на этих олухов, которые отняли у мальчишки портфель. Ничего страшного, не переживай, не стоит об этом говорить, иди сюда, – сказал дядя и обнял меня. Затем добавил: – ты, сыночек, учись, Получишь еще лучший портфель, – утешил он меня. Я стоял молча, будто хотел снять с себя некую вину».

Как уже выше было сказано, любовь к литературе Хухуту Бгажба и его друзьям привили П. С. Шакрыл и К. Ф. Дзидзария – влияние этих великих педагогов – просветителей было огромно. Со школьной скамьи Хухут проявлял критический склад ума, умел толково обсуждать и анализировать прочитанные произведения, часто выступал на собраниях школьного литературного кружка. Его друзья видели и понимали, что появился человек, способный исследовать и пропагандировать абхазскую литературу.

Здесь мне хотелось привести диалог, состоявший между ним и Виктором Андарбуа, который я услышал лично от Хухута:

«Хухут, дорогой мой друг, пока мы не можем соперничать с народами, у которых есть давние литературные традиции. Но если мы, абхазы, в состоянии понять (я это говорю, потому что знаю, многие из нас еще не до конца понимают), наш великий Дмитрий (Д. И. Гулиа – Р. К.) создал нам большой духовный памятник, который поможет нам сохраниться. На мой взгляд, нет ничего выше для сохранения нашей национальной самобытности.

Становление нашей творческой интеллигенции, благодаря Советской власти и обретенной свободе, является одним из важнейших фактов, свидетельствующих о мудрости нашего народа, богатстве его духовного мира. Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба – истинные, великие сыны Абхазии, их плодотворная деятельность направлена на развитие духовного богатства абхазского народа, сохранение языка и творчества. Я вижу, Хухут, Бог и новое время милостивы к нам. Если ничего не помешает,

мы сможем создать свою художественную литературу, которая станет известной далеко за пределами Абхазии. Во-первых, подрастает талантливая молодежь, а во-вторых, художественное слово никогда не было чуждым нам, абхазам, оно испокон веков сопровождает нашу духовную жизнь. Мы до сих пор не знаем, была у нас когда-то письменность или нет, но сохранившиеся до сегодняшнего времени в нашем словарном фонде слова, например, как книга, чтение, письмо, печать – говорят о многом. Но народ, творивший и без письменности сказания о великих Нартах и Абрыскиле, сказки, героические песни, поговорки и пословицы, безусловно, сможет создать современную художественную литературу.

– Я тебя понимаю, Виктор, да и сам тоже так думаю, хотя в истории нашего народа всяких передряг, бедствий и несчастий всегда было больше, чем спокойной жизни. Сейчас, благодаря Октябрьской революции, принесшей нам свободу, мы восстановили нашу государственность, встали на путь развития. Не мы одни с тобой так думаем, Виктор. На это надеются и наши друзья, с которыми мы здесь учимся – да, мы идем по пути возрождения если круговорот жизни нам не помешает.

– Да, я это понимаю, Хухут, мы начинаем возрождаться. Но сейчас я говорю о другом, хочу, чтобы ты подумал об этом – история литературы, которую мы изучали по программе и читали вне ее, показывает, что в развитии художественной литературы нужен пропагандист, прославляющий ее – комментатор и критик, кто может сделать отзыв, четко указать на достоинства и недостатки. В этом смысле нашей молодой литературе сегодня не хватает исследователя, человека, способного направить ее по верному пути. А такой человек нужен.

Я к тому, Хухут, что в этом вопросе на сегодняшний день трудно найти среди нас, молодых другого человека, кто лучше тебя справился бы с этой задачей. Статьи, которые ты пишешь (я знаю, что некоторые из них уже опубликованы, но большинство не видели печати), нужно собрать и издать отдельной книгой. Если хочешь, разберем их совместно с нашими учителями К. Ф. Дзидзария и П. С. Шакрыл на нашем литературном кружке. Считаю, что это хорошее дело и уверен, что наши известные писатели Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба поддержат это начинание.

– Честно говоря, я поначалу растерялся и не знал, что ему ответить. Но не скрою, мне понравилась идея моего друга, хотя тогда я и в мыслях своих не доходил до того, чтобы подготовить книгу об абхазской литературе. Правда, писал статьи, посвященные абхазским писателям, и уже напечатал несколько

из них на страницах «Апсны капш», но неопубликовано было больше. В свободное от уроков время читал все, что публиковали абхазские писатели, а затем писал о них короткие статьи и прятал в папку. Подумывал о том, что в будущем после окончания школы, если смогу пойти дальше учиться и окончить институт, я сделаю книгу. А теперь слова моего друга взбудоражили, вдохновили, и как-то подстегнули меня – показалось даже, будто держу ее в руках уже изданную. Я знал , что написать и издать книгу, было дело сложное даже для моих учителей, не говоря уже обо мне, пока еще школьнике. Но желание охватило всего меня – какой-то приятный внутренний голос, говорил мне: «Иди, садись сейчас же за свой стол и начни работать!», эти слова приятно отзывались в моей душе.

– Спасибо, Виктор, за совет и за то, что ты веришь в мои возможности. Но, дай Бог тебе счастья, куда мне до книги по критике абхазской литературы, легко ли? Да, я опубликовал кое-какие статьи, и в рукописи имею несколько, но разве этого достаточно? – посмотрел я на него, но идея, которую подал он, крепко засела в мозгу.

– А кто сказал, это легко или книга уже готова к изданию, Хухут? Я же говорю о том, что ты в силах с этим справиться. А значит, нужно сделать. Надо начать с сегодняшнего дня, Хухут, – так беседовали мы долго, прогуливаясь по набережной. А затем вернулись в общежитие».

С этого разговора, смело можно сказать, что берет свое начало создание книги, посвященной абхазской литературной критике. До этого Хухут Бгажба не задумывался о ней. Но когда возникла идея, которая могла быть претворена в жизнь, он серьезно воспринял слова своего друга. Правда, он не верил, что опубликовать книгу об абхазской литературной критике под силу учащемуся средней школы. Да и наша литература к тому времени (письменности тогда было около 70 лет) возникла всего лишь около 20-ти лет назад, и Хухуту казалось, что создавать работу, посвященную ей, еще рано, что для этого нужны не только больше произведений, но и опыт.

Хотя к тому времени уже был издан перевод книги, сделанный им совместно с Виктором Андарбуа и при содействии П. С. Шакрыл. Правда это был перевод книги других авторов, но она зазвучала на абхазском языке, да и тема была актуальной, а потому приобрела абхазских читателей.

Спустя три месяца после разговора с Виктором, Хухут Бгажба подготовил книгу и показал ее другу. Он попросил его прочитать ее и, если сочтет ее достойной, организовать разбор в

литературном кружке, чтобы впоследствии отнести ее в Союз писателей Абхазии. Виктор Андарбуа прочел книгу и высказал свое мнение: «Насколько я понимаю книгу нужно издать, без всяких там обсуждений в литературном кружке, надо предложить Союзу писателей, так как ее необходимо быстрее опубликовать. Такой книги, критически исследующей абхазскую литературу, еще никто до сих пор не написал – это нужно и писателям, и читателям».

– Тогда, – обрадовался Хухут, вдохновленный словами друга, – дай Бог тебе счастья, Виктор, ты ободрил меня своим словом. Спасибо и за то, что прочитал книгу. Дай нам Бог, столько радостей в жизни, сколько недостатков в этой рукописи, но и я думаю, что ее стоит издать. И если, как ты утверждаешь, она нас не подведет, завтра же после уроков пойдем в Союз писателей и покажем ее председателю.

– Ты взвалил на меня этот груз, – пошутил Хухут, – и он пока слишком тяжел для меня, так что помоги донести, посмотрим, что нам скажет председатель.

Решив отправиться в Союз писателей на следующий день, друзья больше не касались этого вопроса. Друг Хухута Виктор Андарбуа любил абхазскую литературу, тонко чувствовал художественное слово. Он тоже писал стихи и статьи, увлекался переводами, кое-что из них печаталось в газете «Апсны капш». Но публиковать свои произведения (будь то стихи или статьи), он не спешил, стремился усовершенствовать свои знания, умения. Не случайно Хухут отдал ему свою рукопись, он хорошо знал способности своего друга – его знания были глубокими не по возрасту. К великому сожалению, жизнь этого талантливого юноши, как и многих его друзей и сверстников, оборвалась слишком рано.

* * *

Хухут и Виктор, как и договорились, пришли к Самсону Чанба. Тот хорошо знал молодых людей, способных к писательству, интересовался их творчеством и способствовал публикации их произведений. Он часто посещал литературные кружки, слушал выступления начинающих литераторов и давал им советы, как старший, как отец. Огромную роль в сближении и взаимопонимании Самсона Чанба с ним сыграли большие патриоты Абхазии Симон Басариа и Кондрат Дзидзария. Что касается Хухута, он уже был знаком с Самсоном Чанба. Да и будучи старшеклассником, он печатал статьи о произведениях

абхазских авторов, принимал участие в обсуждениях новых произведений в литературных кружках, в Союзе писателей Абхазии. Самсон Чанба заметно обрадовался, когда ребята пришли к нему с рукописью книги о художественной литературе, написанной аккуратным, красивым почерком. Даже не читая ее, он предполагал, что это может быть интересным, иначе Хухут, несмотря на свою молодость, не предложил бы ее. А главное – такая книга нужна молодой абхазской литературе.

Забрав у них рукопись, Самсон Чанба посоветовал ребятам прийти через неделю.

– Посмотришь, Хухут, твою рукопись напечатают, пока мы школу не окончим, – подбадривал автора добрый Виктор.

– Что ты, Виктор, совсем уж легко у тебя получается! Хорошо бы когда-нибудь в будущем решилась судьба этой книги, а ты говоришь, пока школу не окончим, – ответил со смехом Хухут.

Так, весело подтрунивая друг друга, друзья вернулись в общежитие школы-интерната. Никому из своих одноклассников не стали они рассказывать о том, где были. Решили промолчать о книге, пока не будут известны результаты. Но надежда была. И действительно, вскоре их ожидания оправдались. За два дня до назначенного Самсоном Чанба срока, он сам позвонил директору школы К. Ф. Дзидзария и передал, чтобы ученик Хухут Бгажба зашел к нему после уроков.

Через некоторое время Хухут и Виктор уже были у Самсона Чанба. Он сидел за своим столом, как всегда, одетый с иголочки, красивый, в больших ясных глазах светился ум.

– Хухут, поздравляю тебя с книгой, обязательно издадим. Несмотря на юный возраст, ты сделал очень хорошее дело. Твоя книга охватывает лучшие произведения нашей национальной литературы со дня ее возникновения, в ней говорится не только об успехах, но есть и критический взгляд, значит, это – нужная книга. Я с удовольствием прочел ее и уже говорил о ней с директором издательства Нестором Таркил (Тарқьыл). Он в курсе, примет ее и окажет необходимую помощь.

Затем, помолчав немного, добавил:

– У меня есть и небольшие замечания, отметил карандашом. Их немного, посмотришь сам, да вы потом можете решить все вместе с редактором, – и протянул рукопись взволнованному автору.

Виктор Андарбуа и Хухут Бгажба вышли из кабинета. Виктор ни на шаг не отходил от Хухута, желая довести до конца дело, инициатором которого был. Он воодушевленно сказал Хухуту:

– Как видишь, у меня легкая нога, и с твоей первой книгой получилось все так, как я и предсказывал. Действительно, мы еще не успеем окончить школу, как она выйдет. Помимо гонорара, она даст тебе имя и послужит паспортом там, куда ты поедешь учиться.

– Виктор, дай Бог тебе удачи, ты говоришь так, словно мы держим в руках уже изданную книгу, хотя и я вижу, мы теперь близки к этому раз ее приняли. Однако поверь, я говорю истинную правду, эта идея – твоя заслуга. Если бы не ты, я еще и не приступил бы к ее написанию, – сказал с благодарностью Хухут.

– А в издательство ты теперь пойдешь сам и, как советовал Самсон Чанба, встретишься с Нестором Таркил. До свидания, до встречи в общежитии, я буду тебя ждать там, – сказал Виктор и попрощался с Хухутом.

Конечно, Хухут не был так близко знаком с Нестором Кирилловичем (Кәмач-ица) Таркил, как с К. Ф. Дзидзария, П. С. Шакрыл и С. Я. Чанба. Но вот они встретились – юный абхазский критик и главный редактор издательства.

Хухут Бгажба сдал свою рукопись в издательство. Любая книга, чтобы выйти в свет, нуждается в помощи редактора, как бы талантливо и вдохновенно она не была написана. Я сам лично не раз слышал, как Хухут Бгажба вспоминал с любовью: «Царствие ему небесное, если бы не Нестор Кириллович, моя книга тогда могла бы и не выйти – недостатки были. Он помог во многом, особенно в том, что касается стиля».

В то время Хухут был очень занят, усиленно готовился к окончанию средней школы, день и ночь напролет занимался. Несмотря на занятость, его сильно тревожила подготовка книги к изданию.Он часто ходил в редакцию, занимался всеми вопросами, возникавшими во время редактирования, вносил исправления. Редактор относился к молодому автору с большим уважением, активно работал с ним. В итоге книга вышла в 1933 году и называлась «Критический взгляд на современную абхазскую литературу вкратце, с некоторыми теоретическими вопросами».

Хухут Бгажба позднее, став известным ученым, посвятил Н. К. Таркил исследовательский очерк «Тот, кто служил абхазской литературе», котором рассказывает о личности Нестора Кирилловича, его заслугах в деле развития культуры и экономики Абхазии: «С 1932 года по 1938 год он был главным редактором Абхазского государственного издательства. Здесь он особо оказывал помощь молодым писателям, читал их произведения и, сидя вместе с ними подолгу, исправлял, где нужно, таким образом, много трудился с молодыми авторами. Он не жалел ни

времени, ни себя, чтобы подготовить к печати достойную рукопись. Это был не очень заметный и неблагодарный труд, но он не жалел тратить на него и ночные часы отдыха, помогая развитию абхазской литературы.

В 30-е годы под его редакцией вышло немало художественных произведений, например, стихи и поэмы Шалвы Цвижба и Леуарсы Квициниа, затем программы по абхазскому языку и литературы для школ. Я, пишущий эти строки, никогда не забуду, как много помог мне Н. Таркил, когда готовилась к печати моя книга об абхазской литературе, увидевшей свет в 1933 году. Он всегда занимался больше чужими делами, чем своими, всю жизнь стремился помочь кому-то, делая это как-то незаметно для постороннего глаза».[1]

Вскоре Хухут Бгажба и его друзья – одноклассники, Владимир Зантариа и Виктор Андарбуа с отличием окончили Абхазскую школу. Тогда еще не вручали золотые и серебряные медали.

* * *

Хочет вернулся домой в Арасадзыхь с двумя радостными известиями: он с успехом окончил среднюю школу и сумел выпустить в свет свою первую книгу. Вот что по этому поводу вспоминает младший брат Хухута Хакыбей Бгажба: «Помню прекрасно, тогда я учился во втором классе, умел читать на абхазском и русском языках. Когда Хухут вернулся после окончания школы и сообщил нам, что вышла его книга, дядья, царствие им небесное, обрадовались так, словно он уже получил высшее образование. Они были истинными абхазами, выше всего ставили честь и достоинство, отличались исключительным радушием и гостеприимством. Дядья искренне радовались успехам своего племянника, ведь он не только отлично окончил школу, но сумел в таком юном возрасте написать и опубликовать свою первую книгу. В честь его приезда был зарезан великолепный холощеный козел, собраны на застолье родственники и соседи. Позже, когда уже Хухут уехал учиться дальше, они с гордостью показывали его первую книгу каждому гостю, кто приходил к нам в дом».

Тогда Хухут задержался дома на десять дней, но за это время успел немного отдохнуть, уж очень устал от экзаменов и от работы над книгой, даже похудел.

– Пока ты дома, отдохни, погуляй, повидайся с родными, братьями, соседями, да падут на меня твои беды, – говорила ему Матия.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя. Сухум, 1977, с.232–233, на абх. яз.*

Ее братья желали ему того же. Действительно, за десяти дней Хухут здорово отдохнул, набрался сил. К счастью, в этой семье исстари никто не испытывал нужды в еде и питье. И теперь, в нелегкое время пока сохранялись благополучие и достаток. Правда, уже не было у семьи тех земель, садов, пастбищ и ольховых рощ, которыми владели сыновья Екупа до установления Советской власти. Границы их собственных участков, как и у всех других крестьян, были сильно урезаны.

Хочу вспомнить о событии, связанном с Капбовским холмом. Это было в августе 1954 года. Мы приглашали в отчий дом моих сестер – Кукул и Нусию, недавно вышедших замуж. Играли свадьбу в честь новых зятьев. В то время в Очамчырском районе было принято устраивать свадьбы в ночное время. Как положено по абхазскому обычаю, зятья Илико Адлейба и Володя Кварчия прибыли с друзьями. В доме моего отца свадебная песня не звучала давно. И поэтому были приглашены все наши родные, близкие и соседи. Из братьев отца в живых оставались только Дзадз и Дзыкур, да и они, после пережитых невзгод, несчастий, постарели, «устали от жизни». Но когда их племянницы Кукул и Нусиа вышли замуж, они пожелали на старости лет сыграть им красивую свадьбу (не так, как это делают сейчас, записывая в тетрадку все подарки, в том числе и деньги). Хотя все приглашенные гости были родственниками и близкими людьми, не скрою, я с нетерпением ждал приезда Хухута, так как знал – с ним обязательно приедут его друзья писатели и ученые. Увидеть их было большой радостью для меня.

Ожидание было не напрасным. На свадьбу вместе с Хухутом приехали его друзья – Шалва Инал-ипа (его я знал с детства, он бывал у нас дома не только с Хухутом, но и с Чичикуа Капба, с которым дружил), Зураб Анчабадзе, Михаил Трапш и Георгий Дзидзария. Знал их по статьям и произведениям, которые читал.

К тому времени наш народ уже получил возможность немного перевести дух от сталинских репрессий, вновь открылись национальные школы, подрастали национальные кадры. Арасадзыхьцы, как и все, радовались этим переменам, с надеждой смотрели в будущее. Помню, как люди с искренней радостью встречали вышеназванных ученых, жаждали общения с ними. Конечно, крестьяне не читали работы, но знали, что они – истинные сыны Отечества, стоят на защите интересов абхазов и не щадят себя в служении своему народу. Кроме того, они были друзьями Хухута – их сына, воспитанного в их родном селе. И это многое значило.

В одной из своих работ под названием «Борцы за Советскую власть», Георгий Дзидзария на основе архивных материалов, впервые рассказал о революционере, патриоте, выходце из этого села Степане Екуповиче Капба, боровшемся против грузинских меньшевиков. Ныне его имя носит Арасадзыхьская средняя школа. Книгу о Степане Капба Георгий Дзидзария подарил его родным, сказав о нем несколько теплых слов. Это был поистине бесценный подарок не только для братьев, но и для всех жителей села Арасадзыхь.

Хухут и его друзья оставались тогда у нас дома до следующего вечера после свадьбы. На следующий день они решили подняться на Ачапара, возвышавшийся среди Капбовских холмов. Я тоже ни на шаг не отходил от них, жадно впитывал в себя все, что они говорили.

На самой вершине этого холма имеется равнинное и достаточно обширное место, с трех сторон огороженное неприступными скалами, которое соединяет холмы Большой и Малой Ачапара, включая и горку Абаажв. Только две тропинки ведут на вершину. На целинной земле, в тени больших чудом сохранившихся грабовых деревьев мы обозревали мир.

– Посмотрите, как ослепительно красиво вокруг, отсюда как на ладони можно увидеть нашу с Хухутом малую родину! Какой здесь целительный воздух! Душу и тело ласкает прохладный ветер, вот с тех высоких гор, пленит нас, – воскликнул Шалва Денисович Георгию Алексеевичу и Михаилу Мамедовичу, впервые бывшим здесь.

– Мы слышим тебя, Шалва, здесь природа необыкновенна. Она прекрасна и потому на этой земле, как осколки, издревле стоят эти крепостные руины, вот только пока все еще не изучены, не исследованы, – нарушая задумчивую тишину, проговорил Михаил Мамедович Трапш.

Георгий Алексеевич вставил, воспользовавшись паузой:

– Ты верно говоришь, Шалва, ваше с Хухутом село поистине прекрасно, но оно и не могло быть иным, ведь здесь родились такие замечательные люди, как вы, – шутя, подразнил он друзей.

– Как создана природа, – продолжил он, – словно великий мастер сотворил ее. Вот возьмите, любое абхазское село – в ущелье ли, в горах или долине, где бы оно ни находилось, имеет свое неповторимое лицо и красоту. Ни одно не похоже на другое. Для меня Лыхны – самое красивое место, душа моя там, для Аджыра же (Ацыр букв. «сталь», так многие называли М. М. Трапш – Р. К.) – самой красивой является земля его отцов, дедов

и прадедов. А для наших хозяев, – он указал на Шалву и Хухута, – самой лучшей и близкой кажется эта чудесная природа, которую мы сейчас видим. Они ее сыновья, любят и гордятся ею!

– Я, дадраа, – степенно, словно старец, включился в разговор Михаил Мамедович, – понимаю и принимаю все, что вы говорите. Человек без этого чувства к своей земле, не может состояться, не станет патриотом своей страны, не сможет ее любит. Здесь вы нового ничего не открыли, друзья мои. Так создан мир человека, такова его природа. А теперь, оставив эти разговоры, пойдем, посмотрим древнее жилище и каменную ограду. Хухут хотел показать их. Не знаю, как вам, но мне интересно его осмотреть, хотя сидеть здесь с вами в тени очень приятно, но что это мне даст, как археологу. Михаил Мамедович быстро встал. Остальные последовали за ним.

Эта экскурсия началась в 60-ти метрах от той вершины холма, где мы сидели. С севера от нее у самого края скалы начиналась ограда крепости, врезавшаяся в землю размером в 4 м в длину и в ширину. Оттуда по всему холму вокруг стоит каменная ограда. Все это увидели ученые. Когда мы уже спускались обратно, М. Трапш собрал немало фрагментов керамики, разбросанных по косогорью.

Как сейчас помню слова Михаила Мамедовича, которые он тогда сказал: «Хухут, место, где живут братья твоей матери, где и ты был воспитан – историческое. Его необходимо исследовать особо. Я вижу, что здесь еще не было следов археолога, оно – как чистый лист бумаги. Несомненно, сюда нужно приезжать, надо работать».

В это время к нам подошел мой брат Котик и пригласил всех на обед.

– Со вчерашнего дня мы только тем и заняты, что пьем и едим. Думаешь, недостаточно уже нам, парень? – шутливо спросил Георгий Алексеевич моего брата. А тот, растерявшись поначалу, весь залился краской, но все же добавил: – Вас ждут.

– Мы уже идем, Котик, туда же и направляемся, – сказал Хухут, – вчерашняя свадьба была общей для всех. А сегодня застолье. Для оставшихся гостей и обслуживавших свадьбу соседей, специально забили козла. Оно и вкуснее сегодня.

Так и спустились домой, веселые, оживленные. Михаил Мамедович попросил меня найти мешочек, чтобы положить в него собранные им фрагменты керамики. Я так и сделал. А затем, когда уезжали, проводил до машины. Тогда автомобиль мог доехать только до сельсовета. Машина той ночью стояла во дворе, жившего поблизости соседа Багателия Ламшацва (Ламшацәа).

Известный наш историк, замечательный археолог Михаил Трапш не успел выполнить свое обещание. Рано оборвалась его жизнь. Не пришлось ему раскрыть тайну древнего исторического места Абхазии, имевшего когда-то стратегическое значение.

* * *

Чувства Хухута были обострены – предстояла скорая разлука. Он должен был уехать для дальнейшей учебы в Москву. А сейчас с любовью оглядывал родные места, где прошло его детство, где он играл и бегал босиком по траве, собирал летом хворост, грецкие орехи, носил корзины во время сбора винограда, красивые холмы, куда часто поднимался, вдыхая пьянящий, как молодое вино, здоровый, чистый горный воздух, слушал журчание родников и источников. В одном из них желоб – место, где летом купаются, охлаждаясь в ледяной водой. Да и на него также, с любовью, смотрели косогоры и тропы, и даже Ореховое дерево слева от ворот дома, раскинувшее свои широкие ветви, в тени которых, как в гостиной, нравится сидеть и хозяевам, и гостям, словно шептало: «Посидишь вот немного в моей тени, насладись прохладным ветром с гор и моря, вдохни чистого воздуха и наберешься больше сил и здоровья, станет ум твой острей и дела пойдут удачно».

На следующий день, перед отъездом Хухут снова прошелся по родным местам, поднялся на высокий холм и посмотрел на руины крепости, попрощался затем с соседями. Ему тогда было неполных 19 лет. Он был высоким худощавым парнем, большеглазым и широколобым, со сросшимися густыми бровями. И как бы весь светился изнутри, обаятельная улыбка, часто появлявшаяся на живом лице, когда ему что-то нравилось, делала его открытым и близким человеком.

Если не нравились слова собеседника, Хухут не любил возражать резко, умел скрывать свое недовольство, был терпеливым и сдержанным. С ранних лет он отличался скромностью и правдивостью. Это были его главными принципами. У Хухута была цель – без нее жизнь человека не может состояться, она не имеет смысла.

Он уже дважды оставлял свою «малую родину» – Арасадзыхь. Правда, на сей раз, отправляла она сына далеко. «Он собирался в Москву. Это, конечно, беспокоит меня. Нелегкое дело – находиться где-то на краю света. Но не это главное для него и для меня. Главное – учеба. Пусть будет трудно мне, нелегко и ему, но путь его лежит в Москву, и дай Бог удачи, моему Хуху-

ту!» – так думала Матия той ночью, когда собиралась наутро отправить сына в Москву.

ДОРОГА В МОСКВУ

Солнце жизнерадостно взошло из-за вершины горы Ашвшьра, обогревая своими лучами двор дома. Хухут, уже оделся и стоял во дворе. Матия складывала его вещи в чемодан темного цвета. Дзадз, стоя в середине двора со стаканом, наполненным искристым черным вином, обратив свой взор к восходу, произнес: «Прошу тебя, Господи, меня создавшего, пусть будет счастливой дорога, по которой направляется сегодня наш Хухут. Благослови его, Господи, Ты один всесильный, не оставляй без своей милости! Дад, Хухут, ты еще ребенок, но смышленый, думаешь о благом деле, мы все надеемся на тебя. Пусть сопутствует удача в избранном тобой пути, в учебе, Хухут! Счастливого тебе возвращения на Родину после учебы! В Москве мы не бывали, но знаем, что это далеко, да и климат там совсем другой, зима суровая! Будь умницей, старайся приобрести хороших друзей и соседей, ладь с ними, они могут заменить тебе братьев. Мы с твоей матерью будем тебе помогать, чем сможем. Мы надеемся только на тебя и Чичикуа. Счастливого пути! Пусть Бог бережет тебя!», – сказал он и выпил стакан до дна. Затем и все домашние выпили этот тост.

В последний раз, окинув взглядом холм Капбовцев, двор и дом, обняв и поцеловав всех близких, сказав им «До встречи!», Хухут открыл калитку и вышел на проселочную дорогу.

– Счастливого пути! Счастливого пути, Хухут, радостного тебе возвращения! – восклицали вслед близкие и соседи, пока он шел к центру села, оглядываясь и задерживая взгляд на родных лицах. Матия и Дзыкур провожали его до Сухума. Тогда уже начал ходить поезд между Ткуарчалом и Очамчырой. Это было в то время огромным событием, людям стало намного легче ездить друг к другу. До Очамчыры Матия, Дзыкур и Хухут доехали на поезде, а оттуда автобусом добрались до Сухума.

На ночь остановились в семье Темыра, где их приняли с большой радостью. Темыр Авидзба очень уважительно относился к ученью, и сам был образованным человеком. Он очень обрадовался, что Хухут едет учиться в Москву, дал ему на дорогу денег. Темыр часто помогал учащейся молодежи и заботился о ней.

Хочу вспомнить, что во время моей учебы в институте он не раз помогал деньгами, хотя я учился в Абхазии.

На следующий день Хухут отправился в Москву. Он должен был добраться до Сочи на автобусе, а уж оттуда ехать поездом.

* * *

Поезд «Сочи – Москва», в котором ехал Хухут, несся по рельсам, спеша доставить вовремя своих пассажиров до места. До сих пор Хухут ни разу не уезжал из Абхазии, даже не бывал в Сочи. Для него все было внове. Зачарованно вглядывался в природу Кавказской горной цепи, сквозь которую он сейчас проезжал. Он знал ее только по учебникам географии, а теперь жадно смотрел на проносящийся ландшафт из окна купе.

...Поезд «Сочи-Москва» прибыл на Казанский вокзал. Через полчаса пассажиры, растворились в шуме и круговороте большого города. Все поспешили по своим делам. Среди прибывших был и будущий студент Хухут. Он совершенно не знал города, никогда не видел метро и не понимал, как им пользоваться. Но сейчас он должен поехать на такси в институт, куда нацелился поступить. Людей в очереди на такси было много. Вскоре подошла его очередь, и Хухут сказал водителю: «В Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина». И машина, сорвавшись с места, покатила по указанному адресу.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Хухут Бгажба приехал поступать в этот, один из самых известных институтов страны, хорошо подготовленным, но заметно волновался: «Здесь было много молодых людей, желающих поступить в вуз, большинство из них – русские. Они были сильнее и лучше подготовлены, чем выпускники национальных школ». Но Хухут рассчитывал еще дополнительно подготовиться. До начала вступительных экзаменов оставалось около десяти дней, да и между экзаменами было достаточно времени для этого.

Хухут Бгажба сдал документы. Девушка из приемной комиссии вручила ему приемный листок. Она посмотрела в его аттестат, и, увидев оценки, оживилась и удовлетворенно сказала: «Если эти оценки реальные, нечего беспокоиться, хотя здесь большой конкурс, поступить Вам будет несложно».

Хухуту не очень понравились ее слова, но он и виду не подал, а только спросил, дают ли место в общежитии приезжим абитуриентам.

– Да, покажете им этот приемный листок, и вам дадут место, – приветливо ответила она, а затем продиктовала адрес

общежития, которое было расположен недалеко от института. Там и стал жить Хухут.

Комната была маленькой, рассчитанной на двоих, но достаточно удобной. В общежитии был большой читальный зал, библиотека тоже была рядом.

В эту же комнату вместе с Хухутом вселили башкира, симпатичного, смуглого юношу с густой шевелюрой черных кучерявых волос. Звали его Мухтар Салимов. Он, как и Хухут впервые приехал в Москву. У него оказался покладистый характер, был общительным парнем.

До экзаменов оставалось 10 дней. Все это время Хухут готовился по всем предметам, которые ему предстояло сдать – русский язык (письменно и устно), история СССР и иностранный язык. Он, конечно, волновался, но не боялся экзаменов, надеялся на свои знания и удачу.

Порой его охватывала тоска по дому, матери и маленькому братишке Хакыбею. Это и неудивительно, ведь Хухут никогда еще не уезжал так далеко от дома и не привык к разлуке. Он мечтал после экзаменов, дай Бог, чтобы они прошли удачно, своими глазами увидеть достопримечательности Москвы, ее знаменитые музеи. Понятно, их очень много, и ему вряд ли удастся осмотреть все. Но он непременно побывает на Красной площади, увидит Кремль и его прекрасные дворцы. Он также хотел побывать в мавзолее В. И. Ленина.

Много было желаний у абхазского юноши, впервые приехавшего в Москву, но все это будет позже, а сейчас нужно сдавать экзамены и поступить в институт.

Абитуриентам не хватало времени на сон и отдых, они усиленно готовились к экзаменам, порой забывая даже покушать. Оно и понятно, здесь собрались молодые люди, способные и желающие учиться. Между ними был конкурс, хотя и небольшой. Словом, экзаменаторы должны выбрать лучших из лучших, хороших – из еще более хороших.

Закончились приемные экзамены в МГПИ. Список поступивших был вывешен у входа в главный корпус здания института отдельно по каждому факультету.

Хухут и Мухтар подошли к большому стенду.

– Хухут! – воскликнул его друг Мухтар. – Мы здесь, слава Аллаху, создателю нашему!

Они обнялись.

– Да, наши оценки давали надежду на то, что будем приняты, – ответил Хухут с радостью, – но сказать наверняка было сложно. Конкурс – нелегкое дело, здесь все решают баллы.

– Хухут, – сказал Мухтар по дороге в общежитие, – лично я боялся, что придется вернуться домой ни с чем. Понятно, это не убило бы меня, не получится в этом году, поступлю в будущем, я бы не оставил это дело. Но жалко было отца, еще года не прошло, как мы потеряли маму, – горестно вздохнул он, вновь переживая свое горе, а затем продолжил, – отец хочет, чтобы я непременно выучился, так как я – его единственный сын. У него еще три дочери, но они младше меня, еще учатся в школе, им до института далеко.

– Мухтар, – отвечал Хухут, – за меня болели многие – мать, ее братья, которые помогли поехать на учебу. Они день и ночь ждут, поступил ли я. Как видишь, мы уже студенты. Это – большое событие! Но скажу тебе честно, если бы не приняли, я отсюда никуда не уехал бы. Хотя и тянет сильно домой. Нашел бы работу, пусть и физическую, чтобы прокормиться и стал бы готовиться на следующий год. Но, к счастью, такой проблемы у нас теперь нет, – сказал Хухут.

Комендант общежития посоветовал ребятам использовать свободные до занятий дни, чтобы познакомиться со столицей: «Вы только по книгам знаете Москву, но этого мало. Походите по нашей столице, осмотрите исторические места, посетите музеи. Они расскажут вам о многом, это поможет и в дальнейшей учебе. За неделю, верно, в большом городе всего не узнаешь, но начинать-то надо! А когда начнется учеба, вряд ли у вас будет свободное время для экскурсий».

Так они и сделали.

Хухут во время одной из наших бесед, вспоминая о первых днях своей студенческой жизни, рассказал, как он со своим башкирским другом в течение недели совершал самостоятельные экскурсии по Москве. От этих походов они получили огромное удовольствие, наглядно убедившись, какую действительно великую историю имеет Москва. Помимо эстетического наслаждения, полученного от увиденной красоты и чуда, друзья-студенты знакомились с историей великого русского народа, почувствовали многообразие его духовного богатства, щедрость и природу русского человека и многое другое.

ТАЙНА СТУДЕНТА

1 сентября в МГПИ начались занятия. Хухут усердно учился. Даже не было времени скучать по дому.

Он, как только обнаружил свое имя в списках, поступивших в институт, написал домой письмо, сообщив, что его при-

няли, и пусть родные не беспокоятся – им не будет стыдно за него! Письмо студента, пришедшее в Арасадзыхь, преодолев расстояние, через степи, долины и горы, несказанно обрадовало Матию, ее братьев и сестер. В то время это было событием, которым можно было гордиться.

Хухут уже был автором двух книг. Документ о членстве в Союзе писателей СССР за подписью великого пролетарского писателя А. М. Горького (удостоверение члена Союза писателей СССР №136, выдано в 1933 году), несомненно, поднимал его авторитет в глазах не только друзей, но и профессорско-преподавательского состава института. Кроме того, в периодической печати было опубликовано немало его статей на абхазском и русском языках. Хухут способностями и знаниями заметно выделялся среди других студентов. И вот этого многообещающего студента ... исключили из института. Это стало большим ударом – он не знал, что делать, был растерян, сбит с намеченного пути. Конечно, во всем, что случилось, Хухут винил только себя, но это уже было ни к чему.

... В СССР повсеместно шли приемные экзамены в высшие и средние специальные учебные заведения. Однажды к Хухуту в общежитие пришел хороший знакомый Шура (Александр) Гвалиа. Увидев своего соотечественника-абхаза, Хухут очень обрадовался.Но тот был невесел, заметно обеспокоен. Хухут сразу понял это и спросил:

– Шура, что тебя беспокоит, нужны деньги?

– Нет, Хухут. То, что беспокоит меня, важнее денег. Сказать честно, не знаю, как и начать разговор. Дело в том, что завтра у нас письменный экзамен по русскому языку, и мне нужна твоя помощь. Я знаю, что ты завтра свободен, помоги мне, боюсь, что самостоятельно я не справлюсь. Ты поступил на филологический факультет, знаешь хорошо программу средней школы, а я боюсь провалить экзамен. Хочу, чтобы ты сдал этот предмет за меня, – так завершил свою необычную просьбу земляк.

Хухут был поражен и молчал, не находя слов. Но все-таки согласился.

На следующий день, в 10 утра, в Московском горном институте (МГИ) начинался экзамен по русскому письму. И Хухут был среди «поступающих». В этот день Шура получил хорошую оценку за «свою работу», и стал студентом престижного института. Начал учиться и чувствовал себя прекрасно. Да и отчего ему не радоваться, ведь он учится в МГИ.

И Хухут тоже был спокоен. Он с удовольствием участвовал в литературном кружке, часто выступал на семинарах.

Но тайна, которую знают двое, рано или поздно становится явью. Как-то Шура, будучи навеселе, рассказал одному своему другу о том, как было на самом деле – что один абхазский студент из МГПИ сдал за него экзамен. (Кто тянул его за язык! Но говорят же в нашем народе, что «кровь, которой суждено вытечь не может остаться в венах»!)

Шура и предположить не мог, чем все это может обернуться. Тот парень был его другом, вместе жили в одной комнате. Да и приятеля трудно понять, почему не смог держать при себе эту тайну?

Но вскоре Шура, сидя в кабинете директора института, писал сам заново тему, которую за него уже написал Хухут. Но написать ее на хорошую отметку он не смог. Также выяснили, кто писал за Шуру. В этот же день горе-студента исключили из института. А по приказу ректора Хухута Бгажба тоже исключили из МГПИ. Более того, в газете «Комсомольская правда» (1933) появилась заметка под названием «Герой труда», которая завершалась стихами из 6 строк:

Кого к безделью не влечет?
Но презирая лень и негу,
Студент успешно сдал зачет –
И за себя и …за коллегу!
И говорят – не хвастал вслух,
Что он … работает за двух!

Это потрясло Хухута. Он оказался вне стен института, не зная, что делать дальше. Но, прежде всего он винил себя: как он мог пойти на такой подлог! По совести, истинный виновник тот, кто попросил его об этом, но и сам должен был подумать о последствиях. Независимо от исхода, оба были виновны в этом обмане. Тем более комсомольцы!

Возможно руководство института, особенно факультета русского языка и литературы, и пожалело бы Хухута – во-первых, он был одним из лучших студентов, учился хорошо, а во-вторых, приехал учиться из далекой Абхазии. Но здесь свою роковую роль сыграла «Комсомольская правда».

Оставаться в Москве Хухут больше не мог, домой еще не решался сообщить. Пришлось направиться в другое место. Выбрал город Сталино (в 1961 году стал Донецком) и решил поступить в Горный институт. От друга стало известно, что экзамены в том институте начались позже, чем в других. И есть факультеты, где недобор.

Пришел к ректору института, надеясь на удачу. Он оказался добродушным человеком в возрасте. Хухут открыто рассказал все, что с ним произошло, даже положил перед ним газету, в которой напечатали о его поступке, и попросил разрешения сдать вступительные экзамены. Опытный ректор понял, что перед ним, несомненно, способный юноша, который сможет учиться, да и документы свидетельствовали о том же. В пользу Хухута говорило и то, что приехал он из Абхазии, нацелен на учебу, а молодая Абхазская республика остро нуждается в кадрах. Еще профессор знал, что Ткуарчалский угольный бассейн имеет хорошую перспективу. Он молчал и думал некоторое время: с одной стороны, ему жаль этого способного парнишку, «попавшего в переплет». А с другой – экзамены уже закончились, началась учеба. Правда, на некоторых факультетах остались еще вакантные места, но принять его туда незаконно. В довершение ко всему, его «пропечатали» в «Комсомольской правде».

В конце концов, Хухута и допустил его к приемным экзаменам. Нужно было досдать только химию и математику. Хухут сдал оба предмета на «отлично». Он заметно повеселел. Теперь можно написать письмо домашним и сообщить о том, что у него изменился и адрес, и институт. Ведь должны же родители знать о его местонахождении! Тем более, куда присылать деньги.

Через неделю студентов института, кроме старшекурсников, забрали на уборку хлеба и картофеля. Хухут поехал вместе со всеми. Но непривычный к климату, абхазский парень вскоре простудился, стал кашлять, у него поднялась температура. Врач, осмотрев, выписал лекарство и дал справку об освобождении от полевых работ. Хухут вернулся в Донецк, в общежитие.

Другие студенты должны были приехать из колхоза только через две недели, делать ему было совершенно нечего, и он поехал в Москву. Пришел в общежитие к Мухтару Салимову, который принял его с радостью. Хухут рассказал о цели своего приезда: он хочет восстановиться в институт! Но дело сложное – ректорат был не в состоянии решить его самостоятельно.

Хухут нашел другой путь. В то время брат Шуры Гвалиа, Владислав работал парторгом в Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и пользовался там уважением. Хухут решил обратиться к нему, надеясь на поддержку. Владислав не мог не знать о «деле» Хухута и своего брата. И решил помочь.

Он был хорошо знаком со вторым секретарем ЦК ВЛКСМ и попросил его принять Хухута. Принял и тот честно рассказал

обо всем. Секретарь тут же связался по телефону с ректором института и попросил восстановить студента, охарактеризовав его как перспективного литератора, критика и автора нескольких книг.

...Через некоторое время, преодолев все трудности, воодушевленный достигнутым успехом, Хухут снова начал учиться в МГПИ. До зимних каникул оставалось всего два месяца, а пропущенных лекций было немало. Ему пришлось сидеть за учебниками день и ночь, наверстывая упущенное. В результате, зимнюю сессию он сдал наравне с лучшими студентами своего курса. Благодаря Создателю, все для него складывалось удачно. Позже он часто вспоминал абхазскую пословицу: «Никто не навредит тебе так, как ты себе сам».

Жизнь студента Хухута Бгажба шла своим чередом.

О том, что приключилось с ним и с Шурой, он через два года поведал младшему брату Хакыбею.

Хухут приехал домой на летние каникулы, окончив первый курс института с хорошими оценками. Это было большой радостью и для него, и для всех домашних. Однажды, когда в тени Большого Орехового дерева сидели Хухут и Миша (М. Т. Бгажба), к ним во двор зашел, возвращавшийся откуда-то, Хвнап Шамба. Он жил по соседству, за горкой. Увидя ребят, обрадовался им. Хвнап уважал их за то, что они учились в Москве и, по его выражению, «стремились выйти в люди». После обеда вся семья вместе с Хвнапом собралась во дворе и беседовала, сидя в тени. Миша рассказывал о московской жизни. Уже собравшись уходить, Хвнап обратился к парням:

– Хухут, когда вы уезжаете в Москву?.

– Через полтора месяца.

– Тогда, знаете что, ребята, я поднимаюсь в горы через три дня. Там мой скот, ведь я ненадолго спустился по личным делам. Хочу вас взять с собой, там и отдохнете от всей души, так, что надолго запомните, да и для здоровья полезно.

– Хвнап, дай Бог тебе удачи, но зачем же утруждать себя, легко ли содержать двоих ребят, тем более в горах, зачем беспокоишь себя, – сказала Матия, не скрывая, что ей по душе слова соседа.

– Какой же это труд, Матия, если ребята сами желают этого? Они же городские, может, им трудно подниматься пешком в горы? Хотя насколько я знаю, они привычны к горам, бывали там уже не раз. Хухут ведь поднимался с Тортиевцами, а Миша, помню, с Гварамиевцами.

Ребята пока молчали, но вот Миша воскликнул:

– Хвнап, дорогой, если тебе не трудно с нами, мы с огромной радостью пойдем с тобой! Только мне нужно съездить в Сухум, собраться, взять свои вещи.

Хухут тоже обрадовался неожиданному предложению пастуха и сказал, что готов подняться в горы.

– Хвнап, мы, со своей стороны, благодарим тебя за то, что берешь на отдых ребят, – сказали Дзадз и Шварах.

– В четверг поднимемся в горы (разговор происходил в понедельник), жду вас у себя дома, – сказал Хвнап и попрощался.

– Хвнап, твои беды мне, если и не сможем отплатить за твою доброту, никогда не забудем. Дай Бог, тебе счастья, обрадовал ты ребят, – сказала Матия, провожая его.

Как и договорились, в четверг Хухут и Миша, одевшись так, как полагается в горах, нагрузив коня, спустились к стоянке Наку (Накә иаацҭра, место в Арасадзыхье – Р. К.) к Хвнапу. Оттуда двинулись не спеша. Только у Хвнапа было охотничье ружье – оно обязательно должно быть у пастуха, чтобы в горах защитить себя и скот от зверей. У Хвнапа было разрешение на ношение оружия. Миша, конечно, не был пастухом, но имел наган и тайком носил его. Может, когда собрался в горы, его отец Темыр дал ему свой пистолет.Он тогда работал начальником милиции Сухумского района.

Хвнап с ребятами пошли по скотогонной дороге арасадзыхьцев. Пройдя Алчысикара (Алҷыс иҟара), в реке Мыкуа (Мыкә) перешли брод Хуапа (Хәап ицан), а также большой приток Мыку Куламыр**,** вошли в ущелье Талкак (Ҭалкак аҧсҭа), прошли стоянку Ладжь (Лаҵь иаацҭра), Агужьахьыпсыз (Агәыжь ахьыҧсыз)**,** Хампалфарта (Ҳампалфарҭа – букв. там, где едят лепешки – Р. К.), Уахвыцкя (Уаҳәыцкьа), Ламкыц – пройдя все эти места, на следующий день к обеду добрались до места, расположенного на краю поляны Соуипсара, усталые и утомленные трудной дорогой. Но удивительная по своей красоте, первозданная природа пленила ребят, и они чувствовали только легкость и радость.

– Я привел к вам гостей, хотя какие они гости, Это наши ребята, учатся в Москве, – Хвнап с удовольствием представил Мишу и Хухута своим друзьям, пастухам, когда они добрались до места.

Сам Хвнап был еще довольно крепким мужчиной, да и друзья его тоже. Пасли они общественный скот, среди которого был и когда-то принадлежавший Хвнапу, отобранный у него советской властью. Вместе с общественным Хвнап держал в горах и скот, оставленный ему новой властью. Он всю жизнь

занимался разведением скота и не мог обходиться без скотины, любил это дело, был прирожденным пастухом.[1]

Вот что пишет Хухут, вспоминая свой отдых в горах:

«Хвнап, Шьаабан (Шьаабан), Ладжьгуа (Лаԥьгәа), Чага (Ҷаҕа) и Рашит (Рашьыт) были сыновьями Квача (Қәач) Шамба, жили они в Арасадзыхье, по соседству с братьями моей матери, сразу же за спуском от Капбовского холма. Это были зажиточные крестьяне – имели крепкое хозяйство, скот и лошадей. Ни в чем не нуждались. У них всегда было не меньше 800–900 голов мелкого рогатого скота. Содержать такое количество скота было нелегко, братья много трудились, со скотом управлялись с помощью наемных пастухов. После установления Советской власти, как известно, у них отняли скот, оставив только то количество, которое положено было по закону. Но и после этого Хвнап не отошел от скотоводческой работы. Когда в селе организовали колхозные фермы, устроился там пастухом. Остальные братья оставили пастушество, только летом поднимались на горные пастбища со своим собственным скотом. Зимой же они останавливались в ущельях, где у каждого была своя стоянка.

Мои дядья и Шамбовцы любили и уважали друг друга, общались часто, ходили друг к другу в гости, на свадьбы и похороны. Словом, дружили.

Взяв с собой в горы Мишу и меня, Хвнап заботился о нас, как родной отец. Ухаживал за нами, словно мы были княжескими сынками, приготовил нам постель, выделив для нас отдельно высокое место, подложив сухие еловые ветки. Утром поил нас горячим молоком, а через некоторое время давал нам на завтрак молоко со сливками, кормил кислым молоком, заправленным первым сыром. Мы ежедневно кушали мясо в вареном и копченом виде. Днем мы ходили вместе с ним – одних он не пускал нас никуда. Ежедневно напоминал о том, что со скалой и утесом шутки плохи – опуститься неожиданно туман и может сбить с пути человека, нужна осторожность. Пока мы с Мишей находились в горах, пастухи дважды или трижды ходили на охоту, приносили убитых животных.

Хвнап любил слушать (больше, чем остальные пастухи) рассказы, особенно нравились ему героические сказания, да и сам знал их немало. По вечерам, когда собирались на месте, я читал ему абхазские книги. Ему – горцу больше всего нравилась поэма Иуа Когониа «Хмыч (Хмыҷ)– охотник». По его просьбе

[1] *См.: Р. Капба «Не все подвластно времени» (букв. «Круговорот времени не все может перемолоть»), Сухум, 2004, с. 482–491, на абх. яз.*

я не менее десяти раз прочел ему это произведение, пока мы находились в горах. Он искренне жалел о гибели Хмыча: «Такое нередко случается в горах. Это не выдумка автора, а то, что было на самом деле», – говорил он нам.

Наблюдая за реакцией этих пастухов, я заметил одну особенность: если то, что ты им читал, имело место в реальной жизни, они хотели воспринимать его, как настоящее, как будто это было на самом деле. Странно, но им не нравилось, когда я говорил, что это вымысел, придуманный и сочиненный автором. Тогда они теряли к рассказу интерес. Они никак не могли представить себе, что такой герой, как Абатаа Беслан является всего лишь вымыслом. Тогда в горах я записал немало сказок и пословиц, услышанных от этих пастухов.

Удивительно, как они живо интересовались Московским Кремлем, местом, где сидит Сталин, хотели знать, как оно выглядит. Им было трудно понять и представить себе, что Ленин лежит не похороненный в мавзолее, спрашивали, не портится ли тело, кто придумал такое лекарство. Они считали большим грехом, что он не похоронен.

Хвнап поднимался с нами на Алкуапста, Куниашта, Кабишьха (Қабишьха), показал нам живописное место, именуемое местом маленького озера Адзыжь (Азыжь зҭоу).

Таким чудесным образом мы 25 дней находились в гостях у этого зажиточного крестьянина, как «у Христа за пазухой». Накануне нашего возвращения домой, он зарезал специально для нас молочного козленка и на следующий день проводил нас, пожелав счастливого пути.

– Дай вам Бог, удачи, стать настоящими сынами нашей Абхазии! Мы надеемся только на вас, молодых, кто учится, кто тянется к знаниям, благослови вас, Господь! – сказанные им тогда слова я помню, словно это случилось вчера. Они и сегодня звучат во мне, хотя с тех пор прошло много лет.

Он отправил нас со своими хорошими знакомыми, верными людьми, отдыхавшими в то время в Соуипсаре. Мы вернулись домой в отличном настроении, заметно поправившись.

С тех пор я много раз бывал на отдыхе в разных местах, но такого приема, который нам оказал тогда в горах Хвнап, никогда нигде не встречал. Помню, как чисто, аккуратно готовили пастухи пищу из кисломолочных продуктов, как они «сторожили» у очага, чтобы не убежало молоко. Во-первых, грешно, а во-вторых – весь смак в сливках, а значит, уйдет достаток. Обязательно накрывали котел, чтобы, Боже упаси, искра от костра или зола не попали в него».

Хухут и Миша вернулись домой, Миша еще два дня оставался в Арасадзыхье, а затем уехал в Сухум. У Хухута было еще время, и он остался дома. Перед отъездом на учебу успел повидать соседей и родственников. Когда настал срок отъезда, они с Матией отправились в Сухум. Теперь студента уже тянуло в Москву. Нужно было учиться дальше, он хорошо отдохнул, увидел родную Абхазию, родных и близких, побывал в горах, надышался целебным воздухом, насладился там обществом добрых, искренних и щедрых людей.

* * *

Хухут Бгажба и его друзья учились не только для того, чтобы как-нибудь получить диплом об образовании. Каждый из них учился от души, с любовью и жаждой к знаниям, искренне стремился стать полезными своему народу. Не такими разве были Георгий Дзидзария, Шалва Инал-ипа, Джгуз (Џьгәыз) Ашуба, Евгений Амичба, Архип Лабахуа, Леуарса Квициниа, Киазым Агумаа (Қьаазым Агәмаа), Владимир Зантариа, Заканбей Миканба, Шалва Цвижба, Мушни Хашба, Иуа Когониа, Михаил Делба, Иван Папаскир, Виктор Кукба (Кәыкәба), Арсен Хашба – всех не перечислить, учившихся в России, впоследствии ставших прославленными сынами Абхазии!

Абхазские студенты, находившиеся в Москве, объединялись в землячество, знакомились и помогали друг другу – их объединяла общая любовь родине – Абхазии и тоска по ней. Хухут, естественно, тоже общался с земляками, которые учились в Москве. Правда, в его институте тогда других абхазов не было. В частности, он подружился с Джгузом Ашуба, который учился на механико-математическом факультете МГУ. Впоследствии он стал математиком, преподавал в Сухумском педагогическом институте. В 1937 году был репрессирован. Они с Хухутом и раньше учились вместе в Горской школе, а позже дружили. Хухутрассказал мне: «Мы с Джгузом Ашуба часто встречались, когда учились в Москве. Наша дружба началась еще в Сухуме, а в столице окрепла еще больше. Он был удивительно способен к математике, хорошо понимал и любил свой предмет. Учился в Московском университете на механико-математическом факультете. Когда встречались в Москве, он часто мне говорил: «Хухут, не думай, что хвалюсь, но учеба мне очень легко дается, я даже не прилагаю особых усилий, легко учусь, хотя факультет у нас считается сложным, и многие наши друзья, студенты ломают голову, чтобы справиться, а у меня легко все получается, это счастье для меня. Это значит, что я после института, про-

работав год или два, могу снова приехать сюда в аспирантуру. Меня и сейчас оставляют здесь, если я пожелаю, но поеду в Абхазию, хочу некоторое время поработать учителем».

Он раньше меня получил высшее образование, мне еще оставался год. Когда я вернулся после окончания вуза, он уже читал студентам Сухумского педагогического института лекции по математике. Тогда директором института был И. Д. Ахалая, который принял Джгуза на работу. Вскоре после моего возвращения в Сухум, однажды вечером Джгуз пришел ко мне в мою квартиру.

– Хухут, – сказал он мне тогда, – видишь сам, что вокруг творится, мы в большой опасности. Аресты лучших сыновей нашего народа без всякой причины продолжаются, будь осторожен! Позавчера один мой хороший знакомый грузин, возможно, работает тайным агентом у «красных» (речь идет об органах НКВД Абхазии – Р.К.), подошел ко мне и сказал так: «Никто не должен услышать то, что я скажу тебе, однако, советую в течение этих дней уехать из Абхазии, ты везде найдешь работу по своей специальности», – больше он мне ничего не сказал, отошел от меня, зажав рот руками. Я растерянно смотрел ему вслед, не зная, что и сказать. Думал о том, что он наверняка где-то услышал обо мне, возможно, увидел мое имя в списках или ему самому приказали сдать меня, но он не осмелился перешагнуть через нашу дружбу и сообщил мне об этом. К чему все это говорю, решил я уехать, сегодня ночью сажусь в поезд. Здесь в чемодане мои рукописи, статьи, которые я подготовил для поступления в аспирантуру. В Хабаровске у меня живет надежный друг, к нему и поеду на некоторое время. Так долго продолжаться не может – закончится когда-нибудь этот кошмар, – сказал он подавленно. Затем, собравшись уходить, негромко, но с нажимом повторил: «Будь осторожен, Хухут, в страшное время живем».

Это была наша последняя встреча с Джгузом Ашуба, с моим хорошим другом, который мог в будущем стать знаменитым математиком. Он пытался покинуть Абхазию, но по дороге, на железнодорожной станции города Сочи, его задержали «красные». И все, словно «тонкая нитка с иголкой», пропали: и он сам, и его лекции, и рукописи».

Во время учебы в Москве Хухут дружил со своим двоюродным братом Андреем Ашуба. Тот поступил в МГУ на юридический факультет в 1934 году. Когда они встречались, Хухут шутил: «Царствие небесное Ломоносову: Московский государственный университет его имени теперь принадлежит вам,

Ашубовцам». Он так говорил потому, что там же учился и Джгуз Ашуба.

– Дай-то Бог, и такое, Хухут, – смеясь, отвечал Андрей, – если ты так говоришь, могу и я еще добавить. Мы оба, внуки Екупа – сегодня московские студенты. И это тоже много значит для Абхазии. Видишь ли, мы находимся здесь, где миллионы людей, так шутили братья при встрече. А затем уже спрашивали друг у друга об учебе, успехах. Хухут тогда был на третьем курсе, уже успел привыкнуть к Москве, неплохо знал бушующую как море, жизнь большого города. Был привычен к его климату, зимой одевался тепло, под сорочкой носил всегда шерстяную рубашку, которую собственноручно связала ему Матия. Зимнюю обувь всегда покупал на полразмера больше, чтобы надевать связанные Матией шерстяные носки. Обо всем этом Хухут не раз рассказывал Андрею, предупреждал его, что нужно опасаться русских холодов. Замечу, что многие молодые люди, приезжая из Абхазии на учебу в Москву или Ленинград, излишне надеялись на свои силы и здоровье, но непривычные к российским морозам, часто заболевали, порой серьезно, а то и со смертельным исходом.

То же самое случилось и с Андреем Ашуба – красивым, здоровым парнем из села Джьгярда. Хотя он ни в чем не нуждался в материальном отношении, тепло одевался, все-таки простудился, продолжал ходить на лекции. Простуда перешла в воспаление легких, что привело к туберкулезу. К концу второго курса он уже был тяжело болен. Врачи посоветовали приехавшим в Москву братьям Кучыру и Баграту забрать его в Абхазию, посчитав, что местныйклимат пойдет ему на пользу. Они его привезли домой, но было уже поздно – спасти не удалось. Андрей умер в возрасте 22 лет.

Хухут Бгажба, вспоминал: «Душа моя болит, что оборвалась жизнь такого способного абхазского парня. И не только потому, что он мой брат. Прежде всего, это был человек с блестящим будущим. Его очень любили друзья, однокурсники и искренне переживали за него. Ни на минуту не оставляли его одного, когда он лежал в общежитии, а затем в московской больнице. Делали все возможное, пытаясь хоть чем-то помочь. Я удивлялся, как много друзей он успел приобрести за столь короткий срок. Многие любили его и уважали за его прекрасные человеческие качества и исключительные способности. Я встречался с его друзьями, когда приходил проведать, они говорили: «Наш Андрюша, не случайно выбрал профессию юриста, нет у нас на курсе другого такого оратора, профессионального рассказчи-

ка». Лектора тоже всегда удивлялись тому, что парень из Абхазии, воспитанный в абхазском селе, смог так хорошо выучить русский язык, что говорил без акцента». Он много читал, умел говорить красиво, хорошо владел художественной речью. У него была открытая улыбка. Высокий, статный, стройный – какая девушка могла устоять перед его обаянием! Больно сознавать, что нет Андрея! Утешает меня только то, что я сделал для него все, что мог, пока он лежал в Москве.

* * *

30-е годы... Они шли под девизом «Время – вперед!» Советские люди с энтузиазмом строили социализм.

На Сталина смотрели как на ученика Великого Ленина, не допускали, что у него могут быть ошибки. Для многих он был непогрешимым человеком. Божеством!

Но, несмотря на эту безграничную веру к вождю, сросшуюся с психологией, массовые аресты людей, которых называли «врагами народа», вызывали у многих сомнение, которое не смели высказать. По выражению поэтессы Нелли Тарба, «они убивали в душе своей это сомнение, чтобы не знать и не слышать о нем ничего».

Абхазские студенты, учившиеся в вузах Москвы и других городов, с болью восприняли, что сыновей Абхазии Н. Лакоба, Е. Эшба, Н. Акиртава (Ақыртаа), С. Чанба, В. Ладария, Л. Лабахуа, В. Агрба и других объявили «врагами народа». Многих расстреляли, других сослали. Но вслух об этом не говорили.

Все это мучало Хухута. Он не мог не видеть, что на Абхазию надвинулась страшная черная тень.

Для абхазской художественной литературы аресты, ссылки и расстрелы одного из ее основателей С. Чанба, талантливых молодых поэтов Л. Лабахуа, В. Агрба, Ш. Цвижба стали тяжелым ударом. Эти невосполнимые потери, чуть не задушили молодую литературу. Но никто не посмел сказать об этом вслух.

В 1933 году, когда Хухут уезжал в Москву учиться, Абхазию, бывшую с 1921 года самостоятельным государством, Берия при поддержке Сталина превратил в автономную республику и включил в состав Грузии. Хотя, пока был жив Н. А. Лакоба, Абхазия фактически сохраняла свою самостоятельность и сама решала свои государственные вопросы. Нестор Лакоба не позволял грузинам переселяться массово в Абхазию и занимать абхазские земли. Ради этого он использовал свои личные связи со Сталиным (впоследствии Сталин предал его, позволив Берии «решить» судьбу Нестора Лакоба).

Таким образом, когда в 1937 году, Хухут Бгажба, окончив МГПИ, вернулся в Абхазию, обстановка была совершенно иной, чем когда уезжал. Сравнить даже невозможно. Хотя власть советская и оставалась, историческая судьба абхаза – его самобытность и духовное богатство – находились в смертельной опасности, можно сказать, «стояли на высохшей ветке»! Заметно урезали основы национальных прав, данных Советской властью. Лучшие представители народа, его надежда и опора были арестованы, сосланы и уничтожены.

Это было огромной бедой для Абхазии, худшей после трагедии махаджирства XIX века. Та часть интеллигенции, которая чудом выжила, работала, преодолевая все невзгоды, не позволяла себе падать духом. Работала во имя сохранения культуры абхазов.

Для молодых литераторов, в том числе и для Хухута, в это страшное время опорой стал Дмитрий Гулиа. Они надеялись на него, как на несокрушимую крепость. Его имя, слава и почет служили как бы броней, защищавшей не только абхазскую литературу, но и весь народ.

СНОВА В СУХУМЕ

Вот отрывок из рукописной автобиографии Хухута Бгажба от 10 августа 1999 года: «После окончания учебы, осенью (сентябрь) 1937 года я начал работать в Абхазском институте (АбНИИ) научным сотрудником, позднее в этом же году – ответственным секретарем в Союзе писателей Абхазии. Также был членом редколлегии, а затем ответственным редактором литературно художественного журнала «Апсны капш».

Когда Хухут Бгажба вернулся ему было всего 23 года. В Москве он получил фундаментальное образование, расширил свой кругозор, приобрел близких друзей разных национальностей, дружбу с которыми сохранил на всю жизнь.

Ситуация в Абхазии сложилась крайне опасная для всех представителей ее народа, особенно, для абхазов, из-за малочисленности и «особого» интереса к ним властей Грузинской ССР.

Репрессии в отношении разных слоев абхазского народа, в том числе и интеллигенции, продолжались вплоть до 1953 года. Об этом свидетельствуют, например, судьбы С. Басариа, К. Дзидзария и других, арестованных и расстрелянных в начале 40-х годов. В книге профессора Станислава З. Лакоба «Абхазский архив» описано это время. В ней в полной мере раскры-

вается преступная деятельность грузинских националистов, их «особое» внимание к абхазам, нашей интеллигенции, крестьянству, ко всем заметным, авторитетным представителям нации. С. З. Лакоба пишет:

«В книге представлены документальные материалы сталинско-бериевского периода Советской истории, которые создавались политической полицией в 40-е годы и помечены грифом «Совершенно секретно». Около полувека они хранились в одном из подразделений КГБ в Сухуме. Они раскрывают внутреннюю кухню всемогущего ведомства, где, в частности, стряпались дела против тех представителей абхазской интеллигенции, которые уцелели после обвальных репрессий 1937–1938 и 1941–1942 годы. Этот взгляд изнутри позволяет увидеть реальную картину огрузинивания Абхазии и раскрывает стройный план насильственной ассимиляции абхазов».[1]

Отмечу, что и Хухут Бгажба был среди тех абхазов, которых собирались репрессировать и уничтожить.

Вот какая информация о нем хранилась в архиве: «Х. С. националистически настроенный элемент. В весьма осторожной форме выказывает недовольство по поводу закрытия абхазских школ и ведения обучения на грузинском языке».[2]

По свидетельствам, приведенным в «Абхазском архиве», грузинские националисты только ждали удобного случая, безупречного повода для осуществления своих планов. К счастью, не успели – наступил 1953 год, решивший судьбу Сталина и Берии.

Такой была политическая обстановка в Абхазии в тот период, когда Хухут Бгажба начал работать в Сухуме после учебы. Все нужно было делать с оглядкой, не противоречить открыто происходящему вокруг, «не бросаться с головой в самый водоворот времени», чтобы не погас очаг абхазской науки и литературы. Всей культуры. Также думали и другие абхазские писатели, и ученые, чудом уцелевшие тогда от репрессий. Они старались как могли помогать расти новому поколению творческой интеллигенции, которой осталось совсем немного.

По приезду из Москвы, Хухут сразу же отправился в Арасадзыхь. Его туда всегда тянуло. Дядья Хухута на радостях собрали соседей и родных, устроили в честь его приезда хлеб-соль.

В Арасадзыхье Хухут провел всего три дня, а затем приехал в Сухум. Временно стал жить у тети Мычич, но вскоре ему выделили комнату в доме для лекторов на улице Горийской (ныне ул. И. Папаскир). В эту комнату он привез свою мать Матию.

---

[1] *См. С. З. Лакоба. Абхазский архив. Москва, 2002, с. 1.*

[2] *Там же, с. 2.*

Младший брат Хакыбей тогда учился в Абхазской школе, жил в интернате, но Хухут забрал его к себе. Так они и жили втроем в одной комнате, правда, с отдельной кухней.

Получить в Сухуме квартиру в то время было невероятно трудно. Абхазов в городе было очень мало, многие из них не имели своего жилья, в основном его снимали. Потому в маленькой комнате Хухута всегда было многолюдно, в основном родственники, кто в то время учился в Сухуме.

Многие знакомые Матии и арасадзыхьцы, часто приходили в гости, посидеть, пообщаться, пообедать, а кому было негде – переночевать. Часто приходил Чичикуа, в то время студент, хотя и «имел место» в общежитии. Но здесь Матия его обстирывала, кормила обедами, обихаживала.

Я и сегодня удивляюсь ее долготерпению и выносливости. Этот дом, в котором они жили тогда, стоит и сегодня. Каждый раз, проходя мимо, я смотрю в окна первой собственной комнаты Хухута в Сухуме. Сколько раз в летние каникулы Матия привозила в эту комнату меня, моих братьев и сестер. До сих пор сохраним привязанность к этой замечательной женщине.

Освещенный электричеством ночной Сухум впервые в жизни (это было 2 июня 1941 года) я увидел комнаты Хухута. И сегодня, как волшебная сказка, в моей памяти остались красота и сверкание лампионов.

Хухут Бгажба начал работать сразу в двух местах. И вот однажды Госовет предложил ему квартиру, ранее принадлежавшую Самсону Яковлевичу Чанба. Хухут Бгажба вспоминал: У меня не было возможности для нормальной работы. Потому обратился в Горсовет, чтобы выделили любую жилплощадь. Через неделю сообщили, что предлагают квартиру, даже с мебелью. Хотя получить квартиру в Сухуме было огромной проблемой. Посмотрев на врученный мне ордер, я обомлел, почувствовал, как мгновенно почва уходит из под ног. Но ничего пока не говоря, положил обратно на стол ордер. Это означало, что я отказываюсь. Я не знал, как быть – отказаться прямо, сказать, мол, не хочу вселяться в эту квартиру, но мало ли что могут подумать? Наверняка решат: «А, он был явно близок с этим человеком, его самого тоже нужно отправить по той же дороге (С. Я. Чанба уже был репрессирован– Р. К.)». И в голову сразу же пришла мысль, как оправдать свой отказ, и я сказал: «Это большая квартира, а я пока не женат, правда, мать и брат на моем иждивении, но пока у меня нет собственной семьи, я молод. Вы можете эту квартиру отдать многодетной семье, а мне, если найдется, достаточно чего-нибудь поменьше».

– Эх, ты, мил человек, удивляюсь твоим словам, мы хотели тебе сделать хорошее дело, сам отказался. Откуда у нас лишние квартиры? Распределяем самым нуждающимся из тех, что освобождаются таким вот образом. Я понимаю причину твоего отказа, но спасибо, что сберег нам одну квартиру, – сказал сотрудник Горсовета и, порвав, выбросил в урну, выписанный на мое имя ордер. – Другой комнаты сейчас мы тебе предложить не можем. – Посмотрел на меня, давая понять, что я свободен и могу идти.

Я не мог даже представить себе, как вселюсь в пустую квартиру нашего большого писателя, человека, который заботился обо мне, когда я учился в Сухуме, не раз помогал деньгами во время моей учебы в Москве, когда я приезжал на летние каникулы домой, опекал и наставлял меня, словно родной отец. Действительно, я не мог таким образом поступить, а если бы решился на этот шаг, перестал бы уважать себя. И сегодня я считаю тот свой поступок по–мужски правильным».

Этот факт во многом раскрывает характер Хухута Бгажба, говорит о чистоте и силе его личности. Речь шла о квартире в доме, который до сих пор стоит у подножья Сухумской горы. Ныне там (ул. Д. Гулиа, д. 1) висит мемориальная доска в память о том, что здесь жил С. Я. Чанба.

Хухут Бгажба переживал, когда его назначили ответственным секретарем Союза писателей Абхазии, вместо С. Я. Чанба, но отказаться от этой должности он не мог. Само его положение было опасным. Жизнь оставшихся на воле немногих представителей абхазской интеллигенции тогда висела на волоске. Я сам не раз слышал от Хухута: «Я остался тогда в живых, во-первых, благодаря тому, что в самый разгар того «наводнения»(1936–1937) находился в Москве, учился, вернувшись, приступил к работе только в сентябре 1937 года. К тому времени «мутный поток» стал немного убывать, как бы успокаиваться внешне, но, на самом деле, репрессивная машина продолжала работать – система жила и вершила свое злое дело. Во-вторых, меня мало кто еще из них (репрессивных органов – Р. К.) знал тогда, чтобы обратить свое внимание – мною были к тому времени изданы всего лишь маленькая книжка и несколько статей, в основном занимался учебой. Думаю, что эти два фактора меня и спасли. Однако не уехал бы я тогда учиться в аспирантуру, думаю забрали бы меня в 1938 году обязательно».

Хухуту Бгажба всегда было свойственно относиться с большой ответственностью и уважением к порученному делу. Он не признавал работу по принципу – кое-как, чтобы, как гово-

рится, «и мясо прожарить и палку не сжечь». Хухут как научный сотрудник проводил исследования в области языковедения, а как литературный критик уже был известен статьями и книгой. У него было много планов, которые он всю жизнь выполнял скрупулезно: научные исследования и литературно – критические работы. Трудиться приходилось много. Кроме того, много сил и нервов отнимала работа в Союзе писателей. В то время это было непросто, особенно трудно было руководить. Самсон Чанба, возглавлявший Союз писателей, правая рука патриарха абхазской литературы Д. И. Гулиа, репрессирован, признан врагом народа. А теперь, представь себе, читатель, каким «ласковым» взглядом смотрели властные силы на абхазских писателей!? Для них все они были троцкистами и националистами, врагами Советской власти. Это касалось и всех абхазов.

Хухут Бгажба начал работать, следуя традициям, заложенным в Союзе писателей предыдущим руководителем С. Я. Чанба. А это, прежде всего, означало помощь начинающим, подающим надежды писателям, которые к тому времени недавно окончили или учились в различных учебных заведениях. Союз писателей помогал редактировать и издавать свои произведения, постоянно доказывая, что абхазская литература жива и развивается.

Молодые писатели, которым тогда Хухут Бгажба оказывал помощь, печатались на страницах журнала «Апсны капш». Камуг Хурцилава (Камыгә Хәырцлаа), Петр Ануа, Рауфбей Джопуа, Владимир Капба, Миша Каджая (Қаџьаиа), Сергей Цабрия (Ҷабриа), Шалва Тория (Ҭориа) и др. Хухут Бгажба содействовал не только молодым авторам, но и уже известным писателям и поэтам – Киазыму Агумаа, Леуарсе Квициниа, Баграту Шинкуба, Ивану Тарба, Степану Кучбериа (Қәычбериа), Владимиру Чичериа (Ҷичериа) и другим.

Союз писателей регулярно проводил обсуждения и литературно – критический разбор произведений молодых авторов, в которых, естественно, отмечались их достоинства и недостатки. Лучшие рукописи готовили к печати.

В то время особое внимание уделялось новой тематике, говоря другими словами, отображению новой жизни. Во всей советской литературе того периода, конечно, и в абхазской, эта тематика считалась, безусловно важной, чуть ли не основной. И руководители Союза писателей, следуя той идеологии, обязаны были, прежде всего, обращать на это внимание. Тогда с каждым годом укреплялся культ личности Сталина. И в нашей литера-

туре, были песни, посвященные ему. Особое развитие эта тема получила уже во время Великой Отечественной войны.

Хухут Бгажба, несмотря на занятость работой, стремился продолжить свое образование, т.к. ставил перед собой вполне конкретные и, как мы увидим дальше, творческие и исследовательские планы. Чтобы осуществить задуманное, он решил поступить в аспирантуру по специальности – «Общее языкознание и абхазский язык».

Брат Хухута Хакыбей вспоминал:

«Однажды Хухут вернулся с работы домой в особо приподнятом настроении. У него был веселый характер, он всегда улыбался, если даже приходил очень уставший. После ужина он обратился к матери:

– Мама, не знаю, как ты на это посмотришь, но я кое-что задумал, хочу, чтобы ты послушала. Я не сделаю ничего, не спросив тебя.

– О чем ты, родной мой? Говори, что хочешь сказать, зачем же ходить вокруг да около, я слушаю тебя, – сказала она, ласково глядя на сына, сидящего напротив нее.

А я, слушая их разговор, сразу подумал, может, ему приглянулась какая-то девушка, и он собрался жениться? Да нет, не то. Если что-то подобное было, он непременно намекнул бы мне. У нас с братом не было друг от друга секретов, он всегда интересовался моим мнением, словно мы были ровесниками, а бывало, и соглашался со мной. Но Хухут задумал вовсе не то, о чем я подумал. Он сказал матери:

– Осенью я собрался поехать на учебу в аспирантуру. Осень ведь уже не за горами, да и поступить туда не так легко, но я буду стараться. Если смогу поступить, в дальнейшем мне это очень поможет.

Он всегда говорил коротко и рассудительно.

Наша мама сидела некоторое время молча. Затем тихо сказала:

– Я знаю, конечно же, что ты не всем наукам обучился, понимаю, что можно продолжить образование. – Она немного помолчала, испугавшись вдруг, что сказала что-то неприятное для него или может ему в чем-то навредить, посмотрела на него и продолжила:

– Родной мой, пусть твои беды перейдут на меня, с Божьей помощью, ты с честью работаешь. Руководишь не одним делом, тебя уважают, ценят – я и мои братья гордимся этим. Да и мы с Кыбе (Хакыбей Бгажба – Р. К.) на твоем иждивении. Но если хочешь учиться дальше и поехать в свою, как она там называ-

ется, аспирантуру что ли, я не буду тебе мешать. А потом, если это в Тбилиси, то не так далеко, не Москва все же…

Я тут же встрял в разговор, не дав ей договорить:

– Мама, это же прекрасно, ты же не можешь ему отказать. Что может быть лучше этого – он едет учиться! – продолжал я нахваливать затею Хухута, хотя и знал, что мое слово мало что изменит.

– Моим братьям тоже расскажи о своем решении, они даже больше меня интересуются твоими делами, – завершила свой разговор Матия.

– Мы с Чичикуа в эту субботу поедем домой, и я все им расскажу, – пообещал Хухут, довольный, что мать согласилась на его поездку в аспирантуру. Но затем добавил:

– Мама, это пока только мое желание, но претворить его в жизнь не так-то легко. Чтобы поступить в аспирантуру, нужно основательно подготовиться, сдать экзамены, пройти по конкурсу и многое другое.

А я был в восторге оттого, что мой брат поступает в аспирантуру. После всех этих разговоров, даже стало казаться, что он, в самом деле уже поступил».

Здесь нужно напомнить и о другом. Когда Хухут собрался поступать в аспирантуру, дух абхазского народа был заметно подавлен: лучшие сыны нашего народа были безжалостно расстреляны или сидели в тюрьмах, а остальные ждали худшего. Грузинским властям и их приспешникам, конечно, было не желательно, чтобы в сфере науки и культуры развивались абхазские кадры. Им хотелось только одного – уничтожить и тех, кто еще остался. Но декларируемая национальная политика Советского государства мешала, препятствовала, тормозила их – приходилось делать вид, что они следуют ее принципам. А значит, закрыть полностью рот всему абхазскому в Абхазии, не могли. Это помогло абхазской молодежи в конце 30-х годов поступить в аспирантуру в Тбилиси – Хухуту Бгажба, Шалве Инал-ипа, Бадзу (Баз) Бигуаа, Баграту Шинкуба, Тамаре Маршан и др. Кроме того, абхазским ребятам помогал поступать в высшие учебные заведения и в аспирантуру вице-президент Академии наук ГССР (в тот период она была филиалом Академии наук СССР) Симон Николаевич Джанашиа. В автобиографии Хухут Бгажба отмечает: «В конце 1938 года по рекомендации академика С. Н. Джанашиа я поступил в аспирантуру института языкознания Академии наук Грузинской ССР».

Считаю уместным напомнить о роли А. М. Чочуа, в то время возглавлявшего Абхазский институт, всегда уделявшего особое

внимание проблеме формирования абхазских кадров, внесшего огромный вклад в дело становления института и наполнения его национальными кадрами.

Хухуту Бгажба было свойственно всегда доводить задуманное дело до конца, говоря его словами, «обуздать это дело».

И в аспирантуре он себя вел также. Его руководителем стал тогда уже достаточно известный ученый-языковед А.С. Чикобава. Он помогал абхазским студентам и аспирантам, заботился о них. И увидел в новом аспиранте хорошие способности к языкознании, огромное желание и умение трудиться – основные качества, которыми и должен обладать будущий ученый.

Аспирант из Абхазии скрупулезно выполнял все задания своего руководителя, учитывал до мелочей все его замечания и советы. А. С. Чикобава был доволен, что встретился с таким многообещающим аспирантом аспирантом.

Через год после поступления в аспирантуру Хухут Бгажба женился на Татьяне (Тате – Р. К.) Андреевне Чочуа. Тогда она училась на 5 курсе биологического факультета Тбилисского сельскохозяйственного института. Ей было 22 года.

Хакыбей Бгажба вспоминал:

«День выдался ясным, солнечным. Хухут, как всегда, был настроен весело. Он предложил мне прогуляться по набережной, и мы вышли из дома. В свободное время брат любил выходить на берег, немного прохладиться, отдохнуть. Спустившись к берегу, мы пошли в ресторан «Рица», там и пообедали. Спиртного он не заказал, ограничились лимонадом. Выйдя из ресторана, направились к морскому вокзалу, и дальше к Сухумской крепости. Тогда он сообщил мне, что сегодня вечером женится и вместе с женой поедет в Тбилиси. Сказал, что в 6 часов вечера собираются у нее, туда должен прийти Темыр. Я и до этого понаслышке знал об отношениях Хухута и Таты, но не думал, что так скоро они решат пожениться.

– А мама знает? – спросил я.

– А как же не знать? Я бы не решился на такой ответственный шаг, не сказав ей. Не только знает, но и согласна. Но сказала, что не сможет пойти туда, будучи в таком глубоком трауре, мол, пусть простят, она придет на вокзал к отправлению поезда, там и поздравит.

– Если и не придет, понять ее можно, еще и сорока дней не прошло со дня смерти ее двоюродного брата Тарашьа Капба, – сказал я.

Мне шел 18-й год, и я имел собственное суждение и мог разбираться в плохом и хорошем. К Тате домой нам нужно было

только к 6 вечера, времени было достаточно, и мы с Хухутом продолжали гулять по набережной. Радовался за брата, но в голове крутились разные мысли. Да, мать согласилась, безусловно, они любят друг друга, и она не будет им мешать. К тому же знает, что добиться руки дочери такого человека, как Андрей Чочуа нелегко. Но и Хухут наш не так-то прост – образован, красив, строен, хорошо воспитан, нрав веселый, красноречив, словом, ему и дочь самого князя не смогла бы отказать. Так я думал. Но ведь она единственная дочь у родителей. Их сына Бориса, прекрасного инженера-геолога, арестовали и расстреляли как «врага народа». Тата вряд ли сможет оставить родителей, в их положении, они не смогут без нее жить. Что же делать нам, маме и мне, если его заберет к себе родня жены? Все время думал об этом и решил вечером дома поделиться с матерью своими тревогами.

Как и было оговорено, в 6 часов вечера собрались в доме Андрея Чочуа. Там царила радостная атмосфера, ведь этим вечером хозяин выдавал замуж свою единственную дочь. Среди гостей были: свояк Андрея Чочуа Давид Тихонович Гологутов, председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Михаил Константинович Делба. Со стороны Хухута присутствовали муж сестры его матери – Темыр Авидзба и другие родственники. Гостиная была переполнена. Всем было весело, в воздухе дома витала радость. Я сидел в сторонке и вслушивался в беседы гостей.

Андрей Чочуа поднял бокал и, обращаясь к гостям, произнес:

– Дорогие гости, да падут на мою голову ваши беды, сегодня большой праздник для меня и моей супруги, для всех наших родных и близких. Нас всех здесь собрало счастье нашей дочери – нашей единственной надежды. Молю Бога, чтобы оно было полным, пусть будет удачной их совместная жизнь! С сегодняшнего дня Хухут не только наш зять, но и сын, – завершил он свой тост и выпил бокал до дна.

Этот тост произносили все, выпивали стоя. Когда очередь дошла до Темыра, он встал, чтобы сказать свое слово. Слушать Темыра всегда было интересно. Говорил он четко, умно и содержательно. Я и сейчас помню его слова: «Дорогой Андрей Максимович, Ваш труд в служении Абхазии, ее народу огромен. Вы и сегодня без устали продолжаете работать. Сегодня в вашем доме большая радость – дочь нашла свое счастье, входит в новую жизнь. Мы все благословляем ее, желаем удачи. С другой стороны, наш парень с сегодняшнего дня становится и Вашим

сыном. Никто бы не смог им пренебречь. Он один из тех абхазских сыновей, кто уверенно идет по пути созидания и развития, мы все на него надеемся. Уважаемый Андрей Максимович, эту хвалу я произношу не потому, что Хухут наш, он – достойный человек. И это для меня превыше всего. Родственные же отношения для меня играют второстепенную роль. Дай Бог счастья и радости молодым, решившим соединить свои судьбы»!

Помню, что такие же теплые слова произнес Миха Делба, пожелал молодым светлого счастья и долгих лет жизни».

Вечером Тата и Хухут сели в поезд Сухум-Тбилиси».

* * *

Еще до поступления в аспирантуру, Хухут Бгажба был избран депутатом в Верховный Совет Абхазской АССР от села Анхва (Анхәа) Гудаутского (Гәдоуҭа) района. Он избирался депутатом четырех созывов (1938, 1947, 1951–1954). Будучи народным избранником, помогал в решении вопросов, которые поднимали крестьяне села, стремился донести до руководства республики их нужды и проблемы. Конечно, не всегда, но ему шли навстречу. Избиратели его уважали и ценили. С 1959 по 1966 год Хухут Бгажба – депутат Верховного Совета Грузинской ССР, первый заместитель Председателя Верховного Совета Грузинской ССР.

Во время учебы в аспирантуре в Тбилиси Хухут Бгажба заботился и материально помогал матери и брату, которых оставил дома в Сухуме.

В аспирантуре дела молодого ученого шли хорошо. Его руководитель А. С. Чикобава радовался его способностям, опекал и помогал

В этот период международное положение становилось с каждым днем напряженнее. В Европе шла кровопролитная война. Многие страны были уже завоеваны гитлеровской Германией. Война подходила к границам Советского Союза. Было тревожно, но Хухут Бгажба, со свойственным ему упорством терпеливо продолжал свое главное дело.

Началась Великая Отечественная война. В Советский Союз вторгся враг. Страна оказалась в смертельной опасности. Для народов СССР пришло время тяжелейших, великих испытаний. Многие ушли на фронт, но и в тылу жизнь не остановилась, да и не могла остановиться. А значит, и Хухут Бгажба обязан был продолжать свою научную и исследовательскую работу.

Матия с Хакыбеем вернулась в Арасадзыхь. Когда началась война, Горскую школу закрыли. Все остальные школы продол-

жали работать. Сославшись на то, что якобы нет возможности вещать на трех государственных языках (абхазском, грузинском и русском) прекратили радиовещание на абхазском языке. Как говорится в абхазской пословице: «Две армии сражались, а Хабыджь (Ҳабыць) пахал». В то время, когда советский народ самоотверженно встал на защиту Отечества, бериевская банда продолжала грузифицировать Абхазию.

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ

В конце 1941 года Хухут Бгажба завершил учебу в аспирантуре и, успешно защитив диссертацию: «Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе», стал кандидатом филологических наук. Вскоре он пришел работать в Абхазском институте. Работая в 1942-1946 годах старшим научным сотрудником, он проявил себя как талантливый молодой ученый, целенаправленно исследующий языкознание. Его работы были посвящены исследованиям проблем абхазского языка. Одновременно Хухут продолжал заниматься, как и в юношеские годы, литературно – критической деятельностью. Проблемы, поднимавшиеся в абхазской литературе, очень интересовали и волновали его. Он внимательно следил за новыми произведениями абхазских писателей. Благодаря этому постепенно рос его авторитет в качестве литературного критика. Трудно назвать другого критика того времени, который бы так интересовался художественной литературой и так умело пропагандировал ее.

С 1946 по 1949 годы Хухут Бгажба заведовал отделом языка и литературы в Абхазском институте. Когда он был старшим научным сотрудником, то отвечал только за свое направление исследований. Когда возглавил отдел, увеличился объем работы, выросла ответственность. Времена тогда, по-прежнему были трудные и опасные, каждого, кто стремился что-то сделать для развития абхазской культуры, могли обвинить в национализме, а значит противником национальной политики Ленина и Сталина. Да и мало ли, что могли навесить!

Несмотря на эти обстоятельства, наши ученые, рискуя жизнью, с огромным трудом занимались исследованием проблем абхазского языка и литературы.

С 1949 по 1953 годы Хухут Бгажба работал заместителем директора Абхазского института по научной части. Для народа это был период разгула насильственной ассимиляции. Такова была политика властей Грузинской ССР. «Собака к старости становится кусачей» – говорят абхазы, так и «бериевщина»,

словно предчувствуя свой бесславный конец, в эти годы, «подобного змеиному жалу, пустила глубже корни зла».

Вспомнили книгу Д. И. Гулиа «История Абхазии» 1925 года издания и предали анафеме. В книге говорится об абхазском народе, как о коренном народе Кавказа, о его тысячелетней истории, древности его культуры, т.е. противоположное тому, что проповедовали грузинские националистические идеологи. Поэтому они и добивались, чтобы и следа не осталось от этой книги, поэтому и были написаны и опубликованы две брошюры, в которых история абхазского народа полностью фальсифицирована. Под одной подписали имя Д. И. Гулиа, а другую написал М. Делба. 20 августа 1953 года Д. И. Гулиа написал личное заявление Ученому Совету АбНИИ, обратившись и к научной общественности:

«Ученому Совету АбНИИ

В 1951 году в Сухуме была издана брошюра под названием «О моей книге «История Абхазии». Брошюра была издана на русском, абхазском и грузинском языках. В этой брошюре делается попытка зачеркнуть историю абхазов как народа; эта брошюра всячески поносит меня. На брошюре, как это ни удивительно, стоит моя фамилия!

При этом я сообщаю, что брошюра, названная выше, мне не принадлежит, не написана мной, она сфальсифицирована от начала до конца.

По этому вопросу мною уже предприняты необходимые шаги в соответствующих организациях.

Поскольку эта брошюра может ввести в заблуждение ее читателей, прошу Вас довести существо настоящего заявления до сведения научной общественности Абхазии.

Д. И. Гулиа

Народный поэт Абхазии,

кандидат исторических наук.

г. Сухум, ул. Чавчавадзе, 37[1]».

Нужно отметить, что М. Делба сам же осудил брошюру, написанную им как приложение к книге Д. И. Гулиа «История Абхазии», и объяснил, что все в этой брошюре он считал неправильным, несправедливым.Только страшное время заставило его написать ее. Другого выхода, чтобы выжить, он тогда не видел и думал, что брошюра может его спасти.

Мне довелось встретиться с Михой Делба, когда, собирая материалы о писателях Леуарсе Квициниа и Михе Лакрба, бесе-

[1]*Д. Гулиа. Произведения, Сухум, 2003, с. 410.*

довал с людьми, их знавшими лично. Тогда он, помимо интересующих меня вопросов, рассказал много и о страшной политике, которую проводили в Абхазии в те годы, говорил о большом вреде, нанесенном истории и культуре абхазского народа.

«Меня осуждают за это, особенно молодые, не заставшие это время. Но я убежден, что тогдашним своим отступлением я и мои малочисленные друзья, оставшиеся у руководства тогда, спасли Абхазию. Иначе мутный поток, бушевавший словно море, мог проглотить нас. Мы отступили тогда, потому что верили – так долго продлиться не может. не будут вечно господствовать служители культа личности и их приспешники, обстоятельства изменятся. Так и получилось, и мы стали свидетелями этого. Что мне еще сказать: время и история рассудят правоту каждого из нас».

Вспомнил этот разговор потому, что он относится к тому времени, когда Хухут Бгажба возглавлял в АбНИИ отдел языка и литературы. Тогда из Абхазии выселяли греков, турок, персов. Чуть раньше, во время Великой Отечественной войны в целинные земли Сибири и Казахстана были сосланы коренные жители Кавказа – ингуши, чеченцы, балкарцы и др.

Стоял у опасной черты и абхазский народ, судьба его «висела на тонкой ниточке», словно как у человека, стоящего на сухой ветке. Но, видимо, есть на свете справедливость. Рано или поздно она наступит, ее невозможно задушить, особенно, когда это связано с судьбой народа. Так и случилось – Сталин и Берия ушли из жизни. После Постановления ЦК КПСС о культе личности Сталина начался процесс исправления нарушений и восстановления принципов национальной политики. Это отразилось и на Абхазском институте. Так, Хухута Бгажба, работавшего заместителем директора, назначили директором. На этой должности он проработал с октября 1953 до апреля 1966 года.

По инициативе Бгажба и его заместителя Акибея (Акибси) Хонелиа на учебу в аспирантуру в Москву и другие города СССР были направлены многие талантливые молодые люди, будущие специалисты в области языковедения, литературы, истории, археологии, этнографии абхазского народа. Многие из них и сейчас составляют основной костяк абхазоведения. Иных уж нет с нами, но остались их бесценные труды.

Важно знать о некоторых страницах из истории Абхазского института. Об этом есть исследование ученого Ш. Х. Салакая (Салакаиа) – Р. К.). Ведь научная и общественная деятельность Хухута Бгажба, кроме тех лет, когда он учился в аспирантуре, прошли в стенах этого института.

Забегая вперед, скажу, институт в 1992 году дотла сожгли «восстановители» территориальной целостности Грузии, а по, сути, враги абхазского народа, уничтожив наши уникальные духовные ценности. Разумеется, сожженное здание не подлежало восстановлению, но справедливо ли оставлять пустым это место сегодня, я считаю, чего бы это нам ни стоило, нужно было построить новое здание.

После установления Советской власти ревком Абхазской АССР уделил особое внимание развитию науки. На базе дореволюционного Сухумского сельскохозяйственного общества было организовано АбНО. В его состав входили Г. Барач (председатель), Н. Лакоба, С. Чанба, А. Чочуа, Д. Гулиа, Н. Акиртава, Д. Алания. В 1925 году по инициативе академика Н. Я. Марра была создана Академия абхазского языка и литературы, почетным председателем которой стал ее основатель, а председателем – нарком образования А. М. Чочуа, а затем Д. И. Гулиа.

5 августа 1931 года Президиум ЦИК Абхазии объединили Абхазское научное общество и институт абхазского языка и литературы в одно научное учреждение, АбНИИК – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, который развернул большую научно-экспедиционную и исследовательскую работу.

Уже в 1934 году АбНИИК издает два первых выпуска своих «Трудов», а затем до начала Великой Отечественной войны было опубликовано двадцать выпусков «Трудов»: коллективные сборники статей, монографии отдельных авторов, сборники полевых фольклорно-этнографических материалов.

В конце 30-х годов прошлого столетия коллектив Абхазского института пополнился новыми кадрами: Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, К. С. Шакрыл, Б. П. Джанашиа, И. Г. Антелава, А. А. Олонецкий и др. Они впоследствии стали известны своими научными работами далеко за пределами республики. Абхазский институт неоднократно переименовывали. В 1935 году его назвали Абхазский институт культуры и включили в грузинский филиал Академии наук СССР. Затем, учитывая заслуги академика Н. Я. Марра в деле развития абхазоведения, назвали институт его именем. В 1941 году после организации Академии наук Грузинской ССР, не меняя названия Абхазского института, его включили в систему Академии наук Грузинской ССР. Но на этом не прекратились неоднократные переименования.

В 1950 году, после того, как очернили академика Н. Я. Марра, отказались от его теории в языкознании, назывался Абхазский институт языка, литературы и истории, а затем в 1950 году

ему присвоили имя народного поэта Д. И. Гулиа. Странно, но не успели мы выйти из жесточайшей войны 1992–1993 годов, как снова изменили название института. Теперь у него два названия: на русском языке – Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа, а на абхазском – Институт абхазоведения имени Д. И. Гулиа.

Безусловно, в 30-40-е годы прошлого столетия возможности Абхазского института могли быть шире и глубже, но слишком много обстоятельств мешало осуществлению этих важнейших исследовательских планов. Ш. Х. Салакая отмечает:

«Успехи коллектива Абхазского института в 30-х и 40-х годах были бы еще более внушительными, если бы не трудности военного времени и не тот ущерб, который нанесен был республике, ее экономическому и культурному развитию известными извращениями социалистической законности и национальной политики в эти годы. Многих ведущих ученых института не стало, значительно сократился объем печатной продукции, вообще возник целый ряд трудностей с разработкой проблем абхазской национальной культуры и истории, хотя и в эти нелегкие для института годы научная работа в нем не прекращалась. Однако трудности эти были преодолены, и уже с первой половины 50-х годов вновь создаются благоприятные условия для дальнейшего развития научной мысли в Абхазии вообще, в Абхазском институте в частности».[1]

Хухут Бгажба был назначен директором института в 1953 году, а утвержден в должности в 1954-м:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №78

общего Собрания Академии наук Грузинской ССР

от 11 марта 1954 года

2. Об утверждении руководителей научно-исследовательских учреждений

(докл. председателей отделений).

Общее собрание постановляет:

На основании выборов, проведенных в отделениях, руководителями научно-исследовательских учреждений Академии утвердить:

По отделению общественных наук

Бгажба Хухута Салумановича – директором Абхазского института языка, литературы и истории.

Президент Академии наук Грузинской ССР

академик Н. И. Мусхелишвили

[1] *Ш. Х. Салакая. Центр абхазоведения. Сухум, 1982, с. 23–24.*

Секретарь: академик Г. Дзоценидзе
Верно: Завканц. Абхазского института».

Хухут Бгажба, став директором, сразу поставил своей главной целью укомплектование национальными кадрами Абхазского института. Эта проблема не решалась наскоком. Нужна была кропотливая, вдумчивая работа по поиску и отбору талантливой молодежи, выпускников институтов. Кроме того, не каждый выпускник, окончивший успешно вуз, имел способности к исследовательской работе, обладал таким талантом и мог посвятить себя науке.

К тому времени, когда Хухут Бгажба стал во главе Абхазского института, в нем, кроме него, работало немного ученых абхазов: Д. Гулиа, Ш. Инал-ипа, Б. Шинкуба, М. Трапш, Г. Дзидзария, Л. Акаба. С середины 50-х годов и в 60-е годы в институт пришли молодые специалисты (языковеды, литераторы, историки, археологи, этнографы), получившие научную подготовку в Москве, Тбилиси, Ленинграде и других крупных городах, научных центрах Советского Союза. Среди них те, кто и сегодня успешно работает в институте, двигает вперед нашу национальную науку: Ш. К. Аристава (Арсҭаа), Л. П. Чкадуа (Ҷкадуа), А. Э. Куправа (Кәыпраа), С. Л. Зухба, Ш. Х. Салакая, М. М. Гунба (Гәынба), Е. М. Малиа. Другие, хотя и ушли из жизни в расцвете творческих сил, но оставили свой большой след в абхазоведении: Т. Х. Халбад (Ҳалбад), И. И. Квициния, Б. Ш. Ашуба, В. Х. Конджария, В. В. Дарсалиа, А. А. Аншба, Г. А. Амичба, Б. Е. Сагария (Саҕариа), Г. К. Шамба, В. Л. Цвинариа (Аҵнариа).

Благодаря этим ученым в Абхазский институт добился заметных достижений в области исследования истории, археологии, языка, литературы и этнографии республики.

Помимо опубликованных отдельных монографий и научных работ ученых, институт ежегодно издавал «Труды» (не менее 30–35 печатных листов). Главным редактором многих этих изданий был Хухут Бгажба. Он читал их скрупулезно – это было ему всегда свойственно, хотя тематика была разнообразной. Это, конечно, отнимало много времени, которого не хватало для его работы.

Когда Хухут Бгажба работал в должности директора Абхазского института все его силы, возможности, знания и опыт были нацелены на то, чтобы вверенный ему институт в полной мере соответствовал своему высокому назначению. Когда Абхазский обком партии освободил его от должности директора, ученому исполнилось 52 года. Он был в расцвете сил.

Хухуту вменяли в вину его книгу «Бзыбский диалект абхазского языка». Люди, далекие от науки, всячески склоняли эту книгу, настроили против него других, не читавших ее, и натравили их на автора, обвинив в измене народу. Чего только не было придумано! Это было несчастьем не только для того, кого ругали с пеной у рта, но и для тех, кто рвался в бой с ученым, потому что такое поведение наглядно демонстрировало их «интеллектуальный уровень». Но, говоря по совести, нельзя винить таксистов, рабочих и крестьян, которые не читали книгу. Да, если бы и прочитали, вряд ли бы поняли ее научное значение. Осуждения достойны те, кто подготовил их и настроил против автора. Они ведь прекрасно знали, что в монографии Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка» нет ничего антинародного, позорящего честь и достоинство нации и ее языка, но об этом подробнее в соответствующей главе.

Вот только один пример из тех трудных для Хухута Бгажба дней. Тогда в институте собрались не в первый раз и те, кто не имел никакого отношения к науке, и те, кто имел к ней хоть какое – то отношение. Все были крайне возбуждены. Что только не говорили Хухуту, опять обвиняя в измене родине, в том, что он оскорбил народ и его язык. Он же начал свое выступление, сказав, что просто не поняли друг друга. Дело обстоит совершенно другим образом. Но его никто не слушал, никого нельзя было успокоить. Все рвались в бой! Помню, как один продавец бензина, во весь голос критиковал с кафедры книгу «Бзыбский диалект абхазского языка», поносил последними словами ее автора. Когда он спустился к толпе, его кто-то спросил: «А ты сам читал эту книгу?». «Нет, не читал», – ответил он. «Но тогда, мил человек, что же ты критикуешь, да и если прочтешь, что ты там можешь понять», – сказали ему. « Я говорю то, что все говорят», – ответил «знаток» предмета «обсуждения», не найдя аргументов.

Я был свидетелем того, что происходило на «дискуссии», все видел. По дороге домой все время удивлялся спокойствию Хухута, словно ничего не произошло. Он говорил на другие темы. Безусловно, если хорошо присмотреться, можно было заметить, что старается не подать виду, сдержать все внутри, преодолеть. Удивительно крепкие были у него нервы. А у меня болела душа не только потому, что он мой брат. Я был потрясен тем, что на ученого, сделавшего многое для развития абхазской науки и культуры в то время, когда все абхазское находилось в смертельной опасности, набросились с несправедливыми, лишенными всякого основания обвинениями.

– Ты видишь характер сегодняшнего собрания, еще обостреннее, чем вчера. И этим кто-то управляет, разжигая огонь. Один, сам не делая ничего, хочет себя показать борцом, используя любой твой промах в работе. Другие жаждут места повыше, будто справляются с тем, что им поручено. Начал говорить Хухут, когда мы дома сели за стол. Затем продолжил:

– Я бы умер от разрыва сердца, если на 10% был таким, как они обо мне говорили. Но, благодарение Богу, я таким не являюсь, совесть моя чиста перед моим народом. Нет на мне греха. Это и спасает меня, дает силы быть выше этих суетливых людей, строящих всевозможные козни, чтобы очернить мое доброе имя. Я неверующий человек, но если есть на свете справедливость, все их коварные замыслы обернутся против них же. Не сегодня, так завтра все эти водители и продавцы бензина, «обсуждающие и критикующие» мою книгу, поймут, что она не нанесет им вред. Наоборот».

Я слушал внимательно, вновь убеждаясь в силе воли, цельности и чистоте помыслов ученого и гражданина. После непродолжительной паузы Хухут продолжил:

– Я не держусь за директорское кресло, оно мне не нужно. Не плачу о нем, наоборот, я зол на эту должность – лучшие годы отданы ей. Сколько всего осталось не исследованным, не написанным – все не хватало времени. Сидеть на собраниях, выступать, а сколько сил и времени отдано депутатскому делу! Поставили меня во главе института, когда Абхазия смогла, наконец, вздохнуть, немного стала расправлять крылья, начали исправлять национальную политику. Делал все, что мог, стремился поднять абхазскую науку на должный уровень, воспитать научные кадры.

Мне совсем нетрудно оставлять пост директора, слава Богу, есть у нас ученые, кто сможет занять его. А я буду свободным. Значит, смогу больше заниматься наукой, – так закончил он свой монолог.

Безусловно, травля, организованные вокруг книги Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка» преследовала определенные цели, имела далеко идущие планы. Остановить эту «дискуссию» можно было только уходом с директорского поста. И Хухут сам хорошо понимал это. Единственное что он хотел, чтобы его новую книгу, над которой трудился долгие годы, собирая и исследуя материалы, иногда редкие, а порой и уникальные, анализировали и критиковали специалисты, как это принято в мире науки, а не несведущие в ней люди. Но этого не случилось. Хухут Бгажба с болью говорил: «Книга, конеч-

но же, не без недостатков. Кто лучше меня знает о том, чего не успел сделать и осилить в полной мере. Но никто не говорит об этом, действительно не видят или не хотят видеть – не пойму. Больно, что со мной связывают какие-то страшные «идеи», будто я отошел от служения духовной культуре своего народа, которому посвятил всю свою жизнь, поддерживаю какие-то прогрузинские идеи, или унизил историю и язык абхазов. Когда я думаю обо всем этом, становится не по себе, хотя не считаю себя слабовольным человеком. Хотя я не говорю обо всем моем народе, да перейдут ко мне его беды, но очень больно осознавать, что многие поверили той лжи, которую обо мне распространили. Но только время рассудит все. Пусть оно станет судьей».

По своей природе Хухут Бгажба всегда был оптимистом, даже в самых трудных обстоятельствах не падал духом и всегда думал о том, как лучше, правильнее, выйти из ситуации.

12 мая 1965 года на бюро Абхазского обкома ЦК КП Грузии несправедливо осудили книгу. Здесь тоже не было специалистов-языковедов. И автору «Бзыбского диалекта абхазского языка» решением бюро обкома был вынесен «строгий выговор с занесением в учетную карточку члена КПСС». Серьезнейшее наказанием для руководителя того времени.

Директор Абхазского института Хухут Бгажба продолжал работать с этим выговором. Он вспоминал:

«С выговором работал до 15 июля 1966 года. В этот день меня освободили от должности, оставив заведующим отделом абхазского языка и литературы».

Говорят документы

Из заявления, написанного на имя первого секретаря Абхазского обкома партии:

«С 15 июня 1966 года я освобожден от должности директора Абхазского института с оставлением в том же институте зав. отделом абхазской литературы и фольклора.

Прошу Вас внести на рассмотрение бюро Абхазобкома КП Грузии вопрос о снятии с меня партийного взыскания строгого выговора с занесением в учетную карточку.

Х. С. Бгажба

Член КПСС с 1939 г.

10 августа 1966г.»[1]

«ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА №134

Президиума Академии наук Грузинской ССР от 08 июля

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*

1966 года

Параграф 3.

Исполнение обязанности руководителя отделом литературы Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа возложить на кандидата филологических наук Хухута Соломоновича Бгажба с 16 июня т.г.

Президент Академии наук Грузинской ССР

академик Н. Мусхелишвили

Верно:

Завканц. Абхазского Института».[1]

После этого приказа в Абхазском институте было проведено заседание Ученого совета:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №19

Заседания Ученого Совета Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР от 19 декабря 1967 года

СЛУШАЛИ: О результатах объявленного в газете «Советская Абхазия» за № 210 от 24 октября 1967 года конкурса на замещение должности заведующего отделом и старших научных сотрудников по специальностям «абхазский язык», «абхазский фольклор», «история Грузии» и «экономика»: (докладчик – директор Абхазского института Г. А. Дзидзария)

ПОСТАНОВИЛИ: Избрать на должность заведующего отделом литературы Бгажба Хухута Соломоновича.

Постановление принято на основании результатов тайного голосования. На заседании присутствовали и приняли участие в голосовании все 11 членов Ученого Совета (счетная комиссия в составе М. К. Делба, М. М. Трапш, К. С. Шакрыл); подано голосов «за» – 11, «против» нет, «недействительных» бюллетеней нет.

Председатель – Г. А. Дзидзария,
секретарь – Б. П. Джанашиа

Верно:

Завканц Абхазского института В. Тетеркина».[2]

Затем Хухута Бгажба утвердили заведующим отделом абхазского языка и литературы в Абхазском институте:

«ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ №201

Президиума Академии наук Грузинской ССР от 21 июня 1968 года

---

[1] *Там же.*

[2] *Из личного архива Х. Бгажба.*

Об утверждении кандидата филологических наук Х. С. Бгажба руководителем Отдела литературы и фольклора Абхазского института языка, литературы и истории.

Президиум постановляет:

Утвердить руководителем отдела литературы и фольклора Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа кандидата филологических наук Хухута Соломоновича Бгажба.

Вице-президент Академии наук Грузинской ССР

Р. Двали

Академик – секретарь Академии Наук Грузинской ССР

Дурмишидзе...

Верно:

Завканц. Абхазского института...».[1]

В отделе абхазского языка и литературы Абхазского института Хухут Бгажба проработал 22 года (1966–1988).

* * *

Необходимо остановиться на работе преподавателем Сухумского государственного педагогического института (СГПИ).[2] В этом высшем учебном заведении Хухут Бгажба работал по совместительству: в 1937–1938 годах читал лекции по абхазскому языку и литературе. Он был первым, кто начал читать лекции по этим предметам в СГПИ. Когда Хухут уехал в аспирантуру, эти предметы не преподавались. Некому было.

С 1943 по 1952 годы он вернулся к преподаванию и читал курс лекций «Введение в языкознание». В 1947 его утверждают в звании доцента. В начале 70-х годов Хухут читал курс лекций по «Общему языкознанию» и «Введению в языкознание». Студенты всегда проявляли большой интерес к его лекциям, они нравились им, потому что он знал свой предмет прекрасно, был хорошо подготовлен и многое мог дать тем, кто интересовался законами языка и стремился к научной, исследовательской работе.

Хухут Бгажба, очевидно, заслуживал звание профессора. В Москву, в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК) в 1970 году были посланы необходимые документы:

«В ВЫСШУЮ АТТЕСТАЦИОННУЮ КОМИССИЮ (ВАК) МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

---

[1] *Там же..*

[2] *На базе СГПИ в 1979 г. был создан Абхазский Государственный Университет (АГУ) – Р. К.*

Дирекция Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР на основе решения Ученого Совета Института представляет зав. отделом литературы и фольклора, старшего научного сотрудника, заслуженного деятеля науки Абхазской АССР, доктора филологических наук Х.С. Бгажба к утверждению в ученом звании профессора.

Все необходимые документы, должным образом оформленные, при этом прилагаются.

Директор Абхазского института
проф. Г. А. Дзидзария».[1]

Но получению звания профессора тогда помешало не только то, что в этот период Хухут Бгажба работал в СГПИ по совместительству, т.е. не был штатным сотрудником вуза, но и чиновничья волокита. После этого директор Абхазского института профессор Г. А. Дзидзария 28 января 1971 года вновь пишет в ВАК:

«28 января 71 – 43

В СЕКРЕТАРИАТ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ

На ходатайство Абхазского института об утверждении зав. отделом литературы и фольклора, доктора филологических наук Х. С. Бгажба в ученом звании профессора секретариат ВАК сообщил (от 23 ноября 1970 года, 112 50241), что данный вопрос не будет рассмотрен до «успешной защиты кандидатских диссертаций, подготовленных под его (т.е. Х. Бгажба) руководством».

Посылая документы Х. С. Бгажба в ВАК, мы основывались на «Инструкции о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», изданной «Высшей школой» в 1967 году. В 42 статье этой инструкции (с.14) сказано, что «доктора наук, работающие с соответствующим оформлением зав. научным отделом (сектором), могут быть утверждены в ученом звании профессора, «если они ведут подготовку научных кадров или педагогическую работу в высших учебных заведениях в должности профессора (по совместительству или с почасовой оплатой)»

Прошу Вас сообщить нам остается ли в силе подчеркнутое место из упомянутой «Инструкции…»? Если да, может ли работа по совместительству в высшем учебном заведении в должности профессора дать Х. С. Бгажба право на присвоение ученого звания профессора или обязательно требование «успеш-

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*

ной защиты кандидатских диссертаций, подготовленных под его руководством».

Директор Абхазского института
профессор Г. А. Дзидзария».[1]

Тогда Хухут, несмотря на письма, так и не получил звание профессора. Но не только ВАК была тому виной.

Став заведующим отделом в Абхазском институте, Хухут Бгажба получил больше свободного времени для исследовательской работы. Правда, в отделе работы было тоже немало, но здесь он был свободен от общественной работы.

Хухута Бгажба как ученого хорошо знали не только в Абхазии. Он много раз участвовал в научных конференциях, симпозиумах и конгрессах, посвященных проблемам абхазского языка, литературы и фольклора. Так, в 1960 году принимал участие в работе XXV Международного Конгресса востоковедения, где сделал доклад «Бзыбский диалект абхазского языка и его говоры». Тогда же, в московском издательстве «Восточной литературы» этот доклад был издан отдельной брошюрой.

Хухут Бгажба был широко известен и за пределами Советского Союза, особенно среди ученых-кавказоведов. Об этом хорошо свидетельствует письмо из Академии наук Венгрии, направленное на его имя:

A JOZSEF ATTILA TUDOMANYETEM
FINNUGOR NYELVTUDOMANYINTEZETE
Szeged, Tancsics Mihajy utca 2, «Типология 1»
проф. Х. С. Бгажба
г. Сухуми
Абхазский институт языка, литературы и истории Гр. ССР

Отделение языка и литературы Венгерской Академии наук – совместно с Сегедским государственным университетом им. Атиллы Йожеф в Сегеде от 28 по 30 августа 1968 года – организует симпозиум, посвященный тематике «Теоретические вопросы типологии и языка Северной Евразии».

Организационный Комитет сердечно приглашает Вас принять участие в работе симпозиума и выступить с докладом по указанной тематике. Выбор темы предоставляется Вам. Рабочими языками симпозиума являются русский, английский, французский и немецкий, время доклада ограничено 20 минутами. Мы рассчитываем на Ваше участие в работе симпозиума и в том случае, если Вы не желаете читать доклад.

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*

Просим Ваш ответ об участии в симпозиуме и о Вашем докладе (с указанием его заглавия) сообщить до 25-го апреля 1968г. Организационному Комитету (LATE Szeged, Tancsics Mihaly utca 2), и, вместе с ним вернуть приложенный анкетный лист ИБУС от Венгерского Туристического Агенства. Тезисы Вашего доклада просим прислать нам до 20-го июня.

От имени Оргкомитета симпозиума «Типология 1»
доктор. Петер Хайду, профессор СГУ.[1]

Хухут Бгажба принял данное приглашение[2]:

«Отчет о поездке в Венгрию

26 августа 1968 года в составе группы советских ученых-языковедов я выехал из Москвы в Венгрию для участия в работе симпозиума, посвященного тематике – «Теоретические вопросы типологии и языки Северной Евразии», согласно приглашению, полученному мной от Оргкомитета симпозиума.

В программе моей поездки не предусматривался доклад или другое фиксированное выступление.

По тематике симпозиума были заслушаны обстоятельные доклады, например: Т. С. Шарадзенидзе «Типология языков в синхронии и диахронии». В. С. Храковского «Некоторые проблемы синтаксической типологии», «Проблема доминации членов предложения и система глубинных универсальных синтаксических структур» Г. И. Мачавариани (безвременно скончавшегося в г. Сегеде), «Общекартвельская система склонения в сопоставлении с системами горских кавказских и индоевропейских языков» (текст доклада огласила кандидат филол. наук И. Меликишвили).

В центре внимания симпозиума стояли межъязыковые тождества и различия, являющиеся предметом исследования структурной типологии. Было обращено внимание на одну из задач синтаксической типологии – установлению универсальных закономерностей, определяющих устройство синтаксической структуры предложения.

Симпозиум работал с 28 по 30 августа в г. Сегеде, а затем я и другие товарищи – В. С. Храковский (из Ленинграда) и Н.Рятсел (из Таллина) в течение нескольких дней были в Будапеште, где при содействии наших венгерских друзей – языковедов мы познакомились с достопримечательностями города.

---

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*
[2] *Там же.*

Второго сентября я выехал в Москву, а оттуда – в Сухуми.

Я считаю, что участие на упомянутом симпозиуме было для меня полезным, и я узнал много ценного по теоретическим вопросам языковой типологии.

При этом прилагаю справку, заменяющую командировочное удостоверение, с необходимыми отметками на обратной стороне.

10.01.1969г.

Зав. отделом литературы и фольклора Абхазского
института языка, литературы и истории АН
Грузинской ССР Х. С. Бгажба».

Хухут Бгажба помимо поездок на международные научные симпозиумы и конгрессы, часто в качестве туриста ездил в страны соцлагеря: ГДР, Румынию, Югославию, Чехословакию. Во время этих поездок он интересовался историей, культурой, литературой, современной жизнью народов, этих стран. Он с огромным уважением отзывался о людях, живущих в Восточной Европе, об их цивилизации, подчеркивал, что многому нужно и можно у них учиться. Он лично был знаком со многими зарубежными писателями и учеными.

* * *

Приведу текст краткой автобиографии Хухута Бгажба (написана10 октября 1999 года). Без изменений языка и стиля:

«С 1942 года моя научная деятельность протекает в Абхазском институте, где занимал должности старшего научного сотрудника, зав. отделом языка и литературы, зам. директора (1949–1953), директора (1953–1966); зав. отделом литературы и фольклора. С 1988 года – ведущий научный сотрудник, а с 1996 года – главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии.

Литературная и научная деятельность началась в 1933 году, когда вышла моя книга «Краткий очерк современной абхазской литературы». В этом же году я был принят в члены Союза писателей СССР. Эти мои литературно-критические начинания положительно оценили Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба, что меня ободрило и настроило двигаться дальше в этом направлении.

Печатаюсь с 1930 года. С тех пор опубликовал более 200 исследований, статей, очерков (в том числе 10 монографий). В круг моих интересов входит изучение вопросов абхазского языка, литературы и фольклора.

Значительное место в моей научной деятельности занимают исследования по абхазскому языку, среди которых следует выделить «Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе», «Бзыбский диалект абхазского языка» (2-е издание с исправлениями во 2-ом томе моих «Трудов», 1988), «Очерки по абхазской лексике», «Вопросы абхазской орфографии», «Бзыбский диалект и его говоры», «Из истории письменности Абхазии», «Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии», «Об абхазских племенах и диалектах». Соавтор грамматики абхазского языка, соавтор и главный редактор «Русско-абхазского словаря» и т.д., а также являюсь автором учебников по абхазской грамматике для начальной школы.

С 30-х годов изучаю актуальные и узловые вопросы абхазской литературы, которые нашли свое отражение в ряде трудов: «Абхазская литература. Критические очерки», «Статьи и исследования», «Бессмертное имя», «Страницы из летописи дружбы»; соавтор и главный редактор «История абхазской литературы» (том 1); автор хрестоматий по абхазской литературе для IX и XI классов. Вхожу в авторский коллектив ряда центральных изданий, среди которых: «Краткая литературная энциклопедия» (в 9 томах), «Мифы народов мира» (в 2-х томах), «Мифологический словарь», «Украинская советская энциклопедия», «Грузинская советская энциклопедия» и т.д.

Вместе с тем, моя научная работа включает в себя и фольклорные изыскания, собирания и публикация текстового материала народной поэзии, сказок, пословиц (в том числе книга «Абхазские сказки» на русском языке, переведенной на словацкий, украинский, грузинский и эстонский языки).

Провел значительную текстологическую работу, в результате которой подготовлены мною к печати (с предисловиями и комментариями) и изданы сочинения абхазских писателей и ученых (Д. Гулиа, С. Чанба, А. Чочуа, И. Когониа, В. Агрба, А. Хашба, Н. Джанашиа, А. Чукбар, Д. Маан (Маргания), С. Бжания, В. Маан, О. Демердж-ипа и др.).

В 40–70-х годах в Сухумском госпединституте им. А.М. Горького читал курс лекций по абхазской литературе, Введению в языкознание и Общему языкознанию. В 1945–1948 годах был председателем Союза писателей Абхазии (по совместительству).

В течение 50 лет я собирал документальные материалы и редкие книги по абхазоведению, составившие личный архив, значительная часть которого издана отдельными книгами или вошла в собрание сочинений ученых и писателей.

В настоящее время, наряду с научной работой, выступаю с докладами и сообщениями на научных конференциях и сессиях, а также со статьями и очерками в периодической печати и в телепередачах.

Неоднократно избирался депутатом Верховных Советов Абхазии и Грузии, член Союза писателей с 1933 года. Награжден Орденом «Знак Почета», медалями и Почетными грамотами; Заслуженный деятель науки Абхазии и Грузии, лауреат Государственной премии Абхазии имени Д.Гулиа.

10.08.99.

Х. С. Бгажба, главный научный сотрудник
Абхазского института, академик АНА».[1]

* * *

Когда советское правительство постановило, что в научных учреждениях нужно обновить кадры, и людей, достигших пенсионного возраста надо освобождать от должности, Хухут пишет заявление:

«Директору Абхазского института
Заявление.

В соответствии с правительственным постановлением о возрастном составе кадров научно-исследовательских учреждений, прошу Вас освободить меня от занимаемой должности зав. отделом литературы и фольклора (Он проработал в этой должности 22 года – Р.К.). Очень хотелось бы продолжить и в дальнейшем научную работу, пока есть силы и здоровье в надежде, что труд сохранит и то и другое. В настоящее время руковожу коллективной темой, запланированной до 1995 года и предусмотренной для написания второй книги «История абхазской литературы (1956–1990)».

Исходя из вышеизложенного, прошу Вашего распоряжения о перемещении меня на другую соответствующую научную должность, согласно новому штатному расписанию, если можно не ущемив мое материальное положение».

В 1988–1996 годы Хухут Бгажба работал ведущим ученым, а с 1996 года вплоть до конца своей жизни – главным ученым в Абхазском институте. Со всей ответственностью он выполнял свою научную работу. Приведу несколько ежегодных его научных отчетов. Я думаю, что они наилучшим образом показывают, каким острым умом обладал этот, уже далеко немолодой

[1] *Из личного архива Х.Бгажба.*

человек, насколько многогранна и разнообразна его научная деятельность.

Отчет о научной работе за 1994 год:[1]

«В 1994 году по плану института мне была поручена тема: «Творчество С. Чанба». Над этой темой я много работал и ранее, включая туда составление и издание произведений С. Чанба в двух томах. В прошлом году я обязан был написать две печатных листа, посвященные творчеству С. Чанба, которые должны войти частью в книгу об истории абхазской литературы, над которой работает отдел. Но из-за болезни в последние месяцы года (в январе и декабре) я не смог закончить эту работу в прошлом году (хотя все материалы были готовы и лежали передо мной).

А теперь, с этого месяца, продолжил работу, чтобы завершить начатый труд. Если вновь не подведет здоровье, надеюсь закончить ее в течение двух месяцев. Иных препятствий не вижу.

Помимо запланированной работы, написал статью «Некоторые размышления об Апсуара», которую напечатали в двух номерах газеты «Апсны». Ранее эту статью я прочел на собрании института (в форме доклада). Кроме того, я откликнулся на страницах газеты «Республика Абхазия» на материалы, напечатанные в газете «Абхазия», неверно рассказывавших о деятельности Д. Гулиа и А. Чочуа.

10.01.95

Ведущий ученый института Абхазоведения
имени Д. Гулиа, доктор филологических наук Х.
С. Бгажба».

Отчет о плане на 1996 год:

«В 1996 году в плане института Абхазоведения мне была обозначена тема: «Абхазская литература (письменная) до 1921 года» Над этой темой я работал и раньше (в прошлом году она стояла у меня в плане). Тогда я более подробно остановился на истории развития абхазской письменной литературы.

Просмотрев собранные материалы, я убедился, что написанный уже труд необходимо дополнить, а к каким-то материалам найти иной подход. Учитывая все это, я ввел в свою работу пока

[1]Все отчеты из личного архива Х. Бгажба.

еще не вписанные или не полностью исследованные в истории абхазской литературы имена: А. М. Чочуа, А. И. Чукбар, Ф. Х. Эшба, Д. Т. Маан, (Маргания). Думаю показать и Н. С. Патеипа. Их деятельность во многом обусловила становление абхазской литературы, стала ее основой.

Немного расширил информацию о переводе на абхазский язык христианской духовной литературы.

Кроме того, отметил подробнее книгу Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки», открывшую страницы истории абхазской художественной литературы (1912г.). Анализирую произведения Д. Гулиа, С. Чанба и М. Лакрба, появившиеся на страницах газеты «Апсны» (1919–1920); упоминаю также некоторых писателей, впервые опубликовавшихся в этой газете (И. Когониа, М. Хашба и др.)

Как я говорил выше, работа оказалась невольно растянутой (написано уже около пяти печатных листов), и в таком виде еще не готова, чтобы ее напрямую включить в готовящуюся нашим отделом книгу об истории абхазской литературы. Кое-где необходимо сократить, а в других местах, наоборот, кое-что добавить. Текст теперь нужно отредактировать и подготовить к печати. Еще около полугода предстоит работать над этим трудом.

Помимо плановых работ я опубликовал в газетах статьи, посвященные 140-летию со дня рождения Ф. Х. Эшба «Видный абхазский педагог-просветитель» («Республика Абхазия», «Апсны»), 130-летию абхазской письменности: «Абхазская письменность: на службе духовного развития народа («Республика Абхазия»). В этих газетах также скоро должна быть напечатана статья, посвященная 130-летию со дня рождения Д. Т. Маан – «Священник, протоиерей – просветитель».

Принял участие в юбилеях И. А. Аджинджал и А. А. Аншба, которые были проведены в нашем институте; выступил в домемузее Д.И. Гулиа, в университете, на радио и т.д.

23.12.96

Х. С. Бгажба,
доктор филологических наук».

Отчет о научной деятельности Х. С. Бгажба за 1997 год

1. Тема: Обработка (запись) личного архива Х. С. Бгажба.

2. Как и предполагалось по теме, свой личный архив я распределил по тематике, обработал и сделал фотокопии материалов по абхазскому языку, литературе, фольклору, истории и этнографии Абхазии, вложив их в отдельные папки. Среди

этих материалов немало еще ни разу не опубликованных, например:

1) Произведения Д. Гулиа (около одного тома, не вошедшего в собрание сочинений);

2) Народные сказания, записанные в 20-х годах в селах Абхазии на абхазском языке кавказоведом, профессором А. Н. Генко (считаю нужным издать их отдельной книгой), а также и другие его записях по абхазском языку и этнографии;

3) Газета «Апсны», выходившая в свет в 1919–1920 годах (почти все номера);

4) Абхазские книги, опубликованные в период с 1865 по 1925 годы;

5) Неоконченные записи академика Н. Марра, которые готовились им для абхазской грамматики (около 400 печатных страниц);

6) Фольклорные записи абхазского ученого В. Кукба (включая и лексические материалы);

7) Нужные статьи, вырезки из газет («Апсны капш», «Трудовая Абхазия», «Советская Абхазия», «Советский писатель Абхазии»…) номера, которых на сегодняшний день трудно найти;

8) Карты Абхазии (разные по времени, включая туда и Чачбовскую);

9) Лексические материалы абхазского языка;

10) Тексты бзыбского диалекта (в большинстве своем не переписанные мои записи);

10-а. Статья Борка об абхазском языке (1909 год);

11) Статьи Омара Беигуа и его монография об абхазской мифологии, напечатанной в журнале «Кафкасия» (на турецком языке);

12) Статья Дюмезиля об абхазо-адыгских языках (на французском языке);

13) Статьи Аллена об абазинском и абхазском языках (на английском языке);

14) Фотокопии Келешбея Чачба (верхом на коне, памятник у его могилы);

15)Абхазские старцы, сфотографированные в 30-х годах Одинцом;

16)Документы о защите исторических памятников (20-е годы);

17)Работы Мессароша, Дюмезиля, Воудея, Г. Шмидта, А. Шифнера, А. Намитоки, посвященные абхазскому и адыгскому языкам, в переводе на русский язык;

18) Статья профессора Д. Поливанова «Абхазский аналитический алфавит» (1927г.);

19) Предисловие и замечания фольклориста, профессора Андреева к двухтомнику «Абхазские сказки» (рукопись);

20) Материалы об истории Абхазии, опубликованные в газетах и журналах;

21) Запись Гатцука под названием «Абраскил», напечатанная в журнале «Новая Россия» (1907 год);

22) Материалы, свидетельствующие о пребывании в Абхазии (1936 год) французского писателя Андре Жида;

23) Список произведений К. Мачавариани об Абхазии и др.;

24) Материалы, посвященные абхазским ученым и писателям и их фотографии (включая и невинно убитых в 1937 году);

25) Записанные мной абхазские народные сказания (сказки, старинные предания, пословицы);

26) Мои работы (неопубликованные) об абхазском языке: «Вопросы об абхазской фразеологии», «Обстоятельство в абхазском языке» и другие;

27) Мои произведения, посвященные некоторым абхазским писателям;

2. Помимо вышеназванной темы я занимался и исследовательской работой. В настоящее время отдельно выходит в свет, составленная мной книга об известном протоиерее – просветителе Д. Т. Маан (больше трех печатных листов), предисловие и послесловие (на абхазском и русском языках) к ней написаны мной. Далее, в газете «Вестник науки» была напечатана моя статья «Видный ученый и общественный деятель А. Хашба», также газета «Республика Абхазия» собирается опубликовать мою статью, посвященную 130-летию со дня рождения Д. Маан.

Трижды выступил на Абхазском телевидении. Мои выступления были посвящены абхазским книгам: «Абхазский букварь» (1865), «История святых вкратце» (1866); Букварь, написанный К. Мачавариани и Д. Гулиа.

В прошлом году Абхазскому институту подарил редкие книги, вышедшие в свет во времена становления абхазской письменности и т.д.

3. Здесь я не смог полностью перечислить все, что включает в себя мой архив, осталось еще много незаписанного, затем, я не назвал книги, находящиеся в моей библиотеке и имеющие огромное исследовательское значение в области абхазоведения. В дальнейшем также предстоит большая работа по изучению и разбору этих книг, исследовательских трудов.

В связи с вышеперечисленными фактами, прошу дирекцию

института и отдел литературы, чтобы дали мне возможность и в этом году работать над своим архивом. Это позволит мне лучше выбрать литературу, которую я собираюсь дарить институту.

10.01.98 г.

Х. С. Бгажба,
Ведущий ученый Абхазского института
гуманитарных исследований, академик АНА

«Научная работа Х. С. Бгажба в 1998 году.

1. Тема: Обработка и запись личного архива Х. С. Бгажба.

Этой темой я занимался и в прошлом году. Насколько смог, выполнил ее в этом году. В прошлогоднем отчете я указал немало материалов из моего архива. Из них дирекция нашего института собирается издать отдельной книгой фольклорные записи А. Генко (на абхазском языке под редакцией З. Аджапуа). Как я заметил, в этом году, остались материалы, не представленные мной еще в прошлом году. К ним относятся:

1) Отдельной книгой можно издать рассказы и статьи С. П. Басариа (на абхазском языке);

2) Письмо, написанное Шабатом Гублиа из села Куланырхуа на имя обер-прокурора Российского синода Победоносцева об издании церковных книг на абхазском языке (1891 г.)

3) Работа академика С. Н. Джанашиа «Абхазия в составе Колхидского царства» (75 машинописных страниц);

4) Письмо академика Н. Я. Марр Нестору Лакоба об основании науки в Абхазии.

5) Киносценарий С. Чанба «Амхаджир», написанный им в 1928 году по заказу акционерной группы «Межрабпомфильм – Русь» (на русском языке, 49 машинописных страниц);

6) Рукопись доклада профессора А. С. Башкирова о древнейшей истории Абхазии, сделанного им в 1925 году в АбНО;

7) Рукопись Игн. Стелецкого «К археологии Абхазии» (Москва, 1925 г.);

8) Материалы, посвященные защите исторических памятников Абхазии (20-е годы);

9) Материалы о государственном языке Абхазии (20-е годы);

10) Рецензия на работу Г. Ф. Турчанинова «Древнейший письменный памятник Кавказа» (о Майкопской надписи), написанная Г. Дзидзария, К. Шакрыл, Ш. Инал-ипа, М. Трапш, Л.

Соловьев (10 машинописных страниц);

11) Фотокопия романа Мордовцева «Прометеево потомство»;

12) Фотокопия статьи Ф. Бруна – «Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам» (1875г.);

13) Заявление профессора А. С. Башкирова на имя Абхазского института по поводу издания его книги «Архитектура Абхазии»;

14) Статья АНТ «В стране освобожденного Абрыскила (Очерк Советской Абхазии), напечатанной в журнале «Революция и горец» (№5, 1930г.), 17 машинописных страниц;

2) Помимо обозначенной темы, я также занимался исследовательской научной работой.

1. По заданию дирекции написал предисловие (10 машинописных страниц) к книге о фольклорных записях А. Н. Генко, которая должна выйти в свет.

2. Из личного архива подготовил для ксерокопирования материалы Д. И. Гулиа, не вошедшие в его собрание сочинений в 6-ти томах.

3. В газете «Республика Абхазия» были опубликованы две мои статьи:

1. «Его имя не ушло в небытие» (посвященной 130-летию со дня рождения протоиерея-просветителя Д. Т. Маан);

2. «Сеял разумное, доброе, вечное» (к 120-летию со дня рождения педагога-просветителя Н. С. Патеипа);

3. Скоро с моим предисловием должна выйти книга произведений Д.Т. Маан, которую я составил еще в прошлом году.

4. В газете «Апсны» скоро должна выйти моя статья «Имя, которое нельзя забыть» (с неопубликованными стихотворениями Евгения Хашба, находящимися в моем личном архиве).

5. Принимал участие в юбилеях, проводимых Абхазским институтом (в частности, и Союзом писателей Абхазии), выступил один раз на телевидении.

24.12.98 г.

Х. С. Бгажба».

«Научная работа Х. С. Бгажба в 1999 году

«1. Тема: Произведения Д. Гулиа – 7-ой том.

Над этой темой работали мы с С. Зухба, используя материалы из моего личного архива. В этот том включены стихотворения, рассказы, статьи, переводы, письма и фольклорные записи писателя (всего около 25-ти печатных листов), не попавшие в уже изданное собрание сочинений Д. Гулиа в 6-ти томах. Они

не были до сих пор представлены широкому читателю. Безусловно, эти произведения еще более полно раскрывают творческую и общественную значимость основателя абхазской литературы.

Тексты данного тома готовы к отправке в издательство (отпечатаны на машинке, отксерокопированы или находятся в рукописи), остается добавить предисловие и комментарии.

2. Помимо вышеназванной темы, выполненной по плану института, в этом году я занимался и следующими творческими трудами:

1) На проводимой институтом конференции, посвященной «Проблемам кавказского языковедения и фольклористики» мною был сделан доклад на тему: «А. Н. Генко – кавказовед, абхазовед».

2) Также выступил на научной сессии, посвященной 85-летию со дня рождения Г. А. Дзидзария; на юбилейном торжестве в связи со 100-летием Д. В. Дарсалиа, организованном Союзом писателей Абхазии и т.д.

3. В газете «Апсны» были напечатаны две мои статьи: «Незабвенное имя поэта» и «Духовный след», далее доклад – в газете «Абжьныха». В «Трудах», издаваемых нашим институтом, будет напечатана моя статья под названием: «Н. С. Патеипа – народный учитель, просветитель». Вышла в свет книга о протоиерее – просветителе Дмитрия Маан, содержащая его публикации, составленная мной из материалов, собранных из моего личного архива. Предисловие и послесловие к этой книге также написаны мной.

20.12.99 Х. С. Бгажба,

ведущий научный сотрудник АбИГИ»

Архив ученого

Архив Хухута Бгажба богат различными материалами об Абхазии и абхазах, очень редкими и ценными. По его словам, он начал их собирать еще со школьной скамьи. Действительно, Хухут Бгажба всегда интересовался и повсюду искал книги, газеты и архивные документы об истории Абхазии, языке, фольклоре и природе абхазов, собирал старинные фотографии, раскрывающие внешность и тип абхазов, так как хорошо понимал значение такого рода документов для исследовательской работы по истории и культуре абхазского народа, знал, что они помогут современному человеку узнать о своих корнях. Пото-

му он тщательно, на личные средства собирал материалы, аккуратно хранил их и относился к ним не менее трепетно, чем к собственным произведениям.

В дополнение приведу три факта, услышанных от него.

Первый. После того, как наши воины освободили столицу Абхазии от грузинских захватчиков, на следующий день мы вернулись из Гудауты в Сухум. Как и многие мои друзья с большим волнением отправился проведать близких родственников, знакомых, друзей – живы ли, как перенесли страшную оккупацию. Конечно, первым делом пришел в дом Хухута. Они были, к счастью, все живы, хотя пришлось пережить все тяготы войны. Понятна радость встречи близких людей. Трудно все передать словами! Взволнованные сидели в его кабинете и беседовали. На его письменном столе, за которым он работал многие десятилетия, лежали свертки, обернутые толстой бумагой и перевязанные веревкой. Заметив, что их разглядываю, сказал:

– Это – мои архивные материалы. Конечно, здесь не все, а только то, что легко было собрать на скорую руку.

Я слушал его молча, видел, что на пороге своего 80-летия наш великий ученый был все еще силен духом, опасности и лишения, перенесенные во время войны, не сломили его.

– В тот день, когда освобождали Сухум, – продолжал он, – в соседний дом попали снаряды, и он загорелся. Выйти из дома было невозможно, беспрерывная стрельба, пули свистят. Наш дом вот-вот загорится. Но ничего поделать нельзя, что с нами должно случиться, то и будет – от судьбы не уйдешь. Думаю, хотя бы, что-нибудь из своего архива сохранить. Вот и начали мы с сыном собирать в свертки то, что оказалось поблизости и складывать здесь, чтобы выбросить их из окна, если дом наш начнет гореть в надежде, что кто-то заметит и сохранит.

Пламя вот-вот дотянулось бы и до нашего дома. Но, к счастью, в это время ветер подул в противоположную сторону, развернув огонь. Если рассказать кому, не поверит, примет за сказку. Ветер, словно им кто-то управлял, не успокоился, пока не сгорел тот дом, все время дул с севера на юг, защищая нас. Даже стих он только тогда, когда полностью выгорело все деревянное в том доме, и огонь стал не опасным. И мне с Аликом (сыном О. Х. Бгажба – Р. К.) не пришлось выкидывать из окна приготовленные сверки. Архив сохранился! С тех пор не успел вернуть на место, – закончил свой рассказ Хухут Бгажба.

Это говорит о многом. Он не пытался спасать жизнь и имущество. Важнее для него было сохранить материалы об исторических памятниках Абхазии, о языке, культуре и истории абха-

зов, которые собирал всю свою жизнь. Бог помог ему: спаслись и члены семьи, и архив.

Второй пример. Это было той ночью, когда с Хухутом произошел несчастный случай. Мы еще не отвезли его в больницу, ждали врачей, он мучился от боли. Как только я пришел, он, оставив в стороне то, что с ним случилось, сразу же с горечью заговорил о другом:

– Помимо того, что случилось со мной, больно, что не сумел привести в надлежащий порядок свой архив, на собирание которого потратил всю жизнь. Не успел использовать его в науке так, как хотел. За жизнь я собрал много интересных материалов об Абхазии и абхазах, работая в свое время различных центральных библиотеках и архивах Советского Союза. Конечно, сейчас намного легче собирать архивные материалы. Слава Богу, много техники, которую можно использовать, скажем, за секунду скопируешь нужный материал. А я собирал архивные материалы тогда, когда ничего такого не было, приходилось переписывать вручную то, что нашел. При Сталине не давали даже делать фотокопии. Только после его смерти частично стали разрешать. Я искал эти материалы в Москве, Ленинграде, когда ездил в командировки (да и до этого, во время учебы), глотая архивную пыль. А когда находил то, что нужно, сидя там же переписывал в общую тетрадь. Все это отнимало много времени, стоило большого труда и здоровья.

Кроме материалов о нас, написанных неабхазскими учеными, исследователями или путешественниками, сам много поездив по Абхазии (побывав и у абхазов, живущих в Аджарии), лично собрал много материалов. Сколько из записанного мной устного народного творчества, пословиц, поговорок, скороговорок, все еще осталось до сих пор без научного применения! Правда, работать над этими материалами я начал перед грузино-абхазской войной. Она помешала мне. Сразу после нее принялся снова активно обрабатывать архив, сделал тоже немало, но все равно не успел весь обширный материал классифицировать, как положено, исследовать полностью. А теперь неизвестно, как выйду из этой ситуации. Но собранные и сохраненные материалы, мои или других ученых, говорит о том, что не все сгорело в пламени войны. Надеюсь, с ними ничего не произойдет, не пропадут и не испортятся – это утешает меня, – говорил он.

– Хухут, успеешь все это доделать, когда поправишься, и архив свой сам сможешь привести в порядок, – сказал я ему в ответ. Тогда он, словно очнувшись от боли, посмотрел на меня и улыбнулся:

– Дай Бог, чтобы было так, но трудно сказать, что будет в дальнейшем с моими творческими замыслами и архивом.

Последние его слова, сказанные неуверенно, я бы сказал, с безнадежными нотками, болью отозвались в моем сердце.

Наконец, третий факт. Это было за год до кончины Хухута. Однажды прихожу к нему – не было случая, чтобы мы не встречались с ним в неделю два-три раза. Хухут сидел и работал за письменным столом. Увидев меня, оставил бумаги, сказал:

– Рад твоему приходу. – Встал и пожал мне руку. Затем повел в другую комнату, где находились половина его архива и библиотека. Он любил там сидеть, подолгу думать, писать.

– Прости, что отвлек от работы, – сказал я, на что он возразил:

– Что ты, Руслан, наоборот, я очень рад, передохну немного, поговорим, а затем я хочу тебе кое-что дать перед уходом, так что ты пришел кстати. Показывая рукой на два комплекта фотокопий и одну увесистую папку, Хухут сказал:

– Вот это – сохранившиеся номера газеты «Апсны» (Аҧсны). Их сегодня трудно найти, сгорели в сожженном грузинскими захватчиками Государственном архиве.[1] Раньше тоже не все номера газеты «Апсны» дошли до нас, были потеряны. Это вызывает большое сожаление, но и оставшиеся представляют несомненную пользу в исследовании истории абхазской письменности и печати. Насколько мне известно, никто из наших ученых систематически не занимался еще исследованием материалов (статей, стихотворений, коротких рассказов, басен), опубликованных в этих номерах газеты, если не считать отдельных статей, да и то посвященных хорошо известным сегодняшнему читателю авторам. Но здесь есть люди, внесшие большой вклад в дело становления абхазской печати, в том, чтобы газета «Апсны» дошла до нашего народа, содействовавшие вливанию новых сил в абхазскую литературу. Их имена забыты сегодня. Они остались в архивной пыли. Правда, в своей обширной статье «Некоторые страницы из истории абхазской литературы», написанной в 1956 году, я рассказал о многих авторах, печатавшихся на страницах газеты «Апсны»(1919–1920), но немало имен осталось за рамками той статьи. В дальнейшем намеревался вернуться к ним, но отвлекали другие творческие и исследовательские дела, годы шли, и я до сих пор не успел сделать эту работу. Повторюсь, мы должны вернуться к ним, нельзя, чтобы их имена остались в забвении. Они стояли рядом

[1] *Государственный архив Республики Абхазия сожжен в Сухуме грузинскими оккупантами в 1992 г. – Р. К.*

с Дмитрием Гулиа и Самсоном Чанба. А еще вызывает тревогу, что в последнее время появились люди, живущие согласно пословице «ежик смеялся над своей шкурой, из которой вышел». Они пренебрегают тем, что сделали эти первопроходцы, недооценивают их труд!

Потому, Руслан, я тебе отдаю номера газеты «Апсны», которые остались в моем архиве, чтобы ты тщательно исследовал и написал об авторах и материалах, опубликованных на страницах этой газеты, не откладывая на «потом», когда появится свободное время. Сам знаю, что времени всегда не хватает. Но если тебе удастся сделать такую работу, она станет историей нашей первой абхазской газеты – это справедливое дело».

Поначалу я растерялся, не находил слов, хорошо зная от него самого, сколько труда было вложено в собирание огромного, бесценного архива. Мне стало неловко брать комплект номеров газеты «Апсны», в то время как ученый был еще крепок и способен работать. Даже почувствовал некую вину перед ним.

– Когда перебираю свой архив, вижу, что есть и другие материалы, которые ты сможешь использовать в своей работе. Я их смогу отдать потом, пока еще не добрался до них. Только, Руслан, будь осторожен, работая с ними, не повреди их нечаянно. Как видишь, и газетные номера, и фотокопии очень ветхие, надо бережно к ним относиться.

– Лучше всего было бы, если все эти оставшиеся номера издать отдельной книгой. Они сохранились бы навсегда. Я об этом давно думал, но не получилось. А теперь откуда такие возможности, да и бумага, на которой печаталась тогда газета не лучшего качества, – сказал Хухут.

Долго в тот вечер мы с ним общались. Прощаясь, взял номера газеты «Апсны» и принес домой. Архив обязывал ко многому. Также я хорошо понимал всю ответственность, возложенную на меня ученым, и трудности, связанные с этой работой. Но работа затруднялась тем, что не было уже бесценных абхазских архивов, сгоревших во время войны 1992–1993 годов. Несмотря на то, что у меня был немалый опыт в поисках и находках материалов, я все еще тянул с поручением Хухута Бгажба. Сам он несколько раз напоминал об этом, спрашивая, не нашел ли свободного времени, чтобы приступить к разбору архивных материалов. При этом добавлял, если не приступал, то необходимо поторопиться. Я не мог, не хотел обманывать Хухута, и отвечал, что пока и не дотрагивался до архива. Но когда он скончался, его поручение стало для меня своего рода завеща-

нием. С большими трудностями, но в итоге я сдержал слово и выполнил наказ нашего великого ученого.[1]

* * *

27 ноября 2000 года я навещал Хухута. Он чувствовал себя бодро, в хорошем настроении работал над архивом за своим письменным столом. Разбирая перезаписи, фотокопии и рукописи об истории Абхазии, абхазском языке и литературе, а также материалы об Абхазии, написанные в разные годы зарубежными авторами по тематике, он складывал их в отдельные папки.

– Вот эти книги, которые ты видишь перед собой, я привез из Москвы, будучи еще студентом, а другие куплены, когда учился в аспирантуре, – показывал он мне отдельно сложенные книги. Книги об Абхазии и абхазах он сложил отдельно, намереваясь положить в шкаф. Я не стал просматривать их, но предложил свою помощь, он отказался.

– Лучше пойдем сейчас перекусим, – повел он меня в столовую, – Жанна дома, она приготовила нам обед (племянница жены Хухута – дочь репрессированного в 1937 году сына А. Чочуа, Бориса – инженера, геолога, учителя истории – Р. К.).

В тот вечер я еще долго оставался у него. Мы разговаривали о многом.

– Ты работаешь, Хухут, я краду твое время, – сказал я, но он ответил:

– Работать, безусловно, надо, но и общение необходимое близким людям.

Глядя на него, и слушая о дальнейших планах, я не сомневался, что он здоров, прекрасно настроен и уверен в себе. Видел, что возраст и немалые трудности, которые пришлось ему пережить в жизни, не сломили его, и он, словно говорил: «У меня есть еще что сказать и написать».

Но в жизни, как говорится, бывает так, «человек полагает, а Бог располагает». Видимо, от судьбы уйти невозможно.

Вот записи из моего дневника о последних днях жизни Хухута: «...В два часа ночи 28 ноября зазвонил телефон. Сразу же поняв, что прорвавшийся сквозь ночную тишину резкий звонок не предвещает ничего хорошего, я схватился за трубку. Оттуда раздался голос Таты: «Хухут упал с балкона, он в тяжелом состоянии», – не добавив ни слова, она положила трубку.

---

[1] *См. Р. Капба. Если мы станем лучше…, Сухум, 2002. Следует отметить, что в 2006 году под ред. В. Ш. Авидзба вышла в свет книга с почти полным набором номеров газеты, см. «Аԥсны 1919–1921 гг.», Сухум, на абх. яз. – Р. К.*

Мы с супругой Марой Нинуа буквально через минуту выбежали из дома, подавленные, опасаясь, что Хухута уже нет в живых. Когда мы пришли, брат Хакыбей и Анатолий Адлейба, двоюродный брат Хухута, уже были там.

В эту же ночь положили его в травматологическое отделение Республиканской больницы. Трудно сказать, каким образом он упал и получил три перелома, после того, как в нормальном состоянии лег спать ночью. Врачи делали все возможное. Хухут не был обделен вниманием. Состояние ученого было тяжелым. Сын не отходил от него ни на шаг. Коллеги из института часто навещали. Все родственники постоянно дежурили у больницы. Да и как иначе! Стоя рядом с больным, я был поглощен мрачными мыслями. Смотрел в родное лицо, и от боли сжималось сердце...

...Только сейчас (28 ноября, 2000) вернулся из больницы. Хухут лежит, изо всех сил терпя сильную боль, крепится. Порой о чем-то спросишь, ответит одним-двумя словами. По выражению лица видно, что ему трудно говорить, нет сил. Он все время в сознании, все слышит и понимает, переживает за то, что с ним произошло подобное, пока ничего не рассказывает, может быть, плохо помнит, как он оказался ночью на балконе, при каких обстоятельствах упал. Случилось то, что случилось, и уже неважно, почему он там оказался – услышал голос отца, который звал его, как он, вспомнив, позже рассказывал нам или ночью, почувствовав себя неважно, вышел на балкон подышать свежим воздухом. Главное – спасти ему жизнь. Его же сильно беспокоило то, что он не успел привести в надлежащий порядок свой архив.

– Не успел закончить работу над архивом, видишь, что со мной случилось, теперь вряд ли сумею доработать, зря трудился. Если встану, отдам весь Абхазскому институту, а если нет, вы с Софыджем (сына Олега называл Софыджем – Р.К.) отдадите. Но кто может знать мой архив так, как я, и работать над ним также, знать о моих планах? Сильнее физической боли, переживаю, что за всю жизнь собрал обширнейший материал, но не смог его в полной мере использовать, – очень уставшим, часто прерывающимся голосом говорил он, когда я дежурил у постели.

Порой ему ненадолго становилось немного лучше, но потом следовал рецидив. Олег постоянно дежурил около него. Так проходили дни. Хухут мучился, приехал и внук Андрей. Вместе с отцом они не отходили от его постели. Мы с Хакыбеем проводили там почти все дни, но ночью сын и внук не позволяли нам, старшим, дежурить в палате.

Иногда Хухут останавливал свой взгляд на нас и смотрел печально, с глубокой болью, словно осознавая, что не сможет одолеть недуг, но все же по измученному сильной болью лицу было видно, что надежда не покидает его.

Но все плохое, и хорошее имеет свой срок. Наступил последний час и для Хухута Бгажба, врачи делали все, но победить судьбу, предопределенную Всевышним, они не смогли. 23 декабря 2000 года в два часа дня ушел из жизни великий абхазский ученый, академик Хухут Салуманович Бгажба. Это большая потеря для духовной культуры абхазского народа. Соболезнования руководства Республики Абхазия, были объявлены по радио и телевидению. Некролог подписали президиум Академии наук Абхазии, Абхазский научно-исследовательский институт имени Д. Гулиа и Союз писателей. В нем говорится: «Невосполнимую потерю понесли абхазская наука и художественная литература, научная и творческая общественность всей Абхазии: на 87-м году ушел из жизни ученый-абхазовед, языковед, литературовед, один из старейших писателей, член Союза писателей СССР с 1933 года, основатель абхазской литературной критики, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Республики Абхазия, заслуженный деятель науки, лауреат премии имени Дмитрия Гулиа, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии Хухут Салуманович Бгажба.

Он родился в 1914 году в селе Гуп Очамчырского района в семье прославленного народного героя Салумана Бгажба, о подвигах которого и сегодня поют песни, рассказывают легенды. Среднее образование Х. С. Бгажба получил в Сухумской абхазской образцовой школе имени Н. А. Лакоба. После окончания школы он поехал в Москву и в 1933 году поступил на историко-филологический факультет Московского педагогического института. Окончив этот институт в 1937 году, он возвращается в Абхазию, одновременно работает научным сотрудником Абхазского научно-исследовательского института и ответственным секретарем Союза писателей Абхазии. Через год снова едет учиться дальше, в Тбилиси – в аспирантуру при Институте языкознания Академии наук Грузинской ССР. После окончания аспирантуры в 1941 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1969 году – докторскую диссертацию. Эти обе работы, написанные на высококвалифицированном уровне, были посвящены важнейшим проблемам абхазского языка.

Х. С. Бгажба не принадлежал к тем кабинетным ученым, которые изолируют себя от всего мира и общественных проблем. Он активно принимал участие в культурной, общественной и политической жизни, не раз избирался депутатом в Верховный Совет, руководил общественными организациями, был членом бюро Правления Союзом писателей Абхазии.

Деятельность Х. С. Бгажба в области науки и культуры получила высокую оценку. Он был награжден орденами, медалями и почетными грамотами. В октябре 1997 года на собрании Академии наук Абхазии он был избран – академиком...

В личной жизни Х. С. Бгажба был очень скромным человеком. Он преклонялся только перед знаниями.

Жизнь Х. С. Бгажба была богата, разнообразна и полна интересными событиями. Он умер на пороге XXI века и третьего тысячелетия – всего 9 дней отделяли ученого от этих эпохальных событий. Но значительные работы Х. С. Бгажба, его человечность и щедрость души останутся и в наступившем веке и в тысячелетии».

С Хухутом Бгажба прощались в доме №38 по улице Чочуа, бывшая Калинина. Здесь он прожил 61 год. Люди приходили, чтобы попрощаться с великим человеком, сделавший очень многое для развития абхазской науки и культуры.

27 декабря 2000 года – в два часа дня гроб с телом покойного установили в маленьком дворике перед домом для прощания.

С обеих сторон дорогу заполнили люди, приехавшие со всей Абхазии: учащиеся, педагоги, студенты, писатели, ученые, государственные служащие...

Траурный митинг открыл председатель Комиссии по организации похорон, президент Академии наук Абхазии Ш. К. Аристава. В своем выступлении он отметил, что смерть Хухута Бгажба – тяжелая утрата для всего абхазского народа и большой удар для абхазской науки, но наследие великого ученого навсегда останется в абхазской науке, является национальным достоянием нашего народа. Следующим выступил директор Абхазского института В. Ш. Авидзба. Он рассказал о научных достижениях Хухута Бгажба как литературоведа, критика и фольклориста, выделил наиболее заметные его работы в абхазоведении. В. Ш. Авидзба не оставил без внимания и бесценный архив Х. С. Бгажба, в котором он в течение 60 лет скрупулезно собирал материалы по абхазскому языку, истории, фольклору, этнографии и художественной литературе.

Далее выступил председатель правления Союза писателей Абхазии, поэт Борис Гургулиа (Гәыргәлиа), который особо

подчеркнул заслуги Х. С. Бгажба в становлении профессиональной абхазской литературной критики: «В 19 лет Хухут Бгажба сумел написать и выпустить в свет книгу критических исследований об абхазской литературе... Его литературно-критические статьи, работы и отдельные монографии, написанные на абхазском и русском языках, помогли становлению и во многом определили дальнейшее развитие нашей национальной художественной литературной критики». Борис также остановился на личностных качествах Хухута Бгажба: его честности, правдолюбии, скромности, интеллигентности, бережном, уважительном отношении к людям, огромном терпение и силе воли.

Известный историк, поэт, политолог, профессор С. З. Лакоба в своем траурном слове отметил: «Хухут Бгажба, принадлежит к тем ученым, имена которых известны и далеко за пределами Абхазии. Его монография «Бзыбский диалект абхазского языка» хорошо известна в мире лингвистов (особенно, кавказоведов), активно используется в исследовательских целях». С. З. Лакоба не обошел молчанием и тот сложный период жизни Х. С. Бгажба, когда в 60-е годы он подвергался незаслуженным гонениям за «Бзыбский диалект абхазского языка».

В конце траурного митинга родной брат ученого Хакыбей Бгажба кратко поблагодарил всех собравшихся почтить память Хухута Бгажба – друзей, коллег, почитателей, а также родственников. Он сказал:

«Уважаемые люди, возможно, по абхазским обычаям мне не подобает здесь говорить, но как вы все знаете, наш род по разным причинам стал малочисленным, и я, один из последних, вынужден стоять над гробом родного брата и говорить. Выступившие здесь уважаемые люди высоко оценили труд Хухута на благо своего народа. Хочу выразить огромную благодарность и им, и тем, кто в течение недели разделял с нами наше горе, помогал нам. Если мы и не сможем, пусть всегда будут рядом с вами близкие люди, которые помогут вам в горе и радости».

В завершение были зачитаны многочисленные телеграммы не только из районов Абхазии, но из других стран с соболезнованиями семье. Хухута Салумановича Бгажба похоронили в Пантеоне на Сухумской горе. Здесь покоятся многие деятели культуры и искусства, выдающиеся сыны Абхазии. Сказав последнее: «Прости, спи спокойно, и пусть земля тебе будет пухом», родственники, друзья и близкие, проводившие Хухута к его вечному приюту.

Несмотря на зиму, погода была солнечной, никто из поднявшихся людей на гору, как говорится, даже ноги не промочил. И

это тоже символично для личности Хухута Бгажба: скромного, деликатного, больше всего боявшегося причинить неудобства и хлопоты кому бы то ни было.

Есть очень мудрое абхазское выражение, идущее из глубины веков, проверенное временем, заставляющее глубоко задуматься о прошлом и будущем: «Покойника оплакивают ради живого». Я к тому, что комиссия, избранная по организации похорон Х.С. Бгажба, не справилась со своей задачей. Я не знаю причин но несправедливо, что день похорон не освещало Абхазское телевидение.Не нужен был ни транспорт, ни бензин, да и журналистам не требовалось особых усилий. Неужели один из достойнейших сыновей Абхазии, не заслуживал того, чтобы его проводы в последний путь, эпизоды траурного митинга были отсняты на пленку и оставлены для истории? К тому же некролог от имени руководства страны был зачитан только по телевидению. В газетах, наверное, не было свободных колонок.

Воспоминания доктор исторических наук РАН, академика АНА, профессора АГУ Олега Бгажба

Прошло уже три года, как его нет в этом бренном мире. Три – хорошее число в системе чисел Фибоначчи. А я верю в эту систему чисел, потому и берусь за перо. Время тоже лечит раны...

Маму помню раньше папы: мама пахнет молоком, папа – табаком. Отца помню с трех лет, когда он сказал, что если я буду плохим мальчиком, то придет Мым (существо, «страшилка для детей» придуманная моим отцом) и заберет с собой. Я очень боялся Мыма и был пай-мальчиком. Однажды даже видел Мыма во сне: он показался мне таким большим-пребольшим, прозрачно-призрачным со светящимся от фосфора скелетом. Меня, как и двоюродную сестру, Жанну, больше воспитывали родители мамы: Дедуся (Андрей Максимович Чочуа – просветитель, государственный деятель Абхазии) и Бабуся (Александра Владимировна Сигина (Сигинская), «девушкой пела в церковном хоре»). Родители мои трудились в поте лица: отец в Абхазском институте (АбНИИ – так институт тогда назывался), а мать – в Ботаническом саду.

Отец был строгим ко мне, но справедливым (думается, как и ко всем) – наказывал меня редко, даже не помню когда. Мог только повысить голос, но этого было достаточно. К тестю и теще относился с глубоким пиететом, был преданным другом. У нас дома кого я только не перевидал. Отец любил угощать и, естественно, тамадовал. Благодаря отцу, я с детства познал божественный вкус настоящего абхазского деревенского вина.

Когда немного повзрослел, он стал водить меня в институт – там в большом зале стоял бильярдный стол, а на нем стол для пинг-понга, где учил меня этим играм. Сам отец был азартен. Эта черта проявлялась во время игры в фурт и в «телефон» (первая – карточная, вторая – вид домино, популярные в Абхазии – Р. К.). Но особенно, в нарды. Он всегда старался выиграть, и это часто удавалось.

Тогда приходили на работу ровно в 9 часов утра без опоздания (не дай-то Бог!), днем бывали дома, а к вечеру (примерно к 5 часам) шли вновь на работу допоздна. В таком жестком рабочем режиме жил «вождь всех времен и народов». Нетрудно догадаться, кто. В этой связи отец любил рассказывать о таком случае. Тогда он являлся председателем Союза писателей Абхазии. Кстати, у него членский билет Союза писателей СССР за №136 подписан самим М. Горьким в 1933 году. Отец всегда гордился этим. И вот он обратился к первому секретарю тогдашнего обкома партии, чтобы тот оказал помощь Союзу писателей Абхазии. Попал отец к нему на прием в 12 часов ночи. Тот выслушал его внимательно, а затем позвонил министру торговли, которого не оказалось в это время на работе. Пришлось позвонить домой, а министр тогда спал уже сном праведника. Разгневанный секретарь обкома приказал немедленно разбудить его, и тот вскоре, запыхавшись, тоже оказался в кабинете партийного руководителя. Он вначале получил нагоняй, а затем приказ – помочь абхазским писателям в экипировке, ибо в то время Советская Абхазия стала вызывать особый интерес у зарубежных писателей. А оно (время) во всех смыслах было сложное. Отец, к примеру, тогда получил строгий партийный выговор с занесением в личную карточку за то, что в его учебнике по абхазской литературе портрет Сталина был на 1 мм меньше портрета Д. Гулиа.

Отец рассказывал и о том, как встречал известного французского писателя Андре Жида – впоследствии лауреата Нобелевской премии. Естественно, все по-абхазски было гостеприимно, пока истинный европеец прозаично не захотел в туалет. Ему даже стало не по себе, ибо он, возможно, впервые увидел «азиатский» туалет. В Москве писатель столкнулся с тем же явлением, о чем даже написал в своих воспоминаниях, вызвав тем самым неудовольствие у советских властей. А английский не менее, если не более знаменитый писатель Джон Бойнтон Пристли решил познакомиться с самым преклонным тогда старцем Абхазии Шхангери (Шьҳангәри) Бжания. Отец сопровождал его с супругой в с. Тамыш (Тамшь). Старец в это

время был болен, но, тем не менее, встал с постели. Писатель и его супруга, внимательно осмотрев абхазского Мафусаила, убедились в его глубокой древности. Старик в свою очередь попросил их, чтоб они через английскую королеву помогли ему починить прохудившуюся крышу. В это время вдруг раздались револьверные выстрелы, и во двор вошел племянник Шхангери Виктор, который был навеселе и не знал, что в доме такие высокие гости. Но он не растерялся и преподнес перепуганным писателю и его жене по яблоку, при этом сказал о том, что он сбил их выстрелами в их честь. Все рассмеялись. Инцидент был исчерпан.

Отец также рассказывал о поэте – новаторе Василии Каменском, который очень любил Абхазию, ее народ и часто останавливался в Генуэзском переулке Сухума (ныне ул. Гора Баграта). Он также был одним из первых русских пилотов, который ввел в обиход слово «самолет». Ему очень нравилось деревенское абхазское вино, и он употреблял его не только «стомаха (живота –О. Б.) ради». Когда поэт бывал слишком под влиянием Бахуса, то забывал, в каком из трех похожих, стоявших рядом, домов он остановился. При выходе из машины ему приходилось громко кричать: «Я – Каменский!» В один из последних своих приездов в Абхазию поэт из-за болезни сосудов был уже без ног, но, тем не менее, захотел выступить в театре перед дорогими ему сухумцами. Он сидел на сцене, а рядом с ним стояли семь лимонадных бутылок, но наполненных абхазским деревенским вином. Слушатели не знали об этом и жарко рукоплескали его восторженному чтению стихов и поэм. К концу вечера все бутылки были пусты. О содержимом бутылок помимо самого поэта, знали лишь отец и его абхазские коллеги по Союзу писателей.

Каменского последний раз привозили в Абхазию парализованным, действовала у него только левая рука. Ею он и рисовал. Рисунки сохранились в интеллигентской семье Гриц, где поэт и остановился. Помимо отца о Каменском впоследствии более подробно писал известный абхазский историк, поэт и политический деятель Станислав Лакоба, которого отец очень уважал за светлый ум и высокую нравственность. Друзьями отца были русские поэты и писатели К. Симонов, Н. Тихонов, А. Фадеев, А. Луговской и др. Они гостили у нас дома. Я даже помню жену Симонова, красавицу Валентину Серову, а позже отец познакомил меня с последней женой Луговского, тоже поэтессой. Она впервые встретилась с Луговским в Крыму (не помню, где конкретно, может, в Ялте). И потому, когда он умер, она его сердце

захоронила там, а нетленный прах хранила дома до конца своей жизни. Она тоже была красивой. Отец бывал в ее «салоне», где собирались русские советские поэты.

Когда мне исполнилось 14 лет, отец познакомил меня с известными археологами Абхазии Л. Соловьевым и М. Трапш, стал покупать книги по данной специальности: Картера, Керама, Монгайта и др. Он водил меня на раскопки античного Себастополиса по Сухумской набережной, средневекового замка Баграта, возил в Трахею – Анакопию. Так отец привил мне любовь к этой интересной и романтичной профессии. Она ему и самому нравилась. Позже он часто консультировался с Юрием Вороновым по поводу эпиграфических надписей Абхазии. Поощрял нашу дружбу. Бывал в Цебельде на наших с Ю. Вороновым раскопках. Мне сразу же захотелось найти свою Трою.

Институт закончил в Сухуме, ибо отец считал, что археологию можно постичь именно в Абхазии, богатой памятниками материальной культуры «от палеолита до Главлита», как любят шутить сами археологи. Отец содействовал моему поступлению в аспирантуру Института археологии АН СССР, где руководителем стал его хороший знакомый профессор Е. И. Крупнов, кавказовед, лауреат Ленинской премии.

Пока учился в аспирантуре, отец издал довольно внушительную монографию «Бзыбский диалект абхазского языка» (1964), по которой собирался защитить докторскую диссертацию. В книге (460 с.) была одна небольшая подглава «Ономастика», где этимологизировались абхазские фамилии (сс. 444–452). Воспользовавшись чистотой и непосредственностью абхазского народа, некоторые, мягко говоря, подстрекатели, иначе их не назовешь (я их всех знаю поименно и еще живых, и уже мертвых), подняли его якобы против книги отца. На самом же деле острие жала было направлено на первого секретаря обкома партии, который был отцу ближайшим родственником. Словом, сугубо научная книга, стала заложницей политических амбиций конкретной группы людей, рвавшихся к власти, к должностным благам. В данном случае сработал и так называемый «региональный патриотизм», существующий, к сожалению, и поныне. Не буду распространяться о его пагубности для Абхазии и для ее независимости, ибо это и так понятно каждому абхазу.

В результате данной инсинуации отец был снят с директорства Абхазского института, а его книга изъята, хотя в бюро обкома не имелось специалистов по лингвистике. Между тем, мировая научная общественность знала о ней, и дала высокую

оценку. Ее подтвердила специальная комиссия АН СССР, тем самым, ответив на жалобы «заинтересованных в науке» лиц. Ныне эта книга является настольной для людей, которые хоть мало-мальски считают себя лингвистами.

Кстати, одна из ярых подстрекательниц впоследствии очень часто и в положительном смысле ссылалась на книгу отца в своей, защищенной в Москве, кандидатской диссертации.

Сегодня некоторым участникам этой акции вспоминать о ней стыдно, а другие уже в мире ином. Зато есть книга, которую даже, говорят, предавали аутодафе. Но, как известно, «рукописи не горят», тем более книги.

Я восхищался выдержанным поведением отца – тогда он выглядел стоиком. Отказавшись от многих выгодных карьерных предложений из Москвы и Тбилиси, остался в Абхазии. У него в личном архиве есть, ну, толстая папка – «Дело» – по поводу книги «Бзыбский диалект…», в которой собраны воедино все материалы и документы, связанные с ней и с теми людьми, которые особенно рьяно порочили ее, при этом считая себя «праведниками». Конечно эта трагикомическая история наложила свой негативный отпечаток на его здоровье. И вот девять лет назад один историк, вновь попытался незаслуженно опорочить эту книгу. Отец сразу же написал ответ: «Кому это нужно?», но от публикации по каким-то своим соображениям отказался, чем очень расстроил меня. Между прочим, этот историк очень хорошо пригревался под солнышком власти, которая до последнего времени поддерживала и поощряла все его публикации, пока он не опростоволосился. И лишь, когда отцу стало совсем плохо, я попросил разрешения обнародовать ответ, и он согласился. Статья, к великому сожалению, вышла через месяц после его кончины в «Нужной газете» (№3, 31 января, 2001). Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Эту статью я решил вновь опубликовать в своих воспоминаниях вместе с текстом соболезнующей телеграммы из Англии докторов Джорджа Хьюитта и Вячеслава Чирикба, где «Бзыбский диалект…» именуется не иначе, как «всемирно известная монография», чтоб на всем этом досадном недоразумении поставить vale. По моему мнению, ответ надо было дать гораздо резче. Но о вкусах не спорят.

Итак, отец писал:

«В сборнике документов «Абхазские письма» (том I, Сухум, 1994), составленном И. Марыхуба (Мархолия), опубликован протокол собрания, состоявшегося в Сухуме в мае 1965 года, которое было посвящено обсуждению моей монографии

«Бзыбский диалект абхазского языка» (1964). На собрании с необоснованными обвинениями и оскорбительными словами по адресу ее автора выступили: восемь колхозников (семь из Гудаутского и один из Очамчирского районов), шахтер из Ткварчала, работник Абхазоблсовпрофа, учительница из села Калдахвара и два студента Сухгоспединститута. Все они называли мою книгу «порочной, вредной, антинаучной», не приводя ни одного факта для подкрепления своих утверждений.

Как видно, во всех выступлениях ощущалось явное влияние политического климата в Абхазии, о чем свидетельствуют всякого рода обвинения, направленные против тогдашнего руководства Абхазского обкома партии, с категорическим требованием смещения с должности первого секретаря. То же самое можно усмотреть и в письме двух сотрудников Сухгосединститута в редакцию газеты «Известия».

Выступая по местному телевидению, составитель сборника «Абхазские письма» И. Марыхуба, как бы стараясь заранее оградить себя от возможных справедливых нареканий, говорил, что он просто дает только сами материалы, не комментируя их, что на наш взгляд, для историка, коим он себя считает, является не всегда оправданием. Публикация без каких-либо комментариев, указанных выше материалов создает одностороннее, негативное отношение к моей монографии в целом и моей научной деятельности вообще.

Ради объективного освещения вопроса следовало бы опубликовать в данном сборнике и другие, заслуживающие внимания, материалы, касающиеся этой темы, как, например, протокол расширенного заседания Ученого совета Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа в апреле 1965 года, на котором в течение двух дней шло обсуждением моей книги, при этом были отмечены ее научные достоинства, а также недостатки. Имеются и другие материалы, содержащие мнения, оценки специалистов, главным образом языковедов.

В вышеуказанных материалах, помещенных в сборнике «Абхазские письма» под рубрикой «Бгажбовская книга», больше всего говорится не о самой книге, а о моем родственнике, первом секретаре тогдашнего обкома партии. Поэтому, к сожалению, исследование по абхазской диалектологии оказалось разменной картой в политической игре. В результате этого допущены критика и обвинения, не подтвержденные доказательствами и фактами. В материалах сборника (протоколе и письме), о которых идет речь, утверждается, что якобы Абхазский обком оказывал мне поддержку, зажимая критику моей моно-

графии. Между тем, ничего подобного не было. Бюро Абхазского обкома партии вынесло решение объявить мне выговор с последним предупреждением, с занесением в учетную карточку, а также об изъятии из продажи тиража моей книги, а впоследствии освободило меня с занимаемой должности директора Абхазского института.

Именно в этой неблагоприятной для меня обстановке, в мае 1965 года, по поручению Координационной комиссии Президиума Академии наук СССР, моя книга была переслана на заключение в Институт языкознания АН СССР. В коллективной рецензии, составленной учеными того же института – зав. сектором кавказских языков, доктором филологических наук Е. А. Бокаревым, старшими научными сотрудниками этого сектора – специалистами абхазо-адыгских языков, докторами филологических наук М. А. Кумаховым и А. К. Шагировым, сказано: «В работе Х. С. Бгажба дается обстоятельная характеристика фонетической системы, грамматического строя и лексического состава бзыбского диалекта абхазского языка… Х. С. Бгажба собрал ценный диалектологический материал, который поможет глубже разработать вопросы абхазского языка в сравнительно-историческом плане…»

В цитируемой рецензии на мою монографию сделаны и критические замечания к ее небольшому параграфу, рассматривающему абхазские личные имена и фамилии: «Раздел ономастики, – пишут рецензенты, – который подвергся критике в печати, конечно, содержит ряд поспешных выводов, необоснованных этимологий, в отдельных случаях неверные ссылки на источник заимствований (турецкий язык вместо арабского и т.п.). Однако такого рода недостатки можно встретить во многих этимологических работах. Поэтому резкие обвинения автора в полной научной несостоятельности в целом недостаточно обоснованы».

Коль речь зашла об ономастике, то замечу, что при анализе лексики я старался учитывать и заимствованные слова из тех языков, с носителями которых абхазы соприкасались на протяжении своей истории (греки, римляне, арабы, тюрки, адыги, грузины, русские и т.д.), а также происхождение имен и фамилий из наименований племен и народов, названий растений и животных и т.д. В этом отношении абхазский язык не одинок и выявляет общие закономерности, присущие всем языкам мира.

Положительный отзыв на мою книгу написал и академик-востоковед М. А. Коростовцев, который отметил: «Общая ком-

позиция труда, насыщенность его фактическим материалом и широкий диапазон исследования искупают неточности и свидетельствуют о лингвистической зрелости Х. С. Бгажба, написавшего труд, несомненно, достойный представления на соискание ученой степени доктора филологических наук».

Известный языковед-кавказовед проф. В. И. Абаев дает следующую оценку моей монографии: «Большой труд «Бзыбский диалект абхазского языка» – полноценный вклад в абхазо-абазинскую диалектологию, за который будут благодарны все кавказоведы».

К моему труду проявили определенный интерес также и ряд видных ученых Запада: Г. Дюмезиль (Франция), И. Гюбшмидт (Германия), Г. Бейли, Д. Ленг, С. Аллен (Англия), Я. Едличка (Чехославакия), Г. Фогт (Норвегия).

Д. Ленг считает «Бзыбский диалект абхазского языка» ценным вкладом в изучение Абхазии и Кавказа, делающим доступным западным лингвистам материал, который до сих пор до них не доходил». Чешский кавказовед Яромир Едличка в своей рецензии на немецком языке, опубликованной в парижском филологическом журнале, писал: «…Очень ценным является глава об истории изучения бзыбского диалекта, об отношении его к другим диалектам и к письменному (литературному) языку, а также синоптическая таблица абхазских алфавитов».

Вместе с тем, вызывает недоумение и упомянутое выше письмо в редакцию газеты «Известия», содержащее голословные обвинения, которые не имеют никакого отношения к моей книге. К примеру, в связи с выходом в 1954 году книги П. Ингороква «Г. Мерчуле – грузинский писатель Х века», авторы письма пишут, что «абхазский народ и ряд ученых выразили свое возмущение по поводу очередной попытки объявить абхазов грузинами». Но при этом, разумеется, умалчивается, кто это – «ряд ученых». Почему скрывать, что в числе ученых, подвергших принципиальной критике книгу П. Ингороква, был прежде всего, автор этих строк, опубликовавший в «Трудах Абхазского института…» (т. XXVII, 1956, с. 278–303) детальное исследование «Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии», в которых, отвергая «теорию» Ингороква, обосновывается положение об абхазах, как коренном населении Абхазии. И в данной статье, и в монографии «Бзыбский диалект абхазского языка» нет и в помине того, что хотели бы приписать мне авторы письма – «преднамеренное стремление вновь протащить старую «теорию» об абхазах (т.е. об их этнической принадлежности к грузинам)». Вообще, мягко говоря, некор-

ректно приписывать то, чего нет, и умалчивать то, что есть.

На основе моей монографии «Бзыбский диалект абхазского языка» в 1969 году в Тбилисском государственном университете мной была защищена докторская диссертация. Кстати, одной из моих официальных оппонентов, давших положительный отзыв на мою диссертацию, был и абхазский языковед, доктор филологических наук К. С. Шакрыл.

Вместе с тем, можно указать, что данные монографии «Бзыбский диалект абхазского языка» используются при защите ряда работ по абхазскому языку, на нее ссылаются языковеды, как у нас, так и за границей. В основном по материалам этой книги голландский языковед Лукасен составил диалектологический словарь абхазского языка.

При желании И. Марыхуба мог бы получить у меня приведенные выше материалы (и еще кое-что), не безынтересные для абхазоведения. Но это, по-видимому, не входило в круг его интересов. Иначе чем можно объяснить то, что при перечислении абхазоведческой литературы он упоминает только одну мою работу (и то без указания имени автора).

В заключение считаю необходимым подчеркнуть, как важно, чтобы информация была правдивой, объективной и неусеченной. Тогда документальные материалы и в нашем случае могли бы дать ясное представление о критикуемой книге, избегая априорных утверждений, обидных упреков и тяжеловесных ярлыков. Поэтому, принимая во внимание все вышесказанное, я счел нужным внести ясность в жаркую полемику вокруг книги, имевшую место более тридцати лет тому назад, чтобы наши молодые ученые были бы правильно информированы. С тех пор я продолжаю свою научную деятельность, издаю книги и отдельные исследования по актуальным проблемам абхазоведения. Вместе с тем, я составил и подготовил к печати, уже изданные, книги (куда вошли хранящиеся в моем архиве изъятые в свое время произведения) абхазских писателей и ученых, незаконно репрессированных, но впоследствии посмертно реабилитированных (С. Чанба, В. Агрба, А. Хашба, А. Чукбар, В. Маан и др.).

Спрашивается, кому нужно, и какая польза все это зачеркивать? Ради чьих интересов? Во всяком случае, не в наших, ибо, поступая так, мы как бы обкрадываем самих себя и тем самым наносим ущерб нашему общему делу.

Далее в «Нужной газете» приводится текст соболезнующей телеграммы: «Глубоко опечалены известием о кончине крупнейшего абхазского филолога Хухута Салумановича Бгажба. Научные труды Хухута Салумановича вошли в золотой фонд кавка-

зоведения, в особенности, его всемирно известная монография «Бзыбский диалект абхазского языка», являющаяся огромным вкладом в абхазскую и кавказскую лингвистику. Глубокий и пытливый ум, широчайшая эрудиция, высокая интеллигентность делали Хухута Салумановича виднейшим представителем абхазской научной интеллигенции, в одном ряду с такими его выдающимися коллегами как Шалва Инал-ипа, Георгий Дзидзария и Зураб Анчабадзе. Уход из жизни Хухута Салумановича Бгажба – огромная и невосполнимая утрата для абхазской науки, для всего абхазского общества. Приношу искренние соболезнования семье и близким Хухута Салумановича.

Doctor Viacheslav Chirikba
University of Leiden The Netherlands,
Professor Doctor George Hewitt
Member of the British Academy
University of London,
SO AS Great Britain
27.12.2000».

Закончив аспирантуру, вернулся в Сухум и стал работать в Абхазском институте, где и отец. Женился на Наташе Шония, у нас родился сын Андрей, названный в честь Андрея Чочуа. Отец хорошо относился к невестке и очень любил внука, а затем правнучку Наташу (когда отец тяжело заболел, Андрей сразу же прилетел из Москвы и мы вместе с ним дневали и ночевали в больнице до самого конца…) После развода я перешел жить к родителям. Многое перенял от отца. В вопросах науки он был очень щепетильным. Работал по принципу: «семь раз отмерь, один раз отрежь». Работал ли над какой-нибудь статьей, над абхазскими сказками, пословицами, он обязательно прочитывал черновые варианты текста мне и маме. Прислушивался к нашим советам, принимал или отвергал их. Потом еще раз прочитывал в окончательном исправленном виде. Поэтому во всех его работах нет ничего лишнего, все четко, просто и, главное, научно.

Я тоже ему читал написанное, даже автореферат своей докторской. Ему было приятно, что у него спрашивают совета и он очень гордился тем, что его сын тоже стал доктором, правда, исторических наук.

В критических статьях отец старался быть корректным, чтобы не обидеть человека. Этому он учил и меня, сдерживая пыл моей молодости. Совсем, как у Карнеги, хотя мы прочитали его советы значительно позже.

В своих суждениях он был осторожным, взвешенным и объективным. Но осторожность ему не помешала одному из первых среди абхазских ученых выступить против пресловутой миграционной гипотезы Ингороква в защиту своего народа, а затем опубликовать статью «Некоторые вопросы топонимики и этнонимики Абхазии» (1956), вошедшую, как и «Бзыбский диалект…» в золотой фонд не только абхазоведения, но и всего кавказоведения.

К вольной трактовке этимологии того или иного слова, к легковесным лингвистическим аналогам, из которых делались те или иные историко-культурные выводы, относился особенно отрицательно, и я к этому прислушивался всегда. В бытность его директором Абхазского института выходили толстые труды (иногда до 40 печатных листов), и ему как главному редактору приходилось прочитывать все разные статьи, не только по филологии…

И вот, как снег на голову, на нас свалилась война. Враг оккупировал большую часть Абхазии. Мы с отцом остались в занятом Сухуме по двум причинам: из-за тяжелой болезни сердца у моей мамы (тогда у нее недавно произошел инфаркт); а также отец не мог оставить на поругание врагу личный архив по абхазоведению и кинжал Салумана, своего отца, о котором в народе поется песня.

Ужасы оккупации не буду описывать, чтобы не прослыть через 10 лет по отношению к себе мазохистом или садистом по отношению к другим. Тем более что об этом уже много и правдиво писали другие (например, Ю. Воронов, Т. Аджба, Дж. Ахуба, А. Аргун, Л. Тарнава и многие другие).

Конечно, война у всех подорвала здоровье. После нее мы стали совсем иными, некоторых даже можно было и не узнать. Я же горжусь тем, что отец не вступил ни в какие конформистские «общества спасения Абхазии или Госуниверситета», не подписал никаких писем против своего народа.

Когда к нам ночью пришли незваные гости с автоматами, он был спокоен, но я увидел тревогу в его глазах, когда меня хотели забрать в комендатуру, откуда мало кто обычно возвращался. К счастью, выручили соседи, ибо дом наш был многонациональным. Другой раз искали двух профессоров – абхазцев, но никто из соседей не указал на нас.

Во время обстрела перед освобождением города мы абсолютно не боялись взрывов от снарядов и радовались каждому из них, хотя и было опасно. Но это стреляли свои. А когда они оказались в подъезде дома, отец выбежал навстречу со второ-

го этажа, как мальчишка, хотя себя плохо чувствовал, и сказал трем солдатам с зелеными повязками на голове: «Бзиала шваабеит!» (Бзиала шәаабеит!) Это были настоящие абхазские воины, похожие на викингов.

Праздничным салютом освобождения, радостно прогремевшим в наших душах, был отмечен день рождения мамы. Она боялась салюта, но тоже вышла на балкон, чтобы посмотреть на неописуемо разноцветный фейерверк. До самых последних дней отец всегда очень переживал за сожженные врагом Абхазский институт с библиотекой и архивом и Госархив, где он тоже работал. Но был, как ребенок, доволен, что сохранился личный архив и кинжал отца. И, что сам коллектив института во время оккупации проявил принципиальность во главе с заместителем директора В. В. Дарсалиа (директор – В. Г. Ардзинба руководил борьбой народа Абхазии за независимость).

После войны наступили не менее тяжелые времена – нужно было жить, чтобы выжить. Плюс ко всему отец не мог во время войны сделать операцию на глазу (катаракта). Он лишился одного глаза, а второй видел на 50%. Тем не менее, отец любил сам ходить по магазинам, на рынок приглашал меня. За обедом он для аппетита пропускал рюмочку чачи (он сам придумал для нее название – акурней, аҟәрнҽи) или стакан хорошего деревенского вина. Потом шел размеренным шагом на набережную, чтобы посидеть под эвкалиптом, где проходила «роза ветров».

Со знакомыми любил раскланиваться вежливо (по-японски), внимательно выслушать собеседника, дать нужный совет. Отец был интеллигентом до мозга костей. Таким помнят его сухумцы. Когда его не стало, город сразу это заметил. Некоторые старожилы по сей день спрашивают о нем. Уже не говоря о родне. Когда он тяжело заболел, каждый день приходили в больницу, чтоб посидеть рядом с ним, морально поддержать его родной младший брат Хакыбей (ходячая абхазская энциклопедия) и многочисленные двоюродные братья и сестры и, конечно, близкие родственники со стороны мамы. Ему было приятно их всех видеть, поэтому не страшно было уходить *туда*. Он даже *там* будет помнить о них.

Перед войной отец сдал в печать «Абхазские сказки и пословицы», но в ее вихре они где-то затерялись. Правда, через год по окончании войны нашлись. Он все мечтал их издать. «Сказки и пословицы» вышли, но его уже не было... . Работал он последнее время по возможности, но выпустил книгу о первом протоиерее – абхазце Дм. Маргания (на закате лет его интересо-

вала религия). Издавал в научных сборниках статьи, выступал на научных конференциях, в средствах массовой информации. Ему, конечно, льстило, что в созданной Академии наук Абхазии для него нашлось место.

Отец старался быть академиком не формально.

Когда в честь его 85-летия вручили Почетный диплом профессора АГУ, он был неописуемо рад. Как и тому, что его коллеги по Абхазскому институту провели на высоком уровне научную конференцию и устроили скромный, но от души хлеб-соль в его честь. Вместе с тем, огорчался, что сидящие «на верху люди» как бы позабыли о нем из-за своей «непомерной занятости». Вспомнили, когда его не стало.

Отец всегда говорил: «Человеку нужно внимание при жизни, а не во время похорон, но это мы умеем. У нас и внимание, к сожалению, проявляется выборочно». Конечно, ему было обидно, но не подавал виду. Во всяком случае, ничего не говорил мне. Но мне точно было обидно...

И вот однажды ночью, на склоне лет ему впервые приснился сон: его позвал к себе отец. Он, не задумываясь, послушно пошел туда, ибо был воспитан в традиционном духе. Вдруг он ощутил чувство свободного полета, о котором знал от Булгакова. И тут же пришел к мысли, что человек – всего лишь пушинка во вселенной… Он вспомнил, как в семилетнем возрасте таскал кремневку за отцом, когда тот с кинжалом и револьвером за поясом пахал поле. Просто этого требовал один суровый обычай горцев… Вдруг ему захотелось в родное село, чтобы испить студеной родниковой воды. Там сделал первые шаги его сын, держась за двойную деревянную изгородь, которую он сам соорудил для него во время 2-ой мировой войны. А рядом росло Большое Ореховое дерево. Существует ли оно теперь? – Ведь он так давно там не был!... Где же его романтические письма к будущей жене? – Они лежат в ящике письменного стола у окна спальни. Тогда он учился в аспирантуре далеко от дома… Вдруг он ощутил в себе дрожь и даже стал мыслить шепотом, ибо вспомнил то время, когда в его школьном учебнике по литературе портрет «отца всех времен и народов» был на 1 мм меньше портрета народного поэта. За это он попал в «черный список», но тогда легко отделался лишь строгим партийным выговором с занесением в личную карточку.

Чего же бояться, когда находишься в свободном полете? – подумал он. Да и обижаться, в общем-то, не на кого, хотя и душу щемило какое-то странное чувство за «непонятую» книгу

всей его жизни об одном из диалектов родного языка. Вдруг от этого ему стало смешно…

Потом недавно пришла другая война, за ней – Победа. Он был счастлив, что сохранил в этом бушующем вихре пожарища личный архив и кинжал отца, который передал сыну для внука. А ведь к человеку надо проявлять внимание при жизни.

Вдруг проснулся и очень удивился, когда увидел над собой босого сына с лицом искаженным от ужаса.

Он пытался встать на ноги, успокоить сына, рассказать ему о сне, но не смог встать… Чувство свободного полета куда-то исчезло: земля под балконом была холодной, трава мягкой, откуда-то пришла боль. Он чувствовал, как сын на себе осторожно тащил его по каждой ступеньке лестницы на второй этаж. 25 дней он всем рассказывал о своем вещем сне. Потом, то уходил из больничной койки, то приходил обратно, пока вдруг сразу не ушел на глазах у своих братьев, сына и внука туда, куда однажды ночью во сне его позвал отец…

Я спросил его на третий день после происшедшего – не мог ли он попросить своего отца подождать немного? На мой вопрос он удивленно ответил, что, конечно, не мог ослушаться – ведь существует Апсуара (Ацсуара)! Я засомневался в том, что в нашей «долбаной» жизни она еще осталась, но мои сомнения были развеяны его убедительным ответом: «Апсуара всегда есть и вообще никогда не умирает в отличие от нас смертных. Вот так… А когда я спросил, почему он не интересуется состоянием мамы, он сказал, что просто любит ее. И это через 65 лет совместной жизни![1]

А началось все это в прошлом веке, в далеком 1939 году, когда они только познакомились. И он уехал учиться в аспирантуру в Тбилиси. Поженились они после его возвращения из учебы. Оттуда писал маме чистые и нежные письма. Да простит меня Бог, что я решил их опубликовать, как одно единое письмо длиною в год. Эти письма являются свидетельством многогранности его таланта, его поэтической души. В итоге он стал лингвистом, но любовь к литературе и фольклору осталась. Почерк у него четкий, по-мужски красивый, писал грамотно. Итак:

«Танюша!

05 октября (1939 год – О. Б.) был с С. Н. Джанашиа (академик – О. Б.) и я узнал о твоей болезни. Он сообщил мне содержание телеграммы, полученной им от А. М. (Чочуа – О. Б.). Не лучше ли тебе стало сейчас, особенно после приезда профессора?

---

[1] *Т. А. Чочуа скончалась в 2004 году. – Р. К.*

Напиши об этом, если не сейчас, то как почувствуешь немного лучше. Только одно это может облегчить мое беспокойство, Танюша! Как бы ни было трудно, не думай много о своей боли. Держись крепко. Тогда и болезнь пройдет легче и скорее. Только 29 октября я получу небольшой отпуск и тогда непременно буду там. Желаю тебе скорого выздоровления…

Я надеюсь, что сейчас чувствуешь себя лучше, чем в бытность мою там и, может быть, твоя нога уже значительно окрепла. Если это так, то прояви осторожность и не спеши в «храм науки», да еще, если там, пользуясь твоим выражением, «кругом проза, нет ничего для души». С 19 по 25 января (1940 год – О. Б.) у нас будут зачеты. Я сдаю четыре предмета (три из них в порядке текущей проверки, а общее языкознание – на экзамене!). Здесь есть люди, у которых можно серьезно поучиться. В результате этого возникает интерес к делу. Оттого, в частности, и я очень доволен своей учебой и активно настроен к работе. Сюда входит, конечно, и литературная учеба. Именно здесь, в поэзии чувствую себя легко от тяжести лингвистической науки! Такого же мнения и мой друг Баграт (Шинкуба – О. Б.) – «не тот поэт, кто холодно спокоен, как сон ребенка, исчезнет вскоре», – сказал он. Да, это верно! Я буду в Сухуми после 25 января. Меня интересует все, что касается тебя и твоего здоровья. Поэтому пиши о них подробно (а долгое молчание, я думаю, не так уж полезно для души. Главное – из-за чего? Не правда ли!). Как бы то ни было раньше, на этот раз я получил твое письмо. Ты пишешь, что твоя работа не особенно удовлетворяет тебя. Это размышление, насколько я понял, вытекает из твоего личного наблюдения. О том, что именно придумать по этому поводу, вероятно, у тебя имеется свое мнение. О своей жизни я скажу немного. С языками дело обстоит труднее, но и они не непреодолимы. Читаю и стихотворения Гейне (сначала пускай и медленно!). Особенно в оригинале, как и всякий, он неповторим. Именно здесь я почувствовал красоту его поэзии…

Еще накануне моего отъезда ты уже предполагала выходить, так как к этому времени и нога значительно оправилась, и ты чувствовала себя бодрее. Надеюсь, с тех пор все шло к лучшему, в пользу твоего самочувствия. Если это так, для меня самая большая радость и лучшее успокоение. Приехав в Тбилиси, несколько дней никак не смог приступить к работе. Погода стояла дурная. И дни, особенно первые, показались длиннее. Здоров и чувствую себя значительно лучше. Готовлюсь к юбилею А. Церетели (июль 1940 года). В связи с этим нашел и некоторые

интересные материалы… Он чудно воспел и наш уголок (поэма «Воспитатель»)…

Теперь я очень загружен. Много работы, вместе с тем, и по линии общественной. Приступил к собиранию материалов для диссертации. Абхазский язык содержит много интересного и мало исследованного, но он очень труден и пока боюсь сказать что-нибудь, еще слабы мои знания. Главное сейчас, что накапливаю факты. Такая «черновая» работа является неотложной необходимостью. Последствия от этого неисчислимы…

Недавно смотрел трагедию Шиллера «Разбойники» в театре им. Руставели. Главные роли исполняли Хорава (Карл Моор) и Васадзе (Франц Моор). Мне обычно больше нравится игра первого. В его натуре есть личное чувство и богатство внутреннего переживания…

Мой очерк об абхазской литературе, посланный в Институт мировой литературы имени Горького, принят…

Очень рад, что здоровье твое сносно и с ногой лучше. На операцию решись только в крайнем случае. Не спеши, если еще возможно ожидать некоторого улучшения. Все это переживаю за тебя, но теперь, получив твое письмо, я немного успокоился. Вижу, что моя Танюша держится крепко. Это хорошо. Надо и в тяжелых волнах продолжать греблю.

Уверен, мы сумеем погулять в месяце мае. Ты угадала. М. рассказала некоторые новости, однако, не лишив их соответствующей переработке. О замечательных снах, однажды чудесно посетивших ее, она еще не успела рассказать, может быть, потому что я очень редко бываю у нее. Танюша! Мне не ясно, о каком «званом обеде» речь идет. Здоровье мое, можно сказать, удовлетворительное. Работаю с прежней энергией. Дела нашей аспирантской корпорации (это название придумано мною) на творческом пути. Тут живут в союзе под одной кровлей поэзия, фольклор, история и художество (очень жаль, только музыка отсутствует). Мы чувствуем теплую заботу С. Н. (Джанашиа – О. Б.) …

Недавно С. Н. издал свое исследование о творчестве незаслуженно забытого абхазского поэта Г. Чачба с приложением его стихотворений. Появление этой книги очень обрадовало нас. Я и Баграт взялись перевести ее, на что и автор выразил свое согласие. Перевел два стихотворения Гейне на абхазский язык («Как чудно в месяце мае» и «Лорелея»). По отзыву Баграта, первый опыт позволяет продолжить начатое дело. Об этом подробно поговорим при встрече…

В Сухуми я буду в конце апреля или в первых числах мая. К этому времени заканчиваю работу, взятую по договору с Аб-

НИИ. Хочу сдать ее. Значит, представится и командировка в родную сторону. Жду с нетерпением нашей встречи…

Письмо твое получил своевременно. Так что оно, разумеется, загородило доступ к каким бы то ни было «мрачным думам». Очень рад, твое самочувствие бодрое. Аромат акаций в твоем описании слишком заманчив. Почувствовал неодолимую потребность вздохнуть его. (Как хорошо идти там, зеленым садом, в середине мая!). Здесь весна прошла очень бледно, черно. Вечером 10 мая пронесся страшный дождь. Город медленно погружался в воду. Всякое движение приостановилось. Бешено мчались грозные дождевые потоки. Утром мы увидели ямы, разрушенные улицы и дома, груды камней и грязные пески и т.д. Но сейчас иные дни. Стало жарче, душнее. Оттого, видно, работа спорится не так. Я чувствую себя лучше. Правда, несколько дней полежал в постели, но теперь здоров. Работаю так себе. Можно было бы и лучше. Но есть некоторые моменты, мешающие довольно остро. 5 мая смотрел картину «100 мужчин и 1 девушка». Сюжет незначителен. Главное, прежде всего, в игре артистов, в создании типов. Особенно обаятелен образ героини (детские черты, естественность и гармоничность ее натуры). Образы дирижера и шофера своеобразны и симпатичны. Концерт в картине – не просто фон, а органически вводится в сюжетную ткань. О музыке ты расскажешь свое мнение, я ни крошки не могу сказать, так как в этом деле мои сведения слишком скудны, а с кондачка не могу. Картина меня очень захватила, но с тех пор мои непосредственные впечатления о ней успели немного ослабнуть, потерять свежесть. Мариула (недурно окрестила ты ее!) скоро приедет к вам. И новости привезет. Щедро. Кстати, с ней прибудет и аппаратик для вранья (здесь, кажется, я позволил себе пошутить). Если достанешь книгу Есенина, не присылай сюда, пусть у тебя останется. Летом прочтем вместе, и ты почувствуешь, с какой силой и эмоцией он сумел передать свою душевную жизнь со многими изгибами, порой трагическими. Не случайно, что теперь он произведен, правда с некоторой оговоркой, в разряд классиков советской поэзии. Жанночке еще раз поклон! Пиши скоро. Знай, что это бесконечно обрадует меня…

Пришлось полежать еще несколько дней на почве гриппа. После качки, впрочем, недолгой, 2 июня выехал на 12 дней в Цихис-Дзири, в дом отдыха научных работников, расположенный вблизи Батуми. Домик наш стоит на пригорке, почти затерявшийся в зелени, в царстве мандарин, близко от берега. Так что с окна, где я живу, видно море, спокойное и величественное.

13 июня выезжаю в Тбилиси, а там начнутся зачеты. А дальше лучше видится на расстоянии – в Апсны. Соскучился уже довольно. Но все пройдет, когда увижу тебя. Дни, проведенные здесь, не прошли даром, самочувствие хорошее. Сегодня я в Батуми и оттуда пишу…Целую твои глазки – Хухут».

Конечно, мне трудно без такого отца, и я решил закончить свои воспоминания на романтической нотке, используя ранние письма отца к маме, которая, слава Богу, еще пока живет (Татьяна Андреевна Чочуа ушла из жизни 26 октября 2004 года – Р. К.) и, несмотря на легкий инсульт, узнает отца, когда видит на стене его большую фотографию. И на ее глаза накатываются слезы…»

ТРУД И ПОЧЕТ

Хухут Бгажба всегда считал излишним проводить пышные юбилеи при жизни, не любил беспокоить людей. Но это вовсе не значит, что не нужно замечать труд исследователей, ученых, уважать и ценить их. Но, по мнению ученого, нескромно при жизни человека устраивать торжественные и многолюдные юбилейные торжества в его честь, достаточно отметить его, дату рождения в печати. Хочу привести материалы, появившиеся на страницах газет в связи с юбилейными датами Хухута Бгажба.

В честь 50-летия со дня рождения в газете «Апсны капш» напечатан «Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР о награждении тов. Бгажба Х. С. Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР»:

«За многолетнюю плодотворную научную и общественную работу, в связи с 50-летием со дня рождения наградить Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР тов. Бгажба Хухута Соломоновича – директора Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа.

Президиум Верховного Совета Грузинской ССР
Председатель – Г. Дзоценидзе.
Президиум Верховного Совета Грузинской ССР
Секретарь – З. Квачадзе.
Тбилиси, 9 декабря, 1964 г.».[1]

В том же номере газеты (13 декабря 1964 года) напечатана статья кандидата филологических наук М. Циколия под названием: «Видный научный и общественный деятель». В ней автор пишет о трудах Х. С. Бгажба в области абхазской литературы, абхазского языка и фольклора, в которых ученый рассматривает важнейшие вопросы абхазоведения. Из произведений Хуху-

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*

та Бгажба автор статьи особо выделяет его работы: «Бзыбский диалект абхазского языка», «Обстоятельные союзные частицы в абхазском глаголе», «К вопросу об этнонимике и топонимике Абхазии», «Из истории письменности Абхазии», «Абхазская литература (критические очерки)», «Об абхазском героическом эпосе», «Вопросы абхазской орфографии» и др. В своей статье М. Циколия высоко оценивает значение многогранной научной и общественной деятельности Хухута Бгажба для развития абхазской культуры в целом.

Статья М. Циколия о Хухуте Бгажба одновременно была напечатана в газете «Советская Абхазия», вышедшей в свет в тот же день.

70-летие со дня рождения видного абхазского ученого Хухута Бгажба было отмечено рядом статей в ряде газет, в том числе общесоюзных. «Литературная газета» писала: «Сердечно поздравляем Вас, известного абхазского критика, литературоведа, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, доктора филологических наук со знаменательной датой – семидесятилетием со дня рождения!

Ваша первая книга «Краткий очерк современной абхазской литературы», положившая начало абхазской литературной критике, вышла в свет в 1933 году и сразу же привлекла пристальное внимание читательской аудитории. С тех пор Вами изданы «Очерки абхазской литературы», «Абхазская литература, критический очерк», «Этюды и исследования», «Бессмертное имя» (о жизни и творчестве Д. Гулиа и др.) Большой интерес представляют Ваши работы по исследованию фольклора, о связях выдающихся деятелей братских литератур с Абхазией, с ее самобытной культурой. Вам принадлежат также блистательные переводы на абхазский язык произведений И. Крылова, Л. Толстого, А. Чехова, Сулхан Саба Орбелиани, Л. Киачели, А. Саакяна и др.

Ваша активная творческая и общественная деятельность отмечена высокими наградами Родины – Орденом «Знак почета» и медалями».

В периодической печати Абхазии (газеты «Апсны капш», «Советская Абхазия» и «Сабчота Абхазети») были опубликованы статьи, в которых высоко оценивались научные работы, общественная и творческая деятельность Хухута Бгажба. В газете «Апсны капш» ученый, доктор филологических наук, профессор, академик Ш.Салакая напечатал статью под названием «Известный ученый, абхазовед». В ней автор подробно рассказывает о деятельности Хухута Бгажба в деле развития абхазской науки с 19 лет до его 70-летия. Шота Салакая также напечатал

в газете «Советской Абхазии» статью, которая называлась: «Талант, энергия, эрудиция». В ней автор знакомит широкого читателя с многогранным творчеством ученого, рассказывает об огромных заслугах Хухута Бгажба, исследователя и общественного деятеля, и его многолетней работе в деле воспитания подрастающего поколения. Приведу небольшую цитату:

«Первые многообещающие шаги Х. Бгажба были замечены патриархом абхазской литературы Дмитрием Гулиа и его ближайшим соратником Самсоном Чанба. В 1934 году в статье «Несколько слов об абхазской литературе» Д. Гулиа писал: «Х. Бгажба – единственный, кто работает в области критики. Несмотря на свою молодость, он вступил на этот путь уверенно, твердо и не без успеха». А через год в своем выступлении на VII съезде Советов Абхазии, с гордостью сообщая о росте абхазских писательских кадров, Самсон Чанба отмечал, что работы Х. Бгажба «прокладывают пути для дальнейшего развития абхазской литературной критики».

Но помимо статей в газетах, при жизни ученого никаких торжественных собраний, связанных с его юбилеем, ни в институте, где Хухут Бгажба проработал много лет, ни в Союзе писателей, ни в каком-либо другом месте широко не отмечались ни разу. Только единственный раз коллектив Абхазского института с участием седовласого ученого провел в честь его 85-летия научно-практическую конференцию. Через неделю после этого события, а точнее 12 декабря 1999 года, в печати появилась короткая заметка об этой научно-практической конференции.

«4 декабря в зале заседаний Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа была проведена научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения видного ученого, филолога, академика Х. С. Бгажба.

Открывая заседание, исполняющий обязанности директора Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа (тогда президент Республики Абхазия В. Г. Ардзинба еще не сложил с себя обязанности директора института – Р. К.) В. Ш. Авидзба рассказал о жизни и творчестве Х. С. Бгажба. Академик О. Б. Шамба, выступая от имени Абхазского государственного университета, сообщил о том, что Х. С. Бгажба присвоено звание профессора Абхазского государственного университета.

С докладами о научно-исследовательских работах Х. С. Бгажба выступили на конференции Л. Чкадуа, Ш. Салакая, М. Ласуриа (Лашәриа), С. Зухба.

Х. С. Бгажба – автор 200 научных исследований. В числе их – языковедческие, литературоведческие и другие работы».

Под этой информацией стоит имя молодой журналистки Мадины Хагба. Не хочу делать упреков в ее адрес. Но вызывает удивление, что в нашей национальной газете «Апсны» научно-практическая конференция, проведенная в Абхазском институте с участием лучших наших ученых, в которой прозвучали доклады, сделанные на высоком научном уровне, не получила иного освещения, кроме этой коротенькой информации. Почему так случилось? Разве не заслужил Хухут Бгажба, чтобы юбилейное заседание, посвященное ему, получило широкое освещение в печати. Это было, по моему, необходимо, важно, особенно для патриотического воспитания подрастающего поколения, чтобы знать о жизни и творчестве нашего великого ученого, как минимум, ознакомить читателей с высказываниями наших абхазских ученых о нем.

В тот день, когда эта коротенькая информация появилась в печати, я зашел к Хухуту Бгажба домой. Информацию он вырезал из газеты, но еще не вложил в папку, она лежала перед ним на столе. До сих пор помню его слова, сказанные мне в ответ, когда я, глядя на эту невыразительную, серенькую информацию, пренебрежительно отозвался о ней: «Руслан, меня это совершенно не беспокоит, то, что они обеднили свою газету – их дело. Мне достаточно слов моих друзей – ученых, выступивших на конференции. Человека вдохновляет, когда ценят его труд, говорят теплые слова о его заслугах (а не клеймят за то, что не сумел сделать). Мне в жизни не нужно излишних славословий, хочу только правды, что есть, в самом деле. – А если уж ты заговорил об этой информации, что лежит передо мной, то уж лучше они и вовсе ее не печатали, – так резко оборвал он тогда разговор.

Глядя на него, я в который раз поразился. Он не подпускал к себе близко ничего мелкого, незначительного, безвкусного.

В день 85-летия со дня рождения Хухута Бгажба, напечатали в «Нужной газете» (№57, 15 ноября, 1999) статью: «Ученый и властное молчание». В ней, снова, заключена одна весьма удивительная деталь: «На днях в Абхазском институте гуманитарных исследований тепло отметили 85-летие выдающегося абхазского ученого – кавказоведа, академика Хухута Соломоновича Бгажба, сына народного героя Абхазии Соломона (Салумана) Бгажба, о котором народ в XX веке сложил известную каждому абхазу песню.

Ученые филологи по достоинству оценили огромный вклад Х. С. Бгажба в абхазскую лингвистику и литературную критику. Многие его работы особенно о бзыбском диалекте, о топо-

нимике, давно стали научной классикой. Не менее известны и знаменитые абхазские сказки, пословицы и поговорки, собранные в свое время Хухутом Соломоновичем и переведенные на десятки языков мира. Конечно, необычно видеть живую легенду из плеяды таких славных ученых, как Г. А. Дзидзария, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл и др. Достаточно сказать, что в 1933 году А. М. Горький принимал Х. С. Бгажба в Союз писателей СССР. Обо всем этом говорилось на научной сессии Абхазского института, но общественность была, мягко говоря, удивлена тем, что действительного академика не пришли поздравить ни руководство Академии наук, ни руководство Абхазии, которые уделяют в последнее время такое огромное внимание развитию абхазского языка».

Подобные жизненные «мелочи», которые не были таковыми не раз отравляли жизнь Хухута Бгажба, портили ему настроение, но никогда не выводили из равновесия, не вгоняли в уныние. Всегда оставался сильным, уверенным в себе и верным своей намеченной цели.

Научно-практическую конференцию, посвященную 85-летию Хухута, открыл В. Ш. Авидзба, будущий директор института, тогда еще и.о. директора. Он подчеркнул: «Хухут Бгажба вот уже более 65 лет плодотворно работает в абхазской науке, и нет ни одной актуального вопроса в области абхазской литературы, языка и фольклора, в изучении которых он не принимал бы участия, не выразил бы своего мнения. Хухут Бгажба – патриарх абхазской науки, он один из величайших». Интересные доклады о Хухуте Бгажба как исследователе абхазского языка, основателе абхазской художественной критики, фольклористе и литературоведе были сделаны Л. П. Чкадуа, Ш. Х. Салакая, С. Л. Зухба, М. Т. Ласуриа. В своих выступлениях они оценили большие заслуги Хухута Бгажба, сказали о том, что его труд до сих пор не оценен по достоинству. Доклад Ш. Х. Салакая «Патриарх абхазской филологии» был опубликован в газете «Республика Абхазия» в номере от 3–4 ноября 1999 года. Статья завершается словами: «85 лет – даже по параметрам прославленного абхазского долгожительства возраст, конечно, далеко не юношеский. Годы не могут не давать о себе знать. И тем не менее, Х. Бгажба полон сил, энергии, ясного ума, желания и умения активно трудиться. Все это служит залогом осуществления его заветной мечты – подготовки к изданию, обнародования его уникального архива, что явится ценнейшим вкладом в научное абхазоведение. Пожелаем же нашему патриарху доброго здоровья».

Борис Гургулиа напечатал в газете «Апсны» (1999, 4 ноября, №47) статью «Великий абхазский ученый», посвященную 85-летию со дня рождения Хухута Бгажба. В ней автор рассказывает ярко и живо о многогранной творческой и научной деятельности ученого.

Нельзя сказать, что нет статей о жизни и творчестве Хухута Бгажба. Большей частью они написаны в связи с юбилейными датами, несколько статей, появились во время выдвижения его кандидатуры на Государственную премию имени Д. И. Гулиа. Но с другой стороны, на мой взгляд, маловато, мягко говоря, отзывов его абхазских коллег – научных работников, писателей, критиков. Любая, вышедшая в свет, новая книга (художественная ли научная) безусловно, нуждается в отзыве, в обсуждении ее заслуг и недостатков, чтобы обратить внимание читателя на нее. Это правило, ведущее свое начало с рождения, с самого образования, письменности и творчества. Ему следуют все, кто развивает цивилизацию.

Творчество человека, который с 19 лет интересовался абхазскими книгами и писателями, и за редким исключением, каждого из них представлял широкому читателю, популяризировал их произведения, оставалось без должного внимания.

Считаю необходимым в хронологической последовательности часть из 200 произведений, статей и заметок , в том числе 10 монографий выдающегося ученого:

1. «Критический взгляд на современную абхазскую литературу вкратце с приложением некоторых теоретических вопросов», Сухум, 1933, Абхазское государственное издательство, 6 п. л.

2. А. Чехов. Сборник рассказов (на абхазском языке), Сухум, 1937, Абгосиздательство, 7 п. л. (переводы, с предисловием).

3. Абхазские сказки, 1 том. Составители – К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба, редактор – А. М. Чочуа. Предисловие и примечания к книге написаны профессором Н. П. Андреевым. Сухум, 1940, Абгосиздательство, 20 п. л.

4. Хрестоматия по абхазской литературе для XI класса, составитель – Х. С. Бгажба, Сухум, 1955, 20 п. л.

5. Некоторые вопросы по этнонимике и топонимике Абхазии, Труды Абхазского института, XXVII том, Сухум, 1956,. 2 п. л.

6. Дмитрий Гулиа. Критико-биографический очерк. Москва «Советский писатель», 1956, 5 п. л. (совместно с К. Зелинским).

7. Об абхазских племенах и диалектах. Труды Абхазского института, XXVIII том, Сухуми, 1957. 2 п. л.

8. «Об абхазском героическом эпосе». В сборнике «Вопросы изучения эпоса народов СССР», Москва, 1958, 1 п. л.

9. «Сын оленя». Абхазские народные сказки. Москва, 1959, Детгиз, 9 п. л.

10. Грамматика абхазского языка для 3 и 4 классов. Сухум, 1958, издательство «Алашара», 7 п. л.

11. Абхазские сказки (составитель, переводчик и автор Предисловия – Х. Бгажба). Сухум, 1959, 25 п. л. (Эта книга легла в основу издания на словацком языке, которое вышло в Братиславе в 1977 году – Р. К.).

12. Абхазская народная поэзия (тексты), (совместно с Д. Гулиа). Сухум, 1941, Абгиз, 8 п. л.

13. Абхазские орфографические правила. Сухум, 1960, Алашара, 4 п. л.

14. Бзыбский диалект абхазского языка и его говоры. «Восточная литература», Москва, 1960, 0,5 печатного листа.

15. Искусственная речь абхазских охотников (по бзыбскому диалекту). Труды Абхазского института XXXIII-XXXIV тт., Сухум, 1963, 1,5 п. л.

16. Критические заметки об абхазской литературе. Сухум, 1960, Абгиз, 17 п. л.

17. Хрестоматия по абхазской литературе для десятого класса (составитель – Х. Бгажба). Сухум, 1962, Алашара, 20 п. л.

18. Бзыбские тексты (первые записи). Труды Абхазского института XXXIII-XXXIV тт., Сухум, 1963,. 1 п. л.

19. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, издательство «Мецниереба», 29 п. л.

20. Русско-абхазский словарь (один из авторов и главный редактор). 40 п. л.

21. Из истории абхазской письменности. Тбилиси, 1967, Мецниереба, 4 п. л.

22. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология (соавтор), Сухум, 1968, Алашара, 15 п. л.

23. О новонайденной рукописи П.Чарая. Сборник материалов по абхазскому языку . Тбилиси, Мецниереба, 1 п. л.

24. Абхазская народная поэзия (дополненная и изданная Х. Бгажба новыми текстами книга, составленная еще в 1941 году совместно с Д. И. Гулиа) Сухум, 1972, Алашара. 8 п. л.

25. Очерки истории абхазской литературы (один из авторов, главный редактор). Сухум, 1974, Алашара, 18 п. л.

26. «Этюды и исследования», Сухум, 1972 , Алашара, 8 п. л.

27. «Бессмертное имя» Поиски и находки, Сухум, 1976, Алашара, 18 п. л.

28. Переводы и пересказы. Сухум, 1980, Алашара, 10 п. л.

29. «Страницы из летописи дружбы», Тбилиси, 1983, Мецниереба, 1983 г. 7,3 п. л.

30. «Мудрые слова», Абхазские пословицы, «Алашара», Сухум, 1983, Алашара, 3,5 п. л.

31. История абхазской литературы (соавтор и редактор). «Алашара», Сухум, 1986, Алашара, 20 п. л.

32. Труды, т. I. Сухум, 1987, Алашара, 20 п. л.

33. Труды т. II. Сухум, 1988, Алашара, 19,1 п.л.

33. Статьи и записки. Сухум, 1989, Алашара, 10 п.л. и др.

Составляя список своих работ во время избрания в члены Академии наук Абхазии, Хухут Бгажба писал: «Вытащив из архивной пыли, собрал, составил и, написав к ним предисловия, издал 12 книг произведений С. Чанба, И. Когониа, А. Чукбар, А. Хашба, А. Чочуа, Н. Джанашиа, С. Бжания, В. Маан, В. Агрба, Д. Маан, О. Демердж-ипа и других объемом более 200 печатных листов».[1]

Кроме перечисленных выше книг и работ, Хухут Бгажба опубликовал в различных журналах и газетах, а также сборниках многочисленные статьи, очерки и исследования об абхазском языке, литературе, фольклоре. Статьи и исследования Хухута Бгажба были напечатаны в «Большой советской энциклопедии», «Украинской энциклопедии», «Грузинской энциклопедии», а также в двухтомном «Энциклопедическом словаре», в «Мифах народов мира», «Мифологическом словаре» и других изданиях.

Безусловно нужен библиографический справочник трудов. Для каждого, кто занимается исследованием в области абхазоведения, они представляют огромную ценность.

У Хухута Бгажба была крепкая семья. Женился на Татьяне, дочери известного просветителя, писателя Андрея Максимовича Чочуа. Он был общественным деятелем, участником делегации в 1907 году к наместнику Кавказа о снятии «виновности» с абхазов и в 1918 году на Батумскую международную конференцию, на которой 11 мая была восстановлена государственность Абхазии, руководителем Наркомпроса Абхазии, Председателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Хухут и Татьяна соединили свои судьбы по большой любви. Только настоящее чувство способно сотворить крепкую, достойную семью.

Родители Татьяны Александра Владимировна и Андрей Максимович искренне любили Хухута и считали его своим сыном. Да и по абхазскому обычаю зятя воспринимают как родного сына.

---

[1] *Из личного архива Х. Бгажба.*

Отец и мать Таты к тому времени уже потеряли своих сыновей.Старший Михаил в 14 лет утонул в море, а средний Борис, выпускник Московского горного института, не оставшись в аспирантуре, стал работать в тресте «Ткуарчалуголь» главным инженером. В 1938 году его унес «мутный поток». Так, по воле судьбы и остались без продолжателя рода Александра Владимировна и Андрей Максимович. Потому они не могли отпустить от себя единственную дочь. Хухут прожил в этом доме 62 года, здесь он творил, занимался исследовательской работой.

Квартира № 3, в которой жили двое из достойнейших сыновей абхазского народа, была 4-х комнатной с открытой верандой, и располагалась по улице Калинина (ныне имени Чочуа) в доме № 38. Здесь главной роскошью была библиотека, безошибочно указывавшая на то, что в этом доме живут интеллигентные люди, ученые. Да сих пор здесь сохранились уникальные книги. Правда, когда сухумской школе №17 присвоили имя А. М. Чочуа, его семья подарила школе много книг из его библиотеки. К сожалению, после грузино – абахазской войны эта школа сгорела, а вместе с ней погибла и большая часть библиотеки А. М. Чочуа. То же самое случилось с редкими книгами об Абхазии, которые были подарены Абхазскому государственному университету Хухутом Бгажба.

Запомнился мне один разговор. Тогда Андрей Максимович был уже на пенсии, но не переставал заниматься своими творческими делами. Когда я приходил к ним в гости, сажал меня рядом с собой и подолгу разговаривал. Он был намного старше, я смущался, что сижу рядом с ним, но он настаивал. Он и его жена были очень гостеприимными людьми, не отпускали никого из своего дома не угостив. Однажды я пришел к ним за Хухутом. Андрей Максимович работал в своем кабинете, увидев меня, оставил работу, и вышел в гостиную. Долго рассказывал о прошлом, вспоминал: «К достойному жителю села Адзюбжа, дворянину Маан Кычыну (Кычын) из Парижа приехал один француз покупать лес (дуб и каштан). Кычын готов был продать ему лес, но сказал, что сам укажет ему, какие деревья можно рубить. Он предупредил его заранее, что, кроме указанных, ничего нельзя трогать. Француз согласился, и оба пошли в лес, но абхазский дворянин и француз не смогли договориться. Дело в том, что француз хотел купить хороший лес (это и понятно, он объехал полсвета, чтобы увезти качественный лес, из которого можно было сделать добротный материал), но и у абхаза была своя философия. Он вовсе не собирался губить лес, который поколениями растили предки, а только произвести

санитарную чистку, хотел срубить и старые деревья, которые мешали расти молодым деревцам, и продать их: «Я не могу погубить лес, украшающий побережье Абхазии, чтобы заработать денег и наполнить карманы», – наотрез отказался он продавать. А в наше время таких людей, заботливо оберегающих лес, в нашем обществе становится все меньше», – с сожалением завершил свой рассказ Андрей Максимович Чочуа.

В его доме бывали многие известные общественные, государственные деятели, ученые и писатели. Он лично был хорошо знаком со многими деятелями, часто переписывался с ними, обменивался мнениями о проблемах образования и науки Абхазии. К примеру, с академиками Н. Марром, В. Филатовым, И. Векуа, С. Джанашиа, В. Каменским, Н. Морозовым, А. Фадеевым, А. Луначарским и др.

Без преувеличения можно сказать, что дом Андрея Максимовича Чочуа был одним из очагов абхазской культуры. Он около 60 лет активно трудился во благо Родины, был в центре общественной жизни своего народа. Чтобы удостовериться в справедливости сказанных слов, ненужно далеко ходить, ворошить архивную пыль. Об этом как нельзя лучше свидетельствует трехтомник произведений А. М. Чочуа.

Жена Хухута Бгажба Татьяна Андреевна, царствие ей небесное, тоже была ученой. До того, как вышла на пенсию, беспрерывно работала в Сухумском ботаническом институте старшим научным работником, заведующим отделом. Имела степень кандидата биологических наук, автор научных работ, заслуженный деятель науки Абхазии. В коллекции Сада есть цветы, которые она вывела. Вот что пишет заведующий отделом Института ботаники АНА, кандидат биологических наук З. И. Адзинба (Азынба) в статье «Цветы ее жизни», посвященной Татьяне Андреевне Чочуа: «Есть ли люди, которые не любят цветов? По-моему, нет. Но есть еще и те, которые не просто любят, выращивают цветы на радость другим. Я хочу написать о человеке, который занимался этим делом профессионально, бескорыстно, с увлечением, как искусством. А это действительно искусство – выводить новые сорта красивейших цветов, украшающих самые волнующие события в жизни людей.

Я пишу о первой и единственной абхазке – кандидате биологических наук по цветоводству Татьяне Андреевне Чочуа и поздравляю ее со славным 80-летием. Всю свою жизнь она посвятила романтическому делу. Ведь выращивать цветы в таком благодатном краю, как Абхазия, это – сказка. Здесь могут расти почти все лучшие цветы планеты.

Родилась Татьяна в семье известного абхазского педагога – просветителя А. Чочуа и образованной женщины А. Сигиной. Училась в образцовой средней абхазской школе им. Н. Лакоба у таких заслуженных педагогов, как В. Данкевич, Н. Патеипа, А. Фадеев, П. Шакрыл и Е. Грандилевская, привившая ей любовь к цветам. Затем учеба во Всесоюзном институте субтропических культур в Сухуме, после закрытия которого пришлось заканчивать в 1939 году Сельскохозяйственный институт в Тбилиси. Обучение в аспирантуре и защита диссертации в 1953 году проходила под руководством выдающегося ученого – ботаника, профессора А. А. Колаковского. Работа была посвящена проблемам продолжительного цветения озелененных территорий в условиях Абхазии.

С 1950 года Татьяна Андреевна около 40 лет, до ухода на пенсию, работала в Сухумском ботаническом саду вместе с известным цветоводом – доктором биологических наук В. Ябровой-Колаковской, занимаясь введением в культуру высоко декоративных цветочных растений – японских ирисов, африканских герберов, гладиолусов, георгин, крокусов и волшебных по красоте тропических цветов – стрелиций, тигридий.

Множество новых сортов цветов ее селекции украшало не только клумбы Ботанического сада и газоны курортов Абхазии, но и международные, всесоюзные и республиканские выставки, а также ВДНХ. За работы в области цветоводства Татьяна Андреевна награждалась Большой и Малой серебряными и бронзовыми медалями этой Выставки, дипломами и ценными призами. Ею получены и авторские свидетельства.

Результаты ее исследований в виде кратких и емких по содержанию статей публиковались в «Бюллетене Главного ботанического сада» АН СССР, журнале «Цветоводство», в «Трудах» Сухумского ботанического сада и других изданиях. Она автор более 40 научных публикаций, в том числе и двух монографий. Ее сорта ирисов вошли в сувенирное издание «Ирисы», знакомящие читателей с лучшими мировыми сортами этих цветов. Она неоднократно принимала участие в научных форумах ботаников и цветоводов. В 1984 году ей присвоено звание заслуженного агронома Абхазии.

В кругу сотрудников – это скромный, трудолюбивый и доброжелательный коллега. Дома – заботливая жена, мать, бабушка, приложившая немало стараний и любви, чтобы в семейной «оранжерее» спокойно и уютно работалось ее мужу – доктору филологии Х. Бгажба, чтобы были достойны традиций семьи ее сын – доктор истории О. Бгажба и внук – экономист Андрей.

Осталось на сегодня одна мечта – увидеть маленькую правнучку, которая для нее сейчас главный цветок жизни».[1]

Хухут Салуманович и Татьяна Андреевна вырастили сына – известного ученого – Олега Хухутовича Бгажба. Считаю нелишним, сказать несколько слов и о нем в книге, посвященной отцу.

Олег Хухутович Бгажба родился в Сухуме 1 августа 1941 года, когда полыхал огонь Великой Отечественной войны. В 1958 году окончил с золотой медалью Абхазскую школу, а затем – в 1963 году с красным дипломом историко-филологический факультет Сухумского государственного педагогического института имени А. М. Горького. В том же году поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР, которую окончил, успешно защитив в декабре 1972 года диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Материальная культура средневековой Абхазии». В марте 1995 года в Москве Олег Бгажба защитил и докторскую диссертацию по теме: «История железоделательного производства в Западном Закавказье». Ныне – первый в Абхазии доктор исторических наук РАН, академик АНА, профессор Абхазского государственного университета. О. Х. Бгажба – автор более 150 научных работ, среди которых пятнадцать монографий.

Интересы его научных исканий очень разнообразны и широки. Они охватывают не только Абхазию, но древнейшую и средневековую историю всего Кавказа, археологию. Ученый научился делать металлографический анализ, благодаря которому смог изучить методы обработки железа и стали в древней Абхазии, способы их использования. Он стал первооткрывателем самых ранних мечей, изготовленных техникой сварочного дамаска (III–IV вв. н.э.) на территории бывшей СССР, обнаружив их в Абхазии.

С именем Олега Бгажба связаны археологические поиски и экспедиции, проведенные в крепости Баграта (Сухум), в крепости Герзеул (Гәарзаул), Ачапаре, в Цебельдинском археолого-архитектурном комплексе (крепости, храмовые здания, могильники). Он был заместителем начальника Цебельдинской археологической экспедиции, руководил которой выдающийся ученый – кавказовед Ю. Н. Воронов.

Олег Бгажба часто выступает с интересными докладами на международных и региональных конференциях. Его научные работы публикуются на английском, французском языках. В Абхазском государственном университете читает лекции по истории и археологии, ведет спецкурсы, руководит исследова-

[1] *Газета «Республика Абхазия», №175, 31. 12. 97 г.*

тельской работой дипломников и аспирантов. Помимо научной деятельности, Олег Бгажба в свободное время пишет короткие рассказы и стихи. Однако печатать стихи пока не спешит, но изредка публикует короткие рассказы. Талантливый ученый, хотя и не часто, но выступает в качестве политолога, публикует в печати интересные и актуальные публицистические статьи и фельетоны о социально-политической жизни современной Абхазии. Он один из тех, кто способен «зорким взглядом охватить все многообразие жизни». С детства увлекается спортом, является мастером спорта Абхазии по баскетболу.

Внук Хухута Бгажба Андрей Бгажба родился также в Сухуме в 1966 году. Как отец и дедушка, он тоже окончил Абхазскую школу №10 с золотой медалью. Высшее образование получил в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова на экономическом факультете. По специальности – экономист, финансист. Его дочь Наталья (внучка Олега), родилась в 1993 г., сейчас учится в московской школе, одна из солисток хора Детского ансамбля песни и пляски им. Локтева.

Выше я не раз обращался к воспоминаниям Хакыбея Бгажба.Надо рассказать и о нем.

Хакыбей Салуманович Бгажба родился 25 марта 1923 года в селе Арасадзыхь Очамчырского района, спустя три месяца после смерти отца. Воспитывался в доме братьев своей матери. Этот дом часто посещали известные в абжуйском районе люди, мудрые, достойные, думавшие о судьбе своего народа. Хакыбей с раннего детства любил слушать рассказы гостей, их шутки, разговоры о политике, социальной жизни.

«Писать и читать на русском и абхазском языках до школы меня научили Хухут и Чичикуа, когда они приезжали домой на летние каникулы. Тогда еще были латинские буквы. Для меня грамота много значила. Я хотел пойти в школу. Когда исполнилось 8 лет, дядя Шварах пошел со мной в Гупский сельсовет и взял у них свидетельство о моем рождении. В те времена Арасадзыхь входил в село Гуп, в котором долгие годы работал писарем Максме Шанаа (Шьанаа), ставший впоследствии прототипом главного героя произведения Михаила Бгажба «Гуарапский писарь». Я и сегодня вижу перед собой этого человека – его лицо, внешность, словно слышу его голос с особым говорком. Когда много позже прочитал повесть Михаила Бгажба, отчетливо перед глазами возник живой образ писаря, которого увидел тогда, будучи 8-летним мальчишкой. Удивился тому, как точно изображен в повести. Видно, велика сила таланта», – вспоминал Хакыбей.

Расстояние между домом в Арасадзыхье и Гупской школой было ровно пять километров. Три года Хакыбей пешком ходил на занятия. Дошкольная подготовка очень помогала ему в первые годы, и он учился наравне с лучшими учениками школы. В 1934–1935 учебном году Хакыбея Бгажба привезли в Сухум, в 1937 году поступил в Абхазскую школу, Хухут вернулся из Москвы, в Сухум переехала мать Матия. Хакыбей учился неплохо, ему легко удавалась математика, был способным и любознательным учеником. Но в тот год, когда он оканчивал среднюю школу, началась война, абхазскую школу тоже закрыли. Ему с матерью пришлось вернуться в Арасадзыхь.

Из-за слабого зрения его не взяли в армию, переживал, но военная комиссия решила, что он непригоден к службе. И Хакыбей стал работать: сначала в Арасадзыхье – записывал трудодни в 5-й бригаде Арасадзыхьского колхоза: некому было тогда и этим заниматься.

«Шла война. Вся молодежь, включая и мужчин до 50 лет, была на фронте, защищала родину. Арасадзыхьские парни, все, кто мог держать оружие ушли воевать. Ежедневно отправляли в район сводки о работе бригад колхоза – сколько посеяли, убрали, собрали, нанизали табака и т.д. Это было обязательным делом. Поэтому после рабочего дня ночью мы должны были с этими сводками приходить в сельсовет. Бригада, в которой я работал, находилась в трех километрах от сельсовета, но приходил туда каждый день. Я трудился от всей души, уважал свою работу. Совсем еще был юным, всего-то 18 лет.

Однажды, когда пришел в сельсовет, мне сообщили, что вызывают в Очамчырский районный отдел образования. «Зачем я им понадобился?» – подумал я тогда, но и в голову не могло прийти, что отправят учительствовать. На следующий день пришел в Очамчырский отдел образования. Заведующим был тогда Лоу Циколия из села Джал, неплохой человек, да и абхазским языком тоже владел.

– Как видишь, учителей не хватает, решили, если не обидишься, проэкзаменовать тебя немного и отправить в родное село в школу учителем математики, – сказал он неожиданно для меня. Поначалу я растерялся и не знал, что и ответить, но затем откровенно сказал, что вот уже третий год работаю в колхозе, занимаюсь записью трудодней, там тоже людей не хватает, и я помогаю им, да и потом, сам еще не успел окончить среднюю школу, война застала в последнем выпускном классе. Правда, учился неплохо, математику любил очень, она мне удавалась, но теперь многое забыл, только вот от экзаменов, о которых

мне говорил, не отказался бы – программу V–VII классов когда-то хорошо знал, но насколько она близка к нынешней, – так ответил я заведующему», – вспоминал Хакыбей.

На следующий день его экзаменовали два математика – один из них был греком, а другой – русским. Проверив знания Хакыбея, они пришли к выводу, что он может преподавать математику до V–VII классов. Так, с 1 сентября 1944 года Хакыбей Бгажба начал работать учителем в школе:

«Для меня это было очень ответственным делом. Чтобы не сказали обо мне, как в той пословице: «За неимением быка запрягают петуха», я трудился, не покладая рук, стал заново учиться, как и мои ученики, стараясь не осрамиться, желая чему-нибудь научить ребятишек. В первые дни, конечно, было очень трудно, но затем привык, стал думать о методике преподавания, нашел кое-какую литературу. Год работал в 5–7 классах. А в 1945 году, закрыли абхазские школы, до пятого класса перевели на грузинский язык, чтобы каждый год, добавляя по одному классу, сделать их полностью грузинскими. У меня же пока оставались 6 и 7 классы. Но их тоже закрыли в 1947–1948 учебном году, сделав грузинскими. И моей преподавательской деятельности в качестве учителя математики пришел конец. В то время таких, как я, оставшихся за стенами школы, учителей было много».

Да, Хакыбей Бгажба рассказывает о времени, когда полным ходом шла грузинизация Абхазии. После этого он вернулся в Сухум, но и для него, прописанного и имевшего жилье в Сухуме (с 1937 года), было нелегко найти работу. Грузины тогда начинали все больше господствовать в столице Абхазии и появление там каждого не грузина, особенно абхаза, воспринимали в штыки, хотя некоторых им приходилось терпеть скрепя сердце. Порой они и делали кое-что для виду. Хакыбей Бгажба уже был жителем Сухума, но в его квартиру по адресу Курортная д. 2 (ныне ул. Ласуриа) во время войны самовольно вселился приезжий из Грузии, Хакыбей с матерью не могли даже появиться там. Но в 1948 году Хухуту выделили квартиру, где поселились Хакыбей с матерью.

Вскоре он начал работать старшим корректором в редакции. Через два года перешел в систему бытового обслуживания, работал сначала мастером, старшим работником, затем и руководителем. Проработал в этой системе до пенсии, был заслуженным работником бытового обслуживания Грузинской ССР и Абхазии АССР. Он пронес через всю жизнь интерес к абхазской литературе, и нет ни одной абхазской книги, которую

он не читал. Эту любовь к чтению он, безусловно, перенял у старшего брата Хухута. Его богатая библиотека сыграла в этом не последнюю роль. Хакыбей и сам обладал неплохой библиотекой, в которой представлены в основном книги абхазских авторов и об Абхазии. Также много периодической печати, газет и журналов на абхазском и русском языках. Он хранил и постоянно собирал материалы об Абхазии и абхазах, об актуальных проблемах сегодняшнего времени, считал, что они могут понадобиться кому-нибудь в будущем. Эту привычку он также перенял от старшего брата.

Хакыбей прекрасно чувствовал богатство и многообразие абхазского языка и умел пользоваться им. Приятно было слушать его речь. В Сухуме редко встретишь человека, который мог бы так красиво и с большим уважением к слушателям и языку говорить на абхазском. В его библиотеке много книг абхазских авторов с их личными автографами. Он был не просто читателем, в его устных отзывах присутствовал хороший вкус и проявлялось понимание обсуждаемого вопроса. Хакыбей Бгажба ушел из жизни 29 января 2005 года в возрасте 82 лет.

Его супруга Вера Элизбаровна Кубраа, царствие ей небесное, была известным в Абхазии педагогом. Многие годы работала в детском саду. Вера Кубраа разработала собственный метод воспитания детей дошкольного возраста в детских садах. Его широко популяризировали и применяли на практике.

Хакыбей и Вера воспитали прекрасную дочь Мариэтту, которая успешно окончила филологический факультет Минского педагогического института и стала учительницей. Еще в институте она вышла замуж за сокурсника Леонида Маковецкого. Воспитывают двоих сыновей. Старший Георгий закончил факультете журналистики в одном из вузов Москвы, работает по профессии, а младший Вячеслав пока школьник.

Рассказывая о родственниках Хухута Бгажба, нельзя обойти стороной Чичикуа Капба, близкого и по духу Хухуту Бгажба человека, с которым они, как родные братья воспитывались в одной семье. Хухут часто рассказывал о нем, вспоминая связанные с ним события, разные происшествия. С болью говорил, что слишком рано война оборвала жизнь этого удивительного парня, не успевшего полностью проявить себя.

Николай (Чичикуа) Дзыкурович Капба родился в 1917 году в селе Арасадзыхь Очамчырского района. После учебы в неполной средней школе (7 классов) поступил в Сухумский педагогический техникум. После окончания работал в Ткуарчальской неполной средней школе. В то время там преподавал

и поэт Киазым Аг маа, получивший уже высшее образование. Чичикуа и Киазым стали друзьями, очень любили друг друга. Помню, как однажды отец Чичикуа – мой дядя Дзыкур увидел в моих руках газету «Апсны капш», в которой был напечатан некролог о писателе Киазыме Агумаа (в то время я учился в Тамышской средней школе), спросил: «Дад, что пишут в той газете, которую ты держишь, какие новости?». Я показал ему некролог: «Хай, хай, царствие ему небесное, это же сын достойного Карамана (Караман), я видел его много раз, когда он работал вместе с Чичикуа. И до того мы с его отцом были хорошо знакомы. Он же еще молод, жить бы ему и жить, – с большим сожалением сказал Дзыкур и задумался. Дад, Руслан, я бы хотел услышать, что пишут о нем». Я прочел ему коротенький некролог, напечатанный в газете. Он долго молчал, затем с тяжелым вздохом вымолвил: «Проклятая война проглотила и его, многих она погубила, проклятая, а скольких мы потеряли бесследно, – тут он запнулся и замолчал. Глядя на него, я понял, что боль за без вести пропавшего сына с новой силой всколыхнулась в нем, но он только сказал: « С Чичикуа они были дружны.»

Хухут Бгажба очень любил Чичикуа не только потому, что они были братьями и выросли в одном доме. Он видел в нем перспективу. Чичикуа был способным, остроумным, честным и храбрым, очень принципиальным человеком. Когда Хухут отдавал мне хранившиеся у него документы о Чичикуа, он показал зачетную книжку (до сих пор храню ее в моих архивах, как частицу его самого), со словами: «Видишь, все оценки у него «отличные», только по психологии (на втором курсе) «четверка». Педагог по психологии поставил ему эту четверку, предупредив, что если остальные предметы сдаст на «отлично», то он ему разрешит пересдачу.

– Мне достаточно и хорошей оценки, – ответил ему Чичикуа. – Конечно, оценка, выставленная учителем важна, но главное – это знание предмета. Если я знаю психологию на «четыре», это совсем неплохо, и я не буду беспокоить вас пересдачей, – сказал он и вышел из аудитории. Лектор поначалу растерялся, не зная, что сказать, но затем пробурчал: «Слишком гордый парень».

– Вот видишь, дальше у него в зачетке нет ни одной «четверки» или «тройки», сплошь одни «пятерки». Тот лектор, узнав, что Чичикуа сдал все остальные предметы на «отлично», передал через секретаря исторического факультета, что тот к нему пришел на пересдачу. Но Чичикуа принципиально не захотел этого: «Мы с ним распрощались», – сказал он в шутку.

Таким он был, но рано ушел из жизни. И душа моя всегда болит за него».

По словам Хухута, несколько статей Чичикуа Капба о прочитанных им книгах были напечатаны в газете «Апсны капш» и в одноименном литературном журнале. Талантливый поэт и прозаик Иван Тарба как-то спрашивал меня: «Коля Капба писал статьи, не встречал ли их где-нибудь, может, дома у вас что-то осталось?» Я ответил ему, что ничего не видел. Но, как мне сказал Хухут Бгажба, хотя Чичикуа и умел писать литературно – критические статьи, цель у него была совсем иной. Он хотел после окончания института сразу же поехать на учебу в аспирантуру, заняться историей Абхазии. Но не успел осуществить мечту. Как только сдал последний государственный выпускной экзамен, его сразу же отправили в Телавское военно-пехотное училище.

Вот что пишет абхазский ученый – лингвист Алексей Абрамович Кварчелиа (Кәарҷелиа):

Уже больше месяца я не получал никаких писем из Абхазии или от друзей, воевавших на фронтах Отечественной. Переживал сильно. Что значит для защитника родины, находящегося в огне войны, получить письмо хотя бы в две строчки! Как нужна эта весточка, знает только тот, кто закален на войне, и испытал все тяготы фронтовой жизни, другому, пожалуй, трудно понять…

До атаки на укрепления врага оставалось всего два часа. И вдруг: «Товарищ Кварчелия, Вам письмо, только не отдам, пока не станцуете кавказский танец!» – услышал я шутливый девичий голос. Миловидную, стройную девушку, протянувшую в мою сторону «треугольник», я видел впервые. Внезапная радость охватила меня, и я даже забыв поблагодарить девушку, тут же выхватил из ее рук письмецо, с волнением думая, кто же мне написал. И сразу , не успев прочитать имя и фамилию, узнал почерк своего друга.

«…Алеша! Я пишу эту записку в поезде, в дороге, еду на фронт. Два дня был дома. Парни из нашего села, подобные богатырям, с оружием в руках воюют с врагом. Это вселяет в меня мужество. Нужно защитить Родину, когда это необходимо. Абхазам не привыкать проливать кровь за родную землю, они вскормлены и воспитаны на этом издревле. Слегка ранен в руку, но ничего серьезного, уже заживает. Один мой родственник очень старался, чтобы я остался дома хотя бы на 15 дней, убеждая меня, что если врачи посмотрят мою рану, дадут отсрочку. Но я не согласился, и близко не подошел к врачам, по-

тому что, явиться в часть позже назначенного срока, считаю, отлыниванием от долга. Более того, мне неловко, что приехал домой на эти дни, а друзья остались там, на передовой, в огне, и жизнь их измеряется минутами. И, как бы я не любил родное село, близких и родных, не могу остаться дома, когда уже вполне зажила рана, если даже буду знать, что никогда больше не смогу вернуться. Меня со всей силой тянет к воюющим друзьям…»

Так писал мне Николай (Чичикуа) Дзыкурович Капба. Многие знали его, есть и друзья, которые учились вместе в институте. Они уважали Чичикуа, любили его за прекрасный характер, веселый нрав, за талант. Он выделялся внешностью – стройный, высокий, широкоплечий, с добрыми и умными глазами цвета ежевики. Он умел смотреть как-то особо – ласково и весело. Словно вижу сейчас его перед собой.

Чичикуа Капба родился в 1917 году в селе Арасадзыхь Очамчырского района, в известной среди абжуйцев семье, которая издавна славилась своим гостеприимством. Здесь с большим уважением относились к учебе, образованию. В этой семье родился борец за свободу абхазского народа, принимавший участие в установлении Советской власти в Абхазии, революционер Степан Екупович Капба.

На Капбовском холме первозданная природа и целебный воздух. Над весело журчащими источниками гордо возвышаются высокие скалы. С раннего утра до позднего вечера ярким солнцем освещаются, окруженные густой зеленью холмы. С их высот, как на ладони, открывается взору вся Абхазия. С юга виднеется ровная синь долины, а с севера возвышается во всю ширь огромная цепь Кавказских гор. В кровь и жилы человека, родившегося и выросшего на этой благословенной земле, по-особому входит чувство любви к родине.

Окончив сельскую семилетку, Чичикуа Капба поступает в Сухумское педагогическое училище. После окончания, год проработал в Ткуарчальской восьмилетней школе. Но, желая продолжить образование, Чичикуа оставляет работу учителя и в 1938 году поступает на исторический факультет Сухумского педагогического института. Там мы с ним познакомились, и очень скоро стали близкими друзьями. Я был далеко не единственным его другом, Чичикуа и невозможно было не любить. С первого курса для него не существовало других оценок, кроме «отлично». Особо интересовался историей Абхазии. В институте он не довольствовался лекциями, самостоятельно искал литературу, много читал. Любил спорить, дискутировать

и в беседах проявлял несомненные ораторские способности. Чичикуа, хотя и не часто, печатал рецензии в абхазском литературном журнале.

Так счастливо протекали студенческие годы. В 1941 году нас зачислили в Телавское пехотное училище. И здесь Чичикуа не уступал в учебе никому, всегда был первым. Вот отрывок из его письма брату (Х. С. Бгажба – Р. К.), из Телави: «Может, ты слышал, говорят, что человек со стальным сердцем может носить и деревянный бронежилет. Это не ложь. Человек силен именно сердцем. Силы уходят, если дрогнет сердце. Я смог преодолеть все свои трудности…

…Друзья мои окончили институт, а я не смог завершить с ними учебу, но особо не жалею об этом, Родина требует защиты. Ради этого не только от учебы, но и жизнь свою отдать согласен я. Если и умрем, защищая свободу, что может быть почетнее этого…

г. Телави, п/я 17.9.2-41г. Ч. Капба».

После окончания училища каждого из нас отправили в разные военные части. Чичикуа, как лучшего выпускника, направили в Бакинское военное училище педагогом. Он хотел уйти на фронт, просился, но наши командиры ему отказали: «Нам нужны кадры, готовящие тех, кто идет на фронт, а твое время идти еще настанет», – сказали ему.

С тех пор мы с близким другом больше не увиделись, обстоятельства разлучили нас и судьбы сложились по-разному. Как сегодня помню день, когда мы расставались в Телави. Ему очень шла плотно сидящая военная форма.

В письме брату из Баку, говорится: «Сегодня получил твое письмо, очень обрадовался. Я счастлив, что дома все в порядке, все наши здоровы, и в дальнейшем желаю всего наилучшего. Я здоров... Здесь очень жарко. Днем с огнем, даже случайно не найдешь ни одного деревца, в тени которого можно было бы передохнуть от жары. Всюду выжженная степь… Как хорошо сейчас у нас, особенно в нашем селе. (Я имею в виду Арасадзыхь). Все окружено прекрасной растительностью, зеленью, красиво. Как сильно ни занят, ты чаще езжай туда. Это родное наше село, которое взрастило нас. Редко встретишь подобную красоту, где бы то ни было, мало ему подобных сел. Да, что может сравниться красотой и богатством с нашей Абхазией? Огромная разница между выжженной бакинской степью и природой Абхазии.

…Не так давно я проводил своих друзей Шамиля Шамба и Николая Бакурадзе в Тбилиси. Я тоже должен был поехать, но

не отпустили отсюда. Я очень жалею, что не пустили, они шли на фронт. Передай всем привет. Желаю всего хорошего.

г. Баку, п/я 191. 24/6 – 1942 г. Николай Капба».

Из Бакинского военного училища Чичикуа Капба отправился на передовую, в самое пекло. Он был в п/п №42636. Фронт находился юго-западнее Новороссийска. Война есть война. В одном из крупных сражений геройски сложил свою голову Николай Дзыкурович Капба. Прочтем письмо, пришедшее к нам из пламени войны.

«Трудно поверить в настоящую действительность – в то, что нет в живых Коли. Трудно произносить это слово. Память о настоящем друге, умном и способном командире, навечно останется не только в моем сердце, но и в сердцах всех товарищей, кто знал и любил его. Николай выполнил свой священный долг до конца.

…Со смертью Коли я потерял настоящего друга – умного, искреннего и понимающего, умеющего ободрить, дать дельный совет. Он был скромным человеком, никогда не стремился показать себя. Он был ловким, всегда дисциплинирован, жизнерадостен и весел. Своим ранним уходом он больно ранил души своих друзей.

Эта беда случилась в феврале месяце. Шло сражение. Потоком лилась кровь. Фашисты мертвой хваткой уцепились за занятые рубежи, не хотели отдать, стояли против нас насмерть. Они поливали нас плотным бесконечным, непрерывным огнем из пулеметов, артиллерийских минометов. Но наши командиры и солдаты, преодолевая жестокое сопротивление, уверенно шли вперед.

Но в моменте в нашем наступлении произошла заминка, продвигаться вперед стало трудно. Пришлось начальнику штаба самому принять участие. Он послал на разведку своего помощника Николая Капба, который с большим трудом сумел разведать обстановку и узнать где основные силы противника для того, чтобы затем была дана новую команду к наступлению. Николай выполнил полностью свою задачу. И мог вернуться назад обратно, предоставив дальше действовать другим, но остался там, в грохоте пушек, в трескотне пулеметов, в пороховом дыму… Последнее, что успел сказать Коля: «Прощай, Родина!»

Вечная память о нем сохранится. Нет больше любимого моего друга, старшего лейтенанта Николая Дзыкуровича Капба!

Я знаю адрес его отца, Дзыкура Екуповича, но поверьте моему слову, я боюсь написать правду ему, мне жаль отца. Посове-

туйте, что мне делать, и на чье имя прислать копию свидетельства о его награде.

Я знаю также, что вы хотите задать мне вопрос: нет ли возможности прислать что-нибудь из предметов, принадлежавших Коле. Отвечу откровенно: нет такой возможности, ничего из его вещей нет. Я приложил много усилий, чтобы найти дневник, который он вел, но, к сожалению, не нашел, потерялся…

Иван Михайлович Калашников, п/п. 2315, военная часть №20».

В наградном листе, копию которого получили родные, написано: «Капба Н. Д. – погиб в боях с немецкими оккупантами, юго-западнее города Новороссийск. Старший лейтенант Капба Н. Д. состоял на службе в военной части полевая почта №42636 на должности помощника начальника штаба Отдельного стрелкового батальона.

Т. Капба Н. Д. приказом по воинской части полевая почта №42636, №02\н от 16.02.43 года посмертно награжден орденом «Красная звезда»».

Передо мной лежат письма – не одно и не два, написанные чернилами, карандашом. Их писали в Абхазию фронтовые друзья Чичикуа, те, с кем он служил в армии, дружил, командиры его воинской части. Возможно, они тоже сложили головы за Родину, сгорели в пламени войны.

Прочтем еще раз строки, написанные родителям Чичикуа Капба его фронтовым другом:

«С гибелью Николая я потерял очень близкого человека, друга. И, что бы мы теперь ни сделали, вернуть его к жизни мы не в силах. Только останется он в нашей памяти, пока бьются сердца и в жилах течет кровь.

…Сейчас я продолжаю воевать и уничтожать проклятых фашистов от имени Чичикуа и подобных ему друзей, погибших за Родину.

Георгий Павлович Головко, п/п 39551».

Сколько таких пронзительных, наполненных подлинной болью писем друзей Чичикуа, заставляющих глубоко задуматься, всколыхнуть патриотические чувства, но невозможно их все вместить в одну статью.

Встаньте в строй, рядом с воинами,
С теми, кто гонит прочь врага,
Ахахайра, не отставайте, абхазы
Вперед идите, за славой![1]

[1] *См стихотворение Б. Шинкуба «К абхазским воинам». – Р. К.*

Чичикуа был одним из тех героев, подвиги которых с гордостью воспевал народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба. Священный долг всех нас не предать забвению память о них. Их жизнь и героические свершения должны стать примером для подрастающего поколения.

Я не могу забыть, и сегодня стоит перед глазами мой близкий друг Чичикуа Капба, геройски отдавший свою жизнь за Родину. Думая о нем, я вспоминаю строки поэта Киазыма Агумаа:

Весенний лист не опадает,
Когда в саду вырастают молодые побеги,
Не закатится солнце солдата
Если пролил он кровь геройски...».[1]

Вот что пишет его близкий друг, недавно ушедший из жизни ветеран Великой Отечественной войны Леуа Гармелия в своей статье «Звенит родник у дома отчего».

«В день Победы мне хотелось бы рассказать о своем давнем друге Николае Капба, который пал смертью храбрых в Великой Отечественной войне, в 1942 году. Но сначала – о его семье, ибо в ней были сформированы все лучшие его нравственные качества.

У Екупа Куаблаховича Капба было пять сыновей и шесть дочерей. Степан, их брат, был известным революционером, погиб в мае 1921 года от рук бандитов. Дети Екупа отличались статью и красотой. Кстати, старшая дочь Матия вышла замуж за Салумана Бгажба, который покрыл себя неувядаемой славой, и о котором сложена была песня. Сын его, Хухут Бгажба стал известным ученым.

На подворье здесь держали породистых лошадей, братья неизменно носившие национальную одежду, были лихими наездниками и меткими стрелками. В семье царили лад и взаимопонимание, все вопросы решались сообща на семейном совете. При этом среди детей доминировало мнение старшего брата – Дзыкура. Простота, скромность, человечность – вот что определяло в семье атмосферу, в которой и рос Николай.

После школы мы с ним поехали работать в Ткуарчал, а когда возвращались в Гуп, я часто бывал в доме Капба, который стоял на возвышенности, именовавшейся Капаархуы. Это было дивное, сказочное место. Посреди двора росло огромное ореховое дерево, под сень которого, неподалеку от родника, часто соби-

---

[1] *См. стихотворение К. Агумаа «Могила солдата», газ. «Апсны капш», 28 марта, 1970. – Р. К.*

рались родные и близкие. Сколько народных поверий, былей, пословиц, интересных историй здесь прозвучало! И все они, так или иначе, раскрывали духовное пространство аламыс,[1] его принципы. А чего стоили окрестные леса, ручьи, плодовые кустарники – воспитывала и сама природа.

Перед нами открывался прекрасный мир, крепла горячая юношеская дружба. И кто мог подумать, что все это будет разом перечеркнуто войной! По-разному сложились наши фронтовые пути. Николай Капба учился на 4-м курсе исторического факультета пединститута, когда прогремели военные залпы. Вместе с другими студентами Николай поступает в Телавское пехотное училище. Но прежде он навещает меня в Бакинском военном училище, курсантом которого я стал еще до войны. Мы долго разговаривали, а потом попрощались, поцеловали друг друга. Не думалось, что это – последняя наша встреча. Может быть, было бы немного легче, если бы мы воевали на одном фронте. Не довелось.

Шел 1942 год. Враг рвался к Кавказу. Фашисты подошли вплотную к горным перевалам Абхазии. В огне был Новороссийск. Сюда, в район этого города и направили Николая Капба, одного из лучших курсантов училища, когда он стал требовать отправки на фронт. Он успел послать мне два письма. В одном из них друг сообщал: «Пишу в дороге, еду снова на фронт. Еду уже два дня. Были в родном селе. Все парни из нашего села ушли на фронт. Молодцы ребята! Я, знаешь, был ранен в руку, да это пустяки – зажило. Даже как-то неловко перед товарищами за то, что в эти горячие дни мне выпало счастье повидаться с родными, побывать в родном селе. Спешу, очень тянет к товарищам по фронту, в бой…»

В строчках этого армейского «треугольничка» – весь Николай – совестливый, отважный, надежный в дружбе и верный Родине. Он погиб в одном из ожесточенных боев под Новороссийском – в числе многих других. Вот как говорил о Н. Капба его бывший командир И. Калашников. «Смерть Коли лишила меня умного, отзывчивого товарища, умелого помощника, с которым можно было посоветоваться по самым серьезным вопросам и просто поговорить по душам. А случилось это так. Шел бой. Немцы оказывали упорное сопротивление и никак не уступали занимаемых позиций. Под интенсивным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем наши бойцы, хотя и ценой больших потерь, все же продвигались вперед. В ходе напряженного боя произошла заминка, ликвидировать которую могла лишь

[1] *Кодекс чести абхазского народа – Р. К.*

решительность опытного и самоотверженного командира. Николай, ни секунды не раздумывая, бросился вперед. Он сделал все, что от него требовалось, и даже больше, чем требовалось. Он остался там в самом пекле, руководя боем. Мина разорвалась прямо на его спине…»

Всего несколько секунд еще прожил Николай, и как мне потом передали его однополчане, последними его словами были: «Прощай, Родина!» И, может, в эти последние мгновения промелькнули в его сознании родовое поместье Капаархуы в старинном абхазском селе, раскидистый орех и звонкий родник.

Похоронили Николая в предместье Новороссийска. Посмертно он был награжден орденом Красной Звезды. Когда после победы я вернулся в Гуп, то в первый же день навестил семью Николая. Сердечно принял меня его отец. Он еще не знал о гибели сына – долго шла в село «похоронка».

А ветви ореха шумят и шумят. Звенит родник. И кажется мне, что он, как и люди, помнит Николая».[1]

ОСНОВАТЕЛЬ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Абхазская литературная критике прошла свой собственный, в чем–то отличный, а в чем–то схожий с другими национальными общелитературными процессами, исторический путь. Ее рождение было обусловлено устным мнением читателей.

Во второй половине XIX века появилась абхазская письменность, но до возникновения художественной литературы прошли десятилетия в начале XX века. Правда, и до этого выходили в свет разные книги на абхазском языке, но это были большей частью учебники и духовные книги, как таковой художественной литературы еще не было. Публиковавшиеся в учебниках стихи Дмитрия Иосифовича (Есыф-ица) Гулиа, оригинальные короткие рассказы педагогов А. Чукбар, Н. Патеипа, А. Чочуа были скорее первыми росточками, но не более.

Абхазская художественная литература родилась в 1912 г., когда появилась книга Д. Гулиа «Стихотворения и частушки».

«Время, в котором жил абхазский народ, когда Д. Гулиа делал первые шаги по выбранному им пути, было трудным, суровым. В это время перед народом, как и прежде в истории абхазов, основным являлся вопрос самосохранения – защититься от глобальных процессов, происходивших в мире, не раствориться в их водовороте и сохранить свое лицо.

---

[1] *Газета «Республика Абхазия», 1998, май 8–9.*

Нужно отметить, что эти вопросы в упомянутое нами время стояли намного острее и суровее, чем за всю предыдущую историю нашего народа. А значит, необходимо было найти иные пути, чтобы абхазы не оказались поглощенными событиями, происходившими тогда в мире», – пишет кандидат филологических наук В. Ш. Авидзба.[1]

Книга Д. И. Гулиа своеобразным маяком для всех авторов газеты «Апсны» (газеты на абхазском языке, которая, несмотря на сильное давление грузинских меньшевиков, начала издаваться в Сухуме в 1919 году), стимулировала их к написанию художественных произведений, полемических и публицистических статей, причем некоторые из них актуальны и сегодня: стихотворение М. Лакрба «Послание Дмитрию Гулиа», рассказ Д. И. Гулиа «Под чужим небом», драма С. Чанба «Махаджиры», «Уже хватит» М. Лакрба, «Хоть и абхаз он», «Некоторые абхазские интеллигенты» Д. Алания и др. Так зарождалась абхазская литература. А вслед за ней и критика, т.к. она появляется тогда, когда сама литература достигнет определенного уровня.

Первая абхазская художественная книга получила и первых критиков, которые, правда, устно высказывали о ней свое мнение, отмечая ее значение для народа. Но об этой книге никто ничего не опубликовал в печати, несмотря на то, что она понравилась всем. Только спустя семь лет после появления книги Д. И. Гулиа стала печататься газета «Апсны», в которой впервые появились печатные критические статьи: полемика между Д. Алания, М. Лакрба и Д. Гулиа. Хотя эти статьи («Хватит уже» М. Лакрба; «Хоть и абхаз он», «Некоторые абхазские интеллигенты» – Д. Алания), в основном, касались вопросов политической жизни Абхазии во время господства грузинских меньшевиков, но, главное, в них уже противостояли мнения близкого по своему мировоззрению к большевикам Д. Алания и далекого от политики, опасавшегося раскола абхазов по классовому признаку (князья, дворяне и крестьяне) М. Лакрба.

Читатель этой полемики увидит в статьях Д. Алания и М. Лакрба, непримиримость позиций. Д. Алания подходит к своим умозаключениям с классовой позиции. Потому М. Лакрба упрекал его в том, что все, что Д. Алания делает для Апсуара,[2] теряется перед его любовью к пролетариату, ради этого он и старается. Но в этом М. Лакрба был не совсем прав. Д. Алания боролся против грузинских меньшевиков как раз ради того,

---

[1] *Журнал «Асаркьал» («Колокол»), №2, 2001, с. 8–10, на абх. яз.*

[2] *Апсуара – система норм поведения, мировоззрение абхазского народа. – Р. К.*

чтобы сохранилась Апсуара, делал все для независимости Абхазии. Об этом свидетельствует весь пройденный им славный жизненный путь. Это и тогда хорошо понимала вся абхазская интеллигенция.

На мой взгляд, ошибался и Д. Алания, так как не понимал, что вопросы, которые волновали его оппонента М. Лакрба, тоже являются частью Апсуара, родственны ей. М. Лакрба опасался, что события, развивавшиеся после Октябрьской революции в России (1917), словно огромный шторм в море, могут подмять под себя многострадальный и малочисленный абхазский народ, поэтому и выступал тогда против классового подхода.

В газете «Апсны» (№39, 13 ноября 1920 г., №41, 30 ноября 1920 г.) Д. Гулиа опубликовал две статьи, посвященные полемике Д. Алания и М. Лакрба. В первой статье читаем: «В №23 нашей газеты «Апсны» М. Лакрба написал статью под названием «Хватит уже». Когда Д. Алания написал ответ, М. Лакрба вновь ответил ему, так в четырех номерах развернулась полемика между авторами. Некоторые не столь образованные и ограниченные люди, увидев подобную полемику в газете, не имеющие понятия о том, что значит публичный спор, сказали: «их всего двое-трое, и они мол, не могут ужиться друг с другом». Услышав подобные разговоры, я тотчас же хотел написать о том, что это не борьба друг с другом, не ругань, но сдержался, надеясь, что об этой полемике кто-то еще пожелает высказаться в печати, но так никто не отозвался».

Эти слова Д. И. Гулиа показывают уровень тогдашнего абхазского читателя, свидетельствуют о том, что он не был еще подготовлен к полемике, к восприятию критики. Нужно было время, чтобы воспитать и подготовить читателя. Именно с этой точки зрения Д. Гулиа вмешался в полемику Д. Алания и М. Лакрба, и завершил ее, опасаясь, что их жесткий спор может завести далеко, к тому же, читатели могли не так понять эту дискуссию, несмотря на большой интерес к ней.

Д. Гулиа писал: «Обмен мнениями в газете рождает спор, выявляет истину и помогает делу. Это не является руганью».

Так, на страницах газеты «Апсны» (1919–1920), впервые в истории абхазской печати появилась полемика, как вид литературы. Мы можем с уверенностью также утверждать, что здесь мы впервые видим появление литературной критической мысли и умозаключений, поскольку полемика предполагает столкновение мнений. Но абхазской литературе понадобилось еще около десяти лет до появления первой литературно–критической работы.

После установления Советской власти в Абхазии число литературных произведений выросло, в своем большинстве, как это было принято тогда, они воспевали новую советскую власть, строительство социализма в СССР и Абхазии. Но целостного критического разбора состояния абхазской литературы, ее достижений и недостатков не было. Изредка появлялись небольшие рецензии и короткие заметки на страницах газет.

Классик абхазской литературы, писатель Иван Георгиевич Папаскир начинал в литературе, как и многие писателей, с поэзии, его первые стихотворения: «Темная ночь»,[1] «Апсны»,[2] «Крестьянин»,[3] «Сухум» и «Крестьянин».[4]

В стихотворении «Крестьянин» автор воспевал крестьянина, вышедшего из тьмы в светлое царство, убежденно говорил о том, что судьба его отныне будет безоблачной, Советская власть даст ему возможность жить собственным трудом. Но в художественном отношении произведение выглядело бедным, откровенно слабым. Это послужило поводом для полемики между автором «Крестьянина» и Владимиром Агрба.

В газете «Апсны капш» от 5 мая 1928 года Вл. Агрба опубликовал статью о сборнике «Созвездие» №1, в которой подверг жесткой критике стихотворение И. Папаскир «Крестьянин». Против этой статьи в той же газете в номере от 20 мая выступил сам И. Папаскир: «Он (Вл. Агрба – Р. К.) пишет, что «в стихотворении И. Папаскир «Крестьянин» кроме двух куплетов, все остальное не может ничем заинтересовать, очень плохо написано – несчастный, еле живой, смертельно уставший крестьянин, в жизни которого все плохо». Если стихотворение так плохо, как представил его автор статьи, думаю, что редактировавшие его люди заметили бы это и не пропустили. Но Агрба ошибся здесь, он далек от истины... В стихотворении описан тяжелый труд крестьянина, особенно в возделывании кукурузы, и он желает, чтобы установившаяся новая жизнь помогла ему облегчить труд».

Иван Папаскир утверждал, что в этом идея стихотворения. Но нельзя не заметить, что юный автор слишком болезненно воспринял критику тоже юного Вл. Агрба.

Полемика И. Папаскир и Вл. Агрба была в то же время более близка литературной критике, связана с ней конкретным фактом, нежели – Д. Гулиа, Д. Алания и М. Лакрба. А значит, стали про-

---

[1] *газета «Апсны капш» от 24 ноября 1924 г.*

[2] *Там же, 09 июня 1926 г.*

[3] *Там же, 05 мая 1928 г.*

[4] *Сборник «Созвездие» №1, 1928 г., приложение к газете «Апсны капш».*

являться проблески собственной абхазской литературной критики. К таковым следует, безусловно, причислить и короткие статьи талантливого абхазского поэта Леуарсы Квициниа, посвященные абхазской литературе и языку, национальному искусству, которые хотя и не так часто, но появлялись на страницах газеты «Апсны капш» и «Литературного журнала»: «Музыку нужно слышать, чтобы оценить»[1], «Это – позор»[2], «Абхазская поэзия»,[3] «Абхазия» (написана на русском языке, не опубликована – Р. К.). В этих статьях молодой поэт затрагивает важнейшие вопросы нашей литературной жизни, пишет о качестве произведений, их художественности, чистоте языка, о возможностях абхазской поэзии, принципах стихосложения, о необходимости пропаганды национальных песен и о других и по сей день актуальных проблемах.

Было еще несколько нерегулярно публиковавшихся небольших статей и рецензий критического характера на страницах газет, но они были способны, как говорится, лишь «промочить горло», но не могли никоим образом создать настоящую литературную критику.

Это посчастливилось сделать Хухуту Бгажба. На моем столе лежит книга, вышедшая в 1933 году «Критический взгляд на современную абхазскую литературу вкратце, с добавлением некоторых теоретических вопросов». С этой книги и начинается профессиональная абхазская литературная критика. Предисловие к ней написал русский ученый-историк А. В. Фадеев, преподававший тогда в Абхазской школе и работавший в Абхазском институте.

Первое издание книги содержало разделы: Предисловие (А. В. Фадеев); «Произведения Д. И. Гулиа и абхазская литература»; «Солнце взошло» – хорошая тематика для развития абхазской литературы»; «С. Я. Чанба и его драматургия»; «О вышедшем сборнике стихов – «Страна наша должна знать своих доблестных тружеников»; «Несколько слов о книге Л. Квициниа «Страна развивается»; «Новое победит – очень слабое произведение»; «О том, что должен знать тот, кто берется писать о теоретических вопросах»; «Что такое художественная литература»; «Несколько слов о стихосложении».

По названиям одних разделов можно судить об уровне, которого достигла абхазская литература к 1933 году. И уже ощущалась нехватка серьезного, профессионального критического анализа, да еще и так, чтобы это стало интересным не только

---

[1] *газета «Апсны капш от 24 ноября 1930 г.*

[2] *Там же, от 02 декабря 1930 г.*

[3] *«Литературный журнал», №/№3–4, 1938, с. 43.*

для абхазского читателя, заставило его задуматься. Не случайно, Д. Гулиа и С. Чанба связали выход в свет книги Хухута Бгажба (вспомним к тому же, как молод был автор) с началом абхазской литературной критики и дали ей высокую оценку. Вот что пишет в предисловии А.В. Фадеев:

«Абхазская литература, безусловно, рождена Советской властью. Раньше она и не могла получить развитие, так как вся страна полностью находилась под сапогом царского генерала, становившаяся национальная культура в самом начале безжалостно подавлялась и уничтожалась ядом великого русского шовинизма. Не увидев света, постепенно чахли абхазские народные сказания. Поколение выросшее из крестьян, недовольных царским режимом, испытывавших постоянную угрозу карательных экспедиций, опасавшихся, что их насильственно выселят из родной земли, эксплуатируемых помещиками и капиталистами, не в состоянии было заниматься развитием народного творчества.

Развитие художественной литературы тормозило и отсутствие грамотных читателей и образованных писателей.

Абхазский алфавит, созданный 70 лет назад Бартоломеем, преследовал своей целью обрусение абхазов и воспитание в них религиозного мировоззрения.

До революции этот букварь был непонятен для абхазских трудящихся.

Народ, как и прежде, оставался безграмотным. Приведенные попами в церковные школы немногочисленные абхазские мальчики занимались только изучением закона Божьего и церковных праздников по «абхазскому» учебнику, созданному для них русскими чиновниками и миссионерами.

Не было литературных кадров, а единицы абхазской интеллигенции в большинстве своем были оторваны от народа, они были воспитаны в полном согласии с той «культурой и цивилизацией», привезенной им на штыках царских солдат. Эти интеллигенты не были способны найти дорогу к новой жизни. Они могли только вспоминать с тихой тоской о прошлом абхазского народа, вздыхать по ней и лить слезы. Но будущего они не видели. Из-за жесткости колониальной политики русского царизма, державшего Абхазию в тисках беспредела, бескультурья и религиозного мрака, до революции только Дмитрий Гулиа стал первой звездой на еще темном небосклоне абхазской художественной литературы.

Но время не позволило Гулиа раскрыть свои поэтические возможности, до слуха его народа, окованного колониальны-

ми цепями, не доходило его слово. Художественная литература, начатая Д. Гулиа, еще не плодоносила, была лишь первой ласточкой. Но одна ласточка не может принести весну, и Гулиа в одиночестве не смог бы создать литературу для Абхазии.

В абхазской литературе наступила весна после установления Советской власти.

Не совсем твердыми были первые шаги абхазских писателей. Ассоциация пролетарских писателей Абхазии объединяла немало литературных кружков, но постоянно развивающейся и расцветающей абхазской художественной литературе не подходили формы и методы работы АППА.

АППА воспитывала литературную молодежь в пренебрежении к народным сказаниям, газетном схематизме. А также учила их форме письма, выбору тематики и выпуску теоретических проблем, подражая русским поэтам из «Кузницы» и «ЛЕФ»,[1] например, проблема абхазского стихосложения и т.д.

Несомненно, в ряды АППА встали и пустили крепкие корни молодые писатели: Л. Квициниа, Ш. Цвижба, Вл. Агрба.

Безусловно, «Солнце взошло» Вл. Агрба очень вдумчивое произведение, показывающее значительные социальные и экономические преобразования в селе.

Нет сомнения, что поэты Цвижба и Квициниа первыми заговорили острым, горячим комсомольским языком.

У этих авторов было «левое», не ленинское мировоззрение: пренебрежительное отношение к народным сказаниям, писать «по мировому масштабно», схематизм в показе новой жизни, космизм, плакатное изображение кулака и передового рабочего.

Ликвидация АППА и последовавшее за ней Постановление ЗСКК (б) от 23 апреля 1932 года о реорганизации литературных организаций Абхазии дали хорошее направление для дальнейшего развития абхазской художественной литературы. За последние годы мы имеем значительные достижения в создании новых полноценных произведений абхазскими авторами.

Когда-то Д. Гулиа мастерски показал образ «лишнего человека», тип абхазских Печорина и Онегина, вышедшего из среды дворян, князей и феодалов. Когда-то он создал абхазскую лирику. До сих пор занимает в ней первое место.

Ныне усиленно работает над теоретическими проблемами абхазской литературы – грамматикой, орфографией, стихосложением, но мы имеем право сказать, что ждем создания Дмитрием Гулиа еще более новых художественных литературных произведений.

---

[1] *Ассоциации пролетарских писателей в СССР 20-х гг. XX в. – Р. К.*

Самсон Чанба отходя от прежних ошибок, расставшись с ними, также затрагивает значительную пролетарскую тему. Понимая значимость классовой борьбы и строительство колхоза в абхазской деревне, он приступил к написанию повести «Сейдык».

Квициниа и другие из числа молодых поэтов, разобравшись в своих «левых» взглядах, принялись их исправлять. Они начали очень внимательно относиться к построению формы и стиля, изучению проблем, поняв всю глубину и богатство народного творчества, восприняли, чтобы использовать его критически, ибо народные сказания «объединяют всю жизнь трудового народа и его социально-исторический опыт. И пишущему человеку это необходимо знать, так как «писатель принадлежит своей стране и своему классу, он – их глаза и уши, является голосом своей эпохи. Насколько хорошо он понимает прошлое, настолько для него станет понятным настоящее время». (М. Горький)

Критически воспринимая народное творческое наследство, вооружаясь методом социалистического реализма, показывая социалистическое содержание эпохи, перевернувший сознание трудящихся великий социалистический процесс, абхазские писатели и поэты из всех сил должны воздвигнуть крепость абхазской литературы – национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Все это – направления в развитии абхазской литературы и ее перспективы – отражено в этой работе, написанной Х. Бгажба. В развитии абхазской литературы большим пробелом оставалась слабость критики, а критика «в процессе литературного развития должна быть в авангарде, стать направляющей силой» (М. Горький).

Новая критика должна учить начинающего писателя. Критика должна дать направление молодым писателям. Критика должна содействовать новому становлению прежних писателей.

Критика должна раскрывать классово враждебную идеологию и говорить об этом.

Работа Х. Бгажба является первой, анализирующей произведения видных абхазских писателей с точки зрения марксизма-ленинизма. Она охватывает критическим взглядом абхазскую литературу от первого поэтического сборника Д. Гулиа, вышедшего в свет в 1912 году до сегодняшних произведений абхазской литературы вкратце.

Работа Х. Бгажба пока является единственной в своем роде. Подобно человеку, делающему первые шаги, она в абхазской

литературной критике не то, что дорогу, пока и тропинку не успела проторить. Произведение Х. Бгажба является прекрасным предприятием в деле поиска этой тропинки, в выборе дальнейшего пути литературной критики.

Безусловно, эта книга не защищена от некоторых недостатков, возможно, кое-где есть и спорные вопросы, но, тем не менее, это ценный вклад в развитие абхазской литературы».[1]

В этом предисловии, как в зеркале отражено время, в котором оно написано. Какова была природа идеологии новой жизни, привнесенной Советской властью, мировоззрение людей, занимавшихся литературой, искусством и наукой во время социалистического строительства. Словом, как с классовых позиций, они воспринимали общественную жизнь во всех сферах.

Примечательно, что русский ученый с большим тактом и уважением написал предисловие к книге своего ученика. Я думаю, он видел, его талант, понимал, что Хухуту предстоит большой творческий путь.

Еще юношей Х. Бгажба узрел в еще молодой абхазской литературе – национальном духовном богатстве, проходившей стадию становления, будущую прекрасную перспективу. Понял, что она станет выразителем воли народа, пойдет по пути творческого развития. Впервые юный критик исследовал произведения основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа, проанализировал их во взаимосвязи с историей абхазской литературы, современностью и перспективами развития.

В книге впервые подымаются вопросы истории абхазской письменности в ее взаимосвязи с развитием абхазской литературы.

Хухут Бгажба, рассматривая историю абхазской письменности с момента создания первого абхазского букваря, подчеркивал ее отсталость и недостаточность для динамичного развития народа, объяснял это, прежде всего, объективными причинами – политикой, проводимой царизмом в Абхазии, которая содействовала расколу общества, не помогала развитию культуры и письменности малограмотного народа. Царская Россия была более заинтересована в распространении христианства, богослужения, внедрении церковных законов. В Российской империи господствовала идея: «Самодержавие, Православие, Народность» (конечно же, здесь речь шла, о русской нации). Писательское дело, обучение кавказских народов грамотности, имели целью распространение русского влияния на Кавказе.

---

[1] *См. Х. С. Бгажба. Критический взгляд на современную абхазскую литературу…, Сухум, 1933, с. 6–7, на абх. яз..*

«После реформы, проводимой в Абхазии в 1871 году, в дверь настойчиво стали стучать капиталистические отношения, привнесенные сюда на штыках солдат русского царя. И в Абхазии начал развиваться торговый капитал, в который постепенно втянулись князья и дворяне, феодалы, но необходимо подчеркнуть, что его развитие сталкивалось здесь с еще остававшимся старым феодальным устройством.

Верно, в Абхазии еще не было капиталистических отношений в полном смысле этого слова, но все шло к этому.

Поэтому новой жизни требовался образованный купец, дворянин, чтобы проводить капиталистические отношения. И этой новой жизни понадобилась грамота. И эта грамота не была направлена на просвещение трудящихся, она нужна была для примирения народа с этими новыми отношениями сверху, для воспитания его в религиозном духе, оправдания колониальной политики царизма и превращения абхазов в русских».[1]

В 30-е годы взгляд на присоединение к России не только Абхазии, но и всего Кавказа был определенным, может быть, даже односторонним. Иными словами, тогда вовсе не отмечались положительные стороны присоединения к России малочисленного народа (неважно насильственным или добровольным образом), не отмечалось прогрессивное значение. Безусловно, все тогда было направлено на осуждение самодержавия Российской империи, разрушенной и свергнутой в ходе революции. Всю беды валили на нее. Такой подход устраивал советских идеологов того времени. Но их суждения о том, что присоединение к России не содержало в себе ничего прогрессивного, несправедливы.

Народы и страны, вошедшие в ее состав, во-первых, обезопасили себя от чужеземных агрессоров, захватчиков и грабителей. К примеру, количество ныне непримиримых к России грузин из-за бесконечных войн с Турцией и Персией к 1801 году дошло до 600 000 человек (вместе с мегрелами и сванами), они были на грани исчезновения, а в настоящее время их около пяти миллионов. С другой стороны, насколько поднялся в этой стране уровень образования, получили развитие культура, литература, экономика.Благодаря России и другие народы также получили помощь, позволившую им сохраниться как нация.

Если говорить об абхазском народе, нельзя отрицать и прогрессивное значение присоединения к России. За более чем 200 лет совместного существования оно содействовало возрождению народа, его просвещению, возникновению письменности, развитию экономики, хозяйства и т.д. Вспомним и помощь, ко-

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд..., с. 7–8.*

торая нам оказала Россия русский народ, когда грузинские националисты в 1992–1993 годах навязала нам войну. И в нашей Победе огромна заслуга России, не говоря уже о признании независимости Республики Абхазия в 2008 году.

Но есть и вина. Махаджирство, которое пришлось пережить кавказским народам. Была опустошена тогда и Абхазия. Это – исторический факт. Но русский народ и его власти – не одно и то же. Отсутствие у абхазов политики, способствующей самосохранению, настоящей дипломатии, нехватка дальновидности.

Возможно, если бы в 1864 году последний владетельный князь Абхазии Ахмытбей (Михаил) не был бы сослан и оставался править своим народом, возможно последнее махаджирство не имело бы такого массового характера. Несмотря на наличие противоречий в слоях знати, тянувшей в разные стороны, народ был ему подвластен, и его слово оставалось значимым, а сам он был не только мужественным человеком, но и умелым политиком. К его мнению прислушивались везде на Кавказе, его уважали...

В 1933 году о роли Российской империи думали иначе. Х. С. Бгажба в разделе «Произведения Д. И. Гулиа и абхазская литература» отмечал, что «до установления Советской власти после возникновения письменности большей частью издавались церковные, религиозного характера книги, призванные распространять среди народа христианскую культуру. Правда, были изданы несколько брошюр о народном хозяйстве и здравоохранении, а также один учебник, но художественные литературные произведения Д. И. Гулиа очень редко публиковались. Затем в первой абхазской газете «Апсны» стали печатать произведения и статьи, маленькие рассказы, стихотворения, очерки, драматические произведения и другие публикации молодых авторов, ставших рядом с Д. Гулиа и С. Чанба. Это расширяло границы абхазской письменности.

Д. И. Гулиа начал литературную писать с 1905 года, его произведения стали появляться в печати с 1910 года в различных сборниках, в учебниках, а его отдельная книга, положившая начало абхазской художественной литературы, появилась в 1912 году».

Хухут, анализируя значение первой книги Д. Гулиа, подчеркивал, что «...«Стихотворения и частушки» разбудила народ, дала почувствовать впервые вкус к художественному слову, подобно одинокому, но немеркнущему лучу, осветила темный лес незнания, показывая дорогу к свету...».[1]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд..., с. 8.*

О предназначении своей книги Д. И. Гулиа четко говорит в самом ее начале:

Приятным словом весели людей
Говори мудрым языком,
Одну за другой новости
Рассказывай по-абхазски.[1]

«Условия жизни определяют знания человека. А условия жизни тогда были очень напряженными. В этой книге Д. Гулиа говорит о тех злодеяниях и бесчинствах, которые имели тогда место в жизни абхазского народа. Он раскрывает эти безобразия, борется с ними, стремясь, словом своим помочь искоренить их.

Проклятый Богом, становится вором,
Ненавистный народу, он им в душу плюет,
У сирот и нищих скот он крадет.
Богом и людьми будет он проклят.
К добрым делам не идет,
Возвращаясь вновь к злодеяниям
Но грех не оставит его без кары,
мучительным будет конец.

Бог, святыня, грех – вот тот набор оружия, которым автор пользуется в своей борьбе, но главное, в этом стихотворении Д. И. Гулиа раскрывает точным, емким словом зло, заключенное в воровстве. Не видя на земле поборников справедливости, обращается к высшим силам, чтобы страх угрозы перед небесными силами помог остановить эти безобразия в жизни общества».

Молодой критик, хорошо понимая высокий смысл, заключенный в книге Д. И. Гулиа, порой невысказанный открыто, но имевший огромное значение, впервые дал этому факту достойную оценку: «Книга убедительно показывает жизнь абхазского народа того времени, раскрывает ситуацию, в которой он находился. Говорит о тревоге и боли простых людей, их чаяньях о стремлении народа бороться за собственное выживание, самосохранение и независимость.

Автор ищет пути выхода из того мирового водоворота, в котором оказалось все общество в целом. Показывает, что все свои силы и знания абхазский народ стремится направить на борьбу против негативных процессов, противостояние социально-

[1] *Цит. по Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа., Сухум, 1965, с. 39.*

политическому неравенству. Книга давала понять людям, что для лучшей доли и светлой исторической судьбы народа путь к просвещению является единственно верным. И в этом главнейшую роль играли образование и писательский труд. Именно по этой причине книга Д. И. Гулиа была воспринята абхазским народом (хотя ученый и поэт М. Ласуриа в журнале «Алашара» под №12 от 1972 года пытается утверждать, не знаю почему, что она не имела широкого распространения среди народа – Р. К.), как знамя, под которым все встали.

Наилучшим путем для спасения нации стало появление художественной литературы, зачинателем которой был истинный сын Абхазии Дмитрий Гулиа. Литературовед и критик В. Ш. Авидзба отмечает:

«Всю свою жизнь от начала до конца Дмитрий Иосифович Гулиа посвятил становлению абхазской письменности, превращению своего народа в образованную нацию со своей письменностью. Он и его немногочисленные единомышленники понимали, что только создание абхазской письменности позволит абхазам не остаться на задворках истории, не быть оторванными от всего мира. Только она могла стать спасением и защитой абхазского языка. Инициаторы этого дела понимали, что серьезным препятствием самосохранения и дальнейшего развития являлось отсутствие письменности у абхазского народа. Знали, что из-за этого многие ценнейшие памятники духовной культуры абхазского народа навсегда были потеряны».[1]

Хухут всесторонне подошел к анализу произведений, вошедших в первую книгу Д. Гулиа, раскрыл множество проблем: о судьбе Родины, ее прошлом и будущем, литературе, культуре, просвещении и т.д. В заключение анализа отметил ведущую, определяющую роль Дмитрия Гулиа не только в становлении художественной литературы, но и в развитии культуры по социалистическому пути. В то же время заметил: «Но следует отметить, что после установления Советской власти вклад Д. Гулиа в художественную литературу крайне незначителен, очень мало им написано. У Дмитрия Гулиа еще есть силы, чтобы писать. Он еще многие способен встать рядом с нами, молодыми, и работать».[2]

С одной стороны, эта мысль во многом кажется верной. Вот что пишет доктор филологических наук, профессор С. Л. Зухба: «Если говорить о Дмитрии Гулиа, то он, особенно, в раннем периоде своей жизни (до Великой Октябрьской революции и

---

[1] *Д. Гулиа. Стихотворения и частушки…, с. 3–4.*

[2] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд …, с. 21.*

установления Советской власти в Абхазии) не был из тех, кто увлекался и был очарован идеями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Хотя он глубоко не изучал и не проникался их идеями, но мы не можем сказать, что вовсе не был знаком с ними.

Нет слов, в сознании Дмитрия Гулиа произошла революция. По прошествии многих лет он вынужденно стал сторонником Советов (да и кто б ему позволил поступить иначе!). Ему не дали бы и шагу ступить, если он попытался высказать мнение, идущее вразрез с советской идеологией, тогда он сделал бы хуже и для своего народа, да и себя погубил. Неудивительно, что он вел себя крайне осторожно, взвешивая каждое свое слово. Чтобы достойно завершить когда-то начатый им путь (в основном, просветительский), Дмитрий Гулиа порой пользовался компромиссами. Иначе он не смог бы двигаться дальше».[1]

И действительно, за долгие годы после установления Советской власти и начала новой жизни Дмитрий Гулиа не создал ни одного не только значительного произведения, но и более или менее заметного стихотворения. В этот период он усиленно работал над абхазской орфографией, проблемами истории и этнографии Абхазии и т.д., так, напомню, «Истории Абхазии» была издана в 1925 году.

По выражению Сергея Зухба: «Дмитрий Гулиа, если и не противостоял новым законам, (да он и не был в силах сделать этого) то, и не встретил их с распростертыми объятиями».

Я мой дорогой читатель не во всем согласен с профессором С. Зухба, так как думаю, что для Д. Гулиа сыграл роль и тот факт, что он прекрасно понимал цену той свободы, которую абхазский народ получил, благодаря установлению Советской власти. Это позволило абхазам восстановить свою государственность, которая существовала издревле.

С другой стороны, замечание молодого критика, получившего образование в советское время и воспитанного в его духе, к произведениям Д. И. Гулиа его с позиций той идеологии, не лишено основания и не должно вызывать удивления. Спустя много лет после этого в своих работах и монографиях, посвященных жизни и творчеству Дмитрия Гулиа, Хухут, безусловно, отказался от вышеприведенных замечаний, мы их нигде не встречаем. Дмитрий Гулиа «Огромен и значителен труд Дмитрия Гулиа на ниве абхазской литературы. Потому мы вправе сказать, что Дмитрий Гулиа – дедушка абхазской литературы. Абхазские молодые писатели обязаны, критически воспринимая то, что привил в абхазской

[1] *С. Л. Зухба. Если бы не великий Дмитрий..., Сухум, 2004, с. 11–12, на абх. яз.*

литературе Дмитрий Гулиа. Развивать его начинания дальше, создавая созвучные новой жизни, наполненные коммунистической идеологией великую художественную литературу».[1]

В книге Х. Бгажба заметное место занимает статья, посвященная создателю абхазской драматургии Самсону Чанба. Она называется «Самсон Чанба и абхазская драматургия». В этой статье впервые подчеркнуто было сказано о нем как родоначальнике абхазской драматургии, о том, что написанные в этом жанре его произведения «Махаджиры», «Апсны-Ханум», «Один из прошлых дней», «Киараз», «Победа» и др.) стали значительным явлением для нее. Хухут прекрасно понимал, что становление полноценной национальной художественной литературы невозможно без развития, хотя бы наличия, всех жанров, присущих ей. Потому он особое внимание в своей книге и уделил произведениям первого абхазского драматурга.

«С. Я. Чанба начал писать более 15 лет назад, но в мире литературы стал известен только после установления Советской власти. С первого же своего произведения С. Я. Чанба проявил себя как зрелый, профессиональный драматург. Благодаря произведениям С. Я. Чанба, в широком поле абхазской драматургии был «вбит впервые крепкий кол». Через свои драмы, комедии, фарсы Чанба раскрывал недостатки и горести абхазского народа, его тяжелое положение под властью российского государя, насильственное выселение абхазов в Турцию. Он также показывает тяжкую долю народа во время господства безжалостных меньшевиков».[2]

К анализу исторической драмы «Махаджиры», написанной С. Чанба еще до Советской власти, молодой критик подошел с современной ему точки зрения. Он оценивал историческое значение произведения, но отмечал: «Махаджиры» написаны, как историческая хроника, и это обстоятельство ослабляет ее драматическую силу... Драма «Махаджиры» не вызывает упадочных настроений, она зовет человека к борьбе, усиливает ненависть к врагам и настраивает против несправедливости».[3]

Историческая драма С. Чанба посвящена трагедии, произошедшей с нашим народом, но она, как справедливо отмечает молодой критик, возрождает надежду в том, что когда-нибудь появятся силы, способные вернуть на историческую родину наших соотечественников, оказавшихся по воле судьбы за морем. Источники этой надежды – единство и борьба.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд …, с. 22*

[2] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд …, с.33..*

[3] *Там же.*

Хухут Бгажба проанализировал и другие произведения Самсона Чанба: «Апсны-Ханум», «Один из прошлых дней», романтическую поэму «Дочь гор», посвященные времени господства грузинских меньшевиков в Абхазии:

«В этих произведениях поднимаются вопросы, связанные со свободой и независимостью Абхазии. Произведение «Апсны-Ханум» написана языком символов. В ней Апсны-Ханум символизирует Абхазию, ее свободу...

Раскрывающее тяжелое время господства грузинских меньшевиков в Абхазии, драматические произведения С. Чанба «Апсны-Ханум», «Один из прошедших дней» и поэма «Дочь гор» пронизаны высоким духом патриотизма, они зовут народ к борьбе и объединению».[1]

Подобные мысли есть в первой критической работе Х. Бгажба. Но время, ее написания разнится со временем, когда были созданы эти драмы, не перекликается с ним.

Советская власть, строила социалистическое общество, народ рассматривался как единое целое, и уделять особое внимание боли одного народа, заниматься исследованием его прошлого не поощрялось идеологией коммунистического режима. Потому подробное исследование политики, проводимой грузинскими меньшевиками в Абхазии, которую показывает в своих произведениях С. Чанба, становилось «не модным». Вот эта «не модность» и отразилась в статье молодого критика, особенно в некоторых оценках.

Важно другое, Х. Бгажба в целом высоко оценивает творчество основателя абхазской драматургии и его значение: «Самсон Чанба может писать и на русском языке. Большинство его произведений написаны на русском… Недавно приступил к написанию новой повести «Сейдык» на русском и абхазском языках. В основе повести – коллективизация села и связанная с ней классовая борьба. Молодые драматурги черпают в произведениях С. Чанба много полезного для себя – прекрасно сложенный художественный язык, лаконичность, точность и емкость слова.

В абхазской литературе С. Я. Чанба наиболее сильный и состоявшийся драматург, благодаря его произведениям была заложена основа абхазской драматургии. Можно сказать, что история абхазской драматургии начинается с его произведений. С. Я. Чанба – один из основоположников абхазской драматургии».[2]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд…, с. 38.*

[2] *Там же, с. 34.*

В своей книге Хухут акцентирует внимание на стихотворениях молодого поэта Вл. Агрба и его повести «Рождение колхоза «Вперед». Несмотря на немалые критические замечания, в целом критик положительно отзывается о произведениях Вл. Агрба, считая их замечательным вкладом в абхазскую литературу.

Статья «Два слова о книге Л. Квициниа «Страна развивается» посвящена талантливому юному поэту, вошедшему в абхазскую молодую литературу. И здесь молодой критик убежденно, с радостью говорит о том, что появился поэт, способный создавать замечательные произведения, перекликающиеся с новым временем, соответствующие его ритму. Он приветствует появление «новых кадров в писательстве»: «...Леуарса является сильной опорой в современной абхазской литературе, хотя начал писать не так давно. Но в течение короткого времени проявил немалые возможности (этим я вовсе не собираюсь скрывать его недостатки). Поэт берется за значительные, всеобъемлющие темы, и мы вправе ждать от него многого».[1]

Критик не ошибся. За короткое время Л. Квициниа удалось много достигнуть в национальной литературе, но, к великому сожалению, жизнь оборвалась очень рано. Он погиб во время Великой Отечественной войны.

Подчеркивая удачные и положительные стороны произведений поэта, воспевавших новое время, Хухут Бгажба критиковал стихи с точки зрения художественности и формы, отмечал, что молодой поэт излишне увлекаясь формой стихосложения великого В. В. Маяковского, не сумел плодотворно использовать ее. Чтобы подобное замечание не осталось пустословием, оно подтверждалось убедительными примерами. При этом Хухут Бгажба был убежден в том, что молодой поэт способен создать значительные для развития национальной литературы произведения.

В книгу вошла и маленькая рецензия под названием: «Новое победит» – очень слабое произведение». Статья П. Чкадуа занимает всего страницу, и говорится в ней, как видно из названия, о недостатках повести.

«Новое победит – так называется книга, написанная П. Чкадуа. О содержании долго не буду распространяться, но хочу сказать несколько слов о том, как она написана. В первую очередь нужно отметить, что произведение П. Чкадуа настолько далеко от художественности, что говорить о конкретных недостатках не представляется возможным, так бедно и слабо оно

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд …, с. 56.*

построено, классовая борьба изображена поверхностно. В нем нет динамики действия, некие люди, словно тени, разговаривают на сцене, не одеты, не обуты, не имеют конкретно выраженной внешности. О чем же они говорят? Слова, в которых нет ни тени поэтической эмоции. Он полностью записывает слова докладчика, выступающего на народном сходе, это очень мешает художественному письму. Зачем нужно полностью воспроизводить двухчасовую речь докладчика? Может, это – стенограмма? Возможно, но это наводит скуку на читателя, есть и ошибочные с точки зрения политики, слова. На седьмой странице читаем: «Российский царь не смог использовать это богатство». Это вовсе неправильно. Не потому, что не смог, он не хотел этого делать, так как российский царь имел Абхазию как сырьевую колонию. Он здесь не развивал производства, чтобы трудовой народ оставался в темноте, и легче было его эксплуатировать. Вместо живого настоящего образа, мы видим в этой книге тени людей, которых невозможно коснуться, ощутить, как бы ни старался. А значит, в них нет жизни, а природа проходит мимо автора, вовсе не удостоившись его внимания. Как бы то ни было, настоящая жизнь не получила отражения. Товарищ Чкадуа очень слабо владеет пером, нет мастерства, хотя им и выбрана хорошая тема. Однако, какая от нее польза, если произведение так и осталось и «не небесным» и «не земным». Слабая форма, а это ослабляет и содержание. Без единства формы и содержания произведение не станет художественным, будет абсурдным, абстрактным. Такое сочинительство превратится в простое бумагомарательство. И стихотворения должны быть красивы по форме, написаны в стихотворном размере. Эти же стихи в большинстве своем написаны политическим, а не художественным языком. П. Чкадуа в «Новое победит» не смог раскрыть поднятую тему, словом, получилось так, как говорит Ш. Цвижба:

В невиданной никому еще форме написал он,
Спорят все – повесть или очерк,
Да, оставьте, Бога ради, это
И не то оно, и ни се…».[1]

Необходимо отметить, спустя много лет повесть Платона Чкадуа была переиздана уже в заметно исправленном, обработанном виде. Все замечания критика были учтены в новом издании.

[1] *Х. С. Бгажба. Критический взгляд…, с. 65.*

Впервые в своей книге Хухут Бгажба затронул вопросы теории художественной литературы, с которыми необходимо было бы быть знакомыми молодому начинающему абхазскому писателю. Критик дал понятие художественной литературы, рассказал о ее значении, целях и задачах, отметил жанры литературы. Писал о «легкости» письма, источниках писательских идей, о его внутреннем багаже, отличии стихотворчества от прозы, о том, что и как нужно писать.

Все свои теоретические умозаключения Хухут подтверждал примерами из литературы, в основном, абхазской, но изредка прибегал к произведениям великих русских поэтов.

Необходимо подчеркнуть, что Хухут Бгажба преподносил читателю теоретический анализ художественных произведений на родном языке, отдавая себе отчет в новизне этого дела, старался быть понятным и доступным, думал о несомненной пользе для начинающих писателей. Так выпускник средней школы, не будучи еще даже студентом, вошел в многогранный мир литературы.

Это как нельзя лучше подтверждает последняя часть его книги, которая посвящена самой сложной во все времена проблеме – стихосложению. На страницах газеты «Апсны» (1919–1920) появлялись несколько статей, частично затрагивавших эту проблему (авторы Л. Квициниа, М. Хашба, М. Лакрба, Ш. Цвижба), но до глубинных «тайн» они не были доведены, лишь немного затронули природу абхазского стиха.

Хухут Бгажба провел серьезное глубокое теоретическое исследование, касался не только законов стихосложения в абхазской поэзии, но и в общем раскрывал их. Он сумел рассказать о конструкции стиха, из чего он соткан, его критериях, о том, что называют метрикой стиха.

Молодой критик впервые создал схему критериев абхазского стихосложения, подтвердил ее примерами, сделал понятной и доступной для начинающего поэта. Известно, что великолепно зная принципы стихосложения, можно так и не создать ни единой живой поэтической строки, если природа не дала поэтического таланта. Но теоретические вопросы предназначены для тех, в ком горит поэтический огонь. Проблемы стихосложения представлены в разделах книги: «Несколько слов о стихосложении», «Определение стопы», «Определение размеров», «Ямб», «Двойной ямб», «Дактиль», «К фибре», «Анапест» и «Рифма».

Эта первая работа, посвященная принципам абхазского стихосложения, имела действительное практическое значение.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ШАГИ

Большой интерес представляют воспоминания друзей и коллег Хухута Бгажба.

Ученый Сергей Зухба вспоминает:

«Когда я впервые пошел в школу (1943 год) книг, конечно, не хватало! Вся школьная библиотека умещалась в одном маленьком шкафу. И он стоял в учительской, так что до окончания второго класса я так и не смог в него заглянуть. Смутно помню, что среди тех книг в шкафу не было ни одной, предназначенной для начальных классов. Мои две сестры и брат были старше меня. Выучив буквы, я часто рылся в их учебниках.

Учительница говорила нам, чтобы мы читали книги вслух, считая, что так легче воспринимается текст и лучше развивается язык. Я так и делал. Я читал все, что попадалось под руку, независимо от того, понимаю или нет. Но до третьего класса не обращал никакого внимания на автора книги, просто не думал об этом. Считал, что книга – чудо, и в голову не приходило, что кто-то ее может написать, а затем напечатать и так далее…

Я уже окончил второй класс. Нас еще не перевели на грузинское обучение. В один из летних дней, пролистывая книги моего старшего брата (он учился в 5 классе), лежавшие на столе в зале нашей акуаскьа, я увидел напечатанное в одной из них произведение под названием «Удачной охоты, дад!» Оно было коротким, я сел и с удовольствием принялся читать вслух. Отец, вернувшись в полдень с работы, услышал мое чтение. Конечно, я еще не мог читать быстро и складно, видно запинался, с трудом складывая буквы. Отец слышал мой голос, но промолчал, делая вид, что не обращает на меня внимания. Читать и писать он не умел, но и раньше замечал, что ему нравилось, когда я читал вслух.

Позже, когда сели обедать в амацурта, отец спросил меня: «Дад, кто автор того, что ты недавно читал?» Я растерялся и не знал, что сказать, словно чувствуя вину за то, что не могу сразу ответить отцу. «Да, разрази его молния, когда что-то читаешь, оказывается, есть и некто, кто написал это, значит и его нужно знать», – подумал я тогда.

После этого маленького происшествия, я узнал, что автором рассказа «С хорошей дичью, тебя, дад!» является Х. Бгажба. Когда об этом рассказал отцу, он весь просветлел, видно было, что обрадовался.

– Дай Бог, ему счастья, наверное, он – сын Салумана Бгажба. Он воспитывался здесь у нас, по соседству, в Арасадзыхье

у своих дядей. Много хорошего слышал о нем. Видел его маленьким, говорят, выучился, стал большим человеком, давно не видел его. Бгажбовцев мало, но они чистокровные крестьяне и смелые люди, – так отец рассказал о роде Бгажбовцев как человек, знающий их довольно близко.

Из слов отца я тогда понял, что Х. С. Бгажба родом из села Гуп, его отец Салуман Бгажба героически отомстил за брата и о нем народ сложил песню…

Я был потрясен, чувствовал себя, будто заглянул в совершенно новый для меня мир, далекий, до которого я не мог дотянуться, и вот-вот, как внезапное озарение, совершенно явно прояснилось в мозгу. Помимо всего, еще был удивлен тем, что прототип главного персонажа из рассказа «С хорошей дичью, дад!» Кямшишь Гварамия (Кьамшьышь Гәарамиа) из нашего села, живет в поселке Аджампазра, и мой отец хорошо знает его. Безусловно, в рассказе Х. С. Бгажба конкретно не называлась фамилия этого человека.

Кямшишь Гварамия прожил более ста лет. Всего несколько лет назад ушел из жизни. Он был охотником, пастухом и великолепным рассказчиком. И я, не раз встречался с ним, когда стал взрослее, но, к сожалению, так и не собрался, как следует записать на бумагу все, что он знал и мог рассказать.

В детские годы только тогда, в связи с этим маленьким событием, я впервые услышал имя Хухута Бгажба. Скажу честно, десять лет после этого мне не попадалось ни одно его произведение. Да и как это могло быть, если мы с сентября 1945 года стали учиться на грузинском языке. Изредка в нашем селе старики говорили о нем, рассказывали о подвигах Салумана Бгажба, но всему этому я тогда не придавал значения.

В 1954 году, окончив Пакуашьскую (Пақәуашь) среднюю школу, я приехал в Сухум, чтобы поступить в Сукхумский пединститут на только что открывшийся абхазский сектор филологического факультета. На вступительных экзаменах по абхазскому языку и литературе председателем приемной комиссии был Х. С. Бгажба. Только тогда впервые лично увидел его.

Через два дня после письменного экзамена мы сдавали устный. Мне пришлось отвечать члену комиссии Ш. Д. Инал-ипа, сидевшему поодаль. О нем я тоже был наслышан, но ни разу до этого не видел. До сих пор помню, что из трех вопросов в билете, который я поднял, хорошо знал два. На третьем вопросе запнулся. Это была повесть Киазыма Агумаа «Узник». Мне показалось, что экзаменатор Ш. Д. Инал-ипа излишне строго забросал меня вопросами, загоняя в угол. Я же не смог рассказать

подробно, как ему того хотелось, о главных образах «Узника». Я стоял перед ним, обливаясь потом, и думал: «Плохи мои дела!»

Оказывается, по письменному экзамену я получил уже пятерку, и Ш. Д. Инал-ипа, видя, что мой устный ответ не дотягивает до высшего балла, решил посоветоваться с председателем комиссии о моей оценке.

– Аа, товарищ[1]! Если Зухба по письму получил пятерку, поставь ему и за устный экзамен ту же оценку! – сказал, улыбаясь Х. С. Бгажба.

И все. Эти его слова решили мое дело и определили дальнейшую жизнь. Они и сегодня звучат в моих ушах. Трудно сказать, как бы она сложилась и куда меня забросило, если бы не получил тогда «пятерку».

Пять лет пока я учился в Сухумском институте, видел Хухута Бгажба издали, не раз слушал его выступления и доклады на собраниях писателей, читал все его статьи, которые печатались на страницах газет и журналов, все книги. Его основной специальностью являлось языковедение, он также активно занимался литературоведением. Очень скоро узнал, что Х. С. Бгажба считается первым абхазским литературным критиком. В возрасте 19 лет написал и издал первую абхазскую литературоведческую работы. Его полушутя называли «абхазским Белинским», да и на самом деле, слово его значило много. К чему скрывать, многие боялись его принципиальности в литературной критике.

Я узнал его близко, когда по окончании высшего учебного заведения начал работать в Абхазском институте. В этот институт тоже попал, благодаря ему, он тогда был его директором. Мы вместе проработали до конца его жизни.

Еще один нюанс. Дело в том, что во времена Советской власти индивидуальным, личностным качествам не придавалось большого значения. Человека в основном ценили по общественной значимости его работы. Главным считалось то, что имело общественное значение. По этой причине личные и человеческие качества наших ученых и писателей, их судьбы оставались вне поля зрения, не отражены в печати и оказались недоступными для последующих поколений.

Из того, что я слышал о Х. С. Бгажба до того, как стал работать в Абхазском научном институте, было что-то верно, но и немало лжи. Знал о его строгости, принципиальности и дисциплинированности. Это соответствовало действительности. Нельзя было опоздать на работу, нужно было находиться на рабочем месте с девяти утра до шести вечера. Конечно, это не

[1] *По абх –аҧыза – исторически не имеет политической окраски. – Р. К.*

он придумал, по всей стране был заведен такой порядок. Но он не давал спуску тем, кто не относился с душой к работе, пытался отлынивать, находил какие-то причины и в полной мере не исполнял своих обязанностей. Сам же неукоснительно соблюдал тот режим. Я ни разу не видел, чтобы он проводил время в коридорных разговорах. Всегда сидел в кабинете, работал над своими и чужими рукописями. Примечательно, что свои рукописи он безжалостно исправлял, перечеркивал и переписывал дважды, трижды… Ни одной строчки он не предлагал в печать, пока не отшлифует как следует. Это было его главной чертой до последних дней жизни. Уже последний вариант рукописи он готовил к печати тщательно, можно сказать, красиво, чтобы читать было с удовольствием.

Я не знаю как в других странах и у других народов, но считаю, что у нас, абхазов, во взаимопонимании и общении людей хотя бы немного образованных и неграмотных существуют своеобразные, довольно трудные отношения. Вспомним показательный в этом смысле образ Даута – персонажа из драмы Дмитрия Гулиа «Призраки». Он немного образован, даже пишет стихи, немало путешествовал за пределами Абхазии, но, не только в народе, его не могут понять даже родные. Не могут понять друг друга, говорят совершенно на разных языках немного образованные и неграмотные люди в рассказе Мушни Хашба «Хай, дад, писарь, что за компания, не скажешь ли?!» Вы же помните что за трагикомическая ситуация сложилась в том рассказе из-за того, что по разному поняли значение слова «компания»!

Это очень большая проблема. Не стану здесь в нее углубляться. Но неслучайно заговорил о ней в связи с именем Х. С. Бгажба. Было много моментов, когда нашего великого ученого не понимали или не хотели понять, в особенности, те, кто был должен это сделать.

Многим, начиная с тех, кто нарушал, дисциплину, а он им этого не прощал, не нравилось, что он призывал ученых и писателей к высокой ответственности, требовал, чтобы честно исполняли свою работу. Словно он заставлял батрачить на себя. Он хотел лишь, чтобы они становились лучше.

Х. С. Бгажба принципиально не был согласен и с теми, кто любой ценой пытался понравиться, опуская себя до уровня каждого и стремясь делать только то, что может кому-то понравиться. Он не умел говорить одно, а делать другое, был не из тех, кто может «с яблони перескакивать на грушу». Однако нельзя сказать, что Бгажба был консерватором. К новым яв-

лениям в жизни, науке и литературе был необычайно чутким, воспринимал мгновенно.

Умел и любил шутить, смеялся заразительно.

Мы с ним не раз вместе ездили в научные командировки в Москву, Тбилиси и другие города. В дороге с ним я был спокоен, словно «за каменной стеной». Он умел себя вести, как подобает, всегда знал, что и как говорить. Был и хлебосольным человеком, хотя и не любил, как некоторые, бахвалиться этим. Я слышал, что он раньше курил, но к нашему знакомству уже бросил. Вино употреблял умеренно, и только качественные. Денег много никогда не получал, да и не стремился к этому, но если вы пришли с ним в ресторан, платил сам, не позволяя никому другому.

К доброте и справедливости Х. С. Бгажба относился отнюдь не в примитивном их значении. Только люди с сильным характером обладают высокими принципами, и бывают ответственно добрыми и справедливыми. Не всем это дано. В моей памяти Х. С. Бгажба навсегда остался внутренне собранным, духовно богатым, сильным и смелым человеком. Он ненавидел ложь и фальшь.

Общеизвестно, что исследование вопросов языка сопряжено с особыми трудностями. В этом отношении все, чего касался и затрагивал Х. С. Бгажба, было взвешено тщательнейшим образом. Свои мнения и выводы процеживал, словно молоко. Кто в этом мире прожил жизнь в работе, не сделав ошибок? Если по-человечески сказать о допущенной ошибке и убедить его научно, Х. С. Бгажба мог нормально воспринять замечание, он не был самодовольным человеком. Убивало его, хотя он крайне редко показывал, внутренне несправедливое отношение к нему.

Нужно отметить и другое: нет ни одного другого ученого, который смог, как Х. С. Бгажба, сохранить столько произведений абхазских писателей, которые могли быть утеряны безвозвратно. Начиная от произведений основателя нашей национальной литературы Дмитрия Гулиа, он собирал их в своей личной библиотеке. Благодаря ему увидели свет произведения Самсона Чанба, Андрея Чочуа, Владимира Маан, Семена Бжания, Леонтия Лабахуа, Дмитрия Маан, Владимира Агрба, Отара Демердж-ипа, Антона Чукбар, Арсена Хашба и др. Он сам готовил их к печати, писал предисловия и примечания.

У меня в памяти множество конкретных фактов, свидетельствующих о безупречном литературном вкусе Х. С. Бгажба.

В одно утро, придя на работу в институт, я, как обычно, зашел в библиотеку, чтобы просмотреть свежие газеты. Тогда в

Абхазии выходили три областные газеты («Апсны капш», «Советская Абхазия» и «Сабчота Апхазети»). В районах издавали также по одной газете. В большинстве своем в них печатались серые, неинтересные, набившие оскомину официальные материалы. Но с тех пор, как мой однокурсник, талантливый прозаик и журналист Анатолий Возба стал работать в Гудаутской районной газете «Бзыбь» («Бзыц»), она стала более живой и интересной, тем самым, выбиваясь из общей массы газетной продукции. Итак, взял в руки свежий номер «Бзыбь», в надежде найти новый материал Анатолия. В это время вошел Х. С. Бгажба.

– Что это у тебя в руках? – спросил он после приветствий.

– Смотрю, нет ли в этом номере материала моего друга Анатолия Возба. Они украшают газету.

– Да, ты прав, товарищ! Возба талантливый человек, но в «Бзыби» не хуже его пишет и некто А. Кыжв-ипа (Қыжә-ица) – сказал Х.С. Бгажба.

Честно говоря, я был очень удивлен. Не предполагал, что Х. С. Бгажба обратил серьезное внимание на эти газетные статьи в «районке».

– Хухут Салуманович! Этот Кыжв-ипа и Анатолий Возба один и тот же человек! – сказал я, улыбаясь.

– А, тогда прекрасно! – воскликнул он, явно довольный услышанным.

Старшее поколение ученых, с которыми я работал в Абхазском институте, включая и Х. С. Бгажба, были честными и чистыми людьми. Несмотря на разность характеров, творческих и научных возможностей, талантов, в моей памяти они все остались достойными и благородными людьми. Человеческая порядочность и благородство – главные качества, которые объединяли таких людей, как Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, М. М. Трапш, А. Ф. Хонелия, Ц. Н. Бжания, Б. П. Джанашиа, Г. З. Шакирбай (Шьакербаи), Л. Н. Соловьев и др. Мы, младшие были уверены в том, что они относятся к нам, как к кровно близким, родным людям. А Х. С. Бгажба, не хуже других, служил для нас всегда примером своей порядочностью, благородством и высокими знаниями.

Когда человек молод, сила опережает разум, он готов и горы свернуть. Я, автор этих строк, в молодости был максималистом, не представлял себе, как можно пройти мимо лжи, примириться с несправедливостью, видя, на чьей стороне правда. Бывало нас с моими сверстниками в поисках справедливости порой и заносило, тогда Х. С. Бгажба отечески нас сдерживал. Тогда я

не понимал этого. Не мог, как следует до конца воспринять и следовать его советам. Если бы я прислушивался тогда ко всему, что он мне советовал, сейчас был бы гораздо лучше. Но что поделать!

Хухут Салуманович не только давал советы молодым, но читал и их рукописи, сидел над ними и исправлял. Он старался привлечь многих молодых к науке, подбадривал, воодушевлял их, не получалось только с отъявленными лентяями, но что с них взять? Он сначала определял возможности каждого и только потом втягивал его в ту работу, которая тому была по силам. Когда ты молод, мудрый человек может понять тебя лучше, чем ты себя. Бывало, я брался за непосильную работу. Х. С. Бгажба предлагал делать только то, что мне было по силам. Приведу один пример.

Окончив вуз с красным дипломом, я стал работать в Абхазском институте. Вскоре после этого Х. С. Бгажба посоветовал мне составить сборник Михаила Гочуа. Из его произведений я тогда знал только стихотворение «Кузница Дыгуа». Оказалось, Михаил Гочуа собрал и записал много памятников народной поэзии. Его перу принадлежат прекрасные переводы на абхазский язык «На дне» М. Горького и «Лауренсия» («Овечий источник») Лопе де Вега. Совершенно не знал его биографии. Но Х. С. Бгажба не просто «бросил» мне: собери творческое наследие Михаила Гочуа, он дал мне направления поиска, где и как найти. Благодаря этому, стал возможным выход в свет сборника произведений Михаила Гочуа в 1962 году. Эта книга давно уже нуждается в переиздании.

Х. С. Бгажба занимался не только абхазским языком, фольклором и литературой. Он очень глубоко знал историю и этнографию Абхазии. Об этом хорошо свидетельствуют его работы о старинных абхазских родах и топонимике Абхазии. Особо следует отметить статью, которую Х. С. Бгажба опубликовал в ответ на книгу грузинского литературоведа Павле Ингороква «Георгий Мерчуле». Теперь некоторым кажется этот поступок незначительным, но в сложившихся в тот период трудных обстоятельствах, чтобы написать и напечатать такого рода статью, требовалось и мужество, и подлинно научные знания. Настоящих обладателей смелости и знаний не только тогда, но и сейчас немного.

Слово о Х. С. Бгажба я начал с упоминания его рассказа, написанного в юношеские годы – «Удачной охоты, дад!» Этот рассказ с тех пор нигде не печатался и мало кто знает о нем. Сам автор относился к нему с иронией, считая его малозначитель-

ным. «Не было детских рассказов, чтобы мы могли включить в учебник, вот и написал», – как-то обронил он в разговоре со мной. Х. С. Бгажба. Он писал и стихи, некоторые из них напечатал, подписывался под псевдонимом Мзауч Абрыскил. Нет никакого сомнения, что если бы он не увлекся наукой и литературной критикой, то и на писательском поприще также сумел бы сказать свое слово.

«В 1909 году эта азбука была усовершенствована народным учителем Андреем Максимовичем Чочуа, с именем которого тесно связаны ростки просвещения и культуры абхазского народа. Вместе с основоположником абхазской литературы народным поэтом Д. И. Гулиа – А. М. Чочуа является в настоящее время одним из популярных работников культурного фронта Абхазии».[1]

В «Очерках...» помимо анализа и высокой оценки произведения Д. Гулиа «Стихотворения и частушки» уделяется большее внимание второму его сборнику «Письмо парня и девушки» (1913 г.). Хухут Бгажба отмечает расцвет поэтического дара Д. Гулиа, «пробившего себе дорогу как чистый горный источник». Он особо подчеркивает художественные достоинства поэмы «Письмо парня и девушки», рассказывающей о чистой и сильной любви, отмечает, что это – первая любовная лирика в абхазской поэзии: «Произведение необыкновенно живое, жизнеутверждающе веселое. Автор умело использует абхазскую народную устную поэзию в создании поэтических образов, в сравнениях. Имеет свой ритм, неповторимый голос, богат эвфониями, рифмы легко сочетаются, и удивительно хорошо воспринимается».[2]

Хухут Бгажба отмечал, что газета «Апсны» говорила о роли просветительства, о борьбе народа за независимость, разоблачала вредные привычки, опутавшие народ, как: многолюдные свадьбы, излишне помпезные похороны и поминки, кражи и лжеучения. Не случайно было и то, что вокруг Д. И. Гулиа в газете сплотилась патриотически-настроенная молодежь, искренне болевшая душой за свой народ. О растущей славе Дмитрия Гулиа и его тесной связи с абхазской молодежью говорит и стихотворение Михаила Лакрба «Послание Дмитрию Гулиа», напечатанное в газете «Апсны» за №6 в 1919 году.

В Очерках...» уделяется внимание и деятельности Дмитрия Гулиа, как руководителя абхазского литературного кружка, редактора рукописного журнала «Шарпецва»(Шарпецәа),

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 8.*

[2] *Там же.*

который выпускался силами молодых авторов талантливых к сочинительству.Кружок объединял их, связывал в одно целое творческую искру и огонь патриотизма, служило серьезной опорой для становления .молодой абхазской художественной литературы.

Хухут Бгажба в «Очерках...» выделил значение патриотических стихотворений и публицистических статей Д. Гулиа периода до установления Советской власти в Абхазии. Они были подобны «яркому лучу во тьме» для всего абхазского народа. Его стихи «Моя родина», «Горы расцвели», «Что же мне еще надо?!» и «Стремитесь вперед!» также, как и статьи «Сила в объединении», «Поминки, гадалки, исследователи», «Ранняя звезда», «Абхазские школы», «Слово в пользу абхазов», «Что нужно Абхазии» и другие будили сознание абхазского народа, особенно начинающих писателей и поэтов. Дмитрия радовало их появление, делало его счастливым, придавало силы. В этом легко можно убедиться, прочитав статью Дмитрия Гулиа «Ранняя звезда» в газете «Апсны» (№35, 29 ноября, 1919).

Х. Бгажба подчеркивал взаимодействие и взаимовлияние Дмитрия Гулиа и творческой интеллигенции, их совместную борьбу за общенациональное дело. М. Лакрба, посвятил Дмитрию Гулиа замечательно верные слова: «...теперь он светит нам, словно звезда, теперь он – надежда наша».

Анализируя, вошедшие в абхазскую литературу уже после установления Советской власти, Хухут писал:. «В марте пала навсегда меньшевистская власть. Кончились черные дни. Открылась блестящая страница в истории абхазского народа. Подлинный расцвет стал возможен только в условиях советского строя. Пышно расцветает в нашей стране национальная литература. Выросли свои писатели и поэты и у абхазского народа. До революции был только один абхазский писатель – Д. Гулиа. Но он не мог в то время полностью развернуть свои творческие силы. Теперь же в Абхазии есть Союз советских писателей, объединяющий писателей, поэтов и драматургов разных национальностей.

Абхазская литература растет под благотворным влиянием великой русской литературы. Теперь абхазская литература, как родная сестра, вошла в литературную семью народов».[1]

В этом разделе книги критик впервые знакомит русского читателя с произведениями Иуа Когониа – замечательного, тогда еще совершенно неизвестного поэта, с болью говорит о том, что не сохранились, созданные в последние годы жизни (во

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 17.*

время студенчества в Москве) произведения автора – большая духовная потеря для молодой национальной литературы. Но оставшееся творческое наследие, особенно эпические произведения молодого автора, стали бесценным богатством. Хухут Бгажба отмечал большое влияние на творчество Иуа Когониа произведений Д. Гулиа и устного народного творчества, но это ни коим образом не означало его творческую зависимость от них. «Почти все сюжеты поэм представляют собою обработанные фольклорные материалы, но обработанные своеобразно... Многообразна и богата внутренняя организация стихотворного ритма молодого одаренного поэта. Она напевна, пронизана чарующей красотой мелодии народной песни».[1]

Несмотря на то, что Хухут Бгажба высоко оценил все произведения Иуа Когониа, наиболее значимыми из них он считал его поэмы: «Абатаа Беслан», «Зосхан (Зосҳан) Ачба и сыновья Беслана Жанаа» «О том, как Маршаны истребили друг друга», «Навей (Наҩси) и Мзауч (Мзауҷ)», «Хмыч (Хмыҷ) – охотник», «Ашвануа Мырзакан» («Ашәануа Мырзақан»), относя их к сокровищнице абхазской литературы. Вот что он пишет о языке, которым написаны эти поэмы: «Язык поэта – ясный и образный – близок к народной разговорной речи. Поэтому в его поэмах встречается немало слов и выражений, заимствованных из народной лексики. Но Когониа пользуется последней весьма умело, отнюдь не в ущерб поэтической цельности своих произведений. Напротив, близость поэта к языку народа делает его произведения доступными для самых широких масс».[2]

Далее в книге Хухут Бгажба анализирует прозаические и драматические произведения других молодых талантливых абхазских писателей. Они впервые получили литературно – критическую оценку на русском языке. Критик, высоко оценивая их произведения, тем не менее упрекает авторов в том, что они сегодня (1940 год – Р. К.) не принимают такого активного участия в творческом процессе, ослабили работу. Это справедливо, ибо, прослеживая творческий путь этих писателей, нельзя не заметить, что после создания замечательных произведений, в самом расцвете они многие годы были достаточно холодны к литературному творчеству. Правда, М. Хашба на государственной службе занимал достаточно высокий и ответственный пост, который «забирал все его время», да и тяжелая политическая атмосфера не прибавляла ему вдохновения. А Д. Дарсалиа был всецело занят газетой «Апсны капш», был в нее

[1] *Там же,.*

[2] *Там же, с. 16.*

«впряжен». Отрадно то, что они оба позже в последние годы своей жизни создали много замечательных произведений и переводов, ставших украшением нашей национальной художественной литературы.

В третьем разделе книги дан анализ произведений Д. Гулиа (поэтическим и прозаическим), рожденным в новое время. Критик подчеркивает силу идейного содержания, светлую цель, богатство и разнообразие тематики этих произведений, прославляющих с пафосом строителей социализма и написанных с воодушевлением. Критик подчеркивает, что автор в создании своих поэтических произведений умело использует форму и структуру устного народного поэтического творчества, подкрепляя свои доводы примерами: «Маленького козлика – большерогого утащил в лес большой волк», «По душе мне очень Ходжан (Хоцьан) – великий, хозяйство, богатство и дом большой» и т.д. В главе критик остановил свое особое внимание на первом абхазском рассказе Д. Гулиа (1918) «Под чужим небом», положившем начало становлению абхазской прозы и еще неоконченном романе «Камачич» («Камацыҷ»), считая их значимыми для только начавшей свое развитие абхазской литературы.

Отмечены и большие заслуги Дмитрия Гулиа в качестве переводчика – многие из его художественных переводов вошли в золотой фонд абхазской литературы. В то же время критик выражает сожаление, что о писателе и ученом, сделавшем так много для абхазской культуры, написано и сказано так мало. «То немногое, что написано литературной критикой о творчестве первого абхазского писателя, касается лишь биографии автора, но не дает анализа стилистических особенностей его произведений. Поэтому, нам кажется, литературная критика должна в первую очередь поработать в этом направлении».[1]

Действительно, в то время многогранное художественное творчество и исследовательская работа Д. И. Гулиа не были еще изучены. Не только тогда, но и в настоящее время недостаточно глубоко исследованы жизненный путь и творчество нашего первого абхазского поэта, хотя и немало работ, посвященных ему уже увидели свет. А ведь, «Д. Гулиа чрезвычайно разносторонен: он не только поэт, он также лингвист, специалист по изучению устного народного творчества и историк. Он сделал ценные вклады в изучение абхазской культуры».[2]

В четвертой главе «Очерков об абхазской литературе» Хухут Бгажба рассматривает произведения молодых писателей и

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 22.*

[2] *Там же, с. 24.*

поэтов, новой волны в абхазской литературе: как Л. Квициниа, И. Папаскир, Г. Гулиа, Б. Шинкуба, К. Агумаа, С. Кучбериа, М. Лакрба. Критик с особой скрупулезностью и большим вниманием анализирует их прозаические, поэтические и драматургические произведения, очень доброжелательно представляя их читателю и в то же время, не скрывая их недостатки. Этим автор наглядно демонстрирует читателю, что за Дмитрием Гулиа и Самсоном Чанба следовала достойная молодежь. Несмотря на все трудности и невзгоды, связанные с эпохой, абхазская литература имеет писателей способных обеспечить развитие национальной художественной литературы. К тому же, произведения этих авторов до появления книги Х. С. Бгажба еще не были представлены на русском языке. Критик отличает особенности творчества каждого автора, чтобы он был воспринят и понятен читателю.

Приведу несколько примеров.

Х. Бгажба пишет о том, что первые произведения талантливого поэта Леуарсы Квициниа созданы: «…под влиянием русских поэтов кузницы. Отсюда некоторая абстрактность темы, отсутствие конкретного анализа явлений, действенности («Поэмы», «Страна растет»). Человек изображался без учета сложных индивидуальных и типичных обстоятельств. У поэта не было развито еще чувство действительности. Однако в дальнейшем творчестве Л. Квициниа сумел преодолеть недостатки первых произведений. Действительность жизни и правда поэзии связаны воедино в таких произведениях, как поэмы «Шаризан», «Даур», а также в его лирических произведениях. Леуарса Квициниа был сторонником новой жизни, искренне воспевал ее. Своими поэтическими образами он осуждал и разоблачал все, что мешало новой жизни двигаться вперед, вредные привычки, порожденные старой, уходящей жизнью».[1]

Хотя ко времени написания этой книги у Хухута Бгажба имелась только единственная книга Баграта Шинкуба, а именно его «Первые песни», он сумел понять появление настоящей поэзии в этих первых стихах и отметить, что в абхазской литературе появился талантливый поэт с далеким будущим. «Несомненно, один из даровитых абхазских лириков», – отмечал критик. По его словам, Баграт Шинкуба – ищущий в поэзии новые формы поэтики. Об этом как нельзя лучше свидетельствует все творчество этого поэта.

Далее критик анализирует произведения К. Агумаа, И. Папаскир, Г. Гулиа, С. Кучбериа, М. Лакрба. Также не оставляет без

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 24.*

внимания переводы, вошедшие в абхазскую литературу, к примеру, пишет о драматических переводах Д. Гулиа «Проклятый день», «Я умер», «Да здравствует свобода!», «Двое голодных», переводах П. Шакрыл знаменитых комедий Гоголя «Ревизор» и «Женитьба».

В своей книге критик не обошел самых молодых, начинающих тогда, но подающих надежду, авторов, таких, как Ч. Джонуа, Ш. Амкуаб, Р. Джопуа, А. Джопуа, В. Чичериа, К. Ачба…

Этим литературным фактом критик утверждал, что в абхазской литературе уже появилось три поколения писателей, способных развивать национальную художественную литературу. Это имело огромное значение для дальнейшей судьбы нашей национальной литературы. К великому сожалению, многие молодые авторы, творчество которых было отмечено Хухутом Бгажба в этой книге, сложили головы во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – В. Чичериа, Р. Джопуа, В. Капба, К. Хурцилаа, П. Ануа, Ш. Ториа… Это были одаренные молодые люди, но не судьба была и для абхазской литературы и для них раскрыть данный природой талант, выразить себя.

В «Очерках об абхазской литературе» опубликованы две интересные статьи: «Горький в Абхазии» и «Об абхазских пословицах». Здесь я не стану останавливаться на них, затрону позднее.

Хочу, в заключение, привести один наш разговор с Хухутом. Тогда я учился в Сухумском педагогическом институте.

Однажды зашел домой к Хухуту, когда собрался к себе в общежитие, он дал одну книгу, сказав мне «прочти». Это были «Очерки об абхазской литературе». До сих пор я не видел этой книги, взял с большим удовольствием и прочел за одну ночь. А когда я возвращал ее, он сказал мне: «Сейчас у нас другое время, отдышались немного. И этого негодяя Берия, пившего все эти годы кровь абхазов, тоже убрали, школы абхазские вновь открыли, и там наверху относятся к нам заботливо, пытаясь исправить содеянное зло. Благодаря этому и открыли абхазский сектор филологического факультета, где вы, 50 студентов и учитесь. Радует, что начали восстанавливать национальные кадры, многих, из абхазов стали выдвигать на ответственные государственные должности. Ведь и ленинская национальная политика тоже говорила об этом, но после гибели главы Абхазии Нестора Лакоба, абхазы были лишены всего, а оставшиеся несколько человек были бессильны, словно «сидели на сухой ветке». Когда я писал эту маленькую книгу, которую ты прочел, когда она вышла в свет, обстоятельства были трудные, наше положение ужасным.

Об этом в книге нельзя было написать ни строчки. Наших лучших сыновей уничтожили, как врагов народа, культуру нашу и экономику довели до нижайшей черты. Опасно было даже заикнуться в поддержку всего абхазского, сразу же обвиняли в национализме, в том, что идешь против Советской власти, против грузин, находили всевозможные причины, чтобы упрятать бесследно. К сожалению, в войну и после войны положение абхазов стало еще опаснее. Когда писал эту книгу, было очень трудное время, к тому же мало кто говорил об абхазской литературе и представлял ее русскому читателю. Правда, изредка в газете «Апсны капш» и в литературно-художественном журнале «Апсны капш» появлялись на абхазском языке статьи, да и те в форме рецензии. Но эти коротенькие заметки не могли раскрыть лицо абхазской литературы. Поэтому еще во время учебы в аспирантуре, я решил в качестве обобщенного отзыва написать об абхазской литературе, обозреть сквозь призму критического взгляда. Так и сделал. Понятно, в этой книге использовал и материалы, опубликованные в книге, изданной мной в 1933 году, но в основном они переработаны, дополнены новыми материалами. Безусловно, недостатков в ней много, и то, что в нее не вошли материалы, посвященные творчеству наших писателей С. Чанба, В. Агрба, Л. Лабахуа, Ш. Цвижба, М. Кове, обеднили «мои очерки». Я как автор переживал это, но был бессилен..

Ко всему прочему в книге немного отразилось время, когда царил культ личности Сталина и излишние разговоры о счастливом строительстве социалистического общества. Но, тем не менее, книга пропагандировала абхазскую литературу, распространяла среди ее читателей уверенность в том, что наша духовная культура, несмотря на препятствия, жива и развивается. В то время это было главной моей идеей».

Воспоминания Бориса Гургулиа

«Впервые увидел Хухута Салумановича Бгажба в 1946 году в Кутолской восьмилетней школе. Тогда я учился в шестом классевместе с Платоном Бебиа, Шота Квициния (ныне он полковник в отставке), Мушни Ласуриа (младший брат Алексея Ласуриа). Все четверо соревновались в стихотворчестве. Показывали написанные строчки друг другу, вместе читали, откровенно говорили о недостатках и достоинствах, как могли, улучшали. А затем отдавали на правку своим старшим друзьям Анатолию Аджинджал (Аҵьынҵьал), Мушни Микая (Миҟаиа) и Шоте Чкадуа. После их редакции публиковали в школьной стенгазете.

Однажды немногие абхазские учителя – Джота Тапагуа (Тапаҕәуа), Матрона Ласуриа, Фамил Тапагуа – оставшиеся к тому времени работать в школе, стали необычно оживленными. Спустя немного времени учитель абхазского языка и литературы Джота Тапагуа радостно сообщил:

– Сегодня к нам в школу приезжают абхазские писатели. Это большая для нас радость. Если будут вам задавать какие-то вопросы, не робейте, отвечайте смело. Вы же хорошо помните все, что мы прочитали вне программы учебника по абхазской литературе!

– Знаем, как не знать! Произведения Леуарсы Квициниа «Шаризан» и «Даур», поэмы Иуа Когониа «Абатаа Беслан» и «Навей и Мзауч», – в один голос воскликнули мы.

– Так, что «мои волчата», не подведите меня, – сказал нам учитель.

Спустя некоторое время вместе с руководителями села во двор школы вошли четверо рослых, красивых незнакомых нам мужчин. Трое из них были в шляпах, и в достаточно заношенных пальто, а на одном была кепка с козырьком. Одет он был в костюме и в тонком плаще. По возрасту моложе остальных. Как нам сказали позже, в шляпах были Баграт Шинкуба, Хухут Бгажба и Иван Тарба, а в кепке – Алексей Джонуа.

Они поздоровались со всеми, кто окружил их в школьном дворе. Затем подошли учителя школы, поздоровавшись за руку, повели их по лестнице в учительскую. После этого наши гости прошлись по всем классам, увидели также нашу стенгазету, в которой мы с друзьями помещали свои стихи на абхазском языке. Мы заметили, что гости обратили особое внимание на эту стенгазету. Спросили:

– Эти стихи, видно, вами написаны? – спросили они нас. На утвердительный ответ, одобрили наше стремление писать стихи.

Через некоторое время в просторной классной комнате собрались ученики, учителя и гости. Там состоялся очень хороший разговор. Фамил Тапагуа, директор школы, сказал, кто прибыл к нам в гости и зачем – в связи со столетним юбилеем Георгия Ахмытбеевича Чачба (Шервашидзе). Большая часть встречи также была посвящена его жизни и творчеству.

Насколько я помню, Хухут Бгажба подробно рассказал нам о жизненном и творческом пути Георгия Чачба. Многие учителя задавали вопросы о жизни Георгия Чачба. Мы с интересом слушали. После Хухута Бгажба выступил Баграт Шинкуба. Он прочитал нам свои переводы с грузинского языка стихотворе-

ний Г. Чачба: «Уарада», «Ты знаешь, брат мой, такую страну», а также «Лев». Да, Баграт Шинкуба перевел стихотворение «Лев», как сочинение Георгия Чачба. Таковым оно считалось до последних десятилетий. Выпускавший сборник произведений Георгия Чачба, академик Симон Николаевич Джанашиа включил в него и это стихотворение, ошибочно. Его ввела в заблуждение похожесть псевдонимов. Фактически, это стихотворение принадлежит Юркевичу, но об этом стало известно не так давно. Мы с удовольствием слушали, когда Баграт Шинкуба читал переводы.

На этой встрече Иван Тарба прочитал собственные стихи. Из них мне помнится, особенно «Абхазский кинжал».

Участники встречи также с удовольствием восприняли выступление Алексея Джонуа. Он прочитал нам свои прекрасные поэтические произведения из цикла стихов о защите мира.

Таким образом, этот день стал для нас, учеников и учителей Кутолской школы незабываемым, радостным днем. Этот день намного усилил мое стремление, мою любовь к абхазской литературе...

В конце 40-х годов XX века город Сухум для абхазов был совсем не таким, как сегодня – он был для них словно чужим городом. Если сегодня в Сухуме живут десятки тысяч абхазов, тогда их было очень мало. Абхазов можно было увидеть в некоторых учреждениях, где могли работать только абхазы, их семьи и несколько студентов Абхазского педучилища и Сухумского педагогического института – вот и все абхазы, проживавшие тогда в столице нашей. А так встретить просто абхазского рабочего или служащего невозможно было – их попросту не было. Абхазов увидеть можно было еще на рынке. Это были крестьяне, приезжавшие продать что-нибудь, и продав свой товар, они поспешно покидали город.

В такое вот время, когда я приезжал в Сухум, мог остановиться только на квартире матери Хухута Бгажба Матии Капба и его младшего брата Хакыбея Бгажба. Помню, однажды мы с Русланом Капба приехали в Сухум, в редакцию газеты «Апсны капш», чтобы получить гонорар. Завершив дела, зашли к Матии. Она была необыкновенно сердечной женщиной и приходилась Руслану тетей. За то, что пришел к ней вместе со мной, похвалила: «Молодец, привел мне внука». Затем стала расспрашивать меня о здоровье моей мамы Тани, отца – ее племянника Алмасхана, моих братьев и сестер. Разузнав о моей семье, она обстоятельно принялась за Руслана, узнала, как он учится, посоветовала быть дисциплинированным и стремиться к тому,

чтобы стать гордостью семьи. Затем, проклиная себя за то, что занялась разговорами и уморила нас голодом, опрометью выскочила в кухню, оставив нас одних в зале. Скоро позвала нас на обед и угостила на славу. Мы уже не прочь были и уйти, нам в этот же день нужно было вернуться к себе в Чааркыт (Чаарқыт). Но в это время, вошел Хухут. Видно было, как Матия обрадовалась приходу сына.

– Видишь, нан, этого парнишку? – спросила она. – Это сын Алмасхана Гургулиа, зовут Борисом. Ты ведь знаешь, он – мой внучатый племянник, хочу, чтобы ты был внимателен к нему и к Руслану, когда меня не будет, опекал и давал советы, – так сердечно отозвалась она о нас. Хухут в ответ улыбаясь, с видимым удовольствием пожал нам руки.

– Руслан, как продвигается ваша с Борисом учеба? – спросил он, поинтересовавшись не только нашей учебой, но и тем, что привело нас в город. Мы все еще робко ответили на его вопросы. Некоторое время Хухут с интересом говорил с нами, а затем, извинившись, отозвал в залу Матию, сказал ей что-то и ушел.

Когда мы наконец-то собрались в дорогу. Матия на минуту остановила нас, а вернувшись с деньгами, дала нам с Русланом поровну.

– Здесь немного, нан, купите на них хотя бы книжки. Да и до дома доберетесь, у меня рука легкая, может, и больше получите, – сказала она нам, улыбаясь А сверток, который она держала в руке, протянула мне со словами: «Борис, нан, это – костюм. Хухут купил его для Хакыбея, но он ему стал мал. Вот я посмотрела на тебя, думаю, что как раз по тебе будет. Хочу, чтобы он был у тебя, будешь в нем в школу ходить и вспоминать обо мне, своей бабушке. Жаль, ты не застал в живых свою родную бабушку Такуну (Тақәына) Капба – такие красивые и умные, как она девушки, редко рождались в нашем роду. Я была намного моложе ее, но она меня очень любила. На, возьми, не смущайся, считай, что тебе его Такуна подарила, – сказала она.

Я даже растерялся от ее теплых слов и смог еле вымолвить «Спасибо!», принимая сверток из ее рук. Она поцеловала нас с Русланом на прощание и со словами: «Дай Бог, вам легкой дороги, пусть благословит вас Господь всемогущий» проводила в дорогу. Мы с Русланом умиротворенные ласковым и теплым приемом Матии, ее удивительно мягким характером, беседуя об ее чуткости, пустились в путь, надеясь встретить попутную машину до нашего села...

Это было в то время, когда мы с Русланом Капба учились в Тамышской средней школе имени Д. И. Гулиа. Однажды мы

с ним отправились в Сухум, чтобы купить книги. Купив, мы некоторое время побродили по улицам, а затем отправились к Матии. В этот день был какой-то праздник, кажется 7 ноября – точно уж не помню. И у Матии был накрыт праздничный стол. Она обрадовалась нашему приходу и по своему обыкновению, расцеловала, спросила о здоровье родных и близких. Затем, посадив меня, Руслана и своего младшего сына рядом, покормила, как следует, а Хакыбей настоял, чтобы мы выпили и по рюмочке. В это время раздался звонок в дверь. Когда открыли, вошли Хухут Бгажба и Баграт Шинкуба в очень хорошем настроении. Они куда-то спешили, но Матия настояла, чтобы они посидели, поели и подняли пару стаканов вина. Хухут и Баграт много шутили, а затем Баграт попросил, чтобы ему принесли гитару. Матия вышла в другую комнату и вынесла оттуда гитару, принадлежавшую Кукул Капба (старшей сестре Руслана) и Леле Микаа (Миқаа), тогда учившихся в Сухумском абхазском педучилище и живших в доме Матии. Баграт сыграл на гитаре свою «Белую кофточку» и другие шуточные абхазские песни. А затем, перебирая струны, стал наигрывать мелодию песни, посвященной отцу Хухута Бгажба, – «Песнь о Салумане Бгажба»:

Утром у него убили брата,
Ровно в полдень отомстил он свято,
Смелый Бгажба Салуман…»

Мелодия этой героической песни и слова ее звучали в доме жены и сыновей героя как-то особенно. Баграт Шинкуба спел эту песню до конца, аккомпанируя на гитаре.

Мы с Русланом были очень рады этим песням и удивлены. В то время в Сухуме трудно было найти днем с огнем абхазов не то, чтобы поющих под гитару абхазские песни, а просто говорящих на родном языке. Если и были, кто мог говорить и даже петь, они боялись этого делать.

Через какое-то время Хухут и Баграт ушли по своим делам, сердечно попрощавшись со всеми.

А затем мы с Русланом, сказав, что теперь должны двинуться к себе в село. Надо было найти какую-нибудь грузовую машину или успеть на поезд. Попрощались с Матией и Хакыбеем и двинулись в путь.

Этот день оставил в наших с Русланом душах светлые воспоминания.

В 1962 году я принес Хухуту Бгажба книгу Георгия Чачба (Шервашидзе), переведенную мной с грузинского и русского

языков на абхазский язык, с примечаниями, отпечатанную на машинке рукопись, чтобы он прочитал переводы, и попросил, если понравятся, написать к ним предисловие.

Лицо Хухута Салумановича озарилось улыбкой, и он сказал мне:

– Борис, я не знаю, насколько тебе удался перевод всей книги, что ты мне сейчас принес, но ты хорошо перевел его стихотворения и поэму «Крепость Гуадан» («Гәадан абаа»), опубликованные в журнале «Алашара» и газете «Апсны капш». Я тебя от души с ними поздравляю. А то, что принес мне, сначала прочту, а после, через несколько дней встретимся с тобой, тогда я подробно и расскажу о своих впечатлениях. А так, судя по твоим другим переводам, которые мне уже знакомы, уверен, что и с остальным ты справился не хуже. Как бы то ни было, предисловие к переводу книги Георгия Чачба я напишу, не беспокойся!

– Спасибо вам огромное, Хухут Салуманович! Я справлюсь через пару дней, – сказал я обрадовано, вручил ему рукопись и отправился домой.

Когда, спустя несколько дней, робея и волнуясь, пришел к нему узнать о судьбе рукописи, он уже успел прочитать ее и написать предисловие. Показал мне некоторые неудачные места и тут же показал исправленный вариант. Затем, похвалив в целом перевод, вручил его. Так ученый поддержал меня, помог опубликовать первую книгу, дал уверенность в себе и желание перевести еще не одну книгу. Этот факт как нельзя лучше свидетельствует о том, как искренне, всей душой Хухут Салуманович приветствовал начинающего молодого литератора, помогал ему всячески, если видел в нем искорку творческого начала.

Никогда Хухут Салуманович особо не выделял меня среди других молодых литераторов, но если я обращался к нему по личному или общественному делу к нему с просьбой, всегда внимательно выслушивал, относился к просьбе чутко, доброжелательно и решал проблему как нельзя лучше.

Помню такой факт. В 1963 году, решив поступить в аспирантуру, собрал все необходимые для этого документы. Решив, что Хухут должен просмотреть документы, пришел к нему на работу.

– Правильно, товарищ, сделал, что пришел, давненько я тебя не видел! – улыбаясь встретил он меня и усадил за стол. После обычных приветствий, я рассказал ему о цели визита и положил бумаги перед ним.

– Молодец, это ты хорошо задумал, товарищ! (Слово «товарищ» он употреблял полушутя очень часто). Как тебе из-

вестно, у нас, к сожалению, мало кадров, окончивших учебу в аспирантуре. Больше не сказав ни слова, стал внимательно изучать бумаги. Долго читал он мой автореферат. Прочитав мою автобиографию, он посмотрел на меня серьезно и сказал с улыбкой: «Борис, вот эта твоя автобиография является первым документом, который читают в том учреждении, куда ты посылаешь свои бумаги. Биография у тебя пока маленькая, а значит, и написана она, должна быть без лишних слов, коротко, а у тебя получается несколько растянуто. Позволь мне, я тут же обстригу ее».

– Как же я могу Вам не позволить, Хухут Салуманович, ведь ради этого я к Вам и пришел, – сказал я.

Скоро он действительно отредактировал мою автобиографию, сделав ее четкой и короткой. А затем, еще раз просмотрев другие документы, протянул их мне:

– Хорошая у тебя задумка, Борис. Со стороны нашего правительства я помогу продвинуть это дело, – сказал Хухут Салуманович.

Конечно, эти его слова много для меня значили.

Выдающийся ученый и замечательный человек помог многим молодым людям, которые, как и я, отправлялись на учебу.

Хухут Салуманович был спокойным и принципиальным человеком. Но как бы уважительно он к тебе ни относился, если ему что–то не понравилось, говорил об этом. Но, если что-то нравилось, то с большим удовольствием, от всей души, это подчеркивал.

В 1965 году я уже учился в аспирантуре московского Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. Тогда напечатал небольшую статью в газете «Апсны капш», посвященную памятникам, которые воздвигали в то время абхазским общественно-политическим деятелям, ученым и писателям. В статье осуждал тот факт, что на граните, бронзе и мраморе не пишут надписей на абхазском языке, поднимал вопрос об исторической значимости этого дела.

Хухуту Салумановичу, видимо, понравилось, что я затронул такую острую проблему. Действительно, на памятниках даже простых абхазских граждан, ушедших в мир иной, надписи написаны не на абхазском языке. Это свидетельствовало, по моему мнению, только о низком уровне самосознания нашего народа. Вскоре мы встретились в Сухуме. После того, как обменялись приветствиями, Хухут Бгажба, положив руку мне на плечо, серьезно так посмотрел на меня и сказал:

– Борис, я с большим удовольствием воспринял твою статью о памятниках, воздвигаемых сыновьям и дочерям нашего народа. Твоя статья может помочь развитию самосознания нации. Это – важное дело!

Как известно, Хухут Бгажба был разносторонним ученым: критиком, языковедом, фольклористом. Он не стоял в стороне от исследования спорных проблем истории Абхазии, занимался переводом художественной литературы, изучал быт и этнографию абхазского народа. Для него не было главных и второстепенных вопросов. Он трепетно, с особым вниманием относился ко всему, что имело отношение к национальным традициям, исследуя их, следовал им.

В связи с этим хочу вспомнить такой факт. Это было в середине 80-х годов прошлого столетия. Однажды группа сотрудников Абхазского института, в том числе и .Хухут Бгажба, отправились на соболезнование к известному в абжуйском районе крестьянину Кака Дбар в село Мыркула (Мыркәыла) по случаю кончины его жены Таты Капба. Похороны должны были состояться на следующий день. Мы зашли в дом, где лежала покойница, пососчувствовав, вышли и немного постояли во дворе. Крестьянин был зажиточным: большой двор, добротный дом с широкой верандой. Словом, стоять было где. Мы подошли к группе пожилых людей, сидевших на веранде, они тут же дружно поднялись нам на встречу.

– Садитесь, сюда, – предложили они, мы все уселись, немного поговорили. Только собрались уходить, как к нам подошел, вонзив свой посох в землю, высокий мужчина средних лет.

– Дад, хозяева просят к столу, хотят, чтобы вы подняли пару стаканов за упокой души хозяйки этого дома. Прошу помыть руки, – сказал он. Мы было отказались садиться за стол, но в это время к нам подошел и сам хозяин Кака:

– Я обижусь, если вы так уйдете. Возьмите своих друзей, в кухне уже готовы столы, зайдите и поднимите несколько стаканов, – сказал он, обращаясь к нам с Хухутом, так как мы были более близкими родственниками.

Последовав его словам, помыли руки и сели за поминальный стол, поели постной еды, выпили положенное и встали, чтобы уйти. Когда вышли во двор, подошли к тому месту, где мыли руки, Хухут решил повторить процедуру.

– Хухут Салуманович, вы направились руки мыть? – спросил я его.

– А ты что же, товарищ, не собираешься это сделать? – вопросом на вопрос ответил он.

– Насколько мне известно, у абхазов после траурного застолья и поминального стола мыть руки считается неприличным. Говорят, что если помыть руки после еды, это – как бы оставляешь хозяина одного с его бедой, – сказал я кратко.

Хухут сразу же повернулся, не став мыть руки, присоединился ко мне.

– Зачем делать то, что чуждо абхазской традиции?! – ответилзал он смиренно.

Когда с Хухутом случилось несчастье, все, кто знал его, сильно переживали. А для родных, близких и родственников это было настоящей бедой. С ним постоянно находилась семья – сын Олег, внук Андрей, младший брат Хакыбей. Несмотря на сильные боли, он был в сознании и мог говорить. На следующий же день после несчастного случая, я пришел проведать его в Республиканскую больницу. С ним сидел сын Олег. Поздоровался с ним, поцеловав в лоб. Руслан наклонился и спросил:

– Это – Борис, узнал его, Хухут?

– Узнал, как не узнать, – ответил он, посмотрев в мою сторону. Понимал, что состояние у него тяжелое, но ни слова об этом не говорил, видно было, что молча ждал смерти.

Двадцать пять дней спустя ушел из жизни. Гроб с его телом стоял в его сухумской квартире по улице, которая носит имя его тестя Андрея Максимовича Чочуа.

Траурный митинг был проведен в маленьком дворике перед домом его родными и близкими, друзьями, учеными и писателями, представителями общественности. Все было скромно, с любовью, без помпезности и показного шума. После траурного митинга тело Хухута Бгажба было предано земле в Пантеоне, на абхазской земле, которой он посвятил свой ум, знания, талант. И всю свою жизнь.

Но здесь мне хотелось затронуть другую печальную тему, о которой нельзя умолчать.

Хухут Бгажба за всю свою достаточно долгую жизнь с самого раннего возраста работал на видных, ответственных местах. И везде с душой и честно.

В свое время возглавлял Союз писателей Абхазии, затем был заведующим отделом в Абхазском научно-исследовательском институте, был заместителем директора этого института, директором, работал в большинстве абхазских печатных органов, неоднократно был избран депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, занимался ответственной работой воспитания подрастающего поколения в Сухумском педагогическом институте. Многие его любили, уважали и высоко ценили. Но

были и те, хотя и немногие, кто завидовал, не любил его, желал ему неудачи.

Усилиями этих людей и было организовано осуждение его крупной научной работы «Бзыбский диалект абхазского языка». На нем срывали свою злость и те, кто ненавидел тогдашнего первого секретаря Абхазского обкома партии Михаила Темыровича Бгажба. К чему скрывать, злые языки и влияние таких людей чувствовались и в организации похорон Хухута Салумановича Бгажба. Почему, по какой причине похороны великого абхазского ученого, академика не были сняты на телекамеру и не оставлены навечно в истории Абхазии. Почему Хухут Салуманович Бгажба – основатель абхазской литературной критики, собиратель и распространитель абхазского фольклора, наш языковед, большой ученый не был удостоен, чтобы его гроб с телом был поставлен в Абхазском государственном театре для прощания с ним широкой общественности? По моему глубокому убеждению, здесь виновата, даже больше тех, кто замыслил все это, наша интеллигенция. Она не должна была молча пройти мимо такого рода фактов.

Завершая эти воспоминания, хочу особо отметить следующее.

В те черные для Абхазии времена, когда кровожадные гончие псы Берия рыскали в поисках очередной жертвы среди нашего народа, Хухут Салуманович Бгажба не запятнал себя ничем. А когда времена изменились, он не стал, наподобие некоторым мозолить людям глаза, независимо от того, есть что сказать ему или нет. Он, словно пчела, трудился во благо абхазской духовной культуры, боролся за ее развитие и немало в этом деле успел сделать.

Низкий поклон и благодарность!

Хотя Хухут Бгажба и не издал в те годы ни критической книги по абхазской литературе, он откликался статьями на новые произведения абхазской литературы, публиковал научные работы по языкознанию, изучал устное народное творчество, разрабатывал программы, хрестоматии и учебники для абхазских школ, учебник по грамматике абхазского языка для 3 – 4 класса общеобразовательных школ, много времени отбирала его государственно-общественная деятельность.

Да, власти Грузинской ССР, вынуждены были, следовать принципам национальной политики СССР, несмотря свои «особые» интересы в Абхазии, делать вид, что способствуют развитию абхазского народа, представители абхазской интеллигенции не сидели, сложа руки, поэтому и выходили учебни-

ки, хрестоматии, научные работы. Каждый на своем месте (крестьянин, рабочий, писатель, ученый или работник искусства) работал самоотверженно, для того, чтобы не погас очаг духовной культуры нашего народа, но, все равно абхазы не имели возможности «встать в полный рост».

Жизненный и творческий путь Дмитрия Гулиа комплексно литературно-критически начали изучать только с середины 50-х годов прошлого столетия, до этого были отдельные статьи литературно критические характера. И первая монография, комплексное литературно-критическое исследование, о нем была написана Х. Бгажба в соавторстве с К. Л. Зелинским на русском языке в 1956 году. Она была переведена на абхазский язык и вышла в свет в 1957 году.

Шалва Инал-ипа писал: «Особо нужно отметить замечательный труд Х. Бгажба и К. Зелинского «Д. Гулиа. Критико-биографический очерк». Это произведение прекрасно показывает нам жизненный путь Д. Гулиа, дан великолепный анализ поэзии, прозы и драматургии известного советского писателя, его произведений с дореволюционного времени до наших дней».[1]

Монография Хухута Бгажба и Корнея Зелинского о Дмитрии Гулиа вышла при жизни поэта, когда он находился в расцвете творческих сил. Стихотворения и литературные статьи Д. Гулиа публиковались как в абхазской печати, так и на страницах центральных московских газет («Литературная газета», «Правда», «Известия») и журналов («Вопросы литературы», «Новый мир», «Дружба народов»). Читатели всего СССР с неподдельным интересом воспринимали новые произведения патриарха абхазской литературы. И это безусловно являлось национальной гордостью для всех нас, абхазов.

Несомненно, выход книги в Москве воодушевил уже немолодого поэта. Он считал это большим успехом всей абхазской литературы. Об этом свидетельствуют рассказ Хухута о словах поэта, когда он принес ему книгу с автографами авторов исследования:

«Дад, Хухут, благодарю тебя и твоего друга за книгу о моем жизненном и творческом пути. Как видишь, пока еще не успел прочитать, только что ты сам вручил мне в руки. А потом, что ни говори, книга вышла в Москве. Не скрою, это обрадовало меня, на старости лет ты сделал мне прекрасный подарок. Но, дад, Хухут, моя радость не только оттого, что это касается меня,

---

[1] *Ш. Д. Инал-ипа. Из истории абхазской литературы. Сухум, 1961, с. 413.*

я радуюсь, считая появление этой книги одним из значительных достижений сегодняшней абхазской литературы, ради которой я трудился в поте лица с юношеских лет. Проходи, дад Хухут, к столу, нужно отметить подарок, который ты принес мне. Дай Бог, чтобы Всемогущий дал вам силы и возможности чаще издавать в Москве работы наших писателей и ученых об абхазской литературе, чтобы она получила известность среди всех народов!».

Первое и второе издание книги (1965) имеют одно различие, кроме того, что во втором издании авторы улучшили, в отдельных местах переработали тексты, – добавлена глава «Последние годы». Это было необходимо, так как к этому времени Дмитрия Гулиа уже не было.

Книга «Дмитрий Гулиа» состоит из вступления и 6 глав: Начало пути. Первая книга стихотворений. Деятель абхазской национальной культуры после Октябрьской социалистической революции. Поэт. Истоки абхазской прозы и драматургии. Последние годы. Основоположник абхазской советской литературы.

Соответственно этим главам исследуются жизнь и творчество основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа.

В предисловии к монографии читаем: «У народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа есть одно стихотворение под названием «Река». В нем он рисует образ грозной, быстрой и бурной горной речки, с шумом несущей вырванные корни деревьев и стремящейся к морю. Кто дал ей силы? Откуда истоки этой речки, в которой отражается характер быта живущих на ее берегу людей? Поэт то берегом поднимается туда, откуда река берет свое начало, к ее истокам, то через ущелье, в котором гуляет холодный ветер, проходя через скалы и каменные глыбы.

И что ж увидел я? Из-под камней
Бьет струйка…
Но играет сила в ней.
Прозрачный ручеек течет, не тает,–
Земля щедра, земля его питает…

В этом, поэтически сочном образе отражается и история творческой жизни Дмитрия Гулиа».[1]

В монографии авторы подробно исследуют жизненный путь Дмитрия Гулиа. Прослеживая его творчество в дореволюционный период, показывают нам, что и в те годы народ достаточно

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа.Сухум, 1965, с. 3–4.*

широко знал о таланте Дмитрия Гулиа, любил его замечательные стихи. Он был необычайно популярен среди абхазов, на него надеялись и ему верили. Но в то же время авторы отмечают, что не будь Советской власти, творчество Д. Гулиа могло оказаться не столь востребованным, не столь целенаправленно и достойно служить своему народу, т.к. условия жизни в Российской империи не очень-то способствовали развитию талантов, возникших в народной гуще.

«Благодаря переменам, произошедшим в Абхазии во время Советской власти в бытовой, социальной и культурной жизни народа, словно заново родился Дмитрий Гулиа. Образы замечательных героев, о которых думал поэт, стали более насыщенными, наполненными новым содержанием. Действительно, свои самые лучшие, главные произведения Д. Гулиа написал в советские годы», – отмечается в исследовании.[1]

Авторы показали, что все произведения Дмитрия Гулиа не только являются частицей большого, чистого таланта, но и посвящены жизни его родного народа, которую он хорошо знал. А произведения, написанные в годы Советской власти, кроме всего, стали идейной силой, способной укрепить дружбу народов, населяющих советскую родину. Х. Бгажба и К. Зелинский не случайно вспоминают слова А. М. Горького на I съезде советских писателей: «Художественные достоинства произведений каждого писателя нельзя оценивать количеством народа, его породившего. Чтобы создать художественное произведение, каждому нужно обладать талантом, и в этом, без сомнения, главным является не то, какой национальности писатель или количество его народа. Но если истинный талант это – признак творческой удачи. В произведении, определяющим его содержание, нужно считать опыт, жизненный материал, наконец, мировоззрение писателя, его идейная направленность. Жизненный опыт складывается из среды, окружающей человека и положением, в котором он сам находится».[2]

Эти слова были близки, пережиты Дмитрием Гулиа, потому что они имели к нему непосредственное отношение. Авторы монографии подробно рассказали о пути, по которому первый абхазский писатель пришел к большому мастерству, как значительный факт отметили огромное влияние на его творчество исторических и национальных традиций, отметили, что многогранная творческая работа Д. Гулиа, отражает не только национальную абхазскую историю и современность, но и близка всем

---

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 5–6*

[2] *Там же, с. 5.*

советским людям, независимо от национальности. Вот один из такого рода фактов: «Мы пишем Вам из Советской Украины… Живем мы в городе Синельниково, расположенном в сорока шести километрах от индустриального Днепропетровска, на пересечении четырех стальных магистралей. Наш город с каждым годом становится все краше и краше… Дорогой Дмитрий Иосифович! Мы с большой любовью читаем ваши стихотворения, в которых вы – народный певец, показываете счастливую жизнь Советской Абхазии. Много Ваших стихотворений мы знаем наизусть. Недавно мы провели литературный вечер, посвященный Вашему творчеству».[1]

В этой книге рассказывается и о том, как до установления Советской власти в Абхазии как на всем Кавказе, народ страдал от начала вхождения имперской России в капиталистические круговороты, которые тяжело отражались на жизни простых людей. Но в то же время эти движения будили народ от спячки, звали к свету, приближая конец рабству, узости мышления и пробуждая новое сознание. В монографии, особо подчеркивается, что созданные еще до революции произведения Д. Гулиа были призваны пробудить это новое общественное сознание.

Дмитрий Гулиа помимо таланта, острого ума и прозорливости, имел огромную силу воли, был сильной личностью и очень выносливым человеком. Авторы в своей работе не прошли мимо этих его прекрасных личностных качеств. Если бы великий абхазский поэт не был таким, он не нашел бы в себе сил, сделать в жизни все то, что он сумел совершить во всех областях духовной культуры своего народа, не смог бы преодолеть и до революции и после все трудности и препятствия, которые выпадали на его долю.

«Когда мне слишком «левые» абхазские товарищи рисовали картину «мировой революции», в которой Абхазия всегонавсего малозначащая капля, у меня – не скрою – невольно выпадало перо из рук. Стоит ли трудиться ради капли, которая все равно испарится? Но жизнь показала, что стоит, что можно и должно работать во имя даже капли. Если хорошо потрудиться – она не испарится. Она устоит» – читаем в «Автобиографии», написанной Дмитрием Гулиа в 1958 году.

В первой главе исследуются истоки творчества Д. Гулиа, ранние годы жизни поэта, время, в котором он жил и творил, жизнь и положение его родного народа, социально-политические процессы, проходившие тогда в Абхазии. Говорится о том, что махаджирство, которое стало настоящей трагедией для всего

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 5.*

абхазского народа, лично коснулось и поэта, и он прекрасно запомнил, как они всей семьей оказались на том берегу Черного моря, через какие трудности, горести и потери пришлось им пройти, чтобы вернуться на родину. Подчеркивается прогрессивное значение присоединения Абхазии к России в начале XIX века, благодаря которому Абхазия, наконец, освободилась от тяжелого притеснения султанской Турции и получила большую возможность развивать свою материальную и духовную культуру.

С другой стороны, исследователи жизни и творчества великого Дмитрия не оставили без внимания и огромные трудности и лишения, которые испытывал абхазский народ от колониальной политики, проводимой русским царем на Кавказе. Писали и о том, что в трагедии махаджирства, в массовом изгнании народа с родной земли во многом виновата именно царская политика. Государевы слуги, аристократия, купцы занялись беспредельным захватом лучших абхазских земель. Народ Абхазии боролся против колониальной политики и феодальной эксплуатации – все это острым глазом и достаточно подробно охвачено в монографии. Авторы напоминают нам слова русского писателя Глеба Успенского, которые он высказал, наблюдая, как отбирают у абхазов их исконные земли: «Эх, эта цивилизация и железные дороги! Все это приводит к искажению и потере особенностей национального характера».

Авторы завершают главу выводом: «...уже можно увидеть своеобразную жизненную программу, которая складывалась у Д. Гулиа, по мере развертывания его многосторонней общественной, педагогической, культурной и литературной деятельности еще до революции. его просветительство было проникнуто идеями глубокого патриотизма, демократичности. дружбы народов, идеями служения народу. При помощи распространения просвещения Д. Гулиа стремится не просто улучшить экономические и культурные условия своего родного народа. Он хочет пробудить его национальное самосознание...

Таково было начало пути поэта, голосом которого заговорила Абхазия»[1].

Во второй главе монографии рассматриваются первые поэтические произведения Дмитрия Гулиа и произведения, написанные до 1921 года, в которых отражается жизнь абхазского народа, его социальное положение, а также лицо абхазской деревни того времени. Особо анализируются его стихотворения назидательного и сатирического характера. Свои сатирические

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 34.*

стрелы просветитель и демократ Дмитрий Гулиа направлял против сил, мешавших народу идти по пути просвещения и развития, и негативных привычек, имевших большое распространение в самом народе. «Героев» поэта мы видим в его замечательных стихах – «Ходжан Большой», «Гуляка» и др.

Авторы отмечают, что и во многих других стихотворениях Дмитрия Гулиа того же периода выражены замечательные вековые традиции абхазского народа, уважение друг к другу, взаимопомощь. В них чувствуется тоска по фольклорным героям, которые противопоставляются чудовищным явлениям капиталистических отношений. В этих произведениях мы встречаемся с образами людей добрых, сильных и душевно щедрых, которых не смогла сломить и затоптать цивилизация капитализма. Великий Дмитрий первым в абхазской поэзии вывел образ героя Абрыскила, борца за свободу народа, которому не дали осуществить свою благородную цель злые силы. В главе дан анализ стихотворений, в которых Дмитрий Гулиа призывает свой народ к свободе, просвещению, впитывает в него идеи независимости, доброты и человечности. По Д. Гулиа, чтобы человеку добиться цели, сила и разум должны выступать совместно.

В этот период творчества он положил начало любовной лирике в абхазской поэзии («Письмо парня и девушки»).

Авторы монографии видят слабые стороны творчества Д. Гулиа в этот период, особенно, после событий революции 1905–1907 годов, тогда появились стихи, отражающие религиозно-идеалистические настроения, содержащие мотивы неверия и пессимизма. Подчеркивается, что в последующие годы эти слабые стороны, хотя и не сразу, были преодолены поэтом.

Отмечается новаторская роль Д. Гулиа в развитии абхазского литературного языка. Эти выводы о поэтике Д. Гулиа, о принципах его стихосложения, на мой взгляд, имеют исключительное значение для всей абхазской поэзии. .

«До Д. Гулиа абхазское стихосложение знало только фольклорную ритмику и поэтику...в ранних стихах Д. Гулиа отчетливо обнаруживается фольклорная основа его произведений не только в в использовании тематики (как в «Абраскиле»), но и в ритмике и изобразительных средствах. Но Д. Гулиа не останавливается на традиционной ритмике народного стиха, он ее все время совершенствовал и обогащал.

Весьма существенным признаком абхазского народного стиха является непосредственная связь с напевом и музыкой. Тут мы имеем дело с музыкально-речевой системой стихосло-

жения. Ударение в абхазском народном стихе является главным ритмообразующим началом (а не количество слогов, как в силлабическом стихосложения). Ранние поэтические произведения Д. Гулиа всецело построены на принципах тонического стихосложения. В дальнейшем эти принципы, которые унаследованы Д. Гулиа из народной поэзии и определили развитие абхазского стиха.

Наиболее постоянной соизмеримостью ритмических единиц в абхазских народных песнях является равное количество главных ударений в стихотворной строке. Эта особенность в известной мере была воспринята и развита в поэзии Гулиа, причем если в народной поэзии ударные слоги не так сильно ощущались при напеве, то в произведениях первого абхазского поэта...роль ударения усиливается. Оно становится основной ритмической единицей. Таким образом, мы имеем здесь дело с системой преимущественно тонического стихосложения (в отличие от русского силлабо-тонического стихосложения), системой в которой, как известно, ритм определяется в основном числом ударений в стихотворной строке, а безударные слоги не играют существенной роли. (По этому вопросу авторы монографии ссылаются на мнение Б. Шинкуба, см. «О принципах абхазского стихосложения». альманах писателей Абхазии, Сухум, 1952, с. 152–156 – Р. К.)

Дальнейшем развитие абхазского стиха знаменуется усилением силлабического элемента в нем, т.е. выравниванием числа слогов в стихотворной строке с одновременным сохранением тонического элемента, т.е. одинакового числа ударений. У Д. Гулиа эта эволюция начинается в стихотворениях, относящихся к 1917-1920 годам...Эти стихотворения написаны в духе силлабо-тонического стихосложения, близкого к русскому. К силлабо-тонической системе тяготеют стихотворения Гулиа и последующих лет».[1]

В книге «Дмитрий Гулиа» особо подчеркивается, что свершившаяся Октябрьская социалистическая революция вдохновила поэта на написание стихотворения «Вперед». В нем слышится призыв, голос нового времени, оно полно радужных надежд. В частности, авторы отмечают, что перо поэта стало более острым, когда в Абхазии господствовали грузинские меньшевики (1918–1920). О том, что в это непростое время Д. Гулиа смог создать ставшие в наше время классическими, патриотические стихотворения о судьбе родины, призывавшие к свободе и независимости и немало способствовавшие росту

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 39–41.*

национального самосознания нашего народа: «Расцвели горы», «Моя родина», «Абхазия» и др.

Особое место в монографии занимает и подробный рассказ о деятельности и огромном труде Дмитрия Гулиа по изданию первой абхазской национальной газеты. Отмечается, что, находясь под властью грузинских меньшевиков, редактор многое смог высказать через газету: о необходимости единения народа, объединения всех сил в борьбе за независимость, свободу и просвещение, о негативных наших внутренних привычках и явлениях.

Авторы подчеркивали, что Дмитрий Гулиа сумел отразить в своей газете «Апсны» все актуальные проблемы, болезненные для народа в то тяжелое для Абхазии время. Тем самым, они показали всю несостоятельность и несправедливость мнений некоторых ученых, исследователей творчества Д. И. Гулиа, утверждавших в печати об отчуждении нашего великого поэта от революционных движений, о том, что он был в стороне от событий.

Каждому, кто ознакомится с материалами, напечатанными на страницах газеты «Апсны» (1919–1920) (его статьи или других авторов) становится ясным, что Дмитрий Гулиа принимал активное участие во всех политических, социально-экономических, просветительских событиях, происходивших в Абхазии того времени, живо откликался на них своими произведениями.

С первых дней после установления Советской власти в Абхазии, деятельность Дмитрия Гулиа заметно расширилась, приобрела более мощный разносторонний характер. Вместе с талантливым актером Антоном Шакая (Шьакаиа) он организовал первую абхазскую театральную труппу, при огромной помощи С. Я. Чанба. Исследователи творчества Д. Гулиа отмечают, что в период с 1921 по 1930 годы Д. Гулиа в основном занимался изучением и исследованием истории, этнографии, фольклора и языка абхазов.

Дмитрий Гулиа прекрасно осознавал, и это достаточно убедительно показано в монографии, что в эпоху возрождения, которую переживала в то время абхазская нация, одной литературы недостаточно. Поэтому с установления Советской власти в Абхазии он и занялся непосредственно всеми вышеперечисленными проблемами.

В третьей главе книги «Поэт» на высоком критическом уровне, подробно, рассказывается о Дмитрии Гулиа как о советском поэте. Дан глубокий анализ его поэтическим произведениям, созданным в советское время, выявлены особенности его поэтики, в которых отражается неповторимое мастерство автора.

Исследователям удалось в полной мере создать поэтический образ Дмитрия Гулиа. Они рассказывают о разнообразии его тематики, через художественный анализ его конкретных произведений показывают, что своим общечеловеческим содержанием поэтическое творчество Д. Гулиа далеко перешагнуло национальные рамки.

Большую часть своей жизни Дмитрий Гулиа прожил в советское время, он – свидетель всех его крутых перемен, знал и чувствовал их на себе, это давало ему новые темы. И большинство своих поэтических произведений, созданных особенно в последние годы жизни, он посвятил Советской власти, принесшей свободу его Абхазии. Он воспевал ее от всей души, без показного пафоса. Это не было чьей-то подсказкой (хотя, конечно же, влияние коммунистической идеологии нельзя отрицать – Р. К.), он воспевал новую жизнь, которую принял и видел, наблюдал. Много прекрасных стихов он ей посвятил, хотя теперь и не модно об этом говорить, но стихи Дмитрия Гулиа, посвященные Октябрю, Ленину и партии являются наилучшими среди поэтических произведений других абхазских авторов, написанных в советское время на эту тему и по мастерству, и по тематике, и по идее. В этом смысле о многом говорит нам только одно его стихотворение «Партия», переведенное на 43 языка.

Дмитрий Гулиа, хотя и воспевал в своих поэтических произведениях Советскую власть и уделял особое внимание этой теме, но как великий абхазский поэт главным объектом своего творчества считал жизнь родного народа, его историю и современность, неповторимые традиции, особенности национального характера. Он занимался исследованием древней истории абхазов, беспокоился о завтрашней их судьбе и надеялся на счастливое будущее для своего народа – его волновали и вдохновляли извечные для настоящей литературы вопросы.

Во время Великой Отечественной войны Дмитрий Гулиа написал замечательные стихотворения, разоблачавшие гитлеровский фашизм, воспевавшие героизм и отвагу советских людей. В стихах, посвященных военной тематике поэт создавал не только обобщенный образ советского солдата, он писал о конкретных героях войны, самоотверженно защищавших Советскую Родину против гитлеровского фашизма, отважных сынах и дочерях Абхазии: В. Харазиа, А. Надзадзе (Назазе), К. Агрба, М. Язычба (Иазыцьба), С. Цушба (Цәышба), М. Авидзба, П. Чолокуа (Ҷолоқәуа) и др. На многие из его стихотворений написаны были песни, они воодушевляли воинов, звали на подвиги.

Анализируя лирику Дмитрия Гулиа, авторы книги отмечали: «Лирика Д. Гулиа воодушевляет глубиной мысли и правдивостью вложенных в нее чувств. Она настраивает на высокий лад потому, что связует нас как бы сразу со всем миром.

Что вообще призвана выражать лирика? Все, что мы называем жизнью, – от мерцания звезд и сияния глаз до могучих исторических событий нашего времени... Поэзия есть особый вид искусства, в котором значение слова сливается с его музыкой и мысль – с чувством...

Когда читаешь стихи Д. Гулиа в оригинале, то чувствуешь, что форма этих стихов, их внутренняя композиция, характер развития лирических образов, словарь, ритмика, даже порой фонетика, то есть звуковой состав стихотворения, – все это подчинено общему ладу или строю. в котором мысль сливается с чувством. Вот эта внутренняя правдивость, естественность лирики Д. Гулиа органично сочетается у поэта с умением увидеть большое в малом и малое в большом, в своем национальном раскрыть общечеловеческое»[1].

В четвертой главе монографии глубоко и многогранно анализируются проза и драматические произведения Дмитрия Гулиа. Здесь рассматриваются первый абхазский рассказ «Под чужим небом», роман «Камачич», место, которое они занимают в развитии абхазской прозы. Кроме того, авторы раскрывают художественную поэтику, из которой сотканы эти произведения, отмечают высокое мастерство автора. Особенно детально, если можно так выразиться «по волосинке». анализируется роман «Камачич», названный абхазским ученым Ш. Д. Инал-ипа «энциклопедией абхазской дореволюционной жизни». В монографии говорится и об истории романа как о литературном жанре. который появился в эпоху Возрождения в Европе, в России – с XVIII века. В абхазской же литературе – со второй половины 30-х годов XX столетия.

«Поучительны и представляют теоретический интерес (не только интерес для широкого круга читателей) поиски Д. Гулиа в области создания новой абхазской художественной прозы. Так же как поэтическое творчество Д. Гулиа возникало, отделяясь от фольклорной почвы, так и художественная проза основоположника абхазской литературы рождалась, как бы отделяясь от устного народного сказа, народных притчей, поговорок, тех историй, побасенок и повестей, какие рассказываются у очага, на сходе или у колодца».[2]

---

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 87–89.*

[2] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 113.*

В этом истоки особенностей, присущих прозе Д. Гулиа, он был большим мастером коротких рассказов. В собранных им народных сказаниях или созданных им рассказах, в которых использованы народные сказания, мы видим и социальное неравенство, и нелицеприятные образы народных мучителей, князей и дворян. Авторы монографии отмечают влияние коротких рассказов Д. Гулиа на всю абхазскую прозу.

В книге «Дмитрий Гулиа» на уровне критико-философских размышлений анализируется его драма «Призраки», классическое драматургическое произведение абхазской литературы, в котором изображается дореволюционная Абхазия. Если в романе «Камачич», отмечают авторы монографии, Д. Гулиа мы видим в основном как поэта, исследователя фольклора, то в драме «Призраки» он выступает впервые в роли социального психолога, философа. Отличие этих произведений обусловливается разностью самого материала. В драме «Призраки» на сцену выведен дореволюционный абхазский интеллигент.

Как отмечают исследователи, эту драму мог написать человек, хорошо знакомый с русской и мировой драматургией, в частности с театром Горького, Чехова и Ибсена, литературно талантливый. Драма Д. Гулиа близка театру Чехова и Горького по своему пафосу человечности и разума, противостоящих силе власти денег, обезличивающих человека, жадности и стяжательства.

«Власть собственности, власть денег уродует разлучает людей. Прежде чем Дамыр случайно ранил Ханифу, он признается ей в том, что должен бросить ее из-за того, что поссорились их отцы, и его отсылают к дяде. Никто не имеет силы над собой, все рабы и пленники того закона, по которому люди живут в капиталистическом обществе и который Саат формулирует совершенно также, как в XVII веке формулировал английский философ-материалист Томас Гоббс: «Человек человеку – волк»[1].

Драма «Призраки» почти не связана (если не брать во внимание вставных песен пастуха) с каким-либо фольклорным материалом. Но для понимания положения Абхазии того времени, наблюдения социальных типов это произведение дает не меньше, чем «Камачич». Этой своей пьесой, всей вереницей образов, проходящих перед нами, Д. Гулиа сказал продуманное и уверенное нет тому строю, который приходил на смену патриархально-родовым отношениям и традициям и который так уродовал и опустошал душу человека.[2]

---

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л.Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 129*

[2] *Там же, с. 129–130.*

После смерти Дмитрия Гулиа авторы в 1965 году в издательстве «Алашара» выпустили книгу на русском языке, в исправленном и дополненном виде, добавив новую главу – «Последние годы». В ней проводится подробный анализ лирических стихотворений Д. Гулиа последних лет его жизни, словно «жемчужные бусы», выделяющихся идеями, содержанием и художественностью. Его стихи переводили видные русские советские поэты, как В. Державин, М. Соболь и др. Несмотря на преклонный возраст, все свои последние годы жизни Народный поэт Абхазии показывал и своими художественными произведениями убедительно доказывал всему советскому народу, что абхазская литература является ветвью большой советской литературы.

В этой главе рассматриваются литературно-культурные связи Дмитрия Гулиа, его крепкая дружба и творческое сотрудничество с известными советскими писателями: К. Симоновым, Н. Тихоновым, А. Первенцевым, А. Толстым, А. Фадеевым, М. Рыльским, А. Исаакяном, М. Бажаном, П. Тычиной, Г. Табидзе, Г. Леонидзе и др. Многие из них не раз бывали у него дома, прекрасно были знакомы с его истинно абхазским гостеприимством. И в этом смысле Д. Гулиа оставался истинным сыном своего народа. Не случайно ведь были сказаны русским писателем К. Симоновым такие слова о нем: «Когда я думаю о Дмитрии Иосифовиче Гулиа, в глазах моих стоит далекая маленькая и величественная Абхазия. Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали.

С первых дней знакомства, а затем и душевной близости этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. Да только ли для меня? Есть много людей, которые вместе со мной могут повторить эти слова».[1]

А вот что пишет другой русский писатель А. Первенцев: «Несколько лет подряд, десять, возможно и больше, я приезжаю в Сухуми. И не потому, что здесь существуют фешенебельные санатории или первоклассные отели, не потому, что здесь пульсирует курортная жизнь (летом это бывает), а потому, я полюбил Абхазию в целом, во всем ее своеобразии, в прекрасном сочетании красок как духовных качеств народа так и неиссякаемой по щедрости природы.

И все же, как неполно было бы представление об Абхазии, как блекло выглядело все, если бы здесь не жил великий народный поэт, мудрец и пламенный неутомимый воитель Дмитрий Иосифович Гулиа…».[2]

---

[1] *См. К. Симонов. Черты облика.*

[2] *См. Д. Гулиа. Камачич, М, 1961, с. 202–203.*

Сколь много говорят нам эти слова для понимания значения личности великого Дмитрия для Абхазии!

Также в монографии отмечаются опубликованные статьи и выступления Дмитрия Гулиа, посвященные литературе и молодым писателям. Слово мастера многое значило для молодежи. Эти статьи и выступления печатались на страницах центральных газет и журналов.

В последней главе «Основатель абхазской советской литературы» авторы подчеркивают (в форме экскурса), что благодаря Дмитрию Гулиа, основанная им абхазская литература, несмотря на все трудности и перипетии времени, живет и развивается, видят ее будущее в молодых талантливых абхазских писателях, двигающих вперед национальную литературу.

Монография «Дмитрий Гулиа» завершается словами: «В деятельности абхазского поэта нас не может не привлечь неустанное стремление идти вперед, ни на минуту не успокаиваться на достигнутом. В свое время стали крылатыми слова Виктора Гюго, который в ответ на вопрос, какая из пьес его лучше, сказал: «Мое лучшее произведение – то, которое я еще напишу». Это было сказано в день его восьмидесятилетия.

Эти слова невольно вспоминаются, когда видишь перед собой многогранное творчество Д. Гулиа. Оно также зовет каждого из нас к новым творческим усилиям. Почему? Может быть, потому, что поэтическое творчество Гулиа – это как бы продолжение творчества самого народа, и еще потому, что перед нами истинный поэт. Это все равно, как если мы скажем – народный поэт или поэт народный. Как ни переставляй эти слова: «поэт» и «народ», одно без другого в живом творчестве Д. Гулиа существовать не может».[1]

БЕЗ БОЯЗНИ И ЛОЖНОЙ СКРОМНОСТИ

Эти воспоминания поэта и прозаика Платона Бебиа были написаны еще при жизни Хухута Бгажба.

«В Кутоле, сразу же за нашими воротами, на поляне, словно ровесник мироздания, мощно и широко раскинув свои ветви, стояло огромное ореховое дерево. Весной оно собирало соловьев на свои ветки, летом под его огромной тенью прохлаждались и скот и люди, а осенью люди собирали его плоды, «стоя в них по колено». Недавно оно умерло, сполна исполнив свой жизненный долг, обслужив целые поколения. В нашем поселке его называли ореховым деревом Салумана. Салумана Бгажба.

[1] *Х. С. Бгажба, К. Л. Зелинский. Дмитрий Гулиа, с. 189.*

Знаете его, о ком поют известную героическую песню: «Утром убили его брата, а в полдень он отомстил за него…». Все знают, что Бгажба Салуман родом из Ткуарчала, тогда откуда он появился в селе Кутол? После того, как он отомстил за брата, его сослали в Сибирь, как это тогда было принято. Когда он вернулся, отбыв свой срок, родственники по фамилии Когониа поселили его на своей земле. Пошли нам, Господь, умного человека друга и врага! Салуман Бгажба, хотя и не чувствовал себя виновным, не захотел мозолить глаза своим кровникам. Потому он и оказался в Кутоле, но не случайно: он переехал в Кутол, благодаря свояку Беслану Когониа и родственникам Емхаа Озбака и его жене Татыгу (дочь Мсоуста Маршан, сестра Маршан Дмитрия). Известное дело, абхазский крестьянин, вбивая свой первый кол в землю, первым делом проверяет воду и лес, а также сажает ореховое дерево. Вот здесь и родился Хухут Салуманович Бгажба. Под этим деревом качали его люльку, под ним он сделал свои первые шаги, сказал первые свои слова, под ним и рос. Отец умер, когда он был еще маленьким, овдовевшую сестру взяли к себе домой ее братья Капбовцы: в их семье, в селе Арасадзыхь прошли детские годы будущего ученого. Поэтому у него в паспорте и написано, будто он родился в селе Гуп, так как село Арасадзыхь в то время входило в село Гуп.

Я часто садился под этим ореховым деревом – и тогда, когда от обид и неурядиц плакала душа, и тогда, когда от радостной улыбки и прекрасного настроения светило лицо. Пение сладкоголосых птиц и теплые лучи солнца, с трудом пробивавшиеся сквозь тысячи листьев густых ветвей перемигивались, а я сидя тихо, смотрел вдаль и думал о человеке, родившемся и росшем здесь, ставшим известным далеко за пределами Абхазии, ученом Хухуте Салумановиче Бгажба. А затем, словно это ореховое дерево отдавало меня на поруки нашему, более молодому ореховому дереву, отправлялся к себе домой. Там ожидал меня мой отец, с запряженными быками, ждали после ужина коптилка, с трудом прорезывавшая плотную темноту ночи, и книга, выпрошенная на ночь у друга…

В этот день был праздник. И какой еще праздник! Отмечали день рождения Иуа Когониа. Наши кутолцы всегда особо готовились и удивительно слаженно проводили праздники. И в этот день принарядившись, собирались малые и взрослые. Песни и танцы, скачки, аимцакьача[1]… К чему только не подготавливаясь сельчане?! Но, сегодня, все ждали важных гостей из Сухума – писателей и ученых. Наш маленький сельский клуб был набит

[1] *Аимцакьача (Аимцакьача) – народная абхазская игра в мяч. – Р. К.*

до отказа. Наши глаза были устремлены на сцену – на участников юбилейного торжества. Вот, получив слово, к трибуне подошел видный абхазский критик Хухут Бгажба. Я следил за ним, как только он поднялся и сел в президиум – не раз видел его фотографии. Он читал доклад, перелистывая маленькие листочки, видно было, что написаны они мелким почерком – читал долго, но ни разу не замялся, даже случайно не заикнулся, наверное, то, что он читал, было переписано им набело. Весь зал слушал внимательно, было тихо так, что можно было услышать комариный писк. В этой тишине голос нашего критика звучал ясно и звучно. Он последовательно разбирал произведения Иуа Когониа, раскрывал суть образов его главных героев, описывал до боли знакомые слушателям горы и удивительные события, произошедшие с героями древних сказаний так, что они вставали перед глазами слушателей ярко и зримо. Старец, открывший незаметно для себя рот, так и остался, плененный выступлением оратора, горячий юноша, слушая внимательно, глядел вдаль, мальчишка стал зоркими глазами оглядывать сидящих в зале, думая у кого бы взять книгу Иуа Когониа, чтобы прочитать обо всех этих удивительных историях, рассказанных критиком…

Забегая вперед, скажу, что на все знаки уличного движения в Сухуме я смотрел раньше, как говорят русские, «коза на афишу», равнодушно оглядев, отводил глаза и шел дальше, они мне ничего не говорили. Но как только стал учиться в автошколе, вдруг уяснил, какой огромный мир оказался заключенным в этих знаках! Одна маленькая надпись на простой деревянной дощечке способна сохранить жизнь человека, для того, кто может ее прочитать!...

Я о том, что и книгу надо уметь читать! Я, безгранично влюбленный в творчество Иуа Когониа, после подготовки уроков, всегда брал в руки его книгу и садился читать. Но, видимо, незаметно для себя оказывался в плену родникового звука поэзии и волшебной красоты горных пейзажей. Только сегодня, я думаю, что понимаю всю глубину его творчества.

Четко и громко проносился по залу голос критика Хухута Бгажба. Старец сидел изумленный, юноша продолжал кипеть, а мальчик искать глазами…

Мне дали слово, и я тоже выступил. Ребенок, написавший свое первое стихотворение под впечатлением произведений Иуа Когониа, теперь стоя на сцене на юбилее Иуа Когониа читал свое стихотворение. Я не знал тогда, что могу так декламировать стихи, что люди будут слушать меня. Что смогу, не зап-

нувшись, прочитать до конца и дойти так до сердца каждого, хотя я знал свои стихи наизусть!

Министр культуры Абхазии поцеловал меня, Хухут Салуманович встал и пожал мою руку: «Ты понравился нам, товарищ!»

Я и сегодня слышу эти слова.

В 1954 году, как и многие наши ровесники и друзья, мы с Русланом Капба поступили в высшее учебное заведение в Сухуме. Руководителем приемной комиссии в секторе Абхазского языка и литературы был Хухут Салуманович Бгажба. Тогда почему-то мы должны были сдавать и географию, хотя она и не имела отношения к нашей профессии. Принимавший географию преподаватель на экзамене поставил многим абитуриентам в секторе абхазского языка и литературы плохие оценки, отчего получился недобор, и курс мог не состояться. Хухут Салуманович сильно переживал эту ситуацию. Он пошел к ректору и поставил вопрос о пересдаче предмета, а в случае отказа попросил исключить его из состава комиссии. Вопрос оказался весьма тяжелым. Но, в конце концов, все как-то уладилось счастливым образом для поступавших – нас приняли в институт. Ведь это уже было во времена «оттепели», когда сгинула власть Сталина и Берии и Абхазия стала «расправлять спину»! Абхазская интеллигенция стала вновь возрождаться. По тропе литературы и искусства начала она свои первые восхождения и поиски. Оказавшись в центре кипения жизни, мы, выросшие под палочной системой огрузинивания, разбросанная по разным селам, молодежь, стремились по мере своих возможностей всего достичь и успеть. Несмотря на свою застенчивость, желая, во что бы то ни стало достичь своей цели, я начал проявлять смелость. Так я поступил и в этот день. Согласился с предложением Руслана, хотя не раз до этого отказывал ему. Отправился вместе с другом, прихватив с собой свои лучшие стихи. Идем к нашему великому критику. Руслан Капба и Хухут Бгажба двоюродные братья. Удивительно, и я об этом не раз думал, несмотря на столь близкое родство, Руслан Капба теряется при брате, относится к нему с большим уважением и до сих пор обращается к нему на «Вы». Уверен, что и в этот день моему другу было нелегко идти к нему, просто он очень хотел помочь мне. Хухут Салуманович тогда был директором Абхазского института. Чрезвычайно занятой, загруженный делами человек принял нас незамедлительно. Он сидел и работал в своем просторном кабинете, увидев, как мы нерешительно открыли дверь и заглянули, встал, вышел из своего письменного стола и направился к нам.

– Хох, откуда ты здесь взялся, товарищ? – удивленно спросил он Руслана.

Руслан только собрался познакомить меня с ним, как он остановил его: «Я его знаю».

Мы молча переглянулись с Русланом.

– Вот здесь, сейчас завершу один абзац, посидите-ка пока! – повернулся к своей работе Хухут Салуманович.

Из открытого окна был слышен легкий шум прибоя, ласковый ветер с моря приятно освежал кабинет ученого. Равномерно отчитывали время стенные часы. Хухут Салуманович работал, не поднимая головы. Я постепенно, видимо, чувствуя поддержку друга, стал привыкать к нему, бросил взгляд на стол, за которым он работал. Наш великий ученый писал не спеша, оттачивая слова, после каждого предложения несколько раз перечитывая про себя, что-то зачеркивая, исправляя. А затем, видимо после того, как фраза была доработана, приступал к новому предложению.

– Пришедшие на ум мысли нужно привести в порядок, а то могут разбежаться. Ха-ха-ха! – рассмеялся Хухут Салуманович, словно приглашая теперь нас к разговору.

Мы с другом застенчиво переглянулись, а затем я, умирая от робости, протянул руку и положил на его стол свои стихи. Тут я еще раз убедился в том, что Руслан Капба уже намекал ему о нашем приходе. Хухут Салуманович читал мои стихи, не спеша, как ему было свойственно, внимательно, разбирая построчно, но с видимым уважением. Некоторые откладывал в одну сторону, другие – в другую. Мы с другом смотрели на эти стопки, он иногда отрывался от чтения и смотрел на меня, морща лоб. Вдруг Хухут Салуманович потянулся к телефону и набрал номер:

– Николай Басиатович (Киут – тогда министр культуры Абхазской АССР – Р. К.)! Пришлю тебе несколько стихов. Думаю, недурно написаны... Ха-ха-ха!... Прошу отнестись со вниманием!

Хухут Салуманович встал, улыбаясь протянул мне стопку, отложенную в стороне и протянул ее мне:

Над этими, возможно, придется еще поработать, товарищ!

Обняв нас обоих за плечи и, посоветовав читать больше, он проводил до двери, пожал руки:

– До встречи, товарищи!

На следующий день ко мне подошел мой друг Арзаабей Багапш (Багацшь) и, положив руку на мое плечо, сказал:

– Вчера подготовил твои стихи к печати в газету!

Арзаабей Багапш учился с нами и одновременно работал наборщиком в типографии. Радости моей не было границ. И никому, кроме меня не ведомо, как я провел ту ночь. Поднявшись ранним утром, на следующий день отправился в редакцию. Волнуясь, подошел к витрине. Вот они, мои стихи на самом видном месте напечатаны. Не одно и не два! Сначала посмотрел, на какой странице они напечатаны, потом посчитал, сколько их, а затем прочел быстро. Все они были из моих любимых, «от счастья мог летать без крыльев»! Подошел к киоску и, выбрав «Апсны Капш» купил кипу. Шел по городу, даря всем встречным знакомым по дороге номер газеты со своими стихами. Я шел по улицам и был счастлив. Этот день принадлежал полностью мне!...

В 1964 году вышла главная книга Хухута Бгажба – «Бзыбский диалект абхазского языка». Эта книга явилась результатом многолетней работы ученого. По свойственной ему манере, Хухут Бгажба скрупулезно исследовал материал, побывал во всех селах бзыбской Абхазии, беседовал с людьми – старыми и молодыми, не спеша, проявляя такт, тщательно выбирая слова, написал эту книгу. Он и надеялся, что она станет вершиной его научного творчества. Но удивительно точно говорят абхазы: «Пусть будет твоя лошадь быстроходная, а моя – удачливая!» Первое. Хухут Бгажба затронул опасный вопрос – больную для всех нас абхазов тему о происхождении наших фамилий. Второе. Руководителем Абхазии в то время был его двоюродный брат – Михаил Темырович Бгажба. Как известно, немало появилось тогда, как говорят, «временных врагов» (недоброжелателей – Р. К.). А сам Хухут Бгажба возглавлял в этот период Абхазский институт! Это решило все. Книгу мгновенно «взяли в оборот. «Да ты сам откуда – Западный или Восточный?» – подкалывали друг друга при встрече многие. Организовали заседание, посвященное анализу книги – перенесли, вновь организовали – опять перенесли… С переносами этих собраний все больше накалялась обстановка. начинали кипеть людские страсти. Не знаю, насколько это правда, но говорят, некоторые продавали и своих дойных буйволиц, чтобы приобрести тогда эту книгу. Я присутствовал в тот день, когда в институте разбирали эту книгу. Невозможно было войти в здание. Чтобы не было беспорядков, разбившись на группы, среди нас находилась милиция.

Помню, выступал и из нашего села один мужчина. Бог мой, как только он не клеймил автора! Удивительно, как легко кажется некоторым выступать публично, болтать языком

на людях! Тихий и скромный человек, которого все считали тактичным, мол, «на живую травку не наступит», от которого сельчане громко не слышали даже «Здравствуйте!», в тот день распоясался беспредельно. Сколько грязи, пусть даже и собранной по крупице, обрушил на голову автора книги. После его разгромного выступления, наш односельчанин подошел ко мне и спросил:

– Слушай, о чем эта книга, ты читал?

– Нет, не читал!...

– Так и я не читал…

Тогда руководители не ездили с охраной, как сейчас. Михаил Темырович Бгажба – тогда еще фактический глава Абхазии, присутствовал на вышеупомянутом собрании. В тот момент, когда он, выступив на обсуждении, собрался уходить, некоторые наши ученые, в основном женщины, уважавшие больше силу, чем разум, окружили его, словно стая злых собак. Но Михаил Темырович никогда не лез в карман за словом, да и на женщину «даже хорошая собака не лает», так что он попытался мягко, вежливо говорить с ними.

В конце 1964 года в стране был совершен заговор против Никиты Хрущева, который часто приезжал к нам в Абхазию, его отстранили от власти. Вскоре после этого пришлось оставить свой пост и руководителю Абхазии Михаилу Бгажба. Тут же все и закончилось. Кому теперь нужно было вспоминать о книге Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка».

Эта книга многое открыла Хухуту Салумановичу. Начиная от его друзей, готовых раньше сдувать с него пылинки... Некоторые из них, как привыкли молчать всю свою жизнь, промолчали и на этот раз.

А некоторые из наших ученых, «кто не давал никому рта раскрыть», несмотря на то, что смогли отобрать его должность, портфели их так и «остались плоскими, как прежде».

Сколько памятников было воздвигнуто Михаилом Бгажба: Нестору Лакоба, Дмитрию Гулиа, Самсону Чанба, Иуа Когониа. Сколько улиц и учреждений он назвал их святыми именами?! Я помню слова Михаила Темыровича на открытии памятника Иуа Когониа, произнесенные им с вздохом, когда он уходил с трибуны, на которой официально произносил речь: «И этого, хотя бы, смогли добиться!»

Злосчастные портфели! Некоторые гоняются за ними с ранней юности до глубокой старости. Но с того момента, как жадно схватят за ручку желанного портфеля, никто никогда не увидит, чтобы оттуда они извлекли что-то полезное. Я ни разу

не видел Хухута Бгажба без портфеля, но это был совсем другой портфель. В нем как обычно лежала его работа, над которой он трудился полночи и не успел завершить. Он носил ее в портфеле, чтобы на работе, улучив свободную минутку вновь взяться за нее. Или же после работы, прогуливаясь по набережной, присесть на прибрежной лавочке, и положив статью на колени, поработать над ней. Таков был портфель нашего великого ученого, только поэтому жизнь многих абхазских просветителей, начиная от великого выразителя чаяний абхазского народа Дмитрия Гулиа, до протоиерея Дмитрия Маан он смог сделать гораздо более продолжительной, сохранив в самые черные для Абхазии годы их лучшие творения, и впервые опубликовав их. Одно только перечисление всех этих произведений представляется невозможным.

В сборник «Поэты Абхазии», вышедшем в свет в 1947 году, включены два стихотворения о Сухуме автора Мзауч Абрыскил. Мзауч Абрыскил – это псевдоним Хухута Бгажба. Вдумайтесь только, какие имена он использовал, выбирая себе псевдоним. Мзауч – герой Иуа Когониа, это имя в наши дни редко встретишь. Абрыскил – фамилия, ведущая свое начало от нашего абхазского Прометея, почти исчезнувшая у нас сегодня. И сами стихотворения не хуже других в сборнике. Нет-нет, если Хухут Бгажба не стал ученым – непременно был бы поэтом!...

Я никогда не видел Хухута Бгажба, который с портфелем в руке вел праздные разговоры на улице, хотя друзей у него было много. Я к тому, что некоторые из числа интеллигенции имеют привычку с утра до вечера на самом людном месте вести беседы, при этом, обливая грязью тех, кто работает, не поднимая головы. Десятилетиями из их плоских портфелей ничего не вытаскивается, хотя потерявшие всякий смысл вопросы лежат нетронутой целиной.

И сегодня, когда книг почти не читает никто, зайдя в книжный магазин, обязательно встретишь Хухута Салумановича.

– Вот видишь, что я здесь нашел, товарищ! – радостно показывает он какую-то книгу.

Таков он, потому и смог собрать библиотеку редких и редкостных книг, подобно которой вряд ли встретишь в Абхазии. Когда грузины напали на Абхазию, и война началась, почти всей абхазской интеллигенции пришлось покинуть Сухум. Хухут не сделал ни шагу, сказав: «Если убьют, пусть убивают среди моих книг». Что ему пришлось пережить, знает он сам, но все же сумел сохранить книги, которым он посвятил свою жизнь.

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление, прошу извинить меня. Нет почти ни одного абхазского писателя, от Дмитрия Гулиа до Николая Квициниа, кому я не посвятил бы стихов. Даже пародий и шуток, около двух часов выступал на сцене с ними, готовился к этому концерту почти год. Я там был и автором, и режиссером, и артистом. Не говоря о, скудном и без того нашем телевидении, радио или печати, никто из тех, кому было посвящено мое выступление, не выразил ни словом мнение свое, в то время, когда из всех районов Абхазии звонили мне с благодарностью люди.

Подводя итоги пятидесятилетней творческой деятельности, я подарил абхазскому читателю три тома поэзии, каждый из которых составлял 700 страниц. Ни слова не услышал в ответ. Настолько все это было ничтожно? Нет, я теперь уже перестал заниматься самоуничижением. Прекрасно знаю свои достоинства, как знаю и слабости. Я знаю, что некоторые пока что-то напишут, уже рассылают глашатаев, знаю, что другие добиваются, чтобы об их, еще не изданных произведениях писали большие критики, знаю многое делается для того, чтобы получить премию им. Дмитрия Гулиа – эту священную премию. Я стыжусь этого, я протестую против этого, меня оно возмущает и заставляет создавать произведения

Оказывается, Хухут Салуманович Бгажба в своем годовом плане в Абхазском институте запланировал критическое обсуждение моих произведений. Во время подведения итогов года, он выступил с докладом о моем творчестве. Долго выступал. Один из присутствовавших сотрудников, не выдержав, подскочил:

– Хухут Салуманович, он – хороший поэт, но Вы его слишком подняли, он на такую высоту не тянет?!

– Я говорил о его поэзии, товарищ! А проза его еще лучше! – говорят, ответил ему Хухут Салуманович, который никогда не лез за словом в карман.

Большим несчастьем стало то, что почти завершенная большая статья Хухута Салумановича, посвященная анализу моих романов, рассказов и новелл, была уничтожена во время войны, когда грузинскими гвардейцами было сожжено здание Абхазского института. А другая, завершенная часть (о поэзии) была у него дома, потому и сохранилась.

– Неплохо было бы уже опубликовать ее, – оказывается, сказал Руслан Капба, взяв эту статью, лежавшую на письменном столе нашего великого критика.

– Нет, спешить не нужно, товарищ! – ответил ему Хухут Салуманович, придвигая к себе мои три новых тома, лежавших на том же письменном столе.

И другое... Ездили ли вы куда-нибудь вместе с Хухутом Салумановичем? Нет? Знали бы, сколько потеряли! В молодости я слышал этот рассказ от Руслана Капба. Как-то вместе Хухут Бгажба и Иван Тарба поехали в Москву поездом. В то время на каждой станции заходили в вагон торговцы, предлагая пассажирам спиртные напитки, жареных куры, пирожки и всякие другие яства. Утром Иван Тарба вышел из купе, чтобы умыться, побриться, приходит обратно, видит его попутчик сидит за накрытым столом – спиртное, курятина, пироги… Хухут Салуманович экспромтом сочинил тут же шутку:

Иди, сын мой,
Иван Тарба,
Хлеб душистый
От души есть.

И я не раз бывал в поездках с Хухутом Салумановичем, своим поведением, интересной беседой он умел снять с тебя усталость, сделать путь короче. Трудно было раньше него полезть в карман, чтобы расплатиться! В дни, когда в Абхазии происходили встречи писателей и читателей, во многих застольях, когда приходилось нам оказаться рядом, слышал громкий, веселый, с шутливыми нотками голос Хухута Салумановича:

– Девушка, вот такой же кусок отдайте Георгию Гублиа, умеет он с уважением мясо кушать!

Или же:

– Вот это отдай Платону Бебиа, товарищ, грудинка бывает особенно вкусной!

Таким был Хухут Салуманович легко было с ним и ездить и сидеть за столом.

Хорошую женщину узнаешь по ее двору, хорошего крестьянина по борозде, а хорошего писателя – по его произведениям.

Как-то ночью, в начале второго раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку – звонит Хухут Салуманович:

– Знаю, что поздно, но… Меня беспокоит…

– Слушаю вас, Хухут. Салуманович.

– В моей рукописи, которую я вчера принес в издательство, на 115 странице, на четвертой строке третьего абзаца написано: «через большие бедствия», нужно заменить: «через несчастья, беды».

Огромное уважение слову – таков Хухут Соломонович Бгажба.

Недавно Хухут Бгажба совместно с Сергеем Зухба подготовили к печати книгу до сих пор неизвестных читателю произведений Дмитрия Гулиа. Это не просто одно стихотворение, рассказ или статья… Повторюсь, целая книга произведений! Она станет дополнением к уже изданным шести томам, седьмым томом произведений народного поэта. Разве только одно это не показывает нам Хухута Салумановича Бгажба, как человека, прекрасно исполняющего свой святой долг перед Абхазией, перед своим народом?! Несомненно!»

* * *

Ученый Ш. Инал-ипа, говоря о книге Хухута Бгажба «Очерки об абхазской литературе», изданной в 1960 году, справедливо заметил: «В этой книге собраны лучшие статьи, когда-либо написанные автором». От себя замечу, что речь идет о периоде до 1960 года, т.к. с тех пор появилось немало литературно-критических работ высокого уровня, написанных Хухутом Бгажба на абхазском и русском языках.

Как отмечено в предисловии к книге, в ней собрана часть работ, посвященных литературно-критическим вопросам, написанные автором с 1933 года. Здесь прослеживается процесс становления и развития абхазской литературы, а также рассматриваются некоторые актуальные вопросы теории литературы.

Конечно, книга Хухута Бгажба не является исчерпывающей по истории абхазской литературы – в ней не сказано или же сказано слишком общо и кратко о многих абхазских писателях, например: о Михе Лакрба, Киазыме Агумаа, Шалве Цвижба, Дзадзе Дарсалиа, Леонтии Лабахуа, Платоне Чкадуа, Мушни Папаскир и других, а также о молодых писателях. Но в то время, если внимательно просмотреть материалы, вошедшие в эту книгу, то нельзя не признать, что в ней на основе исторических документов и литературных фактов тщательно прослежен исторический путь, пройденный абхазской письменной художественной литературой со дня ее возникновения до 60-х годов XX столетия.

Не увлекаясь пересказом анализируемых им произведений, автор не выпускает из поля своего зрения вопросы, связанные с чистотой литературного языка и мастерством писателя, так как простое изложение содержания произведения, без его глубокого анализа и мастерства писателя, мало, что дает в оценке литературного творчества, а говорит лишь о поверхностном

обсуждении произведения: «Не обращать внимания на эстетические законы, не видеть специфику литературы, растянутость – делает бескрылой критику, ставит ее вне поля борьбы за высокое качество самой литературы.

Порой нас ослепляет факт или один рассказ, рифмоплетство, без направленной поэтической определенности, не дающее пищу для ума, которое мы воспринимаем за поэзию. Поэтому мы безжалостно должны бороться против схематичности, неразборчивости, или общих слов, декларационного характера, чтобы не дать возможности им утвердиться в литературе. Тогда мы окажемся отдаленными от излишней снисходительности и лести и лучше поймем цену произведениям, обладающим идейными и художественными достоинствами. Выкинем на обочину сырые, далекие от реальности, поверхностно скроенные произведения! Так, без всякой боязни и стеснения друг к другу мы будем работать, следуя законам принципиальной критики, современная абхазская литература сможет лучше справиться с поставленными перед ней задачами, чтобы стать оружием в деле воспитания советского народа в коммунистическом духе…

Абхазская литературная критика должна стать более острой, живой, глубоко эстетической».[1]

В своих литературно-критических статьях Хухут придерживался вышеупомянутых принципов. Два основных качества, присущих критику особенно бросаются в глаза при внимательном их чтении. Первое, определить с точки зрения эстетики художественную ценность произведения, независимо от того, малой или крупной оно формы, поэзия, проза или драматургия, отметить значение этого произведения в абхазской литературе, что нового оно несет в себе для приумножения нашего духовного богатства. А второе, обнаруживая один или два (возможно, даже и больше) недостатка в настоящем художественном произведении, критик всегда старался сделать так, чтобы помочь автору преодолеть их, а не «топить» его, имея для себя главной целью обратить на данное произведение внимание читателя, пропагандировать его.

На мой взгляд, вот эти две особенности, как говорится, красной нитью проходят через литературно-критические работы Хухута Бгажба. Они порождены любовью критика к своей национальной литературе. А значит, он всей душой желал, чтобы литература, основанная великим сыном абхазского народа Дмитрием Гулиа, стала выразителем воли народа, гордостью и бессмертным наследием нации. Ради этой святой цели он и

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки…, Сухум, 1960, с. 3–4, на абх. яз.*

работал, не жалея ни сил, ни знаний, ни времени. Но это ни коим образом не означало, что критик, единожды сказавши: «Выкинем на обочину сырые, далекие от реальности, поверхностно скроенные произведения!» – стал бы мириться со слабыми, случайными, недостойными произведениями, стал бы приукрашивать их достоинства.

Нет, логика критико-философских раздумий Хухута Бгажба была сильна и принципиальна, главным образом потому, что он изнутри жизненных реалий мог видеть и знать где пересекались и расходились границы начала и конца жизненной и художественной правды.

Безусловно, у молодой абхазской литературы не было больших традиций, да и критика тогда переживала стадию своего становления, недостатков, просчетов (а сколько было такого, что ей не позволяли?!) было немало. У первого абхазского критика, конечно же, не было того выбора литературного богатства, чтобы восклицать подобно В. Г. Белинскому, который писал: «Каждая эпоха русской литературы имела свое сознание о самой себе, выражавшееся в критике».[1] Все было по другому. Но, повторюсь, скудность, бедность и слабость произведения не могли разжалобить критика. Однако нужно заметить и другое. Дело критика (в любой литературе) не является простым, оно сопряжено со многими трудностями, переживаниями. К чему скрывать, не только цензура и государственное бдительное око беспокоят и выводят из себя критика. Удивительно, но нередки случаи, когда люди, с которыми он работает, авторы, произведение которых он разбирает и анализирует, относятся к нему недостойным образом, выказывая свое недовольство и множественные упреки (когда им не нравятся отзывы и кажется приниженными оценки их произведений), обвиняя его в необъективности.

Отношения критиков и писателей в любой литературе испокон веков были сложными, непростые они и сегодня. Мы не будем углубляться в известные нам факты, они могут нас далеко увести. Вспомним лишь историю появления великого русского критика В. Г. Белинского в русской литературной критике. Гордящихся собой и своей литературой русских писателей он поверг в замешательство и всеобщий шок своим громким и звонким заявлением: «У нас нет литературы…».[2]

Многие громко возмущались, что студент, исключенный из университета, осмелился так пренебрежительно отозвать-

[1] *В. Г. Белинский Полн. собр. соч., т. 9, М, 1955, с. 148.*

[2] *В. Г. Белинский, Собр. соч, т. 1, М. 1976, с. 49.*

ся о национальной литературе, позорить ее славное имя. Родившаяся тогда же ненависть многих русских писателей к В. Г. Белинскому так и приклеилась к нему до конца его жизни, как давление на него надоевшей цензуры, стоявшей на страже самовластия царя.

Говоря о цензуре, хочу привести один факт. Из письма великого русского критика к К. Д. Каверину, написанного незадолго до его смерти: «Знаете ли, какие лучшие мои статьи? Вы их не знаете: это те, которые не только не напечатаны, а никогда не были и написаны, и которые я слагал в голове моей во время поездок, гуляний, словом, в нерабочее мое время, когда ничто извне не понуждало меня приниматься за работу. Боже мой! Сколько ярких, неожиданных мыслей, сколько страниц живых, страстных, огненных!..».[1]

Здесь я вовсе не сравниваю судьбы и жизненные пути великого русского критика и абхазского критика, живших в разные эпохи, тем более не пытаюсь равнять их. Они абсолютно разные, и каждый из них в своей национальной литературе играет свою неповторимую роль, имеет свое место. Как известно, русская литературная критика существовала и до появления В. Г. Белинского, но никто не смог поднять ее уровень до него.

А что касается абхазского критика Хухута Бгажба, безусловно, он был нужен абхазской национальной литературе (повторюсь, так же, как и Белинский был нужен русской литературе) и является в ней значительной фигурой. Он основатель литературной художественной критики, которая научно исследует, защищает, пропагандирует и анализирует абхазскую литературу.

Как ученый и критик, Хухут Бгажба на своем пути сталкивался часто с незаслуженными упреками, несправедливостью и связанными с ними переживаниями. Помимо трудностей, порожденных суровыми временами сталинщины, сами же писатели и ученые, о творчестве которых он и заботился всей душой, создавали ему много проблем, приписывая ему многое, к чему он не имел отношения. Все это оставляло в его жизни свой след. Но Хухут Бгажба был человеком сильной воли и честной души, из тех, кто, как говорится в абхазской пословице, «умел остудить пищу прежде, чем съесть ее». Благодаря своей любви к собственному народу, к своему делу, он мужественно преодолевал проблемы, часто возникавшие на его жизненном и творческом пути.

---

[1] *В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, М. 1955, с. 379.*

Прежде чем приступить к анализу «Очерков...», касаясь взаимоотношений между писателями и критиками, хочу поделиться одним наблюдением, сделанным из моей литературной жизни.

На заседаниях, собраниях, связанных с вопросами литературы или же выступлениях в печати писатели открыто жалуются на отсутствие критики. Здесь я имею в виду не только абхазских писателей, а писателей вообще, так как подобное качество присуще всем писателям, будь они абхазами, русскими или кем угодно по национальности. Но стоит покритиковать их произведения, (под словом «критика» я здесь подразумеваю конструктивный, здоровый и благожелательный анализ произведения), как они сразу же становятся на «дыбы», считая эту критику злонамеренной и несправедливой.

Безусловно, такое отношение мешает критику, не дает ему свободно говорить и делать то, что он должен, более того, делает недостаточно качественной его работу. Понятно, критику, как некогда выразился поэт и прозаик Иван Тарба, любой писатель не сможет воспринять, как конфету, так же, как с появления вообще литературы ни один писатель в мире не писал «заявления», чтобы его покритиковали, и не напишет. Но критик, если он не злостный подстрекатель, а профессиональный человек, знающий и любящий литературу, способный помочь творческому процессу, объективен – голос его должен быть услышан. Это гораздо лучше, чем браниться или тихонько перемалывать кому-то косточки. Все это мы видим и в абхазской литературе, как и во всякой другой.

Я столько внимания уделил этому вопросу, так как и в книге Хухута Бгажба «Очерки...» мы сталкиваемся и с подобными мыслями.

К чему скрывать, критику Хухута Бгажба, его строгое слово не все писатели воспринимали однозначно, у некоторых оно вызывало недовольство, особенно у авторов слабых произведений. Да и сам критик иногда бывал излишне строгим, вспомним его статьи, написанных еще в молодые годы. Причина не только в юношеской запальчивости, горячности, максимализме, но в идеологических требованиях советского времени.

Книга «Очерки...» состоит из четырех разделов: Первые шаги; Писатели и книги; Об идейно-художественном мастерстве; Некоторые вопросы по теории литературы.

До появления «Очерков...» Хухута Бгажба не было работ, критически исследовавших абхазскую литературу . Книга стала событием в нашей литературной жизни. В ней исследовалась история абхазской литературы, анализировались ее современ-

ное состояние и перспективы путь развития, показано целое поколение молодых талантливых писателей, двигавших литературу вперед. В то время, когда абхазская литература получила возможность дышать полной грудью, слово такого опытного критика, как Хухут Бгажба. Его мысли, советы и пожелания были крайне актуальны.

Книга открывается статьей «Об абхазской письменности», написанная в 1955 году. В ней автор рассказывает о тернистом пути, пройденном абхазской письменностью. Хухут отмечает, что абхазы в древности не были отчуждены от образования, они являлись частью цивилизованных стран мира, имели тесные контакты с передовыми странами: «До того, как появилась письменность на абхазском языке, впервые абхазские слова в книгу записал турецкий путешественник Эвлия Челеби в 1641 году. Путешествовавший по Кавказу русский академик Гюльденштедт во второй половине XVIII века записал на латинском шрифте абхазские слова. Они вошли во вторую часть его книги под названием «Путешествия…». Абхазские слова вошли и в книгу И. Клапрота «Путешествия по горам Кавказа и Грузии», вышедшей в свет в 1814 году. Впервые о вопросах абхазской грамматики заговорил Георгий Розен в своей книге об осетинском языке, вышедшей в Берлине в 1828 году. Абхазские слова он записал и опубликовал грузинскими буквами».[1]

Хухут Бгажба отмечает и высоко оценивает роль тех людей, кто впервые заговорил о создании абхазской письменности и помог ее развитию. Тех, кто содействовал тому, чтобы к ней с большим вниманием отнеслись в будущем ученые П. К. Услар, генерал И. Бартоломей, Д. Пурцеладзе, В. Трирогов, К. Мачавариани, Н. Марр, Н. Яковлев, М. Заводский и др. Но, к великому счастью, развить нашу абхазскую письменность, сделать ее доступной для абхазского народа, распространить и практически использовать ее смогли сами представители абхазской интеллигенции, появившиеся после присоединения Абхазии к России. Автор особо отмечает огромный труд основоположников, зачинателей: Георгий Курцикидзе (Қәырцикьизе), Иван Гегиа (Гьсгьиа), Семен Эшба (помощники комиссии под руководством генерала Бартоломея), К. Чачба, Г. Чачба, Даут Кац-ипа Маан (Даут Кац-ипа Маан, один из переводчиков «Краткое житие святого», вышедшей в Тбилиси в 1866 году), Фома Эшба (начавший в 1883 году учительскую деятельность), Д. Гулиа (основатель абхазской художественной литературы). А также представители абхазской интеллигенции, появившиеся после

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 8.*

открытий школ в Абхазии – В. Гарцкиа, А. Чочуа, С. Чанба, С. Басариа, П. Шакрыл, Д. Маан, К. Дзидзария, А. Чукбар, Н. Патеипа, М. Хашба. По словам критика, развитие школ, а также появление местной интеллигенции, несмотря на русификаторскую политику, проводимую царизмом, сближала абхазский народ с русской передовой культурой. Но в то же время абхазская письменность на практике имела очень слабое применение вплоть до 1905 года. «После выхода в свет первого букваря в Абхазии произошли события, отрицательно повлиявшие на развитие абхазской народной культуры. В 1866 году здесь произошло вооруженное народное выступление, вслед за ним последовали суровые репрессии. После русско-турецкой войны 1877–1878 годов часть абхазского народа была выслана в султанскую Турцию. Так произошло то, что называют махаджирством».[1]

Безусловно, все это тормозило и мешало развитию абхазской письменности.

В статье Хухут Бгажба особо отмечает заслуги П. К. Услара, он с огромным уважением отзывается о его работе, сделанной во благо абхазского народа, подчеркивает, что написанная им «абхазская грамматика до сегодняшнего дня не потеряла актуальности, она стала прекрасным памятником в исследовании истории абхазского языка

В статье приводился и первый абхазский алфавит, составленный Усларом на основе русской графики. Алфавит Услара содержал в себе 55 букв.

Фонетический абхазский и русский языки совершенно разные, общими для этих языков являются всего 24 звука: 5 гласных и 19 согласных. Чтобы обозначить в абхазском алфавите общие для обоих языков звуки, Услар использовал из русского алфавита 24 буквы: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, , к, л, м, н, о, п, р, т, у, ф, х, ц, ш. Чтобы дополнить остальные звуки, которых не хватило, Услар использовал три грузинских звука, изменив форму их письма на латинский лад –I, g, h; а затем добавил вспомогательные знаки к русским буквам, служившие им основой. Или же изменил форму их письма, скажем так: з,ц,е,к,г,т,о (эти буквы присутствуют и в сегодняшнем нашем алфавите).

В своем алфавите Услар обозначил и особые звуки, характерные для бзыбского диалекта.

Хухут Бгажба отмечает, что по распоряжению «Общества восстановления христианства на Кавказе» с 1860 года работала Комиссия под руководством Н. Бартоломея, которая в 1862 году составила абхазский букварь. Его рассмотрели в 1863 году

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 8.*

К. Чачба, а в 1864 году Г. Чачба. По их решению, комиссия согласилась не включить в букварь своеобразные звуки бзыбского диалекта, а приняла общую для всех абхазов лексику и признала алфавит, составленный П. К. Усларом более близким абхазскому языку, чем составленный Комиссией.

Ученый описывает все трансформации, изменения, которые происходили с абхазским алфавитом с первых дней Советской власти в Абхазии. С 1926 по 1954 год абхазский алфавит меняли четыре раза, но в конце утвердили его на основе русской графики, использовали при этом составленный П. Усларом алфавит и его варианты.

«Изменения, происходившие с алфавитом, к чему скрывать, в чем-то отрицательно влияли на абхазскую письменность, задерживая ее развитие» – заключает ученый.

В следующей части книги Хухут Бгажба вновь возвращается к анализу творчества, дополняя его новыми материалами. Время, которое исследует ученый, охватывает период до 1921 г.: речь идет о художественных произведениях нашего патриарха, его просветительской и научной деятельности. После этого ученый считает нужным ознакомить читателя и с другими страницами из истории абхазской литературы, касаясь литературно-художественных произведений, опубликованных на страницах первой абхазской газеты «Апсны» и их авторов, Хухут говорил позднее: «Насколько мне известно, никто из ученых еще последовательно не занимался исследованием и научным использованием материалов (статей, стихотворений, коротких рассказов, басней), напечатанных в газете «Апсны». Только изредка, весьма поверхностно используются некоторые материалы, да и те наиболее известные. Но в этих материалах есть люди, благодаря которым газета «Апсны» дошла до народа, придавшие новые силы нашей литературе, содействовавшие становлению абхазской печати и в то же время совершенно неизвестные нам имена, скрытые архивной пылью. Правда, в своей большой статье «Несколько страниц из истории абхазской литературы», опубликованной в 1956 году, я писал о многих авторах, печатавших свои материалы в газете «Апсны» (1919–1920), но позже хотел вернуться к этой теме более основательно и написать о творчестве и тех авторов, которых мне не удалось тогда охватить. Но желание мое до сих пор так и остается невыполненным из-за своей творческой и научной загруженности. Но, повторюсь, вернуться к ним необходимо, это – справедливо, нельзя забывать имена этих людей. Они были верными единомышленниками, стояли рядом с Дмитрием Гулиа и Самсоном

Чанба в деле развития национальной письменности и печати».

Критик знакомит читателей со многими молодыми авторами, публиковавшими свои произведения в газете «Апсны» и тем самым, наряду с Дмитрием Гулиа и Самсоном Чанба стоявшими у истоков становления и развития абхазской письменности: Д. Алания, М. Чалмаз, И. Когониа, М. Хашба, Д. Дарсалиа, М. Лакрба, А. Шакая, Ш. Хокерба, Ш. Емхаа, М. Булиа, О. Чачаа, Т. Лагулаа, П. Шакрыл…

Анализируя произведения авторов газеты «Апсны», Хухут Бгажба отмечал тот несомненный факт, что во время господства грузинских меньшевиков в Абхазии, они своими произведениями прививали народу идеи свободы и независимости. Критик особо выделяет стихотворения Михи Лакрба «В тюрьме», «Моя родина», «Послание Дмитрию Гулиа»: «Эти стихотворения говорят нам, что он уже выступал, как талантливый, опытный поэт. О трепетном отношении к стихотворению, о его форме и стихосложении, правилам, которые следует соблюдать, говорит статья М. Лакрба «Протягивай ножки по длине своего одеяла». Читая публикации в газете «Апсны», М. Лакрба увидел и немало такого, что вызвало его недовольство. «Смотришь на стихи – действительно, с виду, вроде и имеет форму стиха, но начнешь читать, голова идет кругом – невозможно понять, о чем оно написано. Если бы оно было написано в общей, хотя бы прозаической форме, можно было еще что-то и разобрать, но так как это похоже на «стихотворение», нужно самому иметь голову писавшего, иначе трудно разгадать подобную шараду...

Стихотворение нельзя писать, как попало; оно имеет свою схему, свои основополагающие стихотворные законы. Их нужно знать хорошо, обучаться и иметь способности к стихотворчеству. Если и умеешь писать, нужно знать что, где и как писать. Не зная всего этого, писать просто, внешне подобное стихотворению, нельзя. Может, они думают, что для абхазского языка чужды все эти знания и правила. Нет…

Все, о чем я говорю, очень подходит и хорошо соответствует абхазскому языку».[1]

Хухут Бгажба отмечал, что М. Лакрба ставил вопросы, касающиеся профессионального отношения к мастерству, которые являются актуальными и в наше время в деле развития абхазской поэзии.

Говоря о роли и значении авторов газеты, критик подчеркивал: во-первых, благодаря им газеты «Апсны», абхазская литература приобрела тогда поклонников, стал очевидным

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 46–47.*

тот факт, что литература – часть духовного богатства нации, близка по духу народу; во-вторых, сама национальная литература вышла из колыбельного возраста и сделала первые самостоятельные шаги, представив читателю все жанры литературы – рассказ, драму, публицистику и переводы и тому подобное.

Обращение Хухута Бгажба к истории абхазской литературы было вполне естественно. Дело в том, что новое поколение, появившееся в 50-е годы (и писатели, и читатели) очень мало знали или вовсе не слышали о многих тех молодых писателях, которые стояли наряду с основоположниками у истоков появления абхазской литературы. О той талантливой молодежи, жизнь и судьба которой сложились по-разному: кто-то не смог выразить в дальнейшем себя, у кого-то в расцвете сил оборвалась жизнь. Абхазский читатель должен был знать эти исторические страницы, к тому же они обогащали и расширяли всю историю народа, рассказывали нам о многом и многих. Но, как я уже говорил выше, он не успел ее дополнить, сделать ее на том уровне, на котором хотел бы сам. Завершить эту работу он поручил мне, отдав все собранные документы и материалы. На основе них создана моя книга[1], вышедшая в 2002 году. Я сделал, что смог, но думается, что если бы он сам успел осуществить задуманную работу, было бы гораздо лучше. Как бы то ни было, меня согревает мысль о том, что я приложил все силы, чтобы завершить начатое нашим великим ученым.

Во втором разделе «Очерков...» под названием «Писатели и книги» Хухут Бгажба исследует творчество Иуа Когониа, которого поэт и ученый М. Ласуриа назвал «Абатаа», героем абхазской поэзии». Критик высоко оценивает литературное наследие Иуа Когониа: «Язык Иуа Когониа чист, как горный ручей и лаконичен, он близок языку народной речи… Писать просто и четко, чтобы и содержание было близко и понятно народу – это признак большого таланта.

Язык писателя, если он отдалится от своей народной основы или же не будет обращать на него внимания – неминуемо завянет. Язык же И. Когониа по своей структуре, художественности и близости к народу – прекрасный пример для абхазских писателей…».[2]

На литературное творчество Иуа Когониа было отпущено всего пять лет, но своими произведениями он сумел обогатить

---

[1] *Р. Х. Капба. Если мы удостоимся…, Сухум, 2002, на абх. яз.*

[2] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 68–69.*

абхазскую поэзию. Выражаясь словами поэта Леуарсы Квициния: «Поэмы Когониа, оставив страницы, на которых они написаны, скачут по горам и ущельям».

В разделе Хухут Бгажба опубликовал две статьи, посвященные творчеству С. Чанба. Первая – «Основоположник абхазской драматургии», а вторая – «Работа С. Чанба над поэмой «Дочь гор». В обоих критик отмечает огромный вклад С. Чанба в дело развития абхазской художественной литературы.

Анализируя драму «Махаджиры», стоявшую у истоков нашей национальной драматургии, критик отмечает появление в ней бесценных, напряженных, пропитанных потом и кровью нашего народа страниц истории, но в это же время драма вовсе не вызывает пессимистические настроения, чувства безысходности, наоборот, она зовет человека к борьбе, усиливает его ненависть к врагу, пробуждает силы для сопротивления, порождает отвращение к паршивому прошлому»[1].

Пьесы Самсона Чанба на историческую тематику «Апсны-Ханум», «Один день из прошлого», посвященные трудному периоду господства грузинских меньшевиков в Абхазии, Хухут Бгажба оценивает также очень высоко, но не умалчивает и об их недостатках.

Рассматривая такие произведения автора, как «Пьяный оплакивал покойников», «Бог Саваоф» и другие, критик отмечает несомненный юмористический талант С. Чанба, его умение мастерски создавать сатирические, комедийные образы. Критик не забывает подчеркнуть, что С. Чанба проявляет больший талант и умение в создании прозы. Он на высоком профессиональном уровне анализирует его прозаические произведения, к примеру, рассказы «Камень с очага моего дедушки», «Эх, Аллах, Аллах!» и повесть «Сейдык».

Статья «Работа С. Чанба над поэмой «Дочь гор» – интересное явление в нашей литературе. Работы, посвященные текстологии, вообще, очень редкое явление в нашей литературной критике. Насколько мне помнится, есть еще только статья безвременно ушедшего ученого Артура Аншба под названием «О вопросе абхазской текстологии», написанная в 1977 году.

Текстология занимается исследованием, изучением истории произведения (исторического документа, художественного произведения). Не исследовав, глубоко не вникнув в историю художественного произведения, трудно правильно понять форму и содержание произведения.[2]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., стр 71.*

[2] *А. А. Аншба. Перекличка времен, Сухум, 1986, с. 34–41.*

Х. Бгажба исследует одно из лучших поэтических творений Самсона Чанба, к тому же одно из первых опубликованных им художественных произведений. Критик сравнивает все три варианта поэмы, показывая процесс работы над ними, изменения, которые вносил автор. Первый вариант этой поэмы назывался «Она была удивительно прекрасна» был опубликован в «Апсны» (№14, 1919), а второй – «Дочь гор» появился в печати в 1925 году, третий же вариант – в 1934 году.

Критик четко и ясно раскрыл работу автора над поэмой, показал, как постепенно развивалось и крепло мастерство С. Чанба. Если в первом и втором варианте образы зачастую являются абстрактными, много общих мест, то в последнем варианте они более жизненны, конкретны и более близки к реальным, да и язык становится более ясным, понятным, говоря иначе, более полно отражена жизнь страны Дочери гор – ее прошлое, настоящее, возможности и свобода, которые она получила, благодаря Октябрю.

На мой взгляд Хухут Бгажба замечательным образом показал творческую лабораторию С.Чанба. Жаль, что подобные статьи, написанные на высоком профессиональном уровне, посвященные текстологии, так редки в современном абхазском литературоведении.

Благодаря Хухуту Бгажба для читателя стало доступно литературное наследие абхазского писателя и государственно-общественного деятеля Вл. Агрба, уничтоженного в расцвете сил. В 1959 году он издал отдельным сборником сохраненные им произведения Вл. Агрба. В предисловии к которому отмечается: «В эту книгу вошли произведения Владимира Агрба, опубликованные еще при его жизни. Рукописи не сохранились. В книгу не попали несколько его стихотворений и статей, напечатанных в газете «Апсны капш» и в некоторых других сборниках. Собрать их – дальнейшая работа исследователей. Однако, собранные в этой книге произведения дают достаточно ясное представление о творческой деятельности Владимира Агрба. Книга, о которой мы ведем речь, вошла значительным явлением в абхазскую литературу, став ее живой ветвью.... Более 20 лет произведения нашего писателя были потеряны, до этой книги никто из моего поколения не читал его произведений»[1].

Х. Бгажба и Владимир Агрба были знакомы и дружили еще со времен учебы в Абхазской школе. Вл. Агрба был из тех, о ком критик писал: «...в стенах абхазской школы приобрели «литературное тело» многие наши в будущем известные писатели».

[1] *См.Владимир Агрба. Сочинения. Сухум, 1959.*

Хухут Бгажба с самого начала интересовался его талантом, произведениями, так как видел в нем стремление к литературному творчеству и понимал, что появился человек, способный сделать многое для развития абхазской литературы.

В 1931 году Вл. Агрба выпустил в свет книгу под названием «Солнце всходит», в которой были собраны лучшие произведения писателя. Среди них повесть «Рождение колхоза «Вперед» – первое произведение в этом жанре в абхазской литературе, которую М. Хашба в свое время называл «весенней ласточкой». Остальные в сборнике – стихотворения. Хухут Бгажба еще в 1933 году написал статью «Хороший вклад в абхазскую литературу», которая послужила основой для статьи в «Очерках...». В ней критически разбирается первая абхазская повесть, впервые дается, или устанавливается творческая биография автора. Связывая ее со временем, в котором она рождена, критик анализирует образы главных героев, говорит о достоинствах и слабостях произведения. Борьба нового со старым, коллективизация были главными, наиболее актуальными темами тогда во всей советской литературе. В абхазской литературе впервые эту тему затронул Вл. Агрба, а затем уже Самсон Чанба и Иван Папаскир.

Хухут подчеркивает основные цели, которые преследуют главный герой произведения Езыгу (Езыгәы), другие положительные и отрицательные персонажи этого произведения, о том, что их волнует в установившемся новом времени. Одни – Езыгу и его друзья – не жалеют собственной жизни за народное дело, за организацию колхозов, за коллективную жизнь крестьян. А другие, подобно Цвгямшу (Цәгьамш, ненастный день – Р. К.) и его друзьям, думают только о том, как помешать этой новой жизни, расстроить колхозные дела. Критик раскрывает, как все это художественно отобразил писатель. Отмечаются и ошибки, которые, на взгляд Хухута, имелись в повести.

Далее критик приступает к анализу стихотворений Вл. Агрба. «Во все времена поэтическое произведение не падает с неба на человека. Это все результат неустанной работы. В этом деле необходимо использовать многовековой опыт классического литературного творчества».[1] Несомненно, отмечает Хухут Бгажба, что тематика поэта лучшим образом перекликается с новым временем, отражает вопросы, которые ставит время, затем, автор стремится улучшить форму и структуру стихосложения, и в этом направлении добивается неплохих результатов, так как есть удачные стихи. Но пока не утвердился стиль поэта, мы встречаем

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 100.*

стихотворения, в которых нарушен ритм, написанных общими, поверхностными словами, например, вот такое:

Должны жить мы коллективно,
Поднимая нашу ячейку,
Выполняя наши ударные планы!

«В одном маленьком куплете стало тяжело вместить и коллективное хозяйство, и поднятие ячейки и ударное выполнение планов».[1] Но несмотря на указанные слабости, Хухут Бгажба отлично видит, что в абхазской литературе появился талантливый писатель: «В своем творчестве Владимир Агрба несомненно имеет удачи, у него есть талант. И что главное – на жизнь смотрит острым взглядом, замечает в ней конфликты и противоречия. Язык у писателя острый. «Рождение нашего колхоза «Вперед» – первая абхазская повесть, посвященная организации колхозов. Это свидетельствует о том, что Вл. Агрба один из перспективных абхазских писателей, вошедших в национальную нашу литературу».[2]

Позже, в 1974 году, ныне покойный ученый В. Дарсалиа опубликовал на русском языке монографию «Владимир Агрба». В ней широко и всесторонне исследуется жизнь и творчество прозаика, драматурга, поэта, общественного и государственного деятеля. В книге Владимира Анкваб (Анқәаб) «Становление абхазской прозы и пути ее развития» (1986) особое место занимает исследование творчества Вл. Агрба. Но до этих пор писателя знали только благодаря Х. Бгажба. Я не знаю, по какой причине, но в книгу Шалвы Инал-ипа «Из истории абхазской литературы» не вошла статья о Вл. Агрба.

Хухут Бгажба уделяет внимание и драматическим произведениям автора. Вл. Агрба вошел в литературу с 1928 года, когда ему было всего 16 лет. Тогда отдельной книгой вышла его первая пьеса «Посеешь ветер – пожнешь бурю». Он также написал в 1931 году историческую драму в четырех действиях «Кровавый путь». В ней автор затрагивает одно из самых значительных событий в истории Абхазии – вооруженное восстание абхазского народа против администрации российского царя и местного управления, имевшее место в 1866 году. «Несмотря на отсутствие у него исторических материалов, Владимир Агрба, используя народные сказания, написал историческую драму. В ней есть надолго запоминающиеся образы».[3]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 101.*

[2] *Там же, с. 102.*

[3] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 92.*

Хухут Бгажба обращает внимание и на пьесу, написанную Вл. Агрба совместно с Самсоном Чанба в 1932 году о становлении колхозов, отмечает новизну темы. «Как показывают сами авторы, они написали свою пьесу, взяв за основу пьесу Киршона «Хлеб»... это – оригинальная пьеса, глубоко отображающая жизнь абхазского крестьянства того времени. Этим произведением... ввели в абхазскую литературу первое драматическое произведение, отражающее жизнь советского села».[1]

Много времени утекло с тех пор, изменилась эпоха, в которой жили герои Вл. Агрба.

Но неверно считать, что все бесследно сгинуло. Та новая жизнь, которую они строили, за которую боролись Езыгу и его сподвижники, была, как минимум, неоднозначна. Да, абхазский народ не воспринял организаницию колхозов радостно, как ребенок конфету, вспомним Дурыпшский (Дәрыцшь) сход (Дурыпшский сход – сход абхазского народа в селе Дурыпш в 1931 году, направленный против политики насильственной (сплошной)коллективизации. – Р. К.).

Но, с другой стороны, Советская власть дала абхазам возможность восстановить свою более, чем 1200-летнюю государственность, способствовала развитию национального языка и культуры. Поэтому народ, хотя и не все из ее действий понимал, или принимал сразу, но в целом верил во власть, искал у нее защиты или понимания. Даже в сталинские годы. Не мог, конечно, и забывать о своих далеко не безграничных возможностях для противостояния.

Эти обстоятельство нужно учитывать, когда мы рассматриваем произведения Вл. Агрба и других авторов, посвященных колхозному строительству. Но нам нельзя отчуждаться от их творчества: блестящий, неповторимый язык и художественное мастерство их произведений, реалии жизни в них отраженные, роль, которую они сыграли в истории развития абхазской культуры, останется невсегда. Мы не должны забывать, что все это – История. Ее «нельзя выбросить, иначе забудешь и себя».

Уверен, повесть В. Агрба нельзя было изымать из школьной программы. Это говорит лишь о нашей недальновидности: коль мы так легко выбрасываем из собственной жизни действительные исторические литературные факты и высокохудожественные произведения.

Хухут Бгажба с юношеских лет до последних дней жизни не только интересовался литературной судьбой подраставшей молодежи, особо заботился о ней, стремясь нацеленно помочь

[1] *Там же, с. 93.*

развитию абхазской литературы, но и заботился о литературном наследии, иначе бы на протяжении всей своей творческой жизни не собирал, не сохранял и впоследствии не издавал многие произведения наших писателей и ученых, творческая судьба которых не сложилась или оборвалась по разным причинам, не писал к ним предисловия, не спасал их от архивной пыли, не делал, таким образом, их творческое наследие духовным достоянием нашего народа. А он сохранял все, что появлялось новое и интересное в газетах и журналах, аккуратно вырезав, складывал в папки статьи и публикации, произведения уже ныне покойных авторов, а также рукописи, попадавшие ему в руки, думал опубликовать их при возможности, хранил в архиве.

Вспоминаю, как-то просматривая архив Хухута Бгажба, когда его уже не было с нами, в поисках нужных мне материалов для этой книги, я открыл одну толстую папку (а их в архиве много), и наткнулся на газету «Апсны» (№2, 1999).

Желая узнать, почему критик решил сохранить именно этот номер, я перелистал страницы газеты и на третьей увидел, набранный большими черными буквами заголовок статьи под названием: «Поэт, имя которого нельзя отдать забвению». Статья была посвящена Евгению Хашба. Ее автором являлся Хухут Бгажба. Под статьей были размещены стихи Евгения Хашба.

«В статье о Е. Хашба, опубликованной в Очамчырской районной газете «К коммунизму» 19 марта 1968 года говорится: «Не все почки на ветке могут превратиться в пышные цветы. Некоторым с самого начала благосклонна жизнь, улыбается удача, они и достигают своей цели. А звезда других падает, не достигнув небосклона. К людям с несостоявшейся, короткой судьбой можно причислить и Евгения Хашба».

Евгений Хашба не успел выразить своего поэтического дарования и, возможно, не сохранилось и то немногое, что он написал. Но то, что осталось, дает нам право убедиться в его одаренности, в том, что он обладал хорошим поэтическим вкусом. При жизни, несмотря на то, что у него было что печатать, его произведения крайне редко публиковали на страницах газет и журналов.

К чему скрывать, порой мы не замечаем тех, кто способен и умеет писать. Так или иначе, главное, каждый писатель – великий он или малоизвестный – не должен после смерти остаться без внимания, в забвении. Если при жизни писателю по разным причинам не удалось опубликовать свои произведения, нужно найти и печатать их посмертно, если осталось что-то ценное из написанного им, чтобы его творчество донести до читателя.

Я думаю, что забытые стихотворения Е. Хашба, хотя их и немного, стоит опубликовать и донести до читателя. Написать, публикуемую мной ниже его биографию, помогли сведения, данные мне Инной Хашба и Сергеем Зухба.

Евгений (дома его называли Вербей) Жигуавич (Жьыгәаипа) Хашба родился в селе Пакуаш в 1916 году. Окончив школу в своем селе, учился сначала в Очамчыре, а затем работал во многих школах: в Ткуарчале, Бедии, Пакуаше. С начала Великой Отечественной войны (1941–1945) был воином, сражался на многих фронтах, был в составе советской воинской части, которую ввели в Иран. Оттуда вернулся тяжело больным. Долго лечился, но лучше ему не стало. Ушел из жизни в 1957 году. Евгений был женат на Фене Дамеевне Гиндиа (Гындиа), которая оставалась до конца его верной спутницей и надежным другом, воспитала их троих сыновей.

Большинство стихотворений Евгения Хашба по жанру можно отнести к басням. Например, «Лиса и дрозд», «Рыба и муравей», «Домашняя свинья и дикая свинья», «Ленивый вол», «Крестьянин и буйвол», «Корова и осел», «Подыхавшая лиса» и др. Местами заметно влияние стихосложения Крылова. Но в целом Е. Хашба удавалось интересно сложить басню, выразить свою мысль, в конце вывести мораль. Например:

Никогда свое дело
Не дай решать другому,
Свое дело преодолеть должен сам,
Советам же другого следуй наполовину.
Он решает так, чтоб сладко было ему
Для другого же оно терпко, словно горлинка…
Обычно кудахчем друг другу,
Будто не проживем и дня друг без друга,
Но, оказавшись у края,
Кидаемся спасать собственную шкуру, дрожа за себя.

В дальнейшем Е. Хашба в своих произведениях часто использует, обработав, абхазские народные короткие рассказы и пословицы о традициях, чести и совести.

Есть у него стихотворения на военную тематику («Мать сына провожала», «Не напрасно пролилась моя кровь…») В одном из них он говорит об истории человека, вернувшегося с войны:

Тогда надежда матери
Засияет ясным месяцем на небе.

Тогда она со своим голубоглазым сыном
Закружится в танце.

Любимой родной Абхазии он посвящает теплые поэтические строки:

Ты одна моя весна родная моя,
Самая лучшая,
Неповторимая для меня,
Свою поэзию, вновь распускающуюся,
Постоянно стремящаяся к радости
Ее я дарю тебе.

В заключение хочу сказать, что в моем личном архиве остаются стихотворения Е. Хашба, когда-то случайно оказавшиеся у меня. Считаю, что стоит отобрать лучшие из них и издать отдельной книгой. Это было бы справедливо. А сейчас, читатели, предлагаем вам некоторые из них».[1]

Как мы видим, Хухут Бгажба хотел, как это он делал и в отношении творчества других писателей, собрать стихотворения Евгения Хашба и издать их отдельной книгой, написать к ней предисловие, но не успел, был очень занят исследовательской, научной работой, да и его годы не давали ему многого сделать. Однажды, когда я пришел к нему в гости, он отдал мне эти стихотворения с просьбой что-нибудь с ними сделать, предупредив, что это литературное наследие, не дай Бог, потеряется или же, если самому мне будет не под силу, отдать поэтессе Инне. Они у меня хранились некоторое время, затем отдал это наследие Инне Хашба, посчитав, что для нее это ближе, ведь автор ее однофамилец. Но они снова вернулись ко мне, и я решил, поработав и составив, издать их с собственным предисловием. Если говорить словами Хухута Бгажба, во-первых, «они того стоят», а во-вторых, это справедливо по отношению к самой литературе.

Немного отвлекся от главной темы, но потому, что хотел подчеркнуть тот факт, что Хухут Бгажба, не в пример некоторым другим исследователям, не делил писателей и ученых по рангам – на великих и малоизвестных. Не отличал их по тем, кто какую занимает должность, или насколько высоки родственные связи того или другого деятеля. Главным критерием для него всегда оставался реальный вклад писателя, поэта или ученого в нашу духовную культуру. Он всю жизнь стремился к тому, чтобы не затерялось и не покрылось архивной пылью

[1] *Газета «Апсны», №2, 1999, 7 января, на абх. яз.*

хотя бы самая малая толика того, что сделано от всей души, является плодом настоящего творчества.

Об этом свидетельствует и то, что было сделано Хухутом Бгажба для увековечения имени поэта Отара Демердж-ипа, погибшего в результате несчастного случая в самом начале своего творческого пути. Он собрал стихотворения и статьи Отара Демердж-ипа, написал к ним предисловие и издал отдельной книгой в 1958 году в Сухуме. Редактором книги является поэт, прозаик, общественный и государственный деятель Алексей Джонуа.

Говоря о редакторе, хочу здесь вспомнить вот о чем.

Молодежь моего поколения совершенно не знала о творчестве Отара Демердж-ипа и, когда вышла его книга, с удовольствием восприняли его произведения (стихотворения и статьи), радуясь, что есть еще один талантливый человек в абхазской литературе, хотя его уже и не было в живых. С моим другом Сергеем Зухба (тогда оба были еще студентами, учились на V курсе вновь открытого в СГПИ им. М. Горького абхазского филологического факультета) написали совместную статью, посвященную книге Отара Демердж-ипа и принесли в журнал «Алашара», лично его главному редактору Алексею Джонуа. Он прочитал нашу статью сразу же, пока мы у него сидели. В нашей статье всего лишь в одном предложении мы писали о редакторе книги следующее: «В книгу Отара Демердж-ипа вложен огромный труд редактора Алексея Джонуа, который отнесся к ней с большим вниманием (так оно и было). Прочитав это предложение, редактор, улыбнувшись, сказал: «Эти слова я вычеркну в вашем же присутствии». Он посмотрел на нас и еще раз улыбнулся своей доброй улыбкой, которая так часто освещала его лицо и делала еще обаятельнее. Спорить не осмелились, сидели робко, с волнением думая, примет ли он нашу статью.

– Моего труда там мало, сделал то, что должен редактор по своей сути. А потом, я же – редактор, некрасиво хвалить меня в статье, как-то нетактично. А вы не назвали того, чей труд в действительности вложен в эту книгу. Не было бы этой книги, о которой пишете вы, и которую редактировал я, если бы не Хухут Бгажба, нашедший в архиве стихи и статьи О.Демердж-ипа, составителя этой книги и автора предисловия к ней.

Мы с Сергеем вышли из кабинета редактора, окрыленные удачей. Для нас обоих это была первая критическая статья, написанная совместно, а затем опубликованная в журнале под названием: «Великолепное начало».[1]

---

[1] *Журнал «Алашара» №1, 1959.*

Действительно, если бы не Хухут Бгажба, никто бы так и не узнал, что Отар Демердж-ипа писал стихи, статьи, публиковался. Кроме, возможно, его школьных друзей, да и тех ныне никого уже в живых не осталось. Словом, так и остался бы белым пятном в истории нашей литературы талантливый поэт Отар Демердж-ипа, судьба которого оказалась несчастливой.

В статье, критик рассказывает о жизни и судьбе поэта, с болью отмечает, что после смерти О.Демердж-ипа не нашлось ни одного человека, который сохранил бы его рукописи, поэтому эта часть его творческого наследия навсегда потерянна для абхазской литературы. «В первые годы Советской власти в абхазскую поэзию, только набиравшую тогда темпы развития, вошел талантливый поэт Отар Демердж-ипа, и не просто вошел, а ворвался с огромным горячим желанием трудиться на ее ниве, полный надежд и стремления посвятить себя народному делу. Его особенно вдохновляла свобода, которую принесла с собой Октябрьская социалистическая революция. Он горячо любил свою маленькую Апсны, разбуженную Великим Октябрем, расцветшую под его теплыми лучами, воспевал все, что помогало расправить крылья любимой родины – «4 марта», «Великий Октябрь в Абхазии». С гордостью поэт говорил: «Октябрь – это я!» В его сердце особое место занимал прочувствованный образ... Ленина, которому поэт посвятил свои лучшие стихотворения. «Ленин – наше солнце»...

Лирика Отара Демердж-ипа очень живая, чувственная, искренняя, ее легко воспринять, она имеет свой ритм... является частицей глубоких размышлений о реальной, настоящей жизни. В стихотворениях молодого поэта, (они все написаны до его 20-летнего возраста) как нельзя лучше отражается, что он дышал в соответствии с ритмом современной ему жизни, откликаясь на ее проявления. Все что им написано, проникнуто чувствами, заставляет думать читателя, имеет художественную ценность. Такими являются его стихотворения: «Будьте счастливы!», «Море ночью», «Иуа Абасович Когониа», «Что мешает мне летать?», а также и посвященные любви, отражающие личные мысли и чувства лирические строки. Он реагировал и на негативные явления жизни того времени, мешавшие обществу двигаться вперед, выступал против устаревших и вредных обычаев (таковы его произведения «Поминки», «Кузница Ханашва»).

Изданием книги О. Демердж-ипа абхазская литература обогатилась ценным поэтическим творчеством, остававшимся до сих пор забытым».[1]

---

[1] *Отар Демердж-ипа. Стихотворения и статьи, Сухум, 1958, с. 78.*

Как мы видим, критик в краткой, но выразительной форме анализирует творчество поэта, высоко оценивает их художественную значимость, желает, эти произведения надолго сохранились в памяти читателя. Благодаря Хухуту Бгажба, Отар Демердж-ипа, со своим неповторимым лицом и самобытностью навсегда вошел в большую семью абхазской литературы. Сколько таких имен!

* * *

Хухут Бгажба, с самого начала литературно–критического творчества с особым вниманием относился к произведениям молодого поэта Леуарсы Квициниа, геройски погибшего во время Великой Отечественной войны. Он всегда стремился представить его творчество широкому читателю, прекрасно понимая, что оно порождено настоящим талантом. Часто выступал в печати с художественным анализом произведений этого поэта. Они были знакомы еще со времен учебы в Абхазской школе, дружили.

В 1933 году Хухут Бгажба почти одновременно написал две статьи, посвященные Леуарсе Квициниа, которые в переработанном виде включил в 1960 году в «Очерки...» под названием «Страна развивается». Критик подчеркивает несомненные способности поэта, его природный талант и умение выбирать тематику, соответствующей требованиям нового времени, но упрекает его в недостаточной художественности и некоторой декларативности. В подтверждение правильности своих замечаний он приводит поэмы Л. Квициниа: «Пролетарий», «Ткуарчалстрой» и «12000». «Способы художественного приема не должны быть абстрактными, их нужно ставить, исходя из реальности, делать их ближе к жизни. Некоторые молодые писатели, особенно Л. Квициниа, тяготеют к однотонности, в их произведениях слишком много публицистики, художественно слабы».

Безусловно, замечания, которые высказывает Хухут Бгажба, анализируя ранние произведения Л. Квициниа, справедливы. Кроме того, разбирая его произведения, Хухут Бгажба, чтобы не быть голословным, приводит примеры из этих произведений. Вот один из них:

Если скала – будет разрушена,
Море – осушено.
Куда мы ставим ногу,
Пламенеют наши следы пяток,
Раскаты грома раздаются из глубины.

Сравнения, используемые здесь поэтом, не могут раскрыть обозначенную тему, да и сказано все это слишком напыщенно, громкими словами».[1]

Но в то же время критик верит, что поэзия талантливого поэта со временем станет более конкретным, реальным, близким к жизни истинным творчеством, потому что сам автор вовремя заметил свои ошибки и принялся их исправлять, что, безусловно, имело огромное значение для всего поэтического творчества Леуарсы Квициниа. Он отказался разбрасывать слова, подражая форме В. В. Маяковского, убедившись, что в этом нет проку, никакого поэтического развития. Это, конечно, не означало, что новая форма, введенная великим русским поэтом – новатором и самобытный стиль письма В. В. Маяковского были не стоящими или сила их духовного воздействия была слабой. Нет. Это была оригинальная, рожденная великим талантом поэтическая форма, имевшая, без всякого сомнения, право на жизнь. Но юный абхазский поэт не до конца понял тайну, содержавшуюся в этой форме и ее духовную силу. Он воспринял ее, словно «початок в кожуре», не вникая в глубины, поэтому его попытки в этом направлении и не имели успеха.

Эта творческая проблема в поэзии Л. Квициниа впервые была поставлена Хухутом Бгажба: «Л. Квициниа должен будет немного изменить форму своих стихотворений, ибо она сейчас тяжеловата. Глубоко не вникая в строфику Маяковского, Л. Квициниа механически переносит ее на абхазское стихотворение, но при этом подражает он внешним формам. А что касается внутренней ритмики, то в его поэзии законам абхазского языка не уделены достаточного внимания».[2]

Критик отмечает, как значительное явление в творчестве Л. Квициниа, появление поэмы «Шаризан». Она в первую очередь, хотя немного неудачной и представляется применение без изменений строфы «Евгения Онегина», но установила поэтический стиль автора. Хухут Бгажба пишет: «В своей поэме «Шаризан» поэт ставит значительную проблему – борьба нового со старым, их непримиримость. В действительности, в абхазском селе до сих пор сохраняется пагубная для дальнейшего развития нации традиция кровной мести (имеется в виду 1933 год – Р. К.). Поэма Л. Квициниа через запоминающиеся, живые образы показывает нам, как меняется лицо абхазского села, не только внешне, но и внутренне. Потому что люди, которым Советская

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 109.*

[2] *Х. С. Бгажба. Очерки...,с. 111.*

власть помогла расправить согнутые спины, хотят отбросить от себя пережитки прошлого. Но и старое не хочет сдаваться просто так, без борьбы, противится»[1].

В статье Хухут Бгажба глубоко анализирует поэмы Л. Квициниа «Пролетарий», «Ткварчалстрой», «Ленин», «Комсомолец», «Послушайте!» и «Миллион голосов», не оставляя в стороне их просчеты и ошибки. Во всех этих произведениях с высоким пафосом звучит голос строительства социалистического общества, они отражают мощный ритм страны, говоря еще конкретнее, в них с большим воодушевлением воспевается расцвет советского времени. В этом смысле, как справедливо отмечает критик, они действительно воспевают перемены, происходившие в реальной тогда жизни, ничего не скажешь, это то, что было в действительности. Но с другой стороны, критик многим не доволен, скажем, тем, что события и явления отображены в художественном отношении слабо, вместо художественного отражения, зачастую преобладает простое перечисление: «Вот и оно: моя пуля, мой порох, моя бомба, мое ружье, мой пистолет, мои пушки, мои пулеметы, мой кинжал, моя сабля, мой нож, мой серп, железо, нефть, угольные зарождения, бронза, медь, хлопок, чай, табак, семена, моя фабрика, мой завод, затем Кузбасс, Урал, Московский электрический завод, Ткуарчал, – так он все перечислил, ничего не оставив».

Здесь критик прав. Хотя он достаточно резко и прямо высказался о поэмах Л. Квициниа, подверг их сильной критике, но в то же время автор статьи не забывает, что эти поэмы (несмотря на недостаточность поэтического мастерства автора и его возможную поспешность в их опубликовании) порождены самим временем, в котором жил и развивался сам поэт. Во-вторых, они, безусловно, внесли определенный свой вклад в появлении жанра абхазской поэмы и существенно помогли его становлению. Критик из обсуждаемых им произведений отличает, считая ее лучшей и по форме, поэму об основателе Советского государства «Ленин». Как говорит Хухут Бгажба, поставленный Л. Квициниа вопрос о том, что «живого человека должно быть заметно и в деле с ноготок» поэт смог раскрыть в дальнейших своих произведениях.

Оценивая творчество Л. Квициниа, Хухут подчеркивает, что он первым ввел в абхазскую поэзию индустриальную тему и образ рабочего класса.

Помимо анализа и критического исследования творчества Леуарсы Квициниа, Хухут Бгажба интересовался вопросами

[1] *Там же, с. 110.*

переводов его произведений на другие языки и их издания. В 1974 году в Сухуме вышел сборник стихотворений Леуарсы Квициниа на русском языке. Его составил и написал к нему предисловие Хухут Бгажба. Стихотворения, вошедшие в этот сборник, перевели поэты Б. Брик, Ю. Нейман, С. Спасский, Е. Шевелева, В. Потапова, П. Длигач, Б. Лейтин, С. Мар, Л. Шапиро, В. Звягинцева.

В предисловии Хухут Бгажба дает понять русскому читателю, что в абхазской литературе есть талантливый поэт, успевший так много сделать в очень короткое время. Кроме того он пишет, что переводить его произведения на русский язык начали еще в 30-е годы, они появлялись в русской периодической печати, в альманахах и сборниках. «В книге, к сожалению, почти не нашли своего отражения произведения Л. Квициниа, написанные им в последние три года. Стихи и поэмы этих лет, подготовленные к печати, поэт собирался послать в Абхазское издательство для опубликования отдельной книги. Но этому не суждено было осуществиться. Рукопись будущей книги погибла вместе с автором в огне войны».[1]

* * *

В книге «Очерки об абхазской литературе» также напечатаны статьи «Киазым Агумаа. Краткая биография» (1955), «К долгой жизни» (о произведении Ивана Папаскир, изданном на русском языке, 1948), «Роман Д. Гулиа «Камачич» (1957), «Баграт Шинкуба»: «Первые песни» (1938). «Новые произведения» (1941); «Зло и ненависть» (1943); «Книга А. Джонуа «Утренние лучи» (1949); «Великодушный город» (о новом произведении Г. Гулиа, 1949). В этих статьях, написанных в разное время и посвященных разным по жанру (прозе и поэзии) художественным произведениям Хухут Бгажба, проявляя тонкий художественный вкус. Он детально разбирает и анализирует творчество абхазских писателей, раскрывая определенные недостатки, в то же время отмечает, что они достойно вошли особой, заметной ветвью в большую дружную семью советской художественной литературы, подобно неиссякаемой горной абхазской реке. Но не мерит одной меркой, а каждому произведению определяет достойное ему место в литературной жизни, не смешивая их друг с другом. Так, например, критик причисляет Киазыма Агумаа к одним из лучших абхазских писателей: «Его творчество и примерная жизнь

[1] *Леуарса Квициниа. Стихи, Сухум, 1974, с. 14.*

навсегда останется в памяти народа, имя его будет золотыми буквами вписано в историю абхазской литературы».[1]

Роман Ивана Папаскир «Долгая жизнь»[2] вышел в свет на русском языке в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1948 году. Этому переводу посвящена статья критика. В страшные времена, когда абхазский народ оказался на грани исчезновения, и усилиями Берия и его палачей страх гибели висел над ним как Дамоклов меч, выход в свет в Москве абхазского эпического произведения – романа, значил очень много, потому Хухут Бгажба, как только появилась эта книга, поспешил откликнуться на нее превосходной статьей к «Долгой жизни». Она была написана на русском и абхазском языках. Завершал автор свою статью так: «Иван Папаскир обогатил абхазскую литературу прекрасным произведением. Оно занимает в нашей литературе первостепенное значение, потому что наиболее полно, многосторонне и удачно отражает становление новой жизни абхазского народа, показывает верный путь, выбранный счастливыми людьми.

Роман И. Папаскир «К долгой жизни» перевел на русский язык писатель Лев Пасынков. Хотя перевод местами слабее оригинала, видно, что переводчик с огромным удовольствием потрудился над материалом и тем самым создал труд, имеющий огромное значение для прославления абхазской литературы. Таким образом, первый абхазский роман вышел на русском языке и его могли прочитать миллионы читателей. Это должно радовать всех абхазских литераторов».[3]

Во втором издании романа на русском языке, ему было возвращено его название в оригинале – «Темыр». Так посчитали лучше и автор, и переводчик.

* * *

Многие критики, писатели и ученые обращались к роману Дмитрия Гулиа «Камачич», высказывали о нем разные мнения, обсуждали, отмечали, что это – классическое произведение. Но первым свое мнение о романе высказал Хухут Бгажба, проанализировав его стиль, художественное построение, язык. Его отзывы об этом романе являются первостепенны-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 119.*

[2] *Так первоначально назывался в русском переводе первый абхазский роман И. Папаскир «Темыр», поздние переводы печатались под названием «Темыр» – Р. К.*

[3] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 126.*

ми, ведь для произведения чрезвычайно важно первое, верно высказанное слово.

Здесь хочу вспомнить, как в 1967 году в Доме творчества в Гагре мы встретились с русским литературоведом, академиком Дмитрием Благим. Я приехал к нему, чтобы попросить его написать статью в честь 50-летия СССР. Он ее написал специально для газеты «Апсны капш». Вспомнил, потому, что Дмитрий Благой был известным пушкиноведом, и, узнав, что меня зовут Русланом, очень обрадовался, словно литературный герой Пушкина в моем образе явился к нему. В беседе он высказал запомнившуюся мне мысль: «Бог его знает, сколько человек писало о Пушкине! Я и сам сделал немало, да и отныне многие еще будут писать о нем. Но одно я знаю без сомнения: ничего из того, что было и будет написано, никогда не возвысится над статьями русского великого критика В. Г. Белинского о А. С. Пушкине (их было девять). Эти статьи являются источником для всех, кто пишет о Пушкине».

Поистине, насколько ровно проводит пахарь свою первую борозду, настолько будут удачны и его последующие.

Так и высказанные Хухутом Бгажба мысли о романе Д. Гулиа «Камачич» многое подсказали и его коллегам.

Дмитрий Гулиа начал писать этот роман в 1933 году, а закончил в 1940-м. О своем первом большом прозаическом произведении автор говорил следующее: «Я сейчас пишу роман о жизни абхазской женщины – «Камачич». Это – близкая лично для меня тема, потому что сам народ призвал меня к ней. Я глубоко проникся богатым, разнообразным абхазским фольклором. Во времена царизма жизнь абхазской женщины, как и большинства других женщин, была трудной и безрадостной. Раскрыть эту жизнь и показать современному расцветающему поколению – задача важная и очень ответственная».[1]

Эту задачу автор сполна выполнил. Здесь нужно отметить одно обстоятельство. Между первым абхазским романом «Темыр» и появившимся вслед за ним романом «Камачич» разница всего лишь в два-три года, к тому же они рождены, выросли и зрели в одном времени. Правда, по тематике они довольны разные и в то же время невероятно близки. Я говорю о близости, потому что в «Темыре» мы видим немало страниц о жизни дореволюционной Абхазии, которые надолго запоминаются. Хотя они и не идут вместе с главной канвой романа, а выражены в авторских отступлениях и в воспоминаниях персонажей произведения, но не теряются в череде событий и образов, по-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 127.*

казанных в романе. В романе же «Камачич» в целом раскрывается дореволюционная жизнь народа.

Прихожу к выводу, что когда мы говорим о первом абхазском романе «Темыр», можем смело наравне с ним говорить и о «Камачич». Это никого не может ни унизить, ни возвеличить, такое сравнение просто справедливо.

Хухут Бгажба, анализируя роман «Камачич», отмечает: «Роман «Камачич» содержит в себе единый целостный сюжет – главной темой романа является история сельской красивой девушки Камачич. Действия персонажей романа убедительны, последовательны и подчинены основной линии. Но по своему художественному построению это произведение находится между романом и сборником (или циклом) новелл, посвященных одной теме. Таких новелл всего 37, столько же глав и в романе. К тому же, большинство из этих глав написано как отдельные самостоятельные произведения. В этих главах автор глубоко и всесторонне отражает жизнь абхазов до революции: в социальном плане, во взаимоотношениях дворян и крестьян, живописует быт абхазов, их нравы, верования, привычки, традиции, свадьбы, поминки, народный суд и многое другое».[1]

Критик, детально и всесторонне анализируя условия жизни, описанные в «Камачич», отмечает, что роман, не лишенный мелодраматических элементов, а также шероховатостей в сюжетной линии, безусловно, является произведением, рожденным на фольклорной основе.в котором выражены поэтические размышления Гулиа о жизни народа. Той жизни, которая описывается в романе, как нельзя лучше соответствует прекрасный романтический образ главной героини.

* * *

Важнейшим событием абхазской литературы стало явление большого таланта будущего Народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба. Это сразу отметили читатели, мгновенно уловившие живость и теплоту его поэзии. И полюбили ее. Об этом свидетельствуют и статьи Хухута Бгажба о творчестве Баграта Шинкуба. В первой из них – «Первые песни», посвященой одноименному дебюту Б. Шинкуба, отмечается появление в абхазской литературе талантливого поэта-лирика. Его стихи отличаются живостью и звонкостью, целостностью и емкостью мысли. Отдельно подчеркивается то, что молодой поэт в своем творчестве уделяет особое внимание ритму, сложению и по-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 127.*

строению стихотворения. Эти выводы критик подтверждает, конкретными примерами. Он также делает и критические замечания: «К примеру, трудно понять, что подразумевает автор в своем стихотворении «Месяц»; не достает последовательной работы над «Письмом сына». Например, «Испугавшись, пройдет и сквозь игольное ушко» (это – о враге). «Должен успеть исполнить свой обет» – здесь слово «обет» не подходит вовсе. Оно означает совсем другое. Давали обет, когда принимали на себя обязанность исполнить жертвоприношение божеству.

Воспевая ловкость и умение девушки-ударницы, быстрыми и проворными пальцами собирающей чайные листы, поэт сравнивает ее с птицей горлинкой, «порхающей по полю, быстро перебирая своим клювиком зернышки». Это сравнение, безусловно, хромает. Как ни говори, «порхающая по засеянному полю, горлинка и подбирающая зернышки» может нанести немалый ущерб урожаю.

Возьмем другой куплет:

Нет мужчины, который способен встать
против нашей силы
Захотим, мы сможем горы превратить в долину.
Это не сказка, и не наигрыш,
Машина едет по Лашкиндару.

Слово «наигрыш (то есть пастушеская песня для успокоения овец) – здесь не подходит. Кому не известно, что сказанное выше – не «наигрыш?» – пишет Хухут Бгажба.[1]

Он завершает статью словами: «Начинающий молодой поэт Баграт Шинкуба – один из тех, кого нельзя не выделить. Его поэзия полна вдохновения, в ней слышится в полный голос наша сегодняшняя сила, наша мощь и здоровое желание:

Звучит песня над горами и долинами,
Далеко слышны отзвуки радости и смеха.
С веселой улыбкой надвигается морская волна
И тихо, ласково бьется о берег».[2]

Хухут Бгажба видел, что, подобно бурно расцветающей весной природе, сквозь все невзгоды, 1937–1938 годы, абхазская поэзия щедро давала зеленые побеги, постепенно развивалась и укреплялась. Один из главных факторов ее развития он считал творчество Баграта Шинкуба, надеялся, что его приход

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 139.*
[2] *Там же, с. 142.*

обогатит и расширит возможности молодой национальной литературы.

Рост мастерства молодого поэта критик отметил во второй статье «Новые произведения» (1941). В ней критик пишет об умении автора выразить новое в жизни, об оригинальной замечательной стихотворной форме поэта, о стихосложении, которое может служить примером, богатстве ритма и звука, о красоте рифмы.

Критик, один из первых, отметил и оценил особенности дарования поэта тогда, когда Баграт Шинкуба еще не был известным поэтом, и произведения, принесшие ему всенародную славу, не были написаны. Но Хухут Бгажба не сомневался в том, что талант молодого Баграта прославит абхазскую литературу. В дальнейшем он всегда проявлял особую заинтересованность к творческому пути поэта, к которому он с самого начала относился, как к вершине национального литературного процесса.

В статье «Гнев и ненависть» (1943) о лирике поэта, которая стала в народе любимой и популярной, о его патриотической поэзии и поэме «Меч», созданных в конце 30-х – начале 40-х годов отмечалось: «Слово «поэзия», по своей сути, обозначает – выявляющая мир чувств и мыслей человека, выраженный музыкально. По сравнению с другими видами искусства, поэзия более наполнена чувствами и оживлена мыслями. В поэтическом произведении мысль, содержание, рассказа и образ не могут существовать в отрыве от переживаний и чувств, выраженных в нем. В. Г. Белинский даже говорил так: «Чувства поэта – это и есть его мысли». Поэтому каждое настоящее лирическое произведение можно рассматривать тогда, как человеческий документ, являющийся частицей души самого поэта».[1]

Хухут Бгажба выделяет личные, качественные особенности поэтического творчества Баграта Шинкуба, например, в большинстве своем его стихи отличаются краткостью, относятся к лирическому жанру, выражают мысли и чувства человека, его мужество и патриотизм, содержат прекрасное изображение природы: лесов, гор, водопадов и садов Абхазии.

В статье «Гнев и ненависть» особое внимание уделяется стихотворениям о Великой Отечественной войне и поэме «Меч». Как отмечает критик, в этих произведениях наиболее полно и по своему идейному содержанию необычайно сильно и глубоко проявилось мастерство поэта. Особо выделены стихотворения, посвященные абхазским воинам, проявившим в войне

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки…, с. 142.*

с фашистами, чудеса храбрости. И лично Герою Советского Союза Владимиру Харазиа, Героями двух войн абхазский народ всегда будет гордиться. Историческую правду несут строки Баграта Шинкуба, о Владимире Харазиа:

Словно огонь пылал в тебе,
Предков твоих частица абхазского мужества.
История запечатлела о том, как и в прошлом
Мы умели гнать прочь врага из страны.

Это отважные сыны подтвердили во время Отечественной войны народа Абхазии. Анализируя другие стихи Баграта Шинкуба о Великой Отечественной («К абхазским воинам», «Гунда прекрасная», «Партизан»...), Х. Бгажба отмечает значимость появления такой поэзии. Он уделяет особое внимание поэме «Меч», которую называет одной из наиболее заметных в абхазской литературе.

Сама поэма символична. В ней дело не в названии холодного оружия, а в том, в чьих руках оно находится, каким целям служит. Меч в поэме показывает нерасторжимость связи поколений в борьбе за свободу Отечества. Меч в таких руках – это месть врагу. Поэтому русский офицер Леонид Лунин бережно относится к наследованному мечу – готов отдать жизнь за него. Умирая, он передает это оружие тому, кто его достоин – «чтобы не висел меч на стене – выгнал врага прочь».

Хухут Бгажба написал статью о первой книге поэта Алексея Джонуа «Утренние лучи», увидевшей свет в 1949 году. В ней он пишет об умении молодого поэта мастерски писать лирические короткие стихи, о мелодичности и искренности его поэзии, о его профессиональном росте. Критик отмечает также, что новая книга получила признание читателей. В то же время он не обходит молчанием и недостатки молодого поэта, говорит о них открыто, но доброжелательно, с целью помочь автору в дальнейшем. Приведу некоторые отмеченные им недостатки – замечание критика по поводу небрежного, на его взгляд, отношения к слову. Из стихотворения «Кремль»: «Красный флаг (данный нам великим Октябрем) для нашего народа пришел». Неразборчиво, да и неверно говорить, что «Флаг пришел к народу». (К тому же «пришел для народа – тяжелая форма). Далее встречаем предложение, которое трудно понять: «Мы продолжаем свои надежды».

Очень бедно составлен и этот куплет:

В Китае Чан Кай-Ши несчастный
Бухнулся там в кресла.
Но молодежь передовая этому хиляку
Вскоре сломает сустав.

…Что означает «Бухнулся в кресло там»? Затем, каким образом можно сломать сустав? Сустав можно вывихнуть.

Кроме того, А. Джонуа не умеет верно использовать все ветви и средства художественного словосложения, чтобы создать художественный образ, скажем: «Яблони поклонились друг другу, листья мигали друг другу. Как может мигнуть лист?».[1]

Критик, анализируя «Утренние лучи», отмечал: «В книге А. Джонуа мы не встречаем поэтическое произведение, широко показывающее нашу жизнь, рассказывающее о ней, скажем, поэму, сюжетное стихотворение. Наши поэты в основном пишут лирические стихи, до сих пор очень слабо обстоит ситуация с созданием поэм. Поэтому наши поэты должны, насколько это возможно, прилагать усилия к созданию эпических произведений».[2]

Хухут Бгажба, отмечал несомненные способности поэта, проявившиеся в его лучших поэтических произведениях, выразил уверенность в его возможностях, одновременно предостерегая от поспешных и не до конца оформленных и отшлифованных поэтических образов. «А. Джонуа должен стремиться к построению художественного образа и более бережно относиться к семантике слова».[3]

Для абхазского читателя представляет несомненный интерес статья Хухута Бгажба о повести лауреата Государственной премии СССР Георгия Гулиа «Добрый город», опубликованной в журнале «Новый мир». В ней автор говорит много теплых слов о значительном по идейному содержанию и художественному мастерству произведении.

* * *

Хухут Бгажба написал впервые на абхазском языке статью о жизни и творчестве Георгия Чачба. Критик сделал краткий анализ стихотворений поэта, особенно тех, в которых автор говорил о бедственном положении Абхазии. Например, стихотворение «Уарада», в котором критик отмечает душевную боль

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки…, с. 151.*

[2] *Там же, с. 154.*

[3] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 155–156.*

и беспокойство поэта за судьбу своей страны. Из этой боли и любви соткана и песня его отцов «Уарада»:

Затяну я тихим голосом,
Пою без радости и веселья.
Эта песнь – горестный рассказ,
Душераздирающе – «уарада»!
Порой, грозя судьбе моей
Вскрикивает без ответа.
Судьба, судьба, не обездоль меня
Не оставь без дома-двора!
Всевышний! Не обессудь меня
За жалобу мою, без терпения.
Затяну я изредка песнь свою
Уарада, горе мое, уарада!

В стихотворении «Ты знаешь, брат мой, такую страну», критик подчеркивает любовь поэта к родной стороне, в которой он родился и вырос, где «всегда ясно светит солнце». Но также отмечает, как сильно печалит поэта тяжелое, безрадостное положение его Родины:

Звенят стальные оковы,
Не умолкает человеческий стон.
О, как страдает, мой брат, страна эта,
Бедная страна моя, где вырос я!

Хухут Бгажба касается исторической поэмы «Крепость Гудана», пьес: «Исчезающие картины», «Георгий III», «Огонь без дыма», написанных с глубоким научным знанием предмета публицистических статей Георгия Чачба. Во всех них (особенно в ответе на статью немецкого корреспондента-путешественника Лоренца, который в своей статье, опубликованной в газете «Берлинер Тагеблат» порицал нашу страну и народ) Георгий Чачба предстает перед нами дальновидным, глубоким и умным человеком, горячо любящим свою Родину и свой народ: «Его жизнь и творчество ясно показывают его значимость, что служит источником нашего огромного уважения к нему. Георгий Чачба – один из выдающихся представителей абхазской дореволюционной интеллигенции».[1]

Необходимо добавить, что знакомство абхазского читателя с произведениями Георгия Чачба стало возможно благодаря на-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки…, с. 165.*

шему ученому и поэтам Б. Шинкуба и К. Агумаа. Позже более всесторонне его жизнь и творчество были исследованы поэтом и ученым Б. Гургулиа. Об этом подробно написано в моей книге «Две судьбы» (1984).

ОБ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ МАСТЕРСТВЕ

Воспоминания о Хухуте Бгажба абхазского поэта и ученого, профессора Г. К. Гублиа:

Имя Хухута Бгажба всегда звучало с 50-х годов среди моего поколения ученых и писателей. Мало можно найти в абхазоведении направлений, не связанных с его именем. Им создано много трудов, посвященных проблемам, в первую очередь, языкознания, фольклора, литературной критики и т.д. Не говоря уже об исследовании художественного творчества С. Чанба, И. Когониа, Б. Шинкуба, трудов по теории литературы. Они первые, созданные в этой области в абхазской литературе. Каждого, кто интересуется этой проблематикой, они ясно, четко и исчерпывающе знакомят с особенностями национальной поэзии, прозы и драмы, с их видами…

Из его теоретических трудов читатель сможет узнать о построении произведения – сюжете, композиции, тропах – эпитете, метафоре и многом другом. Он говорит о них, приводя яркие примеры, и кто бы ни был читатель – ученик, учитель или студент, если хотят, смогут использовать его труды и получить верное представление о сущности творчества. Они, его теоретические труды, направляют желающих к специальной литературе, и, скажем честно, это – немаловажно.

Я услышал о Хухуте Бгажба в канун Великой Отечественной войны в родном селе Куланырхуа (Кәланырхәа). Сосед наш, школьник Харитон Авидзба принес из библиотеки книгу с абхазскими сказками и, собрав соседских мальчишек во дворе, стал читать нам вслух. Я тогда впервые услышал сказочные имена – Джамхух (Џьамхәыхә) – сын Оленя, Хуажварпыс (Хәажәарцыс), Пыча (Пыҷа) и Куча (Кәыҷа) и др. Как известно, один из составителей этой книги – Хухут Бгажба. После этого я сам держал в руках книгу, изданную совместно Д. Гулиа и Х. Бгажба об устной народной поэзии. И прочитал там песни и частушки.

Впервые увидел Хухута Бгажба в селе Мыку (Мыкә) в 1946 году (я тогда учился в сельскохозяйственном техникуме), во

время празднования 100-летия со дня рождения поэта и общественного деятеля Георгия Чачба. Из Тбилиси и Сухума приехали на торжество ученые и писатели Х. Бгажба, Б. Джанашиа и К. Агумаа. Не помню кто приехал из Тбилиси. Перед собором, в котором похоронен поэт, был проведен митинг. Выступивший на нем Хухут Бгажба, прочитал стихотворение Чачба «Уарада». Насколько помню, его выступление, и то, как он прочел это стихотворение, очень понравилось участникам собрания – сельской молодежи и студентам.

Когда я был студентом в Тбилиси, если не ошибаюсь, это было в 1951, не то в 1952 году, Хухут был приглашен в университет на какую-то конференцию по языкознанию. Он и сам там выступил с речью. Помню, как доброжелательно и с особым интересом приняли его такие большие ученые, как А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, А. Шанидзе и др.

Х. Бгажба постоянно интересовался молодыми, не пропускал их произведений, всегда читал и принимал участие в обсуждениях и не стеснялся выразить свое мнение. Молодыми же были К. Ломиа, П. Бебиа, включая и меня.

Кто еще, подобно ему, интересовался наследием ушедших из жизни писателей, собирал и издавал их почти потерянные произведения, сумел открыть их творчество широкому кругу читателей? В его трудах нет никакой путаницы, непонятности, они ясны и чисты. Дай Бог, чтобы наша наука и впредь не была обделена учеными, которые относились к своему делу также бережно и скрупулезно, как Хухут Бгажба.

В то смутное время, когда искажали наш язык, вводили в него чуждые грузинские слова, стремясь таким образом, насильно соединить то, что несовместимо, трудно было выступить против очевидной несправедливости или обсуждать эту проблему в печати. Грузинских националисты сразу бы обвинили в национализме, антисоветизме, во всевозможных злодеяниях и разоблачили бы как «врага народа».

Я прекрасно помню грузинские слова, введенные в то время в абхазский язык – «мохсенеба» – доклад, «куча» – улица, «брдзанебулеба» -постановление, «сабчо» – советский, «мдивани» – секретарь и т.д. Ежедневно росло количество таких слов. Газета «Апсны капш» пестрела чуждыми абхазскому языку грузинскими словами. Мы, ученики Тамышской средней школы, видя, как эти чужеродные слова портят чистоту нашего языка, переживали, думали как долго будет продолжаться это безобразие, и почему молчат наши писатели и ученые.

Помню, к тому времени Сталин уже умер, но Берию еще не разоблачили. Это было в мае 1953 года. В газете «Апсны капш» была напечатана статья Хухута Бгажба, посвященная чистоте родного языка. Впервые в ней автор выступил против использования этих, «забредших» в абхазский язык грузинских слов, считал их искажающими наш язык. В то время Берия еще был жив, и говорить так о грузинских словах, введенных в словарный фонд абхазского языка под видом исконно абхазских, было очень рискованно. Человека, осмелившегося сказать об этом, ставило в опасное положение. Видимо, поэтому тогдашний редактор, царствие ему небесное, не хочу называть его имени, в качестве реплики, написал: «Почему же тов. Бгажба обошел молчанием историю возникновения таких слов, как «сабчо», «колмеурнеба», «куча», «мдивани», «ганкаргулеба» и других, с которыми он не согласен». (Газета «Апсны капш», 1953, 26 мая).

Безусловно, эти слова ввернуты в предисловие не случайно, они были предназначены не столько критику, а написаны редактором в целях самозащиты. Понятно, и редактора нельзя винить, ему было чего бояться, но, к счастью, вскоре главный палач страны с позором последовал за Сталиным!

Хухут Бгажба был настоящим ученым, хорошо знавшим и исследовавшим особенности и богатство абхазского языка. В этом смысле мы можем смело сказать, что в свое время он не имел равных себе. К тому же с детства, когда Хухут воспитывался у своих дядей в Арасадзыхье, он слышал вокруг себя и говорил на чистейшем, как горный родник, абхазском языке, не знавшем никаких чужих влияний и ничем не искаженном, видел как жившие вокруг люди глубоко уважали и лелеяли свой родной язык. Несомненно, это во многом помогло ему и в научной деятельности, когда он стал большим ученым.

Да, Хухуту Бгажба как критику очень помогало, что он языковед. Ибо «строительным материалом» для художественной литературы служит слово – язык. А если так, то критик, прекрасно знающий особенности языка, из которого соткано художественное слово, глубоко проникает в его просторный мир.

С каждым годом, с каждым анализированным и обсужденным художественным произведением, с каждым новым опытом происходило становление и развитие мастерства критика Хухута Бгажба. Расширялись его литературно-критические взгляды и мировоззрение, слава в качестве критика. В этом можем убедиться, если обратим внимание на литературно-критические статьи и научные труды, написанные Хухутом Бгажба со второй половины 50-х годов XX века. Безусловно, исследовать и обсуж-

дать все, что создано ученым в одной книге трудно. Необходимо выделить наиболее главные из них.

В 1951 году Хухут Бгажба написал статью «За чистоту литературного языка!».Это, безусловно, было актуальной проблемой. К тому же, надо учитывать год, в котором она была написана, тогда не только разговоры о чистоте литературного языка, но и тот факт, что абхазский язык жив и служит абхазской литературе, был недопустим.

Касаясь вопросов, связанных с развитием и улучшением литературного языка, Хухут Бгажба писал: «Необходимо подвергнуть критике тех, кто выдумывает, лишенные смысла и содержания новые слова и вводя их в литературный язык, засоряет язык понятный народу, искажает его, а также кто стремится к излишнему употреблению диалектизмов (местническому говору)».[1]

Да, перед писателями, критиками и языковедами он ставит задачу государственной важности – бороться за чистоту языка. Чтобы абхазский язык был достоин того дела, которому он предназначен, критик считает необходимым развивать его заботливо, потому что это уникальный огромный культурный материал для абхазского народа:

«К чему скрывать, до сих пор качественности абхазской литературы мешает во многом то, что нет достаточной работы над языком, не берется, как следует, во внимание значение культуры языка, да и слабость литературной критики».[2]

Свои заключение критик подтверждает примерами: «Из глубины дня, словно медный купорос, появилась туча» – не говорят «Из глубины дня, а говорят: «Из глубины неба». Или: «Выстрелы последовали друг за другом, ушли переваливаясь» – как выстрелы могут переваливаться? «Смотрю в небо, месяц белый, навис низко, обдав жаром» – жаром обдать могут горящие угли или что-то, что горит, а месяц никак не может обдать жаром, он всегда холодный. «Пошел по обрыву великого моря», «Кто радуется мне, за мою боль?» – здесь, очевидно допущена ошибка: «Кто радуется, что пришел я сюда?» (из книги Ч. Джонуа «Страна цветов», 1950).

«Мысль моя радостно мчится, входит в Кремль, в поисках». «Машины едут потоком, накрыв набережную, плавно рассекая Черное море» И. Тарба. «Горный источник» (1948).

«Словно падают спелые груши с дерева, едет поезд, бросая подряд мелкие остановки» (неудачное сравнение – падение спе-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 169.*

[2] *Там же, с. 170.*

лых груш с дерева и быстрота поезда, ни о чем не говорит нам). Это – из повести А. Ласуриа «Хаджарат» (Альманах №1, 1949)

Завершая свою статью, Бгажба пишет: «Язык – бесподобное культурное оружие. Если это оружие заржавеет, оно не сможет совершить то, что должно. Язык писателя должен быть всегда в развитии, живым и четким. Он не может быть затупленным или неразборчивым.

Так разовьем же борьбу за чистоту литературного языка! Будем бороться за художественный, отшлифованный, ясный, взвешенный литературный язык».[1]

Думаю, что в размышлениях Хухута Бгажба о тех, кто «вводит в литературный язык вымышленные бессодержательные новые слова, портя тем самым общие для всего нашего народа слова» легко читается между строк, что, прежде всего, имеются в виду «забредшие» в абхазский язык грузинские слова. То, что критик подразумевал под чистотой языка в произведениях абхазских писателей, касалось не только их, но рикошетом било и в другую цель. Туда, откуда исходила наибольшая опасность для абхазского языка.

Появление литературно-критических статей Хухута Бгажба было всегда особенно интересно для читателей. Ибо в большинстве своем они поднимали наболевшие проблемы абхазской художественной литературной жизни, раскрывали особенности ее собственного, внутреннего пути развития. Точно также его статьи откликались на все новые проблемы, возникавшие перед советской литературой. Тем самым опытный критик показывал читателю, что абхазская художественная литература, обладая национальной неповторимостью в то же время является неотъемлемой частью, благотворным притоком и ветвью большой советской литературы.

Статья «О поэтическом мастерстве» написана Хухутом Бгажба уже после II съезда советских писателей как отклик на программную задачу, поставленную перед советскими писателями, ЦК КПСС – бороться за глубоко идейную и высококачественную художественную литературу.

Партия призывала тогда показывать реальную жизнь в художественных произведениях, без всякого сожаления и сомнений искоренять влияние «теории бесконфликтности», а также любую фальшь и приукрашивания настоящей жизни. Программа эта призывала писателей всегда помнить о своей высокой ответственности перед читателями, напоминала и о неизбежном наказании за забывчивость.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 174.*

Да, многонациональная советская литература должна была развиваться, следуя этим основополагающим идеям. Об этих общих для всех литератур вопросах говорит и абхазский критик в своей статье, опираясь на исследование абхазской литературы.

В начале статьи, в кратком историческом экскурсе Хухут Бгажба знакомит с почти 20-летним развитием абхазской литературы после I съезда советских писателей.

«Лучшие абхазские поэты, используя большой опыт советской и, прежде всего, русской литературы, стремятся к широкому показу окружающей действительности, постоянно повышая свое художественное мастерство», – пишет критик.[1] Он считает большим вкладом в абхазскую литературу книги Д. Гулиа, роман Б. Шинкуба «Новые люди», стихи И. Тарба, стихи и рассказы А. Ласуриа. Критика вдохновляют все чаще и звонче раздающиеся голоса талантливой молодежи, появившейся в абхазской литературе. Все это несомненно свидетельствует о том, что национальная литература находится на верном пути в своем развитии.

В то время, когда критик писал эту статью, основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа, находясь в преклонном возрасте, продолжал также активно работать и творить. Именно тогда он написал цикл своих стихотворений под названием «Стихи о поэзии». Хухут Бгажба отмечает, что в новых стихах Дмитрия Гулиа о поэзии отражена жизнь самого поэта, своей искренностью они пронизывают читателя до глубины души. Критик глубоко анализирует и дает высокую оценку стихотворениям Народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа этого периода: «Человек в горах», «Партия», «Лань», «Стихи о любви», «В нашем селе…», а также – историко-лирической поэме «Мой очаг». Хухут Бгажба обращает внимание читателя на одну особенность поэтического творчества Дмитрия Гулиа – даже в самом коротеньком стихотворении он вмещает огромное по смыслу содержание. Анализируя поэму «Мой очаг», критик отметил, что, несмотря на автобиографический характер, содержание ее намного шире и глубже – историческое произведение, призывающее делать все для сохранения родного очага – Родины.

Критик считает, что стихотворения и поэмы Баграта Шинкуба являются стержнем абхазской поэзии. Он пишет, что автор, используя, как следует, законы нашего языка, делает более удобным и осмысленным абхазское стихосложение, устанавливает свой, более живой, размеренный ритм и складную, звучную рифму.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 176.*

Хухут Бгажба положительно отзывается о первом в абхазской литературе романе в стихах «Новые люди», особо подчеркивает жизненную правдивость событий, отраженных в романе. Отмечает, что это – широкое эпическое произведение, разнообразное по тематике и единое по своему художественному стилю, раскрывает жизнь в ее многообразии, показывая типические образы сельских жителей.

Критик остановился и на недостатках романа «Новые люди». К ним можно отнести и образ одного из главных героев коммуниста Семена Тодуа. Кроме как на работе, мы не видим этого человека в других обстоятельствах его жизни, не показана личная жизнь, не раскрыт характер героя, его внутренний мир. Это, конечно, ослабляет полноценность образа, его полнокровность. Немного коснулся критик и образа главной героини Астанды, с которой в романе связан показ чистой и высокой любви. Этот образ, по мнению критика, раскрыт недостаточно глубоко, прежде всего, он не показан в динамике, не видно его последовательного развития. К ним он добавляет «Сюжетные фразы, включенные в роман и эпизоды, порой оказывающиеся несколько растянутыми, особенно в первой главе».[1]

В поэзии Баграта Шинкуба Хухут Бгажба выделяет стихотворения, в которых звучит высокий человеческий пафос, противостоящий отрицательным привычкам, встарь и вновь не дающим народу развиваться и жить. К таким он причисляет стихотворение «Доколе?» По словам критика, в нем автор разоблачает сохранившиеся и в наши дни в селах (дошедшие и до городов) разорительные пышные поминки.

Как ни странно, эти вредные традиции, о которых с осуждением писал поэт 50 лет назад, еще более пышно расцвели после распада Советского Союза, когда мы, изгнав из своей земли грузинских оккупантов, обрели долгожданную свободу, стали строить свое независимое государство. Именно тогда, когда из-за войны и мародеров обеднел наш народ. Это парадокс, не поддающийся разумному объяснению!

Во времена власти коммунистов была развернута борьба против пышных поминок и больших свадеб, пытались ослабить их размах и указами и художественными произведениями. И в 20-е, а затем в 60–70-е годы действительно это во многом сдерживало тот размах, с которым все это устраивалось. Но вовсе заглушить это явление так и не удалось, вот остатки того прошлого и мешают нашему благоденствию сегодня. Разумеется, покойника в последний путь необходимо проводить так, как

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 178–179.*

принято в народе, сделав все, что положено по традиции, но все должно быть в разумных пределах, надо знать меру. Можно ли выпивкой сохранить память об ушедшем в мир иной? Сохранить ее способна только духовная сила.

Хухут Бгажба пишет: «Баграт Шинкуба в своей поэзии стремится к отображению природы. В его произведениях с особой силой раскрывается очарование и многокрасочность природы Абхазии. В своих поэмах и стихотворениях на высоком художественном уровне он рисует картины весны, лета, осени и зимы – свет ласкового солнца, отяжелевшие от плодов фруктовые сады, зеркальность гор, окутанных снегом, потоки горных рек, жемчужный берег Черного моря. Много таких живописных картин и в вышеописанной поэме «Новые люди». Вот с каким высокохудожественным мастерством в ней изображена маленькая картина о горном потоке:

Разрывая два утеса огромных,
Сталкивая камни и бруски,
Бьется об висячий обрыв,
Издревле кипя душой,
Несется поток, вскипая».[1]

Критик касается и произведений Киазыма Агумаа. Хотя конкретно и не занимается разбором его творчества, но говорит о значимости вклада этого писателя в национальную абхазскую послевоенную литературу.

Хухут Бгажба подробно исследует стихотворения, вошедшие в книгу поэта И. Тарба «Говорит сердце». Критик отмечает заметный рост мастерства поэта. Он говорит о том, что стихотворения, вошедшие в книгу, несмотря на некоторые недостатки, своим художественным мастерством и идейным содержанием намного выше, чем, опубликованные в изданной в 1949 году книге «Горный родник»[2]

Хухут Бгажба подчеркивает тематическое разнообразие поэтической силы Ивана Тарба, его стремление усилить смысловую нагрузку поэтической строки, огромное желание, чтобы мерой его стиха служил ритм самой жизни. По словам критика, автор настойчиво стремится к этому и во многом достигает своей цели. В то же время Хухут Бгажба не замалчивает и некоторые, по его мнению, недостатки поэтического творчества Ивана Тарба, говорит о них открыто и недвусмысленно. Приведу несколь-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 179–180*
[2] *Там же, с. 181*

ко примеров: «Трудно поверить и принять за вымысел те примеры, которыми пользуется автор в стихотворении «Зеленые гектары». В этом произведении мы видим не до конца обдуманные, взвешенные предложения: «Горящее электричество бледнело, теряя свой цвет, впадая постепенно в сладкую дрему»; «Пробудившись ото сна, Сухумская гора, словно распрямила плечи, умылась чистая весенняя роса» (Кто или что умывается?)

Безусловно, замечания критика относительно поэтического творчества И. Тарба, справедливы. Но эти погрешности и некоторые слабости, проявляющиеся у поэта в стремлении создать художественное слово, не умаляют значимости природного таланта Ивана Тарба, твердо и уверенно вошедшего тогда в абхазскую литературу.

«Наполненная настоящей, реальной жизненностью, богатая своей собственной интонацией и нюансами, лирика Ивана Тарба может достичь еще более значительных успехов, если автор будет более тщательно и скрупулезно работать над стилем и чистотой языка ».[1]

Далее в статье критик говорит об успехах (а это и успехи всей абхазской литературы) и недостатки, присущих произведениям абхазских поэтов Ч. Джонуа, А. Джонуа, А. Ласуриа, К. Ломиа, К. Чачхалиа, Ш. Цвижба. Хухут Бгажба в своих критических замечаниях никогда не задавался целью задеть достоинство или унизить кого-то из писателей. Хотя к чему скрывать, были писатели, не принимавшие и обижавшиеся на его критику.

Цель Хухута Бгажба была иной: содействовать достижению абхазскими писателями высокого уровня мастерства.

«В дальнейшем развитии абхазской поэзии огромное значение приобретают вопросы, связанные с чистотой литературного языка.

Слово является материалом, из которого соткано произведение писателя. Но этот материал нельзя использовать как попало. Это – не молчаливый камень, из которого скульптор обтесывает картину… Слово писателя, безусловно, должно быть складным, понятным всем и четким. Неразборчивое, трудно воспринимаемое, слабое по своей идее и художественному смыслу произведение нужно опалить критическим огнем, прежде чем представить к публикации».[2]

Статья завершается словами: «Сколь значимо писать взвешенно, коротко. Это лучше всего помогает писателю достичь цели: «Пишите, – говорил А. М. Горький, – коротко, плотно, без излишних ответвлений. Говорите взвешенно и о значительных

[1] *Там же, с. 184.*

[2] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 201.*

проблемах, чтобы все, что вы знаете, стало доступно пониманию читателя, дошло до глубины его души, как гвоздь входит в дерево. Утрамбовывайте (прессуйте) слова, как пальцы сжимаются в кулак».

Борьба за чистоту литературного абхазского языка, за его дальнейшее развитие и благоприятное звучание – большая, особая задача наших писателей.

Вопросы высокой художественности, идейности, развития поэтического мастерства должны быть в центре внимания писательской организации, необходимо часто проводить дискуссии и обсуждения этой проблематике.

Наши писатели неустанно и тщательно должны работать над тем, чтобы углублять идейное содержание своих произведений и постоянно повышать качество языка и стиля, развивать художественное мастерство. С особым желанием наши писатели всегда должны использовать язык народа, так как там можно встретить новые слова. Язык писателя всегда должен быть развитым, живым и понятным».[1]

* * *

Актуальной, и для своего времени и по сей день, является и статья Хухута Бгажба в «Очерках...» – «Сегодняшняя абхазская поэма», написанная им в 1958 году в канун II Съезда писателей Абхазии. В ней критик исследует абхазскую литературу по жанрам, анализирует прозу, поэзию и драматургию. При анализе поэзии он рассматривает развитие поэмы, как жанра, особенности лирической поэзии и т.д.

Автор ставит перед собой конкретную задачу – показать состояние абхазской поэмы того периода. Он отмечает, что до сих пор не изучены и не отражены пути развития этого жанра. (Тогда еще не были изданы исследования Б. Гургулиа. Абхазская поэма. 1974); М. Ласуриа. Творчество И. А. Когониа и развитие эпических жанров в абхазской советской поэзии. 1979), в которых, глубоко изучены абхазские поэмы, увидевшие свет ко времени появления данных научных трудов). Критик говорит о значении и месте жанра поэмы в поэзии, о возможности шире и глубже, чем в стихотворении, раскрыть действительность, показать ее через образы героев.

Хухут Бгажба акцентирует внимание и на особенностях жанра поэмы, понятно, чтобы надолго запечатлелось в памяти читателя, показывает отличие от других литературных жанров. После этого переходит к анализу поэм, созданных в абхазской

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., стр 201–202..*

литературе к концу 50-х годов, рассказывает об истории их создания, подчеркивает тот факт, что абхазы издревле имеют эпические сказания в стихотворной форме – героические поэмы: «Пшкьач-ипа Манча и Баалоу-пха Мадина»(«Пшькьаҷ-ипа Манчеи Баалоу-цҳа Мадинеи»), «Напха Кягуа» («Инацҳа Кьагәа), «Кяхьба Хаджарат» и др.

Развитие абхазской поэмы опиралось на эту фольклорную традицию. Об этом свидетельствуют дореволюционная поэма Д. Гулиа «Пистолет Эшсоу» и изданные в 1925 году поэмы И. Когониа. Критик обращает внимание на то, что поэма С. Чанба «Она была удивительно прекрасна»(Последний вариант «Дочь гор» – Р. К.) отходит уже от поэтики устной народной поэзии: «Здесь автор перешел к исторической теме – он в символико-романтической форме показывает исторические события, которые имели место издревле в Абхазии. Это – лирическая поэма, здесь мы не видим характеров, главное – в лирическом герое, его мнение и мысли».[1]

Хухут Бгажба говорит об актуальности тематики поэм, вошедших в абхазскую литературу в эпоху социалистического строительства. В то же время показывает и их недостатки. Он особо подчеркивает важность и значение появления таких произведений, как поэмы Л. Квициниа «Шаризан» и «Даур» для развития абхазской поэмы как жанра.

«По своей принципиальности и значительности проблем, поставленных в ней, эта статья является одной из самых лучших работ в абхазской критической литературе», – пишет ученый-литературовед Б. А. Гургулиа. В момент опубликования «Современная абхазская поэма» была первой единственной работой своего рода, сегодня она, безусловно, заняла свое место в истории абхазской поэмы, кроме того, она появилась в самый нужный момент для абхазской литературы и подвигла к исследованию жанра других литературоведов.

Однако, я не совсем согласен с утверждением Б. Гургулиа, что Хухут Бгажба должен был еще глубже и подробнее исследовать жанр абхазской поэмы.[2]

Это все же статья, а не монография, в ней невозможно охватить всю проблематику, поэтому критик сознательно ограничил рамки исследования, но, несмотря на эти ограничения, он анализирует наиболее значимые абхазские поэмы.

Критик, определяя важнейшие проблемы, связанные с созданием высокохудожественных поэтических произведений,

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 207.*

[2] *Б. А. Гургулиа. Абхазская поэма, Сухум, 1974, с. 29–30, на абх. яз.*

подчеркивает, что эта задача касается не только поэтов, а, прежде всего, критиков, многие недостатки происходят из-за слабости работы их самих. Кроме того, автор отмечает, что на вопросы идейности и поэтического мастерства должна обращать и писательская организация, которая обязана проводить широкие дискуссии, обсуждения. Критик также не забывает о немалой роли журнала «Алашара» в этом деле.

Читая сегодня эту статью заново, нельзя не увидеть, как ответственно и бережно исследует критик произведения одного из главных жанров абхазской литературы – поэмы. Безусловно, в этой статье прозвучала жесткая и достаточно острая критика, так как автор не скрывал недостатки анализируемых произведений, поскольку они могли помешать общему развитию нашей литературы (особенно эпическим произведениям). Эта статья не всем понравилась. И это понятно, критика никому не нравится, особенно если это касается того произведения, над которым автор трудился много. Но в своей статье один из главных абхазских критиков хотел (как и в других литературно-критических статьях), сказать слово, помогающее улучшить состояние литературы, в частности абхазской поэмы, ее развитие. И оно громко прозвучало, не оставив специалистов и читателей равнодушными, в канун II Съезда писателей Абхазии.

* * *

Несколько вопросов, связанных с литературным мастерством вновь ставит Хухут Бгажба в статье «За принципиальную критику». В ней также автор отмечает, что абхазские писатели встречают свой съезд с немалыми достижениями, кроме того, радует то обстоятельство, что выросли новые писательские кадры, подрастает талантливая творческая молодежь. Но в то же время критик замечает, что на страницах газет и журналов все еще мало обсуждаются творческие проблемы, связанные с абхазской литературой, часто без внимания остаются молодые авторы – их произведения печатаются крайне редко.

Хухут пишет: «Во многих наших произведениях форма остается намного слабее, чем идейно-тематическое содержание. Мы не раз поднимаем, инициируем интересные вопросы, но недостаточно серьезно воспринимаем форму произведения, не думаем о том, насколько оно будет востребовано читателем. Потому, было бы намного полезнее, если мы открыто и гласно обсуждали форму, сюжет, композицию, художественные детали и многое другое».[1]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 230.*

Здесь он конкретно рассматривает поэмы, в которых неудачно выстроенная композиция и беспорядочное, лишенное глубокого содержания многословие, растянутость, к примеру, поэмы И. Тарба «Ражден Жиба» («Ражьдсн Жьиба»), А. Ласуриа – «Незабываемое», «Юноши из Ахуцы (Ахәҵа – Р. К.)», А. Джонуа «Клятва». Критик верит в талант Н. Тарба, но отмечает поспешность и некоторую незавершенность ее поэмы «Сказка о царе Зосхане и пастухе Батале»: « Эта поэма создана из мотивов сказки, но автор не сумела глубоко вникнуть в народное сказание, из которого она брала тему, не разобрала, как следует его варианты, в некоторых местах детали сюжеты не оправданы», – пишет Хухут Бгажба.[1]

Он также затрагивает проблему таких художественно слабых, с бедным жизненным материалом и низким эстетическим уровнем стихотворений, которые мало что дают читателю.

«Так что же должна отражать лирика?... Настоящей лирикой считают то произведение, которое проникает в душу и разум человека, многое содержит в себе. Лирический поэт должен уметь много читать из своей книги жизни, объединять в одно целое мысли и чувства, кроме того, показать читателю ритм окружающей жизни, ее дыхание легко и свободно. Настоящий поэт не стремится показать свои мысли и чувства плоско и прямо, без художественного осмысления. Прямой путь может привести в поэзии к риторике и плоской болтовне, к иллюстративности, невнятной назидательности, размазыванию. Настоящий поэт должен находить новые ритмы, интонации и слова, просторные и наполненные картины, помогающие читателю понять его душу и чувства».[2]

В абхазской поэзии Хухут Бгажба видит стихотворения, лишенные собственной индивидуальности, в которых недостаточно глубины и художественного мастерства. В большинстве своем это лирические стихотворения о любви, в них часто мелко выражены чувства любви, ревности, разлуки, в то же время начинает превалировать упадок и пессимистические настроения.

В этой небольшой по объему, но емкой статье, Хухут Бгажба высказался и по ряду других актуальных проблем развития абхазской литературы.

Приведу некоторые из них:

«…Порой некоторые люди, убежденно ратующие за необходимость борьбы мнений, эту борьбу используют особо для себя. Нужно уважать справедливую критику, стремящуюся искрен-

[1] *Там же, с. 230.*

[2] *Там же, с. 232.*

не помочь делу. К чему скрывать, некоторые писатели (особенно из поэтов), будучи небрежными, слабыми мастерами своего дела, страдают самомнением, любят славословить, бахвалиться и пренебрежительно относятся к критике. Такой человек думает, что он «выше критики». Но бахвальство портит любое дело. Разумеется, критик тоже может ошибиться, точно так же, как и писатель. Но это ни в коем случае не означает, что автор должен прекратить писать или критик, чтобы не ошибиться, должен замолчать. Больше всех ошибается тот, кто из-за боязни ошибиться, ничего не пишет или же сглаживает, смягчает, а то и вовсе обходит острые вопросы».[1]

Хухут Бгажба подвергал критике не только слабые, с недостатками художественные произведения. Точно также он делает много замечаний относительно качества абхазской литературной художественной критики. Порой она проходит мимо литературных фактов, зачастую ей не хватает научной глубины, не ставит для обсуждения проблемы литературного мастерства. Все это необходимо обсуждать на страницах газет и журналов не время от времени и случайно, а последовательно и постоянно.

Хухут Бгажба открыто говорит о слабости абхазской литературной критики, призывает ее к самокритике: «До сих пор изредка, время от времени появлявшиеся на страницах газет и альманахов немногочисленные критические статьи и рецензии (включая и написанные мной), в основном, крайне слабы, не в силах помочь развитию литературы. Кроме того, в них много общих, плоских слов, не видно конкретного, детального анализа, с раскрытием недостатков в стиле и языке произведения. В них много славословия. Однако для писателя и читателя представляет ценность действительно принципиальная, живая, основанная на конкретных фактах критика. Критик обязан анализировать в целом, не разрывая друг от друга стиль, язык и содержание произведения».[2]

Хотя эти слова были сказаны Хухутом Бгажба в статье, написанной 50-е годы, но они не потеряли и сегодня своей актуальности. Хотя с тех пор возможности абхазской литературной критики намного расширились. Кроме Х. Бгажба, Ш. Инал-ипа и В. Зантариа появились хорошо подготовленные критики и литературоведы, да и сами наши ведущие критики намного усовершенствовали свое мастерство, и мы, благодаря этому, обладаем сегодня многочисленными статьями, научными ра-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 234.*
[2] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 170.*

ботами и монографиями, в которых широко исследуется абхазская художественная литература. И сегодня статья Хухута Бгажба призывает нас, критиков, быть внимательными, говорит о том, что глаза и ум критика должны быть острыми, но главное – важнее этих двух категорий то, что совесть критика должна быть чиста перед автором и его произведением.

* * *

В «Очерках...» Хухут Бгажба вновь возвращается к теоретическим вопросам литературы, посвящая им отдельный раздел: «О некоторых вопросах теории литературы». Раздел состоит из статей: «Главные особенности советской литературы» и «О значении художественности литературы». В первой – автор отмечает четыре главные особенности, характерные для советской литературы: 1) новое содержание, новая тематика и новые герои; 2) новое мировоззрение; 3) новый творческий метод; 4) многонациональный характер. Хухут дает теоретическое обоснование всем этим четырем особенностям и анализирует каждую из них, так, чтобы читатель смог получить ясное представление о существе вопроса. Конечно, он следует в своих исследованиях коммунистической идеологии, действует согласно ее идейным направлениям, особо подчеркивая социалистический реализм, тогда господствовавший, как основной критерий значимости произведения. Да и невозможно было в советское время говорить иначе о советской литературе.

«Социалистический реализм означает глубокое и правдивое проникновение в процессы, происходящие в самой жизни. Нашему творческому методу чужды вымысел, бесплодные фантазии, бескрылый натурализм, не замечающий ничего кроме голых фактов. Наш реализм ставит основной задачей широкое обобщение действительности. Обобщение – это то, что можно выразить через типы, посредством типизации. Типично не только то, что часто встречается в повседневности. Писатель берет из жизни разные факты, он их делит по группам, выделяет одни, другие выпадают из его поля зрения, говоря иначе, сообразуясь со своим политическим мировоззрением, объединяет их в общие картины».[1]

Опубликованное в 60-х годах прошлого столетия, не потеряло своего значения и сегодня. Несмотря на то, что некоторые места в статьях, там где автор пишет об особенностях со-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 244.*

ветской литературы и социалистического реализма, потеряли актуальность и имеют интерес скорее для историков литературы, замечания по теории литературы и в настоящее время остаются во многом полезными для начинающих писателей. Кроме того, нужно отметить, что в нашем литературоведении и критике до сих пор очень редко появляются статьи, посвященные проблемам теории литературы. Мало кто занимается исследованием подобного рода вопросов. Насколько мне известно, после издания капитального труда профессора В. Л. Цвинариа, посвященного структуре абхазского стиха, в Абхазии не появилось ни одной теоретической работы, даже статьи. У нас есть люди, способные создать подобные труды, но, следуя извечной нашей привычке, им всегда тяжело собраться и начать эту работу.

Как известно, в изучении истории национальной литературы чрезвычайно важна периодизация. Вот почему Ш. Д. Инал-ипа в 1958 году на страницах журнала «Алашара» (№6) опубликовал статью: «О периодах развития абхазской литературы». На нее откликнулись. О периодах развития абхазской литературы высказали свое мнение критики В. Зантариа, Г. Гублиа, Ч. Когониа. Позже, в том же журнале (№1) в 1959 году Хухут Бгажба опубликовал статью «Периоды развития абхазской литературы». По словам критика, если отшлифовать и немного обобщить вопросы, поставленные в вышеупомянутых статьях, можно сказать, что пути для решения данной проблемы, несомненно, будут найдены.

Зачинатель этого вопроса, Ш. Инал-ипа отмечает семь периодов, с ним согласен молодой литератор Ч. Когониа, критик В. Зантариа выделил пять периодов, а поэт Г. Гублиа – восемь, а Х. Бгажба – пять. Он писал: «Первый период развития абхазской литературы охватывает 1865–1921 годы, то есть время до установления Советской власти в Абхазии. В течение этого времени появилась абхазская письменность; в 1865 году был издан первый абхазский букварь; в 1909 году – букварь, составленный А. Чочуа. После этого появились религиозные книги, несколько учебников и популярных брошюр. Но до 1912 года у нас не было художественной литературы. О ее появлении можно смело говорить с изданием книги Д. Гулиа «Стихотворения и частушки». Благодаря этой книге абхазская литература начала свой путь развития».[1]

В течение первого периода абхазской литературы вышла также и вторая книга Д. Гулиа «Переписка девушки и парня»

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 270.*

в 1913 году, затем в 1920 году драма С. Чанба «Махаджиры». Хухут Бгажба отмечал, что после, до 1921 года не вышло ни одной другой книги, которую можно было бы отнести к абхазской художественной литературе, но при этом подчеркивал, что развитию абхазской литературы во многом содействовала выходившая в свет в 1919–1920 годах первая абхазская газета «Апсны». Автор пишет о том, что своим появлением эта газета объединила абхазские литературные силы: «Таким образом, в первом периоде абхазская литература появилась и сделала первые шаги, но до установления советской власти у нее не было сил и возможностей расправить крылья».[1]

По мнению Хухута Бгажба, второй период абхазской литературы начинается с 1921 года. Это было уже в советское время. В этот период постепенно повышался идейный и художественный уровень абхазской литературы. Автор отмечал, что в первые годы Советской власти в абхазской литературе преимущество над остальными жанрами имела поэзия, значительным явлением стали поэмы И. Когониа, увидевшие свет в1925 году. С. Чанба стал основоположником абхазской драматургии. В этот период были опубликованы рассказ М. Хашба «Алло» (1929 г.), пьесы Д. Дарсалиа «В глухой старине», «Святилище и душевная забота», повесть Ш. Цвижба «Змея с перебитым хребтом», пьеса С. Чанба и Вл. Агрба «Победа». Именно в это время появилась первая абхазская повесть, написанная Вл. Агрба «Рождение колхоза «Вперед» (1931), позже П. Чкадуа написал повесть под названием «Новое победит», а Л. Квициниа создал ряд поэм.

По распоряжению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года все отдельные пролетарские литературные организации были закрыты и аннулированы, вместо них остался один Союз советских писателей. С этого времени начинается третий период развития абхазской литературы. Он продолжился до начала Великой Отечественной войны: «В истории абхазской литературы огромно значение обсуждаемого ныне нами периода. В это время мы видим серьезные успехи во всех жанрах абхазской литературы»,[2] – пишет Хухут Бгажба. Он отмечает вошедшие в тот период в абхазскую литературу произведения – «Сейдык» С. Чанба, «Темыр» И. Папаскир, «Камачич» Д. Гулиа, «Шаризан» Л. Квициниа, «Кинжал» Ш. Цвижба, «Заложник» Д. Дарсалиа, «И Джагуатан ехал тем поездом» А. Касландзиа (Касланзиа), «Рожденный заново» С. Кучбериа.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 270 .*

[2] *Там же, с. 272.*

Четвертый период охватывает годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятый – послевоенное время, с 1945 года до наших дней.

Хухут Бгажба приводит аргументы в пользу своей периодизации, опираясь на конкретные произведения абхазских писателей и поэтов.

«Рассмотренные нами выше периоды убеждают нас в том, что абхазская литература постоянно находится в развитии. Кроме того, показывают нам, что в настоящее время она находится в том периоде, который позволит сделать нашу работу более плодотворной, глубокой и интересной. В дальнейшем нужно писать последовательную историю абхазской литературы по периодам. Периоды развития абхазской литературы, которые будут установлены в результате дискуссии на страницах журнала, видимые ныне, как смутные очертания на карте, будут тогда более конкретными, наполненными и живыми. Чтобы добиться этой цели, критики и научные работники должны объединить свои усилия, и каждый из них добросовестно должен делать свою конкретную работу».[1]

Но сегодня, в новом времени, эта периодизация должна быть пересмотрена, обновлена. Если бы наш великий ученый был жив, то непременно согласился с этой мыслью. Уже тот факт, что нет Советского Союза, народы разошлись окончательно, разделив свое имущество, некоторые национальные литературы стали далеки друг от друга – это означает новый период в истории развития абхазской литературы, обретение ею нового пространства. Надеюсь, все это, достаточно ясно будет отражено и исследовано в будущем двухтомнике по истории абхазской литературы, разрабатываемом в Абхазском институте.

* * *

В «Очерки...» Хухут Бгажба включил статью «М. Горький о молодых писателях», очевидно, обращая ее к молодым абхазским авторам. Общеизвестный факт, что великий русский писатель постоянно оказывал помощь молодым литераторам (и до революции и позже), внимательно читал их произведения, указывал на ошибки, наставлял на верный путь. «Молодые писатели, – писал М. Горький, – хотят учиться, они, безусловно, должны знать, как писать, но некому их учить. Журналы и редактора возвращают их рукописи с надписанными словами: «слабо, не пройдет», «много недостатков, но есть неплохие

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 276.*

места, учитесь, работайте над собой, слово плохо составлено, многого не хватает, учитесь технике письма».[1]

Такие слова, разумеется, ничего не скажут начинающему писателю. Он ничего не воспримет и ему мало чем поможет подобное наставление. Как считал Хухут Бгажба, по Горькому помочь означает прочитать и проанализировать произведение начинающего писателя, указать подробно на недостатки и направить его по верному пути. Безусловно, он считал, что подобная забота необходима прежде всего тем, у кого есть талант. М.Горький напоминал молодым, насколько бережно классики литературы относились к форме, являющейся частью мастерства: «Вот что в связи с этим говорил французский писатель Флобер: «Вы говорите, что я отдаю предпочтение форме, однако форму и содержание я рассматриваю как одно целое, к тому же я не признаю их порознь, если они не вместе.[2]

Излишнее многословие всегда мешает письму. Слова должны быть коротко, складно составлены, писать нужно, сжато, с емким содержанием и художественно. Критик особо выделял эти мысли М.Горького, стремясь к тому, чтобы они были до конца восприняты молодым писателем:

«В художественном произведении важно уметь описывать природу. Так, чтобы это описание сохранилось в памяти человека, помогая основной теме произведения, должно быть созвучно ей».

М. Горький говорил, что не нужно писать излишне красиво, напыщенно. Это не искусство. Художественный материал, относящийся к произведению, должен быть согласован с его персонажами. К примеру, вот как коротко, соответственно содержанию написано у Д. Гулиа там, где он говорит о Марытхуа (Марытхәа): «Марытхуа был очень стар, но крепок как белая скала, бодрый, все еще работящий». Здесь слова коротки, и сравнения очень близки читателю».[3]

М. Горький советовал молодым не писать о том, чего они не знают, к тому же он напоминал, что искусство – часть жизни, поэтому основой его должна стать правда самой жизни, главное, писатель должен уметь объединить и обобщить все, что увидел и услышал, уметь выразить в одном человеке типичные для многих качества. В противном случае, если он описывает просто одного человека, то это будет простым фотографированием. М. Горький отмечал: «Вы рассказываете об одном тунe-

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 265.*

[2] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 266.*

[3] *Там же, с. 267.*

ядце, пьянице, не приспособленном к труду Иванове, это нужно сделать обобщенным образом, потому что не только один Иванов является тунеядцем, пьяницей и не приспособленным к труду. Есть и другие, похожие на него люди, а раз так, то вы возьмите от одного нос, от другого уши, от третьего что-нибудь другое, опишите этот тип, напишите так, чтобы все тунеядцы могли увидеть себя в этом образе, чтобы все черты, общие для них, были отражены».[1]

Мысль М. Горького Хухут Бгажба продолжал так: «Таким образом, как об этом говорит М. Горький, были созданы типы Фауста, Гамлета, Дон Кихота. Также созданы и образы Евгения Онегина, Печорина, Хлестакова и др.

Этих людей, о которых мы здесь говорим, не было в природе, но существовали люди, похожие на них какими-то чертами. Художественный образ намного шире и богаче. Великие писатели, собрав и объединив общие для всех людей обычаи, с помощью собственной фантазии сотворили вечные типы людей».[2]

Хухут Бгажба, взяв в основу советы, высказывания и мысли М. Горького, обращенные к молодым писателям, дает понять абхазским молодым писателям (да и не совсем молодым тоже), что создать произведения, художественно отображающие жизнь, нелегко, для этого нужна большая ответственность, трудолюбие, высокая культура способность учиться у классиков и т.д.

«За 60 с лишним лет я достаточно повидал в своей жизни недобрых, завистливых, самодовольных, примитивных и ограниченных людей. Однако же, я имел счастье также жить, работать, учиться и созидать среди множества умных, добропорядочных, отзывчивых и глубоко мыслящих интеллектуалов. Эти, духовно близкие мне люди, каждый в меру своих возможностей, сопутствовали моему творческому направлению по жизни. Среди тех, кто в непростые кризисные периоды жизни стал рядом как единомышленник, был заслуженный деятель науки, академик, доктор филологических наук, профессор, Хухут Салуманович Бгажба. О его роли в абхазской культуре уже подробно написал наш известный плодовитый литературовед и критик Руслан Капба. Я же лишь добавлю к этому один значительный факт в моей биографии, в котором участие Хухута Салумановича Бгажба было бесценно.

В 1982 году в Москве была назначена защита моей докторской диссертации в родном и всемирно известном ГИТИСе (Государственный институт театрального искусства им. А. В.

[1] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 268..*

[2] *Там же.*

Луначарского, ныне – Российская академия театрального искусства).

В тот период, надо сказать, председателем Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Совете министров СССР был некий Кириллов-Угрюмов, который слыл весьма сердитым и несговорчивым человеком по отношению ко всем, претендующим на звание либо кандидата или доктора наук. А в особенности к тем, кто не имел изданных книг и добротно написанных диссертаций. При нем заметно поубавилось количество лжеученых с дипломом доктора наук. Я считаю, что тот справедливый порядок существовал тогда вполне оправданно, хотя ВАК не разрешил мне тоже защищать докторскую диссертацию в моем институте – ГИТИСе. Работу передали в солидный Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. Меня же очень интересовала причина задержки моей работы. Оказалось, что диссертацию в 450 страниц машинописного текста послали на Украину в Киевский институт искусствознания и фольклора им. М. Ф. Рыльского, откуда и получили положительный отзыв в придачу и оппонентов в лице доктора искусствоведения Ю. Станишевского. А еще ее послали в Белоруссию и просили коллег из Минска дать свое заключение. И Минский институт искусствознания, этнографии и фольклора Академии наук Белоруссии с подписью академика Н. Нефедова тоже прислал свою положительную рецензию и согласие быть ведущим учреждением для докторанта. Пишу об это для того, чтобы современное поколение знало, как непросто было нашему поколению войти в науку, а случайным графоманам в те годы вообще нечего было делать в ней.

Время шло, и настал день моей защиты. Оппонентами были утверждены известный украинский ученый Юрий Александрович Станишевский, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор, москвичка Инна Люциановна Вишневская, а из Абхазии – наш Хухут Салуманович Бгажба. К слову скажу, что меня тогда сразу предупредили – моих оппонентов друг с другом не знакомить, они поселились перед защитой в разные гостиницы Москвы. Надо ли говорить, насколько были накалены мои нервы, ночь я провел без сна, все обдумывал предстоящую защиту и заодно детали почти детективной возни со стороны ВАКа.

И вот в 10 часов я и Хухут Салуманович пришли в институт искусствознания, где должна решиться моя судьба ученого. Мой дорогой человек и помощник супруга Эльвира осталась в Абхазии с двумя маленькими сыновьями и, чувствуя в душе

одиночество, я поднимался на второй этаж. А там, в креслах, к своему удовольствию, увидел близких мне людей – мою уважаемую тещу, Любовь Диомидовну Труфанову, жившую тогда в Москве и сестру Лиану, которая училась в Московском институте культуры. Вижу – волнуются они не меньше меня. И тут меня срочно позвала к себе ученый секретарь института Халида Устабаева. Зашел к ней и вместе пошли к директору Мелентине Котовской – дочери известного советского военачальника времен гражданской войны. И она сообщила, что час назад ей занесли письмо из ВАКа, в котором говорилось о запрете членам ученого Совета (а их 29 человек), ею возглавляемого института, принимать участие и голосовать на моей защите, за исключением Мелентины Котовской, как директора и известного шекспироведа, академика Александра Аникста. Кроме того, на мою разовую защиту ВАК приглашала ученых из института философии и из моего ГИТИСа. Не скрою, я был на грани шока от столь неожиданного поворота событий. Да и сама директор была весьма раздражена этим недоверием ВАК к ученому Совету ее института. Чтобы разрядить напряжение, я попросил ее разрешения пригласить к ней Хухута Салумановича и сообщить ему о письме из ВАК. В кабинет он зашел в элегантном строгом костюме с белой сорочкой и красивым галстуком. Его пышные с проседью волосы короной возвышались на голове, а роговые очки гармонировали с цветом галстука. При виде такого импозантного мужчины, Мелентина Котовская встала со своего кресла и приветливо поздоровалась с ним. Пригласив всех сесть, она рассказала о сложившейся вокруг защиты ситуации, потом предложила мне даже отказаться от защиты диссертации. И добавила, чтобы я обязательно написал в ЦК КПСС о непонятных и даже безобразных инструкциях ВАК. Почти в отчаянии я согласился с ней не выходить перед таким «коктейлем» из разного рода институтов.

В кабинете повисло гнетущее молчание…

И вот, Хухут Салуманович, поправил очки, заговорил неторопливо и уверенно: «Неуважительное отношение к институту они высказали – это ясно. И все же, я советую вытерпеть. Ваше письмо, уважаемая директор, может повредить как институту, так и Вам лично, а потому – не спешите. Я считаю, что Аргуну надо защищаться. Работа у него отличная, к тому же им издано более двадцати книг – больших и малых. Это уже достойный фактор, и не стоит падать духом. Пусть боятся те, которые ни писать, ни мыслить не могут!» – Хухут Салуманович говорил еще что-то и, слушая его уверенную речь, я воспрял духом, и

решил для себя все же «ринуться в бой». Мелентина Котовская, несколько растерянно улыбаясь, ответила ему: «Хухут Соломонович, по-моему, Вы правы, и чего нам бояться, если только диссертант выдержит». Я тогда просто вставил: «Продержусь, если совсем не провалят эти разные представители. Иначе перед Хухутом Салумановичем станет неловко…»

Неожиданно распахнулась дверь директорского кабинета, и вошел великий ученый, автор известного двухтомника «Теория драмы от Аристотеля до Лессинга» и «Теория драмы от Гегеля до Маркса», профессор и академик Александр Абрамович Аникст. Мы, встав, приветствовали его. А он сразу начал говорить: – Вижу, собрались абхазы! Только, Мелентина, не отчаивайся, ВАК пусть куролесит, а мы вот возьмем и дадим бой! Диссертацию я прочитал, вполне достойная… А ты, Алексей, как я знаю, учился у профессора Георга Гояна. Его учеников не так-то просто заглушить, у них с интеллектом все в порядке. Так что, выходи на ристалище, и, Бог тебе в помощь! – уверенно завершил свой призыв Аникст.

Потом Мелентина Котовская познакомила двух аксакалов науки – Хухута Бгажба и Александра Аникста. Они разговорились обо мне и о престиже института, на которых, по высказыванию Аникста, «ополчился бездушный, но авторитетный ВАК СССР». Там же Хухут Бгажба сказал: «Уважаемые, у меня такое предложение – все книги, изданные Алексеем Аргуном, из вашей институтской библиотеки перенести в фойе перед входом в зал защиты. Люди узнают сразу, кто есть кто». Директор тут же поручила ученому секретарю Халиде Устабаевой быстро оформить выставку моих книг. Я и сам потом взирал с удивлением на свои книги, собранные вместе в длинном шкафу, с надписью «Труды диссертанта А. Х. Аргун». Стояло там более 20-ти изданий, а все, приглашенные на мою разовую защиту, говорили: «Он давно уже докторскую заслуживает».

И вот, Мраморный зал института полон людей. Мягким звоном настенные часы оповестили в два дня о начале процедуры защиты. По указанию ВАК, этот разовый ученый Совет проходил под председательством доктора искусствоведения, музыковеда, профессора Болеслава Келдыша (брат знаменитого академика Мстислава Келдыша). Начал он заседание такими словами:: «Пусть ученые вашего института не будут в обиде. На следующую чью-нибудь защиту, уже ваши коллеги заменят наших ученых. А делается это потому, что слишком много невежд развелось с учеными степенями, и ради самой науки их надо остановить. А наш, присутствующий здесь претендент на уче-

ную степень доктора искусствоведения, имеет достаточно книг, чтобы им быть».

Профессор Александр Аникст встал с места и прямо предложил: «Давайте сразу открыто проголосуем и присвоим степень доктора наук автору этих книг». В зале раздались одобрительные реплики, которые я улавливал с чувством признательности. Но тут, с места поднялся Хухут Салуманович Бгажба, и высказал свою точку зрения: «Нет, уважаемые ученые, не будем нарушать рекомендации ВАК. Автор диссертации приехал не выпрашивать диплом. Он, как говорят абхазы, «пришел сюда, чтобы увидеть вас и себя показать». Так что, дайте нам, абхазам, слово». В зале раздались отдельные хлопки и шушуканье.

Председатель Болеслав Келдыш тоже переговаривался с коллегами из ученого Совета, потом первой предоставил слово Халиде Устабаевой, и ученый секретарь зачитала отзывы на мою диссертацию из Белоруссии, Казахстана, Бурятии, Армении, Азербайджана. Я слушал все эти положительные оценки моей работы и почти успокоился. И вот в зале раздался очень отчетливый вопрос: «А где у вас отзыв из Грузии? Почему не послали автореферат туда? И зачем нам Бурятия, если Грузия не участвует?» Хухут Салуманович, не медля (словно ждал этого вопроса) невозмутимо пояснил: «Алексей Аргун учился в Москве, диссертацию подготовил при ГИТИСе, к чему тут Грузия? А почему они не ответили на автореферат, это – их дело». Халида Устабаева поспешно добавила: «Дорогие коллеги, я не зачитала все отзывы – их много. А на вопрос товарища из зала, могу зачитать обширную положительную рецензию, полученную, кстати, от проректора Тбилисского театрального института им. Руставели, профессора Василия Кикнадзе». Перебрав несколько страниц, она громко зачитала и ее, под конец, уже под аплодисменты присутствующих.

Тем временем, Хухут Салуманович тихо на абхазском сказал мне: «Сними быстрей депутатский значок, дабы не раздражать ученую братию принадлежностью еще к чиновничеству». Я тут же последовал его совету и пошел на свое 15 минутное выступление перед собравшимся. Говорил быстро, горячо, с профессиональной убежденностью и эти 15 минут показались мне вечностью. Слушали внимательно, не перебивая, потом слово дали моим оппонентам из Москвы, Киева, а последним пригласили выступить Хухута Салумановича Бгажба. Слышу, что многим в зале понравилось, тогда так писали имя его отца, его отчество «Соломонович». Пышная дама, сидевшая рядом с Аникстом, и внимательно слушавшая

Хухута Бгажба, даже сказала Александру Абрамовичу: «Смотри, Саша, какой весьма интеллигентный и умный этот ученый Хухут Соломонович из Абхазии. Подумать только, куда не занесет еврея поднимать чью-то культуру!». На что Аникст ей ответил: «Лина, я тебя разочарую – он не наш. Это – абхаз и его народ такой же гонимый, как и наш. Они тоже один из древнейших народов мира». Слова его я помню и по сей день. А сам Хухут Салуманович смеялся от души над моим рассказом «о наших умных Соломонах».

Защита моя успешно подходила к завершению. Некоторые мои оппоненты внесли в диссертацию незначительные замечания, сделал их и Хухут Бгажба. Коллегам из Москвы и Украины я профессионально возразил, а вот все замечания уважаемого Хухута Бгажба и заверил, что исправлю их. Многие удивлялись, а другие приняли это за абхазскую вежливую уступку. Пусть думают, что хотят, я же искренне был счастлив от его участия в моей состоявшейся судьбе ученого. Позже замечания я внес в книгу по моей диссертации «Развитие художественных традиций и процессов взаимовлияния культур социалистических наций в современном этапе». Все приглашенные ВАК на разовую защиту (31 человек) проголосовали единогласно, и я стал доктором наук. И моя благодарность Хухуту Бгажба за его поддержку и отзывчивость, почти отеческую опеку и в моей дальнейшей жизни, завершится лишь с моим уходом в мир иной.

А после оглашения результатов тайного голосования, я взволнованный отвечал на поздравления. Теща вытирала слезы радости, а у Хухута Салумановича под очками победоносно светились его живые, добрые, смеющиеся глаза…

Моему успеху сердечно радовалась и моя умная, строгая, отзывчивая духовная мать – доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки, профессор Ольга Николаевна Кайдалова. В 40–50-е годы XX века она работала советником по искусству у второго секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова.

В 1962 году поступил в ГИТИС, где она преподавала. В процессе учебы, узнав, что меня зовут Алексеем, и я родился в 1937 году, Ольга Николаевна сказала мне тогда: «Моего сына тоже Алексеем зовут, и родился он в 1937 году. Будешь хорошо учиться, станешь моим вторым сыном. А ленивых, не люблю…» Жизнь потом показала, что я не из ленивых и не глупый. Алексей Кайдалов стал доктором технических наук, а я – доктором искусствоведения, чему Ольга Николаевна откровенно радовалась и часто говорила: «У меня теперь два сына и оба – доктора наук».

В день моей защиты Ольга Николаевна принимала близко к сердцу все, что происходило вокруг этого, хотя держалась стойко, и лишь временами глотала сердечные таблетки… А когда объявили, что я отныне доктор наук, смахнула слезы и произнесла: «Все же есть еще надежда, что в мире сохранился факт справедливости. Алексей, позвони вечером в Сухум Эльвире, обрадуй и успокой свою единомышленницу»

… Ну что еще добавить к этому важному эпизоду из моей жизни... Да, вот что, в те времена запрещались устроительства банкетов после защиты диссертаций. Бывали случаи, когда даже лишали степени, как диссертанта, так и участников пиршества. Я не напрасно опять нервничал, хотя уже по-другому, и видя мое состояние, Ольга Николаевна успокоила меня почти заговорщическим тоном: «Я понимаю тебя, Алеша, абхазское гостеприимство, надо отметить. Знаешь, мы с Хухутом Салумановичем найдем что-нибудь такое, не очень броское для глаз. Есть одно питейное местечко под названием «Русская кухня». Там и отметим нашу победу. А ты, будь поблизости…»

Веселый Хухут Салуманович посмотрел на меня молча, а потом добавил: «Знаешь, Алыкса, если бы это происходило в Абхазии, тогда не нужна была бы помощь этой уважаемой москвички. А сейчас… Будем слушаться Ольгу Николаевну для пользы задуманного».

Что мне оставалось делать, я согласился.

И они ушли медленно, беседуя, эти два благородных и добрейших представителя научного мира, не оставившие меня один на один с проблемой даже в малом…

Ближе к вечеру, я все же зашел в зал ресторана «Русская кухня», издали наблюдал за их негромкой доверительной беседой за угловым столом возле окна. О чем они говорили – для меня загадка и по сей день.

Я всегда думаю об этих людях, которых уже нет на свете, с грустной радостью в душе…».

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Хухут Бгажба не любил спешить с публикацией научных работ, книг и статей. Даже небольшую рецензию для газеты или журнала прежде, чем отправить в печать, долго держал в столе. Перечитывал много раз, что-то исправлял, добавлял, отшлифовывал до мельчайших деталей и только после того, как намучается с рукописью, мог отправить в печать. При этом в процессе

работы он был удивительно быстр, плодотворен. Но не спешил отдавать свою рукопись в печать. В этом можно убедиться, если обратить внимание на временной интервал между его книгами, вышедшими в разных издательствах.

Безусловно, каждый писатель или ученый по природе своей стремится к тому, чтобы его мысли и плоды творческих исканий дошли до читателя, и нельзя его в этом упрекать. Хухут Бгажба был чрезвычайно терпелив, умел тщательно все взвешивать, казалось, иногда излишне.

Сколько раз слышал от него, что главное для писателя или ученого – написать хорошую книгу, а, уж, если работа хороша, в стороне не останется, увидит свет, если не сегодня, так завтра.

Разумеется, это он говорил, имея в виду себя, но,думаю, тем самым предостерегал и меня от спешки, чтобы мог взвесить, был терпеливым. И не только потому, что я его брат. Он хотел, чтобы в том, нашем с ним , ответственном деле, которым я занимался и занимаюсь до сих пор, мне удалось добиться реальных результатов, стать профессионалом, следил за моим образованием, постоянно предлагал для чтения хорошие книги, советуя читать больше: «В нашем деле – без книг нельзя. Нужно читать много. К тому же ваше поколение многим обделили во время сталинского режима, правда, пять лет проучились в институте, но этого мало, разве что получили диплом, а вот теперь и нужно учиться. Слава Богу, книг у нас хватает, они – единственное наше богатство». Для меня слова Хухута Бгажба были обязательными для исполнения, я их воспринимал, как закон.

Уже отмечал, как трепетно Хухут Бгажба относился к архивным поискам, сколько труда он вложил в это благородное дело.

Как нельзя лучше это подтверждает изданная в 1977 году книга Х. Бгажба на абхазском языке «Бессмертное имя. Поиски и находки». В ней он вновь возвращается к исследованию жизненного и творческого пути основателя абхазской литературы Д. И. Гулиа и вводит в научный оборот до сих пор не известные читателю материалы, найденные в пыли архивов.

Кроме того, в книгу вошли статьи, в которых критически разбирается творчество многих писателей, работы, имеющие историко-литературное значение, рассматривается вопросы истории и современности абхазского литературного процесса.

Касаясь архивных поисков Хухута, наш видный ученый, академик Академии наук Абхазии С. Л. Зухба отмечает: «Х. С. Бгажба собирал их (сочинения Д. И. Гулиа – Р. К.) трепетно многие годы, помалу, листочек к листочку, заботливо. Большинство

из этих материалов найдено им в Абхазском государственном архиве, сам же сделал фотокопии. Если он тогда, когда эти материалы были там, к счастью, не сделал бы этого (а кроме него так и никто не занялся этим), то где бы мы их нашли? Весь этот архив был полностью сожжен грузинскими оккупантами 22 октября 1992 года среди бела дня. Если бы не Х. С. Бгажба, многие из этих материалов могли исчезнуть бесследно».[1]

Благодаря этим находкам и был составлен Х. Бгажба и С. Зухба седьмой том произведений Дмитрия Гулиа. Предисловие и примечания к книге написал С. Зухба, ответственным редактором издания стал директор Абхазского института В. Авидзба. О жизни и творчестве патриарха литературы издано, переиздано немало серьезных, основательных статей, очерков и монографии. Но все – таки, Хухут Бгажба считал: «...все же почетным и нужным делом до сих пор остается написание обширной монографии, посвященной основателю абхазской литературы».[2]

Прежде чем перейти к конкретному анализу книги «Бессмертное имя...» следует обратить внимание на один факт. До последних дней жизни все творчество Х. Бгажба было связано с развитием абхазского литературного процесса. По выражению профессора Ш. Инал-ипа, не было ни одного абхазского писателя, о творчестве которого он не написал. Но удивительно, о творчестве самого Хухута, человека, сделавшего так много для абхазской науки и литературы, о его опубликованных книгах, статьях, мало кто написал, не считая юбилейных статей в газетах и журналах. Но были и исключения.

5 и 6 января 1959 года в Сухуме проходил II съезд писателей Абхазии. Выступая на нем, основатель абхазской литературной критики Хухут Бгажба и видный абхазский поэт Алексей Ласуриа разошлись резко во мнениях. А если уж говорить точнее, Алексей Ласуриа не воспринял критики по поводу его поэмы «Незабываемое», посчитал, что критик своим подходом разрушил философский смысл произведения. Не буду ныне углубляться в подробности той далекой полемики, тем более, что, благодаря поэту и ученому М. Ласуриа, она опубликована в газете «Апсны» от 14 ноября 2002 года. Каждый, кто пожелает, может ее прочитать.

Мнения поэта и критика во многом разошлись, спор их был открытым, возможно, резковатым , но оба, несомненно, искренне хотели только одного – поднятия уровня абхазской

---

[1] *Дмитрий Гулиа. Произведения. Сухум, 2003, с. 5.*

[2] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя…, с. 4.*

литературы, развития художественности и идейности новых произведений, роста мастерства писателей. Обсуждение такого рода проблем стало более актуальным в канун и во время съезда.

Я не буду рассуждать, кто где был прав, но хочу привести несколько цитат из статьи «Время, поэт и критик», своеобразного введения М. Ласуриа к публикуемой в газете полемике:

«По своей остроте и широте поднятых вопросов, и по своему влиянию, наиболее интересными на съезде оказались выступления критика Х. Бгажба и поэта А. Ласуриа. Потому что они оба достаточно глубоко затронули проблемы литературы, чрезвычайно актуальные и острые не только тогда, но и сегодня...

Х. Бгажба в своем выступлении не обходит молчанием такого рода недостатки и упущения, важные задачи, требующие исполнения: «Необходимо отметить, что подготовка к съезду не была оживленной, в газетах и журналах не были достойно освещены творческие вопросы, связанные с проблемами абхазской литературы, к тому же творчество молодых писателей не получило отражения на страницах этих журналов и газет. Нужно постоянно повышать качественный уровень абхазской литературной критики. Она не должна проскакивать мимо фактов, к тому же она должна укреплять научную основу, ее глубину: через конкретный анализ произведения критика должна шире ставить проблемы литературного мастерства. На скольжении по поверхности и простым пересказом содержания произведений мы далеко не уйдем. В наших газетах и журналах критика очень слаба, нет конкретики, много шараханий в разные стороны, она проскакивает мимо важных вопросов литературного художественного мастерства, вовсе не затрагивает их. Безответственная критика не стоит, не значит, по сути, ничего.

Разве мало говорит нам все это и сегодня? Разве не выглядят современными, сказанными как бы о сегодняшнем состоянии нашей литературы критические высказывания Х. Бгажба?

А. Ласуриа, он тоже говорит только о главном: каждый писатель, если он настоящий, пишет своеобразно, имеет собственный стиль, право отображать окружающую действительность сквозь призму собственного видения, об этом не должна забывать литературная критика».[1]

И хотя в своей статье М. Ласуриа заранее предупреждает о том, что не намерен анализировать и глубоко вникать в полемику автора поэмы «Незабываемое» и критика, но многое замечает, как поэт и критик, вглядываясь в события более чем 40-

[1] *Газета «Апсны», 2002 г., 14 ноября.*

летней давности нашей литературной жизни: «На мой взгляд, завязавшаяся полемика между двумя знаменитыми в истории нашей литературы людьми – критиком и поэтом, слова, сказанные ими друг другу в поисках жизненной и художественной правды, не являются чем-то унижающими их достоинство. Разность мнений и спор, наоборот, возвышают их, в полной мере выявляя глубину и содержание каждого, особенности, высокий уровень образования, личность и талант каждого из них».[1]

Как мы видим, М. Ласуриа, старается «примирить» противостоявшие стороны, ибо оба, отстаивая свою точку зрения, преследовали одну и ту же цель, стремились к тому, чтобы постоянно повышалось качество не только абхазской литературы при активном содействии и помощи критики, но и критики – при помощи литературы. Полемика этих личностей, царствие им небесное, была направлена на созидание, несмотря на резкость, остроту, не во всем справедливость их суждений. По словам М. Ласуриа: в выступлении А. Ласуриа там, где он обвиняет Х. Бгажба как критика и литературоведа, видно, что он, сгущает краски, излишне категоричен и местами даже несправедлив. При этом не обращает особенного внимания на его заслуги в области литературоведения, его вклад в становление абхазской национальной литературной художественной критики, опыт. Не учитывает того, что за тот короткий промежуток времени, который Х. Бгажба работал в качестве руководителя писательской организации, добиться лучших результатов было невозможно.

Со своей стороны, Х. Бгажба после выступления на съезде, объяснял в дополнительном слове на съезде, что нелицеприятная оценка обусловлена тем, что он анализировал это произведение на основе перевода на русский язык, считая, что и на абхазском языке то же самое. Это, конечно, не оправдывает критика, а скорее, по–моему, свидетельствует о его, думаю, моментной расслабленности. При этом М. Ласуриа справедливо отмечает: «...В последнее время, неизвестно по какой причине в нашей литературе постепенно исчезли интересные споры, дискуссии творческого характера, разные мнения, выступления, посвященные конкретной проблеме, определенному жанру или одному произведению, которые бесспорно содействуют развитию всего литературного процесса. Без этого нельзя надеяться на оживленную, наполненную литературную жизнь, на которую можно обратить внимание читателя».

Однако не соглашусь с М. Ласуриа, когда он говорит: «Они (имеются в виду выступления Х. Бгажба и А.Ласуриа) по раз-

[1] *Газета «Апсны», 2002 г., 14 ноября.*

ным причинам до сих пор не опубликованы».[1] Верно, выступление А. Ласуриа было опубликовано не сразу, впервые оно было напечатано на страницах газеты «Апсны» (14 ноября, 2002) в канун IX съезда писателей Абхазии. Выступления же Х. Бгажба, были опубликованы в обобщенном виде в 1960 году.[2] Хотя, свое выступление на съезде писателей Абхазии критик озаглавил иначе, к тому же в некоторых местах немного его сократил, в целом, это одно и то же.

Думаю хорошо, что спустя много лет, обе точки зрения напечатаны рядом в одном номере газеты, дополняя друг друга, вызывая живой интерес читателя. Считаю, не помешало бы этот факт отметить. Если бы автор статьи напечатал вместе обе точки зрения, отметив, что одна из них была опубликована раньше, почти сразу, а другая много поздней, историческая правда все равно остается правдой, даже спустя 40 лет...

Главное, на мой взгляд, что опубликованное М. Ласуриа актуально и своевременно и сегодня, оживляет литературу, но, к сожалению, оно стало редким сегодня, мало и тех, кто ищет и находит подобное.

Книга Х. Бгажба «Бессмертное имя» состоит из Предисловия и трех разделов: «Бессмертное имя»; «Некоторые вопросы», «Писатели, книги, памятные даты».

Раздел «Бессмертное имя», посвященный творчеству Дмитрия Гулиа состоит из 7 глав: Семья: Детство. Школа. Первые шаги. В семинарии. Экстерн. Редактор первой абхазской газеты. По новому пути. Проза и драма. Лирическое откровение.

Не буду подробно анализировать содержание данного раздела, лишь пунктирно отмечу то, что считаю целесообразным для настоящего исследования. Абхазский читатель может ознакомиться с содержанием раздела, прочитав саму книгу Х. Бгажба, а русскоязычный – в его книгах, изданных на русском языке .

В большинстве глав автор использует новонайденные материалы, а в анализе произведений поэта мы видим оригинальные мысли и наблюдения критика, до него никем еще не высказанные.

Особенность раздела – все главы написаны в форме новелл. как видно уже из одних названий глав. Х. Бгажба коснулся практически всех сторон биографии и творчества патриарха абхазской литературы, а, значит, и обогатил наше знание о них новыми знаниями. Остановлюсь на некоторых впервые введенных в научный оборот Хухутом фактах.

---

[1] *Газета «Апсны», 2002 г., ноябрь 14.*

[2] *Х. С. Бгажба. Очерки..., с. 230–235.*

Во второй главе книги «Первые шаги» критик открывает неизвестные до той поры новые страницы биографии Дмитрия Гулиа, совсем еще молодого поэта, начавшего великое, никем еще из абхазов до него не тронутое, дело – составление и издание абхазского букваря. В этом деле ему помог его учитель, директор Горской школы К. Мачавариани. По этому букварю, изданному в 1892 году в Тифлисе, в некоторых школах абхазские дети начали обучаться родному языку.

Критик разбирает стихотворения Дмитрия Гулиа, посвященные религии, христианству («Самая большая из птичек», «Мир», «Слово ожившего», «Владимир»). считая их наиболее идейно слабые, не дающими полезной пищи для размышления, не соответствующими современности. Они свидетельствующими об узости мировоззрения раннего Дмитрия Гулиа.

Несомненно, хотя с точки зрения современности критика Хухута Бгажба и несправедлива, его вряд ли можно винить в этом, ибо он писал в то время, когда в СССР и литературе, в частности, господствовали атеизм и, как следствие, пренебрежительное отношение к религии. Но теперь, после перемен, на религию стали смотреть иначе, произошло возрождение тех традиций и обычаев, которых придерживались издревле. Вновь вернулось уважение к ней. И сам критик в последние свои годы во многом изменил свои взгляды в этом отношении. Об этом может свидетельствовать его книга «Дмитрий Маан. Протоиерей – просветитель», которая была издана в Сухуме в 1999 году.

В главе «В семинарии. Экстерн» особо подчеркивается значение преподавательской работы Дмитрия Гулиа в Сухумской учительской семинарии. Д. Гулиа, чтобы получить право преподавать абхазский язык в семинарии, пришлось сдавать экстерном письменный и устный экзамены.

Хухут Бгажба особо выделяет письменную экзаменационную работу Дмитрия Гулиа, считая ее замечательным исследовательским трудом. В ней поэт, хотя и кратко, исследует фольклор абхазского народа, разделив его по жанрам: древние сказки, песни, загадки, пословицы, заклинания, отмечает роль абхазского народного устного творчества в духовной культуре народа.

Экзаменационная работа Дмитрия Гулиа «Древние сказания абхазского народа» и сегодня сохраняет свою научную ценность.

Что касается устного экзамена, то, для того чтобы современный читатель представил уровень его сложности, приведу

лишь перечень вопросов, на которые отвечал Д. Гулиа: 1. Грамматическая строй абхазского языка; 2. Сложноподчиненные предложения; 3. Строение абхазской стихотворной речи; 4. Возникновение и развитие письменности у абхазцев; 5. Из абхазской истории; 6. Занятия абхазцев; 7. Природные богатства Сухумского округа.

В главе «Редактор первой абхазской газеты» наиболее полно для своего времени (70-е годы) исследуется история создания и деятельность газеты «Апсны», сумевшей объединить широкий круг абхазской интеллигенции, и роль в ней Д. Гулиа.

В следующей главе «По новому пути» (о 20–30-х годах) критик показывает многогранность таланта Д. Гулиа, который «был один, а делал много дел». Дополняя биографию поэта малоизвестными фактами, Хухут пишет о его работе на ниве народного просвещения в Ревкоме Абхазии, который с марта 1921 по февраль 1922 года был главным руководящим органом республики.

Касаясь творческой стороны деятельности Д. Гулиа, критик анализирует его художественные произведения и переводы на абхазский язык, особо выделяя первый абхазский рассказ «Под чужим небом» и перевод поэмы А. Церетели «Воспитатель».

Х. Бгажба уделяет внимание историческим трудам Д. Гулиа: «История Абхазии», «Сухум – не Диоскурия», «Келасурская стена – не Трахея». Приводит документы и письма, которые показывают, как шла работа над этими исследованиями.

«История Абхазии», не только по-моему мнению, до сих пор представляет большой интерес, благодаря разнообразным, многочисленным материалам по истории Абхазии, абхазскому языку, этнографии и фольклору.

Большое значение для абхазоведения имеют и такие работы Д. Гулиа, как «Божество охоты и лесной язык у абхазов», «Материалы по абхазской грамматике», «Культ холощеного козла у абхазов».

Еще одна грань деятельности Д. Гулиа, показанная Х. Бгажба, благодаря поэту в Тбилисском университете был открыт курс абхазского языка.

К моменту опубликования книги «Бессмертное имя...» оставались не исследованными многие важные страницы о деятельности Дмитрия Гулиа в академии Абхазского языка и литературы, созданной 11 октября 1925 года. Эти страницы заново перелистал для нас Хухут Бгажба. К тому же дал возможность заглянуть и в историю самой академии, председателем которой в 1927 году стал Дмитрия Гулиа. «Академия Абхазского языка и

литературы издала совершенно разные по содержанию следующие книги: Н. Марр – «Абхазско – русский словарь» (Ленинград, 1926); «Абхазский аналитический алфавит» (Ленинград, 1926); Д. Гулиа – «Культ (обычай) холощенного козла у абхазов» (Сухум, 1928); «Терминология литературы и языкознания» (Сухум, 1930); С. Бжания – «Освободившийся Кучита» (Сухум, 1928); «Ловушка» (Сухум, 1928); И. Кудрич – «Практическое огородничество на Кавказе – на землях Западного Причерноморья» (перевод С. Бжания, Сухум, 1928); С. Чанба – «Махаджиры» Сборник пьес (Сухум, 1930); Н. Гоголь – «Ревизор» (вольный перевод П. Шакрыл, Сухум, 1930); В. Гусев – «Народное хозяйство СССР за пятилетку» (перевод В. Андарбуа и Х. Бгажба, Сухум, 1930); М. Гремяцкий – «Быт людей на земле в глубокой древности» (перевод Л. Джологуа (Џьологәуа), Сухум, 1930); Л. Субботин – «Два зерна» (Пьеса в одном действии, перевод Ш. Когониа и Н. Киут, Сухум, 1930)».[1]

Согласно архивным документам, найденным Х. Бгажба, кроме этих перечисленных книг, академией было сделано многое. К примеру, Комиссариат образования народов Абхазии совместно с академией Абхазского языка и литературы выпустили в свет книги Константина Ковача: «101 абхазская песня» (Москва, 1929), «Твой путь». Абхазская поэма для оркестра (Москва, 1929). Однако академия Абхазского языка и литературы не получила необходимую помощь и поддержку. В 1930 году ее закрыли. Вместо нее в 1931 году был открыт Абхазский институт, в котором Дмитрий Гулиа работал с 1933 года до конца жизни.

В главе «Проза и драма» Хухут Бгажба по новому подходит к анализу прозаических произведений Дмитрия Гулиа и его драмы «Призраки». Он пишет: «Нет сомнения, что и в прозе он остается поэтом. К тому же его произведения украшены и необычайно одухотворены особенностями народной речи, пословицами, веселым народным говором.

Мастерство Д. Гулиа нельзя оценивать только сквозь призму поэтики народного фольклора, хотя он и зависит во многом от него. Блестяще используя словесный материал народного фольклора, писатель создает свою художественную манеру письма. Его письму характерны ясность, пластичность и образность. Он пишет легко и изящно, словно вырисовывает живые, веселые диалоги.

Для того, чтобы было удобно и легко выразить свою мысль, писатель использует как материал короткий рассказ, послови-

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 99.*

цы, фразеологизмы и т.д. Используя все это, писатель конструирует, собирает живой и интересный диалог», – пишет Хухут Бгажба.[1]

Дмитрий Гулиа, по словам критика, без устали, постоянно вносил новые произведения в нашу литературу. В его лирике с особой силой раскрывается, собравшаяся с силами, родная Абхазия, в стихотворениях и поэмах мы видим картины новой жизни, установившейся после Октябрьской революции, сцены во многом изменившегося мира, поэтические образы новых абхазов. Поэмы Дмитрия Гулиа критик рассматривал как лирико-эпические произведения.

«Д. Гулиа ушел из жизни в 1960 году, но слава его бессмертна, абхазскому народу навечно остались его бесценные произведения… Прав древнеримский поэт: смерть не всесильна, она может владеть только телом. Но слово, оставшееся от человека, плоды его творчества – бессмертны, неувядаемы, их невозможно исказить, они крепче руды»[2] – такими словами завершает Хухут Бгажба книгу. Эту книгу автор создал в 1972–1974 годах. Хочу обратить внимание читателя на то, что вряд ли есть другой абхазский критик, приложивший столько усилий делу исследования и анализа жизни творчества Народного поэта Дмитрия Гулиа.

* * *

Когда задумал написать книгу о Хухуте Бгажба, помимо исследованных и собранных архивных материалов, в качестве живого материала, хотел использовать в своем труде воспоминания его современников – людей, уважавших его как ученого и человека. Действительно, почти все, к кому обратился с просьбой написать о Хухуте Бгажба, принесли статьи, в которых отражается взгляд на личность большого ученого, его вклад в абхазскую национальную науку и культуру. Благодарен всем, кто помог мне в этой работе.

Талантливый абхазский поэт и прозаик Виталий Амаршан вспоминает:

Там, где я родился, в селе Джьгярда, неоднократно слышал о Салумане Бгажба, больше всего от близких наших родственников – семьи Хаджарата Адзынба, жившего по соседству. Они были в родстве с Салуманом Бгажба. Говорят, он часто бывал у

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 135.*

[2] *Там же, с. 158.*

них в доме – разговоры о том, каким он был статным, видным юношей, как ладно сидел в седле, одевался красиво и со вкусом, о его манере говорить, ходить, ездить на коне, о его характере, человечности не утихали долгие годы. Позже я услышал и песню о нем, начинавшуюся словами: «У кого утром убили брата, отомстить сумел он до обеда…». Она стала для меня самой любимой из народных песен.

Повзрослев и выбрав литературную стезю, я долгое время не знал о том, что известный ученый, талантливый языковед Хухут Бгажба приходился родным сыном того Салумана Бгажба, о ком народ сложил песню и о героических деяниях которого я был с детства наслышан. Я был поражен, узнав об этом, и очень хотел его увидеть воочию. Это было в то время, когда, окончив сельскую школу, приехал в Сухум, с желанием поступить в институт и выйти в люди. Хухута Бгажба тогда знал неплохо по его критическим статьям и учебникам, его имя всегда интересовало меня. Не только его имя – Баграт Шинкуба, Шалвы Инал-ипа – эти имена были для меня святыми, как говорится, молился на них. Однажды мы с приятелем, зайдя в книжный магазин в Сухуме, увидели одного очень статного, степенного интеллигента, перебиравшего новые книги, стоявшие на полке. Когда он обернулся в нашу сторону, я, без всякого сомнения, понял, что это Хухут Бгажба, и сказал об этом своему другу. Тот тоже смотрел на него во все глаза. А тот, на кого мы так пристально смотрели, вовсе не подозревая о нашем интересе, всецело был поглощен выбором книжных новинок. Когда оплатив за купленные книги, он выходил из магазина, мы все также удивленно продолжали смотреть на него. «Точно ли это был он, как ты узнал?» – спросил меня приятель. «Да, это точно он – Хухут Салуманович – не заметил, с каким уважением говорила с ним продавщица?» – ответил я ему. «Да, действительно!» – сказал он, радостно улыбаясь.

Для нас, молодых людей, это было важным событием. Мы воочию увидели знаменитого ученого Хухута Бгажба, труды которого знали хорошо, хотя его и не видели никогда – сына бессмертного героя народной песни Салумана Бгажба. Да, вот это, видимо, и означает, как говорят в народе, что сын стал достоин славы своего отца. И эта народная песня с тех пор еще глубже вошла в мою душу…

Помню еще и другое событие, связанное с Хухутом Соломоновичем Бгажба. Оно относится к тому времени, когда увидел его впервые – в 60-х годах. Тогда в нашей студенческой среде в Сухуме распространился слух, что Хухут Бгажба издал

очень вредную книгу, в которой искажаются фамилии людей. Эта весть ошеломила нас всех. В моей голове не укладывалось, чтобы подобный поступок мог совершить человек с таким происхождением. Я не верил этим разговорам. Помню так же, как «любители кулачного боя» собрались у его кабинета в Абхазском институте, который он тогда возглавлял, разносили его всячески, обвиняя в том, что он «опозорил» нацию, оскорбил их. Да и мы, студенты, оказавшиеся там, были полны негодования. Как же мы тогда злились на него за такую допущенную им ошибку, за то, что он поиздевался над абхазскими фамилиями! Откуда нам было знать, что и как было в действительности. Да и книгу никто из нас тогда не читал!

Я и сегодня отчетливо помню свои ощущения, которые испытывал лично в тот момент, когда ругали Хухута Салумановича: «убили его наповал, столько ему сказали, как же ему теперь выйти целым из этого?» – вот о чем я думал тогда. Вдруг услышал голос того, кого ругали: «Закончили уже?» Внешне очень сдержанный, он встал медленно. Все удивились его спокойствию. «Вот что я вам скажу, – заговорил он вновь. – Я выслушал вас, вы не жалели грязи для меня, но знайте, никакая грязь не может пристать ко мне. Это – наука, книга написана по законам науки, и я вас, крестьян, не виню в том, что вы не способны понять…» Ожидавшие, что он сейчас начнет оправдываться, извиняться за ошибку и просить, чтобы простили, собравшиеся люди растерялись от его слов и не знали, что сказать, еще немного поворчав, повернули назад.

Мне и сегодня непонятно, за что нашего ученого, отдавшего всю свою жизнь служению национальной науки, преследовали и тогда и долгое время после этого явно ли тайно ли пытались осудить и в чем-то разоблачить. Но по тому, что я увидел и услышал, понял, что этот глубоко принципиальный человек никогда не отступится так просто от своих убеждений. Нет человека, не допускающего ошибок – не в ошибках дело. Главное в том, чтобы каждый в своем деле проявлял выносливость и принципиальность, в том, что он сумел совершить – это и есть героизм!...»

* * *

В раздел «Некоторые вопросы» книги «Бессмертное имя» вошли три статьи, посвященные актуальным проблемам абхазской поэзии: «Несколько слов о сегодняшней абхазской лирике» (написана в 1972 году), «Об усовершенствовании абхазско-

го литературного языка» (1966) и «Шаир в абхазском стихотворении»

Статья «Несколько слов...» была своевременно и мастерски написана: «Не так давно, читая лирические стихи, вышедшие в свет в прежние годы, у меня возникли некоторые вопросы. По этому поводу решил поделиться и с некоторыми своими соображениями».[1]

Мнение основателя абхазской литературной критики имело немаловажное значение для нашей развивающейся национальной литературы. Тем более, что он не выпускал почти ничего из своего поля зрения, радовался успехам, представлял и пропагандировал их, обращал внимание читателя на лучшие образцы. Точно также болел душой за неудачи, принципиально говорил о слабостях, зорко следил за тем, чтобы они по возможности были исправлены, и не повторялись в дальнейшем.

Для читателя, интересующегося хотя бы в общих чертах теорией, в самом начале статьи Хухут Бгажба дает краткие пояснения о том, что такое лирика и каково ее значение, насколько она связана с жизнью человека. Своим началом автор с первых строк своих привлекает внимание абхазского читателя, которому по природе не было чуждо лирическое начало в поэзии: «Абхазская лирическая поэзия родилась вместе с нашей литературой и развивается вместе с ней, являясь одной ее частью. Лирика – сформировавшийся высокий жанр поэзии, она к тому же стала наиболее любимым и близким для духа абхазского народа жанром».[2]

Далее читаем: «Людям необходимы поэтические произведения, которые способны всколыхнуть их чувства, взволновать сердца, воодушевлять, духовно очистить и оздоровить. Не в этом ли заключается высокая миссия поэзии, ее главная задача, является ее основой? Незначительные по содержанию, далекие от чаяний общества, просто рифмованные стихотворения не соответствуют настоящей поэзии, противоречат ей. Как бы узорчато не вышито, не украшено словами, что может нам дать произведение, в котором пустое содержание?».[3]

Действительно, по мысли критика, мастерство – это когда автор вносит в поэзию частичку от себя, лично ему принадлежащие новые образы, раскрывает новое, пусть малое, но свое собственное видение. Понятно, чтобы сказать что-то новое в творчестве, нужно обладать хорошим знанием жизни, найти

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 150.*

[2] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 159.*

[3] *Там же, с. 160.*

собственную манеру раскрытия образов. Если поэт не может добиться этого – безрезультатно пытаться найти ему форму стихотворения.

Когда бьет источник поэзии, он содержит художественную, предметную мысль, чувства, связывает общее с частностью. В мастерстве огромное значение имеет легкость писать без излишнего самовыражения. Только очень трудно писать легко, складно и емко. Здесь для подтверждения своих мыслей критик приводит слова Льва Николаевича Толстого: «Самое главное в искусстве – писать без каких-либо излишеств». Такое умение дано не каждому, это – признак таланта.

Искусство формы лирической поэзии – это то, что делает произведение живым, ясным и понятным. Идея, образ, слово – все они связаны одной цепью.

После краткого теоретического экскурса критик перешел к основной теме исследования– современному состоянию абхазской лирики. Объектом его анализа стали отдельные стихотворения и поэтические сборники абхазских поэтов (всех поколений), увидевшие свет в последние годы: Баграта Шинкуба, Шалвы Цвижба, Ивана Тарба, Нелли Тарба, Владимира Анкваб, Мушни Ласуриа, Чичико Джонуа, Алексея Джонуа, Кумфа Ломиа, Георгия Гублиа, Анатолия Аджинджал (Аԥьынцьал), Таифа Аджба (Аԥьба), Николая Квициниа, Виталия Амаршан. Критик отмечает, что произведения всех этих перечисленных поэтов, вошедших в последние годы в абхазскую литературу, в целом удачны и способны радовать взыскательного читателя. Но, не берясь говорить обо всем, он выделяет для анализа наиболее показательные, отражающие уровень сегодняшней абхазской поэзии произведения, чтобы открыто сказать об их достоинствах и недостатках.

В начале анализа Хухут Бгажба кратко коснулся особенностей современной абхазской поэзии, ее стилевых направлений, влияния на общественную жизнь «круговорота времени» и т.д. «Наше сегодняшнее время, – пишет критик, – удивительно: техника шагнула далеко вперед, информации очень много, общаться стало легче. Все это, безусловно, не может не отразиться на поэзии. Но все поэзия остается верной своей природе. Она вечна, пока существует на земле человек со своими чувствами, пока он способен чему-то удивляться, радоваться или страдать, поэзия не может перестать развиваться».[1]

Своими критическими рассуждениями Хухут Бгажба утверждает, что сказанные много лет назад слова В. Г. Белин-

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 163.*

ского о том, что жизнь и поэзия неразлучны, перекликаются и с нашим сегодняшним временем. Словно кожа и плоть связаны и неотделимы поэзия, форма, мысль и чувства. Они не могут существовать друг без друга, если эти четыре феномена не сработают вместе, не дополняют друг друга, не будет настоящего поэтического творчества.

Далее критик переходит к анализу и тщательному разбору творчества абхазских поэтов, начиная с Д. Гулиа, являющегося ориентиром для молодых авторов.

Критик видит в лирике поэта философские мысли, к которым следует прислушаться. Например, в стихотворениях, написанных в послевоенное время: «Лань», «В море», «Корабль приплыл», «Муравей».

Далее, критический взгляд Хухута Бгажба охватывает духовную мощь и глубину лирики новатора абхазской поэзии Баграта Шинкуба. В пример приводит стихотворение «Дерево, выросшее в скале», в котором говорится о большой выдержке и силе духа, которые поэт показывает нам через образ маленького деревца, выросшего из-под сухого камня. В конце стихотворения автор говорит о том, что дает силу этому хилому деревцу выстоять:

Нужно ли спрашивать, что помогло ему не сорваться,
Иль не кружится голова?!
Скалы душа в нем, рожденном от скалы,
В скале его корни.

«Что же случилось? А случилось то, благодаря лирике, немая природа заговорила человеческим языком. Таково оно, пустившее свои корни в скале, способное самоотверженно бороться за жизнь, имеющее выдержку, бесстрашное маленькое деревце. К тому же, это произведение, наравне с внешним содержанием, имеет более широкий, внутренний смысл, выраженный в подтексте. Ведь так же и в реальной жизни, каждый должен быть корнями близок к своему народу, иметь его душу, дышать одним сердцем с ним. Это и придает особую силу человеку, словно выросшему на голой скале деревцу, воодушевляя его на борьбу за свободу, делая его мощным и стойким», – отмечает критик.[1]

В лирике Ш. Цвижба Х. Бгажба видит стихотворения, в которых автор серьезно размышляет об окружающей его жизни, о ее мудрости и глубине. Идея постоянного движения вперед

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 116.*

без остановок на пути прекрасно выражена в произведении «Моряки».

Он в море, они – герои,
Их корабль не делает остановок.
Вокруг море,
Кроме него не видно ничего.

Но плывут они, не зная страха:
Знают наверняка о том,
Что мир не может быть одним морем,
Где-то есть впереди земля.

Хухут Бгажба отмечает, что в лирике Шалвы Цвижба часто слышатся мотивы возвращения, страдания, философских раздумий, нередко в его произведениях говорится о бесстрашии и силе духа. «Поэт не сломился под тяжестью невзгод, выпавших на его долю, – пишет критик, – он верил в справедливость, любил свою Родину. В его душе всегда теплилась луч надежды. Об этом его стихотворение «Огонь».

Морозило так, что казалось, лопнет земля,
Они у зажженного костра сидели, греясь,
Остался я на поле пустынном, обреченный замерзнуть:
К костру мне путь преграждала пропасть.

Издалека мне был виден свет огня,
Нет, не замерз я, остался цел,
Утешая себя тем, что вообразил,
Будто вместе я с теми, кто грелся у костра!

Хухут Бгажба особо подчеркивает философское содержание стихотворений Шалвы Цвижба «Якорь» и «Серна». Он воспевает тех, кто самоотверженно помогает людям в беде, спасает их от смерти, словно якорь, защищающий корабль от бушующих морских волн, показывает их мужество и отвагу. В «Серне» же автор говорит о взаимоотношениях природы и человека. Человек должен быть защитником природы, лелеять, оберегать ее, сохранить ее красоту и богатство, быть снисходительным и ответственным перед ней. А иначе в один прекрасный ясный день останется среди пустынного поля. Однажды на охоте, как мы видим в стихотворении «Серна», отмечает критик, автор увидел рядом с собой серну, сорвав-

шуюся с места при виде его. Но он не стал стрелять в нее, пожалел:

Верно, вооружен я неплохо,
И пуля летит далеко…
Но не бойся, не хочу убивать я:
Относишься к тем, кто вымирает.

Анализируя книгу Ивана Тарба «Мост», критик отмечает, что в ней встречаются философско-лирические стихотворения о жизни, земле и времени.

«Как уже отмечали ранее, лирика Ивана Тарба разнообразна по тематике, широка и географически охватывает огромное пространство, в ней звучит немало гражданских мотивов, однако в целом заметно, что в ней он допускает слабости с точки зрения художественного мастерства. Большей частью это происходит из-за недостаточной работы автора над стилем и языком», – пишет Хухут Бгажба.

Критик не углубляясь далее в недостатки, встречающиеся в поэзии Ивана Тарба, он лишь отсылает читателя к критической литературе по этому поводу, а именно к статье В. Цвинариа под названием «Если не согрето душой», напечатанной в газете «Апсны капш» от 26 мая 1970 года. Однако Х. Бгажба, и я с ним солидарен, отмечал, что, хотя в целом критическая статья В. Цвинариа написана на высоком уровне и с хорошим литературным вкусом, но есть в этой работе то, с чем нельзя согласиться, что высказано излишне резко и нелицеприятно. В категорической форме высказанный упрек В. Цвинариа И. Тарба в том, что из всей книги нельзя выбрать одно настоящее стихотворение – из этого ряда.

Далее критик анализирует произведения поэтов в то время еще молодых, тех, кто в настоящее время уже стали представителями старшего поколения, сумевшего сделать немало для развития национальной литературы. Он разбирает лирические стихотворения Николая Квициниа, пропавшего без вести во время жесточайшей грузино-абхазской войны Таифа Аджба, умершего в расцвете сил поэта Анатолия Аджинджал, а также Нелли Тарба, Геннадий Аламиа, Платона Бебиа, Шамиля Пилиа (Плиа), Рауля Ласуриа, Владимира Анкваб, Мушни Ласуриа и Виталия Амаршан. Хотя Х. Бгажба и отмечает в их творчестве отдельные недостатки и слабости, но в целом с гордостью говорит о значительном вкладе этих поэтов в развитие абхазской поэзии. Он с радостью отмечает, что есть среди них мастера,

которые станут надеждой, перспективой абхазской поэзии: их произведения отражают самую настоящую жизнь, пульс которой заставляет биться «кровь в жилах творчества.

Выводы, сделанные критиком в «Несколько слов...» актуальны и сегодня: «Расширение и углубление содержания лирики, обогащение ее художественными красками – главная задача и для абхазской поэзии. Это вовсе не означает, что можно пренебречь языком. Но в целом ныне мы видим другое: большинство абхазских поэтов, включая туда и молодых, за редким исключением, пишут на достаточно удовлетворительном литературном языке. Более опасными для них являются такие недостатки, как бедность содержания стихотворения, недостаточность художественных красок. А значит, мы должны замечать не только язык, но внимательно следить и за другими сторонами лирики. Язык, содержание и поэтическое мастерство -все эти компоненты связаны друг с другом неразрывно.

Теперь мы уже не можем вернуться к бестелесным, похожим на воздух стихотворениям, написанным пустыми словами. В наше время абхазская поэзия постепенно отходит от якобы общественной риторики.

Кроме того, большое значение приобретает и личность самого поэта, его жизненный опыт, биография. Не так трудно запечатлеть на бумаге то, что видят глаза. Но для того, чтобы пробудить увиденное, услышанное и прочувствованное, поднять его на уровень искусства, нужно обладать талантом, поэтическим мастерством. Э. Багрицкий писал: « Стихотворение не воспринимает инородное тело. Вовсе не терпит слепую кишку. Стихотворение должно появиться на свет без слепой кишки».[1]

Завершая свою статью, критик останавливается на тех проблемах, которые он, учитывая современное ему состояние абхазской поэзии, считает необходимыми обсудить и решить: «Много собралось произведений, о которых ничего еще не сказано критикой, нет оценки и анализа. Разговор предстоит серьезный. Поэтому необходимо особо организовать обсуждение следующих вопросов: 1) Лирический образ в абхазской поэзии; 2) Организация и сложение абхазского стиха; 3) Разновидности абхазского стихотворения и их особенности; 4) Взаимоотношение устной народной поэзии и абхазского стиха».[2]

Он опасался, что если эти вопросы не получат своего решения, они будут самым серьезным образом препятствовать раз-

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 182.*

[2] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 187.*

витию абхазской поэзии, это может притупить эстетический вкус и труднее станет разобраться в том, что хорошо, а что плохо. поэтому Хухут Бгажба призывал рассматривать и рассматривал современное состояние абхазской поэзии, ее характер, мысли и проблемы в одной общей цепи.

* * *

К ряду наиболее важных, актуальных проблем и задач, которые необходимо было скорее решать для дальнейшего развития абхазской художественной литературы, Хухут Бгажба причислял становление, усовершенствование абхазского литературного языка. В своих работах он всегда уделял особенное внимание этой проблеме. Этой теме, посвящена статья «Об усовершенствовании абхазского литературного языка». В ней критик откликнулся на статью языковедов, сестер Сарии и Валентины Амичба «Наше общее великое дело», опубликованную в газете «Апсны капш» (1965). Хухут Бгажба отмечает, что авторы газетной статьи подняли актуальнейшие вопросы, способствующие дальнейшему развитию абхазского литературного языка, такие, как борьба за чистоту языка и внимательное отношение к стилю, скрупулезность и тщательность в использовании терминов, соблюдение грамматических правил и т.д. Проблемы, поднятые на страницах газеты учеными С. и В. Амичба, были обсуждены многими специалистами абхазского языка, литераторами, учеными и педагогами: Л. Чкадуа, В. Конджариа, А. Агрба, А. Дженuа (Џьсниа), Ю. Аргун, Дж. Микая, А. Касландзиа, Ш. Царгуш (Царгәыш), Н. Аршба, В. Зантариа и др. Хотя мнения у всех были разными, но в основном они совпадали, в главном били в одну и ту же цель – в необходимость усовершенствовать абхазский литературный язык, сделать его удобным, более легким, но в соответствии с грамматикой и орфографией абхазского языка.

Критик отмечает, что все, кто принял участие, с болью воспринимают то обстоятельство, что абхазский литературный язык все еще остается без достаточного внимания, не установлены, как следует его нормы, при чтении, письме и разговорной речи используются, бессистемно, как попало. Вопросы, связанные с развитием культуры абхазского письма, чтения и разговора стали второстепенными, а отношение к ним снисходительно пренебрежительным.

«Что говорить, все эти вопросы невозможно срочно урегулировать, нужно долго и серьезно работать над ними, с особым трепетом относиться к ним. К чему скрывать, до сегодняшнего

времени над абхазским литературным языком не ведется серьезной кропотливой работы. Мы не смогли помочь ему как следует. Независимо от причин, мы не смогли сделать даже то, что было в наших силах. А раз так, стоит ли и теперь тянуть с тем, что можно сделать для развития нашего письменного языка, не полениться, чтобы преодолеть препятствия, тормозящие его продвижение вперед. Над этим должны трудиться, прежде всего, те, кто занимается профессионально вопросами языка и литературы – педагоги, писатели, мастера сценического языка, работники газет, журналов и книгоиздательств, особо языковеды, ибо они занимаются исследованием грамматической структуры абхазского языка, его лексикой, нормами, говоря коротко иначе, законами его развития».[1]

В статье ученый обстоятельно и глубоко исследует вопросы, связанные с совершенствованием абхазского литературного языка. Прежде всего, он считает важным установить общее для всех правописание, т.е. орфографию. Это во многом организует и совершенствует дальнейшее развитие литературного языка. Здесь он подчеркивает необходимость использования в установлении общего правописания грамматическую структуру абхазского языка, его фонетическую систему, лексику, а также опыт, приобретенный с начала развития литературного языка, его традиции. Кроме того, ученый не забывает, что для абхазского языка, наравне с орфографией, огромное значение приобретает становление терминологии. Он отмечает, что в век научно-технической революции мы недостаточно используем новые термины, не адаптируем их применительно к нашему языку.

Хухут Бгажба считает, что чистоте и усовершенствованию абхазского литературного языка во многом препятствует неправильная речь и письмо, недостаточное использование богатств, заложенных в двух диалектах абхазского языка, невнимательное отношение к синонимам, фразеологизмам и т.п.. Все это он подтверждает на примере литературных произведений. Критик подводит нас и к другому важному выводу: «Мы должны быть внимательны и к разговорной речи, должны следить за тем, как она соотносится с литературным языком. Безусловно, между ними возникает разница, особенно в лексике, так как в ней наглядно отражается реальная жизнь, к тому же она издалека «кожей чувствует» любые перемены. В разговорной речи мы встречаем много, что не может быть воспринято литературным языком. К этому можно отнести разговор одновременно

[1] *Цит. по Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, Сухум, 1989, с. 45, на абх. яз.*

на двух языках, скажем, смешивая русские и абхазские слова».[1] Критик считает что, когда разговаривают, смешивая абхазский и русский языки, то это мешает чистоте литературного языка. Он приводит факты, услышанные им лично. Вот один из них: «Бара абрицәкьа, три дня, исзымыцшааит. Бара, знаешь, иқәынцәаша, иахьа дызбон. Дхынҳәны дышәзааит абаацсы, абриоуп самое главное. Папа аҧьынс сикуа сзааихәеит, уочень хороши».

Также критик отмечает, что те, кто в 1865 году составлял алфавиты и буквари, после букв гә, ҕә, кә, қә, хә не писали букву ы, также не считали нужным после букв г, ҕ, к, қ, ḳ, х ставить твердый знак.

«…Безусловно, после гу, ку, ху… слышится звук ы, но бывает, что в практическом письме между тем, как произносится и пишется, возникает нередко разница. Такое встречается во многих языках.

Как мы знаем, в абхазском языке встречаются заднеязычные губные согласные (гу, ку, қу), но они не введены как самостоятельные буквы и в первый абхазский алфавит, составленный Усларом. И в абхазских букварях они не выведены отдельно со знаками, если не учитывать алфавит Марра, просуществовавший короткое время. В алфавите и букваре, которыми мы пользуемся в настоящее время, по установившейся традиции, к буквам г, ҕ, к, қ, ḳ, х не прибавили лабиализованный знак (ә), например, как к другим более плотным по звучанию лабиализованным согласным (дә, тә, зә, цә, ҵә), потому что в данном случае не заметно слияние звуков. А раз так, считающиеся лабиализованными согласными буквы гу, ку, ху не были включены в практический алфавит, но это не стало препятствием для абхазской письменности, не помешало обучению грамоте в школах. Гораздо больший вред был нанесен письменности слабостью и недостаточностью исправлений орфографии», – писал Хухут Бгажба.[2]

К этому хочу добавить следующее. Наши языковеды изменили состояние формы письма этих звуков, теперь пишем гә, ҕә, кә, қә, ḳә, хә, которое им было присуще с 1865 года, они теперь исполняют новые функции, отбросив в сторону старые. Нет сомнения, нашим языковедам виднее проблемы и недостатки нашего языка и алфавита, так как объектом их исследования является язык, и их не может не беспокоить судьба языка. Но, по моему убеждению, если каждый желающий будет совершать

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 56.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 46–47.*

«революцию» с алфавитом, у которого уже установились традиции, ничего благотворного из этого не выйдет. Следствием изменений является потеря читателей, уменьшение их количества. Да ведь и новое правописание разве без проблем?! Но и оно, если не скоро, но когда-то возможно станет стабильным, чтобы содействовать усовершенствованию абхазского литературного языка.

В книге «Бессмертное имя…» опубликована статья «Шаир в абхазском стихотворении». В ней автор пишет об особенностях размера жанра, в котором была написана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Это слово из арабского попало в грузинский язык, означает «стихотворение». Шаир – стихотворение, содержащее в строке шестнадцать слогов, очень древняя устойчивая поэтическая форма, говоря иначе, стихотворный размер. Стих Руставели своей звуковой живописностью, звуковым рассказом (иначе – аллитерациями) необыкновенно богат. И его очень трудно без потерь переводить на другой язык. Наиболее удачно все богатство звукового изображения, присущее поэзии Руставели, в полной мере отразилось в переводах Б. Шинкуба, хотя и в некоторых местах строфику он делал более свободной, чем в оригинале. К примеру:

Серебряные бляшки на его седле, словно голубизна неба,
Словно россыпь немеркнущих искр,
Горя, словно огнем блестящим
Сидел здесь он в тигровой шкуре.
Ловко держал он толстую плеть,
Блеск глаз как солнечное сияние
Вдруг, словно окутавшись темным дымом,
Сидел, не видя вокруг ничего».[1]

Также Хухут Бгажба дает высокую оценку и переводу Дмитрия Гулиа «Витязя в тигровой шкуре». Он отмечает, что по содержанию этот перевод очень близок к оригиналу. К тому же, он считает большим успехом переводчика, что линии строф тоже имеют по 16 слогов. Что было, по мнению критика, нелегко сделать, «однако слабой стороной осталось построение ритма строфы, оно большей частью тяготеет к построению силлабического стихотворения (насколько оно подходит или не подходит абхазской поэзии – вопрос, требующий дальнейшего изучения)».[2]

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 197.*
[2] *Там же, с. 197.*

Критик считал, что использование шаира Руставели дало и абхазские варианты. Для подтверждения своего мнения он приводит в качестве примера следующие стихотворения: «Гений столетий», Памятник Руставели» (Д. Гулиа), «К Шота Руставели» (Б. Шинкуба), «Руставский родник» (Л. Квициниа).

* * *

Огромное значение для исследования творческой биографии великого абхазского писателя Самсона Чанба имеют статьи, вошедшие в раздел III книги «Бессмертное имя...»: «Варианты одной поэмы», «Первый учебник по краеведению», «Несколько потерянных произведений». В них Х. Бгажба пишет о пропавших, поэтому неизвестных, произведениях писателя. Самсон Чанба считал важным делом обучение детей географии Абхазии. Он писал на страницах газеты «Апсны» в 1919 году: «Чтобы знать и понимать нашу Родину и ее красоту прошу всех, кто владеет грамотой, присылать мне в Сухумскую семинарию описание красот Абхазии, руины старых крепостей, церквей, их историю, а также пещер, дольменов, все, что, по вашему мнению, подойдет для географии. Объясню для чего мне это нужно. Я написал книгу по географии Абхазии и хотел бы дополнить ее с вашей помощью».[1]

Впервые книга о географии Абхазии вышла в 1925 году, а затем в 1929 и 1932 годах. Хухут Бгажба отмечаал, что изучение родной страны, по мнению С. Чанба, имеет своей задачей воспитание детей настоящими патриотами, любящими всей душой свою родину. В предисловии он писал: «Если говорить честно, мы не знаем и не понимаем свою маленькую красивую Абхазию. Если бы знали ее достаточно хорошо, лучше бы понимали ей цену, больше любили и дорожили…».[2]

«Книга С. Чанба посвящена познанию и пониманию Абхазии. Как складно, художественно, каким простым и понятным языком она написана. Трудные и сложные для восприятия вопросы автор сумел объяснить удивительно четко, легко и ясно», – пишет Хухут Бгажба. Для убедительности приводятся несколько примеров. Вот один из них: « Трудно найти во всем мире другой земли, сравнимой с нашей родиной Абхазией, расположенной между реками Псоу и Ингур. Так она красива. С юга Абхазию омывает лазурное море. Если от его голубизны посмотреть на север – увидишь перед собой сверкающие огромные скалы, окутанные снегом и туманом; поодаль от них

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 209–210.*
[2] *Там же, с. 209*

и до долины – холмистое предгорье, меж горами стремительно несутся быстрые реки. Ущелья и горы покрыты сплошной растительностью, в ней хмель и плющ переплетаются. В густых зеленых лесах слышится веселый гомон птиц. Набережные, долины и возвышенности полны фруктовыми деревьями. Хребты, леса и поляны покрыты цветами, над которыми кружатся пчелы. Весь год ласково светит солнце, здесь не увидишь суровой зимы. Если подняться в горы, увидишь много невероятного: сбоку где-то в ущелье носится быстрый поток пенистой реки или сквозь скалы, вырываясь, парится вода; внизу – взор простирается на лесистую темноту, посмотришь наверх – видишь ослепительно сверкающие скалы».[1]

С. Чанба, живописуя красоту и неповторимость природы, чтобы дети прониклись любовью к родной стороне, одновременно дает им познания по географии. Кроме того, как отмечает Хухут Бгажба, он рассказывает и о коренном народе, издревле живущем на этой земле: «Абхазы живут в Абхазии с незапамятных времен, этот народ был известен миру еще до рождения Иисуса Христа. Абхазы принадлежат к горским народам. До недавнего времени у них не было письменности, но в последние десятилетия, благодаря абхазам, получившим образование, появилась абхазская письменность, стали издавать книги на абхазском языке, выходить газеты и журналы… Абхазские мужчины – мужественные, отважные и ловкие люди, они являются лучшими наездниками и меткими стрелками. В характере абхазов много замечательных особенностей: доброта, аламыс (совесть), гостеприимство… В последнее время тянутся к грамоте. Они стремятся получить образование и обнаруживают к этому хорошие способности. Абхазы и по сей день не расстаются со своими древними традициями…».[2]

Хухут Бгажба завершает статью «Краеведение» такими словами: «Говоря о «древних традициях», С. Чанба подразумевал тогда такие вредные привычки, свойственные абхазам в старину, как «кровная месть» и религиозные верования абхазов. Это было в 1925 году. С тех пор, безусловно, абхазы шагнули далеко вперед, выросло их материальное благосостояние и духовная культура, но и сейчас, хотя и редко, но кое-где в их социальной жизни встречаются отсталые элементы, сразу же бросаются в глаза остатки давних вредных привычек, о которых С. Чанба говорил тогда с болью»[3].

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 210.*

[2] *Там же, с. 210.*

[3] Там же.

* * *

Хухут Бгажба был блестящим историком абхазской литературы. Об этом факте свидетельствует и его статья «О некоторых потерянных произведениях». Она посвящена пьесам знаменитого абхазского писателя Самсона Чанба – «Камень с очага дедушки» и «Аллах, Аллах!».

До статьи Хухута Бгажба никто не знал об их существовании. Эти замечательные пьесы были найдены, сохранены и смогли войти в абхазскую литературу, благодаря ученому. Одну из них, а именно «Камень с очага дедушки» он опубликовал на страницах журнала «Алашара» в 1966 году. Вот что пишет критик об этих пьесах: «Характерной особенностью рассказов Самсона Чанба является создание диалога, в котором замечательно отражены созданные автором образы героев. Автор использует эту особенность и в создании пьес из своих рассказов. Действительно, из этих рассказов получились, написанные замечательным языком, высмеивающие и разоблачающие вредные пережитки прошлого, одноактные пьесы (говоря словами автора, сатирические комедии). Постановка этих пьес на сцене и сегодня будет весьма актуальной.

Пьесы Самсона Чанба «Камень с очага дедушки» и «Аллах, Аллах!» являются хорошим примером для каждого, кто попытается из рассказа (или любого прозаического произведения) создать пьесу».[1]

Хухут Бгажба отмечает, что автор не целиком использует диалоги, которые содержатся в рассказе, а меняет их соответственно сценическим законам, сокращая и делая их более живыми , чтобы они могли наиболее полно отразить характер персонажей, выведенных в пьесе. Свою мысль критик подтверждает сравнением цитат из начала сатирического рассказа «Аллах, Аллах!» и комедии, сделанной из этого же рассказа.

В комедии очевидно превосходство диалогов, они заняли главное место, стали более живыми, динамичными, некоторые детали меняются местами. (Скажем, то, что в рассказе происходит вечером, в комедии случается утром).

Во многих местах и слова автора рассказа нужно было перевести на сценический язык и раскрыть их содержание посредством диалогов.

Пьесы С. Чанба – «Камень с очага дедушки» и «Аллах, аллах!» вошли в абхазскую драматургию как прекрасный подарок. Кроме того, огромное значение имеют и его найденные рассказы.

«Не все пока произведения Самсона Чанба собраны воеди-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 211.*

но, многое еще не найдено (часть пьесы «Киараз» (Кьараз), очерки, статьи). Тот, кто будет с особой тщательностью искать, сможет найти значимые материалы», – писал Хухут Бгажба в 1967 году.[1]

Немало было материалов, не вошедших в книгу Самсона Чанба под названием «Избранное», вышедшую в 1958 году. К счастью, благодаря богатому личному архиву Хухута Бгажба, а также в результате его титанической работы по поиску в различных библиотеках и архивах, в 1986 году вышла в свет на абхазском языке книга Самсона Чанба «Произведения». В нее вошли ранее неизвестные материалы автора (рассказы, пьесы, статьи), о которых критик писал, что их найдет тот, кто будет искать с особой целеустремленностью. Эту книгу составили Х. С. Бгажба и С. Л. Зухба. Наиболее полно произведения Самсона Чанба были собраны именно в этой книге. Предисловие к этой книге написал Хухут Бгажба.

В том же 1986 году в Сухуме книга Самсона Чанба «Произведения» вышла и на русском языке. Ее составил, написал к ней предисловие и сделал комментарии Хухут Бгажба. Впервые тогда русский читатель получил возможность ознакомиться с творчеством С. Чанба в таком объеме.

* * *

«Труженик абхазской культуры» – так называется статья III раздела, посвященая Нестору Кирилловичу Таркил. Как отмечает Х. Бгажба, этот человек имеет немалые заслуги в деле развития абхазской культуры, но с течением времени его имя стало очень редко упоминаться и постепенно забываться. Это, безусловно, несправедливо, нужно помнить и с большим уважением относиться к заслугам каждого, кто трудился во благо развития своей национальной духовной культуры. Эта мысль является основной идеей статьи критика. Он подробно, тщательно исследуя, с огромным уважением раскрыл образ одного из сыновей Абхазии, настоящего патриота Нестора Таркила. Он надолго запомнится каждому, кто прочтет эту статью. Где бы он ни работал – в школе, в комсомоле, в Народном комиссариате финансов, в Абхазском институте, в книгоиздательстве, в газете «Апсны капш» всегда проявлял огромную ответственность, честность, искреннее стремление служить своему народу.

Н. Таркил писал статьи и о народном хозяйстве и религиозных верованиях. Служил национальной культуре в разных направлениях.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 215.*

«Работа и творчество Н. Таркил служат убедительным доказательством, что он был талантливым журналистом, всю душу и умение вкладывал в дело развития культуры абхазского народа, был настоящим патриотом своей родины», – пишет критик в завершение статьи.[1]

В других статьях раздела: «Слово о поэте», «Поэт-патриот, мужественный воин», «Две ладони», «Проза поэта», «Близкий детям», – критик делает анализ произведений Л. Квициниа, К. Агумаа, Ш. Цвижба, Н. Тарба, Н. Барателиа, созданных ими творческих образов.

Статья «Парень из Отхары (Уаҭҳара)» посвящена Антону Айба. Безусловно, сегодняшнему читателю этот человек неизвестен, он не слышал его имени, не читал его произведений. «Я хочу, – пишет критик, – чтобы читателю стали известны материалы о жизни и творчестве Антона Айба, которые я так долго искал».[2]

Биография А. Айба и найденное Хухутом Бгажба поэтическое наследие убеждают нас в том, что у этого поэта открывалось блестящее будущее. Он был необычайно талантлив и смог бы оставить заметный свой след в истории национальной литературы, если бы его жизнь, как и у ряда абхазских поэтов того времени не оборвалась очень рано, в 23 года.

Х. Бгажба стремился, чтобы имя каждого, кто провел хотя бы «одну борозду на ниве абхазской литературы», не осталось в забвении. Об этом свидетельствуют хотя бы статьи об О. Демердж-ипа и А. Айба.

В статье «Несколько строк из «Витязя в тигровой шкуре» критик раскрывает нам неизвестные до сих пор страницы из творческой биографии замечательного абхазского поэта, переводчика, героически сложившего свою голову на полях Великой Отечественной – Михаила Дмитриевича Гочуа. «К 750-летию со дня рождения автора «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели в 1937 году на абхазском языке были изданы: шестой номер художественно-литературного журнала «Апсны капш», сборник «Жизнь и творчество Шота Руставели», Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (отрывки). В издании этих книг огромная заслуга принадлежит писателю Михаилу Дмитриевичу Гочуа.

Позже, в 1941 году вышла книга «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Д. Гулиа, одним из редакторов которой был М. Гочуа (другим редактором был автор предисловия к книге М. Делба).

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 240.*

[2] *Там же, с. 303.*

В упомянутом выше журнале появилась статья грузинского поэта Константина Чичинадзе: «Краткое содержание «Витязя в тигровой шкуре». Эту статью на абхазский язык перевел М. Гочуа. Вторично эта статья была опубликована (но без упоминания имени переводчика) в вышедшей в том же году книге – «Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре» (отрывки)». В этой статье напечатаны строфы поэмы в переводе М. Гочуа. Кроме того, им были переведены несколько глав поэмы. Я помню, как М. Гочуа читал нам, некоторым своим друзьям части «Витязя в тигровой шкуре», переведенные им на абхазский язык – «Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан», «Окончание». В том, что он читал, очень хорошо отражались ритмическая особенность и образность поэмы.

Это было осенью 1937 года. Но затем, как мы знаем, М. Гочуа героически погиб на Великой Отечественной войне. К сожалению, его рукописи (включая и переводы) не сохранились.

Словом, осталось несколько строф из перевода М. Гочуа поэмы Шота Руставели и еще 4 строки, который он вложил в перевод Д. Гулиа, когда его редактировал. По моему мнению, мы должны помнить и о них, когда говорим о переводе поэмы Шота Руставели на абхазский язык.[1]

Сказание «Абрыскил», вошедшее в книгу «Бессмертное имя...», интересно не только исследователям устного народного творчества абхазского народа, но и для широкого круга читателей. Журнал, в котором был напечатано это сказание, Хухуту Бгажба нашел в 60-е годы прошлого столетия в Москве в Библиотеке им. В. И. Ленина. Когда прочитал, ему понравилось, несмотря на то, что прочитанное в ряде мест отличалось от других сказаний об Абрыскиле. Хухут Бгажба переписал его из журнала. Записал этот сказание В. Гатцук. Х. Бгажба писал: «Это абхазское сказание «Абраскил» В. Гатцук опубликовал в 1907 году во втором номере российского журнала «Юная Россия». Как мы понимаем, В. Гатцук, безусловно, бывал в Абхазии и воспользовался сделанными им здесь записями. Пока не совсем известно, кто он, но все же из материалов, просмотренных мной, В. Гатцук был украинцем, его отец – Алексей Алексеевич Гатцук (1832–1891) был писателем, обучал истории русской литературы в лицее Ришелье в Одессе, издавал газету. В. Гатцук тоже был писателем, он использовал и художественно интерпретировал устные народные сказания – древние рассказы, в основном легенды».[2]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 307–308.*

[2] *Х. С. Бгажба. Бессмертное имя..., с. 314.*

Сказание «Абрыскил» на абхазский язык перевел Хухут Бгажба. В своих заметках В. Гатцук писал: «Возможно, рассказ об Абраскиле отражает известный греческий миф о Прометее. Их схожесть несомненна. Как мы знаем, эта тема широко показана и в сказаниях о грузинском национальном герое Амиране. Деятели науки считают, что и миф о Прометее был рожден на Кавказе, а затем оказался в Греции».

«Ныне абхазы говорят Абрыскил (или Абрскил), но в переводе мы оставили так, как в свое время автор услышал от народа, говоря иначе, Абраскил», – пишет Х. Бгажба в своих примечаниях к тексту.[1]

Ученый неслучайно включил в свою книгу перевод абхазского сказания, написанного русским писателем по мотивам народного эпоса. Этот вариант сказания не был известен.

Статьи, составляющие книгу «Бессмертное имя», равно как и многие другие материалы показывают нам, как Хухут Бгажба занимался хронологически последовательным исследованием абхазской литературы, поэтапно раскрывая ее творческое развитие.

Доктор исторических наук, профессор Арвелод Эрастович Куправа вспоминает:

Х. С. Бгажба первый раз я увидел в Сухумском государственном пединституте в мои студенческие годы. Тогда он читал курс лекций на филологическом факультете. Высокий, стройный молодой человек, в строгом европейском костюме, в очках с золоченной оправой, неизменно с портфелем в руке, на первый взгляд, казался надменным. Но стоило ему галантно, как это он умел, поздороваться, мнение моментально рассеивалось. Он был удивительно любезен, корректен, в общении со студентами и коллегами. От него веяло теплом и внутренней культурой. Таковы были мои первые впечатления.

В феврале 1951 года Хухут Бгажба приехал в Ткуарчал по поручению лекторской группы Абхазского обкома партии. Тогда я работал зав.отделом пропаганды и агитации Ткуарчальского горкома партии. Мы вместе поехали в Акармару (Акармара). Там лежал большой снег. В тот день он прочитал две лекции – в первой и во второй шахтах – с присущим ему чувством высокой ответственности. В общении с людьми лектор был прост. Ответил охотно на многочисленные вопросы, говорил доступно, что не могла не отметить благодарная аудитория.

В дальнейшем мне приходилось часто слушать его научные доклады, литературно-критические и публичные выступле-

[1] *Там же, с. 316.*

ния. Х. Бгажба был очень требователен к себе. Каждое свое выступление заранее обдумывал, четко формулировал мысли, шлифовал речь. Интересно было слушать его на родном языке. Умело, используя богатство языка, аромат народной речи – разнообразные эпитеты, метафоры, народные пословицы и поговорки, притчи, он достигал высокого ораторского искусства.

В 1955 году Георгий Дзидзария, мой незабвенный лектор, являвшийся тогда заместителем директора Абхазского института языка, литературы и истории, неожиданно вызвал меня к себе и в присутствии директора института, Хухута Салумановича, предложил мне должность заместителя директора музея по научной работе. Тогда я работал младшим научным сотрудником Абхазского государственного музея. Я откровенно сказал им о моем настроении заниматься научной работой, не отвлекаясь организационными обязанностями. Они с пониманием отнеслись к моим аргументам.

В конце августа 1956 года меня пригласил к себе зав.отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома партии А. Т. Отырба и сказал, что руководство Абхазского института предлагает перевести меня в институт на должность научного сотрудника. Я, конечно, несказанно обрадовался, и он направил меня к директору. Хухут Салуманович встретил меня любезно. В памяти остались навсегда его приветливые слова «уааи аҩыза» (заходи, друг). Он пояснил, что в институте появилась возможность принять меня на должность научного сотрудника в связи с переводом Б. В. Шинкуба председателем Союза писателей Абхазии. Так началась моя работа в Абхазском институте, в коллективе, где я провел самые лучшие годы моей жизни, и где по сию пору продолжаю работать.

Хухут Салуманович Бгажба предстает перед нами закаленным и умудренным человеком. И закалка, и настойчивость, и самостоятельность в суждениях и действиях Хухута Бгажба, надо полагать, обусловлены в немалой степени стесненным детством и борьбой с препятствиями на профессиональном пути. Он, как и его коллеги Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе, М. М. Трапш и многие другие ученые-абхазоведы, своими достижениями обязан, в первую очередь, самому себе.

Жизнь и творчество Хухута Бгажба – национальное достояние нашей науки. И наши современники, и их потомство должны знать уроки и добродетели этой жизни, достойные подражания и восхищения.

Хухут Бгажба обладал даром критического анализа, без чего не может состояться ученый. Обладал способностью не прини-

мать на веру видимость, улавливал несоответствия, обнаруживал такие стороны явления, на которые до него не обращали внимания. Его жизнь – пример неустанного поиска истины, служения своему народу, верности друзьям.

У Х. С. Бгажба, филолога по образованию и призванию, филология тесным образом переплетается с историей. Об этом свидетельствуют его работы: памятники письменности в Абхазии, история абхазского письма, абхазская переводческая комиссия, абхазская топонимика, абхазские племена и диалекты, летопись о литературных, культурных и исторических взаимосвязях. В них отчетливо прослеживается его восприятие истории, его способность выделить главное из будничного, историческое – из преходящего. Историю от дня сегодняшнего Хухут Бгажба никогда не отчуждал. Вопрошая давно свершившееся, он пристально всматривался и в современность. И само прошлое он воспринимал не как окаменелость, а как отсеянное временем живое. Причем отсев он не считал ни непреложным, ни раз и навсегда произведенным.

Фундаментальная монография Х. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка», снискавшая в науке мировое признание, ярко отражает проницательный ум, широкую эрудицию, высокий интеллект автора, его скрупулезность, неимоверную трудоспособность, глубокую влюбленность в родную речь. И тогда, когда, по каким-то конъюнктурным соображениям, с использованием некомпетентных людей, этот его главный труд стали шельмовать, высказывались необоснованные обвинения и оскорбления в адрес автора книги, Х. Бгажба в полной мере проявил присущие ему мужество, спокойствие и благоразумие. Он никому не ответил грубо, проявил уважение и к себе, и к оппонентам. Понимание сущности человеческого несовершенства, высокая личная нравственность и внутренняя честность облегчили ему здраво пережить, выпавшие на его долю испытания. Он до конца жизни остался оптимистом, верующим в торжество добра. Разумеется, потому он и в свои 86 лет сохранял работоспособность и ясность ума. Если бы не трагическая смерть, он еще мог плодотворно трудиться.

Х. С. Бгажба по праву принадлежит к той славной плеяде наших ученых, кто прокладывал первую борозду научного абхазоведения, служил этому делу безукоризненно, целенаправленно, с максимальным старанием. Невольно задаешься вопросом: благодаря чему он оказался подготовленным и пригодным для такой службы? Благодаря ли своим личным способностям, интеллекту? Или же благодаря образованию, полученному в

престижных учебных заведениях? Хухут Бгажба, несомненно, имел все это. Но, очевидно, у него было и нечто другое, возможно, не менее важное, а именно сильное желание служить своему народу. Такой внутренний настрой определялся, скорее всего, теми духовными установками, которые были вложены в его сердце. Хухут воспитывался в нужде, без отца, но в традиционном духе, где высоко ценились нравственные нормы и человеческое достоинство.

Многие годы наша семья проживала в смежной квартире и близко общалась с матерью Хухута, Матией Капба, с этой мудрой, традиционной женщиной. В сыне ее, Хухуте, с которым я работал и дружил более 40 лет, я обнаруживал истинно выраженные добрые человеческие задатки, унаследованные от матери. Поражало и то, с каким интересом мать относилась к деятельности и общественной, и жизненной позиции своего сына – уже общепризнанного ученого. Сын и мать регулярно общались, Хухут часто приходил к матери, они дружили. В их взаимоотношениях всегда присутствовала материнская нежная любовь к сыну и теплая привязанность сына к любимой маме.

Народный герой Абхазии Салуман Бгажба, отец Хухута, по сохранившемуся семейному преданию, во время пребывания в царской ссылке дал обет: «Всевышний, если я когда-нибудь живым вернусь домой, я верой и правдой буду служить тебе, ежегодно буду исполнять обет (акурбан) – приносить в жертву овцу».

После смерти Салумана, Матия, следуя завету мужа, ежегодно справляла акурбан. Однажды в день исполнения обета, Хухут повел меня к матери, тогда она жила у младшего сына Хакыбея. Обслуживала нас моя кузина Вера Кубрава – супруга Хакыбея. Матия молитвенно обратилась к Всевышнему. Благословила нас. Хухут и я, хотя мы были коммунистами, своим смиренным поведением и внутренним настроем с благоговением отнеслись к этому обряду. Молитву Матии поддержали «Аминь!». Состоялась теплая семейная встреча.

Спустя десятилетия, после краха социалистической системы, однажды Хухут и я шли по центральному проспекту разрушенного войной Сухума, говорили о кризисном положении человеческого общества, о несправедливости и бездумной жестокости, падении нравственности и моральном разложении в мире и прочих бедах современного трудного времени. В ходе беседы вдруг Хухут говорит мне: «Я полагаю надежду на Бога (Сара Анцәа сиқәгәыҷусит). И ты тоже – не правда ли? (Уаргьы ус ами?) В этих словах была выражена наша общая надеж-

да. Он был удовлетворен моим убедительным ответом. Хухут по своему умонастроению, был человеком верующим, духовным, верил в победу добра над злом.

Хухут Бгажба возглавил Абхазский институт в сложный и ответственный момент (1953). Переход от ассимиляционных процессов, сознательно проводившихся до этого к позитивным изменениям по возрождению абхазской культуры и науки, который, естественно, проходил при активном, можно сказать, авангардном участии Абхазского института, Хухута Бгажба и Георгия Дзидзария – новые руководители института, прежде всего, начали с формирования научного коллектива института, превращения самого института по существу, в действительно абхазский. Поворот протекал мирно, но не безболезненно. Трудным и щепетильным делом было освобождение сотрудников института, которые по своей профессиональной неподготовленности, а также настрою не соответствовали интересам развития абхазской науки. Такая работа была проведена тактично, корректно. На освободившиеся штаты были приглашены бывшие сотрудники института, в свое время вынужденно оставившие работу – К. С. Шакрыл, Г. З. Шакирбай, Л.Н.Соловьев, а также молодые кадры, кандидаты наук: языковеды – Е. П. и Т. П. Шакрыл, этнографы – Л. Х. Акаба и Ц. Н. Бжания. А через некоторое время, стараниями руководства института коллектив пополнили З. В. Анчабадзе, Л. А. Шервашидзе, М. М. Трапш и др. Сформировалось талантливое ядро абхазоведов, способное решать первоочередные задачи абхазской науки.

В 1962 году был сделан важный шаг в сторону расширения фронта исследовательских работ в области истории Абхазии. На базе отдела истории создаются самостоятельные отделы: истории, археологии и этнографии. В то время это казалось невероятным. В стране шел процесс укрупнения областей, районов, однородных предприятий и организаций. То же самое происходило в Абхазии. Очевидно, сыграли роль высокий авторитет директора Абхазского института Х. С. Бгажба, являвшегося тогда заместителем Председателя Верховного Совета Грузинской ССР и основательность приводимых им аргументов. АН Грузинской ССР изыскала средства для открытия новых отделов, выделила штаты для их укомплектования. Дальнейшая деятельность абхазских историков, археологов, этнографов подтвердила разумность такой перестройки исследовательской работы.

В 1966 году возглавив новый отдел – литературы и фольклора, Х. С. Бгажба постарался укомплектовать его способными

молодыми специалистами – В. Дарсалиа, А. Аншба, Ш. Салакая, В. Цвинариа, И. Квициниа, С. Зухба, М. Ласуриа, В. Агрба и др. Маститый ученый сидел и работал в одной комнате со своими младшими коллегами, личным примером и наставлениями сплачивал их, щедро делился своим богатым опытом и знаниями, поддерживал инициативу, умел поощрять добропорядочность и трудолюбие, а также корректно подстегнуть, когда это требовалось. Уважительное отношение к коллегам, забота о нуждах каждого из подчиненных поднимали его авторитет, он был почитаемым руководителем.

Хухуту Салумановичу доставляло удовлетворение подбодрить коллегу, когда это требовалось. В 1961 году в Сухуме вышла моя книга «Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921–1925)». Она была первой монографией на эту тему. Вскоре после ее выхода Хухут Салуманович сказал мне, что А. М. Чочуа приглашает меня домой. А семьи Чочуа и Бгажба жили вместе. А. М. Чочуа – выдающийся абхазский просветитель-педагог, общественный и государственный деятель к этому времени уже был персональным пенсионером, но дома продолжал творческую работу. Я до этого с ним непосредственно никогда не общался. Однако хорошо был знаком с его многосторонней деятельностью в сфере народного просвещения и культуры по документам и материалам архивного фонда Наркомпроса Абхазии, где он работал заместителем наркома, а затем наркомом (1921–1931). Андрей Максимович теплым приемом и задушевным разговором сразу же расположил меня к себе. Прекрасная память, свежесть ума, исключительный интерес к отечественной истории, глубокая озабоченность в правдивом освещении сложных процессов, имевших место в реальной жизни, а также его рассказы о конкретных людях, об уникальных эпизодах и деталях, не отразившихся в документах, сделали нашу беседу весьма полезной для меня.

Не могу не отметить одно обстоятельство, которое произвело на меня неизгладимое впечатление. Это простота, которая царила в этой семье виднейшего интеллигента. Простота изысканная, утонченная во всем – в манере общения, в обстановке, в меблировке, в интерьере квартиры…

Хухутовская библиотека – ценнейшее сокровище. Очевидно, одна из богатейших домашних библиотек в городе, в ней хранятся уникальные книги по абхазоведению.

Хухут и в большом и в малом деле думал об Абхазии, хотел, чтобы она была достойно представлена, чтобы ее ценности стали достоянием других народов. Однажды мимоходом мы зашли

с ним в Сухумский ювелирный магазин, где были представлены роскошные изделия из золота, серебра, драгоценных камней… Мы все внимательно рассмотрели. Хухут, увидев миниатюрные сувенирные рюмочки из самшита с выгравированным словом «Абхазия» и кисти винограда – своеобразного символа изобилия и абхазского гостеприимства, вполне серьезно сказал: «Из всего, что здесь есть, эти рюмочки самые дорогие. Купим, аҧыза (товарищ), для наших гостей». Выйдя из магазина, добавил: «Хорошая покупка, дюжина. Мы из этих рюмок не будем пить коньяк, подарим их приятным гостям в память об Абхазии». И эта, кажущаяся на первый взгляд, мелочь, выражала настрой его души.

Хухут Бгажба рано был заметен и в литературе, и в науке, и в общественной жизни. Естественно, организационная деятельность в Союзе писателей, в Абхазском институте и депутатские обязанности отнимали у него много времени. Он, очевидно, реально ощущал несовместимость политики и науки.

Ученый оценивается не только по своим профессиональным качествам, но и по умению дружить и общаться с людьми. Х. Бгажба ценил в человеке нравственность в образе жизни и чистоту интеллекта. Руководя коллективом института, а затем отделом, он в сотрудниках больше всего поощрял проявления этих качеств. Занятия наукой и стезя дружбы проходили в его глазах через союз нравственности и истины.

У Хухута Бгажба можно было поучиться добродетели. Его отличали человеколюбие, доброта, терпение, скромность, воздержанность («хухутовская осторожность»). Эти плоды духа были как бы составляющими его житейской мудрости.

Для ученого Бгажба человечность была превыше всего и даже выше самой науки, призванной служить человеку, а не подавлять его. Он до конца своей жизни оставался в науке твердым, а в быту сердечным и щедрым».

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Как упоминал выше, Хухут Бгажба собирал и берег в своем архиве материалы, содержащие заметки и исследования иностранных путешественников, ученых или писателей об Абхазии, абхазском народе. Но его целью было не только собирать и хранить эти материалы. Он изучал и написанное в рукописях и опубликованные в различных изданиях статьи, работы, книги, сборники, а затем уже писал об их авторах статьи, анализировал и комментировал их работы. Таким образом, он хотел донести

до абхазского читателя, которому интересна история развития абхазской духовной культуры, о том благородном деле, которое было совершено теми, кто писал об Абхазии. И не только в научном отношении, но и в человеческом.

Эта часть научной деятельности Хухута Бгажба имеет огромное значение и до сих пор актуальна.

Об этом свидетельствует и работа Х.С. Бгажба «Академик Н. Марр и абхазоведение». Этот серьезное исследование, посвященный академику Н. Марру, вошло в книгу Х. С. Бгажба «Статьи и исследования», вышедшую в Сухуме на абхазском языке в 1989 году (ранее опубликовано на русском языке: в книге Х. С. Бгажба. Этюды и исследования. Сухум, 1972).

В нем глубоко, подтверждая историческими фактами, документами и новыми архивными материалами, Хухут Бгажба исследует заслуги академика Н. Марра в абхазоведении. Действительно, поражает огромный труд, проделанный Н. Марром в изучении истории, языка, духовной культуры абхазского народа, словно он был рожден и воспитан в одном из абхазских сел настоящим абхазом. Не случайно Хухут Бгажба писал: «… Думаю, пора уже досконально разобраться и дать оценку заслугам Н. Марра перед абхазской наукой». Его труд перед нашим народом – огромен. Долг абхазских ученых говорить об этом открыто, это – справедливо и по совести.

Х. Бгажба, прежде чем перейти к анализу работ академика Н. Марра, посвященных абхазоведению, заостряет внимание читателя на основных штрихах его биографии.

Как известно, Н. Марр был исключительно одаренным ученым с широким кругозором, его научная деятельность охватывала разнообразные, в том числе фундаментальные проблемы востоковедения, кавказоведения, языковедения, истории, археологии, он был, что немаловажно, полиглотом, причем все основные европейские языке он освоил еще в школе.

Хухут Бгажба отмечает, что пробудили в Н. Марре интерес к абхазскому языку такие работы, как, например, П. Услар – «Абхазский язык» (1862), П. Чарая – «О родственности абхазского языка к яфетическим языкам» (1912), а также этнографические работы Н. Джанашиа. Зарождение и становление абхазоведческой науки неразрывно связаны с именем академика Н. Марра. О том, что это соответствует действительности, абхазские ученые отмечали и раньше. К примеру, основоположник абхазской литературы Д. Гулиа в своей книге «История Абхазии» (1925) очень высоко оценивает работы Н. Марра, посвященные абхазоведению. Известный абхазский историк С. Ашхацава

считал, что «по лингвистическому исследованию Абхазии нет более авторитетного в настоящее время знатока вопроса, как Н. Марр».

И первый абхазский художник А. К. Чачба тоже не забывал о заслугах Н. Марра перед абхазоведением.[1]

Критик также не упускает и оценки и высказывания, данные работам Н. Марра в области абхазоведения другими учеными. Они еще в большей степени подтверждают мнение о Н. Марре как основоположнике абхазоведения.[2]

В 1938 году АН СССР издала книгу Н. Марра под названием «О языке и истории абхазов». Ее составили и подготовили к изданию А. Хашба и И. Мегрелидзе. Редактор книги И. И. Мещанинов писал: «В эту книгу вошли работы, значение которых велико не только для абхазоведения, но и выходит за его рамки».[3]

Хухут Бгажба пишет, что работы Н. Марра, ставшие путеводителем для дальнейшего развития абхазоведения, до сих пор не изучены, не оценены и не представлены на должном уровне. Критик отмечает, что впервые этим начал заниматься ученик Н. Марра, талантливый абхазский языковед Арсений Хашба. В 1938 году он издал в Сухуме книгу под названием «Академик Н. Марр о языке и истории абхазов». Вскоре после этого в журнале «Язык и мышление» была опубликована статья профессора Г. Ф. Турчанинова «Н. Марр – абхазовед». Но, по мнению Х. Бгажба, «Марр и абхазоведение» – обширный, значительный и актуальный вопрос, требующий широкого и всестороннего анализа. Поэтому Хухут Бгажба и пишет: «В данном очерке, опираясь на новонайденные мной новые материалы, я освещу заслуги Н. Марра в становлении научного абхазоведения, последовательно расскажу и о проводимой им научно-организаторской деятельности, связанной с Абхазией».[4]

Во всех научных работах Хухута Бгажба (посвящены ли они филологии, истории или фольклористике) проявляется одно неизменное качество, характерное для его научного подхода – он старается максимально опираться на первоисточники, особенно на те, которые до него ученым не были известны или малоизвестны, говоря иначе, стремился сказать для науки новое слово.

Хухут Бгажба, используя найденные им материалы, иссле-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 5.*

[2] *Там же.*

[3] *Там же, с. 6.*

[4] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 6*

довал, сколько раз до установления Советской власти академик Н. Марр приезжал в Абхазию, а также что являлось целью этих поездок, кто и как из абхазов его здесь принимал и многое другое. Впервые Н. Марр приехал в Абхазию летом 1912 года, но, тогда поездка оказалось не очень удачной.

«...Вскоре после этого, – пишет наш ученый, – в конце 1912 года он вновь приехал в Абхазию, и получил удачную возможность для изучения абхазского языка: в том году с 25 декабря включительно по январь следующего года он изучал абхазский язык сначала в селе Джьгярда, затем в Бзыбта – в Гудаутском районе. К работе Марра отнеслись с большим пониманием и уважением деятели абхазской культуры, сельчане. Они с огромным удовольствием восприняли тот факт, что известный академик приехал, чтобы изучить их язык».[1]

Позже Н. Марр сам вспоминал, как много он успел тогда за месяц: к концу его пребывания в Абхазии, он уже неплохо понимал абхазский язык. В научном же плане успехи намного превзошли его ожидания: сравнил лексический материал, собранный Усларом и Чарая, столько же добавил ранее не записанными словами, просмотрел изданные раньше абхазские сказки и пословицы, отметил также некоторые особенности абхазской морфологии и синтаксиса. Он, безусловно, принадлежал к великим языковедам, природа наделила его незаурядными способностями.

Н. Марр считал, что изучение абхазского языка очень важно «для понимания многих исторических проблем, стоящих перед кавказоведением». Он впервые вводит в программу Петербургского университета изучение абхазского, мегрельского и сванского языков. Автор работы подчеркивает, что Н. Марр, после того, как он начал изучать абхазский язык, сблизился с деятелями абхазской культуры, особенно с членами Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазцев (организованного в селе Лыхны в 1913 году) и лично с его председателем С. Ашхацава.

Хухут Бгажба подробно останавливается на взаимоотношениях Н. Марра с представителями абхазской культуры (например, с Д. Гулиа, А. Чочуа, Н. Джанашиа, П. Чарая, А. Чукбар, С. Ашхацава, Н. Патеипа и др.). Он пишет о постоянно расширении их общения, взаимодействия, что подтверждается и перепиской:

Академика Н. Марра, который с искренней любовью занимался исследованием истории, языка и культуры абхазского на-

[1] *Там же.*

рода, уважали и как родного, любили не только представители абхазской интеллигенции, но и абхазские крестьяне, особенно, наделенные от природы острым умом. Это было видно по тому, как его сердечно встречали в Абхазии, куда бы он не пришел. Хухут Бгажба подробно пишет о взаимоотношениях абхазов и академика Н.Марра.

На мой взгляд, сближение академика Н. Марра и абхазского народа еще до революции не было случайным явлением. Здесь нужно принять во внимание два взаимообусловливающих фактора. Н. Марр был необыкновенно способен к языкам, в этом он был настоящим мастером, редко кто мог сравниться с ним. Считается, что в общей теории лингвистики им были допущены ошибки, но его вклад в кавказоведение огромен, им сделано много, не все еще оценено по достоинству. Академика Н. Марра приблизили к абхазскому языку его характер, традиции, глубокая история и богатый, древнейший и интереснейший по своей грамматической структуре, язык народа, являющегося, по его словам, коренным на этой благословенной земле. Он считал, что знание этого интересного для исследования языка поможет и в исследовании других (не только кавказских) языков. Н. Марр полюбил абхазов и за личностные качества народа (внешняя красота, мужественность, совестливость, уважительность, любовь к своей Родине, стремление помочь более слабому…), полюбил он и Абхазию за красоту и богатство природы. Все это помогло Н. Марру, по выражению Х. Бгажба, написать плодотворные работы по исследованию абхазского языка. Но ведь и абхазы «произведены не в инкубаторе, не вчера появились на этот свет», а – древнейший, коренной народ гордого Кавказа, тесно связанный историческим связями со многими, даже уже «канувшими в Лету» цивилизациями, создавший большое государство, переживший много великих и трагических страниц в своей истории. Они прекрасно понимали значение грамоты, образования, развития собственной письменности и истории в жизни народа, знали, что без этого народ не сможет развиваться и трудно ему будет сохранить себя. Поэтому абхазы так доброжелательно приняли, сердечно встречали академика Н. Марра, пришедшего к ним с желанием выучить язык и историю и помочь в развитии духовной культуры, и это было гораздо больше и глубже обычного абхазского гостеприимства.

Н. Марр посвятил абхазскому языку и абхазской истории много работ. К ним относятся работы, напечатанные в 1912 году: «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», «Яфетическое происхождение абхазских терминов род-

ства», «История термина «абхаз». В дальнейшем, до 1921 года, появляются: «О моих лингвистических поездках в Абхазию» («К этиологическим вопросам») (1913), «Абхазское происхождении грузинского термина родства «бидза»(дядя) (1914), «Из абхазских личных имен» (1914), «О происхождении имени «Анапа» (1914), «О религиозных верованиях абхазов» (1915), «Кавказоведение и абхазский язык» (1916), «О записывании абхазских текстов. Пособие для работ по яфетическому языкознанию» (1918).

По словам Хухута Бгажба, в работах Н. Марра в период до установления Советской власти в Абхазии немало ценных наблюдений и суждений (прежде всего признание абхазского языка коренным языком Кавказа), имеющих существенное значение для разработки важнейших вопросов абхазского языка: фонетики, диалектологии, лексики и структуры, а также генетичесих связей с родственными ему языками.

Кроме того, Н. Марр выделил в абхазском языке бзыбский диалект, абжуйский диалект и самурзаканский диалект и на их базе дал полный фонемный состав абхазского языка, изложил в общих чертах грамматический строй абхазской речи, подчеркивая, например, что в абхазском языке синтаксис играет роль мофологии, а слово представляет собой целый комплекс слов сошедшихся вокруг глагола: одни в конце глагола, другие в начале, третьи между предлогом и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто бывает сосотавленной из двух глагольных основ.Но, как языковед Хухут не был во всем согласен с Н. Марром: «Что касается гипотезы о гибридности (смешанном характере) абхазского языка, она для своего лингвистического обоснования нуждается в дополнительных разысканиях».[1]

Далее Хухут Бгажба говорит о том, что Н. Марр часто использует абхазские лексические материалы при исследовании некоторых клинописных памятников. Хухут Бгажба отмечает, что Н. Марр не раз анализировал древность связей абхазов и басков, обнаруживал связи у абхазского и баскского языков, например, в местоимениях и словах первобытной общественности: «На эту проблему обращали внимание и другие языковеды. Так, в 1949 году в Гейдельберге вышла книга немецкого языковеда Карла Боуда «Баскско-кавказские этимологии», в которой автор использует и абхазские слова».[2]

Хухут Бгажба отмечает, что Н. Марр в работе «Кавказове-

1Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 11

[2]Там же.

дение и абхазский язык» предлагает комплексную программу по развитию абхазоведения. Она включает в себя и тщательное изучение Абхазии в историческом, этнографическом и археологическом отношении, и выявление ее взаимосвязей с кавказцами и другими древними народами по языковым и фольклорным данным: «Абхазский язык должен быть изучен по всем трем наречиям самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому и по их говорам и подговорам. Должны быть использованы в работе и говоры абхазов, переселившихся в Турцию. Но этого мало. Должно быть выделено из нее, из абхазской речи, все, что наносно (заимствовано) в ней, хотя и с незапамятных времен... Предстоит еще более трудная, еще более сложная работа – путем сравнения подлинно первичного пласта абхазской речи с более близкими по родству языками, именно с другими коренными горскими языками Кавказа, с одной стороны, выяснить историю и этого слоя абхазского языка, а с другой – доискаться до первичных общих форм всех горских языков».[1]

В «Литературной энциклопедии»(1929) Н. Марр касается вопросов истории абхазов: «Абхазский народ, ныне в числе не более ста тысяч, ютится на Кавказе, на небольшом причерноморском отрезке ... В древности народ этот занимал значительно более обширную площадь... постепенно абхазы оттеснились не только с севера, но и от моря в горы и не удивительно, что и приморские населенные пункты южнее, в пределах нынешней этнографической Абхазии, сохранившие абхазские названия, менее всего насчитывают ...абхазский элемент... При таком положении дела нет ничего удивительного, что севернее, тем более оторваннее от абхазского населения, лежат те приморские пункты, местные названия которых, будучи исконно абхазского происхождения, находят свое объяснение в абхазском лингвистическом материале». Комментируя эту работу Н. Марра Х. Бгажба отмечает, что одной из главных причин сужения территории распространения абхазского языка и абхазов, послужило махаджирство. В качестве примеров названий приморских пунктов он приводит такие топонимы Адлерского района, как: Мзымта, Кудепста.[2]

Н. Марр не выпускал из своего поля зрения и этнокультурные вопросы, материальный быт, культы, мифологию, т.е. те стороны культурно-исторической жизни абхазского народа, которые были необходимы для его лингвистических построений и выводов.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 13*

[2] *Там же.*

Х. Бгажба отдельное внимание уделяет вкладу Н. Марра в развитие духовной культуры абхазского народа после установления Советской власти. Действительно, сделано было Н. Марром немало. В 20-х годах он принимал активное участие в работе, проводимой в области развития науки и культуры Абхазии, а порой и сам руководил ею. Как известно, в 1922 году было организовано Абхазское научное общество (АбНО). В АбНО были созданы секции: медицинская, сельскохозяйственная, техническая, географическая и этнографическая. Но не было секций абхазского языка и литературы, фольклора, истории и археологии. Организацией этих секций активно занялся Н. Марр.

В 1924 году Марр приехал в Абхазию, чтобы внести правки в «Абхазо-русский словарь», корректуру которого он привез с собой. Он тогда не смог включить все собранные им к тому времени слова, они остались в его личном архиве (еще ждут своего исследователя – Р. К.). В это период они встретились с Н. Лакоба. Много разговаривали о проблемах абхазоведения. Нестор поставил перед Н. Марром шесть вопросов. В письме, написанном Н. Лакоба, Н. Марр ответил на эти вопросы. Первый вопрос касался абхазского алфавита, составленного Н. Марром. Комиссия, избранная для этого, в июне приняла этот новый алфавит. Второй вопрос – о доорганизации АбНО. Н. Марр в своем письме отмечает, что необходимо дополнить это общество секциями по изучению абхазского языка и литературы, фольклора, истории, этнографии, археологии, материальной культуры. Он пишет о том, что берет на себя создание программы для этих секций. Далее вопрос касался издания книги, написанной Д. Гулиа об истории Абхазии. Издание этой книги состоялось во многом благодаря Н. Марру. Четвертый вопрос был посвящен приглашению ученых на Съезд краеведов, который в скором времени должен был состояться в Сухуме. И здесь Н. Марр брал на себя ответственность за своевременное приглашение видных ученых из Москвы и Ленинграда и их участие в работе съезда. Стоял вопрос и о помощи научных центров в становлении и развитии абхазской науки. Этот вопрос мог быть более конкретизированным уже после проведения съезда. И в конце, отвечая на последний вопрос, Н. Марр обнадежил Н. Лакоба в том, что он «создаст программу местной исследовательской организации республики по гуманитарной части, естественно, с краеведческим или родиноведным уклоном».[1]

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 15–16.*

I Всесоюзный краеведческий съезд, прошедший в Сухуме 12–19 сентября 1924 года, благодаря Н. Марру, как отмечает Х. Бгажба, стал значительным событием для исследования истории, языка, культуры абхазского народа. В Абхазию прибыли известные ученые. Кроме того, они проявили большой интерес к языку и истории народа. Это, безусловно, имело огромное значение для исследования, изучения прошлого и настоящего абхазов, становления и развития абхазоведения. Душой всего этого дела, его активным двигателем был Н. Марр.

При активном участии Н. Марра в 1925 году в Сухуме был создан научный центр абхазоведения – Академия абхазского языка и литературы. За ее работой он всегда пристально наблюдал. Как отмечает Хухут Бгажба, несмотря на нехватку квалифицированных кадров, тогда академия сделала немало в области абхазоведения. Хотя позже, из-за недостаточной осведомленности, многие стали пренебрежительно отзываться о работе этого центра, особенно в 40-е годы XX столетия, когда заговорили об ошибках, допущенных Н. Марром в области общей лингвистики. Я сам помню, как некоторые абхазские ученые, отзываясь о вкладе Н. Марра в развитие абхазоведения, говорили, что «Нико Марр пытался из мухи сделать слона». Это, на мой взгляд, означало самопринижение абхазов, а если выразиться еще точнее, пренебрежительное отношение и к народу, которому Н. Марр посвятил столько трудов, и к великому человеку, ученому. А ведь академик много сделал для того, чтобы ясно показать, научно обосновать то, что язык и духовная культура народа, который он полюбил всей душой, имеют тысячелетнюю историю, а прекрасные, уникальные традиции абхазов идут из глубины веков до наших дней.

Х. Бгажба привел в статье ряд малоизвестных мнений академика Н. Марра по проблемам абхазоведения, высказанных когда он находился в Абхазии в апреле 1928 года. Пребывание Н. Марра было широко освещалось на страницах газет «Апсны капш» и «Советская Абхазия». Хочу привести некоторые ответы академика в интервью корреспонденту «Советской Абхазии»:

«Дело в том, что еще раньше была установлена (нами) известная связь между басками (в Пиринеях) и абхазцами... Кроме того, Академия наук СССР постановила издать 72 абхазские сказки, и по этому вопросу здесь нужно кое-что выяснить и сделать. Необходимо также укрепить научную связь с Академией абхазского языка и литературы и попытаться усилить ее деятельность»...

«...В науке должен быть темп, а в творчестве – риск». (Х. Бгажба поддерживал эту мысль по отношению к науке: «Изучать материалы надо одновременно с их собиранием, а не откладывая в долгий ящик» – Р. К.).

«...Для того, чтобы собирать и изучать абхазские песни, надо изучать и знать песни еще и других народов. Кругозор собирателя в этом отношении должен быть шире...».

«У каждого языка есть своя мелодия и от вас самих зависит как построить такт в вашем стихосложении. Надо взять риск создать свою форму. Если у вас существует новое понимание стиха, надо создать и новую технику стихосложения. Неудачным надо считать то, если наше творчество мы будем подгонять к готовой норме. Надо творить и тогда получится ваша, новая норма». (Хухут Бгажба отмечает в сноске: «Во всяком случае, как это видно из наблюдений над фонетикой абхазского языка (в частности, над ударением), он считал, что в технике абхазского стихосложения играет роль тонический (или тоникосиллабический) принцип).[1]

В газете «Апсны капш» сообщалось: «24 апреля, во вторник на собрании, Академии абхазского языка и литературы и АбНО с докладом под названием «Всемирное значение исследования языка и абхазский язык» выступил всемирно известный ученый тов. Н. Марр с докладом «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык». Доклад Марра продолжался три часа».

Хухут Бгажба подчеркивал, что в этом докладе особое внимание уделялось значение исследования и изучения родного языка в развитии культуры абхазского народа.[2]

Н. Марр занимался и воспитанием национальных абхазских кадров. Вот факт, свидетельствующий об этом: для помощи делу развития абхазоведения, Н. Марр в 1924 году сделал запрос в Народный комитет образования Абхазии, чтобы для подготовки новых кадров к нему направили двоих молодых абхазов. В письме, написанном в 1925 году на имя С. Ашхацава, он жаловался, что на бронь, выделенную им для Абхазии в Ленинградском институте восточных языков, никого не прислали.

В декабре 1925 года на учебу в Ленинградский институт живых восточных языков им. А. Енукидзе (позднее – Ленинградский институт восточных языков) Наркомпрос Абхазии отправил В. Кукба, а в 1926 году А. Хашба перевелся из Кубанского педагогического института в Ленинградский универси-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 20*

[2] *Там же.*

тет. После же окончания, Н. Марр помог им обоим поступить в аспирантуру Яфетического института.

В 1927 году Н. Марр писал А. Чочуа:

«Уважаемый Андрей Максимович!

Может быть, не забудете реагировать на другие мои обращения, в том числе и оказание материальной помощи Хашба в его поездке к убыхам в Турцию. Что касается Кукбая (он же Кукба), по-видимому, удастся командировать от Ленинградского института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе при ЦИКе СССР и получить 600 руб. на командировку...

Всегда искренне Ваш, Н. Марр».[1]

Одного из них, а именно Кукба, направили в командировку в Турцию, но не по зависящим от него причинам, он не смог выполнить свою задачу, так как его не допустили к убыхам.

Хухут Бгажба уделяет внимание и эпистолярному наследию Н. Марра – в 20-е годы он, Д. Гулиа и А. Чочуа часто обменивались письмами. Все они были посвящены вопросам абхазоведения.

«И сегодня мы воздаем особую дань памяти выдающегося советского ученого, маститого кавказоведа, который так много труда и энергии вложил в дело изучения духовной культуры абхазского народа. Именно он 70 лет тому назад впервые ввел в научный обиход новое понятие – абхазоведение и «выступил с требованием обеспечить за ним самостоятельное существование в ряде исторических научных дисциплин, входящих в состав кавказоведения.

Н. Я. Марр писал: «Человек, умирая индивидуально...продолжает жить в тех кто остается в живых, если жил при жизни, а не был мертв. И коллектив живой воскрешает мертвых».

Н. Я. Марр продолжает жить среди нас. Имя основателя абхазоведения, золотыми буквами вписано в историю абхазской культуры», – такими словами закончил Х. Бгажба свое исследование.[2]

До сих пор нами не создано ни одной серьезной монографии о человеке, сделавшем так много для развития абхазоведческой науки. Однако создание такой книги – это долг абхазских ученых и, думаю, что в недалеком будущем они обратят свое внимание на это. Для такой работы огромным подспорьем может служить и исследования Х. С. Бгажба. Здесь я хочу вспомнить

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 22.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 23.*

о том, что когда я впервые прочел статью Хухута Бгажба «Академик Н. Марр и абхазоведение», то сказал автору, что она мне очень понравилась. Он мне ответил: «Нико Марр сделал так много для абхазов, столько труда он вложил в развитие абхазской науки, что мы никогда не сможем сполна отплатить ему, но я надеюсь, что когда-нибудь появится достойная книга об этом великом человеке, от всей души нас любившем. В этом случае, думаю, что моя работа не может не стать полезной».

* * *

Вспоминает академик Ш. Х. Салакая:

«Мне выпало счастье работать вместе с видным абхазским ученым, великим языковедом, основателем нашей литературной критики, академиком Академии наук Абхазии Хухутом Салумановичем Бгажба в Абхазском научно-исследовательском институте более 40 лет: с 1959 по 2000 год.

Безусловно, не раз встречался, общался и даже бывал в совместных поездках с нашим великим ученым еще до того, как начал работать в Абхазском институте под руководством Х.Бгажба. Сначала он был нашим директором, а затем заведующим отделом. Мой приход в этот институт и мое становление как ученого тоже состоялось во многом, благодаря Х. С. Бгажба.

Вот как это было.

В 1952 году, окончив Сухумское педагогическое училище, я поступил на филологический факультет Сухумского педагогического института. Тогда, конечно, не было еще абхазского сектора (он был открыт только через два года) и стал учиться на русском секторе.

Когда учился на втором курсе, принял участие в научной студенческой конференции, где выступил с небольшим докладом на тему: «Фразеологические словосочетания в русском и абхазском языках (сравнительный анализ)». Я до сих пор считаю, что сам доклад был не Бог весть из ряда вон выходящим, а обычной студенческой работой. Но то ли из-за новизны тематики (действительно, в то время по данной проблематике на абхазо – адыгских языках не было напечатано ни одной работы, а ныне – много написано), то ли по другой причине, но доклад мой был хорошо воспринят. И в городе кое-где заговорили о нем. Эти разговоры дошли и до Абхазского института, и, как говорят, дошли и до ушей Хухута Салумановича.

Вскоре неожиданно для себя, я получил известие о том, что меня приглашает к себе директор Абхазского института, и я должен явиться к нему вместе со своим докладом.

Не скажу, что мне это не понравилось, но в то же время насторожило и обеспокоило: среди студенчества – это одно, но есть ли у меня что-нибудь стоящее, с чем можно явиться к столь серьезному ученому, – подумал я.

Обернув свой маленький доклад в старую газету, я пришел в Абхазский институт. Здание было хорошо известно, так как на его первом этаже располагалась Республиканская библиотека, в которой во время учебы в училище, пропадал целыми днями, корпя над учебниками. На втором этаже находился Абхазский институт. Но раньше туда ни разу не поднимался.

Открыв дверь, вошел в приемную директора. Статная, миловидная смуглая женщина, печатавшая на пишущей машинке с такой молниеносной быстротой, что трудно было уследить за движением ее пальцев, оторвалась от работы и с улыбкой спросила:

– Кто тебе нужен, юноша?

– Мне нужен директор, Хухут Салуманович, – ответил, робея.

– Он вызывал тебя или ты пришел сам?

– Да, я пришел по его вызову.

– Посиди здесь минутку, – сказала она, спросив имя и фамилию.Указав мне на стул, зашла в кабинет директора.

И тут же вышла обратно.

– Заходи, – сказала секретарь-машинистка. Это была, царствие ей небесное, Татьяна Демосфеновна Давыдова.

Когда зашел в кабинет, Хухут Салуманович, которого видел неоднократно, но с которым ни разу не общался, вышел из-за стола, накрытого зеленым бархатом и, поправляя очки, сделал навстречу несколько шагов.

А я, чтобы не утруждать знаменитого ученого, со словами приветствия, поспешил навстречу.

Он сел и усадил меня напротив. Некоторое время молча смотрел на меня:

– Ведь твоя фамилия Салакая, товарищ? – сказал он, улыбнувшись.

– Да, я – Салакая, Хухут Салуманович.

– А ты не из рода Шьакар (Шьақар ицаҷәа – Р. К.)?.

– Да, так тоже называют нашу фамилию..

Некоторое время расспрашивал меня, где я учился, на каком курсе, факультете и т.д., а после неожиданно спросил:

– Ведь это же ты недавно выступал с докладом на конференции?

– Да, на студенческой конференции у меня был доклад.

– О чем был твой доклад?

– О сравнении фразеологических словосочетаний в абхазском и русском языках он бы посвящен, но не знаю, насколько мне удалось…

– Мы слышали, что ты сделал хороший доклад, товарищ, – сказал он, рассмеявшись с удовольствием. Я перевел дух.

– Не его ли ты держишь? – И протянул руку.

– Да, это он.

Доклад мой был записан в общей тетради. Вынув из газеты, перелистал его. Затем, нажав на кнопку, вызвал секретаршу.

– Пусть Константин Семенович зайдет, – сказал директор, позвав заведующего отделом языка Константина Семеновича Шакрыл.

Вскоре он вошел в кабинет.

Познакомьтесь.

Константин Семенович также перелистал мою тетрадь, просматривая страницы.

– Можешь нам оставить свой доклад нам на два-три дня? – спросил Хухут Салуманович.

– Конечно, могу, – сказал я, заметно волнуясь. Подумал: «Бог его знает, что подумают, когда прочтут!»

Они оставили рукопись, обозначив срок встречи, отпустили меня.

В назначенный срок, волнуясь, перешагнул кабинет Хухута Салумановича. Он вновь позвал Константина Семеновича. Тот вошел в кабинет, держа в руках мой доклад.

– Товарищ, мы прочитали твой доклад, Константину Семеновичу, по его словам, понравился, и мне он показался неплохим, начало хорошее, поздравляю, – сказал Хухут Салуманович.

Я просиял. А до того сидел сам не свой от растерянности, боясь услышать что-то плохое.

– Только знаешь что? Неплохо и так, как сейчас, в сравнении двух языков, но для нас было бы лучше, если сделать отдельно о фразеологии абхазского языка. Если тебе нетрудно, сделай так, и добавь больше примеров. Тогда мы могли бы напечатать твою работу в наших «Трудах», – сказал Хухут Салуманович. Константин Семенович согласился с ним.

Взял тетрадь и вышел оттуда, чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Это было накануне летних каникул. За это время переделал доклад в статью на абхазском языке.

Когда принес ее Хухуту Салумановичу, он долго говорил со мной, интересовался дальнейшими планами.

Не скрывая, сказал, что хочу дальше учиться, если будет место, поступить в аспирантуру, испытать себя.

– Если у тебя есть такое желание, место мы тебе найдем, готовься, – сказал он при расставании.

Статью напечатали, пока я еще учился в аспирантуре.

В Тбилиси, несмотря на некоторые трудности, я смог туда поступить.

За неделю до окончания аспирантуры получил телеграмму за подписью Хухута Салуманович Бгажба: «С 1 декабря выходишь на работу (было это в 1959 году). Приходи в Абхазский институт, чтобы привести в порядок свои документы».

Так началась моя научная работа. И направил меня по этому пути наш великий Хухут».

* * *

Объектом научных и литературно-критических изысканий Хухута всегда становилось все, что было сказано и написано кем бы то ни было об истории Абхазии и духовной жизни абхазского народа. Он всегда интересовался и постоянно искал подобные материалы, обрабатывал их и публиковал очерки о них и их авторах. Здесь мне хотелось бы остановиться на одном из таких очерков. Это очерк о грузинском педагоге, писателе и общественном деятеле Я. С. Гогебашвили. По словам критика, документально подтвержденным, он приезжал в Абхазию в 1875 году, еще до последней, опустошившей почти всю Абхазию, волны махаджирства. В этом же году в газете «Дроэба» была напечатана статья Я. С. Гогебашвили «Сухум, 10 октября». В ней автор рисует образ города и его окрестностей, рассказывает о красоте природы, климате, воздухе и море, но отмечает, что город при этом достаточно сильно запущен, и подвержен вспышкам малярии: «Главный враг здоровью – сырость пустила здесь глубоко свои корни. Влажная земля пропитана сыростью, и является рассадником малярии…».[1] Тогда он находился в Абхазии продолжительное время, встречался со многими представителями абхазской интеллигенции, например, с Виктором Гарцкия, Фомой Эшба.

«В ряде своих педагогических работ и публицистических статей Я. Гогебашвили проявлял интерес к жизни абхазского народа, его истории, его культуре и национальному положению во второй половине XIX и начале XX веков», – писал Хухут Бгажба.[2]

---

[1] *Х.С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 27.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 26..*

Как отмечает критик, в своих статьях («Вопросы обучения на родном языке», «Относительно Абхазии», «Политиканство в Абхазии» и др.) Я. Гогебашвили становится в защиту интересов абхазского языка, выступает за первоначальное обучение в начальной школе и развитие литературы на абхазском языке. В своей статье «Некоторые вопросы об обучении на родном языке» (1878), критикуя русификаторскую политику царизма в сфере народного просвещения, он всецело защищал право грузинских, абхазских и осетинских детей обучаться на родном языке. «Оказывается, некоторые, – писал он, считают, что «первые элементарные знания» невозможно получить на абхазском языке. Но, если назовем вещи своими именами, тогда можем сказать, что эта мысль в высшей степени недобросовестна, ибо не существует и не может существовать такого человеческого языка, на котором нельзя было бы наладить первоначальное обучение, также, как нельзя представить себе такой человеческий язык, на котором нельзя было бы выразить простые, обычные мысли».[1]

В статье «Относительно Абхазии», опубликованной в газете «Закавказье» в 1907 году, Я. Гогебашвили возражал тем, кто недружелюбно относился к переводу религиозных книг на абхазский язык и к проведению богослужения на нем, считал, что раз абхазский язык-самостоятельный язык, значит, он имеет неоспоримое право на собственную письменность, литературу, богослужение. В статье же «О политиканстве в Абхазии» (1907), он вновь ставит вопросы, касающиеся помощи в развитии абхазской письменности и абхазских школ на родном языке. Есть еще ряд работ Я. Гогебашвили, в которых он затрагивает вопросы истории, географии, природы Абхазии, например, «Ключ к природе» («Бунебис кари», 1868), которые могут представлять интерес для специалистов – абхазоведов.

Однако, есть у него статья, которая стоит особняком, вызывает большие сомнения в искренности педагога Я. Гогебашвили. Я вообще считаю, что в ней отразились характерные черты всей грузинской интеллигенции в ее отношении к абхазскому народу.

Речь идет о статье «Кем заселить Абхазию», напечатанную в газете «Тифлисский вестник» (сентябрь–октябрь 1877 года, №№209, 210, 243, 244, 245, 246, 248, 249), в которой Я. Гогебашвили писал: «Нынешняя война между другими многочисленными последствиями, повлекла за собой и тот результат, что один из замечательных уголков нашей окраины вдруг сделался

[1] *Там же..*

совершенно безлюдным, будучи покинутым своими жителями. Мы говорим об Абхазии и ее жителях, оставивших свою родины и переселившихся в Турцию. Переселение это, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное: Абхазия никогда больше не увидит своих сынов. Обстоятельство это ставит на очередь вопрос, кем заселить страну, навсегда покинутую ее обитателями?».[1] Гогебашвили считал, что колонизация Абхазии может быть успешной лишь в случае переселения туда десятков тысяч мегрелов из Западной Грузии, не представителей других национальностей Российской империи: «Они (мегрелы – Р. К.) обнаруживают большую способность к торговым занятиям и коммерческим предприятиям, составляя в этом отношении исключение между всеми грузинскими племенами.

Они могут вполне воспользоваться удобствами приморского положения Абхазии для развития здесь торговой деятельности. Наконец, что касается до политической благонадежности, которая без сомнения будет иметься в виду при заселении этого важного приморского пункта, то ею мегрельцы, подобно всем грузинским племенам, обладают в такой степени, не остается желать ничего большего в этом отношении... Представляя со всех этих сторон наилучших колонизаторов Абхазии, мегрельцы явятся первыми заместителями выселившихся абхазов».[2]

Итак, педагог, писатель и общественный деятель, который радел за развитие абхазской письменности и образования вместо того, чтобы с болью воспринять трагедию народа, нейтрально говорит о беде, постигшей абхазов. Уехали мол. Лучше бы об этом вообще не говорил, умолчал, но он беспокоится, причем с государственной, якобы, точки зрения о том, кем будут заселены свободные земли, предлагает самое подходящее, по его мнению, грузинское племя. Но если бы только это!

Вот что пишет профессор С. З. Лакоба:

«Уже в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века на страницах грузинских периодических изданий появляются статьи, в которых видные представители интеллигенции Грузии призывают свой народ осваивать опустелые в результате махаджирства абхазские земли. В этих публикациях откровенно говорится, что только грузины – мегрелы, на правах соседнего абхазам народа имеют право на колонизацию территории Абхазии.

Не только Абхазия, – отмечали грузинские писатели, – весь Кавказ наш. В 1873 году Г. Церетели писал: «Весь Кавказ явля-

---

[1] *Цит. по «История Абхазии». Гудаута, 1993, с. 207 – Р. К.*

[2] *Там же.*

ется нашей землей, нашей страной. … следует мысленно представить, что наша нога стоит на нашей земле, что мы находимся в нашей стране. Поселимся ли в стране черкесов, хоть в Дагестане везде наша Родина». Церетели призывал грузин занимать все побережье Черного моря до Крыма, к которому «словно пиявки присосались чужеродцы: греки, татары, евреи и др.». Именно в этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а народу внушают мысль о его исключительной и особенной роли на Кавказе».[1]

Несомненный исторический факт, который приводит профессор С. З. Лакоба, показывает, что грузинская интеллигенция, а к ней всегда и везде прислушивается народ, которая громче всех говорила о нашем братстве, соседстве и любви друг к другу, многовековой дружбе, проливала «крокодиловы слезы» в самые трудные для абхазского народа времена. Причем, когда пришла беда и наших предков изгоняли за море, отрывали от исконной земли, на которой они проживали тысячелетиями. Понятно, что грузины были бессильны противостоять тогда политике, проводимой в Абхазии, русского государя и турецкого султана, но стремились при этом расширить свои территории за счет других. Да и в сталинские времена было также. Да, прав С. З. Лакоба, они не менее столетия (тайно или явно) воевали, чтобы завладеть Абхазией.

Статья Я. Гогебашвили, которого в Грузии считали, не знаю как сегодня, но думаю, до сих пор считают классиком педагогики, выдающимся общественным деятелем, великим деятелем, стала одной из основ для формирования грузинской националистической идеологии огрузинивания Абхазии.

Но не смогли победить Абхазию! И никогда не победят.

Мне неведомо, что на самом деле думал Я. Гогебашвили впоследствии, статья, может быть, по его мнению, унижала его честь и достоинство как педагога и общественного деятеля. Сказанное несправедливое слово, он унес это с собой в могилу – при его жизни эта статья ни разу не была опубликована, насколько я владею вопросом. Может, в конце он понял, насколько был несправедлив. Возможно, поэтому и старался своими дальнейшими статьями, посвященными Абхазии и абхазам, защитить абхазскую письменность и образование на родном языке, как бы загладить свою вину.

В 1952 году эту статью опубликовали на русском языке в Грузинской ССР в первом томе собрания сочинений. Я думаю,

---

[1] *Цит. по «История Абхазии». Гудаута, 1993, с. 207*

время выбрано было не случайно, – своеобразная идеологическая база под проводимую клевретами Берия политику огрузинивания абхазов.

В очерке Х. Бгажба отмечает, что в 1877 году была опубликована статья Я. Гогебашвили, посвященная вопросу о заселении опустевшей после махаджирства части территории Абхазии. В статье автор, смело выступая против антинародной колонизаторской политики царизма, вместе с тем, при решении вопроса о том кем заселить освободившиеся земли края, допускает некоторый односторонний подход, «придавая преувеличенное значение фактору географическо-климатических условий и иногда доходит до ошибочных заключений» (в кавычках цитируется примечание к статье в первом томе сочинений Я. Гогебашвили – Р. К.).

Как пишет по этому поводу акад. Г. Н. Джибладзе, «за исключением некоторых ошибок, допущенных особенно в статье, опубликованной в 1877 году – «Кем заселить Абхазию», Я. Гогебашвили занимал принципиально правильную позицию в вопросах, касающихся абхазского народа».

Очерк Хухута был опубликован впервые в 1983 году. Думаю, учитывая время, большего сказать о статье Я. Гогебашвили, не говоря уже о том, чтобы подвергнуть ее детальному разбору, было невозможно. Главное, что эта статья была отмечена, следовательно, для абхазоведов показано направление исследования, которое, кстати, блестяще осуществил в 1989 году С. З. Лакоба. Он ввел в научный оборот публикации грузинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков о том, «кем надо заселить Абхазию».

С другой стороны, когда со второй половины XIX века абхазский народ начал развивать собственную письменность и образование, выступления в печати такого известного деятеля, как Я. С. Гогебашвили, имели большое значение. Поэтому Хухут уделил им пристальное внимание.

В книге «Статьи и исследования» опубликованы, значимые для исследования истории нашей письменности и художественной литературы: «Первый абхазский алфавит и его значение», «Об абхазском письменном (литературном) языке».

В первой статье Хухут Бгажба уделяет внимание истории возникновения первого абхазского алфавита. В историческом экскурсе, сделанном им в связи с этой проблематикой, раскрывает многие факты из тяжелого жизненного прошлого абхазского народа. Немало страниц автор посвятил истории Абхазии с древнейших времен. О том времени, когда чужеземцы:

греки, римляне, персы, византийцы, арабы, генуэзцы, турки и другие стремились покорить Абхазию.

«Несмотря на тяжелейшие времена, будучи под властью эксплуататоров, вопреки силовому давлению «чужих непрошеных гостей», абхазский народ сохранил свое национальное лицо, сберег как собственную душу язык свой, традиции и устное народное творчество», – пишет Хухут Бгажба.

Творческий путь, пройденный нашим алфавитом, его зачинатели и их последователи – значительные страницы истории Абхазии. Потому академик и уделяет столько внимания всему, что имеет отношение к истории развития пути нашего алфавита и письменности, скрупулезно излагает факты и вводит в научный оборот исследованные и найденные им документы.

Что касается статьи «Об абхазском письменном (литературном) языке», то и в ней мы видим большую постоянную заботу ученого Хухута Бгажба о том, чтобы язык, на котором развивается наша художественная литература, одна из основ нашей духовной культуры, стал более чистым, ясным и емким. Он не раз печатал статьи, посвященные этой проблематике. Они вызывали дискуссии, обращали внимание и других ученых. Таким образом, помогали оживить и двигать дальше решение этого вопроса. В формировании абхазского литературного языка, в его развитии Хухут Бгажба придавал огромное значение установлению единых устоявшихся норм правописания. Он не был приверженцем постоянных изменений, не относился к тем, кто любил вводить новые правила. Вот что писал: «Абхазскую орфографию во многом затрудняют новые изменения правописания, к которому мы издавна привыкли:

1. Как мы видим из опубликованных текстов, ударение падает на «ы» в большинстве случаев, когда она стоит в конце слова: аҕуы – сердце, ахуы – горка, аҷуы – доска, ашәкуы – книга… Мы за редким исключением не пишем ы внутри слов, например, агур, амызгут, ахул, акуд, агула, агурҕьара, агуцкьара, агуҕра, агухь, ахулхра, ашәкуцхьара, амалаҷур, агулхра… Потому что, вероятно, трудно резко изменить правописание, к которому мы издавна привыкли.

2. Следование новому правилу приводит к нежелательным изменениям в написании фамилий и личных имен (топонимов). Например, как мы теперь пишем имена и фамилии, которые в паспортах вписаны следующим образом: Гулиа, Аргун, Гунба, Гублиа, Гургулиа, Кукуба, Хутаба, Гунда, Гугул, Гугу, Дыргун, Кунта, Кубта, Гуп, Мыркула, Мгудзырхуа… Их нужно теперь писать иначе – Гуылиа, Аргуын, Гуымба, Гуыблиа, Гургуылиа,

Кукуыба, Хуытаба, Гуында, Гуыгуыл, Гуыгу, Дыргуын, Куынта, Куыбта, Куыкуыл Гуып, Мыркуыла, Мгуыдзырхуа.

Точно также новое правописание искажает написание чужих топонимов, вошедших в абхазский язык, скажем: Куба, Гуриа, Курск и т.д. мы будем вынуждены писать следующим образом: Куыба, Гуыриа, Куырск…

3. Разделяет написание однокоренных слов:
   аҷкун – ҷкуынак
   агуы – агуышцы
   аҕуы – аҕура
   ахуыцра – амхуцра

4. Затрудняет разделение слова по слогам, ибо после букв гу, ҕу, ку, қу, ḱу, ху, если на них не падает ударение, мы не пишем букву ы, скажем, а-гублаа, а-хур-бҕьыц, ам-гур-ха, хулца-зы. Если следовать правилам, то и здесь нужно было бы писать букву ы, так как она служит лабиализацией. Тогда нам пришлось бы писать: ам-гуыр-ха, агуыблаа, а-хуы-бҕьыц, хуылца-зы.. Но тогда гласное ы может нас окончательно опутать, и, боюсь, что мы не сможем его обуздать. К тому же, неожиданно появляющаяся и также пропадающая буква ы может еще больше затруднить наше правописание.

Выше сказанное мной еще раз убеждает нас в том, что следование правилам, установленным издавна, а именно не написание буквы ы (независимо от того, падает на нее ударение или нет), является наиболее приемлемым, удобным и содействующим процессу развития языка.

Это немаловажный вопрос. Как можно скорее нужно его решить. Иное дело, понятно, что если мы г, ҕ, к, қ, ḱ, х писали бы с со знаком огубления «ә», то после гә, ҕә, кә, қә, хә для обозначения ударного слога пришлось бы писать букву ы. У нас должно быть общее для всех установленное единое правило».[1]

И на сегодняшний день абхазская орфография окончательно не установлена, говоря иначе, официально узаконенная абхазская орфография не может в полной мере удовлетворить потребности нашего языка, во многом требует усовершенствования.

* * *

Жизнь и творчество народного просветителя, государственного и общественного деятеля Андрея Максимовича Чочуа неразрывно связана с историей, культурой, бытом и просвещением абхазского народа. И сегодня деятельность этого великого просветителя народа не исследована в полной мере. Особенно

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 47–48.*

требуют тщательного изучения его литературное и педагогическое наследие. О серьезном вкладе Андрея Чочуа в развитие абхазской культуры и образования свидетельствует собрание его сочинений в трех томах, вышедшее в свет в Сухуме (1968, 1969, 1976). Первый и второй тома были составлены Хухутом Бгажба. Третий составили дочь Андрея Чочуа Т. А. Чочуа, В. В. Дарсалиа, Х. С. Бгажба. Предисловие написал профессор Г. А. Дзидзария.

Безусловно, собрать и издать педагогическое и литературное наследие А. М. Чочуа, было делом не из легких. Оно требовало неустанного труда, тщательных поисков и изучения. Нужно было достойно, с уважением представить читателю имя просветителя.

Как много нам может сказать столь значительная его переписка с великими учеными Н. Марром, Н. Морозовым, В. Филатовым, Н. Мусхелишвили, А. Фадеевым, С. Джанашиа в 20-30-г годах по вопросам абхазоведения и просвещения в Абхазии! Не включаю сюда статьи, опубликованные на страницах газет в связи с юбилейными народного просветителя. Несомненно, как бы хорошо ни были написаны, они не могли в полной мере раскрыть заслуги А. М. Чочуа в деле развития образования и просветительства абхазского народа.

Неоднократно слышал от Хухута Бгажба, что он хочет написать книгу о А. М. Чочуа. Он очень переживал, что по разным причинам работа эта остается невыполненной:

«Только одно утешает, – говорил он, – хотя я и не смог написать книгу об этом светлом и чистом человеке, посвятившем всю свою жизнь культуре и просвещению своего народа, сумел все же, стряхнув архивную пыль с его духовного наследия, издать его отдельной книгой, чтобы наши читатели могли с ним ознакомиться воочию. Это было вовсе нелегким делом, возможно, было бы легче написать самому о нем книгу. К тому же его произведения были изданы на основе разных абхазских алфавитов. (Удивительно, что нас история мало чему учит: и сейчас находятся люди, жаждущие вновь изменить наш абхазский алфавит! А сколько труда стоило, привести наш букварь к нынешнему алфавиту знают лишь те, кто корпел годами над этим делом).

В этом деле, безусловно, мне помогало то, что я хорошо знал А. М. Чочуа, что мы с ним прожили вместе, были одной семьей, относились друг к другу, как отец и сын. Но обстоятельства жизни не дали мне возможности осуществить задуманное. Хотя кто из смертных сумел воплотить в жизнь все свои мечты».

В очерке «Народный учитель, детский писатель», опублико-

ванной в книге «Статьи и заметки», Хухут Бгажба, используя новые архивные документы, анализирует педагогические работы А. М. Чочуа, его творчество как детского писателя, приводит неизвестных страницы его биографии. Все эти три компонента превращает очерк в серьезный научный труд, а также в новое, еще никем не сказанное слово о народном просветителе, приуроченное к его столетнему юбилею.

В статье Хухута Бгажба мы видим А. М. Чочуа с ранних лет способным, жаждущим знаний, целеустремленным. Но сколько трудностей пришлось ему пережить, пройти извилистых дорог до того, как в 1905 году сумел окончить Тбилисский педагогический институт и получить профессию учителя математики – обо всем этом достаточно емко говорится в статье.

В то время среди абхазов, имевших высшее педагогическое образование были единицы. В Сухумском городском училище А. Чочуа начал работать с 1 сентября 1905 года: «Здесь он обучал математике, географии, природе и истории. Также по совместительству он работал в Сухумском реальном училище. Здесь он обучал студентов абхазскому языку и краеведению. Тогда еще не было по этим предметам ни программы, ни одного учебника на абхазском языке. Вскоре А. М. Чочуа составил оба этих учебника. Ученики пользовались составленным им абхазским букварем, еще до того как он вышел в свет печатно», – писал Хухут Бгажба.

Критик широко исследует многогранную деятельность А. М. Чочуа с 1905 года до установления Советской власти в Абхазии, а также и после на ниве народного просвещения, в создании и составлении учебников и программ. Он так убедительно раскрывает вклад А. Чочуа в развитие абхазского просвещения, что читатель не может не задаться вопросом: как мог один человек осилить столько работы.

Кроме того, Хухут Бгажба (если не говорить о диссертации кандидата филологических наук, доцента Д. С. Аджинджал) впервые исследует художественные произведения и переводы А. М. Чочуа для детей. Как справедливо заметил наш великий ученый Г. А. Дзидзария, «только по этой маленькой книге[1] мы можем убедиться, что А. Чочуа достоин звания замечательного абхазского детского писателя». Критик отмечает, что созданное А.Чочуа для детей помимо букваря оказало большое содействие делу становления и развития абхазской детской литературы:

«В предисловии к книге, о которой идет речь, автор пишет, что «собранные в этой книге рассказы и басни дети должны

[1] *Имеется в виду книга А. М. Чочуа «Рассказы для детей».*

читать, чтобы лучше учиться, воспитывать в себе характер и дисциплину и получить понятие о человечности, чести и т.д.». Таким образом, он поднимал важную для нашего народа проблему – нравственное воспитание наших детей».[1]

Хухут Бгажба говорит о том, что произведения А. М. Чочуа близки к устному народному творчеству абхазов, по языку и народному говору – он достаточно широко использовал в своем творчестве народные сказания, традиции и поговорки. В подтверждение своего мнения критик приводит слова ученого Сергеем Зухба: «В произведениях, созданных им и в переводах мы видим А. М. Чочуа, как прекрасного знатока силы художественного слова. В его творчестве отразилась искренняя любовь к родному абхазскому народу и Абхазии, желание служить ему… великолепное знание мира и психологии детей. И его оригинальные произведения, равно как и переводы написаны чистым, ясным языком… Сюжеты его рассказов просты и коротки, сделаны так, чтобы оживить ребенка, расширить его кругозор. С точки зрения стиля, они близки к народному говору, напоминают стиль абхазских народных бытовых сказок».[2]

Хухут Бгажба, приводя факты, утверждает, что А. М. Чочуа всерьез думал об обучении абхазскому языку тех, кто не владел им (особенно их детей), даже лично помогал людям других национальностей в его изучении. Для этого в 1926 году он выпустил в свет книгу под названием: «Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков». Вот что писал А. Чочуа: «Этот самоучитель появился, благодаря тому, что в некоторых сухумских школах я обучал абхазскому языку учеников, не владеющих им. Решив помочь людям, желающих изучить русский, абхазский и грузинский языки, я издал эту книгу».[3]

«И во времена Советской власти, в 20–30-е годы он активно трудился во благо развития абхазской культуры, и немало успел сделать. А. М. Чочуа занимался широкой общественной и государственной деятельностью: в одно время был заместителем Наркома просвещения, а позже – с 1925 по 1931 год возглавлял наркомат. В 30-е годы он был директором Всесоюзного института субтропических культур (до 1937 года), а также директором Сухумского государственного педагогического института (временно). С 1938 года стал директором Абхазского института языка, литературы и истории (ныне имени Д. Гулиа).

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 76–77.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 77.*

[3] *Там же.*

После он еще десять лет был председателем Президиума Верховного Совета»,[1] – писал Хухут Бгажба.

Свою статью ученый завершает так: «До сегодняшнего дня никто обстоятельно не анализировал, не исследовал педагогическое наследие А. Чочуа, включая туда и спрятанные в архивах материалы. Никто еще не оценил по достоинству созданные им учебники для абхазских школ.

Это, безусловно, недопустимо, нельзя оставлять без внимания эти факты, ибо А.Чочуа навсегда вписал свое имя в историю развития нашей национальной культуры своими первыми абхазскими учебниками, как детский писатель и ценным, плодотворным педагогическим наследием».[2]

Неслучайно, когда «грузинские демократы» напали на нас 14 августа 1992 года, они, оккупировав нашу столицу, из автоматов расстреливали памятник одному из славных сыновей Абхазии А. М. Чочуа, он стоял со следами 30-ти пуль, являясь символом звериного лица грузинского фашизма. В 2007 году памятник отреставрировали

Да, «борцы за территориальную целостность Грузии» всегда не только ненавистны деятели, но и даже памятники борцам за развитие духовной культуры народа, который они хотят уничтожить. Об этом свидетельствуют расстрелянные нашими врагами памятники Дмитрию Гулиа, Ефрему Эшба и Андрею Чочуа. Случайно остался цел памятник главе Абхазии Нестору Лакоба у входа в Ботанический сад.

* * *

Часто думаю, если бы не своевременные усилия Хухута Бгажба, возможно, имена многих наших деятелей науки и культуры остались неизвестными сегодняшней молодежи. А ведь для полного и всестороннего развития духовной культуры нации и личности абхаза необходимо, чтобы все, связанное с национальной культурой, было собрано воедино.

Огромный вклад в развитие абхазской культуры и письменности внесли, незнакомые поколению читателей 80-х годов прошлого века, Симон Бжания, Дмитрий Маан, Антон Чукбар и Нестор Таркил. Литературное наследие этих славных сынов Абхазии небольшое. Все, что было ими написано, разбросано в периодической печати разных лет. Найти и собрать было нелегко. Да и то, что сохранилось в архивах (в Абхазском государ-

[1] *Там же, с. 78.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 78.*

ственном и Абхазском институте) могло бесследно исчезнуть в огне во время Отечественной войны народа Абхазии, если бы, к счастью, Хухут Бгажба не успел раньше собрать и издать.

Произведения Симона Бжания увидели свет в Сухуме в 1990 году, они были составлены поэтом Энвером Ажиба (Ажьиба) и Хухутом Бгажба. Тогда многие впервые узнали о С. Т. Бжания. Послесловие, созданное на базе очерка в к книге написал Хухут. Он подробно рассказал о многосторонней работе и творчестве деятеля абхазской культуры Симона Бжания: «До сих пор недостаточно изучены нами жизнь и творчество некоторых абхазских деятелей, которые в первое десятилетие после установления Советской власти в Абхазии активно включились в дело развития национальной культуры и литературы. На мой взгляд, это – несправедливое упущение. Мы знаем (если и не досконально) о деятельности Д. Гулиа, С. Чанба, А. Чочуа того периода. Но ведь они не были одиноки, были люди, единомышленники, которые работали вместе с ними. Одним из тех людей, который стоял рядом с лидерами и творил во время восхода абхазской социалистической культуры был и Симон Бжания».[1]

Извлеченные из архивов и исследованные ученым материалы показывают, что Симон Бжания активно и успешно трудился на ниве творчества, развития абхазской культуры в 20-е годы (частично и в начале 30-х годов). Но в дальнейшем его деятельность приобретает иное направление: связано с экономическими и хозяйственными вопросами. И то обстоятельство, что С. Бжания с тех пор как оставил занятия театром и драматургией, перестал писать, по мнению Хухута Бгажба, в наше время трудно уже объяснить. Но критик подчеркивает его вклад именно в развитие абхазской культуры, не принижая его заслуг в иных областях, ибо у Симона Бжания большие заслуги в деле подъема народного хозяйства в послереволюционной Абхазии.

Хухут Бгажба кратко описывает биографию. Симон Бжания родился в селе Тамыш Кодорского участка. Отец его Тимофей (Тахуц (Тахәыц)) был крепким крестьянином. Три его сына – Александр, Симон и Виктор с самого детства были приучены к труду. Семья эта чтила традиции. Отец помог сыновьям получить высшее образование, и все они стали полезными для общества людьми.

Критиком показан многогранный жизненный и трудовой путь С. Бжания. Во время учебы в Тбилисском политехническом институте (1921–1925), он одновременно работал в Тбилисском Абхазском детском доме. Когда закрыли этот дом,

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 79.*

основанный Ниной Фамовной Чачба, его освободили от работы, отдав в руки документ следующего содержания: «Товарищ С. Т. Бжания работал учителем абхазского языка в Абхазском детском доме с июля 1923 года по июль 1924 года с энтузиазмом, не прервав ни разу учебный процесс, вдумчиво. Перед учениками показал себя примерным учителем.

Благодаря активности, искренней отзывчивости к работе, он снискал уважение, как учеников, так и среди коллег – учителей. Учитывая выше изложенное, мы считаем тов. Бжания превосходным работником. Товарищ Бжания энергичен, чист, умеет хорошо работать, и мы убеждены, что он способен показать себя наилучшим образом на любой должности».[1]

С. Бжания, окончив институт (1925) приехал в Абхазию, и занимал в разное время ответственные должности. Автор пишет о личностных качествах С. Бжания, его знаниях, раскрывающих и дополняющих образ этого человека. Вернувшись в Абхазию в 1925 году, Симон Бжания, до 1931 года, преподавал абхазский язык в Сухумском педагогическом техникуме. С 1925 по 1927 годы он по совместительству с педагогической деятельностью работал заместителем редактора в газете «Апсны капш». Вот что о нем пишет Хухут Бгажба: «Редактор – С. Чанба был очень занятым человеком, так как он одновременно являлся Председателем ЦИК Абхазии. Безусловно, основную тяжесть работы в газете брал на себя Симон Бжания. В это время он публикует статьи, в большинстве своем посвященные народному хозяйству. В них он раскрывается как одаренный, способный журналист».[2]

Ученый отмечает, что, хотя работы у Симона Бжания и в педагогическом техникуме было немало, он не только обучал студентов абхазскому языку, но и воспитывал, прививал любовь к труду, чистоту, верность, любовь к Родине и другие человеческие качества.

«С. Бжания заботился о своих учениках, с большим тактом воспитывал, готовил их по специальностям народного хозяйства. Особенно старался, чтобы полученные теоретические знания они могли в дальнейшем применять на практике. Учащихся техникума особо привлекал к предмету труда: они на плантации проходили все дисциплины по субтропическому хозяйству (к примеру, как возделывать цитрусовые и фруктовые деревья и т.д.).

Он своим энтузиазмом вдохновлял всех, кто работал рядом

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 82–83.*

[2] *Там же, с. 83.*

с ним, умел помочь преодолевать все трудности и преграды и добиться успехов. Он не повышал голос, не обижал никого, но умел спокойно и разумно объяснить людям о необходимости свершения дела, которое им поручено. Его глубоко уважали за эти несомненно лидерские, и вместе с тем человеческие качества, за его открытость и доверчивость и разумность», – писал Хухут Бгажба.[1]

Критик не забывает и о том, что в 20-е годы имя Симона Бжания связано и с возникновением абхазского театра и абхазской драматургии. Вот что писал сам Симон Бжания в 1954 году: «Я не артист, но в одно время принимал участие в первых спектаклях абхазской труппы. Это было в годы самого начала становления дальнейшего абхазского национального театра».[2]

С. Бжания участвовал также в передвижной абхазской театральной труппе, организованной под руководством Д. И. Гулиа в 1921 году. Свою «первую пьесу под названием «Освободившийся Кучита (Кәҷыта)» он написал в Тбилиси в 1921 году, затем там же, в 1922 году поставил в Абхазском детском доме. Во время постановки присутствовали: Н. Лакоба, А. Агрба, М. Орахелашвили, а также абхазские студенты. «Зрители хорошо восприняли постановку, и пьеса им понравилась».[3]

И после этого молодой драматург не оставляет театральное дело. В 1928 году в Сухумском государственном театре открыли абхазский сектор (до этого абхазская труппа не имела никакого пристанища). С тех пор в театре стали ставить пьесы на абхазском языке. В тот период абхазский драматический коллектив возглавлял С. Бжания, а художественным руководителем был В. Гаррик.

С. Бжания до 1932 года был связан с театром и оказал существенную помощь в развитии абхазского театра, одновременно выполнял работу и администратора, и актера, и драматурга. Возглавлял он абхазский коллектив три года в самый трудный период, когда национальный театр делал свои первые шаги.

«С. Бжания написал три пьесы: комедию в одном действии «Студент в юбке» (1924); драму в одном действии «Свободный Кучита» (1921); пьесу в одном действии «В одном красивом уголке мира» (1924). Он перевел две пьесы: комедию в одном действии по мотивам произведения А. Бочоришвили «Иван дурак» (1925) и драму Лазарева в одном действии «Мишень» (1928).

«Две из перечисленных нами пьес, а именно – «Свободный

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 84–85.*

[2] *Там же, с. 85.*

[3] *Там же.*

Кучита» и «Мишень» были изданы отдельной книгой Академией абхазского языка и литературы в 1928 году, а остальные остались в рукописном варианте в личных бумагах С. Бжания», – отмечает в своей статье Хухут Бгажба.[1]

Критик анализирует оригинальные пьесы автора, он считает, что они интересны как для читателя, так и для зрителя. «Студент в юбке» написана в форме легкого, жизнерадостного водевиля с бытовым смыслом, диалоги в ней составлены весело и интересно. Ее можно считать и первым абхазским водевилем».[2]

Пьесу С. Бжания «Свободный Кучита», как отмечает критик, в 20-е годы ставили не раз, большей частью в селах, силами самодеятельных драматических кружков: «Я помню, что в 1930 году сельский драматический кружок, участником которого был я сам, поставил эту пьесу в Гупе и Ткуарчале. Зрители с большим удовольствием воспринимали спектакль. Я исполнял в нем роль Асланбека», – вспоминал Хухут Бгажба.[3]

Когда пьеса была издана в 1928 году, большую рецензию на нее написал М. Хашба (газета «Апсны капш» №/№22, 23, 1928). В ней автор подробно разбирает пьесу С. Бжания, пишет о ее достоинствах и недостатках.

Много позже место пьесы в истории абхазской драматургии, как отмечает Хухут Бгажба, правильно определил абхазский литературовед Владимир Дарсалиа: «Бросается в глаза агитационный характер этой пьесы, к тому же она сделана слишком быстро, сконструирована как бы впопыхах… Но, несмотря на это, автор вывел на сцену явления, характерные для своего времени. Такими являются созданные им образы врагов революции – попа и князя, самодовольный, презирающий местное население меньшевистский офицер. А также образы представителей абхазского крестьянства, подавленные своей тяжелой участью, подпольная борьба большевиков – все это и многое другое отражает в пьесе разные стороны той жизни.

Особо нужно отметить выведенный в пьесе главный образ большевика Кучиты. В сравнении с образами большевиков из пьесы С. Чанба «Апсны-Ханум» – Астамура и Картвелишвили – образ Кучиты создан более жизненным, полнокровным. Помимо словесного противостояния и баталий, автор показывает Кучиту в деле (например, Кучита с друзьями противодействует меньшевикам в создании отрядов из местных крестьян, наобо-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 86–87*

[2] *Там же, с. 87.*

[3] *Там же, с. 88.*

рот, они выступают, чтобы помочь большевикам, сражавшимся на берегу Кодора и т.д.). Как отмечали выше, автор ставит тему революции, не выводя ее за рамки быта, жизненной ситуации. Возможно, в конце пьесы видна некоторая поспешность, она завершается в плакатном, лозунговом стиле (большевики выходят на сцену с поднятым красным флагом, распевая Интернационал), но это было традицией того времени – так завершались тогда все историко-революционные пьесы. Это было не только в абхазской драматургии».[1]

Хухут Бгажба анализирует и другие пьесы Симона Бжания, а также актуальные по своему содержанию публицистические статьи С. Бжания о литературе, периодической печати, книгоиздательстве, поднятии отсталой в то время культуры крестьян и т.д. Критик отмечает, что в этом публицистическом жанре он проявил себя талантливым журналистом, способным откликнуться на жизненные проблемы, которые ставило новое время. Рассмотрим несколько примеров, приведенных Х. Бгажба. Это поможет нам лучше узнать о Симоне Бжания, о котором, повторюсь, до 1990 года[2] несколько последних поколений абхазов не знало ровным счетом ничего. И казалось, что архивная пыль укрыла его от нас навсегда.

«В статье под названием «Писатели абхазской литературы» Симон Бжания пишет: «Как в абхазской поговорке, «наверху небо, внизу земля» – так мы смотрим на товарищей С. Чанба, А. Чочуа, Д. Гулиа и других, работающих с самого начала, мол, что они еще нам дадут? Но мы даже не знаем, как относиться к тому, кто пишет, не умеем уважать и ценить, если что и напишет он на абхазском языке, невозможно издать, да и за труд свой ничего не получит». Помимо художественной литературы, на абхазском языке должны издаваться «учебники без всякого отставания, то, что должен ученик проходить в школе, географию, историю, книги о хозяйстве, о медицине… Только тогда наша страна станет культурной, ибо когда абхазский крестьянин на своем родном языке услышит о том, как нужно обрабатывать землю, сажать дерево, возделывать сад, разводить скот, заниматься пчеловодством, ухаживать за больным, когда он будет вести сознательный счет своим доходам и расходам, знать им цену – тогда он и будет называться «культурным кре-

---

[1] *В. В. Дарсалиа. Абхазская советская драматургия. Тбилиси, 1968, с. 56–58.*

[2] *Только тогда вышла книга произведений Симона Бжания, составленная Хухутом Бгажба и Эвером Ажиба. – Р. К.*

стьянином» и ни за какие коврижки он не пойдет к гадалке и предсказателю, а пойдет сразу к врачу».[1]

«В хорошее время, когда каждая нация свободна и самостоятельно управляет своим государством, мы тоже должны помочь себе, двигаться вперед, заложив основу, усилив образованием свою историю и письменность, улучшив свой быт. Иначе ничего из нас не получится, сколько бы нам не дали хорошего».[2]

С. Бжания видел, как в растет число молодежи, заинтересованной в развитии собственной культуры: «Благодаря наступившему времени, у нас (по сравнению с предыдущими годами) становится больше молодых людей, способных работать от всей души на благо нашей национальной культуры, если им найдется место, много тех, кто готов писать, издаваться, посвятить всю свою жизнь писательскому делу. Но куда им деть свои рукописи, где издаваться, когда у нас до сих пор нет государственного издательства. Даже нашу маленькую абхазскую газету в год десять раз закрывают, не могу понять, что за беда».[3]

Хухут Бгажба отмечает, что Симон Бжания не раз справедливо выступал на страницах газеты с предложением о создании абхазского государственного книгоиздательства, считая этот вопрос «одним из самых необходимых». С. Бжания ратовал: «Как я уже писал раньше, все это (наши отсталости) происходит из-за отсутствия Госиздата, без него мы не сможем продвинуться дальше. Мы должны иметь государственное учреждение, которое за свой счет может издавать книги на абхазском языке… Абхазы непременно должны получить Госиздат, и этого должно добиться правительство Абхазии. Без этого в Абхазии никогда не будет литературы и культуры… Что с нами, с абхазами случилось такое, что ныне у нас в книжных магазинах днем с огнем не найдешь ни одной современной книги на абхазском языке. Так мы представляем свою историю?».[4]

Эти примеры красноречиво говорят, насколько искренне и с энтузиазмом работал этот человек, чтобы абхазская культура развивалась многосторонне. Имевшиеся недостатки и отсталости он переживал глубоко. Это хорошо видно в его статьях, напечатанных во время работы в заместителем редактора газеты «Апсны капш», особенно в статье «Дадраа (уважительное обращение к народу – Р. К.), абхазы!», опубликованной в номере за 4 апреля 1926 года:

---

[1]Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 90.

[2]Там же, с. 91.

[3]Там же.

[4] Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 91.

«Любой, на кого ни посмотришь, спешит купить газету, чтобы прочитать ее: русские стремятся к своей русской газете, грузины – к грузинской газете, армяне – тоже хотят свою; все они покупают свои газеты, если даже нет больше ни копейки, обделив себя в еде. Так что же случилось с нами, абхазами, почему мы оказались самыми скаредными людьми, что жалеем денег, чтобы купить свою абхазскую газету, неужели так мало ценим, не любим и не уважаем свой язык? Вот уже 5 лет, как выходит в свет наша абхазская газета, но за редким исключением, пока ни один абхазец не вложил ни копейки в помощь нашей газете. Стыдно должно быть, так ли помогают своей нации? В месяц наша газета стоит половину рубля это всего лишь пачка папирос. Так что же, за такую малость – всего лишь пачку папирос мы не обращаем внимания на свой язык? Нет, Дадраа, так не годится…, не скупитесь, вкладывайте свои полрубля в нашу абхазскую газету. Эти ваши копейки вдохнут в нее силу, дадут ей имя, почет и уважение. Таким же почетом и уважением будет пользоваться и абхазский язык, который станет равным другим языкам нашей страны. Иначе, знайте, что если вы отвернетесь с пренебрежением от своего родного языка, другим и подавно будет на него наплевать. Если же вы искренне востребуете свой язык – он и станет полезным».[1]

Симон Бжания думал и стремился не только к возрождению духовной культуры абхазского народа, он не раз подчеркивал неразрывную связь ее развития с подъемом народного хозяйства, улучшением экономического состояния. Статьи С. Бжания об обучении родному языку, «Нестор Лакоба», «Памяти Иуа Когониа», его рецензии на книги С. Чанба и С. Басариа «Изучение своей родины» и «О географии Абхазии», по оценке Х. Бгажба, как нельзя лучше раскрывают способность автора кратко и емко выразить основную мысль, показывают, что место этих выдающихся личностей в исторической жизни абхазского народа навсегда останется живым и юным, как и они сами.

Критик выделил и статьи и книги С. Бжания по сельском хозяйстве. «Все они за редким исключением, – пишет Хухут Бгажба, – увидели свет в 20-е годы (или в начале 30-х годов). О работах, посвященных сельскому хозяйству, подробно и лучше может писать сведущий, в этой области человек. Однако здесь я считаю нужным отметить то, что нельзя упустить – Симон Бжания был агрономом, отлично знавшим садоводство и огородничество. К тому же он оставил нам научно обоснованные

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 91–92.*

и написанные на прекрасном абхазском языке первые книги и статьи. Одно только это является немалым вкладом в абхазскую культуру».[1]

Вышедшая в свет в 1930 году книга Симона Бжания «Возделывание фруктовых деревьев» получила большое практическое значение. Ее высоко оценили и ученые. Вот что об этом писал профессор Т. К. Кварацхелия: «Больше всего, нужно приветствовать издание книг о сельском хозяйстве, точно также и произведение С. Т. Бжания, вышедшее на абхазском языке… Это много значит, имеет большую пользу…

Книга С. Т. Бжания написана хорошо, «она написана применительно к условиям Абхазии, с использованием новейшей литературы о садоводстве. Потому может иметь применение в качестве учебного пособия и рекомендаций в техникумах, колхозных молодежных школах, избах-читальнях, а также как практическая литература для абхазского народа в деле возделывания фруктов и развития садоводства в целом».[2]

В предисловии к своей книге «Практическое огородничество на Причерноморских Закавказских землях» (1930) С. Бжания писал: «Ныне, на сегодняшний день нет абхазского специалиста, обладающего большой практикой в деле огородничества и способного для трудового абхазского народа написать книгу об огородничестве. Такого человека мы не видим. В дальнейшем найдутся такие специалисты по огородничеству, способные писать книги, немало молодежи учится этому делу в высших школах. Поэтому, чтобы сегодняшний трудовой народ не остался без специальной литературы об огородничестве Народный комиссариат Абхазии по образованию и Академия абхазского языка и литературы поручили мне в 1930 году собрать материалы и написать книгу об огородничестве».[3]

Таким образом, подчеркивает Х. Бгажба абхазский крестьянин получил выгодную для себя книгу об огородничестве, написанную впервые на понятном и доступном абхазском языке, имевшую большую практическую пользу.

В 1932 году вышла вторая книга Симона Бжания «Приведем в порядок необрезанные (неочищенные) наши сады», Х. Бгажба о ней пишет:

«До сих пор на абхазском языке мы не имеем работ, равных книгам Симона Бжания, посвященным садоводству и огородничеству. (Здесь наравне с ними можно упомянуть о работе Фамы

---

[1] *Там же, с. 96.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 96.*

[3] *Там же, с. 97.*

(Липы) Хашба «О выращивании ореховых деревьев», 1958). К тому же, нужно отметить еще и то, что эти книги написаны просто, чтобы было понятно каждому, кто умеет читать и писать и смог применить на практике. Автор дополняет свой рассказ картинками и картами, словом всем, что необходимо».[1]

Помимо перечисленных книг, согласно исследованию Х. Бгажба, в 20-е годы Симон Бжания опубликовал на страницах газеты «Апсны капш» не менее 30-ти статей, посвященных вопросам плодоводческого хозяйства. Все они, несомненно, имели практическое значение. На мой взгляд, было бы лучше, если они были опубликованы в «Произведениях» С. Бжания, в которые вошли только одна – две статьи по этой тематике. Во-первых, они и сегодня не потеряли для крестьянина свое практическое значение, а во-вторых, книга получилась бы более наполненной и содержательной.

«Важно, когда человек любит и искренне интересуется той работой, которой он занимается. Таким был по своему характеру Симон. Он душой любил садоводство, относился к этому делу бережно, можно смело сказать, что он был истинным энтузиастом этого дела. Сад, фрукты, дерево – он воспринимал как живых, требующих внимательной и заботливой руки человека», – пишет Хухут Бгажба. Далее добавляет: «С. Бжания душой болел за то, чтобы у абхазов «дела шли лучше, жизнь была слаще, слава их распространилась по всему миру, чтобы Абхазия стала «второй Швейцарией». Пока он был жив, всей душой старался помочь неуклонному развитию абхазской культуры, заметному подъему хозяйства Абхазии. Этой работе он отдал немало и собственных сил и энергии с помощью своих книг и своей работы.

Этим он связал свое имя с историей абхазской культуры и его нельзя забыть».[2]

* * *

В книге «Статьи и исследования» опубликована исследовательская работа о жизни и творчестве протоиерея и просветителя Дмитрия Маан. В ней впервые критик подробно пишет о его вкладе в культурную жизнь нашей страны, говорит о той роли, которую он в ней занимает. Действительно, никому из современных читателей до этого не было известно о Дмитрии Маане, его имя было забыто. Архивной пылью покрылось все, что им написано. Правда, безвестность была результатом ком-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 98.*

[2] *Там же, с. 99 – 100.*

мунистической идеологии, где не было места религии. Многие церкви уничтожили или закрыли.

Дмитрий Маан разделил трагическую судьбу многих служителей храма. Однако у него была и другая профессия. Он был еще и просветителем, крупным педагогом, интересовался проблемами абхазской культуры. Об этом открыто говорил в полных патриотизма публицистических статьях, имевших общественное значение.

Благодаря Хухуту Бгажба наследие этого просветителя открылось читателям. И Дмитрия Маан вошел в национальную духовную культуру.

Х. Бгажба в 1999 году издал произведения Дмитрия Маан отдельной книгой в издательстве «Алашара». Она называется – «Дмитрий Маан. Протоиерей – просветитель». В ней статьи и рапорты, написанные на русском и абхазском языках. Собрать вошедшие в книгу материалы, было нелегко, так как они были в свое время опубликованы в разных журналах, газетах и сборниках, выходивших в свет в Тбилиси и Сухуме, Но Хухут Бгажба, невзирая на преклонный возраст, все же стремился к тому, чтобы донести до абхазского читателя наследие Дмитрия Маан. Он хотел, чтобы мы знали о человеке, который в очень непростое для нашего народа время, помогал мудрым советом, звал к свету, предостерегал от черных дел, говорил о необходимости объединения сил ради сохранения нации. Эти статьи опубликованы в журнале «Сотрудник закавказской миссии» (№23, 1912), в учебнике «Абхазская книга для абхазских школ» (Тбилиси, 1908, Д. Т. Маан. «Тому, кто себе помогает, поможет и Бог – Чесотка. Оспа. Холера. Тбилиси, 1910), в газете «Апсны», №1, 1921), в газете «Апсны капш» (№13, 1926), в газете «Апсны капш» (№№9,10, 1926), в газете «Апсны капш» (№3, 28 марта, 1928), в газете «Апсны» (№25, 1919), в газете «Апсны» (№29, 1919) – воистину бесценное наследие.

Слова Дмитрия Маан заставляют и сегодня глубоко задуматься:

«Не столь была бы опасна для нашего народа малочисленность, если не наша извечная, хроническая болезнь, способная погубить нас – неспособность объединиться и слушать друг друга и недоверие друг к другу. Ведь нельзя же народу, который извечно не способен помочь себе, пожелать, чтобы им помог Всевышний! Действительно, странен характер нашего народа. Правда, у каждого народа есть свои недостатки, но среди нас много тех, кто, будучи внутренне негодными, делают все на свою беду, собственную погибель: воровства, зависти, наушни-

чества, и предательства стало много внутри нас и это не дает нам развиваться дальше. Мы должны знать, что если не перестанем творить черные дела, не очистимся внутренне и не встанем все, как один за общее праведное дело, доверяя друг другу, как себе, думаю, что все наши святилища – Елырныха (Елырныха), Лыхныха (Лыхныха) и Аныпсныха (Аныцсныха) о которых говорит Патеипа, даже не посмотрят в нашу сторону».[1]

Дмитрий Маан печатался на страницах газеты «Апсны (1919–1920)», в русскоязычных газетах, журналах и сборниках. К великому сожалению, его статьи не были известны нашему читателю до 1999 года, их не знали и не читали, а если говорить правду, было много и тех, кто никогда не слышал его имени. Только благодаря нашему великому ученому, академику, недавно ушедшему от нас Хухуту Бгажба, он вошел в нашу культурную и духовную жизнь, стал понятным и близким. В предисловии Х. Бгажба написанном на русском, и в послесловие – на абхазском языках мы отчетливо видим жизненный и творческий путь просветителя. Небольшая по объему, эта книжка способна незаметно встряхнуть от дремы даже самого толстокожего человека, и, конечно же, воспламенить того, кому не чужды патриотические чувства, подвигнуть его к борьбе за лучшую долю своего народа. Кстати, кажется удивительным, что об этой книге до сих пор ничего не сказано нашими критиками. Разве не достойны теплого, сердечного слова и автор и составитель?

Дмитрия Маан Хухут Бгажба совершенно справедливо называет просветителем. В статьях, написанных на русском и абхазском языках, он. главным образом, затрагивает острые и судьбоносные вопросы свободы и независимости нашего народа, его образования и развития, стремится найти пути для практического использования знаний в жизни народа, пишет о необходимости объединения его внутренних сил. Пишет о том, что только тогда народ сможет победить в себе те недостатки, слабости и вредные качества, которые словно ржавчина изнутри разъедает нацию. А это, на взгляд протоиерея – воровство, зависть, доносительство, предательство. Только объединившись, народ сможет направить свою силу, свой духовный потенциал на созидание и образование, к тому же сможет найти в себе силы для противостояния черным силам, которые давят на него извне.

Хухут Бгажба отмечает, что подобные мысли красной нитью

---

[1] *См. Дмитрий Маан. Протоиерей – Просветитель., Сухум – 1999, с. 45.*

проходят через все произведения Дмитрия Маан. К тому же он пишет, что во всех статьях просветитель главными проблемами считает развитие абхазской культуры, в том числе, журналистики, абхазского языка как государственного (до сих пор мы не смогли сделать так, чтобы абхазский язык мог выполнять все функции государственного языка! – Р. К.), чистоты родного языка, расширения роли разговорной речи, сохранение традиции и обычаев. Автор также затрагивает проблему возвращения абхазов из Турции на Родину!

Хухут Бгажба не оставил в стороне и труд Дмитрия Маан в области духовного служения, его вклад в это дело: «После революции 1905 года больше, чем раньше стало увеличиваться число абхазской интеллигенции», в 1909 году организовали «Общество по распространению абхазской грамоты». Стали издавать на абхазском языке книги, популярные брошюры, церковные книги.

Тогда на ниве развития абхазской грамоты и письменности активно трудилась группа абхазской интеллигенции, которая и возглавляла это общество, в первую очередь педагоги: Дмитрий Гулиа, Фома (Омар) Эшба, Андрей Чочуа, Самсон Чанба, Антон Чукбар, Симон Басариа, Семен Ашхацава, Платон Шакрыл, Николай Патеипа, Константин Маршан, Николай Ладария и другие вместе со священнослужителями.

Священнослужители – Дмитрий Маан и Николай Патеипа активно трудились над переводами на абхазский язык священных и церковных книг, для проведения богослужений на абхазском языке. В переводе церковных священных книг принимали участие и некоторые педагоги».[1]

Дмитрия Маан участвовал в переводах: «Книга епитимий» и «Служение», вышедшие в 1909 году, «Евангелие Иисуса Христоса от святого Матфея, Маркоса, Луки и Иоанна» (1912), «Песнопения во время литургии» (вместе с нотами).

«Тогда (в начале XX столетия – Р. К.) часть интеллигенции стремилась использовать для поднятия абхазской культуры и письменности политику, проводимую верховным духовенством. В этом деле активное участие принимал первый из абхазов протоиерей Дмитрий Маан, вложивший много труда в духовное воспитание абхазов», – писал Хухут Бгажба.[2]

Кроме того, критик не забывает раскрыть причину забвения имени Дмитрия Маан: «В советское время имя Дмитрия Маан умалчивалось, потому что тогда не уважали и относились с

[1] *Дмитрий Маан. Протоиерей – Просветитель, с. 62.*
[2] *Там же..*

презрением к богослужению, храмы и церкви были закрыты. Теперь, судя по этой книге, читатель может понять, хотя и не исследовано до конца, жизненный путь видного первого абхазского протоиерея, чье имя навечно связано с нашей духовной культурой».[1]

Педагог и этнограф Антон Иванович Чукбар был одним из тех, кто отдал немалые силы развитию абхазской письменности и образованию. Его государственно-общественная и писательская деятельность началась до революции, а после уже в советские годы он, не жалея знаний и сил принимал активное участие в социалистическом строительстве родной Абхазии. Однако по разным обстоятельствам, прежде всего потому, что и он был унесен «мутным потоком» сталинщины, о его жизни, работе и деятельности, о том, что он сделал для своего народа, не было известно последующим поколениям, хотя многие и слышали, что существовал некий абхазский ученый Антон Чукбар. Хухут Бгажба сумел сделать так, чтобы имя и наследие и этого человека остались в абхазской духовной культуре. Благодаря ему обогатилось абхазоведение, а читатели получили сборник произведений Антона Ивановича Чукбар «Рассказы и статьи», вышедший в издательстве «Алашара» в 1975 году с предисловием Хухута Бгажба, в котором ясно и четко отражается жизненный путь, творчество и деятельность этого автора.[2]

По словам Хухута Бгажба, помимо найденных и исследованных им лично архивных материалов в составлении этой книги большую помощь ему оказали дочь А. И. Чукбар Мария Антоновна и родной брат Григорий Иванович Чукбар, одноклассник Хухута.

Материалы, вошедшие в книгу, взяты из журнала «Сотрудник Закавказской миссии» (Сухум, №/№ 8 – 11, 1915), из книги «Родная жизнь» (совм. с С. А. Алферовым, Тифлис, 1910), «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских школ» (Тифлис, 1908), в составлении которой А. И. Чукбар принимал активное участие и других источников. Хочу отметить, что сегодня эти издания почти невозможно найти, но, к счастью, их успели опубликовать.

В книге «Статьи и исследования» Хухут Бгажба расширил свою статью 1975 года: более подробно анализирует жизнь и деятельность А. Чукбар.

Антон Чукбар родился 21 марта 1885 года в селе Калдахуа-

---

[1] *Там же, с. 71.*

[2] *См. А. И. Чукбар. Рассказы и статьи. Изд. «Алашара», Сухум, 1975.*

ра (Калдахәара) Гудаутского участка Сухумского округа (тогда так называлась Абхазия). Его отец Иван (Тапагу, Тапагә) служил старостой в местной церкви, он научил своего сына читать и писать на русском языке. С сентября 1896 года до 1899 года он учился в Псырдзсхской (Псырзха, Новоафонской) церковной школе. Судя по свидетельству, выданному ему начальством школы, когда он перешел в четвертый класс, А. И. Чукбар отличался хорошими способностями, примерным поведением, тем, что успешно справлялся с домашними заданиями, был внимательным и сообразительным учеником. В августе 1899 года – за год до окончания школы – 14-летний Антон Чукбар со своим отцом уехал в Казань. Там, успешно сдав экзамены, Антон поступил в Казанскую учительскую семинарию, его определяют в подготовительный класс.

«Во время прохождения курса в учительской семинарии, Антон Чукбар успешно учился, был примерного поведения, с удовольствием готовил учебные задания. Кроме того, в свободное после уроков время Чукбар Антон читал книги из семинарской библиотеки: произведение писателей-классиков, интересовался произведениями об истории и географии; проявил незаурядные способности в пении и игре на скрипке. Он успешно проводил практические занятия в младших классах при семинарии (он писал пространные дневники о дежурствах в младших классах). В целом Чукбар Антон прекрасный юноша, скромный, в отношениях с друзьями проявляет хороший характер, уважает их. С уверенностью можно сказать, что Чукбар станет хорошим педагогом для своего народа».[1]

В свидетельстве, выданном ему об окончании Казанской учительской семинарии, говорится: «Предъявитель сего Антон Чукбар, сын абхазского крестьянина из села Калдахуара Гудаутского участка Сухумского округа Кутаисской губернии учился за казенный счет в Казанской учительской семинарии с 20 августа 1899 по 28 мая 1903 года и прошел полный курс учебных предметов, утвержденных уставом. Во время учебы проявил примерное поведение, а также в учении предметов обнаружил следующие успехи – по закону божьему, педагогике и церковнославянским языкам – отличные; по арифметике (математике) и геометрии – посредственные; по русскому языку, истории, географии и природоведении – очень хорошие; чистописанию, черчению и церковному пению – хорошие. Кроме того он занимался ремеслом (плотничеством). Благодаря тому, что он освоил полный учительский курс, педагогический совет Казанской учитель-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 112.*

ской семинарии присвоил ему звание учителя начальных классов. В связи с тем, что Антон Чукбар учился за казенный счет, по установленному правилу казанской учительской семинарии, он должен был не менее шести лет работать учителем в сельской народной школе».[1]

А. Чукбар стремился продолжить дальше свою учебу, в связи с этим он написал директору Казанской учительской семинарии. Но тот не ответил.

Х. Бгажба удалось с помощью архивных документов восстановить жизненный путь и творческую, а также служебную деятельность А. Чукбар как до революции, так и после установления Советской власти, показать, с какой высокой ответственностью относился он к порученному ему – учительскому, творческому или церковно-служительскому, – делу, как не жалел ни сил ни энергии в решении вопросов, связанных с развитием абхазской культуры. Критик отмечает, что ко времени возвращения его из Казани, профессиональных учителей и просветителей из абхазов было крайне мало. До установления Советской власти А. Чукбар работал учителем, преподавал географию, математику и абхазский язык.

«Антон Чукбар познакомился с академиком Николаем Марр, который с 1912 года стал приезжать в Абхазию для исследования абхазского языка. Они стали общаться, их дружба постепенно становилась крепче и глубже. Антон Чукбар вошел в «Бзыбский комитет», организованный в 1914 году, благодаря академику Марру. Члены этого комитета собирали и записывали в Гудаутском районе устное народное творчество, большей частью народные сказки. В маленькой книжке под названием «О записи абхазских народных сказок», вышедшей в Петрограде в 1918 году, Н. Марр в качестве примера приводит начало одной сказки, записанной на Калдахуарском говоре, отметив так: «Записано в книгу 3 января 1914 года в Гудауте местным учителем А. И. Чукбар»...

В первые годы после установления Советской власти в Абхазии остро встал вопрос о национальных кадрах и, прежде всего, абхазских кадрах. Тогда наиболее образованными среди абхазской интеллигенции были учителя. Из-за нехватки кадров часть учителей были отправлены на хозяйственную работу. Среди них оказался и А. Чукбар».[2]

С того периода Антон Чукбар был в 1922–1924 годы смотрителем коммунального банка Абхазии, в 1924–1930 годы –

[1] *Там же, с. 112–113.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 114.*

председателем Сельскохозяйственного банка Абхазии, в 1931-1932 годы – заместителем председателя Сельскохозяйственной кооперации, в 1932–1937 годы возглавлял Государственный банк Абхазии, а в 1937 году репрессирован как «враг народа» и посмертно реабилитирован.

Хухут Бгажба отмечает, что А. Чукбар остро ставил проблемы экономического развития Абхазии. В качестве примера критик цитирует его выступления на 30-й сессии ЦИК Абхазии в 1926 году: «Я хочу, чтобы вы обратили свое внимание на проблему охраны леса, к тому же, хочу показать вам, что начали уничтожать наши леса. Мы все прекрасно понимаем значение развития курорта для нашего будущего, но настоящего развития курорта невозможно, если не будет леса. В старину Абхазия до самого берега была богата лесами. Но затем, постепенно стали вырубать леса, местами и вовсе уничтожили. Сессия должна обратить на это внимание, нужно остановить безжалостную рубку, уничтожение лесов. Как мы знаем, там, где уничтожают леса, земля начинает оползать и крошиться, становится пустошью. Мы должны беречь народное богатство – наши леса, должны препятствовать их без разборной вырубке, не позволить тем, кто пытается это сделать».[1]

Эти слова как нельзя лучше показывают, насколько дорожил Антон Чукбар красотой Родины, болел душой за великолепный, абхазский лес. Вызывает сожаление, что безжалостная вырубка лесов Абхазии и сегодня продолжается, будто никак не можем остановиться, более того, накручиваем обороты. Это опасное дело! Царствие ему небесное, если Антон Чукбар увидел бы сегодняшнее состояние лесов Абхазии – состояние нашей природы – поверьте, он бы возопил во весь голос: «Что же вы, горемычные, ослепли и оглохли совсем, где это видано, чтобы человек рубил сук, на котором стоит ?!»

Исследователь биографии и творческого наследия А. И. Чукбар не оставил без внимания влияние на развитие его внутреннего духовного мира, педагогического мировоззрения идей русских революционеров-демократов.

Абхазский парень, еще, будучи студентом Казанской учительской семинарии активно интересовался творческим наследием великого русского педагога К. Д. Ушинского. Вот что об этом писал Хухут Бгажба: «Антона его произведения заставляли глубоко задуматься, в них он видел вопросы, которые сильно волновали и беспокоили его: воспитание молодого поколения в соответствии с народными традициями, роль родного языка, о

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 115–116.*

том, что каждый народ имеет право обучаться на своем родном языке».[1]

Х. Бгажба подчеркивал, что, помимо идей классиков педагогики, А. Чукбар в своей педагогической деятельности следовал и своим убеждениям, основанным на собственном опыте работы в национальной школе. Например, он считал, что абхазские дети (в младших классах начальных школ) должны пользоваться учебниками по русскому языку, составленными на местном, родном и понятном им материале. «Тогда те учебники, которыми пользовались дети, были написаны для русских детей, – пишет Хухут Бгажба, – напечатанные в них пословицы, рассказы, рисунки природы, быт людей и традиции – все были связаны с жизнью русского народа. По этой причине абхазские дети, как и все другие нерусские дети, не совсем понимали значение прочитанного материала, плохо запоминали. Это, конечно же, затрудняло обучение русскому языку. Поэтому возникла необходимость составление нового учебника для начальных классов из местных материалов...

Этой работой занялись Антон Чукбар и смотритель церковных школ Сухумской епархии С. Алферов... Как говорится в предисловии, в книгу вошел материал о жизни, которая хорошо знакома и близка детям. Этот материал помогал в становлении мировоззрения учеников. Большинство рассказов и статей, вошедших в книгу, было написано составителями. Долгие годы в абхазских школах обучали русскому языку, используя эту книгу».[2]

Х. Бгажба приводит и другую важную мысль А. Чукбар из предисловия к «Книге для чтения на абхазском языке для абхазских школ»: «Абхазы, кроме учащихся в школах, в большинстве своем не владеют никаким другим языком, помимо родного абхазского языка. Они должны получать необходимые в их быту, однако, не относящиеся к школьной программе знания, только на этом языке. Школьное образование, в первую очередь, должно быть подчинено проведению в жизнь этой цели».[3]

Хухут подробно анализирует произведения А. Чукбар, вошедшие в эти учебники. К ним относятся рассказы, написанные на основе сюжетов устных народных сказаний: «Примерные друзья» (о том, как ягненок, козленок и теленок, благодаря своей смекалке и смышлености смогли уберечься от медведя), «Испуганный человек боится своей тени» (оказавшись в пол-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 116.*

[2] *Там же, с. 116 – 117.*

[3] *Там же, с. 117.*

ночь на крутом берегу всадник пенистые волны, освещенные луной принял за русалку, лошадь его кинулась вспять от страха, но силой воли остановив ее, всадник ринулся в бой, выхватив кинжал, тогда только заметил, что собственный страх просто обманул его), «Великан Манча» (Пшкяч-ипа Манча, житель села Псху, сражался с сотней захватчиков разбойников, убив 99 из них, он оставил в живых одного, чтобы тот мог стать горевестником для убитых, но пуля этого последнего разбойника сразила его самого), «Обманул» (о том, как пастух обманом победил месяц март), «Девушка героиня» (о том, как оказавшаяся в числе пленных, которых увозили разбойники из разоренного ими села девушка сумела убежать от них) и др.

Интересны, по мнению Хухута Бгажба, написанные Антоном Чукбар в этой книге три истории о Хуадже Шардын (Хәацьа Шьардын, абхазский аналог Ходжи Нассредина – Р. К.) наполненные абхазским национальным колоритом.

Критик останавливает свое внимание на коротких рассказах и пословицах, переведенных А. Чукбар на абхазский язык. Например, «Муха», «Гусь», «Два козленка», «У каждого свое дело», «Мальчишки, книга и учитель», «Гора и голубь», «Парень с высоким образованием», «Два друга», «Скворец», «Молоток, плоскогубцы и гвоздь», «Крестьянин и заяц», «Прохожий», «Лисица и волк» и др. Кроме того, он перевел две басни И. Крылова: «Зеркало и мартышка» и «Лисица и кот».

«Антон Чукбар, – писал Хухут Бгажба, – переводил легко, складно, «обабхазивая» материал, потому, как посвящал свои переводы начинающим читать и писать на родном языке. Они с удовольствием читали эти пословицы и короткие рассказы, они заставляли их мыслить».[1]

«В произведениях Антона Чукбар мы видим рассказы и статьи, разоблачающие религиозные суеверия, пережитки прошлых традиций, вредные привычки. К ним относятся «Дзиуоу» («Зиуоу»), «Не по обычаю», «То, что разорило Сакута», «Задающий вопросы», – но наряду с этим, по словам Хухута Бгажба, Антон Чукбар с большим уважением относился к хорошим обычаям, – «Гость», «Скачки на поминках», «Всеобщая помощь». Также критик не оставляет в стороне и статьи А. Чукбар о сельском хозяйстве – «Пемба», «Сбор винограда», «Огород»…

«Вклад Антона Чукбар в исследование духовной культуры абхазского народа немалый. Его этнографические работы печатались (хотя и в малом количестве) в журнале «Сотрудник Закавказской миссии», выходившем в Сухуме до революции. В

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 119.*

таких его работах, как «Святилище – Анан Лдзаа» (Анан Лзаа ных), Святилище –Ет» (Ет-ных), «Святилище –Аг (Святилище Ампаровых)» (Аг-ных, амцарааранцәахәы), «В гуще народной жизни», отражаются традиции и верования, которым следовали абхазы с древнейших времен, в этих работах содержатся ценные материалы и мысли.

«Не затерялось имя Антона Чукбар. В круговороте времени не исчезло все то, что он сделал для своего народа; его этнографические записи вышли в 1965 году. Это то, что я смог найти и составить. Это хотя и немного, но оно является наследием. Таким образом, имя его останется в нашей культуре»[1].

* * *

Последние три статьи книги Хухута «Статьи и исследования» вновь возвращают нас к творчеству Д. Гулиа, Ш. Цвижба и вопросам лирики в абхазской поэзии.

Очерк Х. С. Бгажба «Новой дорогой» посвящен жизни и творчеству Дмитрия Гулиа в 20-е годы. Вот что об этом пишет критик: «В книгах, посвященных основателю абхазской литературы, об этом периоде жизни писателя пишут очень коротко. Используя новые материалы, найденные мной в последние годы, я хочу восполнить это место, остававшееся до сих пробелом в биографии Д.И. Гулиа».[2]

Дмитрий Гулиа после установления Советской власти не менее десяти лет все силы и знания отдавал развитию абхазской культуры. Если говорить точнее, как отмечает Хухут Бгажба, он занимался большей частью вопросами абхазского языка, культуры, истории и этнографии. В этот период он редко занимался поэтическим творчеством, если не считать нескольких стихотворений, например, стихотворение «Времена меняются» – философского содержания произведении, опубликованном в журнале «Созвездие» (№2, 1928 г.), о постоянном круговороте жизни, о смене старого и нового в ней, о движении вперед.

Когда ночь становится короче
Удлиняется день,
Когда день становится короче.
Станет ночь длиннее.

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 121.*
[2] *Там же, с. 132.*

Когда отдаляются уставшие
Приближается млад.
Оставленные ушедшими дела
Продолжают они.

Приумножая имеющееся,
Создают, чего нет.
Помогая своему народу,
К знанию его ведут.

В 30-е годы, как пишет Хухут Бгажба, автор вновь обратился к этому стихотворению, поработал над ним, и, наполнив в поэтическом плане, под названием «Время и молодежь» опубликовал его.

Солнце встало, осветило
Цветок вырос, стал прекрасен,
Ночь стала короче, удлинился день.
День короче, длиннее стала ночь.

Устали старцы, встала молодежь,
Взялась за новые дела.
Вперед, молодые, не спеша,
Беритесь за великие дела!

По утверждению критика, кроме этого, ему не попалось ни одного другого стихотворения или рассказа, написанного Дмитрием Гулиа за этот период: «Это не значит, что Д. Гулиа охладел к поэзии. Он и до этого поступал таким образом – временно оставлял поэзию, когда активно начинал поднимать народную культуру и образование, когда до поэзии «не доходили руки»... Порой отдавал больше сил поэзии, в другой раз – науке, а в третий – образованию и культуре. Это неудивительно. Я слышал от Дмитрия Гулиа: «Я занимался многими делами, кто бы дал возможность заняться только творчеством, нужно было все успеть с огромным трудом, тяжко. Так и застала меня Советская власть, поставила на ноги, дала окрепнуть. Но в ее первое десятилетие пришлось особо заняться культурой, народным образованием и историей одновременно, отдалившись на время от поэзии, хотя душа и рвалась к ней, не мог без нее жить. Однако теперь не стоит жалеть об этом, ибо я хотел отдать своему народу, все что мог и знал, за то, чего не хватало у него, всегда болела моя душа. А затем, когда подросла и стала появляться талантливая молодежь, особенно в 30-е годы, я направил все свои творческие возможности к

литературной деятельности, несмотря на то, что болел душой и очень интересовался фольклором и языком, но теперь так было нужно».[1]

Смело могу сказать, что трудно найти другого абхазского ученого, который столь много и подробно анализировал произведения патриарха и скрупулезно искал до конца своей жизни новые материалы о его творчестве. К тому же, хочу добавить и тот факт, что, несмотря на большую разницу в возрасте, между критиком и Народным поэтом установились дружеские, чисто человечески хорошие отношения. Наш великий писатель сразу же заметил одного из наиболее талантливых среди абхазских кадров молодых людей, пришедших в абхазоведение, и очень высоко ценил его литературоведческую деятельность. А что касается критика Хухута Бгажба, он с юношеских лет прекрасно понимал, что Дмитрий Гулиа, ставший зачинателем почти всех граней абхазской духовной культуры – великий ее деятель.

Не раз слышал от Хухута Бгажба слова, что деятельность Дмитрия Гулиа является для нас духовным ориентиром. Если бы не было его, Богу известно, как бы мы вышли из всех перипетий сталинско-бериевских черных времен. Хухут всегда сожалел о том, что достойное великому Дмитрию Слово о нем еще не сказано абхазами, но надеялся, что когда-нибудь благодаря подрастающему поколению о творческом и исследовательском наследии Дмитрия Гулиа будет написано исследование полно и глубоко отражающее всю многогранную деятельность и образ великого основоположника абхазской литературы.

* * *

Хухут Бгажба посвятил произведениям видного, талантливого поэта и прозаика Шалвы Цвижба не одну серьезную статью на русском и абхазском языках. В них критик глубоко и тщательно анализирует поэтические и прозаические произведения Шалвы Цвижба. Его произведениям последних лет посвящена статья «Волны жизни». В ней Х. Бгажба отмечает мастерство, достоинства и недостатки художественных произведений автора, которого жизнь в свое время не раз ставила на грань физического истребления, который прошел страшные сталинские лагеря и связанные с ним тяжелейшие испытания, но сумел, к счастью, выйти живым из всех перипетий и создать ценное для абхазской литературы.

Трудно найти другого абхазского писателя, который, как Ш. Цвижба, смог бы вновь вернуться к творчеству после всех, вы-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 151.*

павших на его долю испытаний. Мы слышим отголоски всех этих испытаний, особенно 20 лет каторжной жизни, проведенной в Сибири, в его творчестве. Критик раскрывает влияние этих суровых испытаний на творчество поэта. Особо выделяет последние три книги, отличающиеся «становлением лирической поэзии автора, дальновидностью и серьезным осмыслением и ценностью поэтического материала. Это – «Две ладони», «Волны», «Два времени». В них ясно раскрываются философские мысли автора, его взгляд на взаимосвязь природы и человека, о том, как он высоко ценит и дорожит временем.

То, что поэт воспевает духовную близость, дружбу и взаимопомощь между людьми, проявляет огромное уважение к культурным традициям родственных народов, гордость за Родину, всей своей сущностью остро чувствует в человеческих отношениях чистоту и доброту, во многом расширяет духовный мир его лирического героя».[1]

В лирических стихотворениях поэта (также и в прозе) часто отражаются события и факты его собственной биографии, личной жизни (особенно того периода, когда он был надолго отлучен от родной Абхазии) – то, что лично пережил, увидел, стал свидетелем. Критик акцентирует внимание на том, что поэт не смирился «с той судьбой, предопределенной ему» врагами народа, он не сломился и не остановился в своем развитии, напротив, тяжелые испытания, выпавшие на его долю, духовно закалили его, в нем не осталось пессимистических настроений: «Потому, что любовь к жизни непобедима, она дает силы человеку, не позволяет ему пасть духом, зовет вперед. Видимо, потому и нет в поэте упрека к жизни. Хотя она оказалась чрезвычайна скупа для него, лишив всех человеческих благ».[2]

Эти выводы критик подтверждает чудесными строками поэта:

Но, все же, я добра:
Безгранична любовь моя к тебе.
Тружусь в поте лица, собирая свой урожай
И полностью насыпая им твой амбар.

Своим острым взглядом критик Х. Бгажба замечает глубокие мысли, заложенные в строках поэта, о том, непрерывная связь времен вокруг всего, что происходит с человеком в жизни, – это великая суть самой жизни и ее дальнейшего разви-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 153.*
[2] *Там же, с. 154.*

тия: «Таким является косточка, выскочившая от упавшего с дерева спелого персика. Несмотря на все напасти, выпавшие на ее долю, «она сделала свое дело» – вырастила фруктовый плод, «тем самым отдала природе свою частицу, свою долю». Ведь и в жизни также. Каждый человек должен внести в эту жизнь свою долю, отдать свой труд. Дело одного человека приумножается делом другого, а вместе развивают силы и возможности самой жизни».

В поэзии Шалвы Цвижба критик особо выделяет короткие стихотворения, напоминающие форму Омара Хайяма, в книге «Две ладони». Каждое из этих стихотворений состоит из восьми строк. Здесь мы встречаем идеи постоянного движения вперед, глубокое, мудрое и философское осмысление человеческой жизни. Это лучше всего проявляется в стихотворении «Моряки».

Они плывут на корабле вперед
В ночи и в утреннюю рань
Кругом безбрежный океан

Ревет
Кругом вода куда ни глянь
Но продолжают смелые труды
Ведь знают люди корабля,
Что создан мир не только из воды,
Что где-то есть еще земля

С ним перекликается, как отмечает Хухут Бгажба, еще одно стихотворение из сборника «Волны» под названием «Якорь», в котором поэт рисует образ бесстрашного в опасные минуты спасательного якоря. В море страшный ураган, ветер и грозные волны подняли корабль и несут его к рифам, там, где неумолимо ждет крушение. Смерть, обнажив кровожадные клыки, ждет конца. Горюют, сокрушаются люди в корабле, попавшие в беду. Вот тогда, громыхая, бросается в море якорь: «И достиг он дна, вцепившись когтями, остановил тотчас же корабль». Поэт воспевает бесстрашных героев, которые бросаются спасать людей, словно якорь, не жалея себя, не страшась гибели.

В коротких стихотворениях поэта критик видит глубокий смысл, который затрагивает многие грани человеческой жизни. Они близки читателю, к тому же в них автор мастерски использует мудрые народные изречения и пословицы. В подтверждение приводится такие примеры, как: «помню, когда мы

воевали в Санчаре, ему хватило и заячьей норы»(о человеке, красноречивом до того, как попадает в трудное положение, а познав тяжесть проблем, прячется от них), «отводил душу, лупцуя седло»(о том кто, не сумел обуздать искрометного коня), «светопреставления не случилось, а крапива осталась слепой», «оголила свой зад, – смеялась коза над овцой, – а что касается тебя, зад твой всегда гол», «целясь в корову, стреляет в быка»...

«Народные мудрости порой он вводит в произведение так удачно, словно они его собственные. Местами мысль поэта и народная пословица неразрывно переплетаются. Например, в коротком стихотворении «Поэт Алексей Ласуриа», заставляющем глубоко задуматься и скорбеть»,[1] – пишет критик.

Ты загорелся утренней звездою
Угас ты, как вечерняя звезда.

Критик также пишет о стремлении Шалвы Цвижба к тому, чтобы абхазское стихотворение имело свое мерило, развивалось по пути тонической системы. Однако критик замечает также, что поэту не всегда удавалось следовать этим принципам в своем творчестве. Но все же верно, что он искал этот путь, и невозможно согласиться с ним, когда он говорит так: (в стихотворении «К абхазским поэтам»):

***

Отбросив ритм, ищем рифму,
Хотим писать в хорошую рифму.
Но без ритма все – пустое.
Ни одного стиха не напишем мы.

***

Произведение без ритма – рыхлое,
Нет мощи, развалится вот-вот.
Ритм организует и фильтрует,
Для нас ритм – форма.

***

Создадим новейший стих,
Чтоб выстрелил он словно пуля,
А пуля вылетает из формы,
Потому и летит далеко она.

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 157.*

Хухут Бгажба кратко, но ясно и точно анализирует лирические стихотворения Шалвы Цвижба, отмечая их сильные стороны, например, философские умозаключения, национальные особенности, патриотизм, описание красоты природы Абхазии, также создание конкретных образов и т.д.

Критик делает художественный анализ и лирических поэм Шалвы Цвижба, он высоко ценит их значение, отличает такие поэмы, как: «В море» и «Волны». Эти поэмы стали прекрасным вкладом в развитие абхазского эпического жанра.

Анализируя поэму «В море», Х. Бгажба отмечает ее философское значение. Через непримиримость живущих в море акул и других рыб и их взаимоотношений, автор показывает извечную и постоянную борьбу сильного и слабого в этом мире. Но исследователь также конкретно указывает и на недостатки поэмы. Вот что он пишет: «Проведенные рыбами разные формы борьбы, не привели их ни к каким результатам. Да и утверждение автора о том, что они «пойдут по иному, чем прежде пройденному пути» осталось без какой-либо опоры, не вписывается в ткань самой поэмы. Мы не видим какой-либо логики в их борьбе (по логике самого произведения): не видно ясной цели их испытаний (непонятно, выход рыб из моря и их полет в небо). Безусловно, все живущие в море животные ведут беспрестанную борьбу за свое выживание, в результате этой борьбы, одни побеждают, а другие терпят поражение, так создано природой. По этому поводу и сам поэт в одном из своих произведений, а именно «Великан и ребенок» пишет так:

Не знающая покоя жизнь –
Меж малым и большим течет,
Пусть рыскают в море акулы,
Все равно – в нем плавают и рыбы.

Хухут Бгажба считает не совсем удачными поэмы Ш. Цвижба, посвященные идее борьбы, происходящей в природе, такие, как «Волны» и «Волшебная краска»: «В поэме «Волшебная краска» автор пишет о семействе бабочек – данаидах, которым не дали спокойно жить птицы. Они смогли выжить, благодаря другим бабочкам, ядовитым геликонам, для которых птицы безвредны. Они дали данаидам волшебную краску (не вложив туда своего яда). И теперь уж данаиды принимаются птицами за геликонов, они в страхе отлетают от них. Мы не знаем, возможны ли подобные метаморфозы в природе, но поэма явно не

оправдывает, слова Пушкина, взятые эпиграфом к ней: «Голос нежный говорит: «Живи!».

Также неопределенной оказалась символика поэмы «В лесу».

Хухут Бгажба отмечает, что Шалва Цвижба внес немалый вклад и в абхазскую прозу, особенно в жанр рассказа: «Через взаимоотношения человека и природы он поднимает важные вопросы морали о воспитании, душевной нечистоплотности и т.д. Описывая природу и животных, автор стремится показать нам человеческие характеры. Герои его рассказов многогранны, заняты многими делами, любознательны и человечные.

Стихотворения и рассказы Ш. Цвижба для детей открывают для маленьких читателей новый мир, полный любви к жизни и людям, воспитывают в них патриотизм, честность, смелость. Его героев мы видим в родной Абхазии или на Севере – в «Тайге».

Событиям в Абхазии посвящены такие рассказы, как : «Поле крылатых коней», «Говорящие камни», «Буйволица Бача», «Дедушка Шахан». Все эти рассказы, по словам критика, объединены общей идеей: – связующей нитью между старым и новым временем, взаимоотношением поколений, непрерывность всего позитивного, рожденного жизнью.

«Замечательным рассказом «Говорящие камни» автор стремится показать неизменность жизненных ценностей. О том, что, как и две с половиной тысячи лет назад люди жили так же, как и сейчас – страдали, радовались, мать любила сына и жила для него, чтобы не прервалось, не погасло движение жизни, после ее смерти. Кроме того, этим эпизодом автор подчеркивает древность истории этой земли, то, что на каждом шагу на земле нашей можно видеть следы древнейшего человека, здесь даже камни говорят. Но ведь это хорошо? Если говорить словами автора, это помогает нам и в сегодняшнем дне, делает нас лучше, пробуждает в нас светлые чувства и хорошие мысли о любви и жажде к жизни»[1].

В произведении «Дедушка Шахан» критик совершенно справедливо отмечает, заложенную в нем человечность, ибо для человека далеко не всегда богатство является главной ценностью. (И бедняк может решить многое). Понятие человечности и порядочности намного шире. Критик отмечает дальновидность героя автора Шахана, к тому же, говорит о том, что он не мог жить без главного своего дела – скотоводства, бережно относясь к животным.

«С биографией Шалвы Цвижба тесно связаны его расска-

зы, в которых фоном выступает природа Севера: «Сторожевой пес Вулкан», «Красавица», «Медведь», «Набережная Хорана». Автор прекрасно знаком с той землей, с ее невероятно богатой природой, недрами, рудой, растительностью, реками, озерами, зверями и птицами. Когда в Абхазии в расцвете весна и светит ласковое солнце, здесь лежат посеревшие суровые сугробы, реки покрыты толстым слоем льда. В них обитают самые разнообразные семейства рыб, включая белуг. В лесных чащобах, непроходимых дебрях огромное количество диких зверей, хищников, птиц. Герои автора – геологи, золотоискатели способны пройти там, где еще не ступала нога человека».[1]

По словам критика, писатель обеспокоен судьбой природы. Поднятые им важнейшие вопросы о взаимоотношениях человека и природы, заботы о сохранении природных ресурсов и т.д. описаны жизненно, с большим мастерством.

Хухут Бгажба в статьях, написанных на русском и абхазском языках, не раз обращался к поэтическим и прозаическим произведениям Шалвы Цвижба, острым критическим взглядом отмечая их достоинства и недостатки, определял их место и роль в абхазской литературе.

Произведения Шалвы Цвижба стали известны и за пределами Абхазии. Их переводили и издавали на русском и других языках. На русском языке издали в Москве его четыре книги: «Чудесный сад» (1961); «Сказочный поезд» (1969); «Долина крылатых коней» (1971); «Косточка персика» (1979); Народный артист СССР С. В. Образцов со своей женой, высоко оценив книгу «Долина крылатых коней», написал в адрес редакции Московского издательства: «Мы благодарим вас за издание нужной для детей и прекрасной книги «Долина крылатых коней». Автором этой книги является Ш. Цвижба. Это – очень добрый писатель. Книга написана светлым и добродушным человеком. Хорошо перевел ее на русский язык О. Романченко. Подобные книги необходимы и полезны».

* * *

Исследовательские качества Х. Бгажба ярко проявились в статье «По поводу дискуссии о лирике», написанной в 1984 году. В ней ясно видим, во-первых, уровень его мастерства как критика и глубокое знание абхазской литературы, начиная с источников, то есть материала, о котором он вел речь и умение чувствовать ее дальнейшую судьбу. Во-вторых, он с большим уважением относился к мнению оппонента, к каждому участ-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 163.*

нику дискуссии, независимо от того, согласен он с его мнением или нет. Хухут всегда писал и выступал сдержанно и с большим тактом, однако, не скрывая своего мнения.

Хочу кратко остановиться на истории статьи. Она стала откликом на дискуссию, организованную редакцией журнала «Алашара» в 1984 году. Дискуссию начал талантливый критик и большой ученый Владимир Цвинариа статьей «Очаг и огонь». Не случайно редакция журнала доверила ему первое слово в таком ответственном деле . Среди критиков, тогда среднего по возрасту поколения, Вл. Цвинариа являлся наиболее заметным, царствие ему небесное.

Редакция журнала «Алашара» совершенно верно организовала дискуссию о лирике, способной открыть внутренний мир человека. Больше всего радует, что, принявшие в ней участие наши ученые, критики и писатели смогли показать высокую степень подготовленности.

По поводу актуальных проблем, затронутых в статье Вл. Цвинариа «Очаг и огонь» выступили Владимир Зантариа («Чтобы слово было рождено душевным волнением», «Алашара» №7, 1984); Владимир Анкуаб («Несколько слов о рифмотворчестве и ритмике», «Алашара», №8, 1984); Артур Аншба («Несколько слов о сегодняшнем состоянии абхазской лирики», «Алашара» №9, 1984); Рауф Эбжноу («Доверие и ответственность», «Алашара» №10, 1984); Алексей Гогуа («Дороги, которые мы прошли, дороги, которые должны быть пройдены», «Алашара» №12, 1984); Таиф Аджба («Будь осторожна: поэзия!», «Алашара» №1, 1985); Зураб Джопуа («Размышления об абхазской лирике», «Алашара» №2, 1985); Сарион Таркил («Абхазская лирика: по пути развития», «Алашара» №3, 1985); Руслан Капба («Наша действительность и наши перспективы», «Алашара», №1, 1985).

Хухут Бгажба принял участие в дискуссии после этих статей, после него выступили Ш. Инал-ипа, Б. Гургулиа…

Критик в основном откликнулся на первую статью, которая стала зачином и полезного обмена мнениями, потому что в ней затронуты много вопросов, посвященных абхазской лирике. Безусловно, Хухут Бгажба не оставил без внимания и мнения других участников дискуссии.

Почти все, кто принял участие в дискуссии, отмечал Х. Бгажба, обеспокоены и хотят понять сегодняшнее состояние абхазской лирики – ее достоинства и недостатки, насколько она созвучна ритму кипящего вокруг времени, чувствует его пульс, насколько соответствует ему по своей идее и художе-

ственной силе. Об этом и выступление Вл. Цвинариа. Критик писал: «То, что Вл. Цвинариа замыслил в своей статье «Некоторые пути, формы и спорные моменты современной абхазской поэзии» объединяет много разнообразных и сложных вопросов. Он говорит о проблемах, содействующих развитию нашей поэзии, а также мешающих этому развитию (в том числе поднимает вопросы теоретического характера, включая и метрику абхазского стихотворения, хотя местами говорит об этом, походя), поэзию одних он анализирует тщательно, указывая достоинства и недостатки, других же – только упоминает (в порядке перечисления. Третьих же он вообще не называет по имени (к ним относятся: разбирающие лирику по «схоластическим категориям», пренебрегающие словами «бессмертного Гегеля некоторые спесивые критики», «стихотворения, в которых слышится монотонный стук пишущей машинки», «нудные традиционалисты», «воинственные» новаторы, «парадоксального характера мнения»), верлибр и многое другое.

Когда поднимаешь одновременно такое огромное количество вопросов, местами неминуемо приходишь к поверхностному разговору общими словами. Так случается порой и с теми, кто начинает дискуссию, и с некоторыми, кто принимает в них участие. Инициатор дискуссии открыто говорит о том, что поставленные вопросы стали для него слишком затруднительными и тяжелыми: «Как видите, вопросов уйма. Я, возможно, осилил всего один или два, но указал на сотни вопросов». Но по причине того, что «накопилось много, о чем нужно сказать», начнешь пальцем указывать на все проблемы, затруднишь и запутаешь и само дело. Было бы полезнее, если ставить не так много вопросов, но последовательно, выбирая по степени значимости разбирать их. Как говорил Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное», а если говорить по-абхазски – свою тень не перепрыгнешь».[1]

Х. Бгажба приводит мнение Вл. Цвинариа: «К сожалению, к чему скрывать, (как говорится в пословице: «у того, кто скрыл чуму, умерла мать от нее»), в большинстве наших абхазских стихотворений вместо волшебных звуков поэзии слышится только надоедливый стук пишущей машинки!». При этом Хухут подметил, что лириков произведения, которых он относит к большинству, автор не называет открыто, но по тому, как он разбирает их произведения детально, глубоко, говорит о их недостатках, становится ясно, кому они принадлежат.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 167.*

Хухут Бгажба не мог разделить такой подход. Он считал, что при всех своих недостатках, нельзя пренебрежительно отзываться о книгах, изданных в последние годы. Критик приводит в хронологической последовательности книги абхазских поэтов, вышедших в свет за последние 5–6 лет (их всего около 27 книг), что является признаком последовательного, неуклонного развития абхазской литературы.

Х. Бгажба, используя конкретные литературные факты, пишет о поэтическом творчестве Б. Шинкуба, И. Тарба, Ш. Цвижба, А. Джонуа, М. Микая в последние годы, подробно и глубоко он здесь анализирует, прежде всего, произведения Б. Шинкуба. Но и в этом анализе Хухут Бгажба расходится в мнениях с Вл. Цвинариа во многих местах. Возьмем в качестве примера некоторые из них. Вл. Цвинариа, отмечает Хухут, совершенно точно подметил, что сегодняшняя абхазская лирика, несомненно, приобретает психологический характер, ее уровень намного повысился, благодаря книге Баграта Шинкуба «Лето», вышедшей в свет в 1962 году. Эту книгу по своему значению он сравнивает с появлением в 1938 году сборника Б. Шинкуба «Первые песни», с которого и начинается господство лирической темы в нашей поэзии.

Ошибочность этого мнения устанавливает Хухут Бгажба, который подтверждает свое мнение фактами из произведений самого Б. Шинкуба: «Здесь немного занесло автора – то направо, то налево, что, на мой взгляд, имеет мало отношения к пути развития поэзии самого Б. Шинкуба. Почему же мы должны сравнивать «Лето» только с его первой книгой, изданной в 1938 году? А где другие книги Б. Шинкуба, которых Вл. Цвинариа вовсе и не называет: «Стихотворения» (1948), «Стихотворения и поэмы» (1956). Разве в них не было произведений, достойных «господства лирической поэзии»?

В вышедшую в свет в 1948 году книгу Б. Шинкуба вошли: «В пути», «С новым урожаем, поспел виноград», «Воин» (Цикл, посвященный герою В. Харазиа), «Партизан», «Долгие лета». «Парень шел со своей милой», «Вечерние мысли», «Скажу я сам, в чем тут дело», «На Лыхненской поляне», «Девушка-Смуглянка, иди ко мне», «Кроме нас с тобой, двоих...»

Во вторую книгу (1956) вошли такие известные стихотворения поэта, как: «К Шота Руставели», «Не спрашивай меня», «Ты знаешь, гуляли мы в саду», «Колыбельная махаджиров», «Скажу я сам, в чем тут дело», «Сладость песни, радовавшей когда-то меня», «Цветок», «Сяду я на тихом берегу», «К абхазским воинам», «Песнь о ранении», «Гунда-Прекрасная».[1]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 170.*

Критик подчеркивает, что автор этих произведений раскрывается, как великий лирик, обладающий высоким идейно-художественным уровнем, в котором общественная, гражданская и человеческая позиция ясна и чиста, как горный родник. Далее критик, для более убедительного подтверждения своих мыслей о характере и направлении лирики нашего Народного поэта, приводит его строки: «Я прекрасно осознаю свой долг перед народом как писателя: писать правду, отражающую наш век, в котором мы живем, отразить картины времени так, чтобы они остались в памяти читателя и тем самым, помочь ему глубоко заглянуть в нашу эпоху».[1]

Хухут Бгажба был не согласен и с тем, что «в абхазской поэзии Шинкуба стал символом формы». Критик ставит вопрос: разве только формы? А где же содержание?

Ученый подвергает критическому анализу и тезис Вл. Цвинариа о психологическом характере абхазской лирики, о ее «лирическом психологизме». Слово «психологизм» в искусстве означает отражение глубоких психологических душевных волнений человека. К этому относится раскрытие внутреннего мира человека (то, что скрыто в его душе, о чем он думает) средствами художественной литературы, отражая нюансы индивидуальных переживаний, мыслей, настроений. Лирическая мысль (внутренний монолог) бывает разной. В ее выражении не все придерживаются одинаковой схемы: один – мало, другой – средне, а третий – глубоко, эмоционально оживляя. Вот последнее и отражает более четко и ясно социальное сознание, сотворенное страной, обществом и временем. Потому объектом лирических произведений является внутренний мир поэта, то, что он исследует и то, что связано с его социальным сознанием. Здесь нужно добавить: если лирические размышления поэта не поднимаются выше его просто собственных (обычных) переживаний и мыслей, тогда это – простое психологическое фотографирование, лишенное общего смысла. Оно так и останется случайным явлением, неразрывно связанным только с самим поэтом и его ближайшими людьми. Это – камерная поэзия, но и ее не следует отбрасывать.

А если это так, и лирика точно также является искусством, создающим тип жизни по творчеству. Душевные волнения, которые выражены в лирических размышлениях, посвящены не эмпирической реальности, направленной к духовной жизни конкретного человека, они отражают мнение социальной груп-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 170.*

пы и эпохи, к тому же поднимается до гражданского (общественного) долга.[1]

Хухут Бгажба не согласился и с утверждением Вл. Цвинариа о том, что в абхазской поэзии есть две традиции. Одна традиция Л. Квициниа не имеет перспективы, противопоставив этому такие аргументы: «Он к той традиции причисляет с упреком и Николая Квициниа, потому что: «и этот излишне отдается разнообразным общественным темам, к тому же поспешность в работе напоминает Л. Квициниа». Теперь становится ясно, что критику не нравится.

Нельзя считать бесперспективной, то, что критик пренебрежительно называет «традицией Л. Квициниа». К тому же ей придерживались не только один Л. Квициниа. Один – это еще не традиция».[2]

Наш видный ученый отмечает, что в истории нашей литературы большое значение имела та направленность, которую Л. Квициниа дал нашей поэзии и те задачи, которые он поставил. Но то, что он замыслил, было трудно выполнить одному, даже очень талантливому человеку.

Взаимосвязь литературы и жизни, их переплетение – извечный, никогда не устаревающий вопрос творчества, он всегда стоит перед нами. Хухут Бгажба писал и о том, что Л. Квициниа как поэт не был лишен лирики о внутренних душевных переживаниях и мыслях человека, о любви и дружбе. «Такого рода традиция жива с начала возникновения абхазской поэзии и по сей день, эта традиция действительно отражается в произведениях в основном всех наших других поэтов: Д. Гулиа, Б. Шинкуба, Ш. Цвижба, И. Тарба, Л. Лабахуа, К. Агумаа, А. Ласуриа, А. Джонуа, Г. Гублиа, К. Ломиа, Н. Квициниа, Т. Чаниа и др.

О месте и роли Л. Квициниа в абхазской поэзии с глубоким уважением и совершенно справедливо писал А. Гогуа: «Необходимо также сказать, что Л. Квициниа смело вводил в абхазскую поэзию голос труда, публицистическую тематику, новый ритм, искал формы, как лучше отразить многоголосье времени. Правда, было, когда из-за выше названных причин, его нога не успевала соприкоснуться с его поэтической землей, ему не хватало поэтического воздуха, но он всей душой цеплялся за новое в литературе, был верен ему и достиг немалых успехов». К великому сожалению, в тот период, когда мастерство поэта только набирало силу, в самом расцвете творческих возможностей, он погиб в Великой Отечественной войне, вместе с ним

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 171–172.*

[2] *Там же, с. 172.*

погибли и его поэтические произведения (он собрал их для издания отдельной книгой) в одном из первых, ожесточенных кровавых сражений. За три года до этого он, обеспокоенный тогда отсталостью нашей поэзии, писал: «Мы должны постепенно развивать нашу поэзию, она должна суметь рисовать словом, в словах должен звучать запоминающийся, пробуждающий человека голос, поэзия должна горячо проникать в тело, пленить, радовать, вызывать чувство ненависти или любви, звать на борьбу.

Хухут Бгажба отмечает, что Л. Квициниа стремился обновить ритмику абхазского стихотворения, используя размеры классического стиха. Хотя и понимал, что это – сложно. Он писал: «Ошибается тот, кто считает, что абхазский язык в поэзии не имеет законов. Стихотворные размеры письма, которые имеются в поэзии других народов – ямб, хорей, анапест, дактиль, амфибрахий и другие не чужды абхазскому языку, и не могут ему навредить».

Словом, Л. Квициниа – правдолюб, который старался быть близким к жизни. Он постоянно искал и находил новое в литературе и стремился это свое новое выразить в поэзии. Так нужно ли стыдиться такой традицией?

Критикуемое Вл. Цвинариа стремление поэтами использовать художественное богатство и огромный опыт Б. Шинкуба, Хухут Бгажба считает не опасным, могущим помешать или навредить нашей поэзии. Он подчеркивает, что поэты, включая туда и начинающих, молодых (если не говорить о тех случайных вывертах) могут и в дальнейшем использовать его богатый опыт. «То, чему он (Б. Шинкуба) открыл дорогу, не делает легче труд писателя напротив, те задачи, которые он ставит перед поэзией, затрудняют письмо, так просто, пробежав рядом, не сядешь в это седло. Дело в том, что поверхностно, бледные, сделанные на скорую руку стихотворения – то, что печалит и беспокоит критика – возможно, имеют совсем другие источники. (При чем тогда то, «чему открыл дорогу Б. Шинкуба?). Далее, «если, говоря о «шинкубовском стихосложении» мы остановимся только на форме, тем самым делаем свое мнение беднее и слабее».[1]

Также Хухут Бгажба не согласен с утверждением Вл. Цвинариа о том, что никто из критиков не писал о достоинствах великолепной поэзии Анатолия Аджинджал и, что только впервые в статье открывателя дискуссии был сделана оценка его творчества. О том, что этот факт не соответствует действительности,

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 173–174.*

Хухут Бгажба подтверждает статьей кандидата филологических наук В. Агрба, опубликованной в 1977 году под названием «Поэзия, рожденная глубокими мыслями и надеждами», которая впоследствии вошла в книгу «Жизнь и подорожник» (1980).

«Прав был автор, – пишет Хухут Бгажба, приводя цитату из статьи В. Агрба, – поэзия талантливого А. Аджинджала отражает глубокие мысли и сильные переживания. Он думал о людях, населяющих весь мир, радовался их жизни и быту, ненавидел боль и бесчеловечность, страдал от них. Можно сказать, что щедрость и огромная доброта поэта прекрасно отражалась в его поэзии, его поэзия стала тем духовным богатством, которое передает от поколения к поколению его мысли, переживания и боль, выраженные в его творчестве».[1]

Многие из тех, кто принял участие в дискуссии, подробно касались вопросов структуры абхазского стихосложения, так как эта теоретическая проблема являлась немаловажной для нашей поэзии. Хухут Бгажба также, приводя факты, высказал немало новых идей (о ямбе, хорее, амфибрахии, анапесте, дактиле, говоря точнее, о стихотворениях наших поэтов, написанных по ним), соглашаясь или же возражая тем, кто выступил раньше него. (Хочу отметить, что тогда еще не была издана книга нашего видного ученого Вл. Цвинариа об абхазском стихосложении. Эта монография вышла в свет на русском языке в издательстве «Алашара» в 1987 году под названием: «Абхазское стихосложение (Метрика. Ритмика. Композиция)»).

«До сих пор у нас нет серьезной работы, посвященной абхазскому стихосложению, его размерам, кроме статьи Баграта Шинкуба, которую он опубликовал в 1952 году. Он много работал над этой проблемой, сопоставляя устную народную и письменную поэзию. Но с тех пор прошло много лет, вырос намного и поэтический опыт. К этому я хочу добавить и то, что исследовал абхазское стихосложение и подготовил большую монографию к печати Вл. Цвинариа. Насколько я знаю и смею надеяться, когда эта работа будет издана, многие волнующие нас проблемы, будут научно исследованы».[2]

Х. Бгажба замечает: «Как показывает дискуссия, мы пока не совсем подготовлены к серьезному разговору о природе абхазского стихосложения, мне не попалось ни одной статьи, в которой был бы дан тщательный, глубокий анализ данной проблематики, способствующий толковому разрешению данного

[1] *Там же с. 175.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 175.*

вопроса. Потому считаю, что эта тема может, в свое время поднята вновь для обсуждения на страницах журнала».

Далее критик останавливается и на мнениях других участников дискуссии. Он с удовольствием воспринял выступления С. Таркил и В. Зантариа, которые смогли убедительно, на основании литературных фактов, высказать свое мнение по затронутой теме. Критик отмечает, что С. Таркил более оптимистично смотрит на состояние современной поэзии, но к чему скрывать, замечает он, то, что С. Таркил пишет о метрической системе абхазского стихотворения, слабо аргументировано из-за сложности самой темы. Однако данное замечание критика было бы более основательным, если он подтвердил его фактами.

Критик сделал немало замечаний и другим участникам дискуссии, конкретно указывая на то, с чем он не согласен. Хухут Бгажба всегда старался не говорить общо, без аргументов и фактов.

Кому не известно, отмечает он, что критика не греет и не сластит душу, но, насколько это возможно, она не должна быть ни душераздирающей, ни нудной. не должна не терять своего лица, отвечать своему предназначению.

Хорошо представляя ответственность критика, который призван судить, Хухут Бгажба пишет: «К каждому писателю и каждому литературному произведению, которое анализируешь, нужно подходить внимательно, спокойно, не раздражая автора, но в то же время ни на минуту не оставляя без внимания общие интересы литературы. Если упустить из поля зрения эти общие интересы литературы вся внимательность и тактичность и степенность окажутся пустыми словами и останутся без результатов. Умалчивание недостатков, их смазывание, лесть и угодничество, родственные славословия сильно подрезают крылья критики, делают ее чахлой и не действенной. Это понятное дело».[1] Но, несмотря на это, Хухут Бгажба считает недопустимым, когда о произведении, писательском труде высказываются пренебрежительно, не вкладывая душу. Эти мысли были высказаны критиком в связи с некоторыми статьями, опубликованными в рамках дискуссии. К примеру, статьи Р. Эбжноу (Ебжьноу), посвященной творчеству Г. Гублиа и К. Ломиа.

«О словах в стихотворении Г. Гублиа:

Я – абхаз, я – алмаз,
Скачу я на отцовском коне.

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 181.*

Р. Эбжноу говорит: «Нет ни одного абхаза, независимо от того, знает он грамоту или нет, кто бы не повторял эти слова! В них мы видим воодушевление и чуть показной бравады своим абхазством. Обидно то, что это относится к ранней поэзии Г. Гублиа». Ничего обидного не должно быть, ибо то, что критик называет «бравадой абхазством» можно встретить и в гораздо более поздних стихотворениях поэта. Но не в этом дело. Мне обидно совсем другое. Эти «горделивые слова» – «Я – абхаз, я – алмаз…» уже ранее были использованы грузинским поэтом Алио Машашвили (Мирцхулава) в стихотворении, посвященном абхазам, точно такими же словами: «Ме апхази вар, ме алмаси вар…» А если это так, есть в чем упрекнуть Г. Гублиа: хотя бы в скобках, он должен был указать, кому подражал», – пишет Хухут Бгажба.

Он не делает предметом обсуждения, то, насколько живо критикует Р. Эбжноу, анализируя вошедшие в книгу «Поют скалы» стихотворения поэта, не упрекает его за критику. Но Х. Бгажба не согласен, когда критик напролом делает такого рода заключения: «Я очень искренне хотел выделить в обсуждаемой книге, выделить хотя бы одно стихотворение, о котором можно было сказать, что оно действительно завершенное, настоящее поэтическое стихотворение, но не смог. Может кто-то и сможет, чему я буду действительно рад».[1]

На это Хухут Бгажба заметил: «Не стоило так однозначно судить о книге, так как в нее вошло и немало стихотворений, в которых глубоко выражены раздумья автора (особенно, написанные в форме восьмистишия).[2]

Далее автор эту мысль подтверждает примерами из стихотворений, подвергнутых ранее резкой критике.

В своей статье Хухут Бгажба приводит и такой факт. В 1970 году Вл. Цвинариа опубликовал в газете «Апсны капш» статью, посвященную книге И. Тарба «Мост» (1969), которая называлась «Наше мнение об одной книге». В ней мы читаем: «В книге И. Тарба немало художественных идей, которые мне действительно нравятся. К ним относятся стихотворения: «Путь», «Не стремится к легкой удаче», «Он существует», «Как светит ярко солнце», «Песня», «И ты не спишь, и я не сплю», «Ему сказали, что нет никого лучше». Также местами поэту удается живописание природы («Вот идет зима, с кашлем и чиханием»). Ему больше удается стиль оды в революционных стихах. Если и не может подняться до понимания революци-

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 182.*

[2] *Там же.*

онного драматизма, то поэту хорошо известен, заложенный в нем, героический пафос.

В сборнике «Мост» вошли стихотворения, раскрывающий особо образ лирического героя. В них отражается его человеческие качества, радость, страдания, боль, ненависть, любовь, привычки и нрав».[1]

Хухут Бгажба согласен и не возражает против подхода, когда после такого вступления, автор статьи далее критикует другие стихотворения, отмечая принципиальные недостатки. Ему не нравится совсем другое. Дело в том, что в 1976 году вышла книга Вл. Цвинариа «Что сказать и как сказать», в которую вошла вышеупомянутая статья уже под названием «Если не согрето душой». В ней не понравилось, что автор, как пишет Хухут Бгажба, «изменив свое прежнее мнение, вырезал из статьи все, что положительного было сказано о поэте. Если можно так выразиться, перечеркнул этим, все то, что было им же ранее отмечено и положительно оценено».

Также Хухут Бгажба отмечает и статью видного писателя А. Гогуа, тоже принявшего участие в этой дискуссии. По его словам, он не согласен с этапами развития абхазской поэзии, которые определяет писатель. К тому же считает пока еще недостаточно исследованным и не подтвержденным анализом существующего поэтического материала утверждение писателя о том, что абхазская поэзия, «пройдя два этапа своего развития, ныне завершает третий». К тому же, критик замечает, что автор статьи неверно указывает на литературные направления внутри этих этапов.

Возражая писателю, он открыто говорит, что в рамках настоящей дискуссии трудно обозначить временные разделы пути развития такого рода общими замечаниями об истории абхазской поэзии. На мой взгляд, в этом критик прав: «Нетрудно понять, к чему стремится автор, – пишет Х. Бгажба, – он хочет этим далеким экскурсом в прошлое, четче и яснее выявить наросты, появившиеся на сегодняшней абхазской поэзии, чтобы тот, кто на их устранение, делал это не вслепую, а со знанием того, что надо делать». Но повторюсь, без использования поэтических произведений, без их исследования и анализа, невозможно этого добиться никому, каким бы знатоком он ни был. В другом месте А. Гогуа отмечает: «Но все дело в том, что сегодня, если говорить открыто, мы наблюдаем победу халтуры, которой стало много». Мнение Х. Бгажба: «Было бы гораздо полезнее, если он назвал или сделал бы анализ некоторых произведений от халтуры».[2]

---

[1] *Там же, с. 184.*

[2] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 184.*

Говоря о богатстве поэтического языка Дмитрия Гулиа и насколько отразился в нем фольклор, А. Гогуа пишет: «Он использовал готовые выражения и фразеологические обороты устных народных сказаний и народного разговора, а где этого было недостаточно, дополняя повседневной обычной речью». С этим его мнением соглашается и критик. Но возражает против следующего высказывания прозаика: «В традициях нашей поэзии об этом мало кто задумывался, и этот вопрос еще не исследован». Не совсем так. Глубоко исследовал эту проблему литературовед В .Агрба. Его работа на эту тему опубликована и многие откликнулись на нее.

К сожалению, писатели мало читают то, что пишут литературоведы и критики, это видно и по выступлениям некоторых других участников дискуссии. Что удивительно, сейчас, когда литературоведение и критика несколько выросли и начали развиваться (несмотря на множество ошибок, и недостатков), некоторые проходят мимо, не замечая их существование».[1]

Завершая статью, критик писал: «Связь нашей сегодняшней лирики с нашим временем, ее созвучие с ритмом сегодняшнего дня, о том, насколько полно она раскрывает сегодняшнюю действительность – большая тема. Вопросы, не получившие на сегодняшний день своего разрешения, несомненно, будем поднимать и в дальнейшем, используя и тот опыт, полученный нами в этой последней дискуссии. Иначе нельзя, если не завершить до конца хотя бы один вопрос обсуждаемой нами темы, она, возможно, будет бесконечной».[2]

«И ЭТО ХОРОШО…»

Хухут Бгажба внимательно следил за творчеством молодых литераторов, искренне радовался их появлению, с особой заботой обсуждал произведения начинающих писателей, рекламировал их, отмечал их удачи и недостатки, надеялся, что они станут в будущем достойным поколением в абхазской литературе. Это личное качество, свойственное критику с самого начала его деятельности, стало глубже и шире, когда он состоялся в качестве ученого и слово, и мнение его стали весомы.

Сколько раз он меня спрашивал, когда, учась в Тамышской средней школе, еще до того, как стал студентом, приезжал к нему в Сухум: – Руслан, я знаю, вы вынуждены учиться на грузинском языке, но есть ли среди вас, учащихся, кто читает

---

[1] *Х. С. Бгажба. Статьи и исследования, с. 184–185.*

[2] *Там же.*

абхазские книги (то малое количество, которое существует), к тому же пишет стихи или рассказы. Хотя вам уже перестали преподавать, даже как предмет, абхазский язык и литературу, осталась ли в ваших душах любовь к нему?

Я радовался этому вопросу и сразу же начинал перечислять наши успехи. О том, что среди нас многие читают абхазские книги, что в этом нам оказывают, несмотря на трудности и малые возможности, огромную помощь наши учителя Надежда Михайловна Лагулаа, Георгий Ашхангериевич Бжания, Вианор Смелович Зантариа, которые неустанно прививают нам любовь к родному языку и литературе. Рассказал ему и том, что мои друзья, с которыми я учился в Тамышской школе Борис Гургулиа, Платон Бебиа, Терентий Чаниа и Рушни Джопуа (все известные сегодня в Абхазии люди) пишут хорошие стихи. Он с удовольствием воспринял эту новость и сказал мне: «Хорошо, пусть продолжают писать стихи и, ради Бога, не бросают это занятие из-за сегодняшних трудностей, надо учиться, без образования не может быть развитой литературы».

В конце он спросил, как бы между прочим: «Руслан, а как ты сам относишься к занятию своих друзей, не пишешь ли и ты сам стихи?». В ответ я сказал, что писать стихи не умею, но очень люблю читать книги, особенно абхазские. – Это очень хорошо, – сказал он, – читай больше книг, твой труд никогда не пропадет.

Так что, Хухут Бгажба знал имена и фамилии вышеназванных моих друзей, и знал по «информации», которую ему «выдал» я, что они писали стихи, когда еще учились в школе.

Все к тому, что Хухут Бгажба интересовался произведениями талантливого поэта Платона Бебиа с самого начала его творческого пути, когда тот еще был студентом. Читал их с большим удовольствием, и не только читал, но и отмечал успехи и недостатки его поэзии и прозы.

Следует рассказать об одном неосуществленном желании ученого. Хухут Бгажба хотел создать творческие портреты абхазских поэтов и писателей, появившихся в абхазской литературе с 50-х годов, связав их со временем, в котором они родились и развивались. Он хотел наглядно показать сегодняшние успехи абхазской литературы и ее перспективы, сказать, что какими страшными ни были водовороты, через которые прошла литература, она имеет достойных служителей, способных выразить ее возможности, развивать ее.

Идея эта возникла у него в начале 80-х годов. Для этого он собирал и исследовал их художественные произведения, а так-

же материалы, посвященные творчеству.Однако планам было не суждено сбыться. Одна из причин – трудности послевоенного времени.

Однажды пришел к нему, когда он сидел за своим письменным столом. (За редким исключением, всегда заставал его за письменным столом, а приходил я к нему почти ежедневно). В беседе ученый поделился планами: «Есть большая и серьезная тема. Вклад наших писателей, пришедших в литературу с 50-х годов – огромен. Они создали произведения, ставшие национальной гордостью. Я в этом еще больше убедился, когда вплотную начал работать над этой темой. К сожалению, их творчество до сих пор недостаточно исследовано и оценены. В этом наши критики и литературоведы пока мало сделали, откровенно говоря, перед ними непаханное поле».

В списке имен писателей, творческие портреты которых Хухут Бгажба собирался создать, были: А. Гогуа, А. Джениа, Ш. Аджинджал, К. Ломиа, Н. Тарба, Н. Квициниа, В. Амаршан, Г. Гублиа, Н. Хашиг (Ҳашиг), Ш. Пилиа, Т. Чаниа, Пл. Бебиа, Ш. Чкадуа, Р. Смыр, Т. Аджба, Д. Ахуба и др. Из них он успел (хотя и не смог довести до конца) написать о Пл. Бебиа, Т. Чаниа (опубликовано в 2008 году), Н. Хашиг, Г. Гублиа, К. Ломиа. Творческие портреты последних трех писателей и поэтов до сих пор непопубликованы.

Перейдем к книге о Пл. Бебиа, в которой говорится об особенностях его поэзии. Она[1] вышла в свет после смерти Хухута Бгажба. Он хотел дополнить ее, но не успел. Он работал над прозаическими произведениями поэта, но, к сожалению, когда сожгли здание Абхазского института, среди сгоревших материалов была и его рукопись о прозе Пл. Бебиа. Кроме того, исследователь хотел доработать и внести поправки в уже написанное о поэзии Пл.Бебиа. Критик хотел сравнить их и посмотреть новым взглядом. Хухут переживал за судьбу сгоревшей рукописи о прозе поэта, собирался вновь взяться за эту работу и уже подготовил все материалы. Но что должно случиться, не изменишь ...

Хухут Бгажба с самого начала интересовался творчеством Пл. Бебиа, верил в его талант и считал его вклад в абхазскую литературу очень достойным.

Автор предисловия к книге «Платон Бебиа» – «Мастер, знающий как сказать» – доктор филологических наук, профессор Сергей Зухба. Он пишет: «Как известно, Пл. Бебиа принадлежит

---

[1] *Х. С. Бгажба. Особенности поэзии Платона Бебиа, Сухум, 2003, на абх.яз.*

к тому поколению творцов, которое пришло в абхазскую литературу. Как и многие, он впервые появился в печати, как автор лирических стихотворений. Кроме того, что его стихотворения часто появлялись в периодической печати, он выпустил в свет несколько сборников, много пробовал свои силы в создании эпических произведений (поэм). В последующие годы, наряду с поэзией, он пишет большое количество рассказов, новелл, повестей, романов. Избранные поэтические и прозаические произведения Платона Бебиа в переводе были изданы в России и других странах.

Правда, о произведениях Платона Бебиа писали несколько критиков, отмечали его успехи и недостатки. Но в основном все они были написаны в форме рецензий. Сегодня уже, безусловно, можно говорить, о необходимости собирания материалов, исследования, анализа и издания в виде монографии обо всем творчестве Платона Бебиа.

Х. С. Бгажба собирался написать именно такую монографию. Рукопись этой работы под названием «Особенности поэзии Платона Бебиа», как и все, что делал критик, сделана на высоком уровне, в ней 60 страниц, по ней видно, что он собирался продолжить эту работу анализом прозы и издать вместе.

Безусловно, в рукописи отражено и то, что литературовед острым взглядом, вдумчиво и конкретно исследовал анализируемые поэтические произведения Платона Бебиа. Он убедительно показывает нам путь развития поэтического мастерства поэта с самих ранних его стихотворений».[1]

Как справедливо отметил академик Сергей Зухба, Хухут Бгажба стремился донести до сознания читателя лучшее в произведениях Пл. Бебиа, отметить поэтические особенности автора. Вполне можно согласиться с мнением критика, когда он с похвалой говорит о лучших поэтических строках, отличая их, как наиболее яркие, до конца выверенные, согретых душой автора, а также и тогда, когда он отмечает недостатки в других стихотворениях. К примеру, об этом свидетельствует анализ книги Пл. Бебиа, изданной в 1965 году под названием «Звезды». Этот сборник объединяет одинаковые по объему, каждое по 8 строк, но разнообразные по тематике стихотворения. Сергей Зухба пишет: «Отмечая общие качества стихотворений, вошедших в этот сборник (близкие по форме к миниатюре, к афоризму по характеру и т.д.), критик не скрывает, что не все они одинаково удались поэту. Критик, несомненно, прав, когда пишет об удачных поэтических находках автора, об его прекрасном умении

[1] *Х. С. Бгажба. Особенности поэзии Платона Бебиа, с. 7*

выявить большой и глубокий смысл из маленького жизненного события. К ним он относит это стихотворение о детях, и нравоучительное, и вызывающее прекрасные ощущения:

Маленькие пчелы знают свою работу,
Могут ли сказать, что устали они,
Знают свою работу, и делают ее,
А производят, подумайте, что – мед.

Без дела, если пролетит кто-то
Расправятся с ней безжалостно,
Какими бы мы стали, если работали также,
Как пчелы, вместе, дружно.

Перед тем, как начать анализ поэтических произведений поэта, Хухут Бгажба, используя его стихотворение («Прости, мама!») отличает и знакомит с главными фактами в биографии автора. Когда открываются некоторые страницы жизни поэта, тогда и произведения, анализируемые критиком ниже, становятся для нас более близкими и понятными. Биография и творчество писателя неразрывно переплетены, они из одного и того же источника. А что касается Хухута Бгажба, то в его характере интересоваться биографией писателя – знать источник его творчества, так как все эти детали в будущем будут полезными в исследовании жизни и творчества писателя.

Х. С. Бгажба исследовал лучшие из поэтических произведений Платона Бебиа, включая баллады и поэмы. В этом анализе кратко отмечены мастерство поэта, идейное содержание его произведений, а также и слабости, которые на его взгляд, им присущи. В его первые книги «Волны», «Лирика», «Звезды», «Спящая река», «Золотая арба», «Крылья земли» вошли стихотворения и четыре поэмы: «Здравствуй», «Прости, мама!», «Собака с кинжалом в руках», «Свадьба волков». «Произведения, вошедшие в эти книги, автор посвящает любви к родине и народу, обаянию и чистым чувствам»,[1] – пишет критик.

Далее Хухут Бгажба отмечает, что для Пл. Бебиа, как и для всех поэтов, колыбелью его поэзии, источником картин его детства и юности, родных пейзажей и родных звуков, вдохновения стала малая родина – село Кутол (малая родина многих абхазских поэтов): «Он любит всей душой село, в котором родился, прошло его детство, оно становится источником его поэзии».[2]

[1] *Х. С. Бгажба. Особенности поэзии Платона Бебиа, с. 13.*
[2] *Там же.*

Критик приводит примеры, подтверждающие самобытность поэтического языка автора, рисующего в своих стихах неповторимую и уникальную природу Абхазии и создающего запоминающиеся поэтические образы. Критик отмечал, что в лирике Платона Бебиа заметное место занимает живописание птиц: ласточки, голубя, ворона, орла, лебедя. Ему удаются образы животных: коровы, лошади, осла, собаки, медведя..., деревьев: алычи, яблони, тополя, ольхи… Во всем критик видит наблюдательность поэта, его тонкое восприятие всего, что окружает нас, умение передавать убедительно и образно, чтобы дойти до самой души читателя.

Критик считает большой удачей, что почти с каждой изданной книгой художественное мастерство Пл. Бебиа постоянно развивается и отшлифовывается, переиначивая слова поэта, пишет о том, что подобно тому, как пчела ищет лучший цветок, автор интересуется художественным словом и развивает его. Свидетельством тому служат и другие книги поэта, в которых собраны его стихотворения и поэмы: «Спящая река», «Крылья земли», «Невозвратный день»:

«Поэт глубоко задумывается о писательстве, которому он вверил свою судьбу. Явно видит, что поэтическое творчество – трудная работа: «Очень труден творческий путь. Это – горная дорога на альпийские пастбища. Но тот, кто осмелился на восхождение к ним, не может свернуть в сторону», – говорит поэт.

В лирике Пл. Бебиа Х. Бгажба отмечает направленность к реалиям, во многом конкретные, предметные образы. Маленькие сюжеты, используемые им в стихах, оживляют поэзию, он также много использует разговорную интонацию, его поэзии не чужда и метафоричность. Эти качества Х. Бгажба находит в стихотворениях: «Крупный рогатый скот поднимется в гору», «Козы», «Бабье лето», «Сегодня отец дал мне плуг», «Лебеди», «Дуновение ветра», «Море», «Тучи», «Все лето они были гостями», «Деревья купаются», «Лес горит», «Солнце и град», «Спящая река» и др.

«Поэта вдохновляет все, что творит Природа – мать, он тонко чувствует перемены, происходящие в ней, они будоражат его воображение и мысли. Он говорит со стихией, как с живой душой, рисует ее образ».[1]

Критик приводит много примеров для подтверждения своих мыслей:

Стонут, стоя, деревья
Под снежным навесом.

[1] *Х. С. Бгажба. Особенности поэзии Платона Бебиа, с. 23.*

В обиде на природу,
Стоят, словно замерли.

А вот и картина перемен в природе:

Пройдя меж ними, мощно,
Вытрусив и отряхнув все,
Ветер исчез мгновенно,
Оставив ясную тишину.

***

Деревья, вздохнув облегченно,
Радовались, смотря друг на друга
Кланялись вслед ветру
Благодаря его.

Х. Бгажба видит в поэте и сатирика, смело выступающего против негативных явлений и разоблачающий их художественным словом, а также одним из тех, кто развивает в абхазской поэзии традиции этого жанра: «Когда он охвачен справедливым возмущением проявлений негативных сторон жизни, когда берет за душу, обида от несправедливости и несчастий, перед его глазами, словно в помощь, возникает образ сатирика Киршала Чачхалиа», – пишет автор.

В лирике поэта, как отмечает Х. Бгажба, много размышлений о природе мужества и героизма. Тогда в его мыслях появляются образы величайших богатырей, олицетворяющих героизм и смелость – Нарты, Абрыскил, Напха Кягуа, Кяхь Хаджарат. Поэт говорит: «Свои два дня – проживи, прошу, геройски!» Но просит о том, чтобы молодежь пила только из одного источника – святой правды.

Критик подчеркивает то, что Платон Бебиа из того поколения, детство которого пришлось на Великую Отечественную войну, поэтому эхо этих страшных, трудных лихолетий слышится в его стихотворениях: «Арап», «Взяли ружье на войну», «Сын трех матерей», «Маленькая сестренка девушки», «Когда идет дождь – отдушина» и др.

Хухут Бгажба не выпускает из своего поля зрения боль и переживания лирического героя автора, то, о чем он думает. Из них особо выделяет заботу о сохранении природы в таких стихотворениях, как: «Обух», «Егерь», «Олененок».

В стихотворении говорится о реальном, известном человеке – члоуском скотоводе, охотнике Иуаке Цвижба. Как-то на охоте он увидел, выскочившего на бугор оленя. Только прицелился,

как к оленю подскочил малыш олененок. Зачарованно глядя на эту картину, охотник не решился выстрелить.

Критик не прошел мимо еще одного очень важного направления в лирике поэта. Это – посвящения, написанные Платоном Бебиа в адрес известных поэтов. Например, «Дмитрий Гулиа», «Киршал Чачхалиа», «Сергей Есенин», «Константин Симонов», «Кайсын Кулиев» и др. Они, во-первых, расширяют тематику лирики поэта, показывают глубину его творческой мысли. Во-вторых, в них отражается любовь и симпатия, без чего невозможно жить человеку.

В стихотворении, посвященном Дмитрию Гулиа, рассказано о том, как от него скрыли смерть Алексея Ласуриа, оберегая его от потрясений в последние годы жизни. Когда Дмитрий Гулиа отдыхал на своей даче в Агудзере (Агәзера), и захотел увидеться с Алешей, ему сказали, что тот занят завершением большого произведения.

– А, тогда не беспокойте его, это – поэт с большим будущим, – сказал он. В другой раз – тоже самое. Позже, когда Дмитрий заболел, перед смертью пожелал увидеть Алешу, но ему сказали: «Не может Алеша прийти, он болен». Тогда он с болью воскликнул: «Тогда не стойте здесь, прошу вас, спасите его!»

Свой рассказ о книге «О некоторых особенностях поэзии Платона Бебиа» завершаю заключительными словами предисловия С. Зухба: «В работе много страниц посвящены балладам и поэмам Платона Бебиа. Говоря откровенно, до Х. Бгажба так компетентно об этих балладах и поэмах не писал никто. Кроме того, в своей работе Хухут Бгажба внимательно подошел к использованию Платоном Бебиа в своей поэзии устного народного творчества. Критик отмечает, что хотя и изредка, но поэт использует фольклорные сюжеты. К тому же, даже тогда, когда он не приводит сюжет целиком, он следует художественным фольклорным традициям. Вот это последнее качество – умение следовать в своем творчестве фольклорным традициям – критик считает наиболее интересным у уделяет ему большое значение. Он восхваляет поэта, когда ему удается следовать фольклорным традициям и критикует произведения, в которых нарушены эти традиции (например, сказочные традиции поэт немного нарушил в стихотворении «Пастух»).

В целом эта работа Х. С. Бгажба дает читателю правильно представление о поэзии Платона Бебиа, помогает положительному восприятию и пониманию его стихотворений. Я убежден, что эта книга станет необходимым пособием для учителей, сту-

дентов, а также интересным произведением для всех читателей, интересующихся абхазской поэзией».[1]

Необходимо отметить, что в книгах «Абхазская литература. Краткий очерк» (1968), «Очерки истории абхазской литературы» (1974) и «История абхазской литературы», I том. (1986) напечатаны немало статей Хухута Бгажба, в которых опубликованы фундаментальные материалы о наиболее актуальных и сложных вопросах истории абхазской литературы.

* * *

В творческом наследии Хухута Бгажба осталось немало неопубликованных литературно-критических статей, особенно тех, которые должны были войти в готовившуюся им к изданию книгу «Творческие портреты». Кроме того предисловия, к книгам абхазских писателей (на абхазском и русском языках), критические заметки и исследования по проблемам абхазской литературы и посвященные творчеству писателей (включая и юбилейные статьи) подготовленные в разные годы для периодической печати. Справедливо издать их отдельной книгой, они дадут более полное и глубокое представление о критике и литературоведе Хухуте Бгажба.

Считаю необходимым хотя бы кратко остановиться на некоторых литературно-критических очерках, посвященных писателям Георгию Гублиа, Николаю Хашиг и Терентию Чаниа.

Статья о творчестве Георгия Гублиа была написана в 1987 году. В ней критик анализирует поэтические произведения одного из интересных представителей поколения абхазских писателей, вошедших в абхазскую литературу после Великой Отечественной войны, поэта и прозаика Георгия Гублиа. Первый сборник стихотворений поэта вышел в середине 50-х годов. Исследователь подробно останавливается на лучших лирических произведениях автора, созданных в течение 35 лет, анализирует их. И в лирике, и в прозе Г. Гублиа отражается печальный след 37-го года – его отец был репрессирован. Печалью этой трагедией пронизаны многие его лирические образы.

Критик подчеркивает особую любовь поэта к своим корням, родной земле. Неугасимая эта любовь становится источником вдохновения и расширяет тематику произведений, дает четкое представление о том, для кого предназначено творчество. В его поэзии господствуют гражданские (человеческие) мотивы, кроме того, она легко и плавно вторгается и в жанр интимной и пейзажной поэзии.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Особенности поэзии Платона Бебиа, с. 10.*

Критик занимается глубоким анализом стихотворений поэта о прошлом и настоящем Абхазии. Однако наряду с этим, не обходит молчанием и недостатки, свойственные поэзии Г. Гублиа: излишняя повествовательность и повторы мешают художественности, а публицистика опережает поэзию.

В произведениях Георгия Гублиа Х. Бгажба отмечает влияние устного народного творчества, а также то, как автор использует фольклор, говорит о национальном колорите его поэзии. Здесь становится несомненным, что поэт хорошо владеет абхазским (обоими диалектами) языком, мастерски использует его в пословицах, загадках и фразеологических оборотах, которыми наполнены произведения.

В прозе Георгия Гублиа критик выделяет роман «Долг земли», раскрывающий в ретроспективном аспекте различные события, относящиеся к большому отрезку времени из жизни абхазского села не обращая внимания на негативные явления.

К сожалению, Х. Бгажба уделил в очерке о Г. Гублиа мало места его прозе. Но это произошло не оттого, что критик ценил ее меньше, чем поэзию. Хухут Бгажба видел талант поэта и в прозе, понимал, что он обогатил литературу серьезными произведениями, видел и радовался этому. Об этом я знаю не понаслышке, ибо не раз слышал от самого критика недовольство тем, что Гублиа – талантливый автор, только до сих пор его произведения не оценены по достоинству.

– Гром и молния, годы и нехватка времени не позволяют завершить дела, – так с болью говорил он часто в последние годы, особенно после прочтения серьезной абхазской книги.

Да, литературно-критический очерк о произведения Гублиа относится к незавершенным работам Хухута Бгажба. Но, к счастью, то, что он успел сделать и оставить нам позволяет увидеть привлекательный творческий портрет талантливого поэта и писателя, исследованный острым взглядом критика, вызывающий теплые, светлые чувства.

* * *

Такими же неизвестными читателю и неопубликованными остались творческие портреты таких заметных в абхазской литературе писателей, как Кумф Ломиа, Николай Хашиг и Терентий Чаниа. В этих исследовательских работах Хухут Бгажба последовательно и детально анализирует особенности произведений авторов, отражение в них современности, наших достижений и недостатков. Естественно, не проходит мимо замеченных недостатков в поэзии и в прозе, в создании

полноценного образа, в отношении к мастерству. Но критик в творческих портретах подчеркивает место этих авторов в абхазской литературе. Не буду далее анализировать написанное Х. Бгажба, поскольку надеюсь, что эти творческие портреты будут опубликованы и этим займутся наши другие профессиональные критики.

Исследовал, разобрал и насколько смог, попытался рассказать о критических, литературоведческих работах и монографиях Хухута Бгажба, с момента их появления в печати, органично связывая их со временем, в котором они были созданы, в соответствии с исследованиями самого автора. Стремился, чтобы в этом исследовании был отражен стиль его произведений. Но это ни в коем случае не означает, что смог до конца сказать слово, достойное критическим, литературоведческим работам и монографиям ученого. Далек от этой мысли. К наследию Хухута Бгажба, еще не раз обратятся исследователи, которые смогут еще глубже и лучше изучить его творчество. Право на это дает обширное наследие, ставшее нашим национальным духовным богатством.

ХУХУТ БГАЖБА – ЯЗЫКОВЕД

Воспоминания старшего научного сотрудника Абхазского института, языковеда Вячеслав Бганба:

Хухут Салуманович Бгажба – один из тех, кто подобно Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчбадзе, К. С. Шакрыл и другие стоял рядом с Д. И. Гулиа в деле развития образования, самосознания абхазского народа. Он с ранних лет посвятил свою жизнь абхазоведению и исследованию абхазской культуры и литературы и служил этому делу до конца своей жизни.

Абхазская народная пословица гласит: «конь падет – поле останется, а человек умрет – слово останется». Х. С. Бгажба оставил в культуре и науке Слово, выходящее далеко за пределы абхазоведения.

Нет за редчайшим исключением, ни одного ученого, занимающегося абхазоведением, а шире – кавказоведением, настольными книгами которого не являлись бы такие серьезные труды Х. С. Бгажба, как «Бзыбский диалект абхазского языка», «Об абхазских племенах и диалектах» и «Некоторые вопросы абхазской топонимики». Это говорит о многом.

Как известно, существует единственный критерий, по которому определяют пользу и значимость любого научного труда: сколько ученых использует его в своих исследованиях и на-

сколько его материалы и выводы имеют применение в новых научных работах.

С этой точки зрения, невозможно встретить ни одной книги, посвященной абхазоведению – языку, истории, культуре и т.д., в которой не было бы ссылки об использовании материалов из «Бзыбского диалекта абхазского языка» и других фундаментальных трудов Х. Бгажба.

Действительно, ученые, которые занимаются исследованием лексики абхазского языка или этимологией слов, диалектов абхазского языка, путей становления абхазской письменной литературы, – никто не может обойтись без использования трудов Хухута Салумановича, особенно – «Бзыбского диалекта...».

Среди трудов Хухута Салумановича особое место занимают «Об абхазских племенах и диалектах» и «Некоторые вопросы абхазской топонимики».

Эти капитальные труды были созданы в наиболее трудный для абхазского народа отрезок времени – когда грузинские ученые стремились «научно» обосновать и утвердить шовинистическую идеологию руководства Грузии о том, что «Абхазия не принадлежит абхазам», «абхазы не являются коренным населением в Абхазии, они – пришлый народ».

Х. С. Бгажба сумел поставить рядом с работами своих учителей академиков К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава (оба говорили и писали на абхазском языке – Р. К.) серьезный, обоснованный и подтвержденный языковедческим материалом труд, научно убедительно доказывающий автохтонность абхазов на территории Абхазии, о том, что абхазы – коренное население этой страны.

В этих двух серьезных произведениях нашел свое отражение весь исторический путь, пройденный народом, оставшаяся на уровне подсознания историческая память абхазского народа.

Нужно сказать, что при создании этих произведений он проявил себя и великим историком. Именно эти работы стали основой замечательной статьи Х. С. Бгажба «Некоторые вопросы абхазской этнонимики и топонимики», опубликованной им в 1956 году. Она разоблачала «теорию» грузинского ученого Павле Ингороква, которая фальсифицировала историю абхазского народа.

Огромны заслуги Хухута Салумановича и труд его, отданный служению своему народу. Обо всем здесь и не скажешь. Это он впервые заговорил о садзском диалекте, который только недавно научно обоснованно недвусмысленным образом причислили к одному из абхазских диалектов. Он был первым, кто

заговорил об особенностях диалекта батумских абхазов – позднее на эту тему появилась серьезная монография. Это благодаря ему были спасены бесценные произведения, материалы и даже заметки многих других абхазских ученых. Так, благодаря Хухуту Салумановичу сохранились многие материалы великого ученого А. Н. Генко и его словарные материалы, которые после доработки были изданы отдельным словарем Т. Х. Халбад.

Великий ученый оставил большое научное наследие которое нужно издавать и переиздавать. Оно возвращает нас к прошлому, позволяет понять настоящее, дает возможность заглянуть в будущее. Сколько бы ни прошло времени это наследие не станет старым и не потеряет своей актуальности.

«У большой реки и возможности велики!»

Действительно, Хухут Бгажба был маститым языковедом, созданные им работы, монографии хорошо известны далеко за пределами Абхазии и России, особенно ученым, специально занимающимся исследованием языков народов Кавказа. Эти работы до сих пор не исследованы и не оценены по достоинству. Были времена, когда вместо этого многие (разумеется, из введенных в заблуждение абхазов) не понимали, или не хотели понимать, смысла и значения исследований Хухута Бгажба в области абхазского языка и сбивали читателей с правильного пути, распространяя слухи, порочащие имя ученого, будто его труды унижают и оскорбляют абхазский народ.

В этой части книги, посвященной исследованиям в области абхазского языка, не буду заниматься анализом работ, учитывая, что я не языковед и выводы мои могут иметь лишь самый общий характер. Потому в качестве вспомогательного материала хочу использовать мнения и оценки языковедов о работах Хухута Бгажба в области абхазского языка. Не могу не выразить и своего мнения как филолог и литературовед.

Научным исследованием абхазского языка Хухут Бгажба начал заниматься с того момента, как поступил в аспирантуру в Тбилиси. Его первая работа, позже изданная отдельной книгой, называлась: «Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе». Именно это и было темой диссертации на соискание степени кандидата филологических наук в Институте языкознания им. акад. Н. Я. Марра, которую Х. Бгажба защитил 31 декабря 1941 года в Тбилиси. Во введении к диссертации работы автор пишет:

«Одной из основных особенностей абхазского глагола является сугубая синтетичность его: в глагольной форме обозначаются не только морфологические категории, но в ней выраже-

ны и синтаксические элементы. Обстоятельственно-союзные элементы (частицы), выявляемые в глагольных формах, как аффиксы синтаксического порядка, еще не служили предметом специального исследования.

Предложенная работа суммирует известные по данному вопросу в соответствующей литературе положения, в отдельных случаях дает новые факты и наблюдения, а также, когда факты кое-где напрашиваются на это, устанавливает генетическую связь этих аффиксов с соответствующими наречиями и послелогами.

Вполне понятно, что наша работа, являющаяся, в сущности, описательной, может ставить себе лишь самые скромные задачи. Сколько-нибудь систематический и законченный анализ мог бы быть продуктом лишь длительной работы.

При анализе упомянутых аффиксов учитываются их фонетические изменения по диалектам абхазского языка. В диалектологических целях мы использовали записи из живой абхазской речи: «Адзюбжинские тексты» академика С. Н. Джанашиа, записанные в 1921 году, «Бзыбские тексты» доцента К. В. Ломтатидзе и наши записи по двум диалектам абхазского языка– абжуйскому и бзыбскому. Значительно меньше использованы нами данные абазинского диалекта абхазского языка. Не имея возможности изучить абазинский диалект на местах, мы старались этот недостаток восполнить применением существующих источников».

Как видим, первая работа Хухута Бгажба посвящена самой сложной теме в абхазском языке, показывающей богатство и возможности абхазского языка – категории глагола. Здесь проявились его необыкновенные способности в исследовании языка. Значение этой работы и сегодня трудно переоценить, абхазские языковеды последующего поколения развили ее, занявшись исследованием других проблем глагольной формы.

После этой работы ученый капитально занялся исследованием абхазского языка, начиная с исследования проблем исторического плана, он создал множество работ. Все они содействовали расширению границ научного исследования абхазского языка, стали представлять интерес для тех, кто занимался языками кавказских народов.

Безусловно, над всеми работами Хухута Бгажба, созданными в области языкознания возвышается «Бзыбский диалект абхазского языка». Он вышел в свет в 1964 году в Тбилиси под редакцией известного ученого, академика А. Чикобава. К чему скрывать, до сих пор у нас нет капитального труда такого мас-

штаба и уровня, посвященного лингвистическому исследованию абхазского языка. Но, к сожалению, кое-кто задался целью очернить эту работу, занявшись пропагандой, будто эта книга оскорбляет и унижает достоинство абхазов. Не буду вдаваться в причины, почему это произошло. Во-первых, все это принадлежит прошлому и не стоит его ворошить, так как «копая землю можешь извлечь грязь». А во-вторых, цель тех, кто боролся против книги «Бзыбский диалект абхазского языка» в те годы была совершенно иной. Как говорится, «целясь в корову, попадаешь в быка», так и эта «борьба» имела цель снять тогдашнего первого секретаря Абхазского обкома ЦК КП Грузии М. Т. Бгажба. Так и случилось, только не из-за этих «борцов», а после того, как сняли Н. С. Хрущева.

Сразу оговорюсь, книга, конечно, имела и недостатки. Например, не стоило, на мой взгляд, учитывая значение психологического фактора для абхазов, включать в нее главу об ономастике – о происхождении абхазских фамилий, которая занимала в книге не более нескольких страниц. Но коль это случилось, надо ли было нападать чуть ли с палками, смешивать с грязью ученого, который с юношеских лет искренне трудился над исследованием национальной литературы, ранить его душу?

Вот мнение известного и за пределами Абхазии языковеда, доктора филологических наук, профессора, академика АНА Л. П. Чкадуа о Хухуте Бгажба как языковеде.

«Хухут Салуманович Бгажба был филологом в самом широком значении этого слова. Он относится к плеяде тех ученых, которые одинаково глубоко, всесторонне и высокопрофессионально вели исследования в сферах языка, литературы и фольклора. Круг научных интересов Х. С. Бгажба в области абхазского языка особенно также широк. Его изыскания. посвященны вопросам диалектологии, лексикологии, морфологии, нормирования и истории абхазского литературного языка, текстологии, взаимоотношения абхазского языка с русским и картвельскими языками и др.

Лингвистическая деятельность Х. С. Бгажба началась с исследования сложных глагольных образований, характерных для абхазско-адыгских языков – инфинитные глаголы с обстоятельственными формантами, которые до него не получили должного описания. Результаты исследования легли в основу его кандидатской диссертации, которая была защищена в 1941 году в Тбилиси в Институте языкознания им. академика Н. Я. Марра.

За этой работой последовали различные исследования, из которых особо необходимо выделить диалектологическую.

В творческой деятельности Х. С. Бгажба диалектологическая работа занимает одно из центральных мест. Ей он посвятил ряд лет, в течение которых систематически ездил в районы бзыбской Абхазии, а также в села Фериа, Ангиси в Аджарии, населенных абхазами – махаджирами. Неоднократные экспедиции, сбор материала, его анализ, систематизация, выявление характерных особенностей, их обобщение вылилось в весьма солидную монографию «Бзыбский диалект абхазского языка».

При изучении диалекта использовались не только описательный метод, но и сравнительно-исторический: сравнивались и сопоставлялись факты бзыбского диалекта с соответствующими фактами абжуйского диалекта абхазского языка, абазинских диалектов, а также адыгских и других кавказских языков.

Что бзыбский диалект отличается от абжуйского диалекта в основном фонетико-фонологической системой, было известно и до выхода данной монографии. Основываясь на ареале распространения специфических бзыбских форм, были выделены и говоры. Но ответы на вопросы, в каких лексемах, и в каких морфологических формах они встречаются, дает монография. Очень подробно с привлечением большого материала, с сопоставлением с данными абжуйского и абазинского диалектов описываются фонетические процессы, при этом делается акцент на те моменты, которые характерны для бзыбского диалекта.

До выхода данной монографии фонетическая система абхазского языка экспериментально, посредством рентгеноустановки, не изучалась. Эта первая работа, в которой часть фонем, характерных лишь для бзыбского диалекта, получили подробнейшее артикуляционное описание, и в этом ее особая значимость.

Относительно морфологических особенностей Х. С. Бгажба пишет: «В области морфологии абхазские диалекты обнаруживают мало расхождений. Здесь подавляющее большинство различий не касаются самой морфологической системы диалектов, ибо абхазские диалекты весьма близки между собой в области грамматического строя».[1]

Имеющиеся различия не затрагивают морфологической системы и носят частичный характер.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 143.*

Раздел «лексические особенности» особо отличается широтой охвата материала. Помимо слов обиходной речи – названия предметов домашнего использования, одежды, обуви, различных видов пищи, зерновых культур и т.д. – в монографии представлен лексический состав таких отраслей как виноградарство, животноводство, рыболовство, сельское хозяйство. Вполне справедливым будет заявление о том, что начало изучения отраслевой лексики абхазского языка, заложено именно в данной монографии. То же самое можно сказать и об абхазской антропонимике и топонимике.

Особо хочется выделить подраздел «названия сортов винограда», в которых дается не только перечень около 40 сортов винограда, но и их описание, вкусовые качества, как винограда, так и приготовленного из них вина. Кроме диалектных названий существующих сортов винограда Х. С. Бгажба приводит названия уже исчезнувших сортов, данные которых взяты из специальной литературы.

Справедливо отметить, что в разделе «Лексические особенности» отражены не только особенности бзыбского диалекта, но и в равной мере особенности абжуйского диалекта: каждая бзыбская лексема сопровождена соответствующей абжуйской лексемой, а при наличии вариантов и вариантом (исконным, заимствованным), а также русским переводом.

Представленный материал позволяет выделить следующие расхождения, которые имеются между бзыбскими и абжуйскими лексемами:

1) по фонетическому облику (учитываются не только варианты со специфическими бзыбскими фонемами, но и с другими звуковыми несовпадениями): аҭырккара, абж. аҭыкәкәара («осушить, выпить содержимое до дна»), аҷабрыхәа, абж. аҷапырхәа (тонкая веревка), ацәгәырпа, абж. ацәқәырпа (морская волна).

2) по морфологической структуре: ашәага, абж. ашәагаа «рост», анапхдара, абж. анапхгара «руководство, руководить», ашьапкларшә, абж. ашьапҵаршә «подножка», ацәаԥәарсҭа,абж. ацәаԥәасҭа«вспаханное место».

3) по семантическим отклонениям: ацәꙋыча//ашәцатәы «одежда», абж. ацәꙋыча «шелковая ткань», «хороший материал», абагьыр «перило крыльца», абж. «мостик», асифаҭ, ауаꙋы сифаҭ «немощный человек», абж. щеголь.

4) по разным словам: акәыландыр, абж. ахәысхәа «кинза», ашьыхә, абж. аԥкәылмиҭа «мята».

5) по заимствованиям; несовпадения могут быть обуслов-

лены тем, что в одном из диалектов лексема заимствованная, или же в обоих диалектах заимствованные слова из разных языков: асацат (из персидского, арабского), абж. абарқәам (из грузинского); абыц'аҟь, абж. ачалт(из грузинского) – «плетеный настил», акәырчыжь, абж. агәаргәалси (из мегрельского) – «тележка», ацатхь, абж. ацатхь, аҟанц (из грузинского), асакь (из греческого), абж. аацәа – «мешок».

Внимательное ознакомление со всем лексическим материалом дает представление о некоторых моментах истории абхазского языка, а также о культурно-исторических контактах носителей этих диалектов с иноязычными народами. Обобщая, можно сказать, что бзыбский диалект менее подвергся процессам новации: в бзыбском диалекте больше адыгских заимствований, чем в абжуйском, в абжуйском же больше занских заимствований; адыгские заимствования более ранние, занские заимствования – поздние.

Несколько слов о приложенных к исследованию текстах. В лингвистическом плане они уже уникальны. Их уникальность обеспечена двумя моментами: 1) тексты записаны с академической точностью; знакомство с текстами позволяет точно воспроизвести речь всех поколений 50-х годов; 2) записи текстов были сделаны не позднее 50-х годов. За это время под действием процесса конвергенции, обусловленного расширением диапазона использования абхазского литературного языка, язык диалекта, несомненно, подвергся изменениям.

Наглядным примером может служить отрывок из монографии: «В верхней части села Лыхны Аджимчигра; учитель начальной школы П. К. аз° (az°) «корова» и ас° (as°) «бук» произносил без свистяще-шипящих з°(z°), с° (s°), так что в его произношении не дифференцировались аз° (az°) «корова» и аж° (as°) «старший», а также ас° (as°) «бук» и ащ° (cs°) «дверь», «сыр». На вопрос, почему он не дифференцирует эти согласные, последовал ответ: «О существовании бзыбских звуков я знаю, до поступления в школу я их произносил, но теперь я говорю по литературному, т.е. как пишут в книгах и газетах». Ученица той же школы Г. Ч. (19 лет) в приведенных выше словах не употребляла свистяще-шипящих з°, с°, (z°, s°), заменяя их обычными ж°, ш° (z°,s°), но в произношении ее отца эти согласные четко различались».[1] Но каким изменениям и насколько, к сожалению, сказать нельзя, так как после публикации данных текстов, другой публикации текстов, записанных с такой же точностью, не было.

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка, с. 58.*

Изучение бзыбского диалекта, естественно, перед исследованием ставило вопрос об истории образования и развития абхазских диалектов. Этому вопросу он посвящает статью «Об абхазских племенах и диалектах», в которой поставленная проблема рассматривается на фоне исторических и лингвистических данных.

Историю образования абхазских диалектов Х. С. Бгажба рассматривает в связи с историей абхазских племен, с учетом их локализации в пределах Западного Кавказа в разные исторические периоды и этапы передвижения, представленных в письменных источниках с I по XX век.

Х. С. Бгажба разделяет мнение тех ученых, которые апсилов и абазгов считают «непосредственными предками абхазской народности»: «Абазги и апсилы являются ближайшими родственными этническими образованиями, – пишет Х. С. Бгажба, – на что указывают и их самоназвания, восходя еще к одному и тому же корню, представленному различными фонетическими вариантами: ps//psʾ, (←pas//pasʾ), bs (←bas), pš(←paš)».[1]

По Х. С. Бгажба, этнонимы абасги, Абазги, абаски, абасхи, абхаз, апсуа, абаза являются разновидностями одной и той же основы. Ссылаясь на С. Н. Джанашиа, он пишет: «Путем слияния согласных в начале слова форма абаз-х переходит в груз. абхаз-и (аρхаz-i)».[2]

Основываясь на том, что во всех местах локализации абазгов и апсилов, Абазги всегда обитали севернее апсилов, а также на самое позднее их расселение на территории современной Абхазии (от реки Гумиста на юге – апсилы, на севере – абазги), Х. С. Бгажба приходит, на мой взгляд, к верному заключению, согласно которому речь абазгов легла в основу бзыбского диалекта, речь апсилов – абжуйского диалекта: «На территории абазгов был распространен бзыбский диалект, а в зоне обитания апсилов – абжуйский», – пишет он.

В этой же статье с привлечением большой ссылочной литературы освещается вопрос образования абазинского языка и его диалектов – тапантского и ашхарского.

Вопросы этнической принадлежности племен, в исторический период проживавших на территории Северо-Западного Кавказа (имеем в виду санигов, джиков, садзов), и о их генетической взаимосвязи и сегодня для некоторых историков остаются гипотетическими. По мнению же Х. С. Бгажба, этнонимы

---

[1] *Х. С. Бгажба Об абхазских племенах и диалектах. Труды. Т. I, Сухум, 1987,.с. 116..*

[2] *Там же.*

саниги, джики, садзы в разные исторические времена разными историками использовались для обозначения одного народа, являющегося частью абхазского народа. Апсилы, Абазги, Саниги (Садзы), консолидировавшись, совместно образовали одну народность, известную по письменным источникам как апсуа, абхазы, абаза, обезы.

Учет особенностей речи ашхарцев, выявленные им особенности речи абхазов-махаджиров, проживающих возле Батуми в селе Фериа, некоторые особенности речи калдахуарцев, информации долгожителей, лексические фрагменты садзского языка, записанных им, позволили Х. С. Бгажба заключить, что носители перечисленных наречий в прошлом были жители одного региона, что язык садзов был абхазским, имеющиеся же расхождения с абхазскими и ашхарским диалектами не выходят за пределы диалектных. Эти положения были подтверждены последующими исследованиями Э. К. Килба, В. А. Чирикба.

Для историографии топонимический материал является одним из убедительных аргументов, подтверждающих историческую прародину народов и их передвижение.

«При этом наиболее показательным является название больших рек и гор», так как они менее подвергаются изменениям, чем названия населенных пунктов, особенно мелких. В этом плане, не говоря о лингвистическом аспекте, статью Х. С. Бгажба «Некоторые вопросы абхазской топонимики» трудно переоценить. Впервые топонимика Абхазии, особенно ее древний пласт, в таком солидном объеме подвергается лингвистическому исследованию: выявляется структура топонимов и его морфемный состав, устанавливаются их языковая принадлежность и этимология, различаются пласты – древний и более поздний, сопоставляются с топонимами аналогичной модели районов Сочи и Северо-Западного Кавказа, указывается степень распространения однотипных топонимов определенной структуры в том или ином регионе Абхазии и какую географическую номенклатуру они обозначают, классифицируются по их морфемно-структурным характеристикам.

Основываясь на личных наблюдениях, а также на данных специальной литературы, Х. С. Бгажба выделяет три топонимических слоя: абхазо-адыгский – это самый древний слой, представленный топонимами с морфемами цсы, ца, генетически восходящие к абхазо-адыгской языковой общности: Акампсис (античное название реки Чорох), Аацсы, Хы-цсы, Лаш-цсы, Хаш-цсы, Цсоу, Бзы-ц, Хәа-ц, Цшьа-ц, Улиа-ц (Северный Кавказ); абхазские топонимы – они составляют

основную массу топонимов Абхазии; для данных топонимов характерны морфемы – ра, ҭа, рхәы, хәа, шьха, цҭа, ҷа, кәара: Гәдоуҭа, Бзыцҭа, Чхалҭа, Лаҭа, Кәыдырҭа, Дәрыцшь, Маҷара, Аҟармара, Азҕара, Кәыдры, Аишьха, Бырзишьха, Жәоакәара; Хыцҭа, Кәыдецҭа, Рицҭа; картвельский слой, представленный преимущественно занскими элементами». Ареал распространения их главным образом от реки Кодор до реки Ингур».

Однако, как отмечает автор статьи: «В Очемчирском районе в названиях горных пространств и рек сравнительно легко выделяется абхазский элемент, например, в таких топонимах: Харва (Аҳарҧа), Соуцсара, Адувада (Адәыҧада), Мрамба, Чамхара-хы, Ачырасра, Куниашҭа, Цаҟьазҭоу, Аҟармара, Ахылблаара и т.д.».[1] Названия населенных мест абхазские и занские. Заслуживает внимания заявление Х. С. Бгажба: «В Гальском районе абхазский топонимический слой (хотя он явно обнаруживается в микротопонимии) редеет, уступая занскому».[2] Перечисленные факты свидетельствуют о том, что появление занской топонимики в названных регионах – явление позднего характера.

Для выявления истории какого-либо народа, данные древних письменных источников невозможно переоценить. В работах Х. С. Бгажба учтены положения не только античных и средневековых авторов, но и современных историков. Однако хочется особо подчеркнуть, что один лишь топонимический материал и его анализ уже являются бесспорными аргументами, которые свидетельствуют о проживании абхазских племен на территории современной Абхазии, как говорится, «с незапамятных времен».

Для Хухута Салумановича небезынтересны письменные памятники, которые и по сей день сохранились на стенах храмов, крепостей, мозаике (пицундской), на надгробных плитах, а также нанесенных на предметах духовной и материальной культуры. В 1967 году Бгажба издает работу «Из истории письменности в Абхазии», в первой части которой – «Сведения о памятниках письменности» – представлены расшифровки (транскрипция и перевод на русский язык) всех письменных памятников, обнаруженных на территории Абхазии до середины XX века. Фактический материал извлекался автором, как он сам пишет, «из музейных коллекций, архивных документов, печатной литературы, а также полученных в результате поле-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I,, с. 145.*

[2] *Там же, с. 146.*

вых работ самого автора и других лиц». Дешифровка некоторых памятников произведена по инициативе самого автора. Весь материал, его систематизация по языковой принадлежности и дешифровка с максимальным учетом его достоверности позволяют читателю воспроизвести основные вехи истории абхазского народа с начала новой эры по XVIII включительно. Однако приходится сожалеть, что данная работа, представляющая собой свод и дешифровку в основном эпиграфического материала, пока единственная. А она могла бы быть продолжена самим автором и другими исследователями, так как археологами за последние 30–40 лет были обнаружены и другие письменные памятники, например, майкопская плита, цебельдинские находки и др.[1]

Х. С. Бгажба особое внимание уделяет вопросам возникновения и развития абхазской письменности, формирования абхазского литературного языка. (Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси. 1967; Об абхазском письменном (литературном) языке. Этюды и исследования. Сухуми, 1974; Из истории абхазского письма. Труды. Книга первая. Сухуми, 1987). Существование в абхазской лексике исконных древних абхазских слов: аҩра – «писать», ацхьара – «читать», анапынцара – «подписываться», адамыҷ – «клеймо», анцара – «нанести», письменные памятники, засвидетельствованные на территории современной Абхазии, вислая печать Константина Абазгского и т.д. позволяют Х. С. Бгажба заявить, что «предкам абхазов, хотя они не имели своего письма на родном языке, начиная с первых веков нашей эры не была чужда письменная культура. Абхазский народ, находясь издавна в общении с культурными народами, пользовался греческим, латинским, турецким, русским письмом».[2] В вышеупомянутой работе и в статьях Х. С. Бгажба дает обстоятельное описание истории создания всех алфавитов абхазского языка. Особое внимание он уделяет алфавиту, созданному П. К. Усларом, который блестяще определил фонемный состав абхазского языка и выбрал верную графическую основу для их обозначения. В статьях отмечается роль М. Р. Завадского, И. А. Бартоломея, К. д. Мачавариани, Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа в совершенствовании первого алфавита абхазского языка.

В монографии «Бзыбский диалект абхазского языка», а также в других статьях, Х. С. Бгажба описывает динамику развития

---

[1] *Об эшерской, цандрипшской и цебельдинских надписях найденных после 1967 г. Х. Бгажба написал в 1987 г. – Р. К.*

[2] *Х.С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, с. 34–35.*

абхазской письменности, которая затем вылилась в абхазский литературный язык. На основе анализа текстов монографии П. К. Услара, первого «Абхазского букваря», «Краткой священной истории», букваря Д. И. Гулиа, также поздних изданий, определяет их диалектную основу. У самого истока абхазской литературы язык ориентировался на бзыбский диалект, с выходом букваря Д. И. Гулиа, К. Мачавариани, букваря А. М. Чочуа, первого сборника стихов Д. И. Гулиа бзыбская ориентация была сменена абжуйской.

«Вместе с тем, ориентация литературного языка на абжуйский диалект в дореволюционные годы, – пишет Х. С. Бгажба, – оказалась половинчатой, так как диалектная смешанность письменного языка в целом оставалась не устраненной».[1] Это было обусловлено тем, что не было общепринятых норм абхазского правописания, каждый писал так, как говорил и считал это правильным. Необходимость создания норм абхазского литературного языка была очевидной. Уже в 30-х годах создается комитет терминологии и орфографии, выходят статьи В. Кукба, А. Хашба, Д. Гулиа, посвященные вопросам абхазской орфографии, выходит «Краткая орфография абхазского языка» Д. Гулиа. Активная работа в этом направлении, к сожалению, прерывавшаяся из-за репрессии (первые квалифицированные специалисты А. Хашба, В. Кукба, а также передовая пишущая интеллигенция была репрессирована). И только в 50-х годах работа по унификации нормирования абхазского литературного языка была возобновлена. В 1954 году выходит справочник «Правила по орфографии абхазского языка» Х. С. Бгажба, который сыграл большую роль в развитии абхазского литературного языка. С 1954 по 1997 годы этот справочник был единственным орфографическим пособием и за это время, благодаря ему, у пишущих людей выработались прочные навыки унифицированного написания: гласных фонем о, е, особенно ы, дифтонгов аи, еи, словосочетаний типа – ауаюы бзиа (ауаԥы бзиа) – «хороший человек», временных форм глагола, которые богато представлены вариантами, послелоги, наречия, числительных и пр. Одним из сложных вопросов орфографии во многих языках мира является вопрос слитного, дефисного, раздельного написания сложных образований. Это в основном вызвано словообразовательным процессом, отражающим разные этапы перехода словосочетаний в композиты, а также спецификой языка сложных образований, занимающих про-

[1] *Х.С. Бгажба. Об абхазском письменном литературном языке. Этюды и исследования. Сухум, 1974, с. 97.*

межуточную позицию между композитом и словосочетанием, много, и, естественно, для их нормированного написания Х. С. Бгажба вводит свыше 20 правил.

Коллектив авторов в 1997 году издал справочник по орфографии и пунктуации абхазского языка.[1] (Правописание абхазского языка. Сухум. 1997), в котором в основном соблюдены традиции правописания, сформировавшиеся на правилах справочника Х. С. Бгажба.

Во многих литературоведческих статьях Х. С. Бгажба призывает поэтов и писателей соблюдать чистоту абхазского языка, очень осторожно, умело, тщательно подбирать слова; исходя из семантики, основываясь на лексико-семантических правилах сочетаемости, строить словосочетания и предложения. Порой заслуженно резко он критикует того или иного писателя за небрежные, неестественные, необразные эпитеты, сравнения, которые, безусловно, не обогащают абхазский литературный язык, а, напротив, засоряют.

Хочется особо выделить статьи Х. С. Бгажба, посвященные отдельным исследователям – Н. Я. Марру, А. Н. Генко, П. Чарая, А. Хашба.

Эти статьи отличаются особой индивидуальностью: они не велики объемом, но велики информативностью. В представленной информации автор концентрирует внимание читателя на основных моментах творческой деятельности и жизни ученого. Например, подробно описывая пребывание Н. Я. Марра в Абхазии, его связи с абхазской интеллигенцией, его старания в формировании специалистов по абхазскому языку и литературе, Х. С. Бгажба коротко освещает этимологию этнонима аԥхаз, предложенную Н. Я. Марром, а также генезис форманта цхе//хе в мегрельских женских фамилиях, восходящего к абхазскому слову аԥха «дочь».[2]

В статье о Петре Георгиевиче Чарая Х. С. Бгажба подчеркивает его образованность, самоотверженный труд на поприще народного просвещения, его бескорыстность, а также материальную нужду и его трагический конец.

Теплыми штрихами описывается научный портрет А. Хашба. Очень широк был круг интересов А. Хашба: он изучал убыхский, грузинский, абазинский; объектом исследования были не только теоретические вопросы, но и практические, был отличным организатором.

Много интересных сведений о П. К. Усларе дает Х. С. Бгажба

---

[1] *На абх. яз.. – Р. К.*

[2] *Х. С. Бгажба. Н. Я. Марр и абхазоведение. Труды. Т. I, с. 73–112.*

в статьях «Об абхазском письменном (литературном) языке», «Об истории абхазского письма»».

* * *

Монография «Из истории письменности в Абхазии»(1967) (состоит из краткого вступления «От автора»; двух разделов: I – «Сведения о памятниках письменности» II – «Возникновение и развитие абхазской письменности»; а также дополнения «Синоптическая таблица буквенных и транскрипционных знаков для абхазского языка») относится к таким работам Х. Бгажба, которые, по моему глубокому убеждению, нельзя рассматривать вне комплексной связи с историческим контекстом времени ее написания и последующими научными очерками Х. Бгажба по этой проблематике.[1] Только при таком подходе можно справедливо оценить значение этих исследований нашего ученого, понять основные его идеи, суммировать его выводы. Такой скрупулезный анализ должны сделать исследователи истории абхазоведения, что касается меня, я хочу, дорогой читатель, обратить твое внимание на основные результаты исследования Х. Бгажба.

В введении 1967 года он подчеркивает, что рассматривает историю письменности Абхазии с древних времен. Своей задачей ученый ставил «не подробный палеографический анализ текстов», а насколько это было возможно, собрать и систематизировать фактические материалы, найденные в музейных коллекциях, архивных документах и печатной литературе, а также найденное самим автором и другими учеными во время полевых работ. В работе все особое внимание уделяется вопросу возникновения и развития абхазской письменности, к 100 – летнему юбилею которой и приурочен этот научный труд.[2]

В I разделе Х. Бгажба в хронологическом порядке (с VI до н.э. до 2–й половины XIX века), широко привлекая археологические данные, приводит письменные памятники Абхазии на греческом, латинском, арабском, грузинском и турецком языках, сопровождая их иллюстративным фотографическим материалом (кстати, единственный раз, – Р. К.). Это был первый системный анализ эпиграфического материала найденного в Абхазии, содержащий периодизацию использования того или иного языка в Абхазии. Ценность его и в следующем выводе: «Анализ эпиграфического материала свидетельствует о

---

[1] *См. Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, Сухум, 1972, с. 66–114 и Х. С. Бгажба. Труды, т. I. Сухум,1987, с.3–29, 147–169.*

[2] *Х. С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, с. 5.*

том, что предкам абхазов, хотя они и не имели своего письма на родном языке, начиная с первых веков нашей эры не была чужда письменная культура».[1] В дальнейших работах по этой теме Х. Бгажба расширяет датировку письменных памятников на основании новых археологических данных – с I тысячелетия до 2-й половины XIX века, дополняет свое исследование новым эпиграфическим материалом.

Цель раздела подвести читателя непосредственно к истории возникновения абхазской письменности, показать, что древний абхазский народ в своем историческом развитии пришел к необходимости создания собственной письменности.

Еще одна немаловажная деталь. Наши заингурские оппоненты, любят ссылаться на эту книгу Х. Бгажба, находя в ней подтверждения своим выводам. Действительно, в тех местах монографии, где речь идет об исторической обстановке, в которой в Абхазии превалировал тот или иной письменный язык, естественно, их интересует грузинский, есть тезисы льющие бальзам на «израненную исторической несправедливостью душу» грузинских «ученых». Вот мол, дескать, ваш крупный ученый, языковед подтверждает роль грузинского языка для абхазов, называет Абхазское царство западно-грузинским, подчеркивает, что Абхазия «входит» в «объединенное грузинское царство»... Я хочу им рекомендовать внимательно посмотреть на текст монографии, на ссылки в ней. Х. Бгажба, как я уже отмечал, тщательно подходил к своему слову, особенно в тех частях своих исследований, которые касались вопросов, где он не считал себя специалистом, прежде всего, истории Абхазии (исторический фон для анализа эпиграфических надписей безусловно необходим). В этих случаях он старался опереться на мнение тех, кто считался наиболее компетентным, общепризнанным, в-особенности, известных абхазских историков. Я к тому, что приводя в 1967 году тот или иной исторический тезис по средневековой Абхазии, Х. Бгажба ссылался на З. В. Анчабадзе (см. З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, Сухум, 1959), а с 1972 года – еще и на Г. А. Дзидзария (см. З. Анчабазе, Г. Дзидзария. Дружба извечная, нерушимая. Сухум, 1972). При этом, если время показывало неверность тезиса нашего или любого другого специалиста, давало что-либо новое, Х. Бгажба изменял, свое исследование, не считал это для себя зазорным. А то, что, когда, почему и зачем наши ученые писали, шли на компромиссы, это предмет отдельного глубокого, а не шапкозакидательского, анализа. Некоторые, с позволения ска-

[1] *Там же, с. 34.*

зать, историки ничего не хотят слышать о сложностях того или иного времени, их бы туда, делают выводы, а, по сути, ничем не отличаются от стереотипов комсомольцев 20-х годов. Но, хватит об этом, читатель может сделать самостоятельные выводы, прочтя все работы, которые я упоминал.

Во второй части этой монографии – «Возникновение и развитие абхазской письменности» подробно исследуется история национальной письменности. Автор пишет и о зачинателях этого святого дела, о политической и социальной составляющей описываемого времени (от присоединения к России до 70-х годов XX века), о внешней и внутренней обстановке в Абхазии. Несмотря на неоднозначность процесса присоединения к России, писать об этом сегодня следует, по – моему, с учетом того позитивного значения, которое дало нам общее с русским народом духовное пространство, большого влияния русской культуры. Первым, кто составил наш алфавит и научно исследовал наш язык, был русский ученый, исследователь кавказских языков генерал П. К. Услар. Правда, позднее и у абхазов, получивших достаточно серьезное образование в Российской империи, появилось понимание, что Родину, Народ и Язык невозможно сохранить только с оружием в руках, и они с энтузиазмом принялись создавать свою письменность, заниматься просветительством, творить свою художественную литературу, несмотря на все имевшиеся на этом пути преграды.

Все это в историческом плане ясно и четко показал Хухут Бгажба во II главе книги. Он создал в ней незабываемые образы тех ученых и просветителей, которые внесли свой вклад в дело становления, создания и развития нашей письменности, начиная от барона П. К. Услара. Он также исследовал творческий путь нашего алфавита, грамматики, правописание нашего языка – всех тех атрибутов, из которых состоит наша письменность.

Через всю главу красной нитью проходит мысль о том, что национальную письменность, художественную литературу ждет светлое будущее, ибо начатое нашим великим Дмитрием святое дело продолжают его последователи, талантливые, любящие свою нацию писатели и ученые, которые способны нести дальше это святое дело – приумножать наше замечательное духовное богатство.

Я не буду дальше останавливаться на этой монографии, так как вопросы, связанные с историей абхазской письменности, мною рассматривались и выше. Но хочу только отметить, что нигде больше не встретишь, «Синоптической таблицы букв и

транскрипционных знаков для абхазского языка», в которую включены:

1. Алфавит П. К .Услара.
2. Печатная форма того же алфавита с дополнениями М. Ф. Завадского.
3. Алфавит Переводческого комитета.
4. Аналитический (яфетидологический) алфавит Н. Я. Марра.
5. Латинизированный алфавит Н. Ф.Яковлева.
6. Алфавит на основе грузинской графики.
7. Современный абхазский алфавит.
8. Латинские транскрипционные знаки, употребляемые в лингвистических целях.[1]

* * *

В исследовательской работе академик Хухут Бгажба немало уделял внимания поиску биографий и произведений ученых, занимавшихся развитием абхазского языка и его письменности, пропагандировал и стремился научно использовать их наследие, считая его значительной страницей нашей истории.

Как известно, абхазская письменность появилась со второй половины XIX века после присоединения Абхазии к России, но можно сказать, что развивалась она весьма вяло, кроме того, этому развитию мешало многое и в первую очередь, трагедия махаджирства 1877–1878 годах. Но с начала 90-х годов абхазская интеллигенция принялась за развитие абхазской письменности, начала организовывать издание книг на абхазском языке.

Для этого дела была создана абхазская переводческая комиссия. Как отмечает Хухут Бгажба, работа комиссии не была исследована должным образом, и он, используя найденные в Центральном архиве Абхазии новые материалы, осуществил эту работу в статье «Об абхазской переводческой комиссии (1892-1921)».[2]

С помощью архивных документов, мы узнаем обо всех этапах работы Переводческой комиссии, которая была организована в 1892 году. Начало комиссии было таким: житель села Лыхны, владевший грамотой Николай (Шабат (Шабат)) Гублиа 16 декабря 1891 года обратился с прошением к обер-прокурору святейшего правительствующего Синода К. П. Победоносцеву:

«По чувству глубокого сострадания к своему народу, сидящему во тьме и сени смертной, я взял на себя смелость утруж-

[1] *Х. С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии, с. 65.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, Сухум, 1974, с. 181 – 191.*

дать от имени всей страны Ваше ысокопревосходительство всепокорнейшею просьбою. Как коренной абхазец, все время своей жизни, препровождая посреди абхазцев, я хорошо сознаю, что только одно средство может вывести этот народ из его несчастного положения – именно, – когда будет переведено на абхазский язык все священное писание и народ услышит богослужение на своем родном языке. Теперь абхазцы слушают богослужения совершенно на непонятном им языке… Проповеди нет, а если и говорятся когда, то, они не приносят абхазцам никакой пользы. Народ, без сомнения, будет пребывать в своем жалком состоянии до тех пор, пока не найдется человек, который бы, воодушевясь любовью к ближайшему, взял на себя все усилия перевесть на абхазский язык священное писание. Это – и именно только это может снять с абхазского народа иго духовного рабства...».[1]

Мысли, высказанные Николаем Гублиа в этом заявлении, отмечает Х. Бгажба, подтверждают, что абхазы – древнейшие христиане, кроме того, среди них имеются образованные люди, способные переводить священные писания. У абхазов с 1865 года имеется собственная письменность, к тому же переводы богослужебных книг и распространение их среди народа будет содействовать и развитию собственной абхазской письменности.

И действительно, хотя и не сразу и не без проволочек, но в итоге была создана переводческая комиссия, в которую входили лучшие представители нашей интеллигенции. И она начала работать, успела сделать немало. Все это не голословно, а подтверждая документами и фактами, исследовал и раскрыл автор в описываемой работе. Ученый отмечал, что эта комиссия кроме церковных и богослужебных книг, занималась, хотя и в малом количестве, переводами и изданиями научно-популярных книг, посвященных народному хозяйству, экономике и культуре. За время своей деятельности переводческая комиссия осуществила переводы и опубликовала на абхазском языке: «Молитвы. 10 заповедей и присяжный лист. На абхазском и церковно-славянском языках», К. Д. Мачавариани. Тифлис, 1892 (Материалы этой брошюры вошли в «Абхазскую азбуку» К. Мачавариани и Д. Гулиа, изданный в этом же году); «Требник», Тифлис, 1907, «Божественная литургия Иоанна Златоуста», Тифлис, 1908; «Служебник (сборник богослужебных книг)», Тифлис, 1908; «Важнейшие праздники православной церкви». Тифлис, 1910 (второе издание).(Перевод сделан учите-

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 181–182*

лем Киндгского училища Д. И. Гулиа и пересмотрен комиссией при Сухумском епархиальном училищном совете по переводу священного писания на абхазский язык); «Нотный обиход абхазских литургийных песнопений», Тифлис, 1912; «Святое евангелие (Четырехглав)», Тифлис, 1912.

Богослужебные книги были переведены, как отмечает Хухут Бгажба тщательно и с большой точностью, Дмитрием Маан, Николаем Патеипа, Николаем Ладария, Александром Ажиба, Дмитрием Гулиа, Константином Маршания, Антоном Чукбар, Фомой Эшба. Их работой руководили смотритель церковными школами Сухумской епархии Стефан Алферов и кафедральный протоиерей города Сухум Георгий Голубцов.

Согласно архивным документы, найденным Хухутом Бгажба, с 1913 по 1921 год переводческая комиссия практически прекратила свою издательскую деятельность и заметно ослабела ее устная пропаганда. Мешали революционные события.

«В период борьбы за Советскую власть в Абхазии, – пишет Х.С. Бгажба, – организуется новая, так называемая Абхазская переводческая комиссия, которая уже, конечно, не занималась переводом «священно-богослужебных» книг на абхазский язык. Председателем комиссии был избран А. Чочуа, членами – Д. Гулиа, С. Чанба, И. Аджинджал, Д. Копашавидзе. Комиссия существовала до 1921 года, получая временами мизерные авансы от Комиссариата Абхазии».[1]

* * *

С историей абхазского букваря (анбан – Р. К.) связано произведение, написанное в 1907 году П. Г. Чарая под названием «Заметки о новой абхазской азбуке». Эта работа хранилась в личном архиве известного русского языковеда Анатолия Несторовича Генко, многие годы последовательно занимавшегося исследованием абазинского и абхазского языков. Рукопись статьи Хухуту Бгажба передала супруга А. Н. Генко Л. Б. Панек в 1960 году. Он с комментариями опубликовал ее в «Сборнике материалов по абхазскому языку», вышедшем в 1970 году в Тбилиси.

В статье «Новонайденные материалы о П. Чарая» Хухут Бгажба останавливается на нескольких штрихах из его биографии, которые интересны и сегодняшнему читателю. Хочу здесь вспомнить об одном факте. Как-то купил книгу о Петре Чарая, изданную в 1953 году в Сухуме на грузинском языке, автором

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 191.*

которой был С. Цаишвили. Тогда учился в 11 классе. Купил книгу, узнав, что в ней говорится об абхазах. Однажды, когда я, сидя дома, читал ее, ко мне подошел дядя Дзадз и поинтересовался:

– Дад, что это ты читаешь?

– Эту книгу написал один грузинский ученый и посвятил вот этому человеку, – сказал я, и, не называя фамилии, открыл книгу на второй странице, где была напечатана фотография П. Чарая.

– А, это – Петра Чарая – шурин Алмасхана Атумаа. Дай Бог, счастья тому, кто о нем написал! Это был ученый человек, много хорошего написал и сказал об абхазах, учил грамоте молодежь. Он и в нашем доме не раз бывал с бедным моим братом (он имел в виду моего дядю Степана Капба). Был царственным человеком, красивый, стройный, с прекрасным нравом, но в конце из-за постигшей его болезни оказался в тяжелом положении, и, разочаровавшись в жизни, покончил с собой, – завершил свою речь мой дядя, но еще долго рассматривал портрет.

После слов дяди Дзадза я с еще большим интересом прочитал книгу, даже пересказал дяде некоторые события в ней описанные. Например, о ночной неожиданной встрече в лесу П. Чарая с братьями – абреками Аджинджал. Если бы это был кто-то другой, они могли обойтись жестко, но, узнав, что это Чарая, спешившись, извинились перед ним.

Петр Чарая родился в селе Гуп в 1861 году, вначале учился в Мартвильской духовной семинарии, но на пятом курсе из-за семейных обстоятельств вынужден был оставить учебу и вернуться в Абхазию. С тех пор всю свою жизнь посвятил делу народного образования. Он был известным ученым, народным учителем, общественным деятелем. Более 30 лет занимался учительской деятельностью, воспитывал и учил молодежь, словом, был просветителем.

«Всю свою жизнь упорно и настойчиво работал над пополнением своих знаний в различных областях гуманитарных наук. П. Г. Чарая стал одним из образованнейших людей своего времени. Используя знание языков – абхазского, грузинского, мегрельского, а также русского, он добивался у детей хороших успехов по всем предметам», – пишет Хухут Бгажба.

Ученый отмечает, что научно исследовательские интересы П. Г. Чарая были необычайно широкими: язык, фольклор, литература и этнография. Свои работы, очерки он печатал на страницах газет и журналов («Иверия», «Моамбэ», Дроэба», «Квали») на грузинском языке. Немало сделал П. Г. Чарая в области

исследования абхазского языка, этнографии и фольклора. Эти материалы и до сегодняшнего дня не изучены, как следует, не собраны и не изданы, словом, нужен человек, который должен заниматься их исследованием, ведь в них поднимаются вопросы нашей национальной духовной культурой. Академика Н. Я. Марра побудила к исследованию и изучению абхазского языка именно монография П. Г. Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим», изданная в 1912 году Российской Академией в Санкт – Петербурге.

«Обращает на себя внимание и новонайденная «Заметка о новой абхазской азбуке» П. Чарая, написанная в 1907 году. Она интересна не только в теоретическом разрезе, но и своей злободневностью, связанной с решением практических задач – преподавания абхазского языка», пишет академик Хухут Бгажба.[1]

Кроме «Заметки…», в Центральном государственном архиве Абхазии, наш великий ученый нашел и другие новые документы о П. Чарая. К ним относится и заявление, написанное в 1907 году, на имя Сухумского епархиального училищного Совета, в котором изложена просьба П. Чарая о назначении его наблюдателем церковных школ Сухумского округа. В нем также отражено, что он с 1883 года работал учителем сельских школ Абхазии. Приведу отрывок из этого заявления:

«Служу все время, по мере своих сил, усердно, не будучи никогда ни в чем дурном замечен, – это видно будет и в делах. В продолжение 24-летней службы учителем, я приобрел немало опытности в педагогическом деле. Знаю местные языки: абхазский, грузинский с мингрельским, знаком с местными условиями жизни, могу разъезжать по школам во всякое время. По этим основаниям, полагаю, не без пользы поработал бы в должности уездного наблюдателя. В моем отсутствии во вверенной мне Пакуашской школе будет вести занятия по моим предметам, могущее меня заменить лицо, в этом я могу формально уверить Училищный Совет. А потому покорнейше прошу Сухумский епархиальный училищный Совет, в случае открытия вакансии, прошу представить мне временно место уездного наблюдателя церковных школ по Сухумскому округу».[2]

В ответ епархиальный училищный Совет послал 9 ноября 1907 года запрос, согласен ли он принять сан священника, если его назначат наблюдателем уездных школ. Ответа на этот вопрос не последовало.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 217.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 218.*

По словам Хухута Бгажба, поводом написания П. Чарая подобного заявления стало ухудшение его, и без того очень плохого материального положения.

Из новых материалов особого внимания заслуживает его записка, сделанная в 1888 году в селе Гуп. «Мнение о Гупской Общества восстановления христианства на Кавказе школе». В ней он работал с 1883 года, в записке он рассказывает о том, что в учительском деле не получил должной помощи от местных крестьян, и труд его оказался безрезультатным. Поэтому хотел Гупскую школу перевести в Очамчыру, считая, что там дети получат качественно лучшее образование и воспитание. Но ему это не удалось.

Как свидетельствуют документы, более результативной была работа П. Чарая в Пакуашской школе. Вот что по этому поводу пишет наблюдатель уездных церковных школ Сухумского округа:

«После обедни я посетил Пакуашскую школу, отстоящую от Акваскинской (Акәаскьа) на полторы версты. Учащихся по журналу 29; в день ревизии было 24 ученика. Познания у детей по всем предметам очень удовлетворительные, программа проходится. Учитель Чарая относится к делу вполне добросовестно».

Как отмечает Хухут Бгажба, абхазская интеллигенция хорошо понимала и высоко ценила педагогическую, культурную и научную деятельность Петра Чарая. Об этом свидетельствует статья Д. И. Гулиа, опубликованная в газете «Апсны» (№38, 1919) под названием «По поводу самоубийства Петра Чарая». Хотя она и немного большая, хотел бы ее привести здесь целиком. Вот и она: «Пришло известие, что в селе Ешкыт (Ешқыт – Р. К.) из ружья застрелился Петр Чарая. Я, автор этих строк очень хорошо знал Петра Чарая. Он был учителем первой сельской школы, организованной в Кодорском участке. Десять лет тому назад вышел закон, по которому все, кто не имевшие педагогического образования, подлежали увольнению со службы. К ним был причислен и Петр Чарая. И в 1908 году он вынужден был оставить преподавательскую работу, которую вел успешно с 1883 года. Таким образом, законоведы, чиновники, не дорожили умом, знаниями и трудом человека, не поняли Петра Чарая, они уважили клочок бумаги, лишь бы в ней было написано об окончании какого-либо учебного заведения. Без этой бумажки, какой бы способностью ни обладал человек, ни на грош он не ценился.

Но Петр был скромный, требовательный человек, хотя его имя уже было известно в ученом мире, особенно стараниями

акад. Н. Я. Марра, но что это значило для чиновников. И этот человек жил среди нас – абхазов, но толком никто из нас не знал, никто в должной мере не оценил его трудов. И этого человека умственного труда, не жалевшего себя на работе, стала одолевать болезнь, и старость к нему подкралась, но никто его не заметил и никто ему не помог, а сам он о помощи никого не попросил (постыдился). Итак, когда его стали одолевать голод и болезнь, он решил покончить самоубийством. Так и ушел от нас Петр Чарая, достигший высших успехов самообразованием.

До сих пор мы, абхазы, не научились, как следует ценить людей умственного труда. Когда мы поймем это, то сможем сказать: «Да, мы в состоянии разобраться в том, что хорошо и что плохо». Мы больше ценим людей, которые много говорят, но мало делают, обманывают и грабят, своих собратьев. За них мы готовы лжесвидетельствовать, содействовать их оправданию, а если и посадят в тюрьму, носить им еду и питье.

Когда же мы образумимся, когда же мы проснемся? Когда же мы станем в состоянии ценить заслуги таких людей, как Петр Чарая».[1]

В этой статье Дмитрия Гулиа открыто указывал на недостатки самосознания своего народа, разоблачал и осуждал их, призывал преодолеть их. В горьких словах о самоубийстве П. Чарая, отразилось, что в то время и его самого родной народ не понимал.

* * *

В абхазоведении глубокий след оставило сотрудничество академика Марра и Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазцев. Это не было исследовано до Хухута Бгажба. Статья, посвященная этой проблеме, называется «Академик Н. Я. Марр и Бзыбский комитет», также была написана на основе найденных архивных материалов.

Как известно, в конце XIX и в начале XX веков в Абхазии возникают научные, культурно-просветительские общества: Сухумская ботаническая сельскохозяйственная опытная станция (1894); Сельскохозяйственное Сухумское общество (1894). В наглядно-опытных участках в селах Абхазии они проводили сельскохозяйственно – агрономические лекции, кроме того, издавали газеты и журналы. Работали Сухумское медицин-

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 219.*

ское общество, общества изучения Черноморского побережья, борьбы с туберкулезом, любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа (тогда так называлась Абхазия).

Изучение вопросов истории, этнографии и культуры абхазского народа шло в это время медленно. Но: «Значительным вкладом в это дело явились труд К. Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу», изданный в Сухуме в 1913 году, и этнографические исследования Н. С. Джанашиа».[1]

В дальнейшем полезную работу по собиранию абхазского фольклора осуществил Бзыбский комитет, торжественное открытие которого произошло 25 августа 1913 года в селе Лыхны. Главной задачей комитета было распространение среди абхазского населения культурно-просветительских идей. Руководителем комитета был С. М. Ашхацава, а членами – Е. У. Лакербай, А. И. Чукбар, К. С. Барцыц, Д. К. Солонихин, К. У. Григолия. Комитет имел собственный Устав. Кроме культурно – просветительской работы комитет занимался и богослужебными вопросами, например, переводами на абхазский язык учения Христа, церковных песнопений и т.д.

Вот что пишет, один из священнослужителей Абхазии П. Образцов о будущей работе, которой надлежало заниматься Бзыбскому комитету:

«Маленький народ – абхазцы – имеют свою длинную, многовековую историю, и за долгий период своего существования ими накоплены значительные духовные богатства, как язык, народная поэзия, нравы и обычаи… Шаг за шагом терпеливо и должен комитет изучать духовный капитал, который сквозь длинный ряд веков нес и сохранил абхазский народ. Изучая его, он войдет в духовную жизнь народа, поймет особливые качества, свойственные душе его. Не силой денежной, не силой физической держатся и сохраняют бытие народы, а величием и мощью народного духа».[2]

Председатель Бзыбского комитета абхазский историк С. М. Ашхацава для записывания текстов создал алфавит с особыми знаками, обозначающими все фонемы бзыбского диалекта. В течение 1913–1916 годов комитет собрал немало фольклорного материала в бзыбской Абхазии. В этом деле активное участие приняли народные учителя Д. Алания, К. Барганджия, К. Барциц, К. Дзидзария, Д. Дзкуя (Зкәиа), Д. Кобахия, М. Кварчелия,

---

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 142.*

[2] *П.Образцов. Бзыбский комитет. Журнал «Сотрудник Закавказской миссии». Сухум, 1914, №5, с. 78.*

М. Тарнава, Е. Лакоба, М. Маргания, Н. Патейпа, А. Шакрыл, К. Шакрыл, М. Пилия, С. Симония и др.

Хухут Бгажба отмечал, что записанные Бзыбским комитетом материалы имеют большое научное значение ценность, так как они – первые документированные образцы точной фиксации живую абхазской диалектной речи.

Этими текстами, понимая их научную ценность, заинтересовался академик Н.Я. Марр.

«В 1913 году во время своей первой лингвистической поездки в Абхазию акад. Н. Я. Марр учил абхазский язык по абжуйскому диалекту. Во вторую свою поездку в Абхазию (1915–1916) он побывал у бзыбских абхазцев, где. Организовал работу по собиранию текстов – сказок, народных песен, пословиц и т.д., распределил между культурными работниками задания по доплнительному сбору материалов. Тексты (особенно бзыбские) записывал и он сам, о чем свидетельствует его архивный фонд».

Между академиком Н. Я. Марром и Бзыбским комитетом установился тесный контакт. Н. Я. Марр и С. М. Ашхацава стали друзьями. Н. Я. Марр просмотрел и внес значительные исправления в алфавит С. М. Ашхацава.

Бзыбский комитет послал Н. Я. Марру в Петроград более 100 абхазских сказок. Готовя их к изданию, Н. Я. Марр переписывал их на своем аналитическом (яфетидологическом) алфавите, отражающем все нюансы абхазского произношения. Н. Я. Марр работал над бзыбскими текстами в 1916–1917 годах, и это была нелегкая работа, требовавшая огромного труда. Он подготовил к печати бзыбские тексты, они должны были войти в книгу «Пособие по абхазскому языку», которая готовилась к изданию. К великому сожалению, эта книга так и не увидела свет. Также в Ленинграде в архиве Академии наук СССР в фонде Н. Я. Марра сохранилась его рукопись в 75 печатных листов под названием «Абхазские сказки по бзыбскому наречию», в нее входят материалы, записанные Н. Я. Марром и Бзыбским комитетом.

Часть бзыбских текстов в 1917 году была набрана в академической типографии. В указанной рукописи Н. Я. Марра сохранились гранки набора двух сказок: «Князь», «Охотник» с корректурными исправлениями, сделанными его рукой. Из пометок Н. Я. Марра на некоторых страницах рукописи выясняется, что было набрано и проверено корректуры более 20 сказок. Печатание абхазских сказок, по-видимому, в дальнейшем было приостановлено, и мы не имеем о них дальше никаких сведений.

Бзыбские текстовые записи изданы полностью с сохранением фонетической транскрипции точно передающей диалектное произношение».[1]

Найти и издать эти тексты, Н. Я. Марра и Бзыбского комитета посчастливилось видному абхазскому ученому, фольклористу, литературному критику, академику С. Л. Зухба. Книга называется «Материалы абхазского фольклора (из архива академика Н. Я. Марра)», она вышла в Сухуме в 1967 году.

* * *

Одним из исследователей, внесший вклад в развитие абхазоведения был родившийся и выросший в Абхазии Николай Семенович Джанашиа.

Он родился в 1872 году в селе Адзюбжа (Азҩыбжьа) в крестьянкой семье. Окончив Сухумскую горскую школу, поступил в Горийскую учительскую семинарию. По окончании ее, в 1891 году возвращается в Абхазию и начинает работать учителем в родной Горской школе. Вскоре молодого учителя направили в гурийское село Макванети. В 1884 году его вновь направляют в Абхазию руководителем гудаутской министерской школы. С тех пор он многие годы работал в народном образовании Абхазии, научной и просветительской деятельностью снискал глубокое уважение. Ему посвятил Х. Бгажба этюд «Н. С. Джанашиа – видный педагог и ученый». В нем освещается учительская, журналистская и научная деятельность просветителя. Многочисленные статьи и заметки Н. Джанашиа, которые он печатал в грузинских газетах и журналах, в основном были посвящены бедственному положению простого народа. Он ратовал за прогресс, разоблачал засилье чиновников и бюрократов, думающих о собственной выгоде, равнодушных к человеческим судьбам. Н. С. Джанашиа написал ряд статей о состоянии народного образования, где особо останавливался на тяжелой участи многочисленных крестьянских детей, не охваченных школой в своем подавляющем большинстве. Он писал: «Сердце горит, душа ноет, когда смотришь на эту жуткую картину, но все же надежда на счастливое будущее теплеет в нашем сердце».[2]

Н. Джанашиа отмечал и отсталость здравоохранения, нужду народа в медицинской помощи:

«Защищая интересы трудового крестьянства, Н. С. Джанашиа неоднократно выражал протест против царского самодержавия. «Нет! Карфаген (т.е. царское самодержавие – Х. Б.), – писал он, – должен быть разрушен! Господству бюрократии

---

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 145.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 41.*

должен быть положен конец, иначе человеку нет житья на этом свете!».[1]

Х. Бгажба особо выделял этнографические и фольклорные исследования Н. Джанашиа. Там можно прочитать: «Наш священный долг взяться за собирание материалов по истории, этнографии и лексикографии Абхазии и спасти все то, чего еще не успела коснуться всемогущая разрушительная сила времени... Нам пора всерьез посвятить все наши силы изучению нашего дивного уголка – Абхазии ...Ни история абхазов, ни археология, ни лингвистический материал, ни религиозные верования, ни социальный строй до сих пор почти не освещены. А между тем для науки настоящее и прошлое Абхазии представляет весьма и весьма ценный материал. Только нужно его собрать и обнародовать».[2]

Хухут Бгажба приводит постановление, принятое Обществом распространения просвещения среди абхазцев:

«Заслушав заявление члена Общества Джанашиа о желательности выделения особой комиссии по истории, этнографии и лексикографии Абхазии, которая бы занялась собранием, как памятников устной народной литературы, так и истории и этнографии, с привлечением в эту работу, вместе с Бзыбским комитетом, и всех народных учителей и интеллигентных абхазцев, правление постановило возложить труд по вышесказанному предмету на кандидата правления Н. Джанашиа и членов правления А. Чочуа и Д. Гулиа».[3]

Н. Джанашиа хотел в исследовании природы Абхазии и духовной культуры народа хотел использовать силы местной интеллигенции, особенно народных учителей и деятелей культуры.

Помимо этого, Н. Джанашиа и сам активно собирал и занимался исследованием этих материалов. Об этом подробно рассказывает в своей статье Хухут Бгажба.

В своих этнографических работах Н. С. Джанашиа в качестве наглядного материала приводил фольклорные материалы, сказки, легенды, пословицы, загадки исторические сказания, он писал: «Фольклор абхазов очень богат, и его надо собрать и обнародовать». По словам нашего видного ученого, из собранных Н.С. Джанашиа фольклорных материалов и на сегодняшний день остались сказания, значение которых до сих пор актуально, например, сказание об Абрыскиле.

---

[1] *Там же, с. 42.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 42–43.*

[3] *Там же, с. 43.*

Ученый Н. Джанашиа родился и воспитывался в Абхазии, и, как совестливый и порядочный человек, переживал за народ, переживших страшную трагедию махаджирства. Он поднимал этот вопрос не так, как многие другие грузинские интеллигенты, озабоченные только, «кем заселить эту землю». А искренне, болея душой, говорил о свершившейся большой несправедливости – изгнанию народа из своих исконных земель. Вот что он писал в газете «Дроэба»: «Абхазы умирали как мухи, для многих волны Черного моря стали последним пристанищем, а дальше в Малой Азии скольких поглотила малярия! А оставшихся селили далеко, за тысячи километров друг от друга, чтобы лишить их собственного лица и родного языка».[1]

Как отмечает автор этюда о Н. С. Джанашиа, этнографией абхазского народа он заинтересовался рано. В 1895 году послал письмо грузинскому ученому Мосе Джанашвили с просьбой сообщить ему литературу об Абхазии и абхазах. Посылая молодому ученому, список запрошенной литературы, тот дал ему ряд ценных рекомендаций:

«Будет очень полезно, если Вы приступите и, по силе возможности, опишете быт абхазов, соберете их легенды, разного рода сказания о происхождении человека и земли, неба, солнца, луны и других планет. Так же будет большой заслугой, если соберете странные надписи или изучите религиозные верования и поверия абхазов. Нет сомнений в том, что если вы прилежно займетесь этим трудным делом, и без книг сможете собрать и опубликовать материалы, заслуживающие большого внимания. Желаю Вам успеха...».[2]

Н. Джанашиа опубликовал серию работ об абхазской этнографии на страницах журналов «Моамбэ» и «Акакис крэбули».

Этнографические материалы, написанные первоначально на грузинском языке, позже Н. С. Джанашиа переработал и перевел на русский. Академик Н. Я. Марр отредактировал эти переводы и опубликовал две работы в журнале «Христианский Восток»: «Религиозные верования абхазов» (1915) и «Абхазский быт и культ» (1917).

Х. Бгажба отмечал, что появление этих работ на страницах академического журнала было с большой теплотой воспринято среди деятелей культуры Сухума. Вот что по этому поводу писала газета «Сухумский вестник»:

«…Насколько нам известно, труды Н. С. Джанашиа явля-

---

[1] *Н. С. Джанашиа (Хамут-бей). Пестрые заметки об абхазах и Абхазии. Газета «Дроэба», №260, 1909.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 44.*

ются первыми исследованиями по этнографии Абхазии, представляющими сводку наблюдений над народной душой в ее религиозных верованиях и искажениях. Мы от души приветствуем появление работ Н. С. Джанашиа и думаем, что он будет продолжать дело исследования Абхазии, объединять вокруг себя интересующихся прошлым и настоящим своей родины абхазцев».[1]

В этнографических исследованиях ученым уделено внимание широкому кругу вопросов: быту, религиозным верованиям, абхазским божествам, отдельно уделяя внимание теме охоты. Ценные сведения он приводит и о социальном составе абхазского традиционного дореволюционного общества, которое подразделялось на пять социальных групп: 1)князья (тауад, аҭауад); 2) дворяне (аамста, аамсҭа); 3) ашнакма (ашьнаӄма, посредникимежду высшим и низшим сословиями); 4) высшее крестьянское сословие (анхаю, анхаҩы); 5) низшее крестьянское сословие (атвы, атәы или же ахуюы, ахәуҩы). Джанашиа описывает и «юридический быт» – абхазский адат, народный суд и право, в том числе и кровную месть. Также он интересовался и лингвистическими материалами, историей абхазских терминов. Также нужно отметить, что значение многих ритуалов, терминов и обычаев были знакомы Джанашиа с детства, он воспитывался на них и записал много фактов из того, что он видел и слышал.

С тех пор, как работы Н. С. Джанашиа были опубликованы, мало кто из ученых специалистов проходит мимо его трудов. Ониполучили высокую оценку от ученых: академиков Н. Я. Марр и И. А. Джавахишвили, этнографа Г. Ф. Чурсина и многих других. Дмитрий Гулиа писал:

«Н. С. Джанашиа был первым человеком в Абхазии, который поднял вопрос об изучении народного творчества, памятников культуры, религиозных верований абхазов… Он был пионером в области изучения этнографии Абхазии, страстным борцом за просвещение народных масс».[2]

В своей статье Хухут Бгажба упоминает и о неопубликованной статье Н. С. Джанашиа «Приветствия и пожелания абхазов». Она находится в фонде Н. Я. Марра.

Как известно, с 1913 года академик Н. Я. Марр и Н. С. Джанашиа очень сблизились, стали друзьями и единомышленниками. Об этом свидетельствуют письма их друг другу, все они посвящены вопросам абхазоведения.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 45.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 50.*

Вот что писал Н. С. Джанашиа Н. Я. Марру в 1913 году:

«Очень и очень рад, что абхазцы и их язык Вас заинтересовали… Моя личная просьба к Вам: в Абхазии, как известно, памятники древности немилосердно уничтожаются, а потому просил бы, если только возможно, кого-либо из Ваших учеников послать к нам на лето, а мы со своей стороны оказали бы посильную помощь ему. Я лично готов целый месяц сопровождать его.

При сем посылаю Вам сборник стихотворений Д. Гулиа и легенду, записанную князем Ш. Эмухвари».[1]

В заключение этюда Хухут Бгажба пишет:

«Жизнь и творчество Николая Семеновича Джанашиа может служить образцом самоотверженного трудолюбия, скромности и честности. Он – это человек долга в самом лучшем смысле этого слова. В любви к Родине, родному краю находил он неиссякаемый источник своей работы как педагог, ученый и общественный деятель. И то, что он нам оставил – его исследования по абхазской этнографии, ставшие вкладом в отечественную науку, не потеряли и поныне своего большого научного значения».[2]

«В ГРУДИ ЗВУЧИТ ДАЛЕКАЯ ПЕСНЯ ЛЮБИМОЙ АБХАЗИИ…»

Хухут Бгажба интересовался и изучал жизнь и творчество известных писателей, ученых, приезжавших в Абхазию и посвятивших ей хотя бы несколько строк, лично знал многих. Он считал такие культурные связи частью истории нашей письменной литературы, свидетельство настоящей дружбы народов и их культур. Думаю, мало кто сделал у нас столько же в этой области. Об этом свидетельствуют документы, письма и книги с автографами, сохранившиеся в его архиве и библиотеке. Уверенно можно сказать, что он историк, хотя объектами были литературные факты.

Все это прекрасным образом выражено, например, в очерке «Письма из Литвы». На мой взгляд, эта переписка сегодня представляет необычайный интерес для дела восстановления, утраченных литературных и культурных связей между народами. В очерке автор рассказывает об одном литературном факте.

---

[1] *Там же, с. 51–52.*

[2] *Там же, с. 53.*

В конце осени, 14 ноября 1946 года группа писателей из Литовской ССР прибыли из Тбилиси в Абхазию. Они путешествовали по Южному Кавказу, смотрели, слушали. В делегацию входили председатель правления Союза писателей Литовской ССР, член Президиума Верховного Совета Литовской ССР Петрас Цвирка (1909–1947), классик литовской литературы Антанас Венуолис (Жукаускас), известный прозаик Юозас Паукштиалис, поэт и прозаик Альбинас Жукаускас.

В Абхазии литовцы познакомились с жизнью и бытом, а также и традициями абхазского народа, побывали в гостях у народного поэта Дмитрия Гулиа, а также в селах и исторических местах. Прощаясь с абхазскими писателями, Антанас Венуолис сказал: «Сухум – столица Абхазии относится к самым удивительным, очаровательным и красивым местам, которые мне когда-либо приходилось видеть. Наше знакомство и общение с абхазскими писателями, безусловно, сделают еще более крепкими культурные связи между Литовской ССР и прекрасной Абхазией.

Пользуясь этим событием, нашей встречей, я хочу поблагодарить писателей Абхазии за братский прием».[1]

Хухут Бгажба тогда возглавлял Союз писателей Абхазии и имел возможность сопровождать делегацию из Литвы в их путешествии по Абхазии, показать родную страну, дать исчерпывающую информацию об абхазской литературе. Позже он переписывался с этими писателями. В архиве сохранились письма. Приведу некоторые из них.

Вскоре после отъезда литовских писателей из Абхазии Антанас Венуолис пишет Хухуту Бгажба:

«Многоуважаемый товарищ Х. Бгажба, только 20 ноября приехал на родину из своей поездки по вашему чудесному Кавказу и спешу принести Вам свою глубокую благодарность за оказанное нам сочувствие и гостеприимство, которые еще крепче связали духовными узами наши братские народы.

Прошу передать мой сердечный привет Народному поэту Абхазии товарищу Д. Гулиа.

Надеюсь, что с Вами и товарищем Д. Гулиа в 1947 году встретимся в нашей Советской Литве.

Искренне признательный Ваш бывший гость, теперь преданный друг Антанас Жукаускас – А.Венуолис».

По словам Хухута Бгажба, встреча абхазских и литовских писателей и их трехдневное общение оставили в душе каждого

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 257.*

из них глубокий след, сблизили духовно. Такова сила Его Величества Художественного Слова!

30 ноября 1946 года Хухут Бгажба получил письмо и от Петраса Цвирки:

«Дорогой товарищ Бгажба! От имени наших литовских писателей, которые были гостями замечательной Абхазии и ее писателей, позвольте Вас поблагодарить самым сердечным образом за оказанный им братский и дружеский прием, оставивший в их сердцах теплые, светлые воспоминания. Я очень жалею, что вместе с ними не мог побывать среди цветущих цитрусовых плантаций, в несравненных по красоте колхозах и совхозах Абхазии, порадоваться крупнейшим успехам, которых добилась Ваша республика в годы Советской власти во всех областях культуры жизни.

Но рассказы тех товарищей, которые погостили в Абхазии, становятся достоянием широких масс Литвы через посредство печати и радио, и помогут укрепить между нашими народами ту нерушимую дружбу, которую с такой большевистской теплотой проявили Вы по отношении к литовским писателям. Наш горячий привет народному поэту тов. Д. Гулиа.

Наш привет и благодарность всем абхазским товарищам. Мы будем рады приветствовать их в Литовском краю – писателей Абхазии и окружить их такой заботой, какая окружала литовских писателей в Вашей республике. Я лично непременно постараюсь еще побывать у Вас и тем исправить пробел в моей поездке по Закавказью, – пробел, вызванный неотложными делами, заставившими меня поспешить в Москву и Вильнюс».[1]

К сожалению, ни А. Венуолису, ни П. Цвирке, так искренне желавшим еще раз побывать в гостеприимной Абхазии, написавшим столько добрых слов в адрес абхазских писателей, не удалось осуществить свою мечту – смерть помешала этому. Но как отмечает Хухут Бгажба, на этом не завершились встречи литовских и абхазских писателей, их общения и связи продолжились и далее. В 1948 году ученый получил письмо от известного литовского писателя и общественного деятеля Антанаса Томасовича Венцлова (1906–1968): «Разбирая посмертные бумаги писателя Петраса Цвирки, среди них я нашел одно Ваше письмо. По этому сужу, что у Вас должно быть одно или несколько писем П. Цвирки.

В настоящее время у нас издается 12-томное собрание сочинений Цвирки. Я являюсь главным редактором издания. Для изучения биографии и творчества Цвирки его письма имеют

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 258.*

огромное значение. Я буду Вам очень благодарен, если Вы сможете прислать мне его письма или хотя бы копии. В Литве также создается музей жизни творчества писателя, и материалы такого рода для нас представляют большую ценность».[1]

Вот что написал А. Венцлов после того, как Хухут Бгажба, оставив в своем архиве оригиналы, послал ему копии писем Цвирки:

«Сердечно благодарю Вас за копию письма П. Цвирки. Письмо для нас имеет немалое значение, так как оно вносит еще одну деталь в биографию покойного крупного писателя нашего народа – характеризует его связь с абхазскими писателями».[2]

Хухут Бгажба отмечает, что в конце ноября 1950 года А. Т. Венцлов с женой и дочерью побывали в Абхазии. Они посетили исторические места близ столицы Сухума, ездили в Новый Афон. Венцлов, уехав из Абхазии, написал письмо, в котором рассказал о своих впечатлениях, хотя у него было мало времени на посещение нашего края:

«Дорогой друг Хухут! Сердечный привет Вам из Москвы! Мы приехали сюда из Сухуми очень хорошо. В Москве встретили много друзей – русских и национальных писателей, уже побывали на вечере чувашской литературы. Моя жена вчера уехала в Вильнюс, а я остался для работы в Секретариате ССП (Союза Советских Писателей) до 10-11 ноября. После этой даты мне в составе советской делегации предстоит поездка на Всемирный конгресс в защиту мира в Шеффилд, и в родном городе, я, наверное, буду только в конце ноября».[3]

В этом же письме Венцлов вспоминает о своей недавней поездке в Абхазию:

«Разрешите Вам, дорогой друг, еще раз крепко пожать руку и поблагодарить за ту дружбу, которую мы ощутили в столице прекрасной Абхазии. Я глубоко уверен, что наша дружба (не только личная, но и наших литератур) продолжится и в дальнейшем…».

В письме от 28 апреля 1951 года:

«Как Вы, наверное, знаете, после нашей прекрасной поездки по Грузии и Абхазии я поехал в Москву и там работал в Союзе Советских Писателей. После этого я поехал на Варшавский конгресс в защиту мира. Вернулся оттуда домой и через несколько дней опять полетел на самолете – на этот раз в Будапешт. Надо сказать, в поездках сильно утомился и заболел тяжело и опас-

---

[1] *Там же, с. 258.*

[2] *Там же, с. 259.*

[3] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 259.*

но – инфарктом сердца. Только на днях встал с постели и пока хожу с большим трудом. Работать могу только час, два часа в день. Но я рад, что с каждым днем себя чувствую лучше и крепче. Мы с женой часто вспоминаем те прекрасные дни, которые мы провели на Абхазском побережье среди милых друзей. Между прочим, перед болезнью я начал писать цикл стихов о Грузии и Абхазии. Часть этого цикла уже напечатана в нашем журнале, а часть еще предстоит написать, чтобы все издать отдельной книжкой. Девять стихотворений этого цикла взялся перевести Н. С. Тихонов для моей книги на русском языке, которая готовится к изданию.

Прошу Вас, дорогой Хухут Соломонович, передать наш сердечный привет милой семье Дмитрия Гулиа, тов. И. Тарба, И. Папаскир и другим нашим друзьям, встречи с которыми для нас навсегда останутся памятными и дорогими».[1]

В этом письме А. Венцлов также пишет, что собирается перевести на литовский язык лучшее из произведений абхазской литературы. Интересный факт, А. Венцлов рекомендовал для перевода на литовский язык первый абхазский роман «К долгой жизни», написанный И. Папаскир.

В 1972 году в издательстве «Минтис» вышла книга литовского писателя Йокубаса Скилютаускаса под названием «Рыцарь из Сакартвело» о грузино – литовских литературных связях. В этой книге есть особая глава – «Человек из фотографии», в которой говорится о связях абхазских и литовских писателей.

* * *

К тем, кто неоднократно приезжал в Абхазию и даже несколько лет прожил здесь, впитал в себя ее чистый воздух, испил родниковой воды в наших источниках и посвятил художественные произведения (стихотворения, поэмы и рассказ) красоте Абхазии, узнал и полюбил народ, принадлежит известный русский поэт Василий Васильевич Каменский (1884–1961).

Хухут Бгажба рассказал о нем в очерке «В груди звучит далекая песня любимой Абхазии».

Автор и В. В. Каменский были знакомы. Они не раз встречались в 1945–1947 годах, когда тот жил в Сухуме. Несомненно, это многое дало для написания очерка.

Литературовед Н. Л. Степанов писал: «Каменский остается для нас поэтом радостного утверждения жизни, пылким энтузиастом, влюбленным в родную природу, мастером боль-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 259–260.*

ших стихотворных полотен, ярко повествующих о прошлом народа, его извечном стремлении к борьбе с угнетателями… Каменский выступил с самого начала Октябрьской революции в одном строю с Маяковским, Асеевым, Хлебниковым, способствуя утверждению новых поэтических принципов… Революционный накал и энергия его стихов, их ритмическое разнообразие, словесная расцвеченность обогатили современное поэтическое искусство, сыграли заметную роль в становлении советской поэзии 20-х годов».

Этой цитатой Хухут Бгажба начинает очерк и сразу знакомит читателей с русским поэтом. Он анализирует его произведения, посвященные Абхазии. Его произведения неразрывно связаны со становлением новой социалистической общности, перекликаются с ней, но также и касаются некоторых сторон и той, прошлой жизни.

Еще до революционных времен родившийся на далеком Урале русский поэт влюбился в Кавказ. Он был близок его душе, и читателю видно, в ней господствует любовь, связывающая Россию и этот чудесный край, отмечает Х. Бгажба:

Урал, Кавказ –
Родные братья
Одной чуднейшей страны…

Легендой каждой, будто лаской
Я преисполнен благодарий, –
Я весь звучу
Струной Кавказской, –
Звучи ударно, сазандарий.

Тема Абхазии занимает в биографии и творчестве В. В. Каменского заметную роль. Он впервые приехал сюда в 1919 году. Конечно, прибыл сюда не в роли туриста или же стороннего наблюдателя тех революционных исторических событий: «Время было неспокойным, все больше наступали революционные волны. А он, поэт – бунтарь и сам не мог стоять в стороне и смотреть на события, происходившие в Абхазии, не принимая в них участия. Он встречался с людьми, общался с ними, выступал на собраниях, вдохновлял людей своим звонким голосом».[1]

В. В. Каменский познакомился с Самсоном Чанба. Позже оно переросло в большую дружбу. Абхазский писатель высоко

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 190–191.*

оценил своеобразное поэтическое творчество В. Каменского, а также за его любовь к Абхазию.

В статье «Два слова о В. Каменском, 25 лет воспевающий трудовой народ», опубликованной в газете «Апсны капш» в 1933 году, Самсон Чанба пишет: «В. Каменский не гость для Абхазии. Он один из тех, кто влюблен в красоты нашей страны – ее лазурное море, чарующие горы и ласкающее солнце, любит ее трудовой народ, желает ему роста и процветания… То, что выходит из-под его пера, воодушевляет, зовет трудовой народ вперед, к прекрасным неизведанным далям». И далее С. Чанба вспоминает: «Это было в 1919 году, когда в Абхазии властвовали меньшевики. Однажды в маленькой типографии Зайдшера, где мы печатали первую абхазскую газету «Апсны», состоялась встреча поэта В. Каменского с группой редакционных работников газеты. В то время меньшевики распространяли всякого рода небылицы, чтобы ослабить популярность большевиков среди народных масс. В. Каменский рассказывал нам правду о Советской России, разоблачая контрреволюционные замыслы меньшевиков. За это он оказался в немилости у меньшевистских властей, его стали преследовать, и он был вынужден покинуть Абхазию».[1]

Какое место Абхазия, в частности, Сухум, занимают в душе поэта, видно из дневника. Вот запись от 20 марта 1931 года:

«У Туапсе шторм затих. Но дикие волны не позволили остановиться ни в Сочи, ни в Гаграх. Мимо. Утром пристали к Сухуму. Тихо. Солнечно. Сухум изумительно улыбался. Я еще более. Мы понимали друг друга. Тут я дома, как лист пальмовый. Главное – здесь родился и растет мой сыночек Алеша. Смотрю на этот самый дом… Смотрю и вспоминаю об удивительных днях тропической восторженности… Теперь моя жизнь иная. Я еду мимо. В груди звучит далекая песня любимой Абхазии. И вот еду я на «Абхазии», будто чужой, а это неверно. Я тот же, неизменно близкий, свой взволнованный, благодарный. Мне не забыть ничего, что оставлено здесь, в гнезде Сухумском под пальмами. Здесь я написал «Жонглера» и вообще многое стоящее. Жизнь торопит. С борта «Абхазии» я еще долго до конца смотрел на оставленное гнездо. Нет, не оборвется нить никакими просторами. Еще встретимся, еще увидимся, не правда ли?».[2]

Судьба не обманула В. Каменского, и слова его, сказанные в тот момент, когда в 1931 году он, из-за плохой погоды, проплывая на теплоходе «Абхазия» мимо Сухума, сбылись.

---

[1] *Там же, с. 191.*

[2] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 191–192.*

В 1933 году общественность отмечала юбилей В. Каменского – 25-летие литературной творческой деятельности. Первого июня он приехал в Сухум. Газета «Советский писатель Абхазии» сообщала, что юбиляр завершил поэму «Сухум» и работает над поэмой «Ткварчели». Чтобы больше узнать о новом шахтерском городе, собирается поехать туда. А 5 июня в Государственном театре состоялся вечер, посвященный В. Каменскому.

В нем приняли участие Нестор Лакоба, Самсон Чанба, Андрей Чочуа и др.

Хухут Бгажба вспоминал: «С 1945 по 1947 год В. Каменский жил в Сухуми. В то время я несколько раз встречался с ним. 1 июня 1946 года в помещении летнего театра Сухумской государственной филармонии состоялся творческий вечер поэта – орденоносца В. В. Каменского. Зал был переполнен. В своем вступительном слове я коротко обрисовал творческий путь поэта, его давнишние связи с Абхазией.

Выступивший с чтением своих стихов и отрывков из поэм В. Каменский был тепло встречен участниками вечера. Несмотря на преклонный возраст и физический недуг (в это время у него были ампутированы обе ноги выше колен), он, сидя за длинным столом, великолепно читал свои «мускулистые» стихи, выделяя голосом нужные слоги и звуки, переходя на распев, выступая перед участниками вечера, прочел свои стихи и отрывки из разных поэм. Все с большим удовольствием восприняли услышанное. От него исходили энергия и жизнерадостность. Читал он отрывки из поэмы «Стенька Разин», «Поэтому о Сухуме», стихи «Шпалы», «Прибой в Сухуме», «Тифлис», «Абхазия», «Москва в Октябре» и др.

Публика исключительно восторженно принимала каждое прочитанное произведение и вознаграждала поэта бурным рукоплесканием. На этом вечере он прочел ряд новых произведений, написанных им во время отдыха в Новом Афоне.

В вечере принял участие композитор Б. И. Фомин – автор многих популярных фронтовых и лирических песен, – исполнивший свои произведения».[1]

Критик, не ставя перед собой цель разбора всех произведений В. Каменского, посвященных Абхазии, останавливается на менее знакомых читателю:

«Городу Сухум В. Каменский посвятил целый ряд стихотворений. Одно из них «Сухум» (1920), недавно извлеченное, историком и писателем С. Лакоба из архива, оставалось в рукописи более 60 лет. Поэта привлекают здесь тишина, «изумруд-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 192–193.*

ная пора» – весна, «белые, стройные домики, будто паломники, подымающиеся в гору»... Перед глазами автора встают и другие колоритные картины: корабли на причале, танцы, цирк, турецкие кофейни, каленые орехи, чурчхелы.

Задушевно звучит голос поэта и в стихотворении, обращенном к любимому городу – «Здравствуй, Сухум!» (1927).

Ну, здравствуй, рай земной, –
В Сухуме снова я.
И здесь весна со мной,
Как жизнь призывно новая.

Вступив на сухумскую землю, он увидел городские реалии того времени:

В мягкой поступи буйволов сонных,
В тихом скрипе абхазской арбы,
Будто слышится песнь перезвонно
Отдаленной пастушьей трубы...

Ну, здравствуй, рай земли!
Под гимн морского шума
Несу свой гимн, где корабли –
У берегов Сухума.

Также Хухут Бгажба кратко анализирует другие произведения: стихотворения В. Каменского «Завоеванное счастье», «Прибой в Сухуме», «Именины буквы», рассказ «Корова улетела».

В стихотворении «Завоеванное счастье»(1928), посвященном Абхазии и абхазскому народу, опубликованном в газете «Трудовая Абхазия» В. Каменский писал:

Сегодня день Абхазии – Апсны –
Освобождения день великий,
День неотцветаемой весны, -
Торжественный и солнцеликий.

Цветет Страна Души
Весной Советовластья.
И никому не потушить
Раз завоеванного счастья.

Трудящихся стальная мысль
Слилась сегодня в праздник, -
Абхазия стремится в высь!
Абхазия грядущим дразнит!

Х. Бгажба отмечает: «…несмотря на некоторый отвлеченный риторизм, выражается радостное отношение к жизни. Сочетавшееся с оптимистическим принятием нового, строящегося мира».[1]

В 1933 году в газете «Советский писатель Абхазии» была опубликована информация о том, что В. В. Каменский работает над поэмой «Ткварчели» и, чтобы ближе ознакомиться с жизнью шахтеров, отправился в город горняков. Но до находки рукописи поэмы профессором С. З. Лакоба в Центральном архиве искусства и литературы о ней не было известно исследователям. Первоначально это произведение называлось «Поэма о Ткварчели», а позднее – «Ткварчельская поэма». Но оба названия затем зачеркнуты автором и изменены на «Абхазия».

«Поэма по объему очень большая. Она является своего рода репортажем из города в горах – детища первой пятилетки республики. Поэт вспоминает в ней и об историческом прошлом абхазского народа. Но картины прошлого сменяет летопись социалистического строительства, самоотверженный труд шахтеров – «вселенинских горняков», – пишет С. З. Лакоба.[2]

В 1923 году в газете «Трудовая Абхазия» В. В. Каменский опубликовал произведение к дню советской печати «Именины буквы»:

Буква – следы человеческого гения.

Буква – глаза разума.

Буква – меч борьбы, звезда просветления умов и сердец, защита трудящихся, цитадель пролетарского единства.

День печати – кумачовая легенда наших великих дней.

День печати – сияющая, на века озаренная, утренняя дорога в счастливое будущее.

День печати – гимн сеятелей на нивах печатного слова, гимн кузнецов мысли, кующих железную славу Красным векам».[3]

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 194.*

[2] *Там же, с. 194 – 195.*

[3] *Там же, с. 197.*

* * *

Хухут Бгажба создал полноценный портрет русского ученого, поэта и педагога Виктора Ивановича Стражева, много труда положившего для развития культуры абхазского народа. Когда Хухут написал о нем, этого человека мало кто помнил. Было несколько поверхностных упоминаний. Безусловно, это упущение абхазоведения. Теперь, когда читаешь этюды Хухута Бгажба «О Викторе Стражеве» и «Поток одиннадцати лет» (см. «Этюды и исследования», с. 202–215, Труды. Книга первая, с.196–206), перед тобой встает светлый образ русского ученого, воспитанного на прогрессивных идеях. Автор считал важным отметить вклад В. Стражева в культуру и науку, сохранить его имя для потомков, сделать творчество частью абхазоведения.

Виктор Стражев (1870–1950) еще до приезда в Абхазию был хорошо известен в России, как поэт, литератор и педагог. В 1902 году он окончил Московский университет с дипломом первой степени историко-филологического факультета. Позже преподавал в московских школах. С 1910 года, оставив преподавательскую работу, стал заниматься творческой деятельностью. С января 1912 года работал педагогом Вяземской гимназии, обучал русскому языку и литературе, читал лекции в Московском народном университете. Тогда В. Стражев издал для школ хрестоматии «Первоцвет», «Цветничок», «Колосья» и др.

В. Стражев трудился и на ниве литературы. Об этом свидетельствуют книги: «Opuscula. Стихотворения. Эскизы». М., 1904; «О печали светлой». Стихотворения. М., 1907; «Путь голубиный. Лирическая повесть». М., 1908; «О Метерлинке, Синей птице и Вечном младенце. Диалог». М., 1908; «Стихи». Том первый. М., 1910; «Рассказы». Том второй. М., 1911.

В 1916 году В. Стражев решил из-за болезни переехать на Кавказ. Он написал заявление на имя попечителя образования Кавказского округа, чтобы дали где-нибудь место учителя. Просьбу уважили. Он стал учителем русского языка и литературы в Сухумском реальном училище. С тех пор и началась деятельность Виктора Стражева в Абхазии. По словам Хухута Бгажба, она для него стала второй родиной.

После установления Советской власти деятельность В. И. Стражева получила еще больший размах. Он был председателем Методического совета в Наркомпросе Абхазии, принимал активное участие в работе Абхазского Научного Общества (АбНО), работал в печати.

В 1923 году Наркомпрос Абхазии обратился в Совнарком Абхазии о предоставлении спецставки некоторым видным работникам просвещения. О В. Стражеве сказано:

«...Работа, выполняемая им, требует специальных знаний и соответствующего образования. Он по образованию филолог, имеет тесное и глубокое знакомство с печатным делом. Сам является литератором – поэтом, рецензентом, корректором и редактором. Все эти данные позволяют тов. Стражеву сразу объять всю работу и выполнять ее».[1]

Хухут Бгажба отмечает продуктивную помощь В. Стражева в дело становления и развития народного образования в Абхазии. Об этом свидетельствуют многие статьи: «Родной язык и методика его преподавания в трудовой школе», «Сельская школа в РСФСР», «Литература наших дней», «Библия в свете науки», «Графическая грамотность», «Элементарное языковедение», «О школе Абхазии» и др.

Виктор Стражев подчеркивает становление и развитие народного образования в соответствии с новой жизнью, принесенной Советской властью, говорит о важности сохранения национального колорита, о том, чтобы новое образование было способно защитить родной язык, о широких возможностях образования в будущем на основании физического труда.

В. Стражев занимался не только проблемами народного образования в Абхазии. В круг его интересов входили исследование культуры и истории народа.

«Еще в сентябре 1922 года В. Стражевым была подана в Наркомпрос докладная записка о необходимости учреждения «Отдела культуры Абхазии» с весьма содержательной, развернутой программой.

Эта программа Стражева была принципиально одобрена и принята Наркомпросом Абхазии. Были предприняты полезные начинания в этой области: был учрежден Абхазский госмузей, постановлением ЦИКа Абхазии при Наркомпросе была организована постоянная Комиссия по охране памятников искусства, старины и природы, стали выходить печатные органы: «Известия Абхазского научного общества, «Бюллетень Абхазского научного общества», стали публиковаться работы историко-археологического, этнографического содержания, были приняты продуманные меры по охране памятников материальной культуры.

Об исторических памятниках Абхазии В. Стражев написал книги: «Руинная Абхазия», «Бронзовая культура в Абхазии», «К

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 204.*

Азантскому дольмену (Археологическая разведка)». Они были опубликованы в 1925–1926 годах в «Известиях Абхазского научного общества (АбНО)».[1]

Автор в статье «Руинная Абхазия» дает обзор 68 древних памятников Абхазии, сделанный, главным образом, по литературным данным. Эту статью русский ученый рассматривал как историко-литературный эскизы для составления археологической карты Абхазии. Здесь он выступает в защиту исчезающих историко-археологических памятников. С болью говорит о том, что они не исследованы, нет должного внимания и бережного отношения к ним, надеется, что новое поколение ученых, объединенных в АбНО, сумеет поднять этот вопрос.

О других статьях В. Стражева Хухут Бгажба писал:

«Бронзовая культура в Абхазии», «К Азантскому дольмену» наряду с работами А. С. Башкирова и М. М. Иващенко, представляют первые шаги в области изучения абхазской археологии в послереволюционный период. «В. И. Стражеву, – писали археологи Л. Н. Соловьев и М. М. Трапш, – принадлежит честь первого открытия и описания дольмена в селе Азанта; до этого времени эти большие каменные гробницы эпохи раннего металла были известны в нашем Союзе лишь на Северном Кавказе и районе Новороссийск–Сочи. Им же (то есть В. Стражевым) впервые на территории Абхазии была описана культура позднего бронзового века, позднее получившая название Колхидской. Она представляет южную параллель ранее известной кубанской культуры, связанной с территорией центральной части Северного Кавказа».[2]

В. Стражев, отмечал Х. Бгажба, сумел сделать многое в исследовании древних историко-архитектурных памятников Абхазии. Он поднял множество вопросов, впервые получивших применение в науке. В 1924 году сделал доклад в АбНО на тему: «Пицунда как памятник прошлого». Доклад был связан с защитой и сохранением уникальной Пицундской сосновой рощи: «Древности Пицунды заслуживают самого серьезного внимания. Очень важно обеспечить должную охрану их от самовольных губительных раскопок кладоискателей и стихийного разрушения».

Для исследования древних памятников Абхазии В. Стражев в 1927 году провел две экспедиции: одну – по Военно-Сухумской дороге (Цабал, Лата, Чхалта, Ажара), вторую – по

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 199.*

[2] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 200.*

Северо-западной дороге Абхазии: (Гагра, Пицунда, Бзыбское ущелье).

О трудностях, с которыми он встретился во время этих экспедиций и их хороших результатах он писал в статье «В поисках старины (из летних скитаний)», опубликованной в двух номерах газеты «Советская Абхазия» (№9, 10 август, 1927).

В первой экспедиции по Военно-Сухумской дороге В.Стражев раскрыл немало архитектурных памятников, до него неизвестных.

Вторая экспедиция охватывала Пицунду и Бзыбь. Пицунду он назвал «землей, насыщенной таинственной древностью», а сосновую рощу – «реликтовой драгоценностью Абхазии». Подчеркивая отсутствие должной заботы о сохранении рощи, ее запущенность, русский ученый писал: «Мне как археологу жаль до физической боли, будущее прекрасной Пицунды – этого естественного музея Абхазии, надо ее беречь, чтобы «над заповедной рощей не встала угроза ее уничтожения».

Хухут Бгажба замечает, что В. Стражев своими археологическими раскопками хотел прочитать тайны Пицундской земли.

Исследователь осмотрел также развалины храма и крепости на Бзыби у моста:

«Бзыбские древности – чрезвычайного интереса, – пишет В.Стражев. Трехнефный храм – один из лучших памятников руинной Абхазии. Великолепный материал, высокая техника кладки, разные сохранившиеся камни оконных наличников в алтарной части, весь комплекс окружающих сооружений убеждают, что в этом районе Бзыби имела место богатая историческая жизнь».[1]

Хухут Бгажба делает вывод: «Нет сомнения, что понятны и значительны вклад и влияние исследований В. Стражева и его работ о историко-археологических памятниках Абхазии в 20-е годы прошлого столетия».

В. И. Стражев оставил свой заметный след и как поэт в абхазо – русских литературных связях. И эту сторону его деятельности ученый не обошел молчанием. Он исследовал ее по своему обыкновению тщательно, убедительно подтверждая свои мысли литературными фактами.

Критик особо отмечает дружбу В. И. Стражева и С. Я. Чанба. Он перевел на русский язык поэму С. Я. Чанба «Дочь гор» (опубликована в 1925 году), которая позднее в 1958 году была включена в «Антологию абхазской поэзии», изданную в Москве, что, несомненно, говорит о качестве перевода.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 201.*

Хухут Бгажба подчеркивает, что в одной статье невозможно полностью охватить и проанализировать все литературное творчество В. И. Стражева. Но произведения В. Стражева о прошлом и новом Абхазии, ее прекрасной природе, написанные с любовью и глубоким чувством, никогда не устареют. Они и сегодня звучат, волнуя до глубины души читателя.

Из стихотворений, об Абхазии, критик выделяет «Сухум» и произведения, вошедшие в поэтический сборник «Горсть» (1923). В них раскрывается сам автор – любящий искренне Абхазию, знающий ее историю и воспевающий ее. К лучшим произведениям, посвященным автором Абхазии и абхазскому народу, по мнению критика, относятся: «Абхазия», «Песнь о голубоглазом», «Махаджир» и др. В них чувствуется духовная близость автора с созданными им поэтическими образами, его любовь и гордость, которую он испытывает к ним, а также глубокое знание материала. В стихотворениях "Ex oriente mors", «Ра», «Махаджир», «Аслан-бей», «Море» сказалось увлечение поэта историей. В стихотворении же «Абхазии» В. Стражев обращается к ней как к светлому приюту, очаровавшему видно его – жителя Севера:

В душе – безгрезно, безнапевно,
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших гневно.

Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок.

На кружевное побережье,
Под сень твоих зубчатых гор,
Где на сверкающий простор
Вскрылило гордо белоснежье.

Тебе, крылящей в высь Земле
Несу мой пев – благодаренье
За море, солнце и цветенье
Фиалок синих в феврале.

В. И. Стражев глубоко уважал традиции абхазского народа, его удивительное гостеприимство. Но наряду с этим, своим зорким глазом видел и излишества, вредные привычки, особенно излишние пиршества на свадьбах. Это получило свое отражение в его стихотворении «Толумбаш».

Как отмечает Хухут Бгажба, в поэтических произведениях, созданных в Абхазии, В. Стражеву не был чужд и жанр стихотворной пародии. В подтверждении имысли он приводит в пример его произведение «Абхазская антология», опубликованное в газете «Советская Абхазия» (14 августа 1927 года). В нее включены пародии на И. Северянина, С. Есенина, В. Каменского, В. Маяковского.

«В 1927 году В. И. Стражев уехал в Москву и остался там до конца своей жизни (умер в 1950 году). Вскоре после его отъезда, 23 октября 1927 года в газете «Советская Абхазия» появилась статья «Московские письма». В них явно чувствуются крепкие нити, связывающие его с Абхазией. И, несмотря на то, что он частенько «вздыхал стихами о севере, о снежных вьюгах, о золотых осенних бульварах Москвы», свою разлуку с Абхазией он воспринимает с большой грустью. Полны лиризмом его трогательные слова, обращенные к сухумцу:

«Пишу Вам, милый сухумец, из бурной гущи Москвы. Простите за то, что первое это письмо – очень личное. Но что делать, если с кончика пера сочится воспоминание о тех одиннадцати годах жизни, с которыми навсегда попрощался я с палубы парохода в нежный и теплый синий вечер – вечер разлуки с вами. Посмеетесь над моим «карамзинизмом», – охотно приемлю ваш смех, – но есть вещи, от которых не освобождается никто, и среди них та, которую мы называем разлукой. Когда в Новороссийске, в часы между пароходом и поездом, я зашел в местный музей и здесь заведующий музеем Г. Ф. Чайковский, побывавший у нас в АбНО, показывал мне археологический отдел и среди его коллекций вещи из Абхазии (керамика из Сухума и собрание иконок из Пицунды), я как-то очень сильно почувствовал себя абхазским «махаджиром», которому уже не доведется больше бродить по Абхазии, в ее горных дебрях, волноваться загадками ее истории, писать и думать о ней и для нее, подставляя лицо ласке ее неба и так неслышно старея в ленивой скуке ее медлительных, однообразных дней».[1]

После 1974 года исследования Хухута Бгажба о творчестве В. Каменского и В. Стражева были продолжены и дополнены новыми находками профессором С. Лакоба, он обнаружил

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 201 – 202.*

«Абхазскую антологию» В. Стражева и опубликовал ее в книге «Крылились дни в Сухум-кале».

* * *

К одним из лучших страниц, открывающих культурно-литературные связи абхазского и русского народов, относятся исследовательские работы Хухута Бгажба «Горький в Абхазии» и «Об одной поездке А. Чехова в Абхазии». Остановимся на первой работе. Тема Горький и Абхазия была сквозной в исследованиях Хухута Бгажба, наш видный ученый неоднократно обращался к ней, постоянно обогащая свой труд новонайденными материалами о пребывании великого писателя в Абхазии.

Понятно, что кроме завоевателей и грабителей, к нам прибывали и образованные, талантливые люди разных национальностей, которым было интересно узнать быт, язык, историю и культуру жителей Абхазии. Многие оставили значительные для нашей духовной жизни страницы, но далеко не все ученые – путешественники писали о нас правду. Среди них были и те, кто сознательно искажал или не хотел понимать правду о нашей жизни, языке, истории.

Эта мысль ясно выражена в работах Хухута Бгажба, посвященных историко-культурным связям абхазского народа. В них он глубоко подходит к основным проблемам исследуемого предмета. Об этом свидетельствует его очерк «Горький в Абхазии».

Как известно, Максим Горький бывал в Абхазии трижды (1892, 1903, 1929) и оставил заметный след в нашей культуре. В 1900 он путешествовал по всему Закавказью вместе с А. П. Чеховым, художником В. М. Васнецовым, врачом А. Н. Алексиным, Л. В. Срединым. Но, как отмечал Хухут Бгажба, у нас нет в руках документов, еще не найдены материалы, подтверждающие пребывание Горького в том году в Абхазии.

Время первого приезда Горького в Абхазию совпало с народным бедствием в России, когда на грани голодной смерти оказалось несколько десятков миллионов крестьян. Именно в это время писатель странствовал по Руси, желая узнать и понять жизнь народа. Из пострадавших от страшной засухи губерний толпы голодающих устремились к Югу России – Дону, Крыму, Кавказу. Вот с этими людьми, скитавшимися в поисках хлеба, встречался М.Горький в своих странствиях по Кавказу. Он проникся болью за их горькую судьбу, считал ее следствием социальной несправедливости, и, как писатель в своих произведениях осудил это.

М.Горький прибыл в Абхазию из Тифлиса в 1892 году среди лета. В начале он остановился в Новом Афоне, неделю работал у монахов, затем был в Сухуме, отсюда пешком отправился в Очамчыру вместе с голодающими, которые «шли на работу в Очемчиры из Сухума, где они строили шоссе Сухум – Новороссийск». Из Абхазии М. Горький пешком по берегу моря пошел в Батум, а оттуда в сентябре 1892 года – в Тифлис. Здесь в жизни Алексея Пешкова произошло важное событие – началась его творческая работа. В газете «Кавказ» (12 (24) сентября 1892 года) был напечатан первый рассказ «Макар Чудра» за подписью «Максим Горький».

С первым пребыванием М. Горького в Абхазии связаны два его произведения: «Рождение человека» и «Калинин». Они были созданы в 1912 году. Вначале они вошли в цикл произведений первоначально названный «Записками проходящего», а затем – «По Руси». В первом рассказе описывается эпизод из жизни Горького во время его пребывания в Абхазии: ему между Сухумом и Очамчырой встретилась беременная женщина из Орловской губернии, которую роды застали прямо на дороге, и он, случайный прохожий, помог ей родить. «Рождение человека» сам автор считал лучшим из своих рассказов.

В этих рассказах, подчеркивает критик, автор замечательно передает образ чудесной природы Абхазии, словно он сам родился и вырос здесь, художественно рисует пейзаж осенней Абхазии, зеркально блистательных высоких гор, волнующего синего моря. Улавливаются и некоторые картины, рисующие местный колорит. Мельком, но говорится и об абхазах, об их самобытности. Эти места в рассказе Хухут Бгажба выделяет особо. Также в рассказах М.Горького мы встречаем и географические названия местностей, например, Сухум, Новый Афон, Очамчыра…

Летом 1903 года М. Горький приехал на Кавказ. Он уже был известным писателем, помимо супруги Н. М. Пешковой, его сопровождали К. П. Пятницкий, А. А. Тихомиров. Они побывали в Тифлисе, Боржоме, Батуме, Кутаисе. Но до 1963 года мы не знали, был тогда М. Горький в Абхазии или нет. Не было фактов, указывающих на это. В 1963 году, краевед Е. Польская нашла очерк инженера И. Акинфиева «По Черноморскому побережью Кавказа», опубликованный в Ставропольской газете «Северный Кавказ» (№109, 1903г). В нем говорится, что автор встретил Горького с друзьями на теплоходе «Батум», они совместно плыли от Гагра до Нового Афон. Вышли из теплохода в Новом Афоне, а вечером поехали в Сухум, откуда намерева-

лись отправиться пешком в Сванетию – врачи советовали М. Горькому для укрепления нервной системы совершить поход в горы. Но, по словам И. Акинфиева, М. Горькому не удалось подняться в горы, вскоре он вернулся обратно в Сухум, оттуда на теплоходе отправился в Поти, затем – поездом в Кутаис.

Свои путешествия по Советскому Союзу М. Горький продолжил вновь в 1928 и 1929 годах. Он побывал в Украине, в Крыму, на Северном Кавказе, собирался приехать и в Абхазию, но неожиданно вернулся в Москву, оттуда – в Италию.

М. Горький в третий раз приехал в Абхазию в сентябре 1929 года. Он находился в Новом Афоне, там его посетили писатель, председатель ЦИК Абхазии С. Чанба, редактор абхазской газеты «Апсны капш» М. Хашба, они были все приглашены в дом абхазского крестьянина – сказителя Исмаила Бутба (Быҵәба). Вечер прошел весело и оживленно. На прощание писатель и сказитель сфотографировались вместе.

Также М. Горький посетил Сухумский питомник обезьян, интересовался опытами, проводимыми научными работниками этого института, общался с ними.

И сегодня сохранилась фотография, в которой М. Горький снят вместе с работниками обезьяньего питомника. На главном здании этого уникального научного учреждения висит мемориальная доска, которая гласит о том, что 7 сентября 1929 года Сухумскую медико-биологическую станцию Академии наук СССР посетил великий пролетарский писатель Горький (Пешков).

«Достойно сожаления, – пишет Хухут Бгажба, – что тогда местные газеты ничего не написали о пребывании М. Горького в Абхазии, кроме маленькой информации, опубликованной в газете «Советская Абхазия (8 сентября 1929 года), которую приводим ниже:

«Проездом в Тбилиси в Сухуме остановился т. Максим Горький. Вечером, в пятницу, он прибыл из Сочи в Н. Афон, где провел ночь и утром, ознакомившись с состоянием совхоза, выехал в Сухум.

По прибытии Максим Горький проследовал прямо в обезьяний питомник, где имел продолжительную беседу с научными работниками.

Сегодня утром т. Максим Горький выезжает в Тбилиси».[1]

После этого, по словам Хухута Бгажба, семь лет спустя, 26 декабря 1936 года газета «Советская Абхазия» публикует интересные воспоминания К. Ковача под названием: «А. М. Горький

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 8–9.*

об абхазском народном творчестве». Первый абхазский композитор К. Ковач и видный абхазский педагог К. Ф. Дзидзария совместно собрали, записали и перевели на ноты немало абхазских народных песен, веками переходившие из уст в уста. После того, как М. Горький посетил обезьяний питомник, с ним встретился глава Абхазии Н. А. Лакоба, туда же был приглашен и композитор К. Ковач. По его словам, на этой встрече они оба много говорили об устном народном творчестве абхазского народа:

«Алексей Максимович с глубочайшим интересом отнесся ко всем вопросам собирания и записи абхазского народного творчества…

– Сами-то Вы, хоть немножко поете эти песни? – спросил меня, между прочим, Алексей Максимович.

– Мне приходится усваивать песни основательно, прямо с голоса исполнителя, иначе мне было бы очень трудно что-либо правильно записать. Ведь у меня нет фонографа.

– Отсутствие фонографа – это не такая большая беда в том случае, если вы сами поете абхазские песни. Сами исполняя их, вы лучше усваиваете характер песни и дух народа, вложенный в содержание этих напевов.

– Хорошие песни, чудесные! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и горячо петь о них!»

М. Горький советовал композитору: «Записывайте вообще все песни, которые вам встречаются, если даже будут такие, которые покажутся вам мало интересными. Вы записываете песни у народа и для народа же. Растут новые советские люди. Они будут, конечно, создавать новые песни, но они должны будут знать и прошлое. В каждой старой песне есть кусочек того прошлого, который необходимо знать новым поколениям».

М. Горький остался очень доволен, когда узнал, что К. Ковач, наряду с песнями, записывал сказки и легенды. Для истинного художника каждая крупинка народного творчества народной мудрости дорога и близка. Пусть сказки легенды собирают еще сотни людей, пусть в собранных материалах окажутся материалы тождественные. Но ведь в большинстве случаев, то будут различные варианты. И чем больше этих вариантов будет собрано, тем лучше».[1]

В статье Хухут Бгажба, используя новые материалы, уделяет внимание и другим встречам Максима Горького с Нестором Ла-

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 10 – 11.*

коба, Константином Ковачем, их беседам о проблемах собирания абхазских народных песен и устного народного творчества, о развитии социалистического строительства в Абхазии. Максим Горький с большим удовольствием воспринял перемены, происходившие в Абхазии, он считал, что все больше утверждающееся новое в нашей республике – заслугой Советской власти. Материалы, вошедшие в очерк, показывают, что Максим Горький и Нестор Лакоба познакомились и сблизились друг с другом. К тому же настроение знаменитого писателя поднимало и то, что он вновь видит места, где бывал еще в молодые годы, ибо те путешествия помнились ему многим, в том числе и о приятном.

Как пишет критик, с отъездом М. Горького из Абхазии не были прерваны эти взаимосвязи. 23 мая 1931 года в Сухумском государственном драматическом театре состоялся литературный вечер, посвященный А. М. Горькому. Помимо общественности Абхазии, в нем приняли участие и гостившие в то время в Абхазии писатели Иоганнес Бехер, Андор Габор, летчик Б. Г. Чухновский.

Открывая этот вечер, председатель ЦИК С. Чанба сказал:

«Максим Горький всей своей жизнью и литературной деятельностью близок и дорог пролетарским массам. Своим творчеством, своей публицистической деятельностью он поднимает массы, зовет их в бой за социалистическое строительство».[1]

Доклад о жизни и творчестве Максима Горького сделал на вечере писатель Вл.Агрба. В своем выступлении немецкий писатель Иоганнес Бехер назвал М.Горького самым счастливым в мире великим писателем. Известный во всем мире, летавший на Северный полюс летчик Б. Г. Чухновский вспомнил на этом вечере свои интересные и незабываемые встречи с М. Горьким в городах Сорренто и Москве. Он также сказал о том, что М. Горький проявлял живой интерес к полярным экспедициям и участию в них авиации.

«Как известно, – отмечает Хухут Бгажба, – М. Горький дорожил народными сказками, особенно высоко ставил народный героический эпос. В 1936 году Абхазское издательство (АбГиз) выпустило сборник абхазских народных сказок, который, повидимому, был послан М. Горькому. Об этом сборнике сообщает К. Федин в своем письме к М. Горькому: «Вам из Сухума должны послать сборник абхазских сказок. Получили ли? Сказки есть великолепные. Но перевод настолько убог, что зло

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 13.*

разбирает смерть как! А ведь в Сухуме можно было найти недурного редактора – есть там такой русский – Новодворский, вполне грамотный человек».[1]

О том, что М. Горький интересовался абхазской письменностью и устным народным творчеством свидетельствует и его письмо литератору З. М. Мориной. Кроме того, как отмечает Хухут Бгажба, произведения великого русского писателя помогали и во многом влияли на развитие абхазской литературы. Влияние горьковского творчества мы хорошо видим в пьесе Д. Гулиа «Призраки», и в рассказах С. Чанба, к примеру, «Апхьярца», «Песнь страдания», «Могучее дерево с алым цветом», они написаны ритмизированной прозой.

«Воздействие М. Горького на национальные литературы не однолинейное, а структурное, идейное. Литературовед Н. К. Пиксанов писал по этому поводу: «Не следует изучение влияний Горького связывать непременно с отдельными жанрами его творчества. Ведь воздействовать могли общие элементы и приемы творчества, как и высокая его идейность. Учиться можно было художественному языку, беря его лучшие образцы у Горького. Можно было учиться формовке образцов, обобщению типов, портретной живописи, приемам композиции и бытописи, социальной проблематике, революционной идейности и патетики.

Революционный демократизм Горького оказывал свое воздействие на становление и развитие молодых литератур братских республик. Молодые национальные литературы, как, например, абхазская, которые обязаны своим подлинным рождением Великой Октябрьской революции, находили в творчестве М. Горького вдохновляющие идеи и совершеннейшие образы, отображавшие настроения трудовых масс», – писал критик.[2]

Хухут Бгажба считал, что влияние М. Горького на творчество С. Чанба и других абхазских писателей – тема, требующая особого, отдельного исследования. Он также отмечал, что важным культурным событием для нашей республики стали постановки пьес М. Горького – «На дне» (30-е годы) и «Последние» (в 50-е годы) на сцене Абхазского театра. Он пишет о том, что абхазские писатели любили М. Горького, о нем слагали стихи (С. Сангулиа, А. Ласуриа, Л. Квициниа…).

Исследователь не забывает и о том, что немало произведений М. Горького переведено на абхазский язык: «На дне» в переводе М. Гочуа, В. Маан (1936); «Дедушка Архип и Ленка» в

[1] *Там же, с. 14.*

[2] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 16.*

переводе И. Адзинба (1938); «Рассказы» в переводе В. Какалиа, С. Кучбериа, З. Таркил (1939); в сборник включены рассказы: «Старуха Изергиль», «Первое мая», «Хан и его сын», «Мой попутчик», «Рождение человека», «Челкаш»; «Последние» в переводе А. Агрба (1954); «Детство» в переводе М. Папаскир (1957); «В. И. Ленин» в переводе А. Гогуа (1968); «Песня о соколе» в переводе Б. Шинкуба; Из «Сказок об Италии» два рассказа перевел М. Ласуриа; «Старуха и Смерть» в переводе К. Ломиа (опубликовано в журнале «Алашара» №3, 1968); «Пармские дети»; «В людях» отрывок в переводе В. Маан; роман «Мать» в переводе Ш. Пилиа.

«М. Горький, – завершает очерк Хухут Бгажба, – дорог абхазскому народу своими рассказами, в которых он с неповторимым мастерством нарисовал природу Абхазии, названной им «Благодатным уголком земли».[1]

В Абхазии побывал великий русский писатель А. П. Чехов. Е За двое суток первой поездки его острый глаз охватил поразительно много: красоту Абхазии, богатство ее природы, стать абхазов, особенности одежды и многое другое! Обо всем этом написано в этюде Хухута Бгажба «Об одной поездке А. Чехова», хотя и небольшом по своему объему, но видно, что автор для его написания исследовал и прочитал немало материалов.

А. П. Чехов первый раз прибыл в Абхазию в 1888 году на теплоходе «Юнона». Как сообщает в письме, на одни сутки остановился в Новом Афоне в гостинице при монастыре. Тогда в Новом Афоне шло полным ходом строительство, здесь для абхазских детей была открыта миссионерская школа, с принадлежащей ей землей. Здесь он познакомился с Сухумским епископом Геннадием, о котором он впоследствии отозвался: «Любопытная личность». В книге для посетителей А. П. Чехов записал следующее:

«Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах».[2]

25 июля А. П. Чехов на теплоходе «Дир» из Нового Афона прибыл в Сухум и остановился в гостинице «Ялта». Вот что он пишет в письме.

«Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительна до бешен-

---

[1] *Х. С. Бгажба. Этюды и исследования, с. 18.*

[2] *Сообщение С. М. Чехова – «Забытая запись» «Советская Абхазия», 21 июля 1964 г.*

ства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы и горы без конца и краю… Сижу я сейчас на балконе, а мимо прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов, через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море».[1]

Хухут Бгажба приводит немало писем А. П. Чехова к своим друзьям, в которых он с огромной любовью говорит об Абхазии, описывает, как очарован красотой природы. О том, что лечился здесь у русского терапевта А. А. Остроумова и многое другое. Во всех письмах видна острая наблюдательность великого писателя. Но вместе с тем, Х. Бгажба отмечает, что за столь короткое время нахождения великого писателя в Абхазии – в Сухуме и Новом Афоне, он не мог реально узнать жизнь и характер абхазов и отразить это в художественном творчестве. Этим объясняется то обстоятельство, что А. П. Чехов в «Дуэли» описывает разъезжающих по улицам на осле абхазов. Этот факт, безусловно, не верен.

«На самом деле у них издревле считается постыдным ехать верхом на осле. По этому поводу у абхазов имеются даже иронические изречения: «Вот уж, действительно, уселся на осла», или: «Он подобен человеку, оседлавшему осла».

Наш знаменитый ученый отмечает, что А. П. Чехов касается Абхазии и абхазов не только в своих письмах друзьям. Это мы видим и в прекрасной его повести «Дуэль», хотя известный советский чеховед И. Гуревич считал, что «понятие «Кавказ» не обладает у Чехова собственным этническим, нравственным, бытовым содержанием». А чеховед А. Роскин относил сюжет «Дуэли» скорее к «воспоминанию Чехова о жизни российских чиновников на Сахалине или же в других столь же глухих и угрюмых дальневосточных или сибирских местах».

Однако Хухут Бгажба в своем кратком анализе повести «Дуэль» устанавливает тот факт, что она несет в себе следы пребывания Чехова в Абхазии. Здесь мы видим бульвар, кафедральный собор, почтово-телеграфную контору, по набережной «бродят» голодные турки и абхазы, вдалеке «однообразие дымчатых лиловых гор вечно одинаковых и молчаливых, вечно одиноких»; здесь «молодые кипарисы, эвкалипты и худосочные пальмы». Эти описания и реалии, хотя бы какой-то мере намекают на впечатления писателя, полученные от Сухума, и, возможно, Батума.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 171.*

Критик не упускает и другие детали. Персонаж произведения доктор Самойленко, идя по бульвару, говорит, что на этой земле живет «честный и гостеприимный народ». А другой персонаж повести – Лаевский хочет поехать «на грузовом пароходе или даже на паруснике, в Новый Афон». Сообщается о «каких-то двух абхазцах…», которые выносили из духана мешки с чем-то… и клали их в арбу на кукурузную солому».

«В «Дуэли» мы видим, – пишет Хухут Бгажба, – описание внешнего вида абхаза: «мохнатая шапка, кинжал поперек живота…молодое смуглое лицо с черными бровями, такими густыми и резкими, что как будто они были написаны углем».[1]

Как предполагал Хухут Бгажба, во время своих путешествий по Кавказу А. П. Чехов мог услышать абхазские народные песни. Для подтверждения этой мысли он приводит одну цитату, в которой одному из героев дьякону Победову «припомнился пикник со всеми его подробностями, пение абхазцев… Пели они что-то протяжное, мелодичное, похожее на великопостную церковную песню».[2]

Вышеприведенные описания детали, по словам Хухута Бгажба, трудно конкретно связывать только с Сухумом, так как писатель побывал и в Батуме. Но надо учитывать тот факт, что из ушедших в махаджирство в 70-е годы XIX столетия абхазов, немало вернулось в Батуми, поэтому А. П. Чехов мог и в Батуми увидеть абхазов.

В письмах А. П. Чехова 1897–1898 годов (А. И. Сумбатову (Южину), Л. А. Авилову) отражено его стремление снова поехать на Кавказ. В конце мая 1900 года А. П. Чехов вместе с М. Горьким, художником В. М. Васнецовым, доктором А. Н. Алексиным побывали в Феодосии, Новороссийске, Туапсе, Сочи, Сухуме, Поти, Мцхете, Тбилиси, а затем через Батуми на пароходе отправились в Ялту.

Об этой поездке Г. Адамянц писал: «Это путешествие не нашло отражения в письмах А. П. Чехова. Продолжать поиски деталей второй поездки Чехова по Кавказу – благодарная задача как специалистов-литературоведов, так и краеведов-любителей».[3]

А.П. Чехов уважаем и любим в Абхазии. Его имя носит Сухумская 14 средняя школа, произведения изучают и переводят на абхазский язык. Еще в 1920 году абхазский писатель Дзадз

---

[1]Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 174.

2Там же.

[3]Адамянц Г. Великий писатель на Кавказе. «Советская Абхазия», 29 января 1980 г.

Дарсалиа создал по мотивам рассказа А. П. Чехова «Хирургия» одноактную пьесу «Зубной врач». В 1937 году Хухут Бгажба перевел на абхазский язык рассказы и издал их отдельной книгой. В нее вошли: «Человек в футляре», «Мужики», «Смерть чиновника», «Ванька», «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», которые входят в абхазские школьные литературные хрестоматии.

Критик завершает статью известными словами А. П. Чехова:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя бы месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и неба глядят тысячи сюжетов».[1]

* * *

Говоря о литературных, культурных и исторических взаимосвязях Абхазии, мы не должны исключать и грузинских писателей и общественных деятелей второй половины XIX века, которым не были чужды демократические идеи. К ним относятся Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. В своей статье «О связях Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели» Хухут Бгажба через их письма и литературное наследие исследует связи этих писателей с наиболее известными общественными деятелями Абхазии.

И здесь критик сначала детально исследовал материалы, не только уже известные в литературе, но и новые архивные документы об абхазских связях Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели.

Хухут Бгажба отмечает, что Илья Чавчавадзе издавна интересовался Абхазией, ее культурой, социально-экономическим состоянием края, особое внимание уделял проблемам школы в Абхазии. Об этом свидетельствует материалы, публиковавшиеся в газете «Иверия», редактором которой он являлся с 1877 по 1903 годы. В ней часто появлялись статьи, очерки, заметки, всесторонне раскрывавшие жизнь Абхазии того времени. Материалы эти то охватывали быт Абхазии в целом, то отражали состояние и проблемы в отдельных районах, публиковались в рубриках: «Абхазети», «Город Сухум», «М. Гудаута», «М. Очамчира», «Самурзакано», «Абжуа» и др. Авторами материалов, поступавших в редакцию газеты «Иверия» из Абхазии, являлись П. Чарая, Н. Джанашиа, Т. Сахокия, К. Мачавариани, А. Джугели, абхазский учитель В. Бжания. Также в редакцию этой газеты писал статьи один из составителей первого абхазского

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 175.*

букваря (в 1865 году) Иоанн Гегия, который был лично знаком и близко дружил с Ильей Чавчавадзе. Они вели переписку.

В газете Ильи Чавчавадзе печатались материалы по краеведению и этнографии Абхазии. В их числе и абхазские пословицы на двух языках – абхазском и грузинском.

Для Ильи Чавчавадзе, отмечает Хухут Бгажба, больной темой являлась проблема махаджирства:

«В своих статьях, вышедших под общим названием «Внутреннее обозрение», он неоднократно касался этой трагедии горцев Кавказа и резко обвинял правящие круги султанской Турции и царской России. А в одной из статей Чавчавадзе по поводу выселения абхазов и аджарцев писал: «Если правительство (Россия) хочет показать народу свое доброе сердце, то это именно нужно сейчас, когда народ требует помощи. А народ – основа и сила государства».[1]

Основываясь на новонайденных в архивах материалах, критик подчеркивал, что статьи об Абхазии, которые печатались в газете «Иверия» показывали тяжелую жизнь абхазского народа в то время, отсталость экономики и культуры. Как свидетельствуют документы (в том числе и неопубликованные), Илья Чавчавадзе интересовался улучшением народного образования в Абхазии, он специально приезжал в Сухум и Гагры.

Когда в Гаграх принц Александр Ольденбургский открывал школу-интернат для местных детей, он пригласил Илью Чавчавадзе, вместе с ним приехали общественные деятели А. Орбелиани, Д. Чолокашвили.

«Илья Чавчавадзе с большим интересом осмотрел Гагрскую курортно-климатическую станцию, построенную принцем Ольденбургским. Сначала он осмотрел монументальное строительство, здание школы (сегодня там – средняя школа), расположенный поблизости архитектурный памятник VI столетия, увидел уникальную библиотеку (Эта богатейшая библиотека была разграблена грузинскими меньшевиками), он побывал на Жоэкварской гидроэлектростанции, работающей и поныне. Все это произвело на писателя большое впечатление, и он с удовлетворением отметил полезную деятельность принца Ольденбургского в Гаграх».[2]

Илья Чавчавадзе вместе с друзьями приехал в Сухум 27 мая. Им приготовили прием в доме у братьев Шервашидзе. В нем приняли участие и некоторые представители абхазской интеллигенции. Слова, сказанные на этом застолье великим писате-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 207.*

[2] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 209.*

лем, опубликовали в газете «Иверия». В своем выступлении писатель подчеркнуто коснулся проблемы улучшения состояния школ в Абхазии. Безусловно, говоря о народном образовании Абхазии, он не забывал и о грузинских школах и о необходимости их нахождения в Абхазии, так как был большим патриотом Грузии, но это ни в коем случае не означало, что нужно закрыть абхазские школы и открыть грузинские.

Писатель был хорошо знаком и близко знал великих представителей абхазской интеллигенции – поэта Георгия Чачба, ученых Давида Чкотуа, Петра Чарая. С поэтическим творчеством Ильи Чавчавадзе абхазские читатели впервые ознакомились со страниц газеты «Апсны» (1919–1920). В ней Дмитрий Гулиа опубликовал два стихотворения Ильи Чавчавадзе в своем собственном переводе: «Весна» и «Судьба». Позже на абхазском языке зазвучали «Базалетское озеро», «Поэт», поэма «Разбойник Како». В 1963 году О. Жвания и Г. Папаскир перевели на абхазский язык и издали отдельной книгой рассказы и повести Ильи Чавчавадзе. В нее вошли «Человек ли он?», «Рассказ нищего», «Отарова вдова», «На виселицы», «Записки проезжего».

В литературно-культурном историческом аспекте исследует Хухут Бгажба творчество А. Церетели, «соловья грузинской поэзии», об Абхазии и абхазском народ. Речь идет о поэме «Воспитатель». Это эпическое произведение наиболее значительное из написанных поэтом. В основе ее сюжета – абхазское народное сказание, показывающее, по словам Хухута Бгажба, разрушение, распад моральных традиционных устоев внутри общества в условиях новых социальных отношений. Для поэмы характерна динамичная, интересная для читателя сюжетная канва, ее герои являются представителями трех национальностей. Правда, один из героев, а именно, Сафар-бек совершил большой грех по отношению к своему молочному брату Бату. Но Бата, несмотря на то, что тот опозорил честь жены, не стал сам убивать его, а приказал поехать к их общему воспитателю Хаджи-Усуба и рассказать о том, что совершил. Так и поступил Сафар-бек, рассказав воспитателю все, что с ним произошло и сказал о том, что Бата ждет именно от него ответа. Хаджи-Усуба покончил с собой, сказав напоследок своему ученику: «Не смог я воспитать тебя». В поэме поэт прекрасно, убедительно и высокохудожественно отразил философский смысл народного сказания.

«В этой поэме Акакий Церетели показал благородные обязанности человека в оберегании высокой моральной чистоты.

В лице наставника и Бату поэт воспел людей, борющихся за высокую нравственность».[1]

Критик подчеркивает, насколько убедительно, яркими штрихами А. Церетели рисует образы достойного абхазского крестьянина Бату и прекрасного наездника Алмахсита. Бату – один из главных героев поэмы, автор наделяет его лучшими чертами всех поколений абхазских мужчин:

В соседстве с вершинами белыми
Гнездо или дом над ущельем?
То пацха за тропами турьими,
Которую вьюги погнули,
Уютна январскими бурями
Прохладная в палящем июле...
Живет там знакомый с победою
Абхазец охотник и воин
Ни блеска, ни горя не ведая,
Он скромным и малым доволен.
Его достояние – в лошади,
В ружье да в клинке ратоборца.
Чего пожелать еще сможете
Рожденному с именем горца?[2]

Хухут Бгажба подчеркивает, что семейная жизнь Бату и его жены Назибролы, хотя она и была омрачена аморальным поступком молочного брата Бату, по тому, как показывает нам ее поэт, была счастливой и светлой. Критик дает поэме такую оценку: «Поэма «Гамзрдели» – высокохудожественное произведение, в котором с любовью изображается жизнь дореволюционного абхаза».[3]

Хухут Бгажба отмечает, что кроме поэмы «Воспитатель», и в других произведениях поэта встречается образ абхазского мужчины символизирующий мужество и отвагу. Возьмем, к примеру, его историческую повесть «Баши-Ачуки». Это произведение перевел на абхазский язык и выпустил отдельной книгой замечательный переводчик, обогативший национальную литературу переводами многих произведениями классической литературы Ясон Чочуа. Здесь с образом абхазского мужчины сравниваются мастерски выписанные фигуры героев, их коней и оружия. Издревле имеретинцы (откуда родом сам поэт) с об-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 211.*
[2] *пер. Б. Брик – Р. К.*
[3] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 212.*

разом абхаза связывали все героическое. Все это не пропустил мимо Акакий Церетели:

«Как известно, Акакий Церетели уделял большое внимание собиранию и изучению устного народного творчества. Он проявлял интерес и к абхазскому фольклору, как это хорошо видно из его поэмы и абхазских фольклорных материалов, публиковавшихся в «Акакис кребули».

Акакий Церетели и сам записал старинное абхазское предание, где сообщается об одной заброшенной усадьбе, куда каждый из прохожих закидывал по одной хворостине. Затем, когда хворостинок много, их собирали в одну кучу и сжигали. Оказывается хозяин этой усадьбы однажды зимой не впустил в свой дом озябшего путника. За нарушение обычая гостеприимства хозяина прокляли так, чтобы и после смерти он горел в вечном огне. Комментируя эту запись, А. Церетели обращается ко всем с просьбой собирать, записывать древние сказания, так как в них запечатлевается духовный и нравственный облик народа».[1]

Критик подробно исследует факты, свидетельствующие о дружбе и близости взглядов Акакия Церетели и Георгия Чачба: приводит примеры их переписки. стихи и другие документы, отклик на смерть А. Церетели.

В телеграмме соболезнования по случаю смерти Акакия Церетели, посланной в Тбилиси от имени абхазской интеллигенции, говорится о том, что в сердце абхазского народа навсегда останется память о великом поэте, любившем, и воспевавшем его, знавшем и уважавшем историю и культуру абхазов.

Хухут Бгажба считал исследование литературно-культурных взаимоотношений темой актуальной во все времена, способной духовно объединять народы. Безусловно, эта идея наиболее была активной и живой в тот период, когда еще был жив Советский Союз. Но и сегодня она не потеряла своей животворящей силы, пока еще обладает историко-культурным вкусом и очень важно отнестись к ней с должным вниманием. Эту, выше высказанную мысль в полной мере подтверждает и очерк Хухута Бгажба «Галактион и Абхазия». В нем критик анализирует стихотворения Галактиона Табидзе, посвященные Абхазии, раскрывает их идейно-художественную значимость. К тому же критик показывает через эти произведения искреннюю любовь поэта к абхазскому народу. В очерке автор опирается на свое личное знакомство и дружескую близость с Галактионом Табидзе. И это, разумеется, во многом помогло раскрытию лично-

[1] *Там же..*

сти поэта, анализу его произведений, пронизывало весь очерк человеческим теплом.

Вот что писал Хухут Бгажба:

«Мне довелось несколько раз встречаться с классиком современной грузинской поэзии Галактионом Табидзе. Эти встречи навсегда запечатлелись в моей памяти. Он, словно живой, стоит передо мной, слышу его приглушенный, бархатный голос, вижу лукавую и добрую усмешку, заново переживаю радость общения с ним. Я не смогу порадовать читателя сколько-нибудь связанными воспоминаниями. Не так-то легко было войти к нему в доверие. Он был человеком тонкого эмоционально-интеллектуального склада, поэтом – каждой частицей своего существа, это чувствовалось во всем – в отношении к людям, вещам, природе; порой уходил он в себя, в свою душу – «барометру бури страстной».[1]

Обрисовав личностные качества поэта, критик в хронологическом порядке рассказывает о взаимоотношениях Галактиона Табидзе и Абхазии. Хотя в очерке встречаются мотивы мемуарного характера, но это не мемуарный жанр, воспоминания не играют здесь главенствующей роли. Прежде всего исследуется тематика, художественное мастерство и идейное значение произведений Галактиона Табидзе, посвященных Абхазии. Они были созданы, во-первых, талантливо, а во-вторых, с искренней любовью и теплотой. К тому же, нельзя не заметить и то, (автор очерка ненавязчиво дает понять читателю), что Галактион Табидзе написал свои стихотворения об Абхазии и абхазском народе в тот период (кроме нескольких стихотворений, написанных в 1931 году), когда судьба абхазского народа держалась на тончайшей нити, стоял вопрос «быть или не быть». Тогда, в 1948 году в Сухуме вышла в свет книга Галактиона Табидзе «Море волнуется», в которой большинство поэтических произведений, за исключением одного или двух, было посвящено абхазской тематике. И это в то время, когда грузинские шовинисты с корнем выкорчевывали историю абхазов, были наглухо закрыты абхазские школы, полным ходом шел процесс насильственного огрузинивания. В Абхазии, близкий к абхазскому народу, грузинский поэт создавал шедевры о прошлом и настоящем абхазов, о ее прекрасной природе, о щедрости народной души, ее смелости и героизме, совести, чести и гостеприимстве... К тому же он выпустил в свет книгу, чтобы она попала в глаза людям, утверждавшим, что абхазов не существует. Это, во-первых, доказывало, что абхазы живы и будут жить, а во-вторых, поэт лично любил абхазский народ,

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 236.*

в его жилах тоже текла абхазская кровь, он был связан с ним по рождению. И, в-третьих, талантливый от природы поэт никогда ни с чем не спутает правду.

На мой взгляд, если Галактион Табидзе и не противостоял режиму, Сталина и Берия в Абхазии, то его книга «Море волнуется» и без того говорит нам о многом. И Хухут Бгажба совсем не случайно выделяет и анализирует эти стихотворения.

По своей родословной Галактион Табидзе был близок к абхазам. Об этом свидетельствуют строки из его биографии: «Мои предки – по материнской линии происходят от царской абхазской фамилии Шервашидзе (Чачба). Моя бабушка была из Гурии, по фамилии Беридзе, а ее мать – Шервашидзе. А значит, во мне течет и абхазская кровь, и гурийская кровь, и имеретинская кровь».[1]

Нет сомнения, в создании произведений, посвященных абхазам, для Галактиона Табидзе кровь тоже играла важную роль, давала знать о себе. Хухут Бгажба отмечал, что в последние годы по поводу прототипа стихотворения «Мэри», ставшего шедевром в поэтическом творчестве Г. Табидзе, были горячие дискуссии и споры. Автор посвятил это стихотворение реальной личности – дочери Прокопия Шервашидзе (Чачба), необыкновенно красивой, утонченной и статной княжне. Эта прекрасная девушка вдохновила Г. Табидзе на создание великолепного стихотворения. Об этом писали и грузинские ученые. Однако, «не отрицая значения жизненных переживаний, мы должны подчеркнуть, что Мери Г. Табидзе – это прежде всего, обобщенный поэтический образ, созданные творческой фантазией, а не лицо реальной действительности», считал Хухут Бгажба.

Свою любовь к Абхазии и абхазскому народу Галактион Табидзе выражал в своих художественных произведениях. Так, в 1931 году он воспевал в своем стихотворении установившуюся в Абхазии новую власть:

От Европы до Азии
Море – из малахита,
Блещут горы Абхазии
И отроги Колхиды.

Побережье усеяно
Чередой белых точек.
Всюду игры затеяны,
Всюду юность хохочет.

[1] *Г. Табидзе. Тбилиси. 1975, 12 том, с. 276.*

И блестит моря Черного
Необъятная чаша.
А над нею Абхазия
Обновленная наша.

Во многих произведениях поэт с гордостью воспевал природу Абхазии, ее народ, например: «Здравствуй, Абхазия!», «Спасибо, Абхазия», «Ткварчал», «Море волнуется», «Рица», «Многие лета», «Мысли на берегу Кодора», «Мой Кодор» и др. Абхазской тематике посвящена поэма «Жуга и Асида».

Хухут Бгажба отмечал, что Галактион Табидзе не только пафосно воспевал новую жизнь Абхазии, но и обращался к прошлому абхазского народа. Его волновала судьба спрятавшегося на дне морском древнего города Диоскурия, печалился он, вспоминая трагедию абхазского махаджирства, болью писал о работорговле, господствовавшей когда-то в Абхазии, когда люди, потерявших свое национальное лицо, абхазов, тайно продавали за море или отдавали в рабство других. Работорговля убивала нацию. Все это мы находим в книге «Море волнуется», наполненной настоящим чувством, пробирающим до глубины души.

Галактион Табидзе был не из тех, кто приезжал в Абхазию в качестве туриста. Он любил всей душой Абхазию. И в его произведениях в полной мере отразилось это психологическое состояние. Вот потому его особо любили абхазы, многие абхазские поэты и писатели с особой заботливостью переводили его стихи на абхазский язык: К. Агумаа, И. Тарба, Б. Шинкуба, Пл. Бебиа, Г. Гублиа, М. Ласуриа. Поэт Николай Квициниа перевел почти все стихотворения Галактиона Табидзе, посвященные Абхазии и издал отдельной книгой в 1982 году в Сухуме под названием «Море волнуется».[1] Есть среди абхазских поэтов и те, кто создал стихотворения, посвященные Галактиону Табидзе. Киазым Агумаа в своем стихотворении «Песня о Родине», написанном на фронте, вспоминает строки Галактиона Табидзе:

Когда сидел я, весь израненный,
Смотря близко в глаза Смерти –
Вселяли мужество в меня слова поэта:
«Родина прежде всего!»

Поэт Георгий Гублиа посвятил Галактиону Табидзе два стихотворения: «На берегу Рицы», «В доме Галактиона».

---

[1] *См.: Руслан Капба. Слово и Мастер. Сухум, 1983, с. 166–184.*

Так, Хухут Бгажба в лапидарной форме, но емко ознакомил нас с лучшими произведениями поэта об Абхазии и абхазском народе.

* * *

Кандидат филологических наук Владимир Бабахович (Бабахь-ица) Агрба вспоминает:

«Это было в 1965 году. Умерла моя бабушка Гуагуа (Гәагәа) Аджинджал. Родственники, соседи, друзья, как это обычно принято, приходили в дом посочувствовать. Однажды трое мужчин, они были из села Кутол, – после соболезнований, сказав: «Дад, хотели тебя спросить кое о чем», отозвали меня в сторонку:

– Вчера из Сухума приезжали кое-кто из ребят, сказали нам, что завтра в Сухуме собрание, Х. Бгажба издал книгу, унижающую честь абхазов, вот, мол, будут обсуждать. Ты приехал из Сухума, если знаешь, о чем речь, просим рассказать нам, – говорят.

В то время я учился в Москве в аспирантуре, приехал, получив телеграмму о смерти бабушки. По пути остановился в Сухуме, и друзья мне рассказали, что идут скандалы по поводу книги Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка». Это было связано с одной из глав книги – ономастикой (этимология фамилий). Кое-кому она не понравилась. Ничего особенного в этой главе не было, но фамилец Хухута Салумановича был первым секретарем обкома и те, кто, считая, что он слишком задержался на этой должности, стремился сесть на его место, затеяли всю эту канитель с общественным порицанием книги. Так просто до него тогда было не добраться – все время был рядом с Н. С.Хрущевым, когда тот приезжал в Абхазию на отдых, а тут вышла книга Хухута Салумановича – и это послужило хорошим поводом для них. Кроме того, были и те, кто метил на место самого Хухута Бгажба – эти и во всю подливали масло в огонь. Проводили собрания в различных местах, недостойно отзывались об ученом.

И я так ответил тем мужчинам, спрашивавшим меня о книге: «Х. Бгажба большой ученый, и этой его книге, вышедшей недавно, многие великие ученые дали высокую оценку. Эта книга – одна из немногих по настоящему научных трудов в абхазоведении.

А если и есть кое-какие в ней недостатки, об этом должны говорить ученые-языковеды, других это не касается, но некоторые, кто жаждет поймать рыбу в мутной воде, вводят народ в заблуждение».

Один из этих троих, оглядел своих приятелей: «Вот и я вам об этом же говорил, никуда мы завтра не поедем», – сказал он им.

Но по вине тех, кто занимался этим грязным делом, с Х. С. Бгажба поступили низко, неподобающе, кое-кто сказал ему много оскорбительного, недостойного. Ему пришлось оставить директорство институтом.

Невзирая на то, что недалекие люди обошлись с ним несправедливо, он продолжал работать по своей специальности, издал книги по абхазскому языку и литературе, составил учебники, сохранил неизданные рукописи многих абхазских писателей, репрессированных в 30-е годы и, отредактировав, издал их. Это, безусловно, огромный вклад в дело развития и сохранения абхазской духовной культуры. Он занимался делом всей своей жизни до последних дней, так и перешел в мир иной.

Помню, это было в 1978 году. Нас, кто в 1977 году подписал и принимал активное участие в подготовке «Абхазского письма», отправленного в Москву, в Абхазском институте было немало. Работники обкома, Совета министров и КГБ вызывали нас по одному и занимались нашей обработкой. Нашлись те, кто отказался от своей подписи. Членов партии на партийных собраниях объявляли выговор, кое-кого и исключили. В это время наши ученые женщины – Л. Чкадуа и В. Конджария, работавшие в нашем институте, пошли к руководству института, и объявили, что если подписантов посмеют тронуть, то и они напишут заявление об уходе из института, и укажут, по какой причине оставляют его. Это было смело, когда в обкоме и райкомах организовывали собрания с целью осуждения подписавших письмо, а инициаторов грозились и вовсе посадить в тюрьму. А наши женщины в институте, помню, в день Советской Армии в феврале даже накрыли нам праздничный стол. Большинство сотрудников института приняли участие в этом праздничном застолье. Посидели, выпили, закусили, даже песни пели. Позже, когда встали из-за стола, Хухут Салуманович позвал меня в наш кабинет литераторов и фольклористов:

– Послушай, что я тебе скажу, – начал он, – вы написали письмо, отправили, оно дошло до адресата, будет работать. Вы свое дело сделали. Есть провокаторы, заставляющие сказать и сделать то, что и не собирался. Хотя бы на месяц уезжайте из Сухума, в экспедиции, в командировки в села ли, в Москву, Ленинград, на Северный Кавказ, не оставайтесь здесь. Не обижайся, что так говорю, но вы даже хорошо себе не представляете, с кем схлестнулись. Мы все это уже прошли, сам прекрасно знаешь, скольких погубила их сила. Хотя некоторые сегодня и

упрекают нас, оставшихся тогда случайно в живых за то, что и мы не погибли, выжили, но это тебе к чему?

Но если бы нас, один два человека выживших не было, кто написал бы и эти книги и статьи, мы же кое-что смогли сделать по истории Абхазии, языку и литературе, этнографии… Те, с кем вы схлестнулись, пока сильны, у них много методов вам навредить, сломать жизнь. Потому нужна осторожность, скажи об этом и своим друзьям. Сейчас выросло новое поколение молодых ученых, вы знаете хорошо свою профессию, подготовлены, и мы боимся, тревожимся за вас, знай это, – сказал он мне.

Так может сказать близкий родственник, желающий тебе истинного добра, заботящийся о твоем благополучии. Я тогда подобного не услышал ни от одного старшего. Тогда стал понимать, насколько ответственно то дело, которым мы занимались – противостоять политике Тбилиси, открыто говорить об их подлых делах. Понимать, что это тяжелое дело, требующее большой осторожности и умения.

Я до конца жизни буду помнить как в 50-е годы, когда тогдашнего первого секретаря обкома Мгеладзе переводили обратно в Тбилиси, он, оказывается, сказал о Хухуте Бгажба: «Я знаю, что собой представляют эти недобитые абхазские интеллигентишки, но никак не смог до конца раскусить эту змею».

Если враг, ненавидящий тебя, дает такую характеристику – это говорит о многом.

С 1971 года Хухут Салуманович заведовал отделом литературы и фольклора. Всегда относился ко мне как отец. Он всегда внимательно следил за творчеством всех нас ребят, кто работал в этом отделе – Ш. Салакая, С. Зухба, с покинувшими этот мир А. Аншба. В. Дарсалиа, В. Цвинариа, И. Квициниа, и Н. Лакоба, которых тоже нет с нами. Он радовался искренне, если мы напишем статью или издадим книгу, читал внимательно, оценивал.

В моей памяти Хухут Салуманович Бгажба навечно останется великим ученым, оставившим глубокий след в абхазоведении, обаятельный и теплый человек, у которого слова и дела никогда не расходились.

ХУХУТ БГАЖБА – ИСТОРИК

О том, что Хухут Бгажба, помимо основных своих специальностей – языковедения, литературоведения, критики и фольклористики, хорошо знал историю, свидетельствуют его разнообразные научные работы. Правда, конкретных трудов по

историческим проблемам им не было создано, но по многим лингвистическим и литературным работам ясно видно, что он глубоко знал историю народа, мог на высоком уровне дать отпор любому фальсификатору.

В исследованиях Хухута Бгажба по проблемам абхазского языка, его диалектов и древнеабхазских племен представлены всесторонние знания и понимание истории Родины и народа.

В исследовательских работах по языкознанию он не ограничивался только узко специальными вопросами, а затрагивал множество проблем, связанных исторически с его тематикой, использовал эту связь мастерски для исследования главного объекта. Хочу особо выделить две заметные работы Хухута Бгажба: «Об абхазских племенах и диалектах» и «Некоторые вопросы абхазской топонимики».

Сначала остановимся на работе «Об абхазских племенах и диалектах». Подзаголовок «По этно-топонимическим данным» выбран автором не случайно. Для того чтобы исследовать абхазские племена и диалекты, он должен был обратиться вглубь истории, к древнейшим источникам и архивным документам. Следовательно, ученому был необходим исторический экскурс.

В начале статьи, Хухут Бгажба отмечает, что различия абхазских диалектов были исторически обусловлены, т.е. историческая судьба языка сложилась так, что образовались диалекты. Образование и развитие абхазских диалектов нужно поэтому рассматривать в контексте и в соответствии с историей древнеабхазских племен, а также их территориальных разделений и последующих изменений. Задача трудная и требующая отдельного исследования.

Хухут Бгажба вслед за Н. Марром, И. Джавахишвили, Н. Джанашиа и другими, пишет о том, что жившие на территории современной Абхазии этнические племена апсилов, абазгов были «непосредственными предками абхазской народности».

Первые сведения об апсилах появились в I веке н.э. (до 79 года) в книге римского писателя Плиния Секунда[1] «Естественная история». Среди племен юго-западного Кавказа (санигов и гениохов), локализуемых на территории античной Абхазии, он выделяет племя апсилов, которое «обитало «к северу от колхов, у впадения реки Коракса (современного Кодора) в Черное море; вследствие этого у греческих географов более ранней эпохи они известны и под названием кораксов. Сама река Коракс (Кодор) у древних авторов известна и под назва-

[1] *В 79 г. Плиний Старший погиб при извержении Везувия. – Р. К.*

нием Абсилис. Название это известно и у грузин (апшил-ети «страна апшилов»). На побережье страны апшилов находился крупный торговый центр – город Диоскуриада (на месте нынешнего Сухума»).[1]

Далее, Хухут Бгажба, основываясь на сохранившихся высказываниях и заметках античных авторов, подтверждающих автохтонность абхазского народа, тысячелетиями проживающего на своей земле, дает нам возможность заглянуть глубоко в корни нашей далекой истории, доходящей до нас сквозь темные столетия.

Приведем несколько примеров. В 137 году на восточное побережье Черного моря прибыл римский чиновник Флавий Арриан, он описал Восточное Причерноморье и состояние расположенных в нем племенных объединений («княжеств»). В своем «Перипле» впервые упоминает об абазгах: «С макронами и гениохами граничат зидриты… Рядом с зидритами – лазы. За лазами живут апсилы... С апсилами граничат абасги... Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь...».[2]

Судя по данным «Перипла», писал Х. Бгажба, во II веке территория княжества апсилов и абазгов распространялась примерно от реки Ингур до Сухума, т.е. Севастополя Арриана (современные исследователи считают от реки Риони – Р. К.). В результате перемещения племен в VI столетии апсилы и абазги обитали на территории от реки Ингура до реки Абаск (Бзыбь или Псоу – Р. К.), подчинив к тому же своему политическому влиянию санигов (от Севастополя до реки Ахэунта (Шахэ?)) и распространив на них свое название.

Абазги имели двух царей: один правил западной частью, другой – восточной. Что касается Апсилии (по мнению некоторых ученых-историков, например, Г. А. Меликишвили), она была включена в Лазское царство. Но, как считает Х. Бгажба, опираясь на точку зрения З. В. Анчабадзе, так как византийские историки того времени четко различают друг от друга Лазику и Апсилию, то «Лазика и Апсилия не составляли строго говоря единого государственного целого». Об этом свидетельствует и тот факт, что во главе крепостей Апсилии стояли апсилы.

«По сообщениям Прокопия (VI век) можно установить, что апсилы и абазги обитали приблизительно в пределах территории современной Абхазии. «Область апсилиев» в это время была расположена приблизительно между реками Галидзга и Гумиста, охватывая нагорную часть, включая Цебельду.

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 112.*

[2] *Вестник древней истории, №2, 1948, с. 270.*

По словам Прокопия, «в высшей степени укрепленная крепость Тзибила (абх. çabal, груз. çibela), локализуемая в современной Цебельде, находилась в стране апсилов, а важнейшим городом на побережье был Себастополь (Сухум). К северо-западу от Апсилии начиналась территория Абазгии. «За Апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут Абазги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта».[1]

Тогда главными городами Абазгии были Питиунт и Анакопия (Трахея).

Далее Хухут Бгажба приводит письменные сведения неизвестного армянского географа: в конце VII в. территория абазгов и апсилов составляла уже одну «страну абхазов».

К VIII веку, следуя источникам, преобладающее влияние получили абазги. Это этническое название вскоре принимает более широкое значение.

Академик Хухут Бгажба, опираясь на исторически подтвержденные факты, подчеркивает, что со второй половины VIII столетия образовалось Абхазское царство: царь Леон II отложился от Византии и объявил себя «царем абхазов». Он перенес столицу Абхазского царства из Анакопии в Кутаис. После этого еще около 250 лет Абхазское царство крепко стояло на ногах, распространяя влияние далеко за свои пределы.

Хухут Бгажба в данной работе, используя работы ученых (Прокопия, Н. Я. Марр, М. М. Трапш, К. П. Патканова, З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, С. Н. Джанашиа, Г. А. Амичба, Г. А. Меликишвили, Л. Н. Лавров и др.), а также различные письменные источники ясно дает нам понять роль абхазов в социальной жизни Абхазского царства, силу и мощь самого государства.

«В византийских источниках апсилы упоминаются до второй половины VIII века. Феофан Хронограф, касаясь событий первой половины VIII века, упоминает Мариноса, как «первейшего среди апсилов». Характерно, что грузинский летописец Джуаншер (XI век), говоря о Цхуме (Сухуме) называет его «городом Апсилии». Под таким определением Сухум фигурирует во всех позднейших сводах «Жизни Грузии», лишь в одном из них – свод царицы Анны (XV век) говорится о нем, как о «городе Абхазии и Апсилии»

Хотя апсилов в источниках стали реже упоминать, однако сам этноним стал употребляться в качестве самоназвания аб-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 114.*

хазской народности – аԥсуа (apswa/ aps'wa) и был принят для обозначения ее языка. Эти лингвистические факты определенным образом намекают на то обстоятельство, что в культурном отношении Апсилия занимала ведущее место на территории исторической Абхазии», – пишет Хухут Бгажба.

Исторические сведения об абхазах дополняются языковыми данными.

Древними авторами засвидетельствованы абас-ги, абаз-ги, абас-ки, абас-хи. Путем стяжения согласных в начале слова форма абаз-х переходит в груз. абхази (arxazi).

«В самоназвании абхазцев звучит корень а-пс. Эта же основа, наращенная суффиксом – ар, засвидетельствована в топонимике Восточного Причерноморья в названии местечка и р. Апсар (у Арриана) или Апсарея (у Иоане Сабанисдзе).

Апсар локализуется к юго-западу от Батуми, у устья одноименной реки, отождествляемой с древними Акампсисом и с современным Чорохом.

Прокопий указывает, что в этих же местах лежит старинный город Апсарус, который отстоит от Ризея приблизительно на три дня пути. В древности он назывался «Апсирта», – пишет Хухут Бгажба.[1]

В грузинском письменном источнике XII–XIII веков «История и восхваление венценосцев» времен царствования сына Тамары Георгия IV (около 1222 года) в описании одного из походов войска царицы к имени Георгия прибавлено второе имя Лаша, с объяснением, что в переводе с языка «апсаров» (абхазов) оно означает «светлый, блистательный», об этом свидетельствует и грузинская летопись «Картлис цховреба».

«Абазги и апсилы являются ближайшими родственными этническими образованиями, на что указывают и их самоназвания, восходящие к одному и тому же корню, представленному различными фонетическими вариантами: ps| // ps' (←pas// pas'), bs (←bas), ps (←pas).

Как было отмечено (см.: здесь же, с.90), стяженный корень пс (ср. а-пс-уа) является видоизменением пас. На эту основу нарастают суффиксы – ар, ил, уа; а-пс-ар, а-пс-ил // а-пш-ил, а-пс-уа.

Все эти разновидности одной и той же основы включают в себя специфический абхазский префикс общности **а**. Суффикс р (-ар) хорошо этимологизируется на материале самого абхазского языка, обозначая множественность и собирательное значение ар («войско», «множество»), ср. асыс – «ягненок» и ас-ар

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 116.*

– «ягнята», аз-ыс – «козленок» и аз-ар – «козлята», ажәла «фамилия» ажәла-р «народ».[1]

Этническая территория абхазско-абазинских племен, отмечает Х. Бгажба, включала в себя большую часть современной Абхазии, простираясь до Туапсе. Это собственное мнение, он подтверждает высказываниями других исследователей (З. В. Анчабадзе, Л. И. Лавров, А. Н. Генко, Э. Челеби, Н. Т. Табулова).

Абхазские племена достигают значительного культурного и экономического развития в период развитого феодализма в XI-XIII вв., но в дальнейшие столетия сильное государство (имеется в виду «царство абхазов и картлийцев» – Р. К.) ослабло, стало разваливаться. Этому в немалой степени содействовали нашествия монголов, внутренние противоречия, внешние неурядицы.

«Одним из последствий ухудшения обстановки на территории Абхазии указанного периода является также передвижение определенной части ее населения (преимущественно из северных районов страны) на Северный Кавказ», – пишет Хухут Бгажба.[2]

В работе «Об абхазских племенах и диалектах, автор подробно останавливается на взаимоотношениях абхазов и родственных с ними племен (абазинами, адыгейцами, черкесами, кабардинцами, исчезнувшими убыхами), отмечает их территориальную, языковую, культурную и экономическую общность, описывает процесс их удаления друг от друга, об ареале обитания, сужавшемся все более и более.

Хухут Бгажба особо подчеркивает родственность и близость абхазского и абазинского языков

Абхазы и абазины единокровные братья. По сведениям ученых, абазины появились на Северном Кавказе не так давно с точки зрения истории.

Абазины ашхарского диалекта преимущественно переселились на Северный Кавказ из Ахчипсоу, Псху, Наху и других пунктов горной Абхазии, вероятно с конца XVII века. А что касается тапантцев, на Северном Кавказе первые поселения появились в XIV веке.

Н. Т. Табулова пишет: «Все абазины, некогда жившие на Черноморском побережье, вместе с абхазами, составляют одну народность».[3]

---

[1] Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 116 – 117.

[2] Там же, с. 117.

[3] Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Черкесск. 1976, с. 5.

Наш ученый считае: абхазо-абазинские диалекты в процессе самостоятельного развития стали территориально обособляться, но сохранили ближайшее родство, при котором не исключается взаимопонимание между представителями этих диалектов, частично это относится и к далеко ушедшему в своем обособлении тапантскому диалекту. Хухут Бгажба разделяет мнение, что в отдаленном прошлом абхазо-абазинские диалекты составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было гораздо легче достижимо, чем в настоящее время. И хотя сегодня их объединяет общность фонетической системы, грамматическая структура, словарный запас, но территориальное разделение и крайне редкое общение этих народов породили два языка – абхазский и абазинский языки, на которых они создают художественную литературу.

Хухут Бгажба не упускает из поля зрения мнения исследователей XIX века об абхазах и абазинах Главани, Пейсонеля, Гюльденштедта, Клапрота и др. Главный вывод: никто в лингвистике не сомневается в родственности абхазов и абазин, в том, что они некогда составляли единый народ.

Востоковед Клапрот во втором томе своей книги под названием «Путешествия в горы Кавказа и Грузии» в первой четверти XIX века (на немецком языке она вышла в 1814 году, а на французском – в 1823 году) пишет: «Абхазы живут не только на берегу моря. Некоторые их племена проживают за Кавказскими горами. Собственно Абхазия или Большая Абхазия занимает северную часть Кавказа, спускаясь до Черного моря».[1]

После перечисления абхазских племен, живущих на берегу Черного моря и в горах, ученый Клапрот дает сведения и о черкесах. Он также отмечает, что их всех называют Kouch'kazip Abassi (Кушкасип абаза), т.е. абазы живущие по ту сторону гор.

По мнению С. Броневского и Л. Люлье, продвижение абазин с берега Черного моря и предгорных мест было завершено в конце XVII века. Но другие авторы (Г. Сердюченко, А. Генко, Л. Лавров) считают, что абазины (тапанты) еще раньше заселились в своих нынешних местах проживания.

Сам Хухут Бгажба считал, вслед за Л.Лавровым:

«Продвижение адыгских (черкесских) племен на юго-восток, начиная с XVI века, постепенно суживало пределы распространения абхазско-абазинского языка. Так, например, «лингвистическая граница между черкесами и абазинами в первой половине XVI века проходила недалеко от устья Кубани. В первой по-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 119.*

ловине XVII в. она, эта граница отступала к району нынешнего г. Туапсе, а в XIX веке проходила уже около нынешнего г. Сочи» (Л. Лавров). Кроме того, значительная часть переселившихся на Северный Кавказ абазин влилась в состав черкесов и кабардинцев. Вообще, как отмечает Л. Лавров, «абазины сыграли выдающуюся роль в формировании черкесских племен».[1]

Далее Хухут Бгажба с болью говорит и о другом факте. О том, что абхазские племена в прошлые столетия не смогли консолидироваться, не сумели объединиться и создать единство. Правда, они были крепки и едины в период Абхазского царства, но в силу различных причин многое развалилось и пришло в упадок. Самым опасным явлением в исторической судьбе абхазов и абазин стало махаджирство. Оно опустошило лучшие места для проживания, компактность населения. До сих пор мы чувствуем на себе страшные последствия этой трагедии.

Исследователи XIX века разделяли абазин на две группы. Одна группа, по их сведениям, жила на верховьях рек Б. Лабы и М. Лабы, Урупа и Зеленчука (к северу), состояла из племен: баг, баракай (barakaj), там, казылбек (qazəlbak), башильбай. Часть из них переселилась в Турцию, оставшаяся спустилась на равнину. Сегодня они обитают в низменности реки Зеленчук.

Вышеназванные племена называют термином ашхаруа («горец»), сами они называют себя также апсуа, т.е. абхаз.

Вторую группу племен называют термином алтыкессек-абаза, что в переводе с турецкого означает: «шестиродные или шестиколенные абхазы». К ним относятся: лоу, дударуква (darəqwa), клыч (qlәč), биберд, джантемыр (ʒantamər), геч (гяч). По предположению исследователей некоторые племена ассимилированы кабардинским населением. Ныне вместо названия алтыкессек получил распространение термин тапанта. Кабардинцы называли их басхяг (басхьаги), что увязывается с древним названием абхазов – абасхи.

«Термин тапанта по толкованию А. Н. Генко, иранского (осетинского) происхождения и означает «равнинный житель» и применялся, по-видимому, первоначально иранским населением бассейна верхней Кубани к переселившейся части абхазцев с гор на равнину. Абаза, как название только северокавказских абхазов, закрепляется за ними с XIX столетия, раньше так именовались и южные абхазские племена

П. Услар не делает разницы между абаза и абхаз. Как он отмечает, «остается одно общее, действительно туземное название абаза, которое в разных местах и у разных народов явля-

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 121.*

ется в виде: абадза, абсне, абасги, абхазы, обезы и пр. Корень есть «бз», в котором усматривается соотношение со словом, означающим воду; с черкесским «псы», с убыхским «бзы», наконец, паси, фаси, фазис, которые греки открыли на Кавказе в недоступную для истории эпоху, и которое удержалось до нашего времени. И далее он подчеркивает, что «...абаза и абхазцы (абсне) суть простые видоизменения одного и того же названия», – пишет Хухут Бгажба.[1]

Лингвист Н. Ф. Яковлев считал, что абазины потомки абхазов, «по крайней мере с XI века появившихся на перевалах Кавказского хребта в долинах Зеленчуков».[2]

Хухут Бгажба отмечает, что в исследовании Е. П. Алексеевой «О происхождении абазин и расселении их в середине века» (1980), автор приходит к важным выводам: «Абазины и абхазы, близкие по родству народы. Их предки – апсилы, абазги, саниги, миссимиане, отчасти – зихи. Эти племена занимали территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря, к северо-западу от Абхазии примерно до Туапсе... В VIII веке н.э. сформировалась древняя абхазская народность. В X веке из нее выделилась абазинская народность... В XIII-XIV вв. началось массовое переселение абазин на Северный Кавказ. При этом допускается, что они и раньше проникали в Закубанье».[3]

По сведениям древних авторов на территории Абхазии проживали и другие племена: миссимиане, которых, по мнению Хухута Бгажба, следует локализовать по среднему и верхнему течению реки Кодор. Главные их населенные пункты Тсахара и Бухлоон (современные исследователи локализуют миссимиан иначе, следует учитывать, что Бухлоон локализуется в среднем течении Ингура – Р. К.); саниги, локализуемые на территории современных Гагрского и Адлерского районов. По сведениям древнего автора Агафия, миссимиане были племенем родственным апсилам, впоследствии значительной степени были ассимилированы апсилами и абазгами. Они оставили заметный след в этнотопонимике Абхазии.

Хухут Бгажба, на основании различных первоисточников и исследований, показывает нам, что по поводу происхождения санигов у ученых существует разные мнения. Некоторые их связывают со сванами (Ш. Орбели, Д. Гулиа), а другие же

---

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 121.*

[2] *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1980, с. 48–49.*

[3] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 123.*

(Н. Марр, С. Джанашиа) – с мегрелами–лазами, а третьи (А. Дьячков – Тарасов, З. Анчабадзе) – с садзами. В этом вопросе Хухут Бгажба придерживается мнения А. Дьячкова-Тарасова и З. Анчабадзе:

«Наиболее приемлемой гипотезой об этнической принадлежности санигов, как нам представляется, является предположение об их связи с позднейшими джигетами-садзами, высказанное еще А. Дьячковым-Тарасовым. «На такой вывод, – пишет З.Анчабадзе, – нас наводит, прежде всего, то обстоятельство, что саниги Арриана и псевдо-Арриана локализуются там же, где в период позднего средневековья фигурируют «садзы» (садзен), или «джики» грузинских источников.

Исходя из материалов, подкрепляющих это положение, З. Анчабадзе приходит к выводу, что «они дают основание считать, что садзская теория происхождения античных санигов гораздо ближе к истине, чем гипотеза об этнической принадлежности мегрело-чанским или сванским племенам».

А что касается садзов, они как известно, составляли одно из абхазских племен (см. Х. С. Бгажба «Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии»). В литературе используются обе формы: садз и джики. На итальянских картах XIV-XVI вв. на северной границе Абхазии отмечается пункт Джигети».[1]

Х. Бгажба приводит немало письменных источников – мнения, наблюдения и сообщения о садзах П. Услара, Л. Люлье, Торнау, Н. Анрепа, А. Берже, Б. Эгнатошвили, Вахушти Багратиони, Д. Бакрадзе, В. Миллера, Н. Дубровина, Г. Филлипсона, А. Дьячкова-Тарасова и др.:

«П. Услар в своей статье «О языке убыхов»...: «К юго-востоку за Гамышом (или Хамыш, т.е. совр. р. Хоста) проживает абхазское племя садзуа, которое у нас известно под именем джигетов».

Люлье не сомневается в том, что к абхазским племенам относится «садзен, занимающие пространство по берегу Черного моря от реки Хамыш до Гагры и известные у нас под именем джигеты. Причем, абхазским языком (азега) говорят все абхазские племена как на южном, так и на северном скате Кавказского хребта, с некоторыми оттенками, более заметными между жителями обоих склонов»

...Русский офицер Торнау, отмечает, что садзы – «поколение одноплеменное с абхазцами, говорящее с ними одним и тем же языком без всякого приметного изменения». В рапорте начальника Черноморской береговой линии Н. Р. Анрепа в 1841

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 123.*

году сообщалось, что садзы «говорят абхазским языком. а в обычаях более сходны с абхазцами, чем со своими соседями-убыхами».[1]

По информации Берже, садзы-джигеты делились на две части: одна проживала на берегу моря, а другая – в горной местности. Горцев называли медовеевцами (mdwåa). Проживавшие на берегу садзы тоже были разделены на ряд обществ, преимущественно связанных с наиболее знатными фамилиями: Цанба (Цандрипш) – примерно между реками Бзыбь и Хашупсе; Гечба (Геч) – между реками Хашупсе и Мзымта; Ардба (Арт или Аред) – между реками Мзымта и Хамыш (Хоста) до границ убыхов. Кроме того, к прибрежным садзам, примыкали цвиджаа и багаа, проживавшие между реками Мзымта и Хоста.

Медовеевцы жили в верховьях рек Мзымта, Псоу и по среднему течению р. Бзыбь. Наиболее крупная группа из них ахчипсаа (aphčəpsaa), которые проживали в верховьях вышеназванных рек.

Южнее убыхов от р. Хоста и на юге жили абхазцы, – писал В. Миллер. А Н. Дубровин считал, что абхазские племена подразделяются на главные три части: собственно абхазы, садзы (джигеты) и абазины.

По наблюдению русского генерала Г. И. Филлипсона, долгое время служившего на Кавказе:

«Этот народ, говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие, асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на адехейский (адыгейский) язык. Мало-помалу оно приходит в забвение: им говорит иногда чернь и то как бы украдкой от чужих людей».[2]

Дьячков-Тарасов называл землю садзов «Малой Абхазией», так как джигеты (садзы, садзен) говорили на абхазском языке, причисляя себя к племени азега, т.е. абхазов, который являлся их родным языком. Он считал, что река Бзыбь служила границей между собственной Абхазией и Джигетией (Садзен).

Все эти исторические сведения Хухут Бгажба подтверждает топонимическими фактами. Он указывает на то, что в ареале проживания садзов мы встречаем абхазские названия рек с помощью суффикса – та (ta) и основы – пста (psta). Вот примеры, которые он приводит: Мзым-та, Хос-та, Куде-пста, Мацес-та – Маце-пста. В топонимике по всей Абхазии значительное место занимает элемент «шха» (ср. абхазское название горы – ашьха): Псе – ашха, Ай-шха, Ачи-шха (букв. «Оленья гора», ср. в той

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 123–124.*

[2] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 125.*

же зоне Ачи-псе букв. «оленья река»), Абгара, Лау-ра – притоки реки Мзымта.

Хухут Бгажба приводит, до сих пор представляющие научный интерес, собственные записи лексических и топонимических материалов, сделанные им лично в селах Бзыбской Абхазии, городе Батуми и его окрестностях. Все это приводится для обоснования абхазской природы садзов.

В качестве примера приведем некоторые из них. Вот рассказ 80-летнего жителя села Бзыбь Гагрского района Чуры (Ҷура) Канджария, записанный в 1949 году: «О садзах я услышал от отца. Их предводителя звали Бзагьаус. Старшего брата моего отца он обучал золотому делу. Моя семья и садзы были в родстве. Я сам хорошо помню одного 80-летнего садза по имени Хабаху. Он говорил по-абхазски, но не так «чисто», как все мы (арҭрицш ицқәрны изҳәомызт), его речь была несколько искажена (акыр ихәанчан). Садзы относились к абхазскому роду (аҧсуаа ирыцкарын)».[1]

Хухут Бгажба записал немало рассказов жителей Бзыбской Абхазии о садзах. Все рассказчики считали садзов абхазами, но отмечали, что их язык – «не очень чистый абхазский язык», Хухут считал, что речь идет о диалектных различиях.

В 1949–1950 годах 115-летний Пас Ажиба из села Мгудзырхуа (Мгәызырхәа), 80-летний Иаса Дбар и 105-летний Аабыдж Хутаба (Аабыҧь Хәытаба) из села Блабырхва (Блабырхәа) вспоминали о набегах садзов на Бзыбскую Абхазию.

Серьезный интерес представляли лексические данные и речь абхазов, живущих в Аджарии, в окрестностях Батуми – в основном Ангиса, Фериа. В 1960 года там проживало около 1170 абхазов, потомков махаджиров. Их прадеды были родом из села Тхубун (Tʻhəʷbən), что на левом берегу реки Келасур. Когда они оказались там, как известно, Батуми находился под властью турок. У них наш ученый очень внимательно изучал все, особенно, что связано с проблемами языка садзов. Как им было установлено, речь абхазских жителей Ангисы мало, чем отличается от абжуйского диалекта, очень к нему близка. Действительно, они и сами считают себя выходцами из Сухума.

Хухут Бгажба отмечает, что другая часть батумских абхазов, живущих в поселке Фериа является потомками прибрежных садзов. Кроме того, к ним принадлежат и некоторые абхазы, живущие в поселке Адлиа. По словам исследователя, возникает мнение, что эти люди сохранили название местности, откуда они вышли – Адлер. Говор живущих в Фериа и Адлиа абхазов

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I. с. 126.*

примыкает к калдахуарскому говору бзыбского диалекта: «В произношении некоторой части старшего поколения можно услышать все специфические бзыбские согласные, но кроме велярно-фарингальных спирантов х и х° уже утеряли характер фонем. Поэтому, например, не различаются ž° sº’от z°, sº. Аналогичное явление наблюдается и в ашхарском диалекте».[1]

Но здесь ученый делает ремарку: «Так писал я в 50-х годах (XX век – Р. К.), комментируя свои предварительные наблюдения над живой речью. Но с тех пор изучение речи абхазов, живущих в Аджарии, значительно продвинулось, о чем свидетельствует монография Э. Килба «Особенности речи батумских абхазов», в которой рассматриваются ее фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности. Анализ языкового материала позволил автору сделать следующее заключение: «Ангисская речь сближается с абжуйским диалектом абхазского языка... Особый интерес вызывает ферийская речь, которая выявляет общность с ашхарским диалектом (особенно с его кувинским говором) абазинского языка. Предки ферийских абхазов, видимо, вышли из тех же районов Абхазии, откуда в прошлом столетии вышла часть ашхарцев»

Житель Батуми (Ангисы) 80-летний Мурат Ацанба рассказывал Хухуту: «Главными у садзов были Геч Рашид, Арыд Ахмет, Ацанба Едырбей. Во время махаджирства, они, как и все остальные садзы переселились в Батуми. Садзы – те же абхазы, жители Соуксу (в окрестностях Батуми), происходят от садзов. До махаджирства они жили в Ахалцыс (Ahalşəs) и Адле». Так, по его словам, продолжает Хухут Бгажба, называлась прибрежная территория от Адлера до Хосты.

Во время своего пребывания в Аджарии (1961) наш великий ученый записал лексический материал на садзском языке и провел параллели с современным абхазским языком, а также дал его в переводе на русский язык:

Садзский	Абхазский	Русский
ацəх°ыдцəа	ауҕə	ярмо
ашьхыцə, ачхрыцə	аҧъатама	шкворень
амҳа	ашымҳа	вишня
аҧыц	аҧаца	невеста
алажəыҧа	ацьықəрси	кукуруза
ашəкьақə	ашəақь	ружье
ачара	акрыфара	есть, кушать

[1] *Там же, с. 127.*

Здесь, очевидно, что различие абхазских и садзских слов носит только диалектный характер.

В своей работе ученый выделил и садзские фамилии, живущих в Аджарии абхазов, которые уже и не встретишь на территории современной Абхазии. К ним относятся: Аегба (Аскба), Ачыгуба (Ачыгәба), Аикуцба (Аиқәыцба), Ацынба, Ацласырба (Ацԥасырба), Чызмаа, Лахуарба (Лахәарба), Акудба (Акәыдба), основой этого антропонима является топоним Кудепста (ущелье Кудбовых//Акудбовых). По рассказам стариков, до махаджирства (70-е годы XIX века) носители этой фамилии проживали в районе современной Кудепсты), Ашба, Акуджба (Акәыцьба), Ажваджба (Ажәацба), Атрышба, Акшындба, Джышба (Ҷьышәба), Асамамба, Арымба, Арыдба, Хакушаа (Хакәшьаа), Рацба (Рацәба), Акитасба (Акьитасба), Ашвамеиба (Ашәамеиба) и др.

Хухут Бгажба в своем исследовании приводит и такие данные: по сведениям барона Торнау: к 30-м годам XIX века абхазские племена насчитывали около 128 800 человек, а – А. Берже – до 144 000 человек.

В завершении этой работы Хухут Бгажба пишет:

«На территории современной Абхазии античные и средневековые авторы помещают родственные племена: апсилов, абазгов и санигов (садзов), которые находились в определенной языковой общности, на что проливают свет и данные топонимики. Указанные племена в процессе консолидации приняли участие в образовании абхазской народности. Абхазо-абазинские территориальные диалекты обнаруживают следы воздействия существовавшего в древности племенного и диалектного дробления.

Исследователи рассматривают проблему появления на Северном Кавказе тапантовцев (и позднейших ашхарцев) и их генетической связи с абхазцами. При этом, исходя из их языковой близости, они склоняются к тому, что появление названия тапанта на территории Северного Кавказа было в значительной степени изменением племенной номенклатуры, а не следствием вытеснения одной народности другой. Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что ареал распространения тапантского диалекта тяготеет к санигско-садзской территории (ашхарский диалект, как известно, близок к южным диалектам абхазского языка).

На территории абазгов был распространен бзыбский диалект, а в зоне обитания апсилов – абжуйский. Сейчас трудно сказать, насколько реально это положение, так как источники

по данному вопросу крайне скудны. Данная проблема требует дальнейшего комплексного изучения, выявления дополнительных лингвистических, исторических, этнографических и других материалов».[1]

Для абхазоведения проблема диалектов абхазских племен имеет огромное значение, поэтому комплексное исследование Хухута Бгажба, сочетающее исторический, лингвистический и топонимический аспекты в небольшой по своему объему работе, не только свидетельствует о его ответственном отношении к проблемам абхазоведения, но и ставит задачи перед будущими исследователями.

* * *

Среди научных трудов Хухута Бгажба, посвященных проблемам языка и истории абхазского народа особняком стоят работы: «Некоторые вопросы топонимики и этнонимики Абхазии» и ее своеобразное продолжение «Некоторые вопросы абхазской топонимики». Хочу начать с первой: она специально посвящена выходу в свет книги грузинского «историка», известного фальсификатора, исказителя истории абхазов Павле Ингороква – «Георги Мерчуле».[2] Трудно назвать подобной этой, другую «работу», вышедшую из-под пера грузинского автора в советскую эпоху, в которой столь откровенно высказывались бы идеи (вовсе не связанные с темой книги Павле Ингороква) ненависти к нашему народу, огрузинивания и ассимиляции абхазов и покорения навечно Абхазии. Эта книга послужила поводом для открытого возмущения абхазов в 1957 году.

Прежде чем перейти к анализу статьи ученого, приведу один факт:

«Это было в то время, когда я учился в Арасадзыхьской неполной средней школе. Наш учебный процесс проходил на грузинском языке, географию преподавал некий Северьян Хвичия. Словно вижу его сейчас перед глазами: напыщенный, самодовольный и высокомерный, без тени доброжелательности, с носом, подобным клюву снегиря. На каждом уроке он твердил нам, словно это входило в часть урока, что у абхазов никогда не было ни образования, ни культуры, дескать они им не нужны. И вообще, кто, мол, они такие. И что они имеют, не говоря уже об академике, даже случайного доктора наук нет у них. Я

[1] *Х. С. Бгажба. Труды.Т. I, с. 128.*

[2] *Павле Ингороква. Георги Мерчуле – грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954.*

лично знал по именам наших ученых – Хухута Бгажба, Шалву Инал-ипа, Константина Шакрыл, Баграта Шинкуба, но в силу возраста не был в состоянии открыто противостоять учителю, возразить. Так он упрекал нас каждый день, хотя, мы были детьми, но понимали, что он унижает нас, отзываясь столь пренебрежительно о нашей нации, потому не хотели посещать его уроки, его самого ненавидели, словно змею, хотя и не хватало силенок.

Однажды на уроке, едва успев сесть за стол, он, с видимым удовольствием, вынул из своего обшарпанного портфеля внушительных размеров издание, и, сверкнув на нас глазами, обвел всех торжествующим взглядом, изрек прокуренным голосом: «Вот здесь говорится о том, кто вы, абхазцы, не знающие своей истории, такие, – он, сделав паузу, повысил свой голос, чтобы все прислушались к нему, а затем, посмотрев на нас сурово, будто провинились перед ним в чем-то, продолжил. И голос его звучал для нас подобно грому: «Вы, абхазы – грузины, и эта райская земля тоже грузинская, к тому же абхазы здесь никогда не жили, даже следов их здесь не было. Если даже допустить, к примеру, что и имеются такие, так они спустились с гор совсем недавно. О том, что это так, наши ученые знали давно, писали и говорили, но вот так ясно, понятно и правильно, как начали печатать в этом журнале «Мнатоби», в работе нашего великого ученого, исследователя 1500-летней истории нашей литературы Павле Ингороква, до сих пор не было. Это, конечно, пока отрывки, но в следующих номерах будет продолжение, а затем выйдет и отдельной книгой. Помимо вашей истории, он также исследует жизнь и творчество грузинского писателя X века Георги Мерчуле, автора «Жития Григори Хандзтели»». Так он выводил нас из себя, своим противным рассказом, безответных маленьких школьников, до самого конца урока.

Мы были еще малы, но услышанный «рассказ» восприняли очень болезненно. Этот прихвостень Берия сидел нагло среди нас и вещал нам, что мы не абхазы. И где?! В горном абхазском селе, где ничего никогда не звучало, кроме абхазской речи!

– Учите географии, так учите, а заниматься «исследованием» абхазской истории – не ваше дело! – смело вскочил, гневно сверкая глазами один из наших одноклассников, самый старший из нас Иуака Ашуба. Щеки его пылали, он готов был сцепиться с этим учителем. От неожиданности, что услышал столь резкие слова, он растерялся, по резко побледневшему лицу видно было, что струсил, больше не стал распространяться на

эту тему, взял в охапку свои журналы и поспешно вышел из класса.

Немного времени спустя, этого учителя за то, что он занимался пропагандой статьи Павле Ингороква, опубликованной в журнале «Мнатоби», как-то вечером жестоко избили местные жители – сын рачительного крестьянина Махьала Аргун Атка и тогдашний учитель математики в Арасадзыхьской школе – Бгажба Хакыбей. После этого он тоже долго не задержался, испугавшись, что в этом горном селе абхазы убьют его, оставил работу в школе и уехал в Гегечкори, откуда он и приехал».[1]

Думаю, не лишним привести еще один факт, связанный с этой «черной» для абхазов книги «Георгий Мерчуле». Когда она вышла в свет, я был студентом второго курса. Как и мои друзья, ежедневно посещал Республиканскую библиотеку. В читальном зале работала одна очень полная мегрелка, звали ее Нуну Бокучава. Справедливости ради, хочу отметить, что читателей, особенно студентов она обслуживала с удовольствием, с неизменной улыбкой. Разрешала сидеть в отдельном зале для научных работников, когда там оказывалось свободное место (из-за того, что там было тише), поэтому мы все ее уважали. Однажды, сидел как раз в этом зале, когда Нуну Бокучава вошла с сияющим лицом и положила передо мной книгу размером с приличный чемодан: «Прочти, здесь очень хорошо сказано о вашей абхазской истории», – сказала она и ушла, показав мне с какой страницы начать читать. Я тоже, ожидая что-то приятное, отложил свою работу, и принялся читать. До десяти часов вечера читал, не отрываясь. Прочитанное не давало мне ничего, кроме злой ярости, от которой можно было сойти с ума и разорваться сердцу. Так я целых четыре дня читал эту проклятую книгу. Нуну и ее друзья видели, что я воспринял книгу неприязненно, с душевной болью, но сами-то не скрывали радости, не могли нахвалиться ее автором, возносили его до небес. Многие мои сверстники, окончившие грузинские школы, прочитали, как и я, эту книгу, сердца у всех разрывались от злости к ее автору. И без того вынуждены были учиться в грузинских школах, мы пережили много унижений, национальное бесправие… А теперь этот ужас – книга, в которой утверждается, что абхазы – не абхазы, наши раны открылись вновь и стали кровоточить.

После прочтения книги на следующий же день я отправился к Хухуту, чтобы поделиться с ним своими страданиями. Придя,

---

[1] *Р. Х. Капба. Не все подвластно времени. Сухум, 2004, с. 513–514, на абх. яз.*

увидел, что и на его письменном столе лежит «Георги Мерчуле». Когда ему сказал, что прочитал страницы об абхазах, ответил:

– Это ты хорошо сделал, нужно знать и хорошее и плохое, что говорится о твоей нации. А так как вы – студенты, то должны особенно интересоваться такими вопросами. Этот, вообще, совсем потерял всякую совесть – белое выдает за черное, хочет перечеркнуть нашу полуторатысячелетнюю историю.

– Эту книгу и ее автора нужно осудить, наши ученые должны дать ответ в печати, разоблачить его, все должны услышать о подлом поступке П. Ингороква в отношении абхазов, – кипятился я.

– Твои друзья – студенты читали уже эту книгу и как они среагировали? – выслушав, спросил меня Хухут.

– Из тех, кто знает грузинский язык, многие уже читали, все возмущены, но что же им еще остается делать, – сказал я.

– Эта книга заслуживает осуждения! – коротко повторил, словно отрезал Хухут.

Тогда он мне больше не сказал ничего, но я подозревал, что, изучая книгу тщательно и детально, он уже задумал написать ту работу, о которой сейчас поведу речь.

Когда книга, вещавшая о том, что абхазы являются грузинами, увидела свет, было ясно, что абхазы не будут молча глотать это оскорбление. Оно обожгло всех, словно огонь и заставило выступить. 20 июня 1955 года Председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР А. М. Чочуа, Председатель Совета Министров Абхазской АССР А. М. Лабахуа и секретарь Абхазского обкома И. К. Тарба написали письмо в ЦК Компартии Грузии. Текст этого письма был послан (16 августа 1955 года) тогдашнему Первому секретарю ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе. В нем говорилось, что «исследовательская» работа П. Ингороква полностью перечеркивает существование в этом мире абхазов, как нацию, отрицает многовековую историю, языка и культуры абхазского народа, отнимает у него Родину:

«Совершенно непонятно, почему такая работа могла быть напечатана в 1954 году в издательстве «Сабчота мцерали». Следует отметить, что после своего выхода сочинение Ингороква, к сожалению, не получило научной и политической оценки со стороны соответствующих органов. Более того, труд Ингороква трактуется как последнее слово исторической науки в области изучения истории Грузии. Наконец, он получил высокую оценку на страницах республиканской партийной прессы. Так, 9 июля 1955 года действительный член Академии наук Грузин-

ской ССР, профессор Г. С. Ахвледиани выступил в газете «Заря Востока» со статьей «Ценный труд по истории грузинской культуры». В ней профессор Ахвледиани целиком и полностью разделяет, как ни парадоксально, антинаучную точку зрения «новой», по его же определению, концепции, причем восхищенный рецензент идеализирует порочную книгу и, превознося ее автора, не находит почти ни единого критического слова для «капитального труда» (свыше тысячи страниц), несмотря на шаткость научной «аргументации» и политической выдержанности чрезмерно расхваленного им «труда».

Еще более непонятна в данном случае странная позиция редакции газеты «Заря Востока», напечатавшей ошибочную и вредную статью. Приходится удивляться, что это происходит всего лишь через два года после того, как ЦК КПСС были вскрыты грубейшие искажения национальной политики в Абхазии, допущенные благодаря вредительской деятельности махрового буржуазного националиста Берия и его приспешников, вроде Мгеладзе, и когда сейчас партийные органы принимают меры по их исправлению. Редакции «Заря Востока» также хорошо должно быть известно, что одним из главных мотивов исключения Мгеладзе из рядов партии является именно его националистическая политика в Абхазии, против рецидивов которой необходимо вести самую беспощадную борьбу...

Мы считаем необходимым и требуем изъятия книги П. Ингороква, как антинаучного, а в политическом отношении вредного «труда»».[1]

Но в Тбилиси не решались осудить книгу П. Ингороква как антинаучную работу. Более того, в печати стали появляться все больше сторонников этой книги. На страницах журнала «Мнатоби» были опубликованы статьи в защиту П. Ингороква, в которых его труд был назван новым открытием. Такого рода статьи появились и после того, как в 1956 году в двенадцатом номере журнала «Мнатоби» видные грузинские ученые – директор института истории Академии наук Грузинской ССР Н. А. Бердзенишвили и директор Института языка К. В. Ломтатидзе написали статьи с резкой критикой книги П. Ингороква. Среди защитников книги П. Ингороква были профессора С. Каухчишвили и Д. Кобидзе («Мнатоби» (№2, 1957 г.). В них они без всякого зазрения совести и стыда писали, что автор «Георги Мерчуле» сделал «величайшее открытие». А поэт А. Мирцхулава на страницах грузинской молодежной газеты (Ахалгаздра коммунисти, 2 марта, 1957

[1] *Архип Лабахуа. Избранные письма и речи. Сухум,1999, с. 110–111.*

г.) напечатал обвинительную статью в адрес Бердзенишвили и Ломтатидзе. Он полностью разделял мнение П. Ингороква в отношении абхазского языка, истории и топонимики, писал об авторе «Георги Мерчуле» как о величайшем ученом и писателе и т.д.

Сторонниками идей и «концепции» П.Ингороква выступили писатели Л. Шенгелая, Г. Леонидзе, К. Гамсахурдия, Б. Жгенти и др. А секретарь ЦК КП Грузии Д. Мчедлишвили в статье «Новая Советская Социалистическая Грузия», посвященная 36-летию установления Советской власти в Грузии, назвал П. Ингороква «барометром, глазом, ухом и сердцем своей страны и чувств своего народа, трибуном своей эпохи».[1]

В своем письме «В ЦК КПСС», направленном в Москву – Кремль 4 апреля 1956 года Архип Миронович Лабахуа писал:

«Абхазская общественность возмущена выходом в свет книги писателя П. Ингороква «Георги Мерчуле – грузинский писатель десятого века». (Издательство «Сабчота мцерали», Тбилиси, 1954). Эта книга проникнута буржуазно-националистическим духом, антинаучна, в политическом отношении вредна.

Она преднамеренно искажает правду по основным вопросам истории и культуры абхазского народа. «Труд» П. Ингороква в части, касающейся абхазского народа, рассчитан во что бы то ни стало «доказать» неправомерность национального существования абхазцев.

Работа П. Ингороква в Грузии трактуется как последнее слово исторической науки в области изучения истории Грузии, а поступок Ингороква оценивается как подвиг. На страницах газеты «Заря Востока» (орган ЦК КП Грузии) эта книга получила восторженную оценку (статья профессора Г. Ахвледиани «Ценный труд по истории грузинской культуры»). Три члена бюро Абхазобкома КП Грузии (Гегешидзе, Чочуа, Лабахуа) в августе 1955 года обратились в ЦК КП Грузии с письмом, требующим осуждения книги Ингороква. Бюро ЦК рассмотрело этот вопрос и вместо дачи настоящей партийной оценки этой книги, ограничились констатацией, что рецензия профессора Ахвледиани «содержит поспешные взгляды и восхваления книги Ингороква «Георги Мерчуле».

В решении Бюро ЦК КП Грузии по этому вопросу говорится о том, что оно, якобы не поддерживает концепции П. Ингороква о генезисе абхазского народа.

На XVII съезде компартии Грузии в оценке книги П. Инго-

[1] *Там же, с.175.*

роква в отчетном докладе ЦК не найдено более крепких слов, как только сказано, что эта книга содержит спорные моменты истории древней Грузии.

…По-видимому, и здесь не обойдется без вмешательства ЦК КПСС».[1]

Вышеприведенные факты сами по себе говорят много о смелости и патриотизме видного государственного и общественного деятеля А. М. Лабахуа, когда он занимал высокий пост Председателя Совета министров Абхазской АССР. Кроме писем, направленных в Москву в ЦК КПСС (сначала совместно с И. К. Тарба, а затем и в отдельности), разоблачавших идеи П. Ингороква, он не раз выступал с резкой критикой в адрес ЦК КП Грузии в связи с искажениями национальной политики, необходимостью ее исправления. Тогда мало кто из абхазов мог осмелиться, так открыто, не боясь и не скрываясь, выступить против безраздельного господства Грузии и осудить политику, проводимую грузинами в Абхазии.

Помимо приведенных мной выше фактов, абхазский народ как единый, сплоченный организм, выступил против книги «Георги Мерчуле» и ее автора.

Но нужно сказать и о другом. Для настоящего разоблачения «теории», состряпанной грузинским «ученым», далеко недостаточны были государственно-документальные факты (письма, направленные в Москву в Кремль и в ЦК КП Грузии) и народные выступления. Как бы несостоятельной и слабой ни была эта «теория», требовалось научно раскрыть и доказать, что «концепция» П. Ингороква об абхазах является лживой и неправильной. В этом смысле значительным явлением стали исследовательские работы наших замечательных ученых, царство им небесное, Зураба Анчабадзе и Хухута Бгажба. Обладая глубокими знаниями, они оба сумели полностью разрушить «теорию» грузинского «ученого», вознамерившегося оставить нас, как нацию, без языка, истории и Родины. Сделано они это публично, глубоко научно и убедительно. Это была несомненная победа над грузинской националистической наукой.

В самом начале обсуждения работы П. Ингороква «Георги Мерчуле – писатель X века» Хухут Бгажба отмечает, что в данном труде объект «исследования» – письменный памятник грузинской культуры – никак не связан с вопросами истории древней и средневековой Абхазии и абхазскими географическими названиями местностей – топонимикой и этнонимикой абха-

[1] *Архип Лабахуа. Избранные письма и речи, с. 128–129.*

зов. Однако ее автор задумал затронуть проблему, не по своей специальности и не связанную с темой, но с явной целью полной фальсификации истории происхождения абхазов. П. Ингороква пишет: «Абхазцы и другие племена, населявшие Абхазию (апсилы, мисимийцы, санихи), были такими же чисто грузинскими племенами грузинского происхождения, говорившими на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии – картли, мегрелы и сваны».[1] Далее, в своем исследовании П. Ингороква, говоря об исторической географии, топонимике и этнонимике Абхазии античной эпохи и средневековья, полностью игнорирует факт присутствия абхазских и адыгских следов, словно нигде они не зафиксированы.

Это вовсе расходится с действительностью.

Также, кажется странным, пишет Хухут Бгажба, что Ингороква отрицает то большое влияние, которое в средневековье абхазы оказывали в целом в жизни Грузии. Он утверждает (вопреки фактам истории), что апсилы и абазги не имеют ничего общего с современными абхазами, это, мол, совершенно разные народы. Если верить П. Ингороква, и сами абхазы не принимали никакого участия в культурно-историческом развитии Абхазии до позднего средневековья, так как: «население абхазских краев было грузинским как в античную эпоху, та и в средние века».[2]

«Часть книги, в которой сделан специальный лингвистический экскурс (с. 146–189), – отмечает Хухут Бгажба, – он уже публиковал в 1950 году на страницах литературного журнала «Мнатоби». Здесь автор говорит о конкретном времени появления абхазов в Абхазии. Удивительно, но, оказывается, подобное произошло в XVII веке. Апсуйцы (по терминологии П. Ингороква), оказывается, появились откуда-то из Северного Кавказа, а затем насильно ассимилировали часть коренного населения, проживавшего здесь в это время. Правда, в книге он не указывает конкретную дату (век) появления абхазов в Абхазии, но к чему это, если мысль, высказанная им ранее по этому поводу, осталась без изменения – он не видит (не слышит) абхазского языка в Абхазии до первой половины XVII столетия».

После того, как отчетливо выделил главные мысли фальсификатора истории абхазов, Хухут Бгажба последовательно, опираясь на исторические первоисточники об Абхазии и абхазах, разоблачает и осуждает «концепцию» П. Ингороква.

---

[1] *Павле Ингороква. Георги Мерчуле, с.116, 129, 137.*

[2] *Труды АбИЯЛИ им.Д.Гулиа, т.XXVII, Сухум, 1956, с.280.*

По тому, как Хухут Бгажба анализирует книгу «Георги Мерчуле», можно убедиться, каким великим ученым он был, насколько глубоко он знал историю родного народа и мог защитить его интересы.

Грузинская историография утверждает, пишет Хухут Бгажба, что абхазский народ – самостоятельный этнос. Сторонниками этого мнения являются глубоко уважаемые историки – И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, лингвисты – Н. Я. Марр, П. Г. Чарая, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Г. В. Рогава. Далее он отмечает, что П. Ингороква неправильно подходит к историко-лингвистическим материалам, он их использует, как попало и толкует искаженно, так, как ему хочется. Поэтому Хухут Бгажба путем сопоставления и анализа сообщений и мнений древних и современных историков об Абхазии и абхазах и противопоставления их П. Ингороква совершенно ясно показывает, насколько работа П. Ингороква, в той части, которая касается абхазов (А другую часть – о жизни Георги Хандзтели – он и не затрагивает) далека от науки, лжива и совесть автора как ученого не чиста. Приведу некоторые примеры. Грузинский историк XIX века Д. Бакрадзе писал об абхазах, включая туда и абазин, о том, что они являются древнейшим, а также коренным народом Абхазии, знали еще и эллины, которые называли их «авасгами». Академик И. А. Джавахишвили утверждал, что абхазские племена еще в I–II веках проживали в Абхазии. Академик С. Н. Джанашиа пишет о том, что в историческом времени абхазские племена появились с начала христианской эры, но укрепились и показали свою активность с VIII века, тогда они образовали Абхазское государство. Хухут Бгажба подчеркивает, что под абхазскими племенами И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа считали апсилов и абазгов, которых древние авторы называли абасками.

Такого же мнения придерживается и историк Древнего Востока Г. А. Меликишвили.

«Тогда становится ясно, что абхазы как этнос не могут быть причислены к мегрело-чанам и другим грузинским племенам. К тому же, никто из ученых не сказал, что абхазы появились в Абхазии только в позднем средневековье», – пишет наш видный ученый.

До этого места Хухут Бгажба приводит только факты и источники из грузинской историографии. Читатель отчетливо видит, насколько они далеки от «нового открытия нашей истории», сделанного «ученым» П. Ингороква.

Далее Хухут Бгажба углубляется в свидетельства древних авторов об Абхазии и абхазских племенах: Плиния Секунда, Флавия Арриана, Прокопий Кесарийский и др.. Во всех этих источниках ясно говорится о том, что абхазский народ издревле являлся коренным народом своей нынешней Родины Абхазии, и истинность этого утверждения ни в коем случае не может быть подорвана измышлениями П. Ингороква.

«Мы полагаем, что из указаний древних писателей можно заключить об относительной устойчивости этнонимики Абхазии, начиная с I–II веков. Надо признать бесспорным, что абхазы и абазины сохранили этнические термины – апсилы и абазги – издревле до наших дней и они идентичны их нынешним самоназваниям апсуа и абаза», – пишет Хухут Бгажба.

По словам нашего ученого, именно поэтому историки не сомневались в том, что в результате консолидации абхазских племен – апсилов и абазгов началось становление абхазской народности. По-видимому, этот процесс протекал во второй половине первого тысячелетия н. э.

«Исторические сведения об абхазцах дополняются языковыми данными, идущими в разрез с априорными суждениями П. Ингороква о том, что древнее население Абхазии было только грузиноязычным, и что абхазский язык проникает в абхазские края не раньше позднего средневековья.

Не учитывая того обстоятельства, что абхазцы являются древним коренным населением Абхазии, П. Ингороква делает терминологическую подтасовку, отрывая абхазцев от их исторического прошлого, искажая сведения об их этническом происхождении. Абхазцы античной эпохи и средневековья, по автору, относятся к грузинскому племени месхов (или мосхов), а собственно абхазцы, аборигены этого края, остались бесприютными – они, оказывается, не абхазцы в собственном смысле этого слова, а апсуйцы, которые так же не нашли места в объемистой книге П. Ингороква.

Создав такую путаницу, автор выдумывает три произвольные версии:

1) Грузинское племя мосхов, населявшее Абхазию в античную эпоху, с течением времени якобы трансформируется в новоявленных абхазцев, ибо, по воле П. Ингороква, мосхи (месхи) стали именоваться абазгами или абхазами (с.129, 137, 140).

2) Апсилы (апшилы – смешанное племя месхо-колхов, живущие в абсилийском крае, по языку не отличались от колхов (мегрело-чанов).

3) Мисимийский диалект (язык мисимийцев) образовался на почве смешения сванского и мегрельского языков. (с.245).

Для обоснования этих утверждений П. Ингороква не приводит ни одного факта – ни исторического, ни лингвистического, налицо лишь старание выдать желаемое за действительное. На самом же деле, нет никакого основания, идентифицировать мосхов и абхазцев».[1]

В рассматриваемой статье автор подчеркивает, что сведения и выводы, сделанные П. Ингороква об Абхазии и абхазах ни в коем случае не подтверждаются объективным научным анализом лингвистического материала. Далее он отмечает, что лингвистический материал может только помочь в правильном решении вопросов этнонимики и топонимики Абхазии.

Хухут Бгажба дает нам ясно понять, что этническое название абазгов сближается с самоназванием абазин – абаза, отсюда – обезы русских летописей. От формы абаз-х происходит по-грузински – абхаз-и (апхази). У древних авторов засвидетельствованы абаз-ги, абас-ки, абас-хи. Все эти разновидности одной и той же основы включают специфический абхазский префикс «а».

Так, в самоназвании абхазов звучит корень а-пс, к которому грузинский академик Г. А. Меликишвили возводил этимологию грузинского варианта этой основы – апш-(ил), считая его близким к названию абешла ассирийских источников. Эта же основа засвидетельствована в топонимике восточного Причерноморья – Апсар (локализуется к западу от Батума).

Для разоблачения «концепции» П. Ингороква огромное значение имеют сведения турецкого путешественника Эвлия Челеби, побывавшего в Абхазии в первой половине XVII века. Приводя эти сведения в качестве примера, Хухут Бгажба говорит, что Эвлия Челеби дал ценные сведения об абхазских племенах и территории их расселения в то время, говорил о их владетеле Чач (Чачба), записал абхазские слова, фразы. Несмотря на неточности записи из-за турецкой транскрипции, эти слова понятны и теперь. В этом мы убеждаемся, когда читаем в работе венского ученого Р.Блейхштейнера «Die Kaukasischen Sprachproben in Evlya Celebis Seyahetname" (Caukasika, X1, 1934, с.104-110) эти абхазские слова в латинской транскрипции.

Хухут Бгажба публикует абхазские слова, записанные Эвлием Челеби:

---

[1] *Труды АбИЯЛИ. XXVII, Сухум, 1956, с.283–284.*

В записи Эвлия Челеби	В современном абхазском языке	Русское значение
ak	акы	один
weba	ԥба	два
ihpa	хԥа	три
huba	хәба	пять
bizba	быжьба	семь
aba	ааба	восемь
zba	жәба	девять
wai	уааи	иди сюда
uci	уца	иди туда
utuj	утәа	садись
umcin	умцан	не иди
sicab	сыцап	я пойду
abhris	ацҳәыс	женщина
u z u m c o z u i arpas	узымцои арԥыс	почему не идешь парень? то, что я знаю
	сара издыруа	то, что сказал
sira izdurwa	исҳәазеи	то, что ты скажешь
ishwazuej	уара иуҳәауа	Ей-Богу, абхаз, я с голоду умираю
ura juhrua	анцәа иныс (или анцәа рныс, ацсуа) амла сыпсуаит	
ancrines ajs amla sipswai		

Умалчивая об этих фактах, свидетельствующих о том, что абхазцы и в начале XVII века говорили на абхазском языке. П. Ингороква, однако, утверждает, что они были грузиноязычными и говорили «на мегрельском диалекте грузинского языка» (с.133).[1]

Как пишет Хухут Бгажба, в своей книге П. Ингороква, боясь, что это помешает его «концепции», вовсе не упоминает о родственности абхазов и абазин, о том, что в определенном временном историческом отрезке они были одним народом: «П. Ингороква, – пишет Хухут Бгажба, – не касается абазин и их языка, ибо это могло бы в какой-то мере поколебать «тезис» об отсутствии абхазоязычного населения в Абхазии до позднего средневековья».[2]

Также Хухут Бгажба разоблачает утверждение» П. Ингороква о том, что на территории Абхазии в античную эпоху и средние века не проживали абхазо-адыгские племена. Специально для этого П. Ингороква делает расширенный лингвистический «экскурс», чтобы усилить свою «концепцию». Но из песка, как

[1] *Труды АбИЯЛИ. XXVII, с.285–286.*

[2] *Там же.*

говорится, веревку не заплетешь, и, что удивительно, он не находит на всей территории Абхазии никаких следов абхазо-адыгской топонимики: «Все эти названия, как выясняется, принадлежат грузинскому языковому миру. Среди этих старых географических названий мы не найдем ни одного названия, которое объяснялось бы языком черкесской группы. Поэтому совершенно явной становится несостоятельность того взгляда, который основное население этого края относит к черкесской группе. Таким образом, географические названия дают совершенно определенные показания о коренном оседлом населении абхазских краев. Население абхазских краев, как выясняется, с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе и такой же грузинский характер носил этот край, в частности, в ту эпоху, когда возникло «Абхазское царство» Западной Грузии. (с.146).[1]

Хухут Бгажба пишет, что эти утверждения не соответствуют исторической действительности, а лингвистические данные как раз доказывает обратное: следы абхазо-адыгской топонимики с древнейших времен, и в античную эпоху и в средневековье, четко прослеживаются на территории Абхазии. Он противопоставляет «концепции» П. Ингороква известные науке высказывания многих ученых и авторов разных исторических эпох.

Хухут Бгажба подчеркивает: о том, что абхазо-адыгские элементы встречаются на территории Грузии, писали ученые И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Г. В. Рогава, А. И. Лавров и др.

«Переходя к обзору рассматриваемых П. Ингороква географических названий, отметим, что он произвольно толкует их этимологию, часто подбирая сходно звучащие слова, не учитывая закономерностей фонетических, морфологических и смысловых изменений. Кроме того, автор, почему-то полностью игнорирует абхазо-адыгские топонимические слой в «абхазских краях».

Данные топонимики становятся живыми историческими свидетельством, лишь в том случае, если они рассматриваются как факты языка, носящие изменчивый характер. Без учета всего этого, без применения точного методологического анализа, топонимику можно исказить».[2]

По мнению Хухута Бгажба, исторические источники и топонимические материалы свидетельствуют о сложности этнического прошлого Абхазии: в течение двух тысячелетий на ее тер-

[1] *Там же, с. 291.*

[2] *Далее цит. по Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 292.*

ритории зарегистрировано множество этнических наименований. Естественно, что такая сложность этнического прошлого, миграционные передвижения наложили свои отпечатки на топонимику. Но это не может заслонить, превзойти топонимику, географические названия местностей коренного населения этой земли, проживающего на ней тысячелетиями. Они стоят совершенно явно, как не поврежденные памятники.

Хухут Бгажба исследует топонимику детально, касается названий местностей, рек и т.д. в Абхазии, от Западного побережья Черного моря до Северного Кавказа. Он представляет исторические и лингвистические материалы:

«В топонимике древней Абхазии прослеживаются шесть морфологических типов, которые оформляют названия рек и местностей: цсы (цса), цшь, ц (ца), р-хәа (хәа), ҭа и ра».[1]

«Словообразовательные элементы цсы и ц(а) имеют ареал распространения в зоне Черноморского побережья Закавказья от Западной Грузии, Абхазии и далее на северо-запад до Анапы. И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа этимологию этих морфологических элементов находят в адыгейском языке. Перечислив названия рек с суффиксом цса и цшь на территории «издавна занимаемой абхазами», И. А. Джавахишвили прослеживает наименования подобного рода в Грузии также и значительно южнее, в районе Гурии, как например, в названии реки Супса, окончание псa, которого выдает его черкесское происхождение.

С. Н. Джанашиа анализирует географические термины на цсы (цса) и ц (а). Словообразовательный элемент цсы он выделяет из основы античного названия реки Чороха – Акампсис, а также в термине Лагумпса, которым византийский географ V века называет реку Ипп, расположенную в Абхазии.

Анализ рек с окончанием цсы мы встречаем как в Абхазии, так и на территории Северного Кавказа, в пределах распространения абхазско-адыгских племен».[2]

На территории Абхазии много рек, в названиях которых присутствует псы. Возьмем реку, текущую к северо-западу от Сухума – Гумста (бз. Гәмс-ҭа). В этом термине мы имеем усеченную основу. По определению С.Н. Джанашиа, полная форма названия Гумисты звучит: Гәымыс́ҭа, к тому же в корне Гәым (Гәыма) мы видим абхазскую фамилию Гәым-ба, А-гәым – аа; цссы – «азы», «азиас», ҭа – локативный суффикс. Этот анализ показывает название реки – гәым-цсы (Гәымсы), а Гәымсҭа

[1] *Там же, с. 293*

[2] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 292.*

(Гəымцста) означает «Гəыматəи ацста» – буквально «ущелье реки Гумов». Местность по которой протекает эта река на древней карте обозначена под названием Гумма. Примечательно, что один из притоков Гумисты носит название Ахы-цс.

По логике П. Ингороква, пишет Хухут Бгажба, Гəымсы происходит от Гум-ис-и, говоря иначе, от окончательного форманта Гумма – ис-и (с.157). Но это неубедительно, так окончание –ис-и вносится в основу произвольно без объяснения его появления.

«В северо-западной Абхазии имеются названия рек оформленные посредством цсы: Аа-цы́сы, Хы-цы́сы, Лаш-цы́сы, Анако-цы́сы, Хаш-цы́сы (Хашу-цсе).

К основе цсы прибавляется абхазский суффикс та и образуется слово ацы́-та (бз.Ацы́та), обозначающее «ущелье».

Существование в бзыбском диалекте формы цы́сы, отсутствующей в адыгских языках, в которых имеется лишь псы, т.е. без свистяще-шипящего спиранта с‘, заставляет полагать, что цс‘ы в данном диалекте является самостоятельным корнем. Ему в абжуйском диалекте соответствует «цсы», как и в адыгских языках. Не исключена возможность, что в древности в абхазском языке понятия «вода» и «река» были дифференцированы. Понятие реки в современном абхазском языке выражается описательно азиас букв. «вода проходящая, текучая» (ср. с азиа – озеро, букв. «вода лежачая»), что можно рассматривать как новообразование».[1]

Исследователь отмечает, что псы входит в состав ряда сложных основ как самостоятельный корень: ацы́сыз «рыба», ацы́слы «бобр», ацы́лымз «песок», ацы́са «тающая снежная лавина».

В названиях нескольких перечисленных рек от Абхазии до Сочинского района вторым элементом присутствует цста («ущелье»): Хы-пы́ста, Аа-пы́ста, Анако-пы́ста, Баҕыр-цы́ста, Иаҕьа-цы́ста (Аге-цы́ста), Куде-цы́ста. К аналогичной структуре основ относится и Мацеста – Мацецы́ста – Маца́-цста.

Хухут Бгажба отмечает, что многие названия рек на территории Северо-Западного и Северного Кавказа оформляются посредством суффикса цса-цс(е) и приводит примеры: Чвижипсе (приток реки Мзымты), Туа-псе, Ше-пси (к северу от Туапсе), Куже-пс (севернее Туапсе), Псеку-пс (приток Кубани), Курджи-пс (приток реки Белой), Афи-пс (берет свое начало на склоне горы Афипс), Безе-пс (приток реки Шебж, впадающей в реку Афипс), Су-пс, Адзи-пс, Псебе-пс (Левая набережная Кубани) и др.

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 294.*

К структуре сложных имен на псы следует отнести Ахчипсоу (Аҳҷы-цсы), что означает река ахчипсовцев. Они относятся к абхазским племенам.

П. Ингороква дает неправильное толкование и многим географическим названиям местностей и рек, расположенных за пределами территории Абхазии. К ним относятся реки «Акампсис», «Никопсиа», «Лагумса» («Лагәмцса»), «Супса». О том, что названия этих рек принадлежат к абхазо-адыгским племенам, писали известные грузинские ученые И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа. Но, удивительное дело, П. Ингороква не верит, что их следы обнаружились на грузинской территории, хочет, чтобы здесь не было каких-либо следов другого этноса. Не имея никаких убедительных аргументов, будто понарошку, считает, что псы-пса грузинского происхождения. Однако наш известный ученый, исследуя и делая лингвистический анализ географических названий местностей, показал несостоятельность подобного рода «открытий» П. Ингороква.

Так, Хухут Бгажба пишет, что по мнению П. Ингороква, название реки «Мако-псе» (по адыг. «сенная река») происходит от названия древней грузинской крепости «Баго». По его определению, «Мако» – это изменившаяся форма «Баго». Однако он ничего не говорит о том, каким образом из «баго» получилось «мако». В книге много мест, где П. Ингороква искажает абхазо-адыгские географические названия (реки, местности) и к тому же связывает их с грузинским языком. Хухут Бгажба доказывает, что эти утверждения не имеют никакой научной основы. Приведу несколько примеров:

«Несомненно, что суффикс – ра органически принадлежит абхазскому языку и в структуре топонимики Абхазии занимает большое место. Однако П. Ингороква, теряя чувство меры, утверждает, что –ра, якобы, принадлежит «грузинскому языковому миру». Этот суффикс весьма продуктивен и в современной абхазской речи, вместе с тем он является одним из древнейших словообразовательных элементов абхазского языка».[1]

Исследователь приводит примеры, подтверждающие этот вывод: Аkарма – хмель, Аkарма-ра; Аисыр – «полевица», Аисыр-ра; Амза – «сосна», Амза-ра; Аҵьа-мцаз – «жирная трава», Аҵьамцаз-ра, Соу-и-цас-ра и др.

«Отметим и некоторые другие крупные этимологические погрешности, допущенные в книге П. Ингороква:

1) У Клавдия Птолемея в районе Псоу отмечается пункт Патрахи. Это название П. Ингороква сопоставляет с географи-

---

1Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 300.

ческим названием Патрахуца в Очамчирском районе (с. 151), но при этом упускает из виду, что оно состоит из двух основ: Патра (возможно, имя) + а-хәца (по-абхазски «предгорье»).

2) П. Ингороква выписывает небылицу из книги К. Кудрявцева о том, что «за несколько верст до впадения, Бзыбь разбивается на два рукава, один из которых Мычиш, около 30 верст, протекает под землей», для того, чтобы создать этимологию этой реки как «подземная»... «Подземной» эту реку никак нельзя назвать, если не считать того обстоятельства, что она пробивается из-под земли в верхней части села Бармышь. Название этой реки по-абхазски звучит как Мычышь (Маҷшь, ср. Маҷара, Маҷа-ры-цшь). К данной структуре примыкают названия ряда географических пунктов Абхазии: Бармышь, Тамшь, Дгамшь, Ҭоумышь, а также Хамышь в Сочинском районе.

3) На 158 странице мы узнаем, что в верховьях реки Чхалты, в Марухской зоне, где пролегал древний путь из Алании в Абхазию, было расположено селение Абсара (архи). Хотя, как сообщает П. Ингороква, это название не отмечено в исторических источниках, однако ясно, что оно древнего происхождения. Первую часть он связывает с племенным наименованием – абсара (аԥсара), а вторую часть оставляет без объяснения. Мы полагаем, что архи означает «приречную равнину» (по-абхазски – арха). Действительно, расположение селения в горной местности, о которой идет речь, могло иметь место в «приречной равнине» (букв. «пихтовой равнине» – аԥсара-арха). Основу аԥсара мы находим в абхазском названии Нового Афона – Ԥсыр-зха (Ԥсарзха), что значит «пихтовый родник» (азха – «родник», аԥса – «пихта», аԥсара – пихтовая роща). Основа а-зха в качестве второго элемента выявляется и в названиях некоторых речек Гудаутского района.

4) Несмотря на то, что в абхазском языке имеется самостоятельное слово а-ца-ҭа или а-цы́ҭа (буквально: «место воды», «ущелье») и оно употребляется в сочетании с названиями рек. П. Ингороква объявляет это слово заимствованием из грузинского языка в апсуйский, как он именует абхазский язык (с.187). Известно, что такого рода слова, как ацҭа в грузинском языке вообще нет. Как можно заимствовать то, чего нет в другом языке?

Отмечая, что основа цҭа встречается в названиях ряда рек (Соҷа-цҭа, Анаkо-цҭа, Куде-цҭа), П. Ингороква переводит их неправильно: «река Соча», «река Анака», «река Куде», причем выходит, что цҭа означает «река», т.е. то же самое, что цсиси

(цасиси), но автор не учитывает, что присоединение суффикса ҭа к корню цсы создает новое понятие – «ущелье»... Почему-то в написании Сочи автор не берет в соображение абхазско-убыхскую форму Шәача. П. Ингороква утверждает, что убыхи переделали Соҷа в Соча), т.е. ҷ (і) заменили через ч (е) при заимствовании из грузинского языка, в котором действительно Соҷа (а не Шәача) означает пихта. Кроме того, известно, сами убыхи называли себя сшача».[1]

Вышеприведенные аргументы и выводы, сделанные Хухутом Бгажба ярко показывают искажения П. Ингороква, который в своей «теории» сфальсифицировал историю и топонимику не только абхазского народа, но и родственных нам по происхождению народов.

«Анализ географических названий позволяет делать ценные заключения о языковой принадлежности древнего населения Абхазии. При этом наиболее показательными являются названия больших рек и гор. Как справедливо указывает проф. В. Н. Георгиев, в «первобытнообщинном строе и еще позднее население часто покидало и даже уничтожало свои населенные пункты. Поэтому названия селений не могут дать нам вполне достоверных указаний о древнейшем населении данной области. Следовательно, названия больших рек, водных пространств и гор имеют в данном отношении наибольшее значение, потому что они обыкновенно сохраняются в течение долгого времени, независимо от смены населения».

Названия больших рек, водных пространств и гор на рассматриваемой территории находят объяснение в основном при помощи структурных элементов абхазо-адыгских языков. Поэтому нет основания, утверждать, что древнее население этой зоны не абхазо-адыгского происхождения.

Древнейшие пласты топонимики на цсы, ц(а), цшь, ра, ҭа, р-хуа, шьха имеют свою лингвистическую общность на определенной территории. Исследование топонимики Абхазии и северо-западного Кавказа дает возможность выделить три значительно различающихся топонимических слоя: 1) наиболее древний слой, представленный преимущественно «речными суффиксами» цсы, ц(а), в целом объясняемый при помощи адыгских языков. Учитывая древность данного пласта топонимики, можно полагать, что абхазско-адыгские языки в эпоху возникновения этих речных названий составляли более тесную, слабо дифференцированную общность. 2) абхазский топонимический слой, представленный суффиксами ра, ҭа,

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 301.*

р-хәа, ца, шьха, кәара и 3) картвельский слой, представленный грузинскими или преимущественно занскими названиями, главным образом, в выше очерченном ареале»

«Специальный экскурс» П. Ингороква дает извращенное освещение древней топонимики Абхазии и вообще кавказского Причерноморья. Не учитывая сохраняющиеся чрезвычайно долго лингвистические факты (в данном контексте абхазско-адыгских языков), автор тем самым запутал и без того сложные вопросы исторической географии и этнографии данной области.

Язык – живой и древний свидетель истории народа. Только историческое освещение языковых фактов, частью которых является и топонимика, в состоянии внести ясность, наряду с другими научными дисциплинами, в разрешении сложных этнокультурных и этнографических вопросов», – завершает свой анализ наш ученый.[1]

Как мы видим, Хухут Бгажба как языковед и историк, путем исследования и глубокого анализа научных источников, используя свои обширные знания, разрушает «теоретические» построения грузинского литератора, вознамерившегося лишить абхазов собственной истории. Эта работа, по мнению профессора Ш. Инал-ипа, является наилучшей среди научных созданий Хухута Бгажба и занимает высокое место в абхазоведении.

Для того, чтобы разоблачить состряпанный П. Ингороква вымысел, Х. Бгажба собрал огромный материал, и путем сравнительного анализа и примеров сумел доказать несостоятельность утверждения о том, что в античную эпоху и в средневековье абхазо-адыгские племена якобы не проживали в Абхазии и Кавказском Причерноморье. Повторюсь, удалось ему это, благодаря глубоким научным знаниям, таланту и патриотизму.

Великую «миссию» – оправдание огрузинивания абхазов – поручили П. Ингороква. Он долгие годы писал свою книгу. Но, к счастью, не успел издать ее при жизни тиранов. Книга вышла в 1954 году. Кроме того, национальная политика уже во многом изменилась. Возможно, и сам П. Ингороква понимал, что в сложившихся новых условиях его работа, над которой он так долго и усердно трудился, как удачно выразился замечательный поэт-сатирик Киршал Чачхалиа, «его большая куча» не сможет выполнить возложенную на нее миссию. Но независимо от этого, нужно было разоблачить книгу, очернявшую историю абхазов, раскрыть ее антинаучную суть, показав, что проблемы,

[1] *Х. С. Бгажба. Труды. Т. I, с. 303.*

поднятые в ней автором, не имеют никакой научной основы. Этого и смогли добиться Хухут Бгажба и Зураб Анчабадзе. Не случайно, их исследования были опубликованы в издаваемом Абхазским институтом научных «Трудах», редактором которых был Хухут Бгажба.

В работе, написанной Хухутом Бгажба в 80-х годах прошлого XX столетия «Некоторые вопросы абхазской топонимики», широко исследуется история абхазских географических названий местностей, рек, гор и др. Она вновь утверждает, что следы абхазо-адыгских племен существует на Северном и Южном Кавказе с античной эпохи, ими усеяна эта земля.

В заключение скажу: до сих пор в абхазской науке очень редко появляются столь аргументированные и теоретически обоснованные работы по проблемам нашей топонимики.

БЗЫБСКИЙ ДИАЛЕКТ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА
другой вариант заголовка:
Диалект, вокруг которого «ломали копья»

В 1964 году в Тбилиси вышла монография Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка». Эту работу ученый писал в течение 20 лет. До него никто из языковедов не занимался всесторонне этой проблемой, она оставалась без должного внимания.

Хухут Бгажба создал величайший труд, имеющий большое значение для науки. Правда, после выхода в свет книги, автор столкнулся в силу разных причин с огромными неприятностями и перенес много трудностей. Теперь уже по прошествии стольких лет вряд ли стоит вновь ворошить старое и говорить обо всем этом. Но все же, было бы справедливо остановиться на некоторых моментах, связанных с теми событиями.

Как известно, серьезные исследовательские работы порой вызывают споры, дискуссии. В них в основном принимают участие ученые, хотя и читатели вряд ли остаются в стороне.

Безусловно, в таких случаях, главной мишенью становятся авторы, и это естественно. А как же иначе, ведь ответственность лежит на том, кто написал данную статью или книгу.

21–22 апреля 1965 года в Абхазском институте состоялось обсуждение книги «Бзыбский диалект абхазского языка». Хухуту Бгажба представили слово.

«Как известно, опубликованная в конце 1964 года моя монография «Бзыбский диалект абхазского языка» была положительно оценена ученым советом Абхазского института и реко-

мендована им в качестве докторской диссертации. Книга имеет и другие положительные отзывы. Ввел в научный обиход обширнейший материал, некоторые вопросы (например, рентгенографическое изучение специфических бзыбских согласных, многие фонетические процессы, диалектная лексика) впервые нашли подробное освещение в моем исследовании. Следовательно, говорить о несамостоятельности и не оригинальности его, нет никаких оснований. И уже совершенно неверно, как это утверждала Т. Шакрыл, будто бы я ограничиваюсь повторением, простой систематизацией данных своих предшественников. Все это настолько неточно, неясно и непонятно сказано, что лишает возможности полемизировать с этим, ибо с ляпсусом спорить нельзя.

Слишком амбициозной является претензия одних «критиков», обращенная уже не ко мне, а к моим рецензентам, к ученым, давшим положительную оценку моей книге. Кто может запретить ученым, согласиться с моей книгой или положительно оценить ее? Некоторые выступавшие договорились до абсурда. К. Шакрыл даже стал отрицать существование диалектов в абхазском языке. Т. Шакрыл и А. Кварчелия, теряя чувство меры, пошли еще дальше, считая мою книгу, якобы, идеологически вредной или антикоммунистической. Это – заушательская критика.

Противники моей книги (К. Шакрыл, Т. Шакрыл, А. Кварчелия) думают, что все несогласные с ними, ошибаются, стоят на порочных позициях. Об этом говорит весь тон их выступлений и особенно высокомерное отношение к мнению других ученых. Они в своих нарочито предвзятых выступлениях старались принизить теоретический уровень монографии, подчеркивая при этом лишь богатство фактического материала.

Однако, следует сказать, что незначительная часть раздела «Ономастика», вызвавшая недоразумения, оказалась недостаточно удачной. Может быть, не следовало заниматься этимологическим анализом основ фамилий, вызвавшим кривотолки и нежелательные ассоциации, о которых здесь говорилось. Если бы я знал заранее, что мои этимологические поиски будут истолковываться произвольно, извращенно, то я не включил бы их в книгу. Но следует разобраться в этом.

Я разбираю основы имен и фамилий, включая и заимствованные. По какому принципу исследуется этот материал, я освещаю в своей статье «Имена и фамилии (ономастика)», опубликованной недавно в газете «Апсны капш».

Все имена и фамилии, разбираемые в моей книге, – абхазские,

включая и те из них, которые имеют иноязычное происхождение. Мой лингвистический материал не говорит вовсе, что, якобы ряд абхазских фамилий я считаю не национальными, а тем более носителей этих фамилий – не абхазцами. Конечно, нет.

Часть раздела «Ономастика», где дается этимология отдельных абхазских фамилий, некоторые товарищи произвольно и извращенно истолковывали и поэтому, к сожалению, получилось большое недоразумение. Надо правильно разъяснить суть дела: тогда никого не обидит то положение, что многие абхазские фамилии имеют основы, общие с названиями растений, животных и т.д. Тогда не обидно будет и тем, чьи фамилии происходят от основ того или народа, того или иного племени. Все фамилии, которые носят абхазцы – это абхазские фамилии. Здесь не может быть двусмысленности. Смешно звучит обвинение в мой адрес, что будто бы я отрицаю самобытность абхазского народа, что, якобы, я в чем-либо изменяю ему и т.д.

В своих выступлениях А. Зухба и К. Чачхалиа сделали необоснованные выпады в отношении моей литературной деятельности, и, стало быть, никакого касательства к обсуждаемой книге. Эти товарищи вкривь и вкось цитируют отдельные мои статьи (о Д. Гулиа, Л. Лабахуа и т.д.), относящиеся к 30-м и 40-м годам. Но эти обвинения не учитывают существа дела, идеологической обстановки тех лет. Например, в 30-х годах книги Д. Гулиа, С. Ашхацава, К. Кудрявцева по истории Абхазии были подвергнуты жесткой критике на XIII областной Партконференции. Секретарь Абхазобкома КП(б) Грузии т. Ладария в своем выступлении на IX съезде Компартии Грузии подчеркнул, что «писания Гулиа…и Ашхацава у нас подверглись резкой критике, как немарксистские, небольшевистские».

В 1937 году в Союзе писателей Абхазии совершенно незаслуженно подвергся разгромной критике талантливый поэт Л. Лабахуа за стихотворение «К поэтам Грузии» и поэму «Хороший колхоз», опубликованные в литературном журнале «Апсны капш». По поводу этих произведений наш уважаемый писатель Г. Гулиа (в соавторстве с Н. Микава) опубликовал в газете «Советская Абхазия» (24 июля, 1937) статью под заглавием «За большевистское воспитание писательских кадров». В статье предъявлены серьезные политические обвинения поэту Л. Лабахуа.

Вот что писал Г. Гулиа (вместе с соавтором): «Лабахуа (да и некоторые другие) почувствовали «волю», отсутствие критического контроля и, естественно, пошли по дороге зазнайства, нетерпимости критики, самоуспокоения. А отсюда, как рукой

подать, до грубейших ошибок, до вражеских позиций. Чем же иначе, как не этим объяснить появление вредного стихотворения Лабахуа «К поэтам Грузии». Вместо признания своих ошибок, Лабахуа начал изображать из себя «гонимого страдальца», за последнее время он оторвался от товарищеской среды, не принимает советов, зазнался, совершенно не работает над собой, мало читает, не развивается политически и культурно».

В указанной статье Г. Гулиа и его соавтора достается выдающемуся абхазскому писателю, тогдашнему председателю Союза писателей Абхазии С. Чанба: «На собрании (Союза писателей) была подвергнута критике работа ряда других товарищей и, в частности тов. С. Чанба, редактора журнала «Апсны капш». Объясняя причину проникновения чуждого стихотворения на страницах журнала, он заявил, что в спешке проглядел антисоветский смысл стихотворения. Мало того, т. Чанба добавил, что он даже не читал стихотворения «К поэтам Грузии». Это стихотворение он разрешил к печати, положившись на авторитет Лабахуа. Роль советского редактора весьма ответственна. И такое беспечное отношение к печатному слову со стороны коммуниста, редактора литературно-художественного журнала т. Чанба политически вредно и должно быть решительно осуждено».

И в своих статьях 30-х годов, когда я, окончив Московский государственный пединститут имени Ленина, приехал в Сухуми, и стал работать осенью 1937 года в Союзе писателей Абхазии, я не мог не считаться с реальной идейно-политической обстановкой. Разумеется, сегодня я не все разделяю, что писал в то время, там кое-где могут быть и ошибочные положения. Это и понятно, с тех пор я вырос как литератор и научный работник. Надо все это учитывать, не рискуя впасть в грубую ошибку. И статью Г. Гулиа я цитирую не ради его обвинения в чем-либо. Нет, конечно. Это всего-навсего штрих, иллюстрирующий обстановку тех лет.

Кроме того, А. Зухба, игнорируя реальную обстановку конца 40-х и начала 50-х годов, нашел возможным обвинить меня за рецензию на брошюру М. Делба «К вопросу изучения истории языка абхазов» (1950). В этой брошюре, как известно, речь идет об этнической самобытности и языковой самостоятельности абхазов, которые тогда, по известным причинам извращались и отрицались. Ведь в то время за подписью Д. Гулиа появилась, не принадлежащая его перу брошюра «О моей книге «История Абхазии». Мы же знаем эту фальшивку и ее настоящего автора, сидящего здесь среди нас. Но какое все это имеет отношение

к моей книге «Бзыбский диалект абхазского языка»? Если порыться в книгах, журналах и газетах, выходивших в 30-х и 40-х годах, можно найти такие высказывания, под которыми сейчас никто не подписался бы. Не надо копаться в мусорной яме, а нужно заниматься более полезным трудом.

Я здесь не касаюсь выступлений неспециалистов (например, Х. Аргун, Н. Герия, А. Зухба, К. Чачхалиа), которые содержали не относящиеся к книге голословные и подчас демагогические разговоры. Выступления лиц, которые являются представителями отдельных фамилий, разбирающих мою книгу, носили субъективный характер.

Отдельные мои положения, в частности, те или иные этимологии абхазских фамилий, могут вызвать спор, но это должен быть спор принципиальный, теоретический, плодотворный спор, направленный на одно большое дело – дело развития и движения вперед советской науки. Целью же некоторых выступлений было вычеркнуть мою книгу и опорочить меня. Повторяю, несмотря на отдельные недостатки, моя монография стоит на должном научном уровне. Это – мнение специалистов.

В случае переиздания моей монографии, можно будет внести в нее кое-какие исправления и дополнения. Я использую деловые критические замечания, сделанные во время данного обсуждения книги, например, З. Анчабадзе, Ш. Аристава, Л. Чкадуа. Некоторые вопросы абхазской диалектологии я предполагаю глубже разработать в своих новых исследованиях, подготовляемых к публикации».[1]

Хочу обратить твое внимание, мой добрый читатель: во-первых, в своем выступлении Хухут Бгажба защищает свою монографию, он вправе делать это, и никто не может отнять у него этого права. Во-вторых, ученые, о которых он здесь говорит, сами же присутствовали на обсуждении книги и слышали все, что он говорил, а значит, он не говорил кому-то тайно. В-третьих, я привожу в своей книге все выступление автора, ничего не меняя, как это было, ибо это – уже страницы истории, как ее не поверни, а вычеркнуть нельзя. Главное – объективное, справедливое отношение ко всему тому, что было. Важно правильно отразить и показать, как это было.

Здесь мне хотелось бы добавить к сказанному еще один документ, и он также скажет немало из «истории» «Бзыбского диалекта абхазского языка»:

«Выписка из протокола №1.

---

[1] *Из личного архива Хухута Бгажба.–Р. К.*

Объединенного заседания отдела языка и литературы Абхазского института и кафедры абхазского языка и литературы Сухумского пединститута от 21 и 22 апреля 1965 года.

З. В. Анчабадзе (доктор исторических наук, Тбилиси) в начале своего выступления отметил, что его, как неспециалиста в области абхазского языка, но имеющего отношение ко всем областям науки об Абхазии и абхазах, больше всего интересовало, какую оценку получат основные части монографии Х. С. Бгажба (фонетика и морфология) от специалистов-языковедов. Но оценки эти в выступлениях были в корне противоположными. Тов. Кварчелия А. А. заявил, что в работе вообще ничего нового нет. Тов. Циколия М. М. высказал совершенно противоположную точку зрения. Е. П.Шакрыл высказала такую мысль, если это соответствует действительности, то книгу нужно только приветствовать, так как фонетика в таком аспекте ни в одной монографии об абхазо-адыгских диалектах до сих пор не изучалась.

Далее оратор заявил, что знаком с мнениями крупных специалистов-языковедов, проф. А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе, которые положительно оценивают основные части монографии Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка».

Замечания оратора касались раздела ономастики, так как этот раздел, по его словам, больше всего обратил на себя внимание читателей.

Далее оратор говорил о расшифровке автором некоторых абхазских фамилий («Ачба», «Агрба» и др.). Вполне возможно, что фамилия «Агрба» расшифровывается как «Мегрелов» («Мегрелишвили»). И ничего оскорбительного в этом нет. У грузин, например, сколько угодно подобных фамилий: «Черкезишвили», «Абхазава», «Мачабели» (абхазского происхождения). Речь шла относительно связи термина «амлаху» с грузинской фамилией «Амилахвари», которая появилась в XVI веке. Нужно проверить, имеет ли сорт винограда «амлаху» какое-нибудь отношение к роду «Амилахвари» (нынешний Горийский район).

Оратор обратил внимание на то, что фамилии, связанные с тотемизмом, являются самыми древними. Поэтому такие фамилии, как Цугба (Котов), Ашуба (Буков), Амичба (Кленов), Аджба (Дубов) следует признать одними из самых древних в Абхазии.

З. В. Анчабадзе далее отмечает, что ни одна этническая группа не стоит так близко к абхазам, как мегрелы. Это подтверждается, прежде всего, антропологическими материала-

ми. Такая близость говорит о теснейших мегрело-абхазских этнических взаимоотношениях. Но разве это означает, что абхазы – мегрелы. Основное ядро абхазского народа всегда было абхазским. Оно ассимилировало пришлые иноязычные элементы. Бывали и такие факты, когда во время крещения абхазские фамилии переделывались на грузинский и мегрельский лад. Но этого не учел Х. С. Бгажба. В разделе имен дело обстоит легче.

Мы советовали бы, – продолжает оратор, – представить в качестве диссертации не изданную книгу, а рукопись, может быть, несколько сокращенную, без главы об ономастике, так как эта часть, особенно раздел о фамилиях, требует существенной доработки.

Ни в какой мере не могу согласиться с тов. Кварчелия А. А. в том, что в работе имеются какие-то политические ошибки, заявил тов.З. В. Анчабадзе ».

После того, как совершенно незаслуженно из обсуждения монографии Х. С. Бгажба устроили скандал, а также и до этого, многие большие ученые дали высокую оценку этой работе. О нескольких из них я уже упоминал, но, думаю, следует привести еще и другие примеры, ибо их много.

Вот одна из цитат из отзыва заведующего сектором кавказских языков Института языкознания Академии наук СССР, доктора филологических наук Е. А. Бокарева и научных сотрудников этой секции кандидатов филологических наук А. К. Шагирова и М. А. Кумахова в 1964 году о книге Х. С. Бгажба:

«Работа Х. С. Бгажба представляет собой первую попытку монографического исследования бзыбского диалекта абхазского языка. В работе дается обстоятельная характеристика фонетической системы, грамматического строя и лексического состава абхазского диалекта. Автор рассматривает также вопрос об отношении бзыбского диалекта к абхазскому литературному языку. Х. С. Бгажба собрал ценный диалектологический материал, который поможет глубже разработать вопросы абхазского языка в сравнительно-историческом плане. К работе приложены бзыбские тексты и список географических названий.

Раздел ономастики, который подвергся особенно серьезной критике в печати, конечно, содержит ряд поспешных выводов, необоснованных этимологий, в отдельных случаях неверные ссылки на источник заимствований (турецкий язык вместо арабского и т.п.). Однако такого рода недостатки можно встре-

тить во многих этимологических работах. Поэтому резкие обвинения автора в полной научной несостоятельности работы в целом недостаточно обоснованы».[1]

Из докладной записки Ш. Д. Инал-ипа Абхазскому обкому КП Грузии 5.V.1965 г.:

«21–22 апреля 1965 года в Абхазском институте состоялось обсуждение книги Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка». В результате двух дней напряженной работы было заслушано немало выступлений.

Вместе с тем, присутствие значительного количества студентов и посторонних, не имеющих отношения к науке, их не всегда уместные реплики и аплодисменты, а также духота, царившая в переполненном людьми небольшом помещении, не содействуют созданию (вполне) спокойной обстановки для научной дискуссии».

Действительно, во время обсуждения книги Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка» собрались (не будет ошибкой также сказать – собрали) многие, как и те, кому положено, так и те, кому это было не нужно. Среди них были и те, кто, не разобравшись в сути дела, обливал грязью ученого, и те, кто, ради карьеры и места выслуживался перед кем-то. Так или иначе, но не получилось тогда настоящего, серьезного обсуждения монографии, как это принято в мире науки. Некоторые выступления, как ученых, так и неученых, были пронизаны завистью и злостью. Разве не об этом говорят нам приведенные выше материалы. Но здесь было и другое. Об этом нужно сказать ради объективности. Первым секретарем Абхазского обкома тогда работал М. Т. Бгажба. По своему характеру, идейной направленности и человеческим качествам они с Х.С. Бгажба имели мало общего, но по родству были очень близкими людьми, братьями. Были те, кто не любил первого секретаря (насколько я знаю, этот человек не совершил ничего плохого для Абхазии и абхазов, чтобы его ненавидеть. Напротив, сумел сделать многое, несмотря на грузинский националистический режим, при котором ему приходилось действовать, несправедливо забывать об этом и не брать во внимание). И те, кто стремился занять его место (не думая, получат они его или нет), надеялись снять таким образом М. Т. Бгажба с должности первого секретаря. Поэтому, брошенные в огород Хухута Бгажба камни в большинстве своем были предназначены первому секретарю. Он и сам прекрасно понимал это.

---

[1] *Из личного архива Хухута Бгажба. – Р. К.*

Перейдем к самой книге «Бзыбский диалект абхазского языка», вызвавшей столько пересудов.

Как известно, сегодня абхазский язык делится на два диалекта: абжуйский и бзыбский. По мнению языковедов, ранее абхазский язык имел большее количество диалектов и говоров.

До махаджирства, садзы имели свой диалект, также считается, что жители района Гумисты тоже имели свой собственный говор.

Вполне возможно, что жители Дала и Цабала имели свой особенный говор.

Основой абхазского литературного языка является абжуйский диалект, но как отмечает Х. С. Бгажба, в самом начале появления абхазской письменности, ее основой являлся бзыбский диалект.

Первоначально ученые и путешественники, начиная с Э. Челеби, все записывали абхазские слова и абхазские тексты на бзыбском диалекте. И в основу алфавита, составленного П. К. Усларом, а также записанных им позже текстов, лег бзыбский диалект. Из особых бзыбских звуков он отмечает ҷə, сə, ҵ, ц, с́, х́, остальные же – з́, ʒ́, х́ə – не были им замечены. Впервые полностью абхазские звуки были представлены и исследованы Н. Я. Марром в работе «Запись абхазских текстов», а также в «Абхазско-русском словаре».

После этого, в разное время исследованием бзыбского диалекта занимались А. Н. Генко, К. В. Ломтатидзе, К. С. Шакрыл и др.

Впервые бзыбский диалект всесторонне (фонетику, морфологию, лексику) исследовал Х. С. Бгажба в монографии «Бзыбский диалект абхазского языка».

С фонетической стороны он также первым провел экспериментальное исследование диалектных звуков, рентгенографическим способом исследовав свистяще-шипящие фарингальные спиранты х́, х́ə, свистяще-шипящие с́ з’; з́, ҵ, ҷ, с изображением рисунков организации речевого органа при их произношении.[1]

Х. С. Бгажба бзыбский диалект по фонологической системе делит на калдахуарский и аацынский говоры. Аацынский говор различает только четыре специфических бзыбских звука х́, х́ə, ʒə, с́ə.

Бзыбские звуки мы встречаем в полном объеме в калдахуарском говоре. В аацынском говоре вовсе не употребляют свистяще-шипящие звуков, там, как и в абжуйском диалекте вместо них произносят свистящие, чистые звуки, ср:

---

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка, с. 71–94.*

Калдахуарский	Аацынский
аз’бра	азбра
аз’с	азс
ац’а	аца
ац’гәы	ацгәы
ац’ыс	аҵыс
ац’абырг	аҵабырг
аз’ра	азра

Как отмечает Х. С. Бгажба калдахуарский говор сохраняет все специфические бзыбские фонемы. Но наблюдаются некоторые колебания в их употреблении: в некоторых местностях они сохраняют свою фонематичность, в других – теряют, особенно, в речи молодого поколения. Он также выделяет зоны смешанного переходного говора от калдахуарского к аацынскому (села Ачандара и Абгархук (Ачандара, Абгархыкә)), которые считает возможным выделить в отдельный подговор.

Так в калдахуарском говоре четко различают шипящие и свистящие переднеязычные спиранты з̌с и зс: аиз̌ара, но азырза; аҳәыз̌ба, но азна; аз̌ɷа, но азин; ас̌ы, но асас, аҵс̌ы (покойник), но аҵсы (душа).

Как мы видим, немало трудностей связано с тем как и где произносятся эти звуки, но Х. С. Бгажба сумел их установить четко, без всякой путаницы, записать полный список слов и где их конкретно произносят.

Большую сложность представляло исследование поведения лабиализованных свистяще-шипящих спирантов зә, сә (не – жә, шә), потому что старшее поколение в своей речи произносят их смешанно, на половину. Свистяще-шипящий вариант (сә,зә) употребляют в словах: азәа (не ажәа), азә (не ажә), азәɷан (не ажәɷан), азәиа (не ажәɷа), азәпа (не ажәпа). Эти звуки больше сохранились в селах, прилегающих к Калдахуаре, а в селах, находящихся ближе к Лыхны, а также к Аацы они уже исчезли, иногда говорят, но смешанно: зә, сә; жә, шә. Как отмечает Х. С. Бгажба, из всех особых бзыбских звуков наиболее сохранились фарингальные согласные х̌, х̌ә, хотя существуют чистые заднеязычные их варианты х и хә. Эти звуки имеют применение и в абжуйском диалекте, но в литературном языке они не были приняты, там х̌, х̌ә заменены х и хә, которому они полностью соответствуют. Сравните, в бзыбском диалекте: ах̌ы (голова), но ахы (пуля); ах̌ (пена), но хца (три); ах̌ыза (одеяло), но ахаз (сыворотка); ах̌ыбра (здание), но ахырцәы (кислое молоко); ахашәала (раб, пленник), но ахзы (белок); ашьх̌а (гора), но ашьха (пчела); ах̌әда (шея), но ахәаша (пятница); ах̌әмга

(отравленная вода), но ахәача (белок); ах́әыц (крапива), но ахәыҷы (ребенок); ах́әы (волосы), но ахәы (раненый).

В абхазском литературном языке во всех этих местах мы встречаем чистые заднеязычные спиранты: х и хә.

Для истории абхазского языка и определения будущего направления его развития большое значение имеют исследуемые Х. С. Бгажба в этой монографии фонетические процессы, особенно выраженные в бзыбском диалекте, например: переход хь → х, ҵә → ҵ, ƙь → ƙ; ҳа → аа, тә → ҳа, ҩ → и (дахьцо – дахцо (идущий (-ая) куда-то), иахьиҳәо-иахиҳәо (где-то что-нибудь сказать), афырҳәа-афырҳа (делать что-нибудь ловко, быстро), дцеит ҳәа сыƙоуп – дцеит ҳа сыƙоуп (по-моему, он ушел), усҵәƙьа – усҵәƙа (ты не так понял), дыƙоуп-дааyп (находиться в данном месте), атәыҩа-атыиа (рога), амҵәышә-амҵышә (корзина для сбора винограда), ажәҩан-ажәиан (небо).

Из всех этих перечисленных процессов, наибольшее распространение имеют, употребляемые всеми бзыбскими абхазами, включая и изучающих литературный язык молодых ученых переходы хь → х, ҳәа → ҳа, ƙь → ƙ.

Таким образом, носителя бзыбского диалекта можно отличить не его произношением свистяще-шипящих звуков – з́, ҵ́, ц́, з́, с́ – их не все произносят, а по перечисленным выше фонетическим изменениям.

Все эти процессы в целом являются для абхазского языка новообразованиями, показывают нам облегченность звуков. С точки зрения общего языкознания, это – прогрессивное явление, однако они еще не вошли в литературный язык, ибо противоречат и не соответствуют его нормам и правилам. Но вполне возможно, что в будущем, если усилятся эти процессы, и будут приняты в фонетическую систему языка, то и они смогут стать нормой для всего абхазского языка. Но в случае, если литературные нормы победят, благодаря их распространению в науке и образовании, эти процессы могут и вовсе угаснуть.

В обсуждаемой нами работе автор останавливается и на диалектной лексике, он исследует ее, разделяя слова на группы.

Как известно, лексика – наиболее открытое, легко поддающееся изменениям живое свидетельство, отражающее все, что происходит в жизни народа – носителя этого языка. Лексика языка дает нам возможность глубоко проникнуть в духовный мир народа, понять их мировоззрение, мысли, отношение к природе, традиции, характер, нравы, самосознание и ум. Лексика собранная автором монографии отражает картину жизни бзыбских абхазов (исторических абазгов).

Профессиональная эрудиция, глубокое знание языка и особая интуиция позволили Х. С. Бгажба подойти и к этой части должным образом, позволили глубоко исследовать лексику языка.

В первую очередь, сравнивая бзыбский диалект с абжуйским диалектом, автор отмечает имеющиеся одинаковые слова, затем и расхождения. Он подразделяет их на:

1. Одинаковые для всех диалектов, совпадающие во всем слова;
2. Одинаковые по форме, но не совпадающие по содержанию;
3. Одинаковые по содержанию, но не совпадающие по форме;
4. Самостоятельно созданные бзыбским диалектом;
5. Лексические расхождения, вызванные заимствованиями из других языков.

Рассмотрим из них некоторые, неодинаковые по форме: анацхаз – анапҭарца (перчатка); агәацәкра – агәацәыхь (воспаление легких); акәытцыр – акәытцара (курятник); дызҳаит – изҳаит (он (-а) вырос(-ла)); разные слова: ацьқәреи –ацш (кукуруза); ахьчцацыр – ацарцалыкь (бабочка); асапат – абарқәам (замок); различающиеся по одному только звуку: ашьацма – асачма (дробинка); ацрышә-атрышә (свисток); асамҷьар – аҭамҷьар (музыкальный инструмент); ахәмаша – ахәаша (пятница).

Как отмечает автор, много древних слов, которые сохранены именно бзыбским диалектом. Они не существуют в абжуйском диалекте или заменены другими словами. Встречаются в различных группах слов, в наименованиях инструментов (ажәрытә, ацкьапар, ацхыга, аандсаг, ацарх, ахәа, аихацәы); а также в названиях домашней утвари (ацәарҭа, алакар, ахпыҫ, аҫыкә, асапат, ашьамсиа, аҳаргь, ацәы), сортов винограда (аскык, аҷбыжь, ацсижь, амлахәы, аҭырқәажьы, аҭәыжь, ауасархәыжь, хәыналыжь, ажьымҫыҵъ, ажьырkаца), в названиях животных (аҳәацыс, ауасҫыс, азәҷьаҷә, ажәцыс, ацьакьал); птиц (ашамыхьажь, ацысҷра, ажәардәына, аҫыбгы, ахьнырҳах, аамцьахьа), рыб (атрыс, аҫыхәшәыгә, акамшьиа, агәыцаkацшь, ашәыбҷьы, акәырҵ, алымҳарҵ, арҷыз, акан, аршәыг); растений (ахламцәы, аҳәыркама, асры-ашьры, ашәирызаз, акәмырҷьаҷъ, аскьыр, абрацә, ацәхәда, ашьамашәыга); социальных терминах (Кьараз, агәмрыкь, агындцса, ацаҷа, асынаҳа, аҳәарыша, аҫыртлацса).

В работе рассмотрены также словарные расхождения в диалектах, вызванные заимствованиями иноязычных слов из разных языков.

Многие из перечисленных выше слов уже вышли из употребления в связи с тем, что понятия, связанные с ними остались в прошлом.

Но их нужно сохранить в письменном виде, учитывая тот факт, что они связаны с нашей историей, с историей нашего языка.

Разве мало говорят нам такие древние слова, показывающие страницы нашей истории, как, например, агәымрықь – использование в аренду земель князей и дворян; ацынаҳа –служанка царя; аҳәарыша – пастбище; ахәцса, ачыламс – кнут, которым бил себе по голове воспитатель, когда умирал приемный сын; азархәма – освящение дома, аматраз – окоп. Сегодня мало кто знает эти слова кроме специалистов.

Х. С. Бгажба установил значение этих слов, обойдя многие села, в которых говорят на бзыбском диалекте, беседуя со старцами. Кроме тех, кто специально занимается исследованиями, мало, кто сегодня знает эти слова.

В конце хотелось бы отметить, как Х. С. Бгажба подходит к одному из главных вопросов языка – ударению. Как известно, ударение в абхазском языке имеет большое значение. Нефиксированное оно имеет словообразовательную функцию (примеры). Оно свободно – при изменении формы слова оно может переходить из одного места в другое (и́асҳәеит-исҳәе́ит).

Х.С. Бгажба отмечает, что ударения в основном одинаковы в диалектах, но имеются и расхождения. Есть случаи, когда эти расхождения обусловлены фонетическими и морфологическими причинами, например, когда в бзыбском диалекте это связано с выпадением гласной буквы ы (аҵыхәтәа́ны – аҵыхәтә́ан, ашх́ы – а́шх, руазә́ы – ру́азә, руа́кы-руа́к; с гласными а, ы (ау́апа-ау́па, аҵыраҳәа-аҵраҳә́а, а́зыржәра-азр́ыжәра, а́цәыцә-ацә́ыцә, а́ракә-ара́кәа, аҵцара́-аҵа́цхьа, а́кылаҵә-акылҵә́ы, ае́ыхәчар-аеыхәчар́а).

Как отмечает автор, между абжуйским и бзыбским диалектами встречаются расхождения, которые необъяснимы ни фонетическими, ни морфологическими особенностями, а как бы случайны (бзыбский – аҵ́ара, абжуйский – аҵар́а, бзыбский – аḱазшь́а, абжуйский – а́ḱазшьа, бзыбский – абѓыз – абжуйский – а́бгыз, бзыбский -иа́ҭахыу, абжуйский – иаҭах́ыу, бзыбский – ашәаҵ́ыцьаҵ – абжуйский – а́шәаҵыцьаҵ).

Х. С. Бгажба как языковед, безусловно, не мог пройти мимо наилучших памятников языка – топонимики, гидронимики, этнонимики, антропонимики, ономастики, космогонии, названия святых мест и святилищ.

Он посвятил этим вопросам немало работ, например, «Некоторые вопросы абхазской топонимики». В рассматриваемой работе автор подробно исследует названия местностей и рек, в которых есть звуки ц́с/цс, ц°, ҭа, цшьа, ыхәа, ра.

Из перечисленных выше есть и такие названия, этимологию которых он смог установить окончательно. Например, в названиях рек с суффиксом ҭа: Ҧсыҭа, Риҭа, Рацыҭа, Агҭа, Аҩыҭа он связывает этот суффикс со словом аҭа, а суффикс ра в названиях рек – Ҩыцшьара, Ӡыбҕара, Азҕара, Гәандра, Маҷара, Кәыдры (ра) – с обозначением обобщающего множественного числа – ра; суффикс рхәа – в Мгәыӡырхәа, Ҵьырхәа, Блабырхәа, Кәланырхәа, Ешырхәа, Ахсырхәа, Мгәашырхәа, Ажәыдырхәа – со словом ахәы(горка). Суффикс цшь – со словом аҭшьра – (то, что им положено) – Гәылрыцшь, Ҩыцшьара, Ҭандрыцшь, Жәандәрыцшь. Происхождение последнего суффикса подтверждается и народным сказанием: «Рыцшь иҭанҭәааит! – «пусть сгинут они в той местности, которая им принадлежит, в которой они находятся, т.е. им положена».[1]

Исследования Хухута Бгажба обогатили абхазскую науку. У нас нет возможности говорить здесь обо всех его работах. Но несомненно, что основой и стержнем всех его научных исследований является монография «Бзыбский диалект абхазского языка».

Безусловно, все, кто занимается изучением и исследованием абхазского языка, не могут и не смогут обойтись без работ Х. С. Бгажба, которые для многих ученых являются настольными книгами.

* * *

Хухут Бгажба работал над книгой «Бзыбский диалект абхазского языка» более 20 лет, собирал и записывал в книгу материалы, последовательно исследуя их. В конце книги дается поименный список сказителей и информаторов (их больше ста), сообщается о том, из какого они села, в каком возрасте и

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка, с. 257.*

в каком году. Свой первый первый материал для монографии – рассказ жителя села Ачандара 85-летнего Сита Титуевича Хагба (Сиҭ Титу-ица Ҳагба) он записал в 1941 году.

На сегодняшний день абхазский язык на территории Абхазии имеет два диалекта – абжуйский и бзыбский. К их исследованию, безусловно, Хухут Бгажба относился как к одной главной проблеме абхазского языковедения. По его словам, исследование и раскрытие особенностей этих двух диалектов в целом имеет огромное значение для конкретного определения фонетической системы и грамматического строя абхазского языка.

Хухута Бгажба отмечал, что только в советское время приступили к исследованию абхазо-абазинских диалектов, но исследования значительно продвинулись вперед за это время: К. В. Ломтатидзе. «Тапантский диалект абхазского языка с текстами». Тбилиси, 1944 год, «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов с текстами», Тбилиси, 1954 год. А. Н. Генко. «Абазинский язык (Грамматический очерк наречия тапанта)», М., 1955 год, «Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков», «Труды Абхазского института», XXVIII, Сухуми, 1957; Сердюченко «Язык абазин», М., 1955, и др.).

Автор отмечает, что, в диалектологическом разрезе сравнительно меньше изучена южная (абхазская) группа диалектов: абжуйский и бзыбский. Бзыбский диалект оставался единственным к 1964 году, который не был монографически изученным, его изучение по своей научной значимости стоит наравне с исследованием других абахазо-абазинских диалектов; оно актуально и с точки зрения решения вопросов культурно – языкового строительства в Абхазии.

«В специальной литературе по абхазскому языку выявлены и описаны специфические бзыбские согласные. Однако до сих пор дня не выяснен ареал распространения этих согласных, не выделены говоры бзыбского диалекта, не изучена диалектная лексика, не опубликованы тексты»,[1] – пишет Хухут Бгажба.

В основе абхазского литературного языка лежит абжуйский диалект, фонетическая система которого является сравнительно простой. Хухут Бгажба считал, что абжуйский диалект – основная подпорка абхазского языка. А второй диалект, бзыбский – бесценный источник для обогащения абхазского литературного языка.

«Наиболее существенными являются различия между диа-

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка, с. 3.*

лектами и говорами абхазского языка в области фонетики, а также некоторые различия в звуковом выражении одних и тех же грамматических категорий. Различия (иногда существенные) в пределах словарного состава большей части касаются тех элементов его, которые специфичны для носителей данного диалекта, т.е. обусловлены бытовым и хозяйственным укладом местного населения».[1] Различия между диалектами абхазского языка установились исторически. Возникновение абхазских диалектов и их развитие нужно рассматривать в непосредственной связи с историей абхазских племен, в связи с их территориальным распределением и позднейшими перемещениями. Эта проблема сложная для исследования, но не нужно ее откладывать.

Следует отметить, что этот сложный вопрос, о котором говорит Хухут Бгажба, сам же он прекрасно исследовал в работе «Об абхазских племенах и диалектах», которой мы касались выше.

Наш ученый изучал диалектную лексику по полеводству, садоводству, огородничеству, строительной технике, быту, флоре, фауне и т.д. Он также немало поработал над вопросами топонимики в рассматриваемом лингвистическом районе, выявил ценный материал по исторической географии и этнокультурным вопросам.

Хухут Бгажба подчеркивал, что он многие годы последовательно занимался собиранием и записями текстов для своего исследования, огромное количество времени ушло на экспедиции: «Текстовые материалы собраны... в 18 селах Гудаутского района; велись наблюдения над живой речью и в населенных пунктах Очамчырского района (Арасадзыхь, Атара, Джьгярда, Члоу и др.), а также в окрестностях г. Батуми (Ангиса, Фериа)».[2]

Исследователь, во время записи диалектного говора, придавал особое значение и возрасту информатора, так как учащиеся школ, а также колхозники среднего поколения, учителя постепенно теряют особенности местного говора, сохраняют их в небольшой мере. Люди старшего поколения больше сохраняют особенности говора. Поэтому Хухут Бгажба стремился и считал своей основной задачей найти диалектные факты, принадлежащие наиболее древнему слою и записать их. По его словам, он изучал бзыбский диалект монографическим методом. Для собирания материала применялись прямое

[1] *Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка, с. 4.*

[2] *Там же, с. 5.*

наблюдение и индивидуальный метод записи, которые проводились и на магнитофон.

Как отмечает Хухут Бгажба, достаточно ясно видны границы бзыбского диалекта абхазского языка, легко увидеть его речевые особенности, которые общи для всего ареала распространения диалекта. Бзыбский диалект имеет четко очерченную границу, которую легко установить и без картографирования, которое следует на данном этапе исследования считать вспомогательным по отношению к монографическому методу.

Метод монографического исследования диалектов требует всестороннего изучения системы каждого диалекта, всех его аспектов (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики).

Бзыбские согласные фонемы нами изучались путем экспериментального исследования. Применение инструментального метода в деле исследования живой бзыбской речи дало положительные результаты при выявлении фонематической специфики диалекта».

Как мы можем убедиться, монография Х. Бгажба – капитальный труд, исследующий диалект абхазского языка на высоком современном для 60-х годов XX века научном уровне, раскрывающий его автора как глубочайшего знатока абхазского языка и его истории.

Автор «Бзыбского диалекта» с особым вниманием относится к фонетико-морфологическим особенностям диалекта, которые позволили исследователю выделить два говора – калдахуарский и аацынский.

Х. Бгажба определил, что в области морфологии абхазские диалекты обнаруживают мало расхождений, выделенные различия носят частный характер, не затрагивают языковую систему, языковую структуру диалектов, к тому же они есть в небольшом количестве.

В разделе «Лексические особенности» приводится обильный лексический (словарный) материал, уходящий корнями в глубокую древность, отражающий и религиозные воззрения и обычаи народа, традиционные виды хозяйственной деятельности абхазов. Хотя многие слова вышли из употребления в новые советские времена, в памяти народа они были живы. И именно в них были отражены расхождения между диалектами абхазского языка. Особо выделены слова, принадлежащие собственно к бзыбскому диалекту и заимствованные, вошедшие него из других языков. Кроме того, изучаются ономастические и топонимические лексемы.

Приводимый в монографии лексический материал: название орудий и предметов труда, построек и их частей, предметов домашнего обихода и хозяйственных частей, одежды, обуви и их частей, различных видов пищи и продуктов питания, зерновых культур, овощей фруктов и других слов из области сельского хозяйства, сортов винограда, дикорастущей флоры; слова, относящиеся к животному миру, рыболовству; термины социально – семейного быта т.д., – тщательно анализируется и позволяет нам глубоко проникнуть в древнейшую историю и культуру нашего народа, его древний быт, экономическую жизнь абхазов, а также убеждает в том, что наш народ во все времена имел взаимосвязи с другими народами мира.

В исследовании уделяется заметное внимание и проблеме взаимоотношений диалектов и абхазского литературного языка. Хухут Бгажба, используя богатый лингвистический материал, рассматривает историю зарождения и развития абхазского письменного языка с 1865 года до 1960-го года, подчеркнуто отмечает влияние бзыбского диалекта, его роль.

Ученый, безусловно, собрал огромный материал, большое количество фактов. Впервые в «Бзыбский диалект абхазского языка» автор включил редкие, очень ценные бзыбские тексты. Среди них есть тексты, собранные записанные Бзыбским комитетом (1913–1916), Н. Я. Марром (1916) и А. Н. Генко (1928), а также, записанные Хухутом Бгажба (1944–1960). Эти записи четко показывают нам разнообразную, богатую, живую диалектную речь. Все вышеуказанные тексты публикуются с переводом на русский язык.

В работе присутствуют и синоптическая таблица всех абхазских алфавитов, указатели имен, имена и фамилии сказителей и информаторов.

Монография Хухуте Бгажба до сих пор представляет большой интерес для всех языковедов, особенно ценна для тех, кто занимается исследованием абхазо-абазинских языков. Об этом свидетельствуют отзывы всемирно известных языковедов и лингвистов, о которых я говорил выше, включая и тех, кого я не упомянул. В 1960 году на проходившем в Москве XXV Международном конгрессе востоковедов Хухут Бгажба сделал доклад: «Бзыбский диалект абхазского языка и его говоры». В нем он кратко, но так, чтобы заострить внимание участников конгресса – востоковедов, языковедов, смог отразить особенности бзыбского диалекта, его лексическое богатство. В том же году этот доклад был опубликован отдельной брошюрой в Москве в издательстве «Восточной литературы».

После выхода капитального труда нашего великого ученого Хухута Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка» книга и автор подверглись незаслуженно многим испытаниям, которые стоили автору много нервов и переживаний, но время все лечит, и правда, которую невозможно скрыть, выходит наружу. Эту истину подтверждает и монография «Бзыбский диалект абхазского языка», из-за которой Хухута Бгажба развенчивали и обливали грязью. К уже приведенным мной отзывам хочу добавить и мнение доктора филологических наук, известного ученого В. А. Чирикба:

«Монография выдающегося абхазского филолога, доктора филологических наук, профессора, академика Хухута Салумановича Бгажба, посвящена исследованию бзыбского диалекта абхазского языка, на котором говорит самая крупная (учитывая диаспору) этнографическая группа абхазов, бзыбские абхазы.

До 1864 года, то есть до массового выселения абхазов в Турцию, Абхазия делилась на три диалектные зоны – садзскую, бзыбскую и абжуйскую, хотя не исключено, что и речь племени ахчыпсоу также представляет собой отдельный диалект (см. Схему – В. Ч.).

Садзский диалект располагался на западе исторической Абхазии, от реки Бзыбь до реки Хуасты с вкраплениями и далее на Северо-запад, к долине р. Сочипста (район совр. Сочи).[1] Выше садзов проживали горные абхазские племена ахчыпсоу или ахчыпсы (в верховьях реки Мдзымта), аибга (в верховьях реки Псоу) и чужгуча (на реке Цвижепсы, притоке Мдзымты). К ахчыпсоу были близки и обитатели высокогорного села Псху. В верховьях р. Кудры (Кодор) в районе Дал-Цабал проживали носители цабальского говора, который, по-видимому, представляет собой архаичную форму абжуйского диалекта. Наконец, в верховьях р. Гумсты проживало воинственное племя гумцев, а в районе современного Сухума и в Гулрыпшском районе селились абжяквинцы. Все эти группы абхазов в середине XIX века были выселены царской администрацией в Османскую империю, что привело к исчезновению с территории Абхазии как садзского диалекта, так и наречия ахчыпсы, а также цабальского и гумского говоров, которые сохранились лишь в Турции. Ныне в Абхазии представлены два диалекта – бзыбский и абжуйский.

Бзыбская (по названию реки Бзыбь) диалектная зона простирается от г. Гагра до г. Сухум. Бзыбский диалект членится на

[1] *В настоящее время мною готовится к печати грамматика садзского диалекта абхазского языка.-В. Ч.*

три говора – лыхнынский (по названию с. Лыхны), Калдахуарский (по названию с. Калдахуара) и аацынский (по названию с. Аацы), различия между которыми незначительны и носят в основном фонетический характер. Абжуйская диалектная зона простирается на восток от Сухума – вплоть до г. Гал. Помимо названных диалектных зон, имеются и переходные говоры жителей ее. Ешыра (Эшера) и Багмаран близ Сухума, которые обнаруживают черты, характерные как для бзыбского, так и для абжуйского диалектов. В целом оба эти говора в какой-то степени отражают особенности гумского (абжяквинского или сухумского) переходного говора, на котором пока еще говорят в Турции (в частности, в с. Гума на севере Турции близ г. Дюздже).

Абхазские диалекты очень близки между собой, фонетически и морфологически наиболее отличным из них является садзский диалект, который, хотя по многим параметрам объединяемый с южноабхазскими (апсуа) диалектами, а ахчыпсы – переходным между садзским и бзыбским диалектами.[1]

Бзыпский диалект, помимо оригинальной лексики, интересен и тем, что он является фонетически самым архаичным среди абхазо-абазинских диалектов, сохраняя ряд свистяще-шипящих аффрикат (ʒ́, ć) и спирантов (ź ś), утраченных остальными диалектами. Только данные бзыбского диалекта позволяют восстановить этот ряд архаичных праабхазских согласных. Из других западнокавказских языков полный ряд свистяще-шипящих согласных имелся лишь в убыхском языке. Помимо этого, бзыбский диалект сохраняет огубленные корреляты спирантов ź ś, т.е. z° s°, которые не сохранились в абжуйском диалекте, а также рефлексы утраченных в абжуйском глухих увулярных смычных *q, *q°, сохраненных в бзыбском в виде фарингализованных (или, в терминологии Х. С. Бгажба, велярно-фарингальных) спирантов x̲, x̲°.

В своей фундаментальной работе «Бзыбский диалект абхазского языка», которая стала незаменимым справочником для исследователей в области абхазо-адыгских языков, Х. С. Бгажба выделяет говоры бзыбского диалекта, описывает ареал распространения в нем свистяще-шипящих согласных, анализирует специфически бзыбскую лексику в сравнении с лек-

---

[1] *См. В. А. Чирикба. Расселение абхазов в Турции. Ш. Д. Инал-ипа. Садзы. Историко-этнографические очерки. Москва, 1995, с. 260–278; В. А. Чирикба. Абхазо-абазинская диалектология и реконструкция праабхазской фонемной системы. В: Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1992, с. 331–342.*

сикой абжуйского диалекта. Особенно интересны сделанные автором подробные артикуляционные описания специфических бзыбских фонем и их рентгенограммы, которые позволяют понять природу этих типологически редких согласных. Автор анализирует фонетические процессы в бзыбском диалекте, такие как ассимиляция (уподобление), диссимиляция (расподобление), метатеза, субституция, выпадение гласных и другие, а морфологические особенности бзыбских говоров. Богато представленная лексика бзыбского диалекта приводится в сопоставлении с абжуйской. При этом автор впервые выявляет многие заимствованные в абхазский из других языков лексемы и приводит их источник. Автором собрана также бзыбская ономастика, топонимика, гидронимика, личные имена, патронимы, фамилии бзыбских абхазов. Помимо этого, в книге опубликованы бзыбские фольклорные тексты, собранные П. К. Усларом, Бзыбским комитетом, Н. Я. Марром, А. Н. Генко, а также самим автором, в общей сложности 37 текстов, снабженных русским переводом, но, к сожалению, без указания ударения.

Монография «Бзыбский диалект абхазского языка» является образцовой в своем жанре, собранный и анализируемый автором богатый языковой материал широко используется в мировой кавказоведческой литературе, особенно в фонетической и сравнительно-исторической. Следует заметить, что аналогичные монографии К. В. Ломтатидзе по тапантскому и ашхарскому диалектам абазинского языка и М. Циколия по абжуйскому диалекту абхазского написаны на грузинском языке и потому недоступны широкому кругу читателей. В настоящее время стоит задача либо перевода этих книг на русский язык, либо нового монографического описания этих диалектов. Кроме того, важной задачей остается составление сравнительного словаря абхазо-абазинских диалектов, что позволит выявить как общий словарный фонд абхазо-абазинского языка, так и специфические лексемы, присущие отдельным диалектам, что представляет большой интерес для кавказской лингвистики.

Монография Хухута Салумановича Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка» давно и по праву занимает почетное место среди мировой литературы по кавказскому языкознанию. Хочется надеяться, что переиздание этой важной работы будет стимулировать интерес специалистов как к абхазо-абазинской диалектологии, так и к западно-кавказской лингвистике в це-

лом».

Вот отзывы некоторых зарубежных ученых языковедов:[1] Г. Бейли, Д. Ленг, С. Аллен, И. Едличка, Г. Фогт, Г. Дюмезиль, И. Гюбшмидт, Лукасен.

Дорогой профессор Бгажба!

Я очень, очень благодарю Вас за присланные мне Ваш ценный русско-абхазский словарь и книгу о бзыбском диалекте. До сих пор у меня был только Абхазско-русский словарь Марра. С особенно большим интересом я прочту главу в Вашей книге о системе бзыбских согласных.

Я убежден, что Северо-Западные Кавказские языки имеют большое значение в общей и сравнительной лингвистической теории, но едва ли кто-нибудь в этой стране изучает их и поэтому получить материалы нелегко.

Вам, может быть, доставит удовольствие иметь посылаемый Вам короткий словарный текст Авача, который я недавно опубликовал. Мой осведомитель уехал с Кавказа уже давно, но, судя по отчету (по описанию) Генко, его язык не кажется сильно пострадавшим от контакта с другими языками. Он не мог написать то, что он говорил, поэтому я был вынужден работать на словесной (устной) основе.

Я посылаю также несколько других, недавно вышедших статей, имеющих отношение к Кавказским языкам.

С сердечным приветом и большой благодарностью, В. Сидни Аллен (профессор сравнительной филологии в Кембриджском университете)

4 ноября 1965 г.».

«От профессора сэра Гарольда Бейли. Королевский колледж в Кембридже.

Май 22, 1967.

Дорогой коллега Бгажба!

Мой друг, профессор В. С. Аллен показал мне Ваши две книги – «Бзыбский диалект» и «Русско-абхазский словарь». Эти книги меня очень интересуют. Я пишу Вам, чтобы спросить, не можете ли Вы мне их прислать почтой. Здесь купить их мы не можем. Я посылаю Вам некоторые оттиски моих работ, которые покажут вам, как я интересуюсь всеми исследованиями о

[1] *В архиве Хухута Бгажба находятся письма от английских, немецких, норвежских, французских, венгерских ученых, посвященных его монографии, но они пока не переведены на русский язык, потому я не смог их использовать. – Р. К.*

Кавказских языках.

В прошлом октябре я был в Тбилиси на празднестве в честь Руставели и был очень рад посетить Грузию.

Заранее приношу Вам свою благодарность.

Ваш Г. Бейли.

Я очень хотел бы получить еще одну книгу Инал-ипа «Абхазский народный этнос, 1962.

Абхазский текст и перевод.

В общем, я могу прислать Вам книги.

Г. Бейли.

«Две давно ожидаемые работы, начатые в Абхазском институте в Сухуми, только что появились – Русско-абхазский словарь и основательная монография о Бзыбском диалекте абхазского языка.

Русско-абхазский словарь, Сухуми, 1964, 632 с. Словарь, редактором которого является Х. С. Бгажба, должен исключительно облегчить абхазам чтение русских классиков и периодики.

Абхазолог (специалист по абхазскому языку) найдет здесь нужные ему finiten формы глагола в немногих фразеологических примерах, которые при строгом нормировании в 16 000 слов, редко превышает самые необходимые границы.

Книга заставляет нас надеяться, что скоро получим также абхазско-русский словарь.

Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка (Исследования и тексты). Тбилиси, 1964, 457 с.

Первые попытки (опыты) образования абхазского письменного языка, при которых применялся aacinsche или точнее gumsche диалект (Сухуми и его окрестности) находится фонетически под влиянием бзыбского диалекта.

Расселение населения, которое образовало почти пустые пространства между обоими главными (ведущими) диалектами, перенесло центр тяжести на абжуйский или точнее Кодорский диалект, который благодаря особенно трудам Д. Гулиа, образует прочное основание теперешнего абхазского письменного литературного языка. На бзыбском диалекте говорят в Северо-Западной части Абхазской АССР, центр которой, но не географический средний пункт – город Гудаута, а абжуйский диалект распространен в Юго-Западной части Абхазии.

В книге отведено много места фонетической системе, и изменениям к истории ее надписей. В морфологии только подчеркивается различие бзыбского диалекта от абжуйского. Лексикогра-

фические особенности показываются в лексических группах.

Х. С. Бгажба обещает в введении составить словарь диалектов, который будет содержать слова неупотребляемые в письменном литературном языке. Очень ценной является глава об истории абхазских исследований, об отношении бзыбского диалекта к другим диалектам и к письменному литературному языку и синоптическая таблица абхазского алфавита.

Все приводимые тексты как прежних авторов (Услар, Марр, Генко и т.д.), так и теперешних (Бгажба), всего 52 текста, автор дает с переводом на русский язык.

В конце работы богатый и полезный индекс слов.

Когда автор призывает абхазских писателей дополнять и обогащать их словарный запас из диалектов, как и повсюду там, где он видит лексикографические резервы диалектов и отношение диалекта к литературному языку, где труд его локальной (местной) актуальностью превосходит ценные диалектические работы г-жи К. Ломтатидзе, которые, к сожалению, до сих пор являются только грузинскими.

Яромир Едличка».

«Дорогой Хухут Соломонович!

Очень Вам благодарен за ваш щедрый дар – за Ваши две чудесные книги: «Русско-абхазский словарь» и «Бзыбский диалект абхазского языка», которые я получил вовремя и в хорошем состоянии. Я нашел время, чтобы просмотреть эти книги, и могу сказать, что Вы сделали замечательный и уникальный вклад в изучение Абхазии и Кавказа. Вы сделали доступным западным лингвистам материал, который до сих пор оставался для них совершенно недоступным.

Я обращаю Ваше внимание на работу одного из наших коллег в Англии проф. Сидни Алена, работающего в Тринити Колледже в Кембридже, который опубликовал полное исследование другого кавказского языка, абазинского. Я уверен, что он тоже очень оценит получение Вашей книги, которую Вы можете ему прислать.

Я до сих пор вспоминаю с величайшим удовольствием Ваш любезный прием, когда я был в Сухуми три года тому назад. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Вашим коллегам, с которыми мы ездили в Пицунду и Гагры, поездкой которой я очень доволен. Я надеюсь, что кто-нибудь из вас посетит Англию, и я смогу отплатить за ваше гостеприимство, как мож-

но лучше.

Пожалуйста, сообщите мне, какие книги Вы хотели получить в обмен. Хотите ли Вы получить некоторые из Каталогов Коллекции Британского музея? Если да, то какой тип материала нужен Вам в настоящее время.

С сердечным приветом

Искреннее Ваш. Проф. Давид Ленг. Британский музей.

Отдел восточных печатных книг и манускриптов.

29 июля 1965г. Лондон W. C.»

«Дорогой Хухут Соломонович!

Благодаря работам грузинских языковедов, я знаю, какие значительные работы Вы проводите в Вашем институте для исследования абхазского языка. Я читал и знаю книги Ломтатидзе, посвященные тапантскому и ашхарскому диалектам абазинского языка, также работу Генко об убыхском языке. Я очень хочу знать абхазский язык, но пока мне трудно удается его изучение так, как я бы хотел этого. К тому же, нет у меня книг, посвященных исследованию абхазского языка, в частности, Вашей книги «Бзыбский диалект абхазского языка», вышедшей в 1964 году в Тбилиси. Также нет у меня словаря Б. Джанашиа «Абхазско-грузинский словарь», вышедший в 1959 году. Мне эти книги нужны для изучения абхазского языка, но их трудно достать. Если возможно, я хотел бы, чтобы Вы прислали мне эти книги путем обмена. Вместо них я могу прислать Вам свою книгу «Словарь убыхского языка», если она Вас интересует. Я был бы рад укрепить наше знакомство и сделать его более близкими путем обмена книгами. Все это послужило бы огромной помощью в моей исследовательской работе, посвященной Кавказским языкам.

С сердечным приветом, Ганс Фогт.

1965 г., 25 сентября».

Вот что писал известный советский ученый, академик М. А. Коростовцев в Институт языкознания Академии наук Грузинской ССР: «Не будучи кавказоведом и абхазоведом, я, тем не менее, считаю для себя возможным и должен выразить мое мнение о монографии Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка». (Тбилиси, 1964).

За несколько последних лет на русском языке появилось мало серьезных исследований о кавказских языках и диалектах. Труд, о котором я здесь высказываю свое мнение, после ознакомления с ним, принадлежит как раз к этим немногочис-

ленным работам. Автор труда абхазец, и уже одно это обстоятельство придает особую ценность этой монографии. Автор, несомненно, отлично знает литературу вопроса и исследуемый им бзыбский диалект. Автор использовал и исследовал огромный фактический языковой материал, исходя из общих достижений лингвистики и, в частности, фонетики, классификация и характеристика (акустическая) фонем сделана замечательно подробно и добросовестно. Интересны также наблюдения в морфологии и лексике бзыбского диалекта, включая топонимику и ономастику. Я, естественно, не в состоянии обнаружить неувязки и ошибки в многочисленных конкретных наблюдениях и выводах автора. В таком большом труде трудно избежать ошибок полностью. Но общая композиция труда, насыщенность его фактическим материалом и широкий диапазон исследования искупают неточности и свидетельствуют о лингвистической зрелости Х. С. Бгажба, написавшего труд, несомненно, достойный представления на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Впрочем, у меня есть и пожелания к автору издания этой книги: оно должно пополниться фонологическим исследованием языка по методу Н. С. Трубецкого (который в своем труде «Основы филологии» касался и абхазского языка) и его продолжателей, т.е. дополнить второе издание тем, чего нет в первом.

Зав.отделом Древнего Востока
Института народов Азии АН СССР
доктор исторических наук, профессор
М. А. Коростовцев.
18 ноября 1965 года».

Бывший учитель истории Сухумской абхазской школы, преподававший в то время, когда там учился Хухут Бгажба, впоследствии ставший известным советским ученым, историком – проф. А. В. Фадеев отмечал:

«Дорогой Хухут Соломонович!

Благодарю за присланный мне экземпляр книги «Бзыбский диалект абхазского языка».

Даже поверхностное ознакомление с этим капитальным трудом убеждает, что это – готовая докторская диссертация. Полагаю, что защита ее будет происходить в самое ближайшее время. Если защита состоится в Москве, я непременно приду на нее. Во всяком случае, прошу меня уведомить о месте и сроке

защиты.

Очень правильно, что во вводной главе отмечена положительная роль Услара в изучении абхазского языка, а также указаны заслуги в этой области Н. Я. Марра. Некоторые кавказские лингвисты старались предать эти имена забвению, что было совершенно неосновательно.

Весьма интересны соображения относительно распространения различных говоров бзыбского диалекта.

В общем, рад и горд за одного из своих учеников, сидевших когда-то у меня в классе 35 лет назад в стенах абхазской школы. Поздравляю и желаю успешной защиты!

Всегда рад получить известие о работе Института и творческих достижениях его сотрудников. Пишите мне иногда все-таки, присылайте печатные работы.

Привет семье, особо – глубокоуважаемому Андрею Максимовичу! Лучшие новогодние пожелания всему коллективу Института!

А. В. Фадеев
12 января 1965 г.
Москва».

Тему о письменных отзывах по поводу «Бзыбского диалекта абхазского языка» закончу словами выдающегося ученого, профессора В. И. Абаева:

«Дорогой Хухут Соломонович!

Благодарю сердечно за замечательный подарок: «Бзыбский диалект…». От души поздравляю Вас с выходом этого большого труда в отличном оформлении.

«Бзыбский диалект» полновесный вклад в абхазо-абазинскую диалектологию, за который Вам будут благодарны все кавказоведы.

Пользуясь случаем, хочу поздравить Вас с новым годом и пожелать Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов!

Ваш В. И. Абаев.
Москва. А-252,
Новопесчанная, д.21,кв.2.
16/1-65».

Книга «Бзыбский диалект абхазского языка», вокруг которой 50 лет назад шла борьба, и «ломали копья», на деле сделала

огромный шаг в развитии абхазоведения.

ХУХУТ БГАЖБА – ФОЛЬКЛОРИСТ

Устное народное творчество является одним из основных источников, из которого наш выдающийся ученый черпал безграничную любовь к литературе и к художественному слову. Впервые он услышал и воспринял народные сказания в селе Арасадзыхь от своего дяди Швараха. который умел мастерски, живо рассказывать сказания и сказки, и сам очень любил их слушать – с большим удовольствием слушал даже то, что знал уже хорошо. Сколько раз, бывало, и я сам, сидя у очага долгими вечерами читал дядьям «Абхазские сказки», изданные в Сухуме в 1940 году Хухутом Бгажба и Константином Шакрыл на абхазском языке, или поэмы Иуа Когониа или, созданные по мотивам абхазских народных сказаний, рассказы Дмитрия Гулиа.

Любовь к народному устному творчеству, которую Хухут Бгажба вынес из дома братьев матери, стала основой для его дальнейшей научной работы в фольклористике. Ученый до конца своих дней оставался искателем и исследователем устных народных сказаний: сказок, народных героических песен, эпических сказаний об Абрыскиле, Нартского эпоса, абхазских пословиц, поговорок, загадок, скороговорок, афоризмов. Во время поездок, где бы это ни было, всегда у него наготове в кармане лежали карандаш и записная книжка, чтобы сразу же записать услышанное.

Об большом интересе Хухута Бгажба к устному народному творчеству, которым он активно начал заниматься, когда он еще учился в МГПИ, свидетельствует приводимое ниже письмо одного из выдающихся русских советских фольклористов И. М. Соколова Председателю Союза писателей Абхазии Х. С. Бгажба:

«Уважаемый Хухут Соломонович!

Товарищ Данилевская привезла мне ваше письмо. Я очень рад, что Вы возглавляете Союз Писателей. Я уверен, что теперь фольклор абхазский не будет находиться на последнем месте в ряду интересов писательского союза.

Ваше предложение издать в Москве сборник абхазского фольклора в русском художественном переводе я горячо поддерживаю. Т-щу Данилевской я предложил немедленно подать соответствующую заявку в издательство «Советский Писатель», она это сделала, и я полагаю, что удастся включить книгу

(п.л. в 15) в план издания уже этого года. На Ваше счастье, я был болен, и из-за этого не состоялось заседание, в котором должен был рассматриваться новый план по фольклору. Теперь Ваша заявка будет рассмотрена при оформлении плана, и поэтому все сможет хорошо устроиться.

Я готов принять участие в редактировании сборника. Но вступительная статья должна быть написана Вами. Переводы должны быть сделаны русскими писателями, но при обязательном условии представления Вами (Союзом писателей и Институтом) а) подлинников с разметкой ударений и пояснениями относительно национальной художественной формы, о чем мы так много говорили с Вами в Москве, б) подстрочных точных переводов, сделанных абхазскими писателями и фольклористами. При этом я думаю, что не всю работу нужно передавать московским поэтам, многое может и должно быть сделано русскими поэтами, работающими в Сухуми, состоящими в Вашем Союзе Писателей. Некоторые из них, например, т. Данилевская, хорошо знают Абхазию, национальный быт, уже много переводили с абхазского, всегда могут получить помощь от абхазских товарищей по литературной работе. Я полагаю, что Ваши сухумские русские поэты должны быть основными работниками по составлению художественных переводов. В работе не откажется принять участие и Валентина Александровна и те, кого мы с вами сговоримся пригласить.

Нужно только будет, сразу по заключении договора, самым быстрым образом продвигать книгу, чтобы она могла бы выйти к концу года.

С удовольствием узнал, что сборник сказок редактирует проф. Н. П. Андреев, – он один из лучших знатоков народных сказок у нас в СССР. Когда выйдет книга?

От Вас лично я жду хорошего, научного исследования о формах абхазской народной поэзии. Очень боюсь, не ушли бы вы целиком в административную работу. Я знаю вас по ВУЗу и уверен, что вы сможете написать хорошую, серьезную работу. Если Вы в течение ближайших лет ее не напишете, то меня очень огорчите. У Вас есть и способности, и возможности. Не зарывайте своего таланта.

По Вашей просьбе посылаю Вам с т. Данилевской список книжных новинок по фольклору. Предлагаю Вам предложить Институту или Союзу писателей списаться с Фольклорным Отделом Государственного Литературного Музея (Моховая, 6) о том, чтобы Фольклорный Отдел время от времени держал Вас в

курсе фольклористических новинок, а также сообщал Вам обо всех наиболее интересных докладах-выступлениях фольклорного характера в московских научных учреждениях и в ССП.

Привет всем тем товарищам в ССП и в Институте, с которыми я с Валентиной Александровной вел беседу по вопросам собирания, перевода и издания фольклорных материалов. Вскоре выходит в свет небольшая книжка Фольклорного Отдела Гос. Лит. Музея: «Спутник фольклориста», пособие по собиранию, систематизации и хранению фольклора. Постараюсь, чтобы ее сразу же выслали Вам.

Валентина Александровна шлет Вам свой привет.

Жму Вашу руку. Желаю плодотворной литературной и научной работы.

Проф. (Ю. М. Соколов).

11/111 1938 г.

Москва, Красная пл.,

Исторический Музей, кв.27. Тел. К-0-39-27».

Вот материалы, показывающие нам отношение этого выдающегося русского ученого к устному народному творчеству абхазов еще до написания им письма Хухуту Бгажба, т.к. это должно представлять несомненный исторический и культурный интерес.

«После того, как в 1935 году вышел на русском языке сборник «Абхазские сказки», абхазские научные работники послали его академику Ю. М. Соколову с просьбой высказать и прислать им свое мнение по поводу этого издания. Летом в 1936 году Ю. М. Соколов находился в Абхазии. 20 августа 1936 года в Абхазском научно-исследовательском институте он сделал доклад на тему: «Организация перевода абхазского фольклора на русский язык». До недавнего времени этот доклад ученого не был опубликован. В 1968 году в Москве в Центральном архиве литературы и искусства кандидатом филологических наук Артуром Аншба в рукописном фонде братьев Бориса и Юрия Соколовых были найдены данный доклад Ю.М. Соколова и некоторые другие материалы по абхазскому фольклору. Артур Аншба перевел на абхазский язык этот доклад и, написав к нему соответствующее предисловие, опубликовал в 1969 году в журнале «Алашара» за №12. Как справедливо отмечает Артур Аншба, доклад Ю. М. Соколова в основном был посвящен вопросам, связанным с переводом. Но наряду с этим, он широко осветил и другие проблемы, касающиеся методики записи фольклорных материалов, принципов подстрочного перевода. Далее он ана-

лизирует вышедший в свет в 1935 году сборник «Абхазские сказки» и делает немало критических замечаний», – пишет профессор Сергей Зухба.[1]

А теперь, мой добрый читатель, в память этих двух, уже покинувших наш бренный мир ученых, высоко уважая их труд в деле изучения абхазского фольклора, учитывая значимость самого факта и непосредственное отношение к исследуемой мной теме, считаю не лишним полностью привести, доклад профессора Ю.М. Соколова и предисловие к нему А. А. Аншба, ставшие библиографической редкостью, по крайне мере, на русском языке:

Академик Ю.М. Соколов и абхазский фольклор
(из истории абхазского фольклора)

Об истории абхазского фольклора было напечатано немало статей, но и сегодня нельзя утверждать, что в этом направлении сделано все, что нужно. Только совсем недавно были опубликованы материалы, собранные дореволюционным Бзыбским комитетом.[2] Также недавно были изданы фольклорные материалы, собранные в Абхазии академиком С.Джанашиа.[3] Возможно, неизвестные пока нам материалы спрятаны и ныне где-то в архиве. В Париже опубликованы документы. В них на абхазском языке записаны разнообразные по жанру абхазские фольклорные тексты, переведенные также на французский и убыхский языки. Их Г. Дюмезиль[4] записал со слов убыха Теофика Есенджи. У него мать – абхазка и он говорит на абхазском языке.

Всем понятна значимость для нас всех этой книги, но удивительное дело, до сегодняшнего в печати о ней нет даже рецензии.

По совету научного сотрудника Института Всемирной литературы Академии наук СССР В. М. Гацак, я в прошлом году был в Центральном архиве литературы и искусства. В фонде братьев Соколовых я нашел несколько материалов, представляющих и сегодня, на мой взгляд, несомненный интерес для фольклористов. Как известно, впервые абхазские сказки на русском языке

---

[1] *С. Л. Зухба. Абхазское народное устное творчество. Сухум, 1981, с. 77–78.*

[2] *Материалы абхазского фольклора (из архива академика Н. Я. Марра), Сухум, 1967 (к печати подготовил и предисловие, комментарии написал С. Л. Зухба).*

[3] *С Н. Джанашиа. Труды. VI том, Тбилиси, 1968.*

[4] *Г. Дюмезиль. Анатолийские документы о Кавказских обычаях и языках. V, Париж, 1967*

были изданы в 1935 году. В том же году сборник был отправлен Ю. М. Соколову для выяснения его мнения. Письмо, подписанное директором АБНИИК А. Хашба, гласило: «Просим Вас, написать нам свое мнение, чтобы мы могли использовать в дальнейших изданиях». Ответ Соколова остался неизвестен, но сам он приехал на отдых в Абхазию в августе 1936 года. С. Я. Чанба написал письмо отдыхавшему в Гаграх Соколову. В нем обозначается дата встречи академика с абхазскими писателями и научными работниками. Учитывая, что этот факт открывает новое в биографии нашего выдающегося писателя, мы приведем здесь это письмо полностью:

«Уважаемый Юрий Матвеевич!

Прошу простить меня за то, что отвечаю на ваше письмо с небольшим опозданием. Здесь у нас гостили французские писатели, и я был чрезвычайно занят.

Хочу высказать Вам огромную благодарность за желание провести беседу с писателями Абхазии о фольклоре. Вовлечем в это дело АбНИИК (Абхазский Институт Культуры), сделавший немало работы в собирании фольклора в Абхазии.

Было бы лучше провести встречу во второй половине августа (с 20 по 26), так как к этому времени вернутся и те товарищи, кто сейчас находится в отпуске.

Сообщите нам день, когда Вы желаете провести беседу и собираетесь приехать к нам. До этого мы подготовим имеющиеся у нас фольклорные материалы.

Председатель Союза Советских
писателей Абхазии Чанба».

Ю. М. Соколов сделал доклад в научно-исследовательском Институте абхазской культуры 20 августа 1936 года. Доклад назывался «Организация перевода абхазского фольклора на русский язык», но вопросы, поднятые в нем, выходили далеко за рамки перевода. В докладе были затронуты не только вопросы, связанные с переводом, но и о комплексе работ, которые необходимо сделать до перевода: о методике записи фольклорных материалов, принципах работы над подстрочником. После этого докладчик подверг критике сборник «Абхазские сказки», вышедший в свет в 1935 году. Он счел большой ошибкой, что перевод с абхазского языка сделан не на русский народный язык, а на литературный. Также считает неправильным тот факт, что

к сборнику не прилагается указатель сказочных сюжетов.

В фонде братьев Соколовых находятся и материалы сборника «Абхазские сказки» (подстрочник, переведенный на русский язык). Здесь более 300 пословиц, 14 песен (из них две песни на абхазском языке), соответствующие абхазским сказкам номера указателей сказочных сюжетов, составленные по системе Аарне-Андреева.

Подстрочники абхазских песен (кроме одной или двух) сделаны научным сотрудником АбНИИКа Г. З. Шакирбай. Некоторые песни переведены художественно (переводчик-поэт Е. Абросимов). Песни записаны со слов известных в Абхазии народных певцов и сказителей – Иуаны Делба (Акуаскьа), Джансуха Аргун (Ткварчал), Сейдыка Кварчия (Лыхны) и др.

Фольклорный материал не был обработан и подготовлен для издания. Об этом было сказано в вышеупомянутом докладе Ю. М. Соколова. Помимо замечаний в своем докладе, на полях страниц, где записаны пословицы, Соколов собственноручно записал некоторые вопросы, требующие пояснений. Например, к таким пословицам, как: «Губазовцы – куда упал топор, бросали и топорик», «Старуха, сидя поймала зайца», «Кто обрил бороду, надеясь на Абжаквовцев», Соколов сбоку приписывал: «Какой именно рассказ послужил основой для этих пословиц?» Неудивительно, что Соколов отметил факт происхождения этих пословиц от конкретных рассказов. Когда люди начинают забывать рассказы, связанные с афоризмами конкретных названий местностей, фамилий и имен, то в дальнейшем будут забыты и сами пословицы. Безусловно, важно не терять, находить и записывать рассказы, от которых произошли пословицы. Он также считает, что пояснения и комментарии нужны и к абхазским обрядам и мифам, к пословицам, рожденным из истории народа.

Подстрочники пословиц также были сделаны не на достаточном уровне, в них переводились отдельные слова, из-за этого порой нельзя было понять смысл пословицы, а порой перевод был неверным. Местами к переводам прилагались пояснения , но и они были осуществлены неправильно.

Словом, сборник «Абхазский фольклор», посланный на имя Ю. М. Соколова в Москву, нуждался в большой доработке. Виной всему этому являлось отсутствие тогда в Абхазии подготовленных фольклористов. Несмотря на это, в Москве спешили с изданием абхазского фольклора. В сентябре 1937 года Ю. М. Соколов получил письмо из Союза советских писателей Абхазии. В нем говорилось: «Многоуважаемый Юрий Матвее-

вич! Союз советских писателей Абхазии высылает Вам специально собранный нашими писателями фольклорный материал (сказки и песни). Мы хотели бы издать его в Москве, под вашей редакцией и с вашим предисловием. Если Вы считаете, что этот материал хороший и стоящий, мы могли бы вместе с Вами подготовить его к печати».

Ю. М. Соколов в своих письмах фольклористам разных национальностей не раз подчеркивал, что между собиранием и изданием фольклорного материала нужно провести огромную, трудоемкую работу. В этом смысле особый интерес представляет и письмо Ю. М. Соколова к Х. С. Бгажба.

В письме к Х. С. Бгажба Ю. М. Соколов пишет об издании в московском издательстве «Советский писатель» сборника абхазского фольклора в переводе на русский язык. В нем академик советует молодому научному сотруднику ряд необходимых работ, которые нужно проделать, чтобы подготовить книгу к изданию: поставить ударения в оригинальных текстах, поспешить с пояснениями особенностей национальных художественных форм, нужно сделать прямой, верный подстрочник. По словам академика Соколова, к работе над художественным переводом нужно привлечь местных русских писателей – членов Союза советских писателей Абхазии, так как среди них многие имеют уже опыт перевода с абхазского языка, к тому же, они лучше знают быт и психологию местного населения.

В то время сам Соколов получал много писем от начинающих фольклористов из Северного и Южного Кавказа: адыгов, осетин, грузин, абхазов, карачаевцев и других народов. Ответить всем было непросто. Нужно было провести объединяющее, общее для всех фольклористов собрание, тем более, что национальная фольклористика переживала процесс своего становления. Поэтому в 1938 году в Ленинграде с 7 по 11 июня состоялась фольклористская конференция.[1] На этой конференции информацию о собирании фольклорного материала сделал научный сотрудник АбНИИКа Г. З. Шакирбай.

Академик Ю. М. Соколов во время своей завершающей речи на конференции отметил, что Г. З. Шакирбай проводит большую работу в изучении фольклора в Абхазии. Словом, в 30-е годы нашего столетия наши писатели и научные работники активно работали над собиранием, изданием и исследованием абхазского фольклора, но в последующие годы по известным всем нам причинам (война, период культ личности), в этом

[1] *С материалами этой конференции можно ознакомиться в журнале «Советский фольклор», №7, 1939.*

деле надолго отстали.

Сегодня, когда работа над изучением нашего фольклора продвигается успешно, думаем, нелишне с благодарностью вспомнить имена тех, кто первыми начали это дело.

Несмотря на трудные условия, в которых им приходилось работать (в основном, из-за отсутствия подготовленных кадров), они сумели сделать немало в деле собирания, опубликования и исследования фольклора.

Считая, что доклад Ю. М. Соколова, сделанный им в АбНИИКе, и сегодня не потерял своей актуальности, мы решили напечатать его в этом номере без изменения в переводе на абхазский язык.

А. Аншба,

Кандидат филологических наук.

Ю. М. Соколов

Организация перевода абхазского фольклора на русский язык.

Два года назад, на I Всесоюзном съезде писателей произошло событие, взволновавшее всех – на съезде выступил человек в кавказской одежде. Это был Сулейман Стальский. Сидящие в зале, в подавляющем своем большинстве не понимали его языка, но прочувствовали и поняли о чем он говорил, вернее, пропел. Особое значение имело выступление Стальского для фольклористов. Его выступление обнадежило всех нас в том, что поэты, творящие устные народные сказания будут иметь такое же право, как и писатели, создающие большие художественные письменные произведения. Сулейман Стальский создает свои произведения устно.

Но его творчество играет огромную роль в народной поэзии. Я помню, как на следующий день после его выступления в газете «Известия» появился его портрет. В нем он был снят, словно вел беседу с портретом Тараса Шевченко, висевшем на стене напротив. Может, и случайно, но вышло символично. В основе творчества Тараса Шевченко лежит устная поэзия его народа. Словом, получилось так, словно, напечатанная в «Известиях» фотография отражала символическую перекличку двух поэтов. Завершая съезд писателей, А. М. Горький специально для писателей Средней Азии и Кавказа заметил, чтобы они обязательно интересовались изучением своего фольклора. Моя профессия обязывает меня и я не должен пропускать вне своего поля зрения работу по фольклору, которая происходит

по всей нашей стране. И, действительно, скажу вам, что в этом направлении делается огромная работа. Неожиданно для нас, проявилось поэтическое богатство. Особые успехи мы имеем в национальных республиках и областях.

До сих пор официально не были известны, имеющиеся у трудящихся разных национальностей песни, сказания и легенды, связанные с героической тематикой, направленные против царизма. А они составляют огромную эпопею, к тому же, дают большой материал историкам. Как отметил И. И. Мещанинов в своем предисловии к сборнику «Абхазские сказки», фольклор, безусловно, кроме художественного, имеет и историческое значение. И в этом смысле роль и значение фольклора особенно высоки у народов, которые до недавнего времени не имели своей письменности. Фольклор может дать нам много исторических сведений. Но мы, литераторы должны рассматривать фольклор с художественной точки зрения. Мы видим у некоторых народов СССР, которые пришли к социализму, минуя капитализм, обновленную поэзию, отражающую в то же время эпоху феодализма и патриархальный уклад жизни. Изучение устной поэзии этих народов дает нам, помимо всего прочего, большой материал для понимания хотя бы фольклора русского народа. Только после изучения национального фольклора мы станем лучше понимать многие спорные вопросы в русском эпосе. Например, благодаря исследованию творчества ашугов, акынов и других мастеров народной поэзии, произошло успешное понимание проблемы «творчества» былин, сказаний. Сегодня, из-за того, что на Западе постепенно исчезло устное народное творчество, неудивителен тот особый интерес, проявляемый фольклористами Западной Европы и Америки к народному творчеству народов СССР. Французские и английские фольклористы через исследование нашего фольклора глубже проникают в понимание творчества своего народа.

Никто не отрицает общественное значение фольклора. Недавно проходившая в Москве декада казахского искусства выявила таких мастеров, как Джамбул. Поэзия Джамбула покорила всех нас. Народные певцы сегодня создают новые песни. Песни, посвященные Ленину, Сталину, нашей советской жизни. Такие творения имеют огромное значение для всего нашего народа. Несколькими словами, посредством отдельных примеров, я попытаюсь дать вам понять о масштабах той огромной работы, которая происходит в области фольклора в наших национальных республиках. Например, Комиссариат просвещения узбекского народа и научно-исследовательский институт культуры в

течение 15 лет собрали более 40 тысяч печатных страниц фольклорного материала. Возможно, им понадобится много времени для подготовки этого материала к изданию, но главное, что материал собран и записан. Другой пример. Лучший вариант известной поэмы тюрков «Манас» остался у киргизов.

Народный комиссариат просвещения Киргизии и научно-исследовательский институт культуры вот уже 10 лет записывают эту поэму из уст одного старца. Они уже записали 250 тысяч строк. Это поразительно. Киргизский народный комиссариат просвещения, чтобы сделать художественный перевод на русский язык и издать эту поэму, из 250 тысяч строк выбрали 56 тысяч – на двухтомник. Безусловно, предстоит огромная работа, чтобы сделать подстрочник и на высоком уровне. Словом по всему Советскому Союзу идет такая же полнокровная работа над изучением и собиранием фольклора, подобно той, что происходит у вас здесь.

Сегодня все интересуются национальным фольклором. Сейчас работают над составлением нескольких изданий на основе переводов народного творчества некоторых народов СССР. К этому делу привлекли помимо специалистов, и поэтов. Скоро в Москве в издательстве «Академия» должна выйти в свет сборник казахского эпоса. Над художественным переводом, готовящегося к изданию калмыцкого эпоса, работает Василий Казин. Я в прошлом году по приглашению Института культуры Кабарды поехал в Кабарду для работы над кабардинским фольклором. Помимо меня этой работой занимались поэты А. Глоба, М. Зенкевич, В. А. Дынник. В области организации художественного перевода работа, которой мы занимались, дала нам колоссальный опыт. На мой взгляд, сборник кабардинского фольклора будет лучшим изданием в этой области. В этот богатейший труд входит Нартский эпос, легенды и сказки эпохи феодализма, а также произведения, отражающие советскую жизнь.

Проблема художественного перевода национального фольклора имеет огромное политическое и общекультурное значение. Благодаря этому между нациями развивается взаимовлияние культурных ценностей. Теперь перед нами раскрываются национальные своеобразия, неизвестные нам до сих пор их культурные тайны. Безусловно, эти книги нужно быстрее издавать, но и излишняя поспешность также не нужна. Как сказал Сталин, мы не должны забывать, что советская литература имеет социалистическое содержание и национальную форму. Нужно дать верную оценку особенностям национальной фор-

мы, нельзя думать только о сюжете и о сюжетной схеме. Порой очень сложно выявить художественную форму национального творчества. Это – главный грех наших переводчиков. Возьмем один пример. Есть один талантливый поэт – С. Клычков. Мы с ним долго спорили. Я хотел дать ему понять, что он должен интересоваться, помимо содержания произведения, особенностями художественной формы, любить их. Клычков написал поэму на основе эпоса вогул – остяков, собранного Плотниковым. Но он написал ее 4-стопным хореем, говоря иначе, размером, которым написаны «Калевала» и «Гайават» И. Бунина. И обычно мы так и поступаем – поэма остяков, поэмы казахов, узбеков, тюрков и других – все переводим в одном размере. Нет сомнения, если начать все мерить одной меркой, сливаются особенности национальной формы.

В стране проводится огромная работа в области перевода национального фольклора. Каковы главные этапы этой работы? Я отмечаю три основных стадии: 1-ая – собирание материала; 2-ая составление подстрочника; 3-яя – художественный перевод.

Все эти три стадии неразрывно связаны. Было бы неплохо, если во время собирания материала, мы уже думали о последующих этапах работы. Ошибки в переводе связаны, прежде всего, с неправильным подходом к переводу материала.

А теперь позвольте мне сказать несколько слов о сборнике «Абхазские сказки», который я успел просмотреть.

Больше всего радует тот факт, что в этой книге мы видим совместную работу лингвистов, фольклористов и писателей. Безусловно, работе над фольклором во многом содействует совместные усилия Союза писателей Абхазии и Абхазского института культуры. Важно также, что этой работе помогают и интересуются вышестоящие организации республики. Я с большим удовольствием узнал из предисловия А. Хашба о том, что Председатель ЦИКа Абхазии товарищ Лакоба проявляет особый интерес к собиранию фольклора. Это, повторюсь, во многом облегчает вашу работу. Сборник абхазских сказок мне очень понравился. Я был поражен сюжетным богатством сказок. Недостатком, на мой взгляд, является то, что сюжеты сказок отражены схематично. Также недостатком является и то, что сюжеты сказок не имеют указателей. С помощью указателя мы могли бы определить место, которое занимают абхазские народные творения в мировом фольклоре. В ваших руках имеются некоторые из этих указателей. Поэтому во время второго издания, вы могли бы добавить в сборник указатель сюжетов.

Нет сомнения, абхазские сказки имеют свои поэтико-бытовые особенности, но в то же время нельзя не заметить и схожесть сюжетов. В качестве примера возьмем сказку «Любовь и дружба». В примечании сказано, что эта легенда по происхождению относится к эпохе феодализма или к эпохе патриархально-кланового общества. Но знаете ли вы, что сюжет этой легенды очень сильно напоминает пятую новеллу десятого дня «Декамерона» Бокаччио. Возможно, эта схожесть связана с взаимовлияниями социального характера. Как бы то ни было, подобная схожесть сюжетов дает возможность для серьезных размышлений. В ваш сборник включена сказка «Случай с охотником». В 1908 году, во время своего студенчества в Белозерском крае я записал сказку об охотнике, сюжетная канва которой очень напоминает абхазскую сказку. Другой пример: по сказке о подвигах нарта Сасрыквы, о том, как он защитил орлят и из-за этого орел пощадил его. Подобная деталь имеется в сказке «Чердак Богатырки», которую я записал в 1908 году там же – в Белозерском крае.

Указатель сюжетов имеет большое значение не только для исследователей, но и для поэтов и художников. С научной точки зрения такой указатель, вне всякого сомнения, намного поднимет ценность книги. Для меня не совсем понятен принцип, которому следовали составители вашего сборника при отборе сказок. Я думаю, что здесь мы сталкиваемся с бессистемностью – нет обязательного для всех принципа. Слишком часто в поле нашего зрения попадает тема «Разума и судьбы». На эту тему в сборник включено очень много сказок. Я не знаю, отчего это произошло: или эта тема занимает исключительное место в абхазском фольклоре, или же выражает особый настрой составителей сборника.

Ошибкой я считаю также пренебрежительное отношение к творческой особенности и своеобразию сказителя. Здесь, возможно, мы видим ошибку, допущенную во время собирания материала.

Для собирателей фольклора очень важно знать, что не каждый встретившийся на их пути сказитель не является поэтом. Сказка – творческое искусство. Ее запись требует проявления особого внимания. Насколько я слышал, некоторые сказки записаны по памяти, а не тогда, когда их рассказывали. В этом случае художественное творчество теряет свой аромат. Кроме того, это означает пренебрежительное отношение к творческому своеобразию сказителя. При организации собирания материала необходимо знать: намного лучше остановиться и

попытаться, насколько возможно, взять с информаторов все, что они знают. Только тогда вы можете прочувствовать манеру повествования сказителя, его искусство, понять особенности, заложенные в его повествовании.

Я от всей души принимаю совместную работу лингвистов и фольклористов, но мы не должны забывать, что у них разные цели. Лингвист должен пройти большой объем территории. А что касается фольклориста, он должен, насколько возможно, задержаться в одной местности. Для лингвиста все беседы одинаковы. Фольклорист должен быть психологом, чтобы уметь слово привести к нужному смыслу. Чтобы хорошо понять сказителя фольклорист действительно должен съесть с ним пуд соли. Пока мы берем во внимание особенности подхода к сказителю. Неправильно к нему относиться официально. Нельзя, например, его приглашать к себе, особенно через милиционера. Тогда он, конечно же, не откроет тебе богатство сказок. Это было основной ошибкой многих собирателей русских сказок, например, Гильфердинг и др. Они приглашали сказителей к себе, в гостиную. Поэтому и сказители коротко, спешно рассказывали им что-то и уходили от них, помахав рукой.

Мы не должны забывать, товарищи, что фольклор – синтетическое искусство. Здесь в одном лице и автор, и артист, и поэт. Поэтому, как и любой артист, и сказитель должен иметь особые условия. Методику подхода к сказителю (поэту и артисту) нужно изучить еще более детально и установить. Если вы хотите, чтобы абхазские сказки стали известными всем, в первую очередь нужно организовать собирание материала, относясь к сказителю с большим уважением и интересом. Было бы хорошо записать сказку у одного сказителя в разное время несколько раз, так как манера повествования сказителя меняется от перемены его внутреннего настроя.

Второй этап работы – это осуществление подстрочника. Работу над подстрочником и составление художественного перевода мы должны рассматривать отдельно. Насколько правильно составлен подстрочник, настолько улучшится и качество художественного перевода. Я противник дословного (по словам) перевода. Неправильно переводить, следуя синтаксису взятого для перевода языка, но должны сохраниться особенности национальной формы. Неподдающиеся переводу термины (одежда, пища и т.д.) нужно оставить так, как они произносятся в национальном языке, но непереводимые национально-бытовые термины должны сопровождаться пояснениями. Также нужно относиться к непереводимым именам и прозвищам. С особым

вниманием нужно относиться к художественным образам. Например, в абхазских сказках встречается слово «крокодил». Я не могу знать, насколько правильно обозначен этот образ. Может, «крокодилом» назван дракон? Нужно серьезно подумать и над отражением ритма. Если существуют ритмические моменты, необязательно их должен отразить тот, кто делает подстрочник, но он их должен подчеркнуть, чтобы помочь художественному переводчику. Кроме того, в сказках встречаются традиционные формулы. Я уверен, что в абхазских сказках встречаются особые присказки. Но в вашем сборнике они отсутствуют. Безусловно, они требуют внимания. Чтобы эти формулы были одинаковыми, нужно переводить в целом.

Третий этап работы. Мы завершили работу над подстрочником. Теперь нужно приступить к художественному переводу. Чем грешат литературные переводы в большинстве своем? Недавно издательство «Академия» выпустило в свет сборник азербайджанских сказок со многими ошибками. Причина всех этих недостатков в следующем: люди, осуществлявшие художественный перевод владели русским языком не в совершенстве. Здесь я должен заметить (и это видно и в сборнике абхазских сказок, составленном вами), что люди, которые занимались художественным переводом, не приняли во внимание, забыли, что словосочетания, встречающиеся в русском литературном языке, не подходят для русского народного языка. В первую очередь нужно отметить моменты модернизации. Например, в сборнике абхазских сказок на 142-й странице написано: «насильственные меры взыскания», на 164-й странице – «и в тот момент», на 168-ой странице – «мимикой и жестом». Безусловно, такие словосочетания режут ухо читателей абхазских сказок. Такого рода ошибки не должны быть допущены при переводе народного творчества.

Другие переводчики сказок боятся лишних слов. Но нужно знать: те слова, которые мы относим к сложности языка, в большинстве своем воспринимаются народом совершенно иначе. Не стоит излишне вылизывать текст сказки. В качестве примера приведем эпизод, связанный с рождением нарта Сасрыквы. Эта деталь переведена таким образом, что может запутать читателя. Мы должны оберегать себя от таких моментов.

В предисловии к сборнику абхазских сказок говорится, что составители его стремились сохранить колорит абхазского языка. Я не согласен с этим. Например, когда мы переводим с немецкого языка, мы не пытаемся сохранить особенности немецкого предложения, потому что подобный перевод русский

читатель не сможет переварить. Я и впредь буду противостоять литературоведам, которые ради сохранения особенностей национального синтаксиса и поверхностного экзотизма искажают русский язык. Это, на мой взгляд, происходит от пренебрежительного отношения к нации. Переводить с национальных языков народов СССР нужно также, как мы переводим с английского, французского и немецкого языков.

Несколько слов хотелось бы мне сказать о пословицах, которые вы готовите к печати. Я их прочитал. Абхазские пословицы очень богаты и разнообразны. Стоит вопрос: как их нужно делить? В предисловии правильно отмечено: было бы очень хорошо, если разделить пословицы в соответствии с общественно-экономическими формациями. Это удивительно сложно. С другой стороны, было бы всего лучше делить пословицы по тематике, по основным темам, к которым они относятся. Нужно заметить, что пословицы переведены хорошо, но пословицы, произошедшие от конкретных рассказов, должны быть снабжены пояснениями. Также нуждаются в комментариях и пословицы, связанные с именами и фамилиями.

В завершении хочу сказать: во время чтения русского художественного перевода читатели не должны чувствовать, что они читают материал в переводе. Но и в то же время художественные переводы национального фольклора должны обогащать речь народов СССР. Главной целью, помимо сюжета и содержания, является раскрытие и особенностей национальной формы.

Мы с вами являемся участниками большого культурного процесса. Развитие и процветание советской литературы под знаменем великой дружбы народов происходит благодаря взаимовлиянию культурных ценностей. Хочу отметить и другое. Это связано с практической целью моего приезда к вам. В предисловии сборника написано: «Перед нами лежит работа над собиранием советского фольклора».

Я хочу, чтобы вы поспешили с этой работой. Вы знаете, что по инициативе А. М. Горького, к 20-летию Октябрьской революции готовится к выходу в свет двухтомный сборник «Две пятилетки». Один из томов специально посвящен советскому фольклору. Вы, несомненно, должны дать нам материал для этого тома. Этот том не должен выйти в свет без материалов абхазского советского фольклора. Не теряя времени, вы должны приступить к собиранию, записи и переводу этого материала. Этим призывом я хочу завершить свой доклад.

20/VIII– 36 г. Сухум».

Как бы было замечательно, если мы имели ответное письмо, написанное Х. С. Бгажба Ю. М. Соколову.[1] В нем мы еще более ясно увидели бы проблемы, которые они обсуждали, но и приведенное выше показывает достаточно.

В XIX веке, в исторических и этнографических работах, особенно не абхазской национальности, мы то и дело встречаем, хотя и разбросанном виде, сведения о фольклорных произведениях. Но в соответствии с требованиями фольклористики, абхазское устное народное творчество целенаправленно и непосредственно, а не случайно, изучать, и исследовать и издавать отдельными книгами, начали уже в нашем, 20 веке. Особое внимание абхазскому фольклору начали уделять после образования Абхазского института. С тех пор слово не оставалось делом только любителей и энтузиастов, а стало государственным делом.

Ни в коем случае не умаляя значимость работы ученых, не абхазов по национальности, которые проявляли живой интерес к традиционной культуре абхазов, собирали и исследовали фольклорный материал (например, композитор К. В. Ковач, этнограф Г. Ф. Чурсин и др.), все же хочу сказать, что тексты фольклорных произведений так как они произносились сказителями стали собирать и печатать после того, как появились и выросли первые поколения абхазских писателей и ученых.

Когда мы думаем о тех, кто вложил огромный с вклад в это дело, на ум приходят в первую очередь имена Дмитрия Гулиа, Самсона Чанба, Константина Шакрыл, Шалвы Инал-ипа, Ивана Кортуа, Хухута Бгажба. Как бы много записей ни сделали мы, следующие за ними поколения фольклористов, сколько бы книг ни издали, и сегодня, и завтра их записи останутся крепкой, надежной основой, замечательным фундаментом для всех нас, дающим нам возможность самовыражения.

Благодаря изданным Хухутом Бгажба фольклорным сборникам, многие народные песни, сказания, мифы, сказки и пословицы избежали участи забвения. Они взяты из народа и возвращены народу. Я не буду пытаться перечислить все фольклорные издания Хухута Бгажба и делать детальный, широкий анализ, достойный каждого из них. Хочу выделить некоторые

[1] *В архиве Хухута Бгажба хранится много писем от писателей и ученых (в том числе и от тех, кто жил за пределами Абхазии), но нет копий его писем к ним. Возможно, он этого не делал из-за нехватки времени. Письма Х. С. Бгажба, несомненно, дополнили бы образ нашего выдающегося ученого, значимость его личности, интеллекта, отразили бы его взгляды на науку и литературу. – Р. К.*

из них, на мой взгляд, наиболее основные и показательные.

Здесь в первую очередь нужно отметить, что составленный Хухутом Бгажба и Константином Шакрыл сборник «Абхазские сказки», изданный в 1940 году в Сухуме, был полнее, качественнее, да и по объему больше всех других, изданных ранее сборников абхазских сказок. Кроме того, тогда отдел фольклора и литературы готовил к изданию и второй том сборника абхазских сказок. Однако по разным причинам он не был издан скоро. Этот второй том составил Константин Шакрыл, и издать его удалось только в 1968 году.

Примечательно, что в качестве предисловия к первому тому «Абхазских сказок», составленный тогда Константином Шакрыл и Хухутом Бгажба известный русский советский ученый, профессор Николай Петрович Андреев написал пространную статью. Правда, со времени ее написания фольклористика шагнула далеко вперед, изменились многие теоретические и практические проблемы. Поэтому мы можем говорить сегодня и о некоторых ошибках и недостатках того предисловия. Но в то время эта статья была очень полезной для понимания формы и содержания абхазских сказок, определения их национальных особенностей. И было совершенно справедливо, что научные работники Абхазского института привлекли к этому делу такого видного специалиста, как профессор Н. П. Андреев.

Тексты, вошедшие в эту книгу, в большинстве своем, были взяты из сборника «Абхазские сказки», составленного и изданного Виктором Кукба и Арсеном Хашба в 1935 году. Они были к тому же дополнены записями некоторых других ученых сотрудников Абхазского института.

В книгу, о которой идет речь, кроме сюжетов, относящихся к жанру собственно сказок, вошли 4 героических сказания о Нартах, три историко-героических сказания, один из вариантов мифа об Ацанах, а также заимствованный, как нам кажется, путем взаимовлияния из фольклора тюркоязычных народов сказание о докторе Лукмане. Всего эта книга содержит 69 текстов.

Книга «Абхазские сказки» была издана на высоком качественном уровне и с точки зрения типографских возможностей. Прекрасными рисунками снабдил ее замечательный абхазский археолог и художник, русский по происхождению, Лев Николаевич Соловьев. Этот сборник вторично вышел в свет в Сухуме в 1965 году, но уже без художественного оформления, на современном тогда алфавите. (Первое издание было опубли-

ковано на абхазском алфавите на основе грузинского). К тому же во второе издание не было включено предисловие Н. П. Андреева, также в него не вошли сказания о Нартах, историко-героические сказания и миф об Ацанах.

Значительным явлением и вкладом в дело абхазской фольклористики стал выход в свет в 1941 году в Сухуме сборника «Абхазская народная поэзия», который был составлен Дмитрием Гулиа и Хухутом Бгажба. Предисловие к сборнику тоже было написано составителями. В него вошли памятники ритуальной и бытовой поэзии, которые в форме песен абхазы традиционно исполняли с древнейших времен. В нем преимущественно преобладают героические песни, песни, посвященные Богу, Аергу (божество, покровитель охоты, зверей и войны), хвалебные и порицательные песни, а также, посвященные парню и девушке, замужеству и женитьбе, частушки.

Второе издание этой книги, дополнив новыми материалами, подготовил к печати и издал в 1972 году в Сухуме Хухут Бгажба. В переиздании к напечатанным ранее, Хухут Бгажба добавил еще 85 текстов. Всего книга объединила в себе 185 текстов. В переиздании он включил образцы народной поэзии, опубликованные впервые в первой абхазской газете «Апсны», записи Николая Патеипа, Мушни Хашба и некоторых других. Кроме того, в сборник вошли, и записанные и изученные гораздо позже тексты, записанные Ш. Салакая, Н. Лакоба, А. Зухба, В. Агрба, Г. Смыр и др.

Хухут Бгажба написал послесловие к сборнику и снабдил его примечаниями.

Хухут Бгажба, как это ему и было свойственно, отнесся к работе над сборником скрупулезно и тщательно. В примечаниях указаны, откуда взяты все тексты, имена и фамилии сказителей, год, когда было записано сказание и место, где оно было записано. Словом, все тексты, вошедшие в сборник, снабжены необходимыми в такого рода изданиях паспортными сведениями.

Все тексты, вошедшие в сборник, являются традиционными, дореволюционной поэзией абхазского народа. Если и не говорить о всех качествах этих многочисленных текстов, в одном мы можем быть уверены: они окончательно и без всякого сомнения опровергают мнение некоторых ученых о том, что абхазские народные песни не содержат слов. Это только те, кто будучи по национальности не абхазом, кто не мог запомнить слов, содержащихся в песнях и воспринять их красоту, думали, что абхазские песни состоят из заунывных бес-

словесных мелодий. Хухут Бгажба в своем послесловии к данному сборнику совершенно справедливо отметил, что почти все эти тексты, вошедшие в сборник, в народе традиционно пели и поют в форме песни, часто в сопровождении апхярцы или ачамгура.[1]

В переиздании Хухут Бгажба смог исправить немало ошибок, которые были допущены ранее. Например, в первом издании по различным причинам последовательность текстов не была составлена в соответствии с научным принципом. Разделение по группам и их классифицирование были половинчатыми. В дополненном издании составитель подготовил сборник в соответствии с современными достижениями фольклористической науки. Вошедшие в сборник памятники народной поэзии разделены и классифицированы на 8 видов: 1) трудовые песни; 2) мифологические (ритуальные) песни; 3) заговоры (заклинания); 4) историко-героические песни; 5) бытовые песни и стихотворения; 6) любовные песни; 7) частушки; 8)скороговорки.

Памятники, вошедшие в эту книгу, получили заслуженное применение в первом томе 12-томника о творчестве абхазов, который мы, фольклористы, работающие в Абхазском институте, готовили к выпуску. Этот том был составлен и издан в 1992 году кандидатом филологических наук Валентином Когониа.

Особо нужно отметить сборник абхазских пословиц, который составил Хухут Бгажба, и с коротким, но содержательным предисловием издал в 1983 году в Сухуме. В него вошли, наряду с записанными самим составителем текстами, отобранные записи пословиц, сделанные Дмитрием Гулиа, Симоном Джанашиа, Петром Усларом. Этот сборник объединяет лучшие абхазские пословицы и поговорки в количестве около трех тысяч. В составлении сборника Хухут Бгажба следовал принципу составления пословиц в алфавитном порядке. Как известно, в составлении пословиц существуют и иные принципы (например, разделение по тематике и по группам). Тематический принцип имеет много преимуществ, но очень трудно разделить пословицы по тематике. Так или иначе, еще никем не отрицается принцип алфавитной последовательности.

Хухут Бгажба внес большой вклад в дело перевода абхазских фольклорных материалов, особенно сказок, на русский язык и их издание. В 1959 году в Сухуме он перевел на русский язык, обработал и выпустил в свет сборник абхазских сказок объе-

[1] *Абхазские народные музыкальные инструменты. – Р. К.*

мом более 20 печатных листов. Эта книга получила распространение и большое популярность среди русских читателей. С тех пор была неоднократно переиздана.

Составленные Хухутом Бгажба сборники абхазских сказок были изданы неоднократно в Москве и Сухуме (на русском языке), издавались в Тбилиси (на грузинском языке), и за рубежом на словацком языке.

Почти ко всем изданным им сборникам, он написал предисловия. Эти предисловия, хотя и небольшие по своему объему, но в полной мере отражают глубокое понимание и знание автора о большой роли и исключительном значении фольклора в древней и новой культуре нашего народа.

Помимо этого, Хухутом Бгажба написаны и статьи, посвященные разным вопросам устного народного творчества абхазского народа. К ним относится и статья Хухута Бгажба под названием «Об абхазских пословицах», вошедшая в сборник «Материалы об абхазском языке и фольклоре», изданный на русском языке Абхазским институтом в 1939 году. Это – первая научная статья, посвященная абхазским пословицам. В ней автор широко освещает вопросы, связанные с жанром пословицы: какие темы встречаются, их содержание, построение, художественные приемы, больше всего встречающиеся в пословицах и т.д.

Из исследований Хухута Бгажба, посвященных вопросам абхазского фольклора, можно выделить статью, посвященную абхазскому героическому эпосу, которая вошла в сборник «Вопросы изучения эпоса народов СССР» (Москва, 1958). Эта статья во многом примечательна. В ней автор достаточно широко и ясно дает понять, что в устном народном творчестве абхазского народа жанр героического эпоса занимает исключительное место, и какие основные памятники мы имеем в этом жанре. Ученый совершенно верно определяет, что в абхазском фольклоре основными памятниками героического эпоса, имеющими архаичный характер, являются сказания о Нартах, сказание об Абрыскиле и историко-героические песни и сказания феодальной эпохи.

В рамках одной статьи автор рассказывает о значении и особенностях этих памятников. Несмотря на использование некоторых терминов, вызывающих сожаление (например, сказание об Абрыскиле автор называет «легендой»), эта статья и сегодня не потеряла своей актуальности. Многие мысли, и выводы автора могут быть восприняты и в наше время.

В ноябре 1963 года в Сухуме состоялась Всесоюзная научная

конференция, посвященная Нартскому эпосу. Доклад, сделанный Хухутом Бгажба на этой конференции, стал впоследствии основой его статьи «Абхазский Нартский эпос и его исследование», которую позднее опубликовал, дополнив новыми материалами. В этом произведении автор глубоко исследует художественные особенности абхазского Нартского эпоса и отмечает серьезный и кропотливый труд ученых (Б. Шьыкуба, Ш. Инал-ипа, К. Шакрыл, Ш. Салакая, А. Аншба и др.) в деле его собирания и исследования».

В статье С. Зухба дал полное представление о свершениях Хухута Бгажба в области фольклористики, в исследовании народного устного творчества. Добавлю к сказанному некоторые свои размышления.

Хухут Бгажба начал заниматься собиранием и исследованием абхазского народного творчества с ранней юности. Впервые читатель знакомится с его работами после их выхода в 1940 году в Сухумском государственном издательстве книги «Абхазские сказки». Редактором сборника является А. М. Чочуа, который был тогда директором Абхазского института. Предисловие и примечания были написаны одним из выдающихся русских советских фольклористов Н. П. Андреевым. Это предисловие на абхазский язык перевел Хухут Бгажба. Здесь профессор Н. П. Андреев, следуя существовавшим в то время традициям, подробно говорит о дальнейших задачах советских фольклористов, об обязанностях, которые накладывает на них профессия, о значении собирания и исследования устного народного творчества в развитии духовной культуры наций. После этого Н. П. Андреев приступает конкретно к абхазским сказкам: «И абхазские сказки, как бы они не были схожи со сказками других народов, они являются собственно абхазскими, творчеством абхазского народа. Развивая наши знания о мировом сказочном материале, они расширяют и утверждают, имеющиеся у нас сведения о культуре и творчестве абхазского народа. Вот в чем их исключительное значение».[1]

Далее профессор Н. П. Андреев отмечает, что до революции в России изучению абхазских сказок не придавалось никакого значения, но, когда пришла свобода, абхазским сказкам начали оказывать особое внимание. Хотя сделано немало, но как пишет Н. П. Андреев, проблем в собирании и исследовании абхазских сказок еще остается очень много. В своем предисловии Н. П. Андреев выделяет национальные особенности абхазских

[1] *Абхазские сказки. Сухум, 1940, с. 10.*

народных сказок в сравнении со сказками других народов. Он ставит перед абхазскими учеными, особенно молодыми, главной задачей коренным образом всестороннее и последовательно заниматься исследованием собиранием и записью абхазских сказок, подчеркивает, что «это станет новым вкладом не только в изучение абхазской сказки, но и принесет большую пользу всей мировой сказке».[1]

Ставя перед абхазскими фольклористами задачи, Н. П. Андреев писал:

«Чтобы заложить крепкую основу для изучения и использования сказок, необходимо в первую очередь организовать на должном уровне работу над собиранием материала. Поэтому и нужно всегда заново возвращаться к обсуждению проблем, связанных с собиранием сказок. Нужно понять, что сказка – один из элементов национальной культуры, относится к культурному наследию. Безусловно, нужно установить степень распространения в прошлом и в настоящем. Определить характерные признаки того, как эти сказки рассказывались раньше и рассказываются теперь. Отметить, какие сказочные сюжеты известны в Абхазии, кроме того, какие особенно виды имеют распространение; установить, как одинаковые сказочные сюжеты меняются в зависимости от разных сказителей и разных мест. Особенный интерес и значимость представляют определение того, какие сказки и рассказы появляются уже в наше время, понять характер творческих процессов, происходящих после социалистической революции. В наше время у всех народов, населяющих Советский Союз, мы наблюдаем, расцвет народного творчества; в первую очередь, появляются новые сказки, посвященные советской тематике. Особо важно отметить такого рода факты и в творчестве абхазского народа.

Для расширения народного творчества необходимо выделить творческие кадры: народных певцов, народных музыкантов, народных художников, скульпторов и других; к ним нужно причислить мастеров-рассказчиков. Нужно оказать им культурную и творческую помощь, заботиться о них, содействовать творческому развитию их талантов. Например, неграмотного русского сказочника М. М. Корчуева произвели в члены Союза советских писателей, и действительно, он этого достоин; излишне здесь говорить обо всем известных именах народных певцов – Сулеймана Стальского, Джамбула и других, безусловно, и у абхазского народа есть свои замечательные пев-

[1] *Там же, с. 12.*

цы и сказители.

Вот такими являются многочисленные задачи, стоящие перед деятелями и ценителями абхазской культуры в области сказок».[1]

С того времени, когда Н. П. Андреев написал предисловие к сборнику «Абхазские сказки» произошли большие перемены. Стала развиваться фольклористика как наука. В ней также произошли перемены. Но те задачи, которые русский фольклорист ставил перед коллегами в деле собирания, исследования и выявления их своеобразий, за редким исключением, остаются актуальными, и по сей день.

В то время, когда Н. П. Андреев написал статью, ее переводчик, Хухут Бгажба был еще совсем молодым. Его творческие свершения были впереди. Кроме того, тогда еще не было подготовленных профессиональных абхазских фольклористов. Но выдающийся русский фольклорист предвидел, что среди талантливого абхазского народа вырастет поколение хороших специалистов. Сегодня у нас есть ученые-фольклористы, которыми мы вправе гордиться. Их работы в науке занимают видное, почетное место. К ним относятся доктора филологических наук Ш. Салакая, С. Зухба, З. Аджапуа, а также Д. Адлейба, А. Аншба, Р. Хашба, В. Когониа, Ц. Габниа, С. Тапагуа.

Огромная работа по исследованию, собиранию и записи абхазских сказок и народных сказаний была сделана Д. Гулиа, Б. Шинкуба, А. Хашба, В. Кукба, Н. Патеипа, А. Чукбар, М. Гулиа К. Шакрыл, Ш. Инал-ипа, К. Ковач и И. Кортуа. Среди выдающихся ученых не абхазской национальности большой вклад в дело исследования и собирания фольклора внесли Н. Я. Марр, С. Н. Джанашиа, П. Г. Чарая, С. А. Алферов, Н. М. Альбов, Ф. И. Лукьянов и многие др.

Хухут Бгажба как фольклорист раскрылся и стал известен и за пределами Абхазии после выхода в свет сборника «Абхазские сказки», составленного им совместно с К. Шакрыл. После нее Хухут Бгажба и Дмитрий Гулиа составили и выпустили в свет книгу «Абхазская народная поэзия». В предисловии Д. Гулиа и Х. Бгажба пишут: «На наш взгляд, в основном эта книга предназначена для языковедов и специалистов абхазского языка – лингвистов. Она может служить хорошим материалом для них, тех, кто исследует язык с древнейшей его основы, сравнивая прошлое, новое и настоящее языка, отмечая все его изменения – добавления и убавления, а также причины, по которым все эти перемены

[1] *Абхазские сказки. Сухум, 1940, с. 20–21.*

произошли.

Как отмечалось нами выше, в основном, эта книга – для лингвистов. Но «в основном», а если она была издана исключительно только для специалистов, то здесь нашли бы свое место, не вошедшие в книгу, не очень удобные для произношения, не совсем приличные песни хулы, порицательные песни. А ныне их нужно оставить за рамки этой книги. Они остаются сейчас в рукописном виде в архиве института.[1] Все вошедшие в сборник материалы относятся к дореволюционной устной поэзии.

Стихи, которые вошли в этот сборник, за редким исключением, абхазы исполняют в форме песни или в сопровождении ачамгура и апхярцы.

Таким образом, мы убеждаемся наяву, что утверждение некоторых о том, что в абхазских песнях нет слов – неверно. Однако есть, в действительности, песни, например «Азар» и некоторые другие песни, которые исполняются на слишком высокой ноте, тонким голосом, в них, правда, слова не очень сочетаются с мелодией, со словами голос становится более низким, сбивается мотив, переходя на другую мелодию».[2]

Как отмечают авторы в предисловии, мы видим: песни, посвященные мужеству, героизму; песни, посвященные только хуле, порицанию; песни, обращенные к Богу, песни, обращенные к Аергу (божество, покровитель охоты, зверей и войны); песни о девушке и парне, о замужестве и женитьбе и т.д., а также шуточные песни, частушки, песни, в которых хула и хвала смешаны и т.д.

В песнях о мужестве, героизме, поднимающих и укрепляющих дух – авторы выделяют примеры, в которых выражено общее, что их объединяет или заслуживает особого внимания:

* * *

«Из-за пули, вылетевшей из ружья
Не прятавшийся за деревом».

* * *

«Словно волчица, врывается к ним
Как турецкий жеребец, сбивая их в кучу».

* * *

«Трусость – дар от черта,

---

[1] *В сожженом здании Абхазского института во время Отечественной войны народа Абхазии погибли и эти рукописи.– Р. К.*

[2] *Абхазская народная поэзия. Сухум, 1941, с. 6.*

Мужество – рождено Нартами»

* * *

«Кто отступил, испугавшись,
Подобен своей матери всего боящейся,
Кто победил, не струсив, –
Герой из героев»

Так призывали к мужеству. Эти стихи поют как песни, исполняют их на ачамгуре и апхярце, и мелодии удивительно хорошо ложатся на эти инструменты.

Авторы приводят и примеры, рассказывающие о том, как парень и девушка заигрывают, ругают и хвалят друг друга.

* * *

От девушки:
«Парень гордый, с торчащими усами,
На кляче рысью и в скрипящем седле»

* * *

«Зачем коршуну цветок,
Который держит он в зубах»…

От парня:

«Опоясана непонятно чем,
Ешь неправильно сделанную мамалыгу
С колючкой и жидкой подливой
Несчастная дочь Рыца».

Здесь мы видим излишнюю хулу, произносимую складно, а также хвалебные стихи, которые исполняются пространно, не делая никаких пауз, эти мелодии тоже хорошо ложатся на народные инструменты.

Рассматривают авторы и песни, посвященные Аергу, которые исполняются в ненастные дни на охоте, когда удается застрелить зверя. Из этих песен, кроме «Атларчопа», другим не очень подходит музыкальное сопровождение на ачамгуре и апхярце. Таких песен немного, но из-за их отличия от других песен, авторы указывают их отдельно.

Авторы пишут: «Оставшиеся песни объединены в одну смешанную главу. Здесь мы видим в одной песне и хвалу и хулу. Например:

«Скажу тебе о снохе твоей матери,
Стан ее, словно Гагринский залив,
Тело у нее, как папирусная бумага,
Талией тонка, широка в бедрах,
Ноги, словно у чалого петуха,
В каждом болоте ставит по силку,
Но поймать она может только жаб,
Дыхание у нее, как у черного пса»

Подобных песен приводится много. Кроме того, есть немало и таких, когда во время исполнения сначала говорится о гордости, а затем исполнитель вдруг переходит совсем к другой, никак не связанной с этой темой песне, например к хуле. Но, не остановившись и там, приступает к совершенно другому рассказу, никак не относящемуся к ранее сказанному, с перечислениями каких имен и фамилий, вплетая в рассказ какие-то слова без начала и конца. Это происходит по следующей причине: если рассказ показался сказителю слишком коротким, он добавил к нему другое, а затем, уже, чувствуя, что и он короток, добавил третий, а затем и четвертый, так прибавляя одно к другому, сделал из всей этой мешанины один пестрый рассказ,[1] – отмечают Д. И. Гулиа и Х. С. Бгажба.

Вот примеры, подтверждающие этот вывод:

* * *

«Скажу тебе, какова гордая девушка,
Стоит она гордо-гордо.
Как сидит, так и стоит»

* * *

«Ольха, не обвитая виноградной лозой,
Слепая речка без воды
Негодная женщина, бесплодная»

* * *

Яичная голова, Соулах,
Тринадцатоусый Шахан

Как отмечают составители сборника, вошедшие в книгу ма-

[1] *Абхазская народная поэзия. Сухум. 1941, с. 8–9.*

териалы собраны научными работниками Абхазского института, кроме того, в книге указаны, за редким исключением, имя, фамилия, возраст и место проживания каждого из сказителей, а также год, когда было записан сказание.

Эта книга была первой ласточкой, объединившей в одну книгу абхазскую народную поэзию. Если она и не отражала в полном объеме всю абхазскую народную поэзию, и не лишена была некоторых недостатков, но в то же время стала значительным явлением, способствовавшим пробуждению интереса для будущих исследователей абхазского устного народного творчества.

В 1972 году Хухут Бгажба в Сухуме переиздает ее в дополненном виде. Предисловие к переизданной книге написал известный ученый – фольклорист Сергей Зухба. В нем он отмечает, что абхазский народ, хотя и малочисленный, но подобно и другим народам, прошел большой исторический путь своего развития, так же, создал на этом пути замечательные памятники духовной культуры, которыми вправе гордиться и стоять наравне со многими великими многочисленными народами мира.

В абхазском фольклоре мы видим все жанры, которые присутствуют в фольклоре других народов мира – разнообразные песни, героические сказания, сказки, легенды, мифы, пословицы, загадки, скороговорки, заклинания. Автор подчеркивает, что материалы абхазского фольклора стали записывать еще со второй половины XIX века, но до установления Советской власти в Абхазии этой деятельности не уделялось достаточного внимания. Напротив, кое-где в печати некоторые ученые высказывали мнение, будто в фольклоре абхазов отсутствует поэзия, и в абхазских песнях нет слов. Однако ошибочность подобного рода высказываний в полной мере проявилась после установления Советской власти в Абхазии, когда началась активная и особо внимательная работа над собиранием, изданием и научным исследованием абхазского фольклора.

Как пишет Сергей Зухба, в настоящее время, изданный в 1941 году Д. Гулиа и Х. Бгажба отдельной книгой сборник, является редкостью, ее трудно найти. К тому же она была издана на абхазском алфавите на основе грузинской графики. Автор предисловия отмечает, что с тех пор появилось много материалов, и переиздание книги, дополненное новыми материалами, является заметным и полезным шагом в деле собирания и исследования абхазской народной

поэзии.

В своей предваряющей сборник статье «Вместо предисловия» Х. С. Бгажба отмечает:

«…В предисловии мы отметили, что и тексты записей не были лишены недостатков. Записыванием абхазских песен, если не говорить о тех песнях, которые записывались от случая к случаю, изредка, начали широко заниматься в 30-е годы. Записывавшие их люди тоже не все были хорошо подготовленными специалистами в области собирания устной поэзии, и редко, кто из них был профессионалом этого дела. Над собиранием народной поэзии в основном тогда трудились Д. Гулиа, А. Генко, М. Гочуа, С. Амичба и др. Все, что они записали и сохранили – стало иметь огромное значение для абхазского фольклора.

Но в сборнике «Абхазская народная поэзия» есть немало ошибок. Главной из этих ошибок является то, что классификация песен и стихотворений была сделана тогда только наполовину. С тех пор прошло много времени. В области собирания и исследования абхазской народной поэзии мы заметно продвинулись вперед, но и впереди у нас много работы».[1]

Хухут Бгажба вспоминал о Дмитрии Гулиа: «Дмитрий Гулиа хотел дополненного издания сборника. Об этом он не раз говорил со мной, но при его жизни, по разным причинам, это его желание не было осуществлено. И я хочу, несмотря на то, что прошло много времени, чтобы изданием этой книги хотя бы в какой-то степени исполнить его желание. Во втором издании книга была более упорядочена, она стала шире и многообразнее. В нее вошло немало нового материала. К ним нужно причислить: образцы народной поэзии, опубликованной в первой абхазской газете «Апсны». Здесь читатель может увидеть, напечатанные тогда в газете материалы, записанные Д. Гулиа, Н. Лакоба, С. Чанба, Н. Патеипа, М. Хашба и другими.

Народные песни и стихотворения, вошедшие во второе издание сборника, классифицированы на 8 групп: 1) Трудовые песни; 2) Мифологические (ритуальные) песни; 3) Заклинания, заговоры; 4) Историко-героические песни; 5) Бытовые песни и стихотворения; 6) Любовные песни; 7) Частушки; 8) Прибаутки.

В книге стихотворения пронумерованы, новые материалы, вошедшие в книгу, обозначены звездочкой (*), которая поставлена рядом с цифрой. И другое, о чем следует сказать – песни

[1] *Абхазская народная поэзия. Сухум, 1972, с. 142.*

и стихотворения оставлены так, как они были записаны, без какого-либо приглаживания и отшлифовки. Думаю, что так будет лучше для тех, кто в дальнейшем будет пользоваться этой книгой».[1]

Хухут Бгажба интересовался всеми жанрами абхазского фольклора, собирал их, исследовал и публиковал. Об этом свидетельствует все сделанное им в этой области: статьи, доклады, изданные книги. Я не буду здесь говорить обо всех его работах, считая достаточным и того, что уже было сказано, но отмечу наиболее характерное.

Доклад «Об абхазском героическом эпосе», сделанный на научной конференции Абхазского института 25 января 1955 года, позднее опубликованный в XXVI томе Трудов Абхазского института – одна из первых работ, посвященная исследованию абхазского народного эпоса. В нем автор убедительно выявляет значение и особенности героического эпоса абхазского народа дописьменной эпохи об Абрыскиле и Нартах. Абрыскила народ создал как символ свободы, независимости и стабильной жизни, и он бессмертен поэтому в их истории. Хухут Бгажба поэтому делает вывод о том, что с образом героя народ связывал свои лучшие надежды. На него, как на спасителя, смотрел народ в самые тяжелые и опасные моменты своей жизни.

Представляет особый интерес и история записи сказания об Абрыскиле. Хухут Бгажба пишет о том, что до революции очень мало уделяли внимания собиранию и исследованию абхазского фольклора. И в выходивших тогда на Кавказе книгах «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», газете «Кавказ» и других изредка появлялись публикации, посвященные фольклору, языку и быту абхазов. Но с 70-х годов XIX века различные варианты сказаний об Абрыскиле были записаны на русском языке. Два варианта сказаний о герое Абрыскиле, прикованном в глубокой пещере, были записаны А. Иоакимовым. Они были напечатаны на страницах газеты «Кавказ» в 1873 году за №66. Статья называлась «Предрассудки моих учеников». Далее следовала статья И. Лихачева, посвященная сказанию об Абрыскиле (Х. С. Бгажба иногда эпос называет легендой, ибо те, кто записывал это сказание пользовались именно этим термином), которая называлась «Чиловская пещера и легенда о Абласкире – Прометее».[2]

---

[1] *Абхазская народная поэзия. 1972, с. 142–143.*

[2] *И. Лихачев. Чиловская пещера и легенда о Абласкире – Прометее.*

По этой записи Абрыскил был исполином, не знавшим Бога, не верившим в него, который боролся за правду и справедливость народную.

По оценке Х. Бгажба, наиболее подробно сказание об Абрыскиле записал уважаемый народный учитель, хорошо знавший историю В. Гарцкия в своем очерке «Абрыскил – абхазский Прометей».[1]

В этой записи Абрыскил предстает абхазским героем, борющимся за правду и народное дело. Он готов на все ради правды, пренебрежительно относится к Богу, не послушен ему.

Кроме того, сказание об Абрыскиле записал Н. Джанашиа в работе «Абрыскил (Амирани) – абхазская легенда». (Акакис Крэбули, 1898, № 5). В ней рассказывается о вражде Абрыскила с фамилиями (родами) Эшба и Кацуба. По Н. Джанашиа, это сказание пришло к нам через века из древности, когда в Абхазии царили плохие отношения и вражда друг к другу, очень сильно тормозившие социально-экономическое развитие народа.

И в дореволюционное время о герое эпоса – Абрыскиле писали, подвергали анализу в своих работах многие ученые, например, В. Ф. Миллер, Л. Г. Лопатинский, Н. Я. Марр и др.

Хухут Бгажба не забывает и о том, что образ героя эпоса – Абрыскила в абхазской литературе впервые вывел Д. И. Гулиа. В его стихотворении «Абрыскил», созданный в 1906 году образ народного героя показан так, как воспринимал его народ. По мировоззрению автора стихотворения, как отмечает Хухут Бгажба, Абрыскил близок к народу, он – гуманист. Правда, не справившись, с господствовавшими в жизни, да господствующими и в наши дни, напастями и передрягами социального неравенства, он ушел навечно в горы. Но в памяти народа остался как символ свободы и независимости Абхазии. Поэтому его имя навсегда оказалось неотъемлемой частью исторической памяти нашего народа.

Когда Хухут Бгажба писал данную работу, в 1955 году, еще не вошли в абхазскую литературу стихотворный роман Владимира Анкваб «Абрыскил» и драма «Абрыскил» Андрея Лагулаа. И в них образ Абрыскила, как и в стихотворении Д. Гулиа, показан как символ свободы и независимости. Но в стихотворном романе образ героя раскрыт более широко, дополнен творческой фантазией автора, перекликается с нашим временем. Словом,

---

«Труды. V арх. съезда в Тифлисе». Москва. 1887, №2.

[1]В. Гарцкия. Абрскил – абхазский Прометей. СПОМК, выпуск XII, 1892.

автор в раскрытии образа героя вышел далеко за рамки того, что было создано народом. Абрыскил становится в романе борцом за всеобщую справедливость, противником зла.

Во второй части своей статьи Хухут Бгажба пишет о героическом эпосе абхазского народа – сказаниях о великих Нартах. Этот эпос занимает исключительное место в абхазском фольклоре, хотя и является общим для многих народов Кавказа:

«Как ни близки сказания о Нартах у разных народов Кавказа, все же у каждого народа они имеют свое национальное своеобразие в разработке образов и тем (типаж, отбор сюжетов, циклизация мотивов, композиция, стиль, контаминаций и пр.). Нартские сказания абхазцев до сих пор остаются почти неизвестными в научной литературе. Только за последние годы предпринята серьезная попытка выяснить своеобразие этого эпоса, описать его основные сюжеты и образы».[1]

Прав ученый, тогда, кроме названной им, как в докладе, так и в работе, статьи Ш. Инал-ипа «Об абхазских нартских сказаниях» (см. «Труды» Абхазского института, XXIII т., 1949), не было ни одной работы, о которой можно было говорить. Мы будем правы, если скажем, что основоположником исследования Нартского эпоса стал Ш. Инал-ипа. Именно с него началось изучение героического эпоса о Нартах.

Значительным явлением стала книга «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Впервые она вышла в свет в Москве в издательстве «Советский писатель», а затем – вновь на русском языке в 1988 году уже в Сухуме. Текст книги был составлен Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл и Б. В. Шинкуба. Предисловие было написано Ш.Д. Инал-ипа. С абхазского языка прозаический текст перевел Георгий Гулиа, а стихи – русский поэт В. Солоухин.

Несомненно, эта книга представляет огромный интерес для неабхазских читателей, она сделала популярным абхазский эпос о Нартах, до этого еще не было такого сборника, и читатели не знали его в таком целостном виде. И предисловие к книге, хотя и написано с целью популяризации эпоса, имеет и исследовательский характер.

Кроме того, много сказаний о Нартах, посвященных его главным героям, мы находим и в книге «Абхазские сказки», которая была составлена и переведена на русский язык Хухутом Бгажба.

Как известно, сказания о Нартах и об Абрыскиле более известны в народе в прозаической форме, но в Нартском эпосе

[1] *Труды АбИЯЛИ, XXVI, 1955, с. 238.*

мы встречаем эпические песни и в стихотворной форме.

«Наряду с нартскими напевами в абхазском фольклоре значительное место занимают историко-героические песни и былины. Они часто исполняются с музыкальным сопровождением. Любимые музыкальные инструменты старинной Абхазии – это апхярца (аԥхьарца, двухструнный смычковый инструмент) и ачарпын (асарпын, свирель). В старину у абхазцев был еще щипковый музыкальный инструмент, наподобие арфы (аҩымаа), имевший четырнадцать струн; известен еще ахымаа – 28-ми струнный инструмент»,[1] – пишет Хухут Бгажба.

Хухут Бгажба отмечает, что в старинных историко-героических фольклорных произведениях главными, ведущими темами были героизм, смелость, защита родины, борьба за социальную справедливость. Через воспевание и восхваление героизма, создание и пропаганду образа героя из героев (афырхаца), осуждение «живого трупа» – труса и предателя эпос воспитывал в людях высокие моральные качества и любовь к Родине. Хухут Бгажба подчеркивал, что созданные народом героические песни ветер мгновенно доносил до слуха народного и они становились сразу же популярными. Не было выше подарка для героя, чем песни, созданные народом в его честь, ибо они делали его имя бессмертным. Эти песни исполнялись в больших сходах, свадьбах, скачках и других торжественных народных мероприятиях.

В статье «Об абхазском героическом эпосе» Хухут Бгажба исследует, созданные абхазским народом героические песни: «Отважный Пшкяч-ипа Манча и Баалоу-пха Мадина», «Песня о Кыдж-Капыте и Самагьхуаа»(Кәыџ Капытеи Самґъхәааи рашәа»), «Песня о Напха Кьягуа», «Песнь о Кяхь Хаджарате». В историко-героической «Песне о Пшкяч-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине» удивительным образом показана картина борьбы против полчищ захватчиков (аџстыр). До сегодняшних дней не исследовано значение слова «аџстыр», и только тогда, когда оно будет изучено, станет известно, кто напал на Абхазию с целью ее порабощения или против кого боролись абхазы. Безусловно, показанные в поэме события имеют историческую основу. На войне за свою землю самоотверженно сражался герой Манча. И народ создал картину этой битвы так, чтобы она дошла нас через века, не потеряв теплоту чувств, вложенных в нее создателями. А это красноречиво свидетельствует о том, что художественное слово не

[1] *Абхазская народная поэзия, 1941, с. 241.*

было чуждо абхазскому народу.

Как мы видим из текста, на окраине страны жила единственная сестра семи братьев охотников прекрасная Мадина. Никто из мужчин не смог покорить ее сердце, кроме Манчи.

«В поэме передано с теплым лиризмом объяснение влюбленных, что не так характерно для других историко-героических песен. На второй день семидневного празднования свадьбы происходит нашествие каких-то апстыр, захвативших часть Абхазии. Весть об этом горе пронеслась по стране. Народ стал готовиться к отпору»,[1] – пишет Хухут Бгажба.

Далее, продолжает Хухут Бгажба, мы видим реальные картины войны. Героическую гибель Манчи, и, как положено издревле, временное затишье, пока не будет предано земле тело геройски погибшего воина на фамильном кладбище, после которого Мадина, переодевшись в мужское платье, идет на войну, заняв место своего мужа, и вместе с абхазскими воинами одерживает победу. И только в конце, когда народ хочет узнать, кто же этот герой, проявивший, благословение Богу, столько отваги и мужества, все узнают, что это была переодетая в мужскую одежду, юная жена героя Манчи – Баалоу-пха Мадина. Все это отражено в сказании мастерски, не хуже, чем в любой другой художественной поэме. Правда, хотя автор работы не сказал об этом (а, если бы и отметил, не унизил бы этим народный шедевр, он остается бессмертным памятником устного творчества), нельзя не увидеть, что один из составителей сборника «Абхазская народная поэзия», Народный поэт Абхазии, академик Баграт Шинкуба поработал над поэтическим звучанием песни.[2]

Об образе Мадины Хухут Бгажба пишет:

«В абхазских эпических сказаниях и песнях мы встречаем женщин-героинь, которые так же, как и Мадина, переодевшись в мужское платье, совершают героические подвиги, мстят за своих мужей, выручают братьев и сестер из заточения. Но среди женских персонажей абхазского эпоса выделяется образ Мадины – этой нежно любящей жены, цельной и мужественной натуры, обладающей огромной силой воли и глубоко преданной народу и своему патриотическому долгу.

Язык песни живой и образный. Ритм ее меняется соответственно характеру описываемых событий.

«Песня о Пшкяч-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине» занимает наиболее выдающееся место среди абхазских историко-

[1] *Абхазская народная поэзия, 1941, с. 241–242*

[2] *Там же..*

героических сказаний».[1]

В статье анализируются бессмертные и славные образы героев, сторонников крестьян, поборников справедливости и социального равенства, воспетых народом в героических песнях «Песнь о Кудж Капыте и Самагьхуаа», «Аджыр-ипа Данакай» (Аԥыр-ипа Данаҟаи), «Песнь о Кяхь Хаджарате».

Созданные народом песни, раскрывающие историю народа, пережитое – это и есть их жизнь, говорит Хухут Бгажба. Поэтому перед фольклористами стоит задача сохранения, собирания и исследования абхазского фольклора, дошедшего до нас (ведь очень много материала исчезло по причине отсутствия собственной письменности в глубине веков). Автор отмечал, что эти бесценные памятники устного народного творчества, отражающие жизнь народа, дошедшие с древних времен и их героические образы – способны защитить свою Родину, сохранить национальное своеобразие народа.

Кроме того, «эпические произведения важны во многих отношениях. Помимо известной литературно-художественной ценности, они содержат сведения, которые могут оказаться полезными в деле изучения ряда вопросов, этнографии и истории Абхазии».

Статья была написана в 1955 году. До этого кадров, способных справиться в полной мере с проблемой, стоявшей в области фольклористики, неоткуда было брать. К счастью, сегодня у нас есть специалисты-профессионалы, теоретически хорошо подготовленные, любящие свою профессию и сумевшие сделать немало в абхазоведении, надеюсь на них в будущем.

АБХАЗСКИЕ СКАЗКИ

Можно с уверенностью сказать, такого широкого распространения, как книга «Абхазские сказки», составленная Хухутом Бгажба, с его предисловием, не имело в этой области ни одно издание. Она выходила неоднократно и большими тиражами в Сухуме, Москве, Тбилиси, Киеве и за пределами СССР в переводе на другие языки.

Книга раскрывала глубину жизненной философии, заложенную в сказках и сказаниях абхазского народа, его жизненную правду. К тому же Хухут Бгажба в сборнике литературно обработал народные сказки, не меняя их стиль, композицию,

[1] *Труды Абхазского института. Том XXVI, 1955, с. 247.*

сюжет и, главное, идейное содержание, наоборот, ярче выявляя глубину этих сказок, он сделал их художественными произведениями. Это и обогатило и улучшило качество сказок, сделало их востребованными для широкого читателя. В этом ученый напоминает писателя Павла Бажова.

Государственный и общественный деятель Энвер Капба, когда работал первым секретарем Гагрского горкома партии, рассказывал мне, что среди книг об истории и курортах Абхазии, которые дарили гостям, была «Абхазские сказки».

Несмотря на это, порой можно было услышать от людей недалекого ума или же от тех, кого пожирало чувство зависти, упреки в том, что некоторые наши ученые, которых мы считаем серьезными исследователями, увлеклись сказками, будто в абхазоведении не осталось проблем, требующих исследования.

Во время приема в коммунистическую партию в Сухуме, ныне академика, Сергея Зухба кто-то из членов комиссии (не буду называть его, он уже ушел из жизни, был по национальности абхаз) спросил, кто он по профессии и чем занимается. Сергей с удовольствием ответил, что занимается изучением абхазского фольклора. Тут спросивший его партийный работник, большой интеллигент неожиданно упрекнул его: «Неужели ничего другого не нашел, чем заняться в этом огромном институте, а если и сам не смог, найти, никто из старших не подсказал?!».

Известный русский фольклорист, профессор Н. П. Андреев в 40-х годах прошлого XX века писал об абхазском фольклоре: «Абхазские сказки и по своей интернациональной основе, и по своему национальному характеру представляют значительный интерес. Они свидетельствуют о больших творческих силах абхазского народа в области художественного слова».[1]

А до этого, в 20-е годы великий русский советский писатель А. М. Горький, обращаясь к молодым абхазским писателям, писал: «Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды… И это может много дать не только вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии».[2]

Высказанные мысли разделял и брал во внимание и Хухут Бгажба. Предисловие к «Абхазским сказкам» он начинает с глубокой древности истории своего народа, создавшего шедевры устного народного творчества:

---

[1] *Абхазские сказки. Сухум, 1976, с. 3.*

[2] *Там же.*

«Абхазия – древняя страна. Еще в I–II веках в греко-римских письменных источниках упоминается о предках абхазского народа – апсилах и абазгах. До нашей времен сохранились развалины древних храмов и крепостей, свидетельствующие о богатом прошлом страны».[1]

Не только с историей хочет ознакомить своих читателей Хухут Бгажба. Он хочет, чтобы читатели знали, что родиной создателей таких прекрасных сказок и бессмертных сказаний является эта прекрасная земля с богатой и удивительно красивой природой:

«Богата и живописна Абхазия. Высокие горы с белоснежными вершинами уходят в облака, скалистые хребты изрыты глубокими ущельями; в глубине их клокочут бурные потоки. Склоны гор покрыты густыми лесами, а внизу у берега моря радует глаз роскошная субтропическая растительность.

Природа края и щедроты очаровывают каждого, кому случается посетить этот уголок земли. Но эти же естественные богатства делали Абхазию лакомым куском для многих незваных пришельцев…

Однако, несмотря на бесправие, эксплуатацию, насилие, абхазский народ свято хранил свою национальную самобытность, родной язык, обычаи, верования.

При этом огромным подспорьем народной памяти служил фольклор – изустное словесное творчество, заменявшее абхазскому народу литературу до момента возникновения абхазской письменности и продолжавшее позже бытовать в передаче сказителей».[2]

Материалы, вошедшие в сборник «Абхазские сказки» показывают нам неповторимое своеобразие художественной мысли и мировоззрения абхазского народного устного творчества. Сказки Хухут Бгажба классифицирует по содержанию и тематике: Предания и Мифы; Сказания о Нартах; Сказки о животных; Волшебные сказки; Бытовые сказки; Небылицы и анекдоты.

Читатель «Абхазских сказок» может воочию убедиться в богатстве и разнообразии тем наших национальных устных сказаний, в глубине духовной культуры нашего народа. Как пишет в заключение предисловия составитель и переводчик этого сборника Хухут Бгажба, в книге собраны наилучшие образцы абхазских народных сказок, которые могут быть интересны неабхазскому читателю.

---

[1] *Абхазские сказки. Сухум,1976, с. 3.*

[2] *Там же.*

«Абхазские сказки», составленные и переработанные Х. Бгажба, впервые вышли в свет в 1959 году в Сухуме, тиражом более 80 тысяч экземпляров и сразу же были раскуплены читателями. Позже он был издан еще несколько раз, последний (посмертно) – в 2002 году.

За каждым, кроме последнего, новым изданиями Хухут Бгажба следил всегда внимательно, исправлял недостатки, стиль языка, характерного для сказок упрощал так, чтобы он был хорошо воспринят читателем. Тем более что сказки в основном были предназначены для юных читателей, подрастающего поколения. Все это постоянно учитывалось в новых изданиях, он вносил некоторые изменения в тематику, добавлял до сих пор неизвестные читателю новые материалы.

Автор не дожил до последнего издания книги. Однако Хухут Бгажба успел его доработать и полностью подготовить к публикации еще в 1992 году. Из-за распада Советского Союза и агрессии грузинских националистов, ввергших Абхазию в 1992 году в войну, она оставалась неизданной. Но позже, по проекту, реализованному академиком О. Х. Бгажба, «Абхазские сказки и пословицы» увидели свет.

«Богат и разнообразен абхазский фольклор. Но эти богатства еще недостаточно изучены мало опубликованы. В дело собирания и изучения абхазского фольклора определенный вклад внесли такие известные ученые, как Н. Я. Марр, С. Н. Джанашиа, А. Н. Генко, но особенно больших успехов достигли многие абхазские писатели и ученые – Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, А. К. Хашба, В. И. Кукба, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба, Ш. Д. Инал-ипа, А. А. Аншба, С. Л. Зухба, Ш. Х. Салакая, Р. А. Хашба, З. Д. Джопуа, Ц. Габния, В. А. Когониа и др.», – отмечал Хухут Бгажба.[1]

«Абхазский народ – один из древнейших коренных народов Кавказа. Об этом рассказывают и памятники материальной и духовной культуры: остатки стоянок первобытного человека, древние крепостные стены, башни, храмы, руины городищ, надписи и рисунки на камнях; посуда, оружие и многие другие предметы исчезнувшего культа и быта. Все это говорит о богатом и историческом прошлом Абхазии, ее связях с древним культурным миром», – писал составитель «Абхазских сказок».[2]

Помимо обновлений и изменений, внесенных в него, это последнее издание имеет и другую особенность, отличающую

[1] *Абхазские сказки и пословицы. Сухум, 2002, с. 9.*

[2] *Там же, с. 5.*

его от предыдущих изданий книги. В книгу вошли 500 наиболее лучших, на взгляд автора, образцов абхазских народных пословиц, собранных и переведенных на русский язык им самим. Это, безусловно, повышало уровень книги, а также содействовало ее популярности среди неабхазских читателей.

«Настоящий сборник отличается от всех предыдущих изданий тем, что в него вошли устные произведения основных жанров абхазской фольклорной прозы. При их обработке проявлено старание сохранить их народную канву, их идейную и художественную целостность. Путем изучения различных вариантов того или иного сказания восполнялись недостающие звенья, пропуски, устранялись противоречия, встречающиеся в самом тексте, которые могли возникнуть во время записи.

В книге, предлагаемой массовому читателю, отобраны наиболее выразительные образцы словесного творчества абхазского народа».[1]

Хухут Бгажба в предисловии в лапидарной форме, дает понять читателю многие характерные особенности объединенных в сборнике эпических сказаний, сказок, легенд и мифов, показывает структуру их классификации. Все это делает доступнее материал, помогает читателю лучше понять суть и глубинный смысл сказаний, особенно образов героев бессмертных сказаний о Нартах, делает их более близкими для современного читателя.

Вот, например, что он писал о пословицах:

«Они издавна складывались народом, который с их помощью, как бы создавал свою устную школу мудрости. Пословицы составляют неотъемлемую часть абхазского фольклора и литературы. В них отражены жизненный уклад, нравы и обычаи народа – их творца и хранителя. В сборнике приводится лишь незначительная часть абхазских пословиц. Среди них, конечно, встречаются и пословицы по содержанию и форме, смыкающиеся с пословицами, бытующими в фольклоре многих народов мира».[2]

ХУХУТ БГАЖБА – ПЕРЕВОДЧИК, ПИСАТЕЛЬ

«Хороший переводчик заслуживает почета в нашей лите-

[1] *Абхазские сказки и пословицы. Сухум, 2002, с.10.*
[2] *Там же, с. 9.*

ратурной среде, потому что он не ремесленник, не копиист, как обычно считалось тогда, но художник. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и часто вдохновенного творчества. Переводчик – раньше всего талант», – писал поэт, критик и литературовед К. И. Чуковский.

И в это святое для литературы дело – художественный перевод – Хухут Бгажба внес свой существенный вклад. Об этом как нельзя лучше свидетельствует его творческая биография.

С начала литературной деятельности Хухут Бгажба обратил свое внимание на переводческое дело. Потому что имел возможность воочию видеть, какое исключительное значение придавали проблеме перевода основоположники абхазской литературы, классики Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба. Ведь известно, сколько бы оригинальных шедевров не появилось, национальная литература не должна существовать без классических произведений мировой литературы. Они должны в переводе войти в национальную художественную литературу, без этого невозможно, не может быть полнокровным своеобразие национальной литературы.

Безусловно, кому, как не Хухуту Бгажба, который занимался критическим анализом абхазской художественной литературы с самого начала ее развития, было понятно, что абхазской литературе нужна помощь и путем переводов лучших произведений мировой литературы. Подобно Д. Гулиа и С. Чанба, он видел два критерия, которому нужно следовать: во-первых, нужно переводить лучшие классические произведения, а во-вторых, произведения об Абхазии и абхазском народе, созданные писателями других национальностей. Здесь можно в качестве примера привести переведенную на абхазский язык Д. И. Гулиа поэму известного грузинского поэта А. Церетели «Воспитатель».

Хухут Бгажба занялся переводческим делом с ранних лет, еще со школьной скамьи и в студенческие годы, и позже никогда не оставлял его. И, несмотря на неимоверную занятость государственной, общественной и научно-исследовательской деятельностью, переводил на абхазский язык художественные произведения, которые нравились ему, и он считал, что они нужны в нашей национальной литературе. В отборе художественных произведений вкус у него был отменным и он никогда не ошибался.

В 1937 году Хухут Бгажба перевел и издал в Сухуме книгу рассказов выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехова – «Некоторые рассказы». Насколько мне известно, аб-

хазские читатели впервые получили возможность прочесть на родном языке рассказы этого великого русского великого писателя: «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Ванька», «Крестьяне», Хамелеон».

Эта книга открывается предисловием «Краткая биография Чехова». В нем переводчик знакомит абхазского читателя с основными моментами из биографии и жизни русского писателя. Оно написано живо и интересно. Переводчик подчеркивает значимость, место, которое занимают произведения великого писателя в русской литературе, выделяет их особенности, благодаря которым они интересны и близки читателю, особенно советскому и т.д. Хухут Бгажба отмечает, насколько произведения А. П. Чехова соответствуют новому времени, имеют огромное значение в борьбе за лучшую жизнь. Через образы положительных героев Чехов как бы говорит нам, что все люди будут счастливы. Сам писатель был убежден в том, что когда-нибудь на земле должна наступить цветущая и радостная жизнь.

Необходимо не забывать, что Хухут Бгажба писал предисловие (во второй половине 30-х годов прошлого столетия) во время расцвета советской идеологии.

Не занимаюсь сравнительным анализом оригиналов и переводов произведений Чехова. Надо отметить, что переводчик в основном сумел сохранить стиль, форму, чистоту языка, легкость и заложенный глубокий смысл произведений А. П. Чехова.

В дальнейшем Хухут Бгажба, хотя и не так часто, но регулярно возвращался к переводческому делу. Правда, он публиковал их редко.

Об этом свидетельствует вышедшая в свет в 1980 году в Сухуме книга «Переводы и пересказы». В предисловии к этой книге он пишет: «Я давно занимаюсь переводами. В 1937 году вышла отдельной книгой переведенные мной некоторые рассказы А. П. Чехова и его повесть «Крестьяне». В данную книгу из этого сборника вошли два рассказа: «Смерть чиновника» и «Человек в футляре». Позже, в 40-х годах перевел повесть грузинского писателя Лео Киачели «Хакы Авидзба» (эта повесть не раз была включена в программу хрестоматий абхазских школ).

Кроме перечисленного выше, в эту книгу вошли мои переводы, до сих пор нигде почти не опубликованные – басни и короткие рассказы, принадлежащие перу Сулхан-Саба Орбелиани, Льва Толстого, Аветика Исаакяна, Николая Тихонова, Решада Нури. Кроме того, юмор и шутки из устного творчества болгар, татар и карачаевцев. В конце, прибавил к ним

и несколько переведенных мной стихотворений. Разумеется, немало еще осталось моих переводов, не вошедших в эту книгу. Но я не ставил перед собой задачу издания отдельным сборников всех своих переводов. К чему это. Я только лишь выбрал те из них, которые сам считал нужным предложить вниманию читателя».[1]

Благодаря переводам Хухута Бгажба в абхазскую литературу вошли лучшие произведения разных авторов, необходимые, как он считал, для развития нашей национальной литературы.

Во время выхода в свет книги «Переводы и пересказы» я работал редактором в издательстве «Алашара». И меня назначили редактором этой книги. В печати многие ученые и писатели не раз говорили об отношении Хухута Бгажба к своим рукописям, как он внимателен к мелочам, тщательно и скрупулезно готовит материал, прежде чем отправить его в издательство. Это, разумеется, облегчало работу редактора и помогало ему. Но все равно, как бы хорошо ни подготовил он свою рукопись, любил и умел прислушиваться с большим вниманием к мнению и советам редактора, мог сразу же взять на вооружение хотя бы одно хорошее слово, если оно было предложено редактором, поняв, что так оно лучше.

По прочтении рукописи книги у меня как у редактора возникли кое-какие вопросы и я, взяв рукопись, направился к нему. – Оставь ее, я прочту сегодня – завтра, зайдешь послезавтра за ней, – сказал Х. Бгажба, отбирая у меня рукопись и кладя ее на стол.

На третий день в обед я пришел к нему. Рукопись он перечитал и отметил пропущенные мной немногие корректурные ошибки. Мне стало чуть неловко от того, что я не увидел эти ошибки. Увидев мое смущение, он сказал:

– Обычно больше ошибок проходит в машинописном варианте, чем в рукописи – можно проглядеть пропущенные буквы из-за того, что глаз привыкает уже к тесту, не замечает. Поэтому нужно читать не спеша, с карандашом в руке буквально, по словам, так я всегда делаю, – начал говорить он, отложив рукопись, – задача редактора не только исправить корректурные ошибки, он должен стать правой рукой автора в улучшении качества книги. Здесь, что не увидят одни глаза, заметят другие, должен быть в силе и действовать принцип, по которому, как говорится, одна голова – хорошо, а две лучше, – так закончил он беседу со мной. Эти слова убедили меня, что он хотел бы, чтобы мое редакторство было более заметно, то есть, хотел, чтобы я

[1] *Х. С. Бгажба. Переводы и пересказы. Сухум, на абх.яз.,1980, с.3–4.*

увидел и исправил больше ошибок, а я же, к чему скрывать, не увидел, кроме нескольких.

Хухут Бгажба лично был хорошо знаком с поэтом Николаем Тихоновым. В 50-е годы XX века он не раз бывал в гостях у него. И сегодня в библиотеке ученого хранится не одна и не две книги Николая Тихонова с автографом поэта, подаренные Хухуту Бгажба, особенно в те годы, когда он возглавлял Союз писателей Абхазии. С большим уважением критик относился к поэзии Николая Тихонова. Одним из наиболее любимых им произведений поэта была рожденная в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) поэма «Киров с нами».

Помимо поэзии, и прозаические и публицистические произведения Николая Тихонова хорошо известны и за пределами России, его переводили на многие европейские языки. И абхазы, хотя ее и не так много, но читают поэзию и прозу русского поэта и писателя Николая Тихонова на родном языке. К ним относятся и переведенные Хухутом Бгажба на абхазский язык два рассказа Николая Тихонова: «Герой партизан» и «Рассказ о Буденном». Эти произведения относятся ко временам гражданской войны, созданы самой реальной жизнью, они, хотя и небольшие объему, значительные по своему художественному мастерству. И переводчику, действительно, удалось, сохранив художественность и авторский стиль, сделать так, чтобы и они заговорили на чистом абхазском языке и глубоко затронули душу абхазского читателя.

Кроме того, в этой книге опубликованы короткие басни из известной книги, переведенной на многие языки народов мира, грузинского писателя Сулхан-Саба Орбелиани (1658–1725) «Мудрость вымысла»: «Государь и его три сына», «Верблюд и осел», «Человек и змея», «Черепаха и скорпион», «Коршун и утка», «Бездумный пловец», «Жадный бедняк», «Самое сладкое, самое горькое», «Государь и его сын», «Государь и художник».

В книгу «Переводы и пересказы» вошла и перевод повести грузинского писателя Лео Киачели «Хакы Авидзба» на абхазском языке. В этом произведении описываются события, связанные с приходом в Сухум 27 февраля 1918 года большевистского крейсера «Шмидт», командиром которого был боцман Кузьма Килга по прозвищу «Грозный». Писатель мастерски показал беспокойную атмосферу, метания сухумчан, великолепно выписал конкретные образы (Самсона Деванадзе, Нарыка Гулба, РажденаТориа, Бакирбея Чачба, Кузьмы Килга и др.). Взаимоотношения молочного брата и княжеского сына, воспитанника крестьянской семьи, самоотверженность мо-

лочного брата по отношению к княжескому сыну, верность абхазским обычаям в повести раскрыты глубоко правдиво, жизненно и реально. Именно эти два образа – княжеского сына – Уджгуша Емхаа и его молочного брата – Хакы Адзба делают повесть реальной и близкой к абхазской действительности. По моему глубокому убеждению, из всех произведений неабхазских писателей, в которых создан образ абхаза, эта повесть, конкретно образ Хакы Адзба является одним из наиболее ярких и значительных.

Благодаря переводам Хухута Бгажба рассказы армянского писателя Аветика Исаакяна и турецкого писателя Решада Нури впервые вошли в абхазскую литературу. Это – «Верблюд Ахмеда», «Мальчик и море» и «Любовные письма».

Впервые на абхазский язык были переведены и «Габровские анекдоты»: «Габрово – болгарский город. Его жители издревле любят содержательные, нравоучительные, веселые, легкие и смешные короткие рассказы. В них отражаются встречающиеся в жизни хитрости, посмешища, тупоумие, вредные привычки. Словом, габровцы создали известные, прославленные во всем мире блестящие анекдоты.

В книге содержится 60 анекдотов. Когда читаешь их, кажется, что они взяты из абхазского устного творчества, настолько близки нам, потому что так легко, просто, близко к абхазскому восприятию переведены эти анекдоты. Перечитывая, каждый раз, трудно удержаться от заразительного смеха, и так хочется, чтобы эти анекдоты не кончались.

В «Переводы и пересказы» вошли короткие юмористические рассказы, показывающие мудрость и юмор татар, карачаевцев. Они были впервые переведены на абхазский язык, и, насколько мне известно, абхазский читатель получил огромное удовольствие от знакомства с ними.

Хухут Бгажба занимался и переводами поэзии. Об этом свидетельствуют и переводы английских народных песен: «Кузнец» и «Ягненок» и басен известного русского баснописца Ивана Крылова «Волк и кот», «Лиса и крот», «Лиса и осел», «Лиса и виноград». Х. С. Бгажба сумел вникнуть в «тайны» особенностей творчества великого мастера басни и четко передать их.

Глубокий смысл содержится в басне белорусского поэта Кондрата Крапивы «Сова, осел и солнце», которую перевел Хухут Бгажба. Действительно, это произведение заслуживает быть включенным в литературную школьную хрестоматию на абхазском языке, потому, что является образцовым по форме написания, раскрытию поэтических образов и идейному со-

держанию. Переводчику же удалось сделать ее действительно абхазским произведением. Сюжет произведения выглядит так: как-то глубокой ночью сова в поисках пищи рыскала по глухому лесу, и вдруг ее застал рассвет. И день, осветивший всю природу вокруг, ослепил сову, она растерялась, не зная куда податься, испугалась, но решила спасти себя, кинуться в какое-нибудь темное дупло, но не нашла ничего подходящего, дела ее стали плохи. Она испугалась, вся сжалась, не ведая, что делать, но, к счастью, появился на ее пути осел, который сказал ей: «Не плачь, моя милая, твою беду мы исправим, своими большими ушами я прикрою от тебя негодное солнце, чтобы оно не могло больше светить, станет темно, и ты продолжишь свой путь. В темноте не заблудишься и найдешь наконец-то темное дупло». Но осел не смог своими большими ушами затмить солнце. Интересна мораль басни:

Значение этих слов, прожигающих, словно горячая пуля,
Нацелено направляю я к фашистам – совам,
И сочувствующим им – ослам.

В сборнике опубликовано известное стихотворение выдающегося русского поэта М. Ю. Лермонтова «Русалка». которое, по выражению В. Г. Белинского, отражает как нельзя лучше глубину поэта, его жизненную философию и недовольство.

В разделе «Пересказы» собраны абхазские устные народные сказания: «Это – общеизвестное дело, и в национальной литературе других народов немало такого рода примеров. Как они показывают, во время обработки народных сказаний обязательно нужно сохранить без всяких изменений идейно-эстетические особенности этих сказаний. А если это так, то добавленные таким образом мелочи и нюансы, напротив, содействуют более полному раскрытию образа народных сказаний», – писал Хухут Бгажба.

Эти пересказы написаны Хухутом Бгажба как художественное произведение, в основе сюжета которого лежат народные сказания. Стиль приближен к народной форме повествования. К таким пересказам относятся: «Мачеха и падчерица», «Жадный мулла», «Ум и счастье», «Мудрая сноха», «Геройство зависит от обстоятельств», «Две женщины и две ласточки», «Лисий нрав» и др. Всего пересказов 28, разные по объему, но мысли, выраженные в них, взяты из жизни, по своему содержанию они глубоки, заставляют каждого задуматься. Кроме того, в отличие от сказок, в пересказах мы сталкиваемся с рассказами и

притчами, которые имели или же могут иметь место в реальной жизни.

В последний год жизни Хухут Бгажба перевел книгу, в которой собраны древнейшие китайские басни и притчи под названием «Ларец мудрости». Книга на русском языке была издана еще в 1961 году издательством «Детская литература».

Помню, как эту книгу Хухут Бгажба покупал в маленьком книжном магазинчике на углу ул. Ленина (ныне Леона), у известного всем сухумским книголюбам Джамфера Кацуба (Џьамфɛр Қацәба). В этот день я застал Хухута в доме Хакыбея, вышли вместе.

– Руслан, если не занят, зайдем вместе в книжный магазинчик к Джамферу Кацуба – давно к нему не заходил, а у него попадаются очень хорошие книги. К тому же, обидится, если ничего не купим, будет укорять, – шутя, обратился он ко мне. Действительно, Джамфер – очень хороший продавец книг, прекрасно разбирается в них. Таких людей, знающих и любящих свое дело – не так много, – продолжал он говорить, когда мы подошли к книжному магазинчику.

– Здравствуйте, Хухут Салуманович, Вы пришли как раз во время, я только что получил кое-какие новые книги, заходите сюда, – указал на свою маленькую каморку Джамфер, радуясь нашему приходу. – Посмотрите, думаю, вам понравится. Помолчав, добавил: – не скрою, если бы у меня было еще несколько таких интересующихся книгами покупателей, как Вы и Николай Квициниа, то я смог бы месячный план выполнить за пятнадцать дней. Но, к сожалению, абхазам трудно покупать книги, это не только из-за нехватки денег.

Я не стал заходить внутрь магазинчика, куда Хухута приглашал хозяин, а остался снаружи, разглядывая витрину. Слова продавца книг о том, что абхазы и в старое время, и сегодня прохладно относятся к покупке книг, совершенно справедливы. Отчего это, почему мы не хотим покупать книги? Неужели нам трудно понять, что они, сотворенные человеческим разумом духовные памятники превыше всего?

Среди книг, купленных в магазинчике, был и «Ларец мудрости». Один экземпляр он купил мне, а другой – себе. И сегодня она находится в моей библиотеке.

– Это хорошая книга, прочти, в ней много мудрых мыслей, неплохо было бы даже перевести ее, к тому же, великая культура китайского народа, их фольклор и литература имеют тысячелетнюю историю, – сказал Хухут и дал мне в руки купленную для меня книгу.

Безусловно, я тогда же прочел книгу и мне очень понравились мысли, заложенные в коротеньких баснях.

Спустя ряд лет, однажды я пришел к Хухуту Бгажба домой (это было незадолго до того, как произошел с ним несчастный случай). На его письменном столе лежала, написанная его аккуратным почерком рукопись и книга «Ларец мудрости». Увидев, что я заинтересовался, сняв очки, обратился ко мне:

– Эту книгу, возможно, ты помнишь, мы купили с тобой у Джамфера, царствие ему небесное. Из этой книги несколько басен я перевел на абхазский язык. Было бы лучше, перевести всю книгу и издать ее отдельно. Она многое может сказать подрастающему поколению, но нет у нас возможностей. Просмотрю еще раз и затем отдам редактору Борису Тужба (Тыжәба) несколько глав, чтобы он опубликовал их в газете «Апсны», и несколько басен отдам Николаю Квициниа для «Алашара».

Больно, что Хухут Бгажба не успел осуществить свое желание. После его смерти я сам отдал его рукопись – перевод редактору «Апсны». Они опубликовали несколько из этих переводов выборочно, но оставшихся, еще нигде не опубликованных гораздо больше.

Для того чтобы пояснить суть, Хухут Бгажба написал к ним маленькое предисловие: «Эти китайские басни очень древние, большинству из них удивительно много лет – около двух тысяч. Каждое поколение с любовью передавало эти басни последующему поколению. Их рассказывали крестьяне, в своих домах, им обучают детей в школах, с удовольствием их слушают рабочие, воины, пожилые люди, старики. Любят, потому что это – рассказы о доброте и совести; говорят о мудрости, истине, смелости, труде и справедливости; они осмеивают лень, лживость, жадность, высокомерие, алчность и бахвальство.

Я очень надеюсь, что они очень понравятся и тем, кто прочтет их на абхазском языке, прежде всего, детям, что они полюбят эти мудрые притчи.

Я перевел их на абхазский язык с русского языка, из книги под названием «Ларец мудрости», изданной в 1961 году в Москве».

Вызывает большое сожаление, во-первых, то, что он не успел перевести всю книгу, всего переведено на русский язык 42 рассказа, во-вторых, и переведенное в большинстве своем остается не опубликованными, лежит в его архиве, готовые к изданию, как и многие другие труды ученого.

* * *

Хухут Бгажба с ранней юности писал стихи. Среди них есть несколько опубликованных. К ним относится стихотворение «Воевать за свою Родину!», вошедшее в маленький сборник «За Родину»(1941) Ответственным редактором этой книги был литературный критик, тогдашний председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, М. Делба. Рисунок на обложке был сделан писателем Г. Гулиа. В предисловии к сборнику от имени АбГиза говорится: «Весь советский народ как один, вместе с непобедимой Красной Армией воюет против кровопийцы – гитлеровской фашистской Германии, вероломно напавшей на нашу страну.

В этой Отечественной войне советского народа не остались в стороне и наши писатели.

Писатели Абхазии (было бы правильнее сказать абхазские писатели, ибо в этот сборник вошли произведения только абхазских писателей – Р. К.) с большим воодушевлением приумножают свои произведения, посвященные героической борьбе трудящихся и Красной Армии.

В эту небольшую книгу вошли несколько из этих произведений».[1]

В сборник вошли стихотворения Дмитрия Гулиа, Мушни Хашба, Чичико Джонуа (тогда он писал Аджапуа, еще не взял себе псевдоним – Джонуа), Хухута Бгажба, Ивана Тарба, Сандро Сангулиа, Артема Амкуаб (Амқәаб), Камуга Хурцлаа.

Здесь я хотел бы вспомнить о том, что позже, на основе этой маленькой книги, талантливый поэт и прозаик, самоотверженно защищавший родину во время Великой Отечественной войны (1941–1945) Чичико Джонуа, издал отдельной книгой произведения абхазских поэтов и писателей, погибших в Великой Отечественной войне – С. Кучбериа, В. Чичерия, В. Капба, Р. Джопуа, П. Ануа, С. Цабрия, К. Хурцлаа, Ш. Ториа.

В статье, написанной Чичико Джонуа вместо предисловия, говорится: «…Сборник я озаглавил «За Родину!». Потому что, молодые поэты, чьи произведения в нем собраны, были совсем юными. Они с оружием в руках самоотверженно воевали ради защиты Родины. Я и сегодня горжусь ими: в моей памяти они остались героями, бесстрашно идущими вперед на разгром фашистских захватчиков, вероломно на-

[1] *«За Родину!», Сухум, 1941, с. 4.*

павших на нашу страну, вместе со всей непобедимой Красной Армией.

Прошли десятилетия! Может, если эти молодые поэты, чьи имена названы в этом сборнике, могли бы прочитать свои произведения, укорили бы меня:

– Что же ты сделал?! Зачем же вытащил на свет божий даже те наши произведения, которых мы не печатали в свое время, стыдясь их несовершенства, от которых отказались, считая их слабыми?!

Но я бы сказал им в ответ:

– Но как долго мне нужно было ждать, ведь вы же все не возвращаетесь…».[1]

Да, так и не смогли вернуться домой эти молодые поэты. Они отдали жизнь за Родину, которую разнесли в клочья и уничтожили уже совсем другие люди. Если бы им было суждено выразить себя в абхазской литературе сполна (такое счастье выпало очень немногим), то литература наша смогла бы еще больше расправить свои крылья, но… Об этом и сожалел поэт Ч. Джонуа.

Книга «За Родину!» увидела свет в первые месяцы войны, когда многие из молодых поэтов уже ушли на фронт. К. Хурцлаа оттуда прислал свое стихотворение, Ч. Джонуа написал свое стихотворение перед отправкой на фронт, другие еще находились в тылу, но и дела и слова их были направлены на борьбу против фашистских захватчиков. В то время слово писателя было особо значимым, оно воодушевляло народ, звало его к сопротивлению, борьбе. Книга была небольшой по своему объему, но имела большое значение. В ней показаны героизм и бесстрашие абхазского народа, который наряду со всеми народами Советского Союза встал на защиту Великого Отечества. Эта идея раскрывается и в стихотворении Хухута Бгажба «Воевать за Родину».

Родина моя, люблю тебя больше жизни я,
Поднял я свое оружие, иду воевать,
Стремлюсь, и жажду поразить врага,
Отдам я душу, не пожалею за это жизни своей я.
Не будет силы, способной остановить нас,
Весь наш народ встал на героический путь…

[1] *«За Родину!», с. 11.*

Стихотворение «Воевать за Родину» отражает тогдашний настрой и готовность сыновей наших. Несомненно, в то время абхазской литературе были необходимы подобные стихотворения. С ними перекликалось и стихотворение Хухута Бгажба, но это не означало, что он считал себя поэтом. Кто лучше критика Хухута Бгажба мог знать, сколь ответственно «звание» поэта, что этот «титул» является в литературе самым священным. Но все же, для себя, он и до последних лет своей жизни писал стихи. Своим аккуратным чистым почерком записывал их в маленькие блокноты, которых немало.

В те времена, когда выход в свет абхазских книг был чрезвычайно редким явлением, когда наглухо закрывали наши национальные школы – в 1947 году – Хухут Бгажба собрал и издал сборник «Поэты Абхазии». В этом сборнике опубликованы два его стихотворения: «Наш город», «Сухум» подписанные его литературным псевдонимом – Мзауч Абрыскил. Он любил этот псевдоним, потому что, во-первых, Мзауч – чисто абхазское имя, а во-вторых, фамилия – имя героя абхазского народного эпоса Абрыскила давала ему романтическое чувство.

Я как-то спросил Хухута: «Почему Вы не публикуете свои стихи?

«Нельзя же печатать все, что пишем, Руслан», – коротко ответил он мне.

Война еще не закончилась, возможно, это было в конце 1944 года. Хухут Бгажба на неделю приехал из Сухума к нам в Арасадзыхь. На письменном столе лежал маленький блокнотик, весь исписанный стихами, это были написанные им стихи. Я, улучив время, когда его не было в комнате, прочитал все стихотворения, которые там были записаны его красивым почерком. Когда как-то напомнил ему, запомнившееся мне из этого блокнота стихотворение, он очень удивился. Приведу одну строфу из этого стихотворения:

Алыча в ольшанике
Пышно расцвела.
По пашне скакала горлинка
Щипала траву…

– Это я имел в виду алычу, которая растет в саду нашего дедушки Екупа, она так красиво и пышно расцветала весной, что

озаряла своим светом все вокруг, – сказал он тогда, и, вытащив из своего письменного стола старый, потерявший свой цвет, блокнотик, прочитал мне оттуда несколько стихотворений, – их я писал не для публикации, а просто для себя, как говорят русские, для души, когда любовь к поэзии переполняла всего меня, – сказал он мне, и, спрятав свой блокнот обратно в стол, перевел наш разговор на другую тему.

Теперь же, когда его нет в живых, читая хранящиеся в его архиве стихотворения, уверен в том, что их стоит печатать, и не только в качестве литературного наследия. Понятно, Хухут Бгажба был литературным критиком, языковедом, фольклористом, но по своей природе ему не было чуждо стихотворчество, он всей душой любил поэзию. иначе не сумел бы перевести на абхазский язык и классические поэтические произведения мировой литературы.

Хухут Бгажба писал не только стихи, но и прозаические произведения. В середине 30-х годов прошлого столетия он написал повесть «Пастухи». Отрывок из нее («Удачной охоты. дад!») вошел в хрестоматию по абхазской литературе.

Я думаю, если появится возможность издать все творчество выдающегося ученого и писателя, то не останутся в стороне и его художественные произведения. Ведь это наследие, а к нему нужно относиться с уважением.

ХУХУТ БГАЖБА – ДЕЯТЕЛЬ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как отмечал ученый Ш. Д. Инал-ипа, огромен вклад Хухута Бгажба в написание программ и грамматики абхазского языка, в составление хрестоматий абхазской литературы.

Действительно, Хухут Бгажба очень интересовался образованием абхазского народа, проблемами школ, составлением и написанием учебников для абхазских школ. Он начал заниматься этой деятельностью с 40-х годов. Х. Бгажба принадлежал к тем ученым, у которых не опустились руки даже тогда, когда закрыли абхазские школы. Даже в то суровое время он продолжал составлять программы и литературные хрестоматии для абхазских школ. В 1949 году, когда судьба нашей нации

висела на волоске, он написал и издал учебник грамматики абхазского языка для 3–4-х классов.

Он имеет собственную биографию. Дело в том, что прежде, чем издать любой учебник, он должен быть утвержден в министерстве образования. Но учебник, о котором идет речь, был издан без разрешения министерства образования Абхазской АССР.

– Отчего так вышло, Хухут, почему первое издание Вашей грамматики не было утверждено? – спросил я, когда он работал над третьим изданием этого учебника.

– Да, читатель видит, что ту мою книгу «не окрестило» министерство образования Абхазии. Когда я написал эту книгу, то за разрешением на издание книги, я пришел к министру Сигуа. Мы были знакомы, он внешне очень приветливо принял меня, как родного. Голос у него был басисто-хриплым, звучал, словно слова отскакивали от стенки.

Когда я сказал о цели своего прихода и показал ему рукопись книги, он потемнел лицом, словно что-то схватило его за горло, а затем, посмотрев на меня, процедил:

– Но ведь есть грамматика (не прибавил слова «абхазская»), которую написал Шакрыл, для чего эта нужна, или же ты написал эту, «разрушив» ту? – спросил он.

– Нет, грамматика Константина Семеновича написана для старших классов, а моя – для начальных, – сказал я, и, не вдаваясь больше в подробности, остановился, желая услышать, каков будет ответ министра.

– Если написали – издайте ее, только министерство не будет утверждать. Нам не это нужно, у нас совсем другие планы. Мы должны обеспечить школы учебниками, по которым абхазы смогут хорошо учить грузинский язык, – сказал он сухо, без тени приветливости. Я молча вышел из его кабинета, но мне сильно не понравилось, что он отказал утвердить право на издание книги, хотя и сказал сухо «издай».

Придя, домой, рассказал Андрею Максимовичу Чочуа о том, как меня принял Сигуа. Ему не понравился мой рассказ. Некоторое время сидел молча, а затем сказал: «Знаешь, что Хухут, конечно, лучше, когда учебник утвержден Министерством образования, стал бы более законной книгой, но и без этого издать можно, да и дети смогут учиться по нему».

Автор учебника сумел просто и доходчиво донести до школьников, что такое грамматика, дать им понятие о предмете. Вот что он пишет во введении: «Грамматика учит нас законам языка, например, построению слов, их изменению, дальнейшему взаимодействию. Грамматика делится на три части: фонетика, морфология, синтаксис.

Фонетика показывает нам звуки, составляющие слова. Морфология отражает форму слов, правила их изменения. Синтаксис же показывает взаимодействие слов, их взаимосвязь.

Изучение грамматики имеет огромное значение: благодаря ей мы познаем правила языка, учим писать правильно, говорить чисто.

Человек отличается от животных и своей речью, потому что, он наделен способностью говорить, словами выражает свои мысли. Животное не может говорить, произносить слова; человек же говорит, произносит слова. Слово – средство выражения человеческой мысли.

Абхазский язык не везде одинаков. Бзыбские абхазы называют огурец – анаша, форель – акамлах; кнут – аканчы; А абжуйцы говорят: акьантыр, акалмах, акамчы.

В абхазской речи мы видим местные особенности. Они называются диалектами или местным говорами. Но существует еще общий для всех нас абхазский язык. На общем языке мы пишем газеты, книги, журналы... Подобный общий язык называют литературным языком.

Впервые абхазский литературный язык основал известный абхазский писатель Дмитрий Гулиа».[1]

После этого шло определение предложения, его составных частей, правописания и т.д. – все, что относится к программе 3–4-х классов.

Этот учебник после 1953 года был переиздан неоднократно уже по утверждению министерства образования Абхазской АССР. С каждым переизданием автор его дорабатывал, что-то обновлял, упрощал, делал доступнее для детского понимания.

Во время четвертого издания (1991) он привлек к совместной работе над книгой опытного методиста, специалиста абхазского языка и литературы М. И. Нинуа. С тех пор в других изданиях (1996, 1998) соавтором неизменно выступала М. И. Нинуа. В них авторы намного улучшили качество и содержа-

[1] *Х. С. Бгажба. Абхазский язык. Грамматика и правописания. Учебник для 3-х и 4-х классов. Сухум, 1949.*

ние учебника, обогатили его образцами литературных произведений.

Также Хухут Бгажба и Мара Нинуа совместно написали учебник «Абхазский язык» для 3-го класса. Он был издан в Сухуме, в 1981 году.

Х. Бгажба был соавтором и составителем неоднократно изданного учебника «Родная речь» для 3-го класса (вместе с П. Х. Адзинба, С. Л. Зухба) и литературных школьных хрестоматий для 9–11-го классов.

После обратного перевода абхазского алфавита с грузинской на основу русской графики, понадобились значительные изменения в правописании. Дело не терпело отлагательств, нужно было все сделать быстро. Ибо абхазская наука, образование, школы, литература – все должно было вернуться к алфавиту, основы которого были заложены еще в 1865 году. Это случилось в 1953–1954 учебный год. Одним из первых за разрешение этой проблемы взялся Хухут Бгажба.

В ноябре 1954 года он опубликовал на страницах «Апсны капш» работу «Правила абхазской орфографии».

Позже она была издана отдельной книгой (1955) В ее предисловии Хухут Бгажба писал: «Орфография, говоря иначе, правописание, имеет большое значение для дальнейшего развития и удобства литературного (письменного) языка... Для дальнейшего развития абхазского литературного языка и его усовершенствования нужно особое внимание уделять орфографии, необходимо утверждать ее правила, словом, нужно установить общее и обязательное для всех правописание.

До сих пор проблемам абхазской орфографии не уделяется достаточного внимания, они остаются как бы на втором плане. Правила правописания во многом расходятся, являются объектом споров, не установлены, кроме того, и существующие правила также не соблюдаются, например, когда слова нужно писать слитно, раздельно или через дефис. Также не установлены нормы написания послеслогов: мы их то пишем раздельно от слова, то вместе со словом (ашкол азы – ашколазы; ашкол аҷы – ашколаҷы; ашколаԥны). Таких слов, которые пишутся по-разному, достаточно много.

При установлении общего правописания, прежде всего, должно учитываться грамматические особенности абхазского языка и формы развития абхазского литературного языка.

Учитывая то обстоятельство, что абхазский язык принадлежит к младописьменным языкам, при установлении норм правописания, нужно активно использовать разговорный

язык. При установлении правил письма (особенно в тех случаях, когда слова пишутся по-разному, например: данцалакь – данцалагь – данцалак), иногда нужно принимать ту форму, которая имеет наибольшее распространение в письме, к чему более привычен читатель.

Так как язык не отражает давних литературных традиций, основой правописания абхазского языка должен служить фонетический принцип, в то же время, и морфологический принцип тоже должен выполнять вспомогательную функцию...

Эти два принципа являются предметом спора, но все же пока фонетический принцип не имеет преимуществ».[1]

Хухут Бгажба пишет: «В абхазском языке немало слов, которые пишут в двух, трех разных формах. Безусловно, на одном только правиле трудно остановиться, здесь нужно отметить несколько вариантов и форм одного слова, а затем и самостоятельное развитие каждого из этих вариантов. После этого мы можем остановиться на одном из вариантов. Но и в этом случае, бывает, когда необходимо оставлять и параллельные формы, например: дцоит, дцауеит, дцон, дцауан и т.д. Главной формой можно считать форму, в которой содержится звук о: дцон, дцоит, но все же нельзя отказать и параллельным формам: дцауан, дцауеит. Далее, и эти последние формы правильны с точки зрения словообразования, широко внедрились в язык и являются крайне полезными для абхазского поэтического языка. Поэтому устранение этих форм может в некотором роде ослабить богатство абхазского языка.

Для дальнейшего полноценного развития абхазского языка огромное значение имеет понимание и выделение диалекта, являющегося его основой. Основой любого литературного языка является один из территориальных диалектов. В период установления абхазского письменного языка был применен более легкий по звучанию, удобный по своей фонетической системе – абжуйский диалект. Фонемы, содержащиеся в этом диалекте, являются общими для всех абхазских диалектов».

Как далее отмечает ученый, в литературном языке отражается фонетическая система абжуйского диалекта. Но это вовсе не означает, что в литературном языке должны отразиться все без исключения особенности абжуйского диалекта. Как известно, множественные формы итак должны дифференцироваться, к тому же преимущество должны получить более устойчивые

[1] *Х. С. Бгажба. Правила абхазской орфографии. Сухум – 1960, с. 3–4.*

формы, являющиеся общими для всех, которые содействуют дальнейшему развитию языка.

«Развитие литературного языка не зависит только от одного диалекта, если он и является его основой, потому что, в обогащении литературного языка принимают участие, содействуют и другие, не являющиеся его основой, диалекты, говоря иначе, одну лишь только основу, опорный диалект нельзя считать литературным языком. Понятие литературного языка намного шире, многое и из диалекта, который служит его основой, он может и не принять. Таков характер развития и абхазского литературного языка. Из диалекта в литературный язык входят слова, дополняющие его лексику. Бывает, когда два слова оспаривают формы, например, слова с одинаковым содержанием: аҵш, аҵьыҟәрси (кукуруза). В письменном языке преимущество получило слово, которое применяют в бзыбском диалекте, – аҵьыҟәрси. (Правда, это слово знакомо и в абжуйском диалекте, но там больше знают – аҵш), – писал Хухут Бгажба.

Автор «Правил абхазской орфографии» отмечает, что это – не учебник, но затем все же добавляет, что и в школе ими можно пользоваться при изучении грамматики абхазского языка. Кроме того, эта работа может помочь людям, занимающимся составлением и написанием абхазских учебников и словарей, а также работникам издательств газет и журналов.

Во время подготовки ко второму изданию эта книга прошла через Комиссию, занимающейся установлением норм абхазского литературного языка, и сам автор ввел в новое издание много исправлений.

«Правила абхазской орфографии», написанные Хухутом Бгажба в 1954 году, более 60 лет честно служили абхазской письменности.

Со временем работа Хухута Бгажба, посвященная правилам абхазской орфографии, не потеряла свое значение. Хотя нововведения последних десятилетий, кардинально изменили состояние нашего алфавита. Это связано с тем, что в эпоху становления абхазской письменности, ее основоположниками П. Усларом, И. Бартоломеем, Д. Гулиа, К. Мачавариани, А. Чочуа, для упрощения орфографии, губные звуки не были указаны как самостоятельные буквы. Уже в наше время под руководством академика Ш. К. Аристава эти губные звуки признаны самостоятельными буквами. После этих изменений многое в созданных Х. Бгажба орфографических правилах не соответствует и не совпадает с нынешними правила-

ми письма. Шесть нововведенных знаков в наш алфавит изменили многое. Это понятно. Только до сих пор нет ясности, насколько полезны эти изменения. Единственное, о чем мне хотелось бы сказать (возможно, есть и другие люди, придерживающиеся подобной точки зрения) – насколько проще будут правила абхазской орфографии, настолько будет проще писать и читать на абхазском языке. С этой точки зрения, на мой взгляд, работа Хухута Бгажба, служившая абхазской письменности свыше 60 лет, была написана более упрощенно и последовательно, лучше соответствовала основному грамматическому строю абхазского языка, особенностям его фонетической системы.

Недавно введенные в наш алфавит знаки, ставшие самостоятельными буквами, стали дополнительным, излишним грузом для читателей, как это было при всех сменах алфавита. Поэтому для непосредственного и поступательного развития письменности, художественной литературы нужно внимательнее относиться к опыту и традициям, которые были приобретены. Пренебрежительное отношение к ним, частые нововведения (когда вполне терпимо то, что есть, и оно не мешает общему процессу развития), к чему скрывать, не дадут положительных результатов. Мы должны понимать, что нет в мире одного алфавита, способного в полном объеме охватить и объединить все звуки того языка, которому он служит. Подобного алфавита нет в целом свете ни у одного народа, никогда не было и, вряд ли, когда-нибудь появится. Тогда, почему же мы, абхазы, наказываем себя? Не лучше ли сохранить, и с уважением относиться к тому, что имеем, оберегая себя от частых изменений и нововведений, к чему мы в последнее время так пристрастились! Если не портить и не мешать, оно может еще долгие годы служить нам.

Подчас возникают идеи о новом алфавите абхазского языка. Это меня беспокоит. Ведь нельзя пренебрегать тем прекрасным, что мы имеем.[1]

---

[1] *См. Р. Х. Капба. Не все подвластно времени. Сухум, 2004, с. 436 – 446.*

Эпилог

К чему скрывать, меня в процессе работы над этой книгой часто тревожило – сумею ли раскрыть всю глубину и многообразие личности выдающегося человека. К тому же герой книги Хухут Бгажба был очень близким мне человеком. Это, с одной стороны, облегчало мою задачу, но во многом и затрудняло ее.

Хухут Бгажба был человеком высокой культуры, выдающимся ученым. Сын Абхазии.Его научная и творческая деятельность была обширной и всесторонней. Поэтому уверен, что в дальнейшем будут новые исследования, в которых гораздо глубже и лучше будут изучены и раскрыты жизненный путь и творческая деятельность Хухута Салумановича. И, если в этом священном и благородном деле моя книга станет полезным источником, я смогу сказать, что достиг цели.

Что касается личности академика Хухута Бгажба, несмотря на все вызовы и перипетии жизни, он последовательно и смело шел к намеченной цели. И, хотя ему выпало жить и творить в сложную и противоречивую эпоху, испытать горечь потерь и лишений, благодаря острому уму, необыкновенному таланту и огромной любви к народу и родной земле, он сумел сотворить тот богатый духовный памятник, который никогда не сможет перемолоть мельница круговорота времени.

Сухум, 2004–2009

Автобиография
Хухута Соломоновича (Саламановича) Бгажба

Родился 15 октября 1914 года в селе Гуп Очамчирского района в крестьянской семье. После смерти отца в 1924 году детские годы прошли в селе Арасадзых у братьев моей матери. Два года учился в Очамчирской девятилетней школе; впоследствии окончил Абхазскую образцовую школу имени Н.А. Лакоба в 1933 году Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина в 1937 году.

После окончания учебы, с осени 1937 года я начал работать в Абхазском институте (АбНИИ) и ответственным секретарем Союза писателей Абхазии, был членом редколлегии, а затем редактором литературно-художественного журнала „Апсны капги". Но в дальнейшем я решил продолжать свою учебу в аспирантуре по филологии, избрав специализацию по Общему языкознанию и абхазскому языку.

В конце 1938 года по рекомендации академика С.Н. Джанашиа я поступил

в аспирантуру Института языкознания Академии наук Грузии, которую окончил в конце 1941 года, защитив кандидатскую диссертацию на тему „Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе". В 1969 году в Тбилисском государственном университете защитил докторскую диссертацию на тему „Фонетико-морфологические и лексические особенности бзыбского диалекта абхазского языка".

С 1942 года моя научная деятельность протекает в Абхазском институте, где занимал должности старшего научного сотрудника, зав. отделом языка и литературы, зам. директора (1949–1953), директора (1953–1966); зав. отделом литературы и фольклора, с 1988 года – ведущий научный сотрудник, а с 1996 года – главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии.

Литературная и научная деятельность началась в 1933 году, когда вышла моя книга „Краткий очерк современной абхазской литературы". В том же году

я был принят в члены Союза писателей СССР. Эти мои литературно-критические начинания положительно оценили Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба, что меня ободрило и настроило двигаться дальше в том направлении.

Печатаюсь с 1930 года. С тех пор опубликовал более 200 исследований, статей, очерков (в том числе 10 монографий). В круг моих научных интересов входит изучение вопросов абхазского языка, литературы и фольклора.

Значительное место в моей научной деятельности занимают исследования по абхазскому языку, среди которых следует выделить: „Об относительно-союзные частицы в абхазском глаголе", „Бзыбский диалект абхазского языка" (2-е издание с исправлениями во 2-м томе моих „Трудов", 1988), „Очерки по абхазской лексике", „Вопросы абхазской орфографии", „Бзыбский диалект и его говоры", „Из истории письменности в Абхазии", „Некоторые вопросы топонимики и этнонимики Абхазии", „Об абхазских племенах и диалектах"; соавтор грамматики абхазского языка, соавтор и главный редактор „Русско-абхазского словаря" и т.д.,

а также являюсь автором учебников по абхазской грамматике для начальной школы.

С 30-х годов изучаю актуальные и узловые вопросы абхазской литературы, которые нашли свое отражение в ряде трудов: „Абхазская литература. Критические очерки", „Статьи и исследования", „Бессмертное имя", „Страницы из летописи дружбы"; соавтор и главный редактор „Истории абхазской литературы" (т.т. 1); автор хрестоматий по абхазской литературе для X и XI классов; вхожу в авторский коллектив ряда центральных изданий, среди которых: „Краткая литературная энциклопедия" (в 9 томах), „Мифы народов мира" (в 2-х томах), „Мифологический словарь", „Украинская советская энциклопедия", „Грузинская советская энциклопедия" и т.д.

Вместе с тем моя научная работа включает в себя и фольклорные изыскания, собирание и публикация текстового материала народной поэзии, сказок, пословиц (в том числе книга „Абхазские сказки" на русском языке, переведенной на словацкий, украинский, грузинский и эстонский языки).

Провел значительную текстологическую

работу, в результате которой подготовлены много к печати (с предисловиями и комментариями) и изданы сочинения абхазских писателей и ученых (Д. Гулиа, С. Чанба, А. Чочуа, И. Когония, В. Агрба, А. Хашба, Н. Джанашиа, А. Чукбар, Д. Маан (Маргания), С. Бжания, В. Маан, О. Демерджипа и др.).

В 40-70 годах в Сухумском госпединституте им. А.М. Горького читал курс лекций по абхазской литературе, Введению в языкознание и Общему языкознанию. В 1945-1948 гг. был председателем Союза писателей Абхазии (по совместительству).

В течение 50 лет я собирал документальные материалы и редкие книги по абхазоведению, составившие личный архив, значительная часть которого издана отдельными книгами или вошла в собрание сочинений ученых и писателей.

В настоящее время, наряду с научной работой, выступаю с докладами и сообщениями на научных конференциях и сессиях, а также со статьями и очерками в периодической печати и в телепередачах.

Неоднократно избирался депутатом Верховных Советов Абхазии и Грузии; член Союза писателей с 1933 года. Награжден Орденом „Знак почета", медалями и Почетными грамотами; Заслуженный деятель науки Абхазии и Грузии, лауреат Государственной премии Абхазии имени Д. И. Гулиа.

Х. С. Бгажба,
главный научный сотрудник Абхазского института, академик АНА.

10-08-99г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На холме Капбовых (Қапаархәы), под Большим Ореховым деревом 5
«Утром у него убили брата…» 18
Три года в лесу 46
В глубине холодной Сибири 50
Обет 52
Хозяйство и Семья 56
Матия Капба-Бгажба 65
Хухут Бгажба и братья его матери 68
В Очамчырской школе 71
Пароходом в Сухум 76
Хухут и Горская школа 81
Дорога в Москву 98
Московский государственный педагогический институт 99
Тайна студента 101
Снова в Сухуме 113
Абхазский институт 123
Труд и почет 173

Основатель абхазской литературной критики 197
Дальнейшие шаги 216
Без боязни и ложной скромности 251
Об идейно-художественном мастерстве 293
Поиски и находки 318
Статьи и исследования 352
«И это хорошо…» 414
Хухут Бгажба – языковед 424
«В груди звучит далекая песня…» 454
Хухут Бгажба – историк 489
Бзыбский диалект абхазского языка 522
Хухут Бгажба – фольклорист 549
Абхазские сказки 582
Хухут Бгажба – переводчик, писатель 586
Хухут Бгажба – деятель народного образования 598
Эпилог 605
Автобиография 606

Руслан Капба

ХУХУТ БГАЖБА

Жизнь и творчество

Редактор Л. Амзытба
Корректор М. Квициниа
Техредактор Л. Анфимова
Художник Р. Габлиа
Компьютерная верстка Н. Гунба

Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Тираж 300 экз.
Физ. печ. л. 19,25. Усл. печ. л. 32,34.
Заказ №

Отпечатано в ООО «Флер-1»
350058, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2